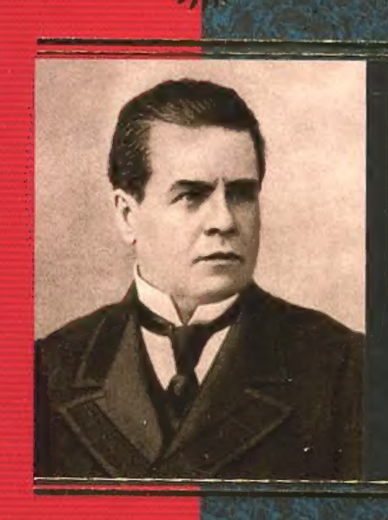

АЛЕКСАНДР ПОЛОВЦОВ

ДНЕВНИК ГОСУДАРСТВЕННОГО СЕКРЕТАРЯ

1883—1886

МЕМУАРЫ И ДНЕВНИКИ

А.А. ПОЛОВЦОВ

ДНЕВНИК ГОСУДАРСТВЕННОГО СЕКРЕТАРЯ

В ДВУХ ТОМАХ

ТОМ I

1883—1886

Москва
ЦЕНТРПОЛИГРАФ
2005

ББК 63.3(2)-8
П52

Серия основана в 2005 году

Под общей редакцией авторов проекта
Валентины Алексеевны БЛАГОВО
и Сергея Алексеевича САПОЖНИКОВА,
членов Российского Дворянского Собрания

Оформление художника И.А. Озерова

*Иллюстрации из собрания
А.А. и С.А. Сапожниковых*

Половцов А.А.

П52 Дневник Государственного секретаря: В 2 т. Том I. 1883—1886 / Предисловие Л.Г. Захаровой. Комментарии. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. — 605 с.

ISBN 5-9524-1196-7 (Т. 1)
ISBN 5-9524-1989-5

Дневниковые записки известного государственного деятеля Российской империи конца XIX — начала XX века являются интереснейшим историческим документом своего времени и приобретают особую ценность для современного читателя.

В книге колоритно представлены практически все государственные деятели эпохи трех последних российских императоров и проблемы, стоявшие перед ними, прежде всего контрреформы и так называемая консервативная стабилизация.

Охватывающий целое десятилетие российской политической и придворной жизни конца XIX века двухтомный дневник государственного секретаря А.А. Половцова открывает новую серию издательства «Центрполиграф» «МЕМУАРЫ И ДНЕВНИКИ».

Эта серия будет интересна широкому кругу читателей, интересующихся отечественной историей, а также специалистам — историкам, государственным и общественно-политическим деятелям, ученым, причастным к формированию новых духовных ценностей возрождающейся России.

Уточненный именной указатель к I и II томам помещен в конце II тома. Издание впервые снабжено иллюстрациями.

ББК 63.3(2)-8

ISBN 5-9524-1196-7 (Т. 1)
ISBN 5-9524-1989-5

100-летию со дня рождения Петра Андреевича Зайончковского посвящается переиздание этой книги

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Петр Андреевич Зайончковский был выдающимся русским историком, и осуществленное им в 1966 г. издание дневника государственного секретаря А.А. Половцова стало крупным событием в жизни всех интересовавшихся тогда отечественной историей. Книга не потеряла актуальности и в настоящее время, и предпринимаемое нами ее переиздание — дань нашего уважения памяти историка в связи со 100-летием со дня его рождения.

Предисловие ко второму изданию дневника любезно согласилась написать одна из самых известных учениц Петра Андреевича доктор исторических наук, профессор Лариса Георгиевна Захарова.

Настоящее издание, как и первое, осуществляется в двух томах и охватывает периоды 1883—1886 гг. (1-й том) и 1887—1892 гг. (2-й том). Сохранена структура, в которой комментарии составлены и пронумерованы по годам и приведены в конце каждого тома. Именной указатель и сведения в нем уточнены и дополнены. Он исполнен один на два тома и помещен в конце 2-го тома. В биографическом очерке об А.А. Половцове сноски и комментарии П.А. Зайончковского сохранены постраничными.

В отношении орфографии мы также ориентировались на издание 1966 г. Написания источников, архивов и обращений оставлены такими, как они были даны П.А. Зайончковским, с указанием при необходимости современного названия при его первом появлении в тексте. Современный читатель конечно же заметит, что у А.А. Половцова очень высокая оценочная планка и он не скупится на раздачу иногда резко негативных эпитетов в характеристиках людей, с которыми он сталкивается на государственном поприще.

А.А. Половцов и подозревать не мог, какие политики и какие политические нравы восторжествуют на территории Российской империи уже через 10 лет после его смерти. А П.А. Зайончковский был вынужден жить и творить в этих жестоких условиях... Надеемся, что читателю будет нетрудно сделать соответствующие коррекции упомянутых оценок и в итоге остаться глубоко благодарными и А.А. Половцову, и П.А. Зайончковскому за сохранение для потомства такого замечательного исторического свидетельства, каковым является эта книга.

Издательство «Центрполиграф»

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Предлагаемое читателям переиздание дневника А.А. Половцова за 1883—1892 годы представляется более чем своевременным. Впервые опубликованный П.А. Зайончковским в 1966 г., дневник Половцова был по достоинству оценен исследователями и стал уже библиографической редкостью[1]. Между тем именно в настоящее время дневник Половцова приобретает особую ценность.

Это связано прежде всего с повышенным интересом к личности и царствованию Александра III, к проблеме контрреформ и так называемой «консервативной стабилизации». За последние десять лет появились солидные монографии, посвященные правительственной политике и государственным деятелям 1880—1890-х годов[2], издаются и переиздаются воспоминания приближенных Александра III[3].

А.А. Половцов также принадлежал к сравнительно немногочисленному кругу лиц, пользовавшихся доверием Александра III еще в бытность его наследником престола. В 1860—1870-е годы их сближала деятельность Императорского русского исторического общества (оно

[1] Дневник государственного секретаря А.А. Половцова в двух томах. Т. I. 1883—1886 гг. Т. II. 1887—1892 гг. Редакция, биографический очерк и комментарии П.А. Зайончковского. М., 1966; Рецензии на это издание вышли в России, Англии, Германии // Петр Андреевич Зайончковский. Библиографический указатель. 2-е изд. М., 1995. С. 23

[2] П о л у н о в А.Ю. Под властью обер-прокурора. Государство и церковь в эпоху Александра III. М., 1996; С т е п а н о в В.Л. Н.Х. Бунге. Судьба реформатора. М., 1998; П и с а р ь к о в а Л.Ф. Московская городская дума. 1863—1917. М., 1998; К о р е л и н А.П., С т е п а н о в С.А. С.Ю. Витте — финансист, политик, дипломат. М., 1998; А н а н ь и ч Б.В., Г а н е л и н Р.Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 1999; Г р и ц е н к о Н.Ф. Консервативная стабилизация в России в 1881—1894 годах. М., 2000; Александр III. Воспоминания. Дневники. Письма // В серии: Государственные деятели России глазами современников. Вступительная статья, составление, примечания д.и.н. В.Г. Чернухи. СПб., 2001 и др.

[3] Князь Мещерский. Воспоминания. М., 2001; Мемуары графа С.Д. Шереметева. М., 2001.

находилось под покровительством наследника престола, а Половцов, будучи сперва секретарем, а с 1879 г. — председателем Общества, являлся его фактическим руководителем). Именно благодаря своей близости к императору, Половцов занял в 1883 г. пост государственного секретаря. При этом его кандидатура представляла собой компромисс между сторонниками либеральных преобразований, преобладавшими в Государственном совете (А.А. Абаза, А.В. Головнин, бар. А.П. Николаи, Н.И. Стояновский, М.С. Каханов, Е.А. Перетц и др.), и сторонниками реакции, которым симпатизировал император (гр. Д.А. Толстой, А.Е. Тимашев и др.). Несмотря на острые споры, происходившие в Государственном совете в 1880-е годы, Половцов сохранял свой пост на протяжении десяти лет.

Это десятилетие обстоятельно освещено им на страницах его дневника. Половцов дает яркое описание заседаний Государственного совета, сообщает ценнейшие сведения о разработке правительственного курса, о подготовке контрреформ, о спорах в правящих кругах империи. В дневнике резко очерчены фигуры Александра III, вел. кн. Михаила Николаевича, К.П. Победоносцева, гр. Д.А. Толстого, А.А. Абазы, Н.Х. Бунге, М.Н. Островского. Причем отличительной чертой дневника является то, что его автор не только дает свои оценки и наблюдения, но и подробно излагает суждения своих собеседников и оппонентов. Тем самым мы получаем возможность услышать голос даже тех государственных деятелей, о позициях и взглядах которых больше нет практически никаких свидетельств.

Как страстный любитель русской истории, А.А. Половцов и в своем дневнике видел материал для будущего историка. Создатель Русского биографического словаря[1] невольно сравнивал себя с сановниками XVIII — начала XIX веков. А это, в свою очередь, позволяло увидеть современные события в исторической перспективе и заставляло за злобой дня угадывать грядущие судьбы России. Неудивительно, что, оставаясь верноподданным своего государя, Половцов был склонен критически оценивать происходящие события и действия сильных мира сего. Этот критический взгляд государственного человека выгодно отличает дневник А.А. Половцова от апологетических и зачастую лукавых оценок кн. В.П. Мещерского, гр. С.Д. Шереметева, С.Ю. Витте.

В целом дневник А.А. Половцова необходим не только профессиональным исследователям, но и каждому, кто хочет разобраться в русской истории конца XIX — начала XX веков.

Особо следует сказать о том, что полноценное издание дневника А.А. Половцова стало возможным благодаря трудам выдающегося рус-

[1] Русский биографический словарь, изданный под наблюдением /.../ А.А. Половцова. 25 томов. СПб., 1896—1918; Репринтное издание. М., 1991—1999: Русский биографический словарь. Неопубликованные дополнительные материалы в 8-ми томах. Т. 1—5. М., 1997—1998.

ского ученого Петра Андреевича Зайончковского, плодотворно изучавшего историю Государства Российского в те годы, когда все связанное с «царизмом» и «бюрократией» воспринималось как «классово чуждое» и лишенное всякого научного интереса. Помимо восьми своих монографий, Петр Андреевич оставил после себя ряд блестящих публикаций дневников государственных деятелей, многотомные библиографические издания и целую школу исследователей, по сей день продолжающих дело своего учителя[1]. В 2004 г. исполняется 100 лет со дня рождения П.А. Зайончковского. Настоящее переиздание дневника А.А. Половцова является выражением признательности как государственному деятелю, так и ученому, сохранившим память о нашем прошлом.

Доктор исторических наук,
профессор *Л.Г. Захарова*

Июнь 2003 г.

[1] Библиографию монографий П.А. Зайончковского, его публикаций источников (дневников П.А. Валуева, Д.А. Милютина, А.А. Половцова), его библиографических изданий о русской мемуаристике и справочниках см. в кн.: Петр Андреевич Зайончковский. 1904—1983 гг. Статьи, публикации и воспоминания о нем. М., 1998; статьи о П.А. Зайончковском и список литературы о нем см. там же.

А.А. ПОЛОВЦОВ

Биографический очерк

Александр Александрович Половцов родился 31 мая 1832 г. Отец его, Александр Андреевич, имел в Лугском уезде С.-Петербургской губернии родовое имение: с 1840 г. он служил чиновником в I департаменте Сената. Позднее, в конце 50-х годов, отец А.А. Половцова перешел в министерство государственных имуществ, где был членом Совета министра. Мать А.А. Половцова — Аграфена Федоровна Татищева, дочь майора Федора Васильевича Татищева, участника войны 1812 г.[1] Дворянский род Половцовых не отличался древностью и богатством; он ведет свое начало от белоцерковского полковника Семена Половцова (вероятно, Половца), сподвижника гетмана Богдана Хмельницкого. В 1702 г. Половцовым, уже дворянам, были пожалованы земли в Псковской губернии[2].

По окончании Училища правоведения в 1851 г. Александр Александрович Половцов поступил на службу в Сенат, где постепенно возвышался по иерархической лестнице. В 1865 г. он производится в действительные статские советники, в 1867 г. назначается обер-прокурором I департамента Сената, а в 1876 г. — сенатором.

Как утверждают современники, Половцов был человеком большого ума. Так, С.Ю. Витте, относившийся к Половцову без особой симпатии и характеризовавший его человеком антипатичным, угодливым и вместе с тем надменным, писал о нем, что «Половцов был человек несомненно умный, толковый, даже с государственным умом»[3].

Е.А. Перетц, А.А. Абаза, Д.М. Сольский и однокашник Половцова по лицею сенатор Э.В. Фриш также отзывались о нем как об умном, спо-

[1] Известный историк С.С. Татищев приходился двоюродным братом А.А. Половцову. Один из родных его братьев, Федор Александрович Половцов, — автор воспоминаний о событиях в Бездне в 1861 г. См.: Исторический вестник. 1907. № 10, 11.

[2] Всемирная иллюстрация. 1895. № 1372. С. 375.

[3] Витте С.Ю. Воспоминания. М.—Л., 1960. Т. I. С. 181.

собном человеке и хорошем администраторе[1]. Однако надменность, напыщенность и непомерное честолюбие Половцова отмечаются не только Витте, но и другими современниками (Д.М. Сольским и министром юстиции Д.Н. Набоковым)[2].

Эта характеристика в целом верна, однако не со всем в ней можно согласиться. Половцов, по нашему мнению, не являлся государственным деятелем типа Д.А. Милютина, П.А. Валуева, С.Ю. Витте. Это был умный и образованный чиновник, но неспособный к каким-либо большим политическим обобщениям и не обладавший цельной политической системой взглядов.

Большое влияние на положение Половцова в «высшем свете» и дальнейшую карьеру оказала его женитьба в 1861 г.[3] на 17-летней воспитаннице придворного банкира барона А.Л. Штиглица — Надежде Михайловне Июневой[4]. Она получила миллионное приданое, а после смерти барона Штиглица, в середине 80-х годов, стала его единственной наследницей, обладательницей состояния, по свидетельству Половцова, в 16—17 млн руб.[5]

Это обстоятельство в сочетании с природным умом и блестящей образованностью обеспечило Половцову его служебную карьеру и близость к «сильным мира сего». Он на «ты» с К.П. Победоносцевым, дружит с вел. кн. Владимиром Александровичем и близок к наследнику престола, будущему императору Александру III[6]. На пышных приемах у Половцовых бывали члены императорской фамилии, министры и представители высшей придворной знати.

В 1880 г. Половцов в числе четырех сенаторов назначается, по-видимому по совету наследника престола, для сенаторской ревизии, предпринятой в целях подготовки реформы местного управления, а также ряда других мероприятий. В течение 1880—1881 гг. он проводит ревизию Киевской и Черниговской губерний.

---

[1] Дневник Е.А. Перетца (1880—1886). М.—Л., 1827. С. 153—154.

[2] Там же.

[3] Дневник П.А. Валуева. М., 1961. Т. I. С. 66.

[4] Н.М. Июнева (Июни), по семейному преданию, была внебрачной дочерью вел. кн. Михаила Павловича от фрейлины «К» и была подброшена А.Л. Штиглицу в июне 1848 г. (отсюда и фамилия Июнева). Николай I принял некоторое участие в судьбе своей племянницы, сказав Штиглицу, что его интересует судьба подкинутого ребенка. (Эти сведения любезно сообщила нам Софья Александровна Половцова — жена старшего сына А.А. Половцова.) Наряду с этим имеется и другая, как нам представляется, малоправдоподобная, версия, по которой Н.М. Июнева была внебрачной дочерью самого Штиглица. Так, И.С. Тургенев в письме к Полине Виардо от 19 февраля 1871 г., сообщая о своем обеде у Половцова, писал о том, что последний женат «на побочной дочери банкира Штиглица» (Тургенев И.С. Полн. собр. соч. М., 1865. Т. IX. С. 22). От брака с Н.М. Июневой у Половцова было четверо детей: Александр, Петр, Анна и Надежда.

[5] См. наст. изд., т. I, с. 287.

[6] Дневник Д.А. Милютина. М., 1949. Т. II. С. 149.

В начале 1883 г. Половцов назначается государственным секретарем и одновременно получает звание статс-секретаря его величества. На этом посту он проводит почти десять лет, до середины 1892 г. Это период наиболее активной служебной деятельности Половцова. Поскольку председателем Государственного совета в это время был весьма ограниченный и трусливый вел. кн. Михаил Николаевич, страшно боявшийся своего племянника — Александра III, Половцов играл в делах Совета первенствующую роль. Он регулярно встречался с императором, постоянно информировал его о том, что происходит в Государственном совете. Он состоял членом Комитета финансов, привлекался к работе в различных комиссиях, имевших важное государственное значение. Так, в 1883 г. он участвовал в заседаниях комитета, рассматривавшего вопрос об уничтожении гражданских чинов, в 1885—1886 гг. — в комиссии по пересмотру учреждения об императорской фамилии.

В середине 1892 г. Половцов ушел с поста государственного секретаря и был назначен членом Государственного совета. В 1902 г. Половцов — член Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности. В 1905—1906 гг. он участвует в совещаниях по разработке учреждения Государственной думы и реорганизации Государственного совета в верхнюю палату. С 1906 г. Половцов вплоть до самой смерти — член Государственного совета.

Наряду с государственной деятельностью Половцов занимался и промышленно-финансовой. В 1883 г. он приобрел на имя жены Богословский горный округ в Верхотурском уезде Пермской губернии. Там в 1894 г. был построен крупнейший на Урале металлургический завод, названный Надеждинским в честь Н.М. Половцовой. Этот завод положил основание городу Надеждинску[1]. В 1895 г. создается Богословское акционерное общество, основная часть паев в котором принадлежала Половцовым. Половцовы были наиболее крупными акционерами Невской бумагопрядильной мануфактуры, Невской ниточной мануфактуры в Петербурге и Кренгольмской мануфактуры бумажных изделий в Нарве. Половцовым принадлежал ряд винокуренных и мукомольных производств в Тамбовской и Воронежской губерниях. Однако эта сфера деятельности Половцова была менее успешной. К концу его жизни капитал Н.М. Половцовой значительно уменьшился.

С.Ю. Витте в своих «Воспоминаниях» по этому поводу писал, что «Половцов... умудрился сделать так, что в конце концов, когда он... умер, то наследникам его осталось самое ограниченное состояние, т. е. состояние в несколько миллионов рублей... а все остальное было уничтожено. Говорю «уничтожено», а не проедено, потому что хотя он жил широко, но все-таки совсем не настолько широко, чтобы можно было прожить такое громадное состояние. Все время он занимался различными аферами:

---

[1] Надеждинск — в настоящее время г. Серов Свердловской области.

продавал, покупал, спекулировал и доспекулировался до того, что почти все состояние своей жены проспекулировал»[1]. Действительно, предпринимательская деятельность Половцова была неудачной, впрочем, как и у большинства российского дворянства. К тому же Половцов тратил огромные средства на Центральное училище технического рисования имени бар. Штиглица и особенно на приобретение различных коллекций для находившегося при нем промышленно-художественного музея.

Умер А.А. Половцов в своем имении, невдалеке от г. Луги, 24 сентября 1909 г. Похоронен в пригороде Нарвы рядом со своей женой и четой баронов Штиглиц.

Политические взгляды Половцова не отличались большой оригинальностью и по мере приближения его к старости становились все более ретроградными. Половцов — убежденный сторонник самодержавия, понимавший, однако, неизбежность его постепенной эволюции. «...Да хранит меня Бог от мысли о республике или даже о так называемом конституционном правлении, т. е. об одежде, шитой по чужой мерке, — пишет он в одной из своих записей, относящейся к марту 1874 г. — Нет, я приверженец монархической власти, я не навязываю новых форм, которые держал бы наготове за пазухой, но я высказываю убеждение, что существо и формы всякого дела живут и изменяются, что, следовательно, и существо и формы нашего правления должны изменяться»[2]. Он вместе с тем прекрасно отдавал себе отчет, что «самодержавное правление самодержавно только по имени, ограниченность средств одного человека делает для него всемогущество невозможным, государь зависим от других, от лиц, его окружающих, от господствующих мнений, от других правительств, от сложившихся в человечестве сил, то прямо, то косвенно высказывающих свое влияние»[3].

Половцов предполагал, что эволюция самодержавного строя в России в далеком будущем может привести к республике. «Мне все сдается, — рассуждал он в 1862 г., — что в отдаленном будущем возникнет союз славянских республик, основанных на совершенно самостоятельном народном развитии, быть может, этому союзу суждено обогатить человечество новыми условиями общественного быта, постепенность, бесстрастность, любвеобилие, здравомыслие славян, быть может, послужит для них источниками новой общественной жизни, в которой выкажутся особенности их духа, столь долго сдержанные историческими условиями их существования»[4]. Эти мысли «об идеальном союзе славянском» выходили за рамки существующей исторической действительнос-

[1] В и т т е С.Ю. Указ. соч. Т. I. С. 181. По мнению дельца Витте, подобные неудачные коммерческие операции — «аферы» говорили о «невозможном легкомыслии» и «глупости» Половцова.

[2] ЦГАОР СССР, ф. Половцова, д. 7, л. 69 (ныне ГАРФ).

[3] Там же, л. 68.

[4] Там же, д. 3, л. 188.

ти, в пределах которой Половцов оставался непреклонным сторонником самодержавия.

Его отношение к буржуазным преобразованиям 60-х годов XIX в. было в свое время положительным. В начале же XX в. Половцову казалось, что реформы эти были осуществлены слишком поспешно и, пожалуй, излишне радикально. «Так появились, — пишет он в дневнике за 1901 г., — судебная реформа, земские учреждения, свобода печати, городовое положение, классическое образование[1] и т. д. Все это было, без сомнения, необходимо, но не в тех размерах, не с тою быстротою, не в том подражательном иностранном духе, не без соображения с требованиями государственной жизни, с указаниями народной истории»[2].

Половцов решительно и неоднократно высказывался против общинной системы земледелия, презрительно именовал ее «табунным ковырянием земли»[3] и полагал, что она является оплотом социализма. Промышленная деятельность Половцова — крупного предпринимателя-капиталиста — не могла не отражаться на его политических взглядах, делая его сторонником буржуазного прогресса.

Он весьма скептически относился к придворно-чиновничьей среде, к которой и сам принадлежал. Так, характеризуя ее, Половцов подчеркивал «громадную бездарность и невежество, отличающие главных в петербургском правительстве воротил»[4]. Порой он выступал и против тех или иных архаических институтов и порядков. На одной из своих аудиенций у императора Половцов, как он пишет в своем дневнике, сказал следующее: «Если Вы, государь, в царствование свое уничтожите чины[5], общинное владение да половину праздников, так оставите после себя совсем другую Россию»[6]. Несмотря на некоторые противоречия, политические взгляды Половцова были по меньшей мере консервативны.

Его политическая программа по существу полностью совпадала с планом «обновления России», провозглашенным гр. Д.А. Толстым в середине 80-х годов устами своего подручного А.Д. Пазухина, идеолога дворян-

[1] Реформа классического образования отнюдь не может быть поставлена в один ряд с судебной, земской и другими реформами. Создание классических гимназий было реакционной мерой.

[2] ЦГАОР СССР, ф. Половцова, д. 53, л. 15. В 1861 г. необходимость связи реформ с народной жизнью, «требованиями государственной жизни» представлялась Половцову иначе. Так, рассуждая в дневнике по поводу назначения М.А. Корфа управляющим II отделением с. е. и. в. канцелярии, Половцов писал: «В наше время законодательственное усовершенствование народной жизни возможно только при искреннем глубоком согласии убеждений законодателя с историческим направлением эпохи. Всякое антидемократическое усилие сотрется как пылинка в неутомимом вращении мельничных жерновов» (там же, д. 3, л. 131).

[3] ЦГАОР СССР, ф. Половцова, д. 54, л. 22.

[4] Там же, д. 42, л. 44.

[5] Вопрос об уничтожении чинов дебатировался в правительственных сферах в 1863—1885 гг. См. наст. изд., т. I, с. 140 и комментарий 152 за 1883 г.

[6] См. наст. изд., т. II, запись от 14 марта 1892 г.

ской реакции. Концепция Пазухина—Толстого весьма несложна. Все несчастье России, по их мнению, происходит от того, что сословный (т. е. феодальный) принцип, лежащий в основе политических учреждений, заменен в 60—70-х годах бессословным (т. е. буржуазным). По мнению Пазухина, дворянство является той силой, которая способна возглавить общественную жизнь в России. Помещики — борцы за сохранение патриархальных отношений в деревне и защитники крестьянства от происков сельской буржуазии[1]. Эта ультрареакционная и вместе с тем демагогическая концепция требовала предоставления дворянству особых прав и привилегий. Идеализированный помещик-дворянин, «борец за счастье народное» представлялся и Половцову панацеей от всех зол. Об этом он говорит неоднократно. В дневнике 1900 г. он пишет: «Этот союз старших и меньших членов поземельной крестьянско-дворянской семьи много столетий лежал в основе нашего государственного устройства: благодаря твердости его Россия вышла победительницей из тех несчастий, коими изобилует ее история»[2]. Эту же точку зрения развивает Половцов и в своем разговоре с С.Ю. Витте в 1902 г. «В России, более чем в каком бы то ни было другом государстве, — говорит он, — политическим фундаментом правительственного здания является сельское население, а прочен этот фундамент тогда, когда крестьянская толпа находится под влиянием не случайных авантюристов, а, напротив, старших крестьянина братьев, крупных землевладельцев, представителей просвещения и по возможности бескорыстного труда. Вот этот порванный союз необходимо сколько возможно восстановить в той или иной форме. Вот на этом союзе надо воздвигнуть правительственный порядок, порядок, в коем чиновники являются исполнителями приказаний, а не каким-то особым привилегированным [сословием]»[3].

Таким образом, позитивная программа Пазухина—Толстого и Половцова по существу одинакова. Характерно, что во время обсуждения контрреформ в Государственном совете и в первую очередь проекта закона о земских начальниках Половцов не во всем был согласен с предложениями Толстого, считая их недостаточно консервативными. В письме к В.К. Плеве Половцов, объясняя свою позицию, сообщал: «Почему Вы считаете меня противником реформы земских начальников? Отнюдь нет. Я только хотел поставить ее тверже и консервативнее, чем то предлагал канцелярский чиновник граф Толстой»[4].

В росте революционного движения в начале XX в. Половцов видел реальную угрозу для существования монархического строя в России. Для

[1] Пазухин А. Современное состояние России и сословный вопрос. М., 1886. С. 33.
[2] ЦГАОР СССР, ф. Половцова, д. 51, л. 33.
[3] Там же, д. 54, л. 68.
[4] Там же, ф. В.К. Плеве, д. 1020, л. 11. Письмо не датировано.

спасения самодержавия, по его мнению, необходимо, во-первых, расширить его социальную базу путем разрушения общины и укрепления класса земельных собственников «во всех видах», во-вторых, ограничить произвол чиновничьей бюрократии и усилить ее ответственность перед верховной властью, постепенно привлекать «выборных для участия в трудах правительства»[1]. Как видим, Половцов не оригинален. С такой же или почти такой же программой выступали и другие представители сановной бюрократии. Более того, правительство после революции 1905—1907 гг. начало частично осуществлять ее. Однако самодержавие в России всем ходом исторического развития было обречено, и крах его был неизбежен.

Характеристика А.А. Половцова будет неполной, если не остановиться на его деятельности в «Русском историческом обществе». «Мне всегда казалось, — пишет Половцов в дневнике за 1866 г., — что издание памятников, документов составляет основание исторического изучения и что для сколько-нибудь серьезного ознакомления с историей Р[оссии] XVIII в. нужно прежде всего подумать об издании исторических документов... Не раз мне случалось заговаривать об этом с лицами, которых я считал способными оказать мне в этом содействие, но всегда тщетно. В конце 1865 г. мне посчастливилось, однако, встретить людей, которые помогли мне осуществить мою мысль. Первым я должен назвать А.Ф. Гамбургера»[2]. Предложение Половцова поддержал и министр иностранных дел кн. А.М. Горчаков. Уже в конце 1865 г. «Русское историческое общество» фактически существовало. Как указывал Половцов, 20 октября 1865 г. состоялось его первое заседание. Членами-учредителями общества были: историки К.Н. Бестужев-Рюмин, М.И. Богданович и академик А.Ф. Бычков, поэт П.А. Вяземский, видные чиновники министерства иностранных дел барон А.Г. Жомини и А.Ф. Гамбургер, директор архива министерства иностранных дел К.К. Злобин, председатель Департамента законов Государственного совета, автор реакционных исторических трудов барон М.А. Корф, воспитатель наследника престола ген.-ад. гр. Перовский, А.А. Половцов, обер-прокурор Синода гр. Д.А. Толстой, чиновник министерства народного просвещения журналист Е.М. Феоктистов.

А.А. Половцов в речи, посвященной памяти Александра II, возглавлявшего формально «Русское историческое общество», указывал, что задача общества заключалась в том, чтобы противодействовать нигилистической трактовке русской истории, получившей распространение в 60-х годах. «Жаждавшему узнать свое прошлое русскому народу, — говорил Половцов, — подносилась только неприглядная картина слабостей и недостат-

[1] ЦГАОР СССР, ф. Половцова, д. 54, л. 22; Красный архив. 1923. Т. 4. С. 85.
[2] Там же, д. 4, л. 244—345.

ков, влиявших на судьбы его; возвышенные, существенные стороны нашей государственной жизненной деятельности, создавшие великую и всем нам дорогую Россию, в литературе 60-х годов, за редкими исключениями, силою обстоятельств обходились молчанием, разрушавшим народную веру в себя и в правившие им силы»[1]. Именно в целях «восстановления исторической правды» в ортодоксально-монархическом смысле этого слова и было создано общество.

«Русское историческое общество» было официально создано в мае 1866 г. По уставу общества, рассматривавшемуся в Комитете министров и утвержденному Александром II, оно находилось в ведении министерства иностранных дел. Главная цель его, как указывалось в уставе, заключалась в том, чтобы «собирать, обрабатывать и распространять в России материалы и документы до отечественной истории относящиеся, как хранящиеся в правительственных и частных архивах и библиотеках, так равно находящиеся у частных лиц»[2]. Далее указывалось, что общество намерено издавать сборники, в которых будут публиковаться исторические документы «с объяснениями и комментариями, которые советом общества признаны будут необходимыми»[3].

19 октября 1866 г. был избран Совет общества. Председателем был избран кн. П.А. Вяземский, а секретарем, являвшимся фактически душой всего дела, — А.А. Половцов. С 1879 г. он становится председателем общества и остается им вплоть до смерти в 1909 г.

В деятельности общества на протяжении этого времени принимали участие крупные историки России: С.М. Соловьев, В.О. Ключевский, Н.И Костомаров, Н.Ф. Дубровин, П.П. Пекарский, В.И. Сергеевич, Я.К. Грот, А.Н. Филиппов, И.Е. Забелин, А.Н. Пыпин, С.Ф. Платонов, В.С. Иконников, Н.Д. Чечулин, А.Н. Попов и др.

За период руководства Половцовым (с 1866-го по 1909 г.) общество издало 128 томов «Сборников Русского исторического общества»[4], содержащих различные документы по истории России[5]. Огромная работа была проведена по изданию дипломатических документов, относящихся к истории России, из лондонских, венских, парижских и других заграничных архивов.

Кроме первых сборников (т. 1, 2, 3, 5, 6), посвященных разным вопросам, все остальные носили тематический характер. Основная масса этих томов содержит документы по истории XVIII в. Так, под редакцией В.И. Сергеевича, а затем Н.Д. Чечулина было издано 14 томов материалов Законодательной комиссии Екатерины II (т. 4, 8, 14, 32, 36, 43, 68, 93, 107, 115, 123, 134, 144, 147); 16 томов бумаг Екатерины II, подготовленных к печати в основном П.П. Пекарским и Я.К. Гротом (т. 9, 10, 13, 15, 17, 23, 33, 42, 44, 48, 51, 57, 67, 87, 97, 145). Большое место среди публикаций общества занимает дипломатическая переписка, извлеченная, как уже говорилось выше, из иностранных архивов. 14 томов составляет английская дипломатическая переписка XVIII в. (т. 12, 19, 39, 50, 61, 66, 76, 80, 85, 91, 99, 102, 103, 110); 23 тома — французская дипломатическая переписка XVIII — начала XIX в. (т. 34, 40, 49, 52, 58, 64, 70, 75, 77, 81, 82, 86, 88, 92, 96, 100, 105, 112, 119, 127, 140, 141, 143); 4 тома — австрийская дипломатическая переписка XVIII в. (т. 18, 46, 109, 125); 3 тома — прусская дипломатическая переписка XVIII в. (т. 22, 37, 72); 2 тома — донесения нидерландских посланников о России, относящиеся к первой половине XVII в. (т. 24, 116). К этой же группе опубликованных источников надо отнести дипломатические документы, извлеченные из архива министерства иностранных дел, составившие 10 томов: памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством в XV—XVII вв. (т. 35, 59, 71, 137, 142), с Ногайской и Крымской ордой в XV—XVI вв. (т. 41, 95), с Англией в XVI—XVII вв. (т. 38), со Швецией в XVI в. (т. 129), с немецким орденом в Пруссии в XVI в. (т. 53). Большое место среди публикаций занимают материалы, характеризующие внутреннюю политику XVIII в., а также начала XIX в. К ним относятся протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета 1726—1730 гг. (т. 55, 56, 63, 69, 79, 84, 94 и 101), бумаги Кабинета министров Анны Иоанновны 1731—1740 гг. (т. 104, 106, 108, 111, 114, 117, 120, 124, 126, 130, 138, 146), 1 том протоколов Конференции при высочайшем дворе 1756—1757 гг. (т. 136), 2 тома (т. 74 и 90) посвящены материалам Комитета 6 декабря 1826 г.

Все эти публикации сделаны на должном для того времени археографическом уровне. Исключение представляют публикации по XIX в., где по тем или иным политическим соображениям некоторые документы исключались (отдельные донесения французского посла в России Савари, письмо Александра I, в бытность его наследником, Лагарпу), о чем Половцов говорит в дневнике[1]. Кроме того, в частной переписке, относящейся к 20-м годам XIX в., не оговариваются купюры, относящиеся к деятельности декабристов.

Можно сказать без преувеличения, что публикации «Русского исторического общества» имели и имеют огромное значение для развития русской исторической науки.

Большой заслугой А.А. Половцова является издание энциклопедии выдающихся русских деятелей — «Русского биографического словаря», —

---

[1] Императорское русское историческое общество. 1866—1916. Пг., 1916. С. 5.
[2] Там же. С. 6.
[3] Там же.
[4] Издание этих сборников субсидировалось правительством и частью Половцовым из своих средств. Так, на издание сборников было затрачено 450 тыс. руб., из них Половцовым — 190 тыс. руб. (Императорское русское историческое общество. 1866—1916. С. 35).
[5] Помимо этого, шесть томов находились в наборе. Всего вышло из печати 148, последний — в 1918 г.

[1] Однако нигде это не оговаривалось.

предпринятое им на свои средства. Вопрос об этом издании впервые был поставлен Половцовым в 1875 г., однако работы по его подготовке начались лишь в первой половине 80-х годов. В словарь должны были войти биографии государственных и политических деятелей, писателей, ученых, художников и т. д. Комиссия общества, разрабатывая принципы издания словаря, считала необходимым придать ему справочный характер. В статьях словаря «должны быть помещаемы главным образом верные факты и хронологические данные, с устранением всяких личных рассуждений, и критические заключения, причем должны быть постоянно указываемы источники»[1]. Несмотря на это, статьи в «Русском биографическом словаре» не лишены, естественно, определенной политической направленности монархического толка.

В 1887—1888 гг. в двух вышедших томах «Сборников Русского исторического общества» (т. 60 и 62) был опубликован алфавитный указатель лиц, биографии которых предполагалось поместить в словаре. В основу отбора был положен принцип включения лишь лиц умерших.

«Русский биографический словарь» ввиду точности сообщаемых в нем фактов и наличия подробных биографических данных не утратил своего справочного значения и до настоящего времени.

Всего было опубликовано (с 1896-го по 1918 г.) 25 томов. Издание осталось незаконченным.

Издание как «Сборников Русского исторического общества», так и «Русского биографического словаря» является несомненной заслугой А.А. Половцова перед русской исторической наукой.

* * *

Литературное наследие А.А. Половцова сохранилось в виде дневника, который он вел почти всю свою жизнь. Дневник начинается 1859 г. и заканчивается 1908 г.[2] Первоначально записи носят отрывочный характер, и только с середины 70-х годов они становятся систематическими. В

[1] Императорское русское историческое общество. 1866—1916. С. 97.

[2] *Дневник хранится в ЦГАОР СССР в небольшом по объему фонде Половцова.* Фонд состоит фактически из одних дневниковых записей. Некоторые части их опубликованы в журнале «Красный архив». Отрывки из дневника с 8 апреля 1877 г. по 28 ноября 1878 г. опубликованы в 1929 г. (т. 2, с. 170—203); записи за 18 июня 1871 г. и 18 декабря 1883 г. — в 1933 г. (т. 1, с. 144—148); запись за 3 мая 1881 г. (беседа с гр. П.А. Шуваловым о Русско-турецкой войне, его переговорах с Англией после заключения Сан-Стефанского мира и о Берлинском конгрессе) — в 1936 г. (т. 4, с. 82—109); дневник с 27 октября по 29 декабря 1894 г. — в 1934 г. (т. 6, с. 168—186); дневник с 29 марта 1895 г. по 13 августа 1900 г. — в 1931 г. (т. 3, с. 110—132); дневник с 17 февраля 1901 г. по 10 января 1903 г. — в 1923 г. (т. 3, с. 75—172); дневник с 15 сентября 1905 г. по 10 августа 1906 г. и с 5 марта по 5 мая 1908 г. — в 1923 г. (т. 4, с. 63—128). Подлинный текст дневника за 1905—1908 гг. в фонде Половцова не сохранился; имеется машинописная копия, написанная по новой орфографии.

первой половине 90-х годов, после ухода Половцова с поста государственного секретаря, дневник приобретает менее систематический характер. Так, за весь 1894 г. сделано только 45 записей, за 1895 г. имеются нерегулярные записи за январь и начало февраля, за 8 марта, а затем за пять дней сентября и одна за октябрь. За 1896 г. имеются записи всего за три дня. За 1897 г. сделана лишь одна запись в форме воспоминаний, озаглавленная «Весна, 1897 год». В 1898-м и 1899 гг. записи крайне редки. В 1900 г. дневник ведется почти регулярно, хотя и не в течение всего года. Такое же примерно положение наблюдается в последующие годы. Половцов не вел дневника в период заграничных путешествий, продолжавшихся ежегодно несколько месяцев.

Дневник Половцова является, в самом строгом смысле этого слова, дневником, а не воспоминаниями в форме дневника, как это иногда бывает (см., например, «Дневник партизанских действий» Д.В. Давыдова, написанный им спустя 20 лет после Отечественной войны 1812 г.). Можно предположить, что мы имеем дело с беловым экземпляром. Основанием для этого является то, что в дневнике почти отсутствуют исправления, вставки и т. д. Имеющиеся исправления носят более поздний характер и, по-видимому, делались в предвидении публикации. Все они однотипны и ставят своей задачей несколько смягчить характеристику того или иного лица. Так, на протяжении всего дневника вычеркнуты нелестные характеристики министра юстиции гр. К.И. Палена. В качестве примера приведем запись за 15 июня 1872 г., выглядевшую первоначально так: «Разговор с Паленом, которого глупость ежедневно принимает поразительные размеры»[1]. Впоследствии придаточное предложение было зачеркнуто. Иногда это смягчение выражений касается других лиц или действий правительства. Так, слово «глупое» заменяется прилагательным «неумное», вместо слова «подлость» — «подобострастие» и т. д. Однако эти исправления сравнительно редки.

При изучении текста установлено, что иногда Половцов делал записи, по-видимому, за несколько дней сразу. Так, в записи за 5 февраля 1880 г. он сообщает о назначении гр. Лорис-Меликова начальником Верховной распорядительной комиссии, в то время как это назначение состоялось только 9 февраля[2]. Это находит свое подтверждение и в путанице чисел, относящихся к марту 1886 г. (вместо 15-го — 13-е, вместо 16-го — 14-е, вместо 17-го — 15-е, вместо 27-го — 26-е, вместо 28-го — 27-е число). Иногда записи помещаются не в надлежащей последовательности (так, часть записи за 26 и 27 апреля 1886 г. помещена после записи за 1 мая). Всех этих неточностей не было бы при каждодневной записи.

Дневник А.А. Половцова представляет собой весьма ценный исторический источник. Вращаясь в высших правительственных сферах, автор

[1] ЦГАОР СССР, ф. Половцова, д. 8, л. 106.

[2] Там же, д. 15, л. 156.

его, будучи человеком умным и наблюдательным, сообщает много интересных фактов, характеризующих политику правительства, описывает подробно быт и нравы великосветской среды. Особенно интересен дневник за период пребывания Половцова на посту государственного секретаря. За это время записи более подробны и обстоятельны. Без преувеличения можно сказать, что дневник Половцова за эти годы является хорошим, добротным комментарием к внутренней политике правительства и изучение ее без этого дневника было бы неполным. В нем сообщается много интересных фактов, характеризующих Александра III и его «царственных» братьев, приводятся интересные сведения, освещающие закулисную сторону правительственной деятельности, крайне важные для понимания исторических событий.

Несмотря на верноподданнические воззрения Половцова, его дневник рисует как императорскую фамилию, так и высшую бюрократию отнюдь не в привлекательном виде. Половцов без особого уважения отзывается об Александре II и называет его слабоумным[1]. Такого же он мнения и о сыновьях Александра II (за исключением Александра III, о котором в общем говорит положительно, хотя и считает его человеком «недальновидным»). Особенно отрицательно относится он к вел. кн. Сергею Александровичу, проконсулу московскому. «Если два старших его брата (Владимир и Павел. — *П. З.*) имеют презрение к человечеству, — замечает он в дневниковых записях за 1897 г., — то третий (Сергей. — *П. З.*) всецело пользуется презрением человечества»[2]. Даже о своем близком друге вел. кн. Владимире Александровиче он пишет: «Владимир — умный, сердечнодобрый, более других образованный, много путешествовавший, к сожалению, с самого детства был склонен к лени, рассеянности, обжорству»[3].

Довольно подробно освещает Половцов обстановку в придворных сферах в начале XX в., отмечая ограниченность и невежество, которыми характеризовались действия Николая II.

В дневнике не освещаются вопросы, связанные с общественной жизнью и литературой того времени, особенно с ее передовым демократическим направлением, вопросы революционного движения, за исключением кратких упоминаний фактического порядка. У Половцова мы не встретим каких-либо ярких и глубоких мыслей, обобщений, которые имеются в дневниках Валуева и Милютина, однако записи Половцова подробнее и содержат больше фактов, — и в этом заключается особая ценность его дневника как исторического источника. Поскольку Половцов непосредственно и регулярно общался с Александром III и императорской семьей, дневник его представляет большую ценность, нежели его предшественника на посту государственного секретаря Е.А. Перетца, который многое записывал с чужих слов.

[1] ЦГАОР СССР, ф. Половцова, д. 18, л. 65.

[2] Там же, д. 14, л. 23. Половцов здесь допускает ошибку (скорее оговорку. — *Прим. ред.*): вел. кн. Павел Александрович был не старшим, а младшим братом вел. кн. Сергея Александровича.

[3] Там же, д. 44, л. 20—21.

Вполне естественно, что Половцов в своем дневнике рассматривал описываемые им события сквозь призму восприятия крупного сановника, однако с фактической стороны, как уже говорилось выше, они не вызывают, как правило, сомнений.

* * *

Публикуемый дневник относится ко времени пребывания Половцова на посту государственного секретаря. Первый том охватывает период с 1883-го по 1886 г., второй — с 1887-го по 1892 г. включительно.

Публикация производится по новой орфографии и пунктуации, однако сохраняются особенности и разнобой в написании некоторых слов, старых грамматических форм («питие», «отправляюсь по поезду», «на бале», «из ряду») и названий, присущих эпохе и лично автору (дворец Аничкин, Аничков и Аничковский), фамилий (Долгорукий — Долгоруков) и географических названий (Сергиево — Сергиевское, Козья гора — Козьи горы). В отдельных случаях Половцов изменяет окончания в некоторых несклоняемых фамилиях (Дурново — Дурновым, Нессельроде — Нессельродом) и не изменяет в склоняемых. Весьма часто, говоря о том или ином лице, он сначала называет его фамилию или имя полностью, а затем обозначает их начальной буквой. В таких случаях фамилия или имя, если нет каких-либо сомнений, публикуется полностью и без скобок. После слова, прочтение которого вызывает сомнение, ставится вопрос в квадратных скобках. Унифицируется написание числительных и слова «час». Подчеркивания, сделанные автором, передаются курсивом. Зачеркнутые им слова помещаются в подстрочном примечании. Пропуски букв и явные описки исправляются без оговорок. Пропущенные слова вписываются по смыслу в квадратных скобках, неразобранные — отмечаются многоточием, заключенным в квадратные скобки, с соответствующим примечанием под строкой. Дневник публикуется без сокращений, многоточия в тексте принадлежат автору.

В отдельных случаях производится без оговорок изменение в порядке записей. Так, нами объединены в одно целое обе части записи за 25 апреля 1886 г., помещенные Половцовым между записями за 1 и 2 мая. То же пришлось сделать с разрозненными записями за 26 и 27 апреля. Наименование месяца, большею частью отсутствующее в тексте, дается в квадратных скобках без оговорок.

Перевод иностранного текста дается под строкой. При этом не оговариваются переводы с французского языка, поскольку он составляет бóльшую часть иностранного текста.

Общепринятые сокращения и слова, обозначающие титулы, чины, географические термины и другие (вел. кн., бар., гр., ген.-ад., тайн. сов. и т. д.), в тексте не раскрываются, за исключением тех случаев, когда после титула или чина не следует фамилия.

Во французском же тексте сокращаемые автором титулы и чины дописываются без оговорок (gr. d. — grand duc).

Комментарии носят реальный характер и, как правило, содержат библиографическую отсылку. К сожалению, ряд мест в публикуемом тексте не удалось разъяснить вследствие отсутствия необходимых сведений.

Текст подготовлен к печати научным сотрудником Института истории Академии наук М.Г. Вандалковской и научным сотрудником Центрального государственного архива Октябрьской революции Г.М. Лифшицем.

В сборе материалов для комментариев принимали участие научный сотрудник Института истории Академии наук СССР* Г.И. Щетинина и сотрудники Центрального государственного исторического архива СССР** Г.П. Павчинская и З.А. Кудрявцева. Именной указатель составила И.В. Будовниц***.

Приношу глубокую благодарность сотрудникам Отдела дореволюционных фондов Центрального государственного архива Октябрьской революции и Центрального государственного исторического архива, а также рецензентам — профессорам С.Н. Валку, С.Б. Окуню и кандидату исторических наук Р.Ш. Ганелину за помощь в подготовке дневника Половцова к печати.

П.А. Зайончковский

---

*Ныне Российской академии наук.

**Ныне РГИА.

***С уточнениями в этом издании, сделанными ответственными редакторами серии В.А. Благово и С.А. Сапожниковым.

ДНЕВНИК ГОСУДАРСТВЕННОГО СЕКРЕТАРЯ

ТОМ I
1883—1886

1883 год

1 [*января*]. Я назначен государственным секретарем. Накануне я зашел к Рейтерну, застал его дома нездоровым, хандрящим и отдающим себе полный отчет в успешном ходе быстро разрушающей его болезни. Разговор между двумя старыми петербуржцами коснулся, разумеется, и служебных передвижений. Рейтерн сообщил мне, что на место Мансурова он назначает управляющим делами Комитета министров Куломзина. Относительно государственного секретаря я выразил весьма искреннюю надежду, что на эту должность назначен будет Марков. Окончив пешеходную прогулку, я по обыкновению зашел в яхт-клуб, куда одновременно со мной приехал мой камердинер уведомить меня, что вел. кн. Михаил Николаевич прислал звать меня к себе как можно скорее. Я, разумеется, тотчас поехал к вел. князю, который повел меня в свой кабинет, и здесь произошел приблизительно следующий разговор.

Вел. князь: «Я имею сообщить Вам сюрприз, вот телеграмма, полученная мною сейчас из Гатчины от государя». Телеграмма содержала выражение желания государя, чтобы я был назначен на место государственного секретаря, и поручение вел. князю предложить мне это место. Подлинных слов я не припомню. *Я:* «Ваше высочество, это для меня громовой удар. Я решительно ничего подобного не ожидал». *Вел. князь:* «Но вы принимаете это предложение?» *Я:* «Ваше высочество, мы живем в такое время, что если бы государь считал необходимым для пользы отечества назначить меня будочником, то и тогда, по всей вероятности, я бы принял это назначение, но, Ваше высочество, позвольте мне сказать Вам, что я не гожусь на это место». *Вел. князь:* «Почему?» *Я:* «Потому что я 32 года служу в Сенате; я привык при разрешении дел иметь в виду только закон, а на посту государственного секретаря нужно вести политику, это дипломатический пост, не отвечающий моим способностям». *Вел. князь:* «Но ведь и в Государственном совете мы имеем прежде всего в виду закон. Вы хорошо знаете, что Государственный совет был учрежден для того, чтобы ус-

тановить известный контроль над действиями министров. Министры всячески стараются обойти Государственный совет, но надо отдать справедливость Перетцу в том, что он высоко держал знамя Государственного совета, и я, разумеется, всеми силами ему помогал. Я категорически поставил вопрос государю: хочет ли он сохранить за Государственным советом принадлежащее ему, по мысли основателя, его значение; он отвечал мне утвердительно, но я заметил, что государь не доверяет Перетцу, и потому я счел нужным сказать ему: «Если ты не доверяешь Перетцу, то ты должен избрать человека, которому бы ты вполне верил», — и вот Вы тот человек, которому он вполне верит. Я не скрою от Вас, что были произнесены еще другие имена, но, как видите, он остановился на Вас». *Я:* «Я должен еще сказать, Ваше высочество, что вот уже десять лет, как я прекратил канцелярскую деятельность, и мои лета и здоровье не позволят вновь приняться за нее, как я это сделал бы, быв моложе». *Вел. князь:* «Действительно, труда Вам будет очень много, но, во-первых, у Вас обширная и прекрасная канцелярия, так что Вам самим не придется быть редактором, а во-вторых, у вас четыре месяца полной каникулярной свободы. Главная обязанность Ваша будет заключаться в том, чтобы направлять дела, да еще в том, чтобы писать для государя самые краткие извлечения из посылаемых ему мемории. Это составляет секрет и заведено лишь при нынешнем государе для облегчения его в многочисленных его занятиях. Уговор с государем такой, что эти бумажки он уничтожает по прочтении. Несмотря на то что по делам государь принимал мнения Перетца, я замечал в нем все большее и большее недоверие к государственному секретарю и, признавая, что это имеет вредное влияние на дела, решился сказать ему, что если он не доверяет Перетцу, то должен избрать лицо, которому бы доверял. Впрочем, недоверие к Перетцу не есть выражение личного его расположения, а тут есть нерасположение к брату Константину, разжигаемое Толстым и Победоносцевым. Государя уверяют, что по поводу предстоящего рассмотрения в Государственном совете нового университетского устава Головнин получил письмо от вел. кн. Константина Николаевича, выдержки из коего развозит по городу. Я предложил государю вызвать Головнина и личным с ним разговором рассеять эту сплетню». По поводу назначения Старицкого председателем Департамента законов вел. кн. Михаил Николаевич сообщает мне, что при отъезде весною бар. Николаи с согласия, выраженного тогда государем, место это предложено было бар. Николаи, теперь же государь не хотел слышать ни о бар. Николаи, ни об Абазе, а предлагал Тимашева и лишь неохотно помирился на назначении Старицкого.

Запись в дневнике за 1 января 1883 г.

Вернувшись домой, узнаю, что у меня был министр внутренних дел гр. Толстой и просил зайти к нему в 8 час. Иду к Толстому. Он мне рассказывает, что был в этот день с докладом у государя в Гатчине и государь советовался о назначении меня государственным секретарем, что он выразил этому сочувствие и что вел. князь мне предложит это место. Оказывается, что государь послал телеграмму вел. князю тотчас после доклада Толстого. Толстой рассказывает мне еще, что государь за несколько дней пред тем спрашивал у него, кого назначать членами Государственного совета, и Толстой указал на Фриша и Мансурова; Рейтерн, ничего не знавший о назначении Мансурова, обиделся этою проделкою, видя в этом интригу против него. Толстой заявляет мне, что считает меня консерватором, на что я спешу заявить, что я считаю себя сберегателем порядка, но не имею той приверженности к чиновничеству, которая его отличает, что я считаю необходимыми условиями управления равноправность гражданскую пред судом, пред налогом, политические права желаю предоставить более образованным, имущественным классам, не состою врагом земства, если оно будет поземельное, а не кабацкое, считаю, что дворянство, т. е. вотчинное, поземельное дворянство, не следует уничтожать, а по возможности давать политическую власть на месте землевладельцу. Заявляю Толстому, что считаю его человеком государственным, хотя не разделяю совокупности его убеждений. Очень радуюсь, усматривая из его слов, что Победоносцев никакого участия в моем назначении не принимал, потому что никак не могу сочувствовать его взглядам, лишенным определенности и реальности.

Встретив Новый год у бар. Штиглица, нахожу по приезде дома указ о назначении меня государственным секретарем, ст.-секретарем, а также ленту Белого Орла[1].

В день Нового года большой выход при дворе в Зимнем дворце. Любопытны выходки и любезности людей, не только составляющих толпу, но также и имеющих претензию из нее выделиться. Случайное совпадение трех наград заставляет людей подозревать, что я — царский фаворит, которого в близком будущем ожидает вящее и быстрое возвышение. Во время обедни увожу в Георгиевскую залу Перетца, который рассказывает мне, в чем будут заключаться мои занятия, а также обстоятельства, вызвавшие его отставку, согласно с тем, что я уже слышал от вел. князя. Тимашев нападает на Государственную канцелярию, называя ее гнездом революционеров, которых надо разогнать. Я ему отвечаю, что никого из делопроизводителей не знаю. Набоков подходит поздравлять меня с полученною лентою; я

ему отвечаю, что при этой награде мне всего приятнее были слова государя, который сказал, что я получил награду своевременно вслед за получением ревизии. (Надо знать, что Набоков старался распространять слухи о неудовлетворительности моей ревизии.) Тотчас после выхода государь принимает получивших милости по Государственному совету, разумеется, при этом говорит лишь общие места, как, например: «Надеюсь, что Вы и теперь будете продолжать трудиться, как всегда трудились». Тут же откланивается уезжающий в Берлин посол Сабуров.

Расписавшись у всех вел. князей и княжон, заезжаю к Ребиндеру; бедный, честный человек очень серьезно болен.

Заезжаю еще к Победоносцеву, который по нездоровью сидит дома. Он прочитал о моем назначении в «Правительственном вестнике» и послал мне поздравления, не зная, кто именно назначен — я или брат мой[2]. Всем крайне недоволен. Как можно назначать Перетца в члены Законодательного департамента, это человек, у которого нет двух твердых мыслей, а лишь желание подделываться под господствующую ноту, от кого бы она ни исходила. Мансуров — полное ничтожество. Фриш еще во цвете лет и должен бы послужить активно на месте товарища министра юстиции. Моим назначением доволен. Является Филиппов, и я уезжаю. Вечером во французском театре.

2 января. В 10 час. надеваю мундир и еду являться новому начальнику вел. кн. Михаилу Николаевичу. В приемной разговариваю с его старшим сыном вел. кн. Николаем Михайловичем, который рассказывает, что имеет коллекцию в 25 тыс. бабочек, открыл три бабочки, неизвестные науке, посылает своего секретаря ежегодно путешествовать с этой целью. С вел. князем разговор о Государственной канцелярии и нападках на нее, в особенности об обвинении в сношениях чиновников канцелярии с журналистами. Вел. князь сообщает мне о назначении ст.-секретарем Рембелинского, который имел некоторые основание надеяться, что попадет в государственные секретари или по крайней мере будет исполнять некоторое время эту должность.

От вел. кн. Михаила Николаевича заезжаю к вел. кн. Владимиру Александровичу, который сообщает мне, что вел. кн. Михаил Николаевич советовался с ним и по его совету вызвал объяснение с государем относительно Перетца. Вел. кн. Алексея Александровича не застаю дома. В $11^1/_2$ час. дома продолжительный разговор с Рембелинским относительно внешней, обрядовой стороны моих обязанностей, как, например, получение и отправка бумаг, ход докладов и т. д.

В $1^1/_2$ у Перетца. Скромная, чиновничья квартира, присутствие мое в коей делает хозяина весьма словоохотливым и откровенным. По

его словам, вел. кн. Михаил Николаевич вернулся из Гатчино в среду вечером, получив отказ в назначении государственным секретарем Маркова. В четверг утром, когда я (пишущий сие) выходил из его кабинета, пригласив его на бал, то встретил в дверях Перетца, который и предложил меня себе в преемники.

Вел. князь нашел мысль счастливою, но поручил Перетцу предварительно собрать сведения о служебных моих качествах от лиц, коим они могут быть ближе известны. Перетц поехал к Набокову, который, не говоря обо мне положительно дурного, выразил сомнение в том, стану ли я трудиться, и предлагал в государственные секретари Голубева, а потом нынешнего обер-прокурора I департамента Евреинова. Фриш, а затем государственный контролер Сольский отозвались обо мне весьма хвалебно и притом горячо, указывая в особенности на то, что в эпоху гонения на Государственный совет и желания его унизить я сумею поддержать его значение и достоинство благодаря и моему характеру, и моему положению. С этими ответами Перетц вернулся к вел. князю, который немедленно поехал в Гатчино. Государь относительно меня выразился так: «Он умный человек, способный, честный, но иногда увлекается, и в этих случаях его сдерживает Победоносцев, с которым он дружен». Оставив у себя список кандидатов с моим именем, государь сказал вел. князю, что поговорит на другой день с Толстым, который будет иметь свой очередной пятничный доклад. Я уже описал здесь, что было после.

В 2 часа в залах канцелярии Государственного совета толпа чиновников. Перетц выражает им свою благодарность и грусть о разлуке с ними. Я говорю лишь следующее: «Государю императору угодно было назначить меня государственным секретарем, я не сомневаюсь в том, что оправдать столь лестное для меня выражение августейшего доверия я могу лишь при полном с Вашей стороны содействии, на которое и позволяю себе всецело рассчитывать». Затем идут частные представления отдельных главнейших делопроизводителей. Первое дело, о котором надо позаботиться, — дело денежное: назначение жалованья вновь назначенным членам Перетцу, Мансурову, Фришу. Еду соглашаться с Бунге, который выражает согласие оставить получаемые оклады Перетцу 12 800, Фришу 13 тыс., а Мансурову вместо получаемых 10 500 дать 12 тыс. Танцевальный вечер у Лопухиных-Демидовых на Моховой в доме гр. Стенбока, где когда-то давались огромные балы гр. Николаем Дмитриевичем Зубовым, а теперь хватает лишь места pour une petite sauterie*, так увеличилась роскошь.

* Для небольшого танцевального вечера.

3 января. Понедельник. В 11 час. у вел. кн. Михаила Николаевича. Разговор о делах, подлежащих докладу в этот день, не представляющих, впрочем, ничего серьезного. Вел. князь расспрашивает меня о подробностях моего столкновения с Чертковым во время ревизии[3]. В 12 час. завтрак у вел. кн. Владимира Александровича — вел. кн. Михаил Николаевич, вел. кн. Николай Николаевич, адъютант гр. Стакельберг и презренный Перовский. Выпрашиваю у вел. кн. Николая Николаевича позволение сыну его, Петру Николаевичу, быть у нас на бале, чего отец не хотел позволить, потому что ему всего 19 лет. За несколько минут до 1 часа еду в Государственный совет, где встречаю вел. кн. Михаила Николаевича. В заседании я должен читать указы о назначении и распределении членов, при этом тому, о ком идет речь, другие низко кланяются. Дела не представляют почти никакого интереса. Говорят Философов, Стояновский, Набоков.

Бал, на котором присутствуют вел. кн. Владимир Александрович, вел. кн. Мария Павловна, вел. князья Михаил Николаевич, Николай Михайлович, Михаил Михайлович, Петр Николаевич, Сергей и Павел Александровичи. Начинают танцевать в 11, а кончают в 5.

4 января. Вторник. Захожу к Валуеву, который отказывается от показаний Мансурова, будто бы при назначении его на должность управляющего делами Комитета министров обещано было содержание в 14 тыс. руб.

В $12^1/_2$ в Аничковском дворце. Ожидают доклада у государя Вангали и Воронцов-Дашков. Меня принимают прежде Воронцова-Дашкова и после Влангали. *Государь:* «Благодарю Вас за то, что Вы приняли должность государственного секретаря, до сих пор на эту должность никогда не назначался сенатор». *Я:* «Государь, я должен благодарить за лестное выраженное мне доверие. Если бы Вам угодно было послать меня исправником в Восточную Сибирь, то я и это поручение конечно бы принял, надеясь принести пользу отечеству».

Когда мы сели, то государь спросил меня любезно, удался ли наш бал, и затем спросил, что у меня в портфеле; я отвечал, что я привез всеподданнейший отчет о ревизии Черниговской губернии, что отчет этот содержит весьма краткое извлечение о сущности каждого из обсуждаемых мною вопросов, что сущность моего взгляда изложена в пространных записках и материалах, переданных по принадлежности подлежащим министрам и Кахановской комиссии[4], что ввиду сего я не вижу необходимости передавать его целиком или даже частями в Комитет министров, а достаточно передать его министру внутренних дел, у которого он и может остаться, что независимо от этих общих соображений я находил бы неудобным печатать одну последнюю страницу моего отчета, касающегося духовенства, что негодование, вызванное во мне просмотром дел Черниговской консистории, выразилось в резкой форме, которая служит лишь выражением моей привычки высказывать пред государем правду до конца, иногда утрируя эту самую правду вследствие понимания мною таким образом долга моего в отношении государя.

Государь: «Вы сообщили об этом Победоносцеву?» *Я:* «Да, государь, я передал ему в подробности ревизию консистории и предварил его о том, что именно доложу Вам».

Затем разговор перешел к новому моему назначению. Государь сказал приблизительно следующее: «Я сидел в Государственном совете, будучи вел. князем, и уже тогда меня коробило от направления, которое получали дела благодаря стараниям Государственной канцелярии. Я не имел доверия к Перетцу и поэтому сменил его; я надеюсь, что Вы дадите делу другое направление и перемените состав Государственной канцелярии. При докладе дел в Общем собрании сидит множество чиновников, которые передают сказанное в журналы; прежде был там сын Краевского, а теперь есть Семевский и Манн, состоящие в близких сношениях с журналистами. Я нарочно отказал в утверждении в должностях двух ст.-секретарей, потому что хотел, чтобы Вы их прежде узнали. Необходимо будет переменить теперешний состав канцелярии».

Я: «Ваше величество, я не знаю ни одного из главных делопроизводителей Государственной канцелярии и потому прежде всего считаю долгом ближе с ними познакомиться. Разогнать всегда легко, но организовать весьма трудно, кем заменить теперешних чиновников, начнутся происки, ходатайства для получения этих щедро награждаемых мест, и я могу очутиться с бездарными и негодными к службе лицами. К тому же направление и самая деятельность чиновников во многом зависят от начальника, и на моей обязанности будет лежать это высшее направление. Во всяком случае я считал бы полезным в этом деле не торопиться, я подожду обстоятельных, фактических сведений, обещанных мне гр. Толстым по предмету обвинений, возводимых на Государственную канцелярию».

Государь: «Конечно, торопиться не надо, но необходимо иметь в виду, что Государственный совет есть ближайшее, помогающее мне и правительству учреждение, а не противодействующее ему».

Я: «Точно так, ваше величество, но по мысли учреждения Государственный совет есть высшее контролирующее деятельность министров учреждение, а потому иногда оно бывает им неприятно, поэтому могут быть случаи, где мне представится необходимость независимо

от письменного доклада разъяснить что-нибудь лично, позвольте мне просить Вас указать мне пути, к которым я в таком случае должен прибегнуть».

Государь: «Как все министры и управляющие отдельными частями, Вы можете писать мне прямо, и я немедленно буду назначать Вам время приема».

Я: «Вы знаете, государь, по опыту, что я не злоупотребляю этим давно дарованным мне Вами правом».

Государь: «Да, знаю».

Таков был общий характер разговора. Между прочим, говоря о Перетце и недоверии к нему, государь рассказал мне предположение о передаче части дел Департамента экономии в особое отделение этого департамента с целью дать пост Абазе. «Предлагали также назначить Абазу председателем Департамента законов, но я отказал, не желая назначать на это место человека, который прямо заявил, что не разделяет моего взгляда на порядок управления».

Между прочим, государь спросил меня о том, намерен ли я продолжать оставаться членом Кахановской комиссии, но я отвечал, что мне кажется весьма неудобным заявлять мнения, которые, будучи подписаны государственным секретарем, впоследствии придут на обсуждение Государственного совета.

Говоря о недостатках, в коих обвиняются чиновники Государственной канцелярии, я намекнул на то, что эти самые обвинения служат доказательством того, что чиновничество не может почесться элементом, на который может надежно рассчитывать правительство, как силу для своих расчетов. На это государь немедленно возразил, что в других странах, как, например, Бельгии, Пруссии, Франции, чиновничество составляет такую силу, потому что его держат в строгой дисциплине.

В заключение я еще раз благодарил государя за оказанное мне доверие и просил сохранить между им и мною те добрые, человеческие отношения, которые так давно существуют и при коих только возможна плодотворная человеческая деятельность.

Из Аничковского дворца заезжаю к гр. Толстому, чтобы предварить его о судьбе моего черниговского отчета, а также вкратце передать сущность моего разговора.

В 3 часа у вел. кн. Михаила Николаевича, который выразил желание меня видеть, чтобы знать, что мне было сказано государем. Ему не нравится, что я испросил разрешение просить личных объяснений в случае необходимости, видит в этом как бы недоверие к председателю и выражает надежду, что я не стану пользоваться этим

предоставленным мне правом без предварительного его, вел. князя, согласия.

5 [января]. Очень удачная охота на лосей около Луги при 25° мороза.

6 [января]. Выход при дворе. Государь и вел. князья выходят на водосвятие, несмотря на 7° мороза стоят без шапок. Подле меня смотрит в окно на церемонию французский посол Жорес. На его удивление о том, как все эти военные в мундирах и без шапок выдерживают холод, замечаю ему, что это объясняет кампанию 1812 года. Вечер у Старицкого за делами.

7 [января]. Пятница. Объяснение со ст.-секретарем Кабатом, поручаю ему переделать журнал Общего собрания Государственного совета, чем он обижается. Вечер у вел. кн. Михаила Николаевича, танцуют 16 пар, в том числе императрица. Я играю в карты с вел. князьями Михаилом Николаевичем, Владимиром Александровичем, Рихтером и г. Шебеко. Государь, несмотря на антипатию к такого рода сборищам, весьма любезен и весел.

8 [января]. Суббота. В 11 час. доклад у вел. князя. Обидевшийся Кабат подал в чистую отставку, что, разумеется, весьма неприятно вел. князю. Еду все рассказать Ковалевскому, который находит весьма счастливым удаление от дел бездарного человека. В 1 час присутствую в качестве слушателя на соединенном присутствии Департаментов законов и гражданских дел. Дела весьма пустые. Вечер дома за делами.

9 [января]. Воскресенье. Дела, а потом визиты. Застаю Сольского и Набокова. Первый выражает надежду, что я поддержу падающее значение Государственного совета[5], второй сообщает интересные сведения о выходках ст.-секретаря у принятия прошений кн. Долгорукого по поводу заявления, мною сделанного, о том, что Долгоруков прислал в Государственный совет высочайшее повеление о пересмотре решения второго Общего Сената собрания по делу ген.-ад. Баумгартена, когда в марте месяце состоялось специальное высочайшее повеление, чтобы этого на будущее время не было[6]. По этому поводу Набоков рассказывает невероятное происшествие. 22 декабря, приехав к государю в Гатчино с докладом, он застал государя за чтением доклада, только что полученного от кн. Долгорукова. В докладе этом Долгорукий просил государя немедленно приостановить телеграммою доклад дела, касающегося его личного интереса и долженствовавшего быть доложенным в этот день в Кассационном департаменте Сената. Показывая эту записку, государь сказал Набокову: «Кажется, кн. Долгоруков меня подводит», и делу не было дано дальнейшего хода.

10 [января]. Понедельник. В 11 час. у вел. кн. Михаила Николаевича разговор о выходке Долгорукова. Вел. князь решается доложить государю и хочет сделать это вместе с Набоковым, у которого равным образом доклад по средам. В 12 час. завтрак у вел. кн. Владимира Александровича. Разговор об умершем принце Карле, который делал постоянные неприятности своему семейству при жизни и умер как нельзя более некстати — накануне празднования 25-летия свадьбы наследного принца. Сожаление вел. княгини о том, что откладываются балы. Заседание Общего собрания Государственного совета; по поручению вел. князя спрашиваю кн. Долгорукого о том, перенос дела Баумгартена согласен ли с высочайшим повелением, еще недавно подтвердившим этого не делать. Кн. Долгорукий отвечает, что так как он мне сообщил высочайшее повеление, то Государственный совет обязан исполнить повеление самодержавного государя. Прекращаю с ним всякий разговор и веду Фриша к вел. князю с тем, чтобы уговориться относительно доклада государю.

Из Совета заезжаю к Абазе, приехавшему накануне из Бухареста от дочери своей кн. Урусовой. Он очень интересуется всем, что делается, очевидно, весьма хотел бы попасть на деятельность.

11 [января]. Вторник. Сильно простудившись, сижу целый день дома и занимаюсь многочисленными, чуть не ежеминутно получаемыми делами. Надо читать и распределять входящие бумаги, назначать дела на доклад, исправлять журналы и т. д., словом, быть центром и организатором движения совокупных дел Совета.

12 [января]. Среда. В 10 час. у вел. князя по его приглашению. Здесь же министр юстиции Набоков. Речь о том, как доложить государю о переносе кн. Долгоруким жалобы на решение второго Общего собрания. Набоков начинает с того, что докладывает в подробности все дело и подтверждает правильность решения тем, что спрашивал мнения Старицкого (как он выражается, знахаря по меж[евым] делам), прежде чем высказать свое собственное мнение. Обсуждая возможность принесения государю жалоб на решения общих сенатских собраний, Набоков высказывает намерение предложить государю, чтобы такие жалобы были передаваемы председателю Государственного совета, который может поручать рассмотрение их одному из членов Совета по своему выбору.

Я говорю приблизительно так: «Ваше высочество, Дмитрий Николаевич говорил как министр юстиции и, конечно, из деликатности представил Вам сущность решения Общего собрания, в котором участвовал. Позвольте мне как государственному секретарю выразить убеждение, что сущность сенатского решения для Государственного

совета лишена значения. Здесь вопрос в том, можно ли допустить, чтобы кн. Долгорукий по своему усмотрению заваливал пустыми тяжебными делами высшее законодательное учреждение, деятельность коего имеет совсем иные цели. Я считаю необходимым установить, какой должен быть результат сегодняшнего всеподданнейшего доклада председателя Государственного совета совокупно с министром юстиции. Результат желателен один, чтобы государь разрешил оставить без исполнения высочайшее повеление о пересмотре дела Баумгартена в Общем собрании». После того зашла речь о том, что Баумгартен — председатель Общества Красного Креста и в этом качестве мог заручиться ходатайством императрицы. На это я возражал, что видел Рихтера, который мне засвидетельствовал, что просьба Баумгартена была подана ему и им препровождена к Долгорукому для доклада его императорскому величеству, что Рихтер для подтверждения этого показания обещал мне приехать в Аничковский дворец к тому времени, когда приедет к докладу вел. князь. После отъезда Набокова я еще сколько мог подкрепил храбрость вел. князя, который и в этом случае, как всегда, выказывал доброе, истинно честное человеческое чувство и, несмотря на мою докучливость, не имел никакого в отношении меня нерасположения. Доказательством тому может служить, что он высказывал мне сокровенное свое огорчение на то, что легкомысленное поведение Дондукова на Кавказе возбудило на месте всех серьезных деятелей. Пустая болтовня, осуждение всего сделанного при вел. князе, обвинения в казнокрадстве и т. п., угрозы разогнать всех служащих — вот что составляло до сих пор деятельность Дондукова; как при такой деятельности расширять права главноначальствующего, а между тем такое расширение необходимо в интересах поддержания власти на этой варварской еще окраине. «Я положил 18 лет жизни на этот край, и все, что теперь до меня доходит, очень для меня грустно» — таковы были заключительные слова вел. князя. Визиты членам Государственного совета. Застаю Галагана с распухшею от подагры ногою в довольно незавидном помещении меблированных комнат на Конюшенной, занят кавказским делом; Убри в довольно уютной квартире на самом конце Сергиевской с несколькими хорошими картинами, собранными в течение продолжительной дипломатической деятельности; гр. Путятина в скромнейшей наемной квартирке с сильным запахом кухни и оглушающим кашлем чахоточной дочери; гр. Лорис-Меликова, к удивлению не понимающего своего отпетого положения и по старой привычке наставительно объясняющего то или другое, что я смекаю гораздо лучше его; Небольсина, почтенного чиновника-труженика, годами и трудами достигшего высо-

кого положения в то время, когда [он] уже едва ли на что-либо годен. Дондукова застаю в Европейской гостинице, при этом знакомлюсь с его весьма почтенною женою и слушаю, как всегда, неумолкаемую болтовню.

В 5 час. приезжает к нам гр. Александр Алексеевич Бобринский и просит руки Нади[7] для старшего своего сына Алексея. Это неожиданное событие вследствие различия лет и некоторых других условий сильно смущает и жену мою и меня, несмотря на невозможность определительно указать малейший неблагоприятный факт.

13 [января]. Четверг. В $11^1/_2$ час. у вел. князя. Решаем послать на предварительное утверждение государя доклад, выражающий данную им накануне резолюцию, чтобы дело Баумгартена в Совете не рассматривать, а кн. Долгорукому подтвердить о соблюдении на будущее время законного порядка.

В 12 час. у бар. Штиглица, которому очень несимпатично предложение Бобринского. В 1 час заседание Департамента экономии, в коем разрешается на $5^1/_2$ млн сверхсметных кредитов. Можно ли говорить после этого о правильном государственном хозяйстве.

В $8^1/_2$ час. меня снова зовет вел. князь и показывает записку от государя, который сообщает, что при отъезде на Дон кн. Мирский получил высочайшее разрешение объявить, что в самом непродолжительном времени будет открыт в Новочеркасске кадетский корпус[8], между тем дело об этом открытии затягивается на неопределенное время в Государственном совете. По просьбе вел. князя еду к гр. Баранову, который в качестве председателя должен помнить о судьбе этого дела. Застаю Баранова, еле движущегося в креслах, за бумагами, несмотря на болезнь. Сообщает, что Мирскому в соединенных Департаментах отказано за неимением суммы около миллиона, которую он испрашивал. При этом выражено согласие на то, чтобы преобразовать в корпус одну из двух существующих в Новочеркасске гимназий. Отвожу ответ вел. князю, который с этим ответом едет к государю в Аничковский дворец, где надеется его застать, несмотря на то что государь с императрицею едут в этот день на танцевальный вечер к Воронцовым, что вдвойне жаль, во-первых, потому, что они еще находятся в трауре по только что умершем принце Карле Прусском, и, во-вторых, потому, что в этот самый день умер кн. Сергий Николаевич Урусов, который независимо от лежавших на нем государственных обязанностей занимал положение почти друга дома при покойном императоре и в особенности императрице.

14 [января]. Пятница. В $1^1/_2$ панихида в квартире кн. Урусова. Присутствуют государь, императрица, вел. кн. Михаил Николаевич,

других вел. князей нет, что — непорядок. Визиты членам Государственного совета. Застаю дома достопочтенного и скучнейшего Бреверна, тяжеловеснейшего Новикова, долго сижу у военного министра, который только и говорит о необходимости вооружить нашу западную границу, о том, что для России необходимо иметь укрепленную позицию на Дарданеллах, покуда англичане не сделали из них Гибралтара. Я ему отвечаю, что такие разговоры угрожают не только банкротством, но распадением государства, что если бы я был военным министром, то я повторял бы государю лишь одно, что Россия никакой войны вести не в состоянии и что поэтому тратить народные силы на военные приготовления безрассудно, что надо думать о развитии экономической жизни, а с этим развитием создадутся быстро всякие силы, в том числе и боевые.

15 [января]. Суббота. Продолжительное, но неинтересное заседание соединенных Департаментов, бал у Демидова — Сан-Донато.

16 [января]. Воскресенье. Отпевание кн. Урусова в Сергиевском соборе на Сергиевской улице. Присутствуют государь, вел. князья Владимир, Алексей, Сергей, Павел, Михаил с сыновьями и проч. При выходе из церкви столпившийся народ кричит «ура», когда государь отъезжает в санях. Вечер за писанием обычных еженедельных для государя извлечений из мемориий по делам Государственного совета за неделю 3—10 января. Бал у Кочубея.

17 [января]. Понедельник. В 11 час. обычный доклад у вел. кн. Михаила Николаевича, в 12 час. обычный завтрак у вел. кн. Владимира Александровича, в 1 час заседание Общего собрания Государственного совета. Ст.-секретарь у принятия прошений кн. Долгорукий приезжает объясняться с вел. кн. Михаилом Николаевичем, обиженный тем, что получил от меня бумагу с объявлением высочайшего повеления об оставлении без движения перенесенной им в Государственный совет всеподданнейшей жалобы ген. Баумгартена на определение второго Общего собрания[9], причем Долгорукому подтверждено не отступать на будущее время от законного порядка. Вел. князь объявляет Долгорукому, что советует ему просить об увольнении от должности*.

18 [января]. Вторник. Продолжение визитов членам Государственного совета. Вечером новая опера «Жоконда» с роскошною постановкою.

---

* *Далее зачеркнуто:* В 9 час. бал в Зимнем дворце на 2 тыс. человек, приглашенных больше, чем когда-либо, ужин великолепен по числу ужинающих и богатству старинного серебра.

19 [*—20 января*]. Среда. [На] 2 тыс. [человек] бал в Зимнем дворце*. С бала еду прямо на охоту с вел. кн. Владимиром Александровичем, герцогом Эдинбургским, Швейницем и гр. Шуваловым. Приезжаем в четверг 20. В $6^1/_2$ утра в Лугу, а оттуда к 8 час. в Рапти, где окружены три волка, коих и убиваем. Пообедав в Раптях, возвращаемся в Петербург к 8 час.

21 [*января*]. Пятница. Объявлена свадьба моей второй дочери Нади с гр. Алексеем Бобринским. Приезжают родители жениха, начинается кутерьма. Бал у вел. кн. Владимира Александровича. Я приглашен в партию государя с вел. кн. Михаилом Николаевичем, Рихтером и В.В. Зиновьевым. Играют в винт, и партия кончается 6 рублями. Государь рассказывает подробности посещения учебных заведений и сделанные им воспитанникам вопросы.

22 [*января*]. Суббота. В 11 час. доклад у вел. кн. Михаила Николаевича. В 1 час заседание соединенных Департаментов. Дело об открытии в Новочеркасске кадетского корпуса. Первоначально кн. Мирский требовал на четыре учебных заведения 2200 единовременно и 400 тыс. ежегодно. Вследствие отказа соединенных Департаментов теперь военный министр сбавляет свои претензии и ограничивается корпусом с прогимназиею, но соединенные Департаменты не хотят давать прогимназии. Делом интересуется государь вследствие напоминаний Воронцова, который дружен с Мирским; поэтому вел. кн. Михаил Николаевич присутствует при докладе. Вечером с дочерьми в симфоническом концерте, откуда заезжаю к Абазе, которого, разумеется, застаю одного. Говоря о положении наших финансов, он говорит: «Конечно, война привела наши финансы в бедственное положение, но и без того наследие Рейтерна было бы тяжело для всякого. Ежегодными займами в 15 тыс. фунтов стерлингов Рейтерн приучил государственный организм к принятию дозы, похожей на дозы морфия, без которого больной не может жить. Вдруг перестали отпускать этот морфий из аптеки, положение больного сделалось критическое». Говоря о Кахановской комиссии, Абаза передает остроумное слово одного из членов, Барыкова: «Мы играем в большую государственную игру, только на мелочь».

23 [*января*]. Воскресенье. Целый день за делами Государственного совета, мемориями, представляемыми по понедельникам государю.

24 [*января*]. Понедельник. Письмо от исправляющего должность ст.-секр. Кабата, который берет назад свою отставку. В 10 час. у вел. кн. Михаила Николаевича, который едет к обедне и завтраку в Аничков дворец, по случаю дня рожденья вел. княжны Ксении Александровны. Вследствие этого вел. князь опаздывает к заседанию на полчаса, а вел. кн. Владимир совсем не приезжает, а остается в Аничковом дворце слушать певчих Славянского. После заседания вел. князь вызывает Бунге, Островского, Дондукова и рассказывает приблизительно следующее: «Приехав в Петербург в январе 1880 г., я докладывал покойному государю о пожаловании нефтяного участка ген.-ад. Лазареву. Вслед за Лазаревым стали просить о подобных пожалованиях другие лица, и вскоре у меня составился список более чем в 30 имен. Из этих 30 я решился представить государю о 10, но покойный государь отложил мой доклад до второй недели поста, а между тем последовало несчастие 1 марта. По вступлении на престол нынешнего государя я докладывал его величеству о пожаловании нефтяных участков десяти лицам, и затем остался в казне участок в 42 десятины, которые положено было продать с тем, чтобы вырученные деньги были обращены на какое-либо полезное для Кавказа дело... На Кавказе существует общество св. Нины, которое имеет особое женское учебное заведение, на содержание коего покойная кн. Воронцова пожертвовала капитал в 100 тыс. руб. Делами этого общества заведовал некто кн. Эристов, пользовавшийся полным доверием жены моей и моим. Этот кн. Эристов растратил весь капитал, принадлежавший обществу св. Нины[10], и теперь приходится закрыть это училище, а потому ввиду пользы этого заведения я предлагаю продать нефтяные источники и пополнить растраченный капитал, так как всякое гласное судебное преследование имело бы неприятные последствия для моей жены и ее гофмейстерши, заведовавших этим учреждением». Министр государственных имуществ Островский заявил, что в случае продажи нефтяных источников вырученная сумма должна быть обращена в казначейство по правилам единства касс, а что затем та или другая издержка из казначейства должна быть разрешена Государственным советом. Министр финансов Бунге слишком снисходительно выразил готовность на будущее время отпускать для содержания этого учебного заведения из Государственного казначейства ту сумму, которая составляла процент с растраченного капитала.

После этого вел. князь тщетно пытался привести к соглашению Островского и Бунге по вопросу о транзитной чрез Кавказ торговле[11].

Вечером этого дня получаю от военного министра Ванновского представление Государственному совету о постройке 1075 верст стратегических железных дорог на западной границе[12]. Постройку предполагается совершить в три года и совершить средствами Военного министерства. Секретный при этом доклад устрашает по тону, допускающему возможность войны.

* *Далее в скобках написано:* см. выше зачеркнутое.

25 [*января*]. Вторник. Просидев утро за делами, иду в четвертом часу погулять по набережной и встречаю министра путей сообщения Посьета. Так как в представлении своем военный министр говорит, что сообщил свои соображения прямо министру путей сообщения с тем, чтобы для выиграния времени он представил прямо в Совет свои возражения, то я счел возможным сказать Посьету, что, по всей вероятности, он не задержит хода этого дела, но оказалось, что Посьет ничего не знал и выразил намерение сопротивляться всеми силами проекту Ванновского.

Бал у вел. кн. Владимира Александровича в костюмах по преимуществу русских XVI столетия. Праздник удается в высшей степени, обилие и разнообразие ярких цветов оживляет залу в противоположность скучному фраку. На императрице верный исторический костюм царицы, нарисованный кн. Григорием Гагариным. Богатство материи и камней чрезвычайное. Жена моя в русском костюме XI столетия, дочь в татарском уборе, а я в костюме, изображенном на известной гравюре, изображающей портрет стольника Потемкина, ездившего послом в Англию. Особенно выдаются костюмы Васильчикова, директора Эрмитажа и двух его дочерей, Балашевой, Шереметевой, гр. Воронцовой, старухи кн. Кочубей, Всеволожской (Е. Д.). Все вел. князья разодеты в богатейшие костюмы и уборы, вообще мужчины одеты с большею, чем дамы, историческою верностью. Государь уезжает вскоре после ужина, но императрица продолжает танцы до $4^1/_2$ час.

Среда, *26* [*января*]. Заходит ко мне Победоносцев, рассказывает, что ему государь прислал написанный неизвестно ему кем проект манифеста о коронации, проект был списан с того, который предшествовал коронации Александра II. Победоносцев признал его совершенно неудовлетворительным и написал свой. По своему обыкновению Победоносцев хнычет и сетует обо всем. Речь заходит о Набокове, Победоносцев жалуется на затеянную Набоковым комиссию о гражданском уложении[13], доказывая, что осуществление этой задачи невозможно, а между тем всякий связанный с улучшением наших гражданских законов вопрос откладывается на неопределенное время. Я ему замечаю, что то же самое можно сказать о Кахановской комиссии и ее неудобствах. По теперешнему ходу дел Кахановская комиссия будет работать продолжительное время, выработает какой-то проект с претензиями на монументальность, и тогда министры выдвинут свою артиллерию и начнут громить это здание. Каковы должны быть впечатления той части населения, которая возлагает какие бы то ни было надежды на труды Кахановской комиссии? Не лучше ли бы было теперь же главным правительственным воротилам

сговориться с Кахановскою комиссией и пустить в ход те вопросы, относительно коих все более или менее согласны. Такой образ действий Победоносцев признал совершенно желательным, но думает, что Толстого не хватит на подобный маневр.

Визиты обер-гофмейстерине кн. Кочубей, которая торжественно и великолепно принимает по средам во дворце сына своего кн. Белосельского (у Аничкова моста). Толпа посетительниц, преимущественно ходатайствующих о представлении императрице. Оттуда заезжаю к Старицкому, председателю Департамента законов. Живет на дворе здания, принадлежащего Кодификационному отделу[14], в скромной чиновничьей квартире, болен, жалуется на приливы крови к голове и полное расстройство нервов, выражает твердую решимость оставить Кодификационный отдел и сохранить одни обязанности председателя Департамента законов. Кому отдать Кодификационный отдел: Перетц — невозможно по нерасположению к нему государя, Фриш — но его можно употребить деятельнее, Голубев — идеальный кандидат, но тут опять затруднение — его нельзя еще сделать членом Государственного совета, а в учреждении Кодификационного отдела это установлено неизвестно с какою целью. Говорим о кавказском преобразовании[15]. Дондуков слишком много запрашивает, серьезных против него возражений нет. Кавказ terra incognita* для петербургских министров. Мне кажется, что теперешнее обсуждение должно иметь последствием принятие временных переходных мер. Старицкий с этим согласен.

Еще визит Б.Ф. Голицыну, обер-егермейстеру, который очень болен, и В.Д. Голицыну, обер-шталмейстеру в казенном конном доме[16]. В 9 час. у меня на дому комиссия о постройке архива Государственного совета. Из доклада усматриваю, что комиссия, т. е. Перетц с Рембелинским, задалась мыслью на деньги, отпущенные для архива, построить еще казарму для сторожей, курьеров, конюшни и т. п., и, чтобы уделить на это деньги, сделана экономия в постройке самого архива, и все, что предполагалось сделать из железа, будет сделано из дерева так, что в конце концов строится удобосгораемый архив с легко воспламеняющимися возле него поставленными грязными жилыми помещениями. Все эти предположения высочайше одобрены, но я, разумеется, останавливаю дальнейшее их осуществление.

Четверг, *27* [*января*]. Заседание Департамента экономии. Разговор с Барановым о Посьете, его неудовольствии по представлению Ванновского о стратегических железных дорогах, глупость Посьета, вы-

* Неисследованная страна (*лат.*).

ражающаяся в его распоряжениях, дорого стоящих казне, трудность его заменить по недостатку людей и т. д.

Бал в концертном зале. Играю в вист с Абазою, Нессельродом, Балашовым. Обычный ужин под сенью пальм. Ужинаю рядом с Воронцовым, выпрашиваю у него какую-нибудь конюшню для курьеров Государственного совета. Обещает в неопределенном будущем. Выслушиваю восторги Ребиндера относительно Аракина, бывшего моего обер-секретаря, рекомендованного мною в помощники ст.-секретаря, а теперь взятого в помощники управляющего Кабинетом[17].

Пятница, *28 [января]*. В $2^1/_2$ час. заседание у министра юстиции по вопросу о том, как прекратить переход судебных дел из Сената в Государственный совет. Участвуют Стояновский, Любощинский, Ковалевский, Фриш, Безродный, Утин, Евреинов. Все согласны в необходимости учредить два общих собрания: одно для дел административных, другое для дел судебных; придать этим общим собраниям обер-прокуроров и затем решать окончательно дела по простому большинству голосов. После заседания разговор с начальником отделения Боголюбовым, которого хочу перевести в Государственную канцелярию для того, чтобы впоследствии сделать ст.-секретарем и передавать в Гражданский департамент все законодательные дела, до судебной части относящиеся. Вечер дома за делами.

29 [января]. Суббота. В 11 час. у вел. князя. Он мне передает, что государь заявил ему желание, чтобы дело о транзите через Кавказ не восходило в Государственный совет, а было окончательно решено в Особом совещании под председательством вел. князя, что, впрочем, он, государь, решился закрыть транзит. В этих словах вел. князь видит торжество московской агитации и петербургской интриги против Бунге. Докладываю вел. князю о том, как на мои глаза представляется дело о постройке архива. Ему это очень неприятно, потому что на все испрошено им высочайшее одобрение. Представляю об отчислении от Государственной канцелярии сенатора Семенова, желая начинать с крупных. Вел. князь говорит мне, что видел на днях Перетца и спрашивал его, почему при Государственной канцелярии такое множество причисленных, на что Перетц отвечал, что он наследовал это число от Сольского и не мог добиться его уменьшения. «Почему, — прибавил вел. князь, — я не знаю». На это я заметил, что обыкновенно люди не любят делать себе врагов. От вел. князя еду к Бунге, который рассказывает мне, что накануне при докладе государь сказал ему о транзите то же самое, что и вел. князю, прибавив, что считает этот вопрос вопросом внутренней политики. На это Бунге ему возразил, что весьма опасно для правительства подчиняться какой-либо агитации, что это может служить

нехорошим прецедентом для будущего. В конце разговора Бунге получил разрешение государя для вызова специалистов-экспертов по обсуждению налога на определенные товары, начиная с сахара.

В этот же день Бунге докладывал о слиянии железнодорожного фонда с общими средствами Государственного казначейства, причем предложил обсудить это дело в высшем Финансовом комитете, а меня предложил назначить членом этого комитета, на что и последовало высочайшее соизволение[18].

В 1 час заседание соединенных Департаментов о преобразовании кавказского управления[19]. Дондуков, не получив титула наместника, силится присвоить права, наместнику принадлежавшие. Большой спор о Совете, противником коего является в особенности министр внутренних дел гр. Толстой. Вел. кн. Михаил Николаевич сидит в качестве слушателя, но по вопросу о высылке не может удержаться, чтоб не сказать два слова, хотя и в форме справки. И на этот раз всех лучше говорит Сольский. Несносен по бездарной тягучести Набоков, слишком решительно и неуважительно к чужому мнению говорит мой приятель Ковалевский, ничтожные замечания делает Каханов, плавно и умно говорит Лорис-Меликов. Дондуков говорит несвязно, но безостановочно, причем воспоминания из его жизни играют чересчур значительную роль.

Детский бал у Всеволожских. Заезжаю на минутку взглянуть, как танцует Саша[19a] и моя племянница Варушка; кончаю вечер за делами и мемориями.

30 [января]. Воскресенье. Разговор с начальником законодательного отделения Департамента Министерства юстиции Боголюбовым. После продолжительного с моей стороны уговаривания соглашается принять место помощника ст.-секретаря. Добросовестность, скромность, трудолюбие, застенчивость, полное отсутствие элегантности, заикается, но дело будет делать хорошо. Разговор с архитектором Карловичем. Подтверждение того грустного факта, что архив Государственного совета предположено строить удобосгораемый; поручаю составить в подтверждение этого записку. Сижу целый день за еженедельною государю запискою. Бал у Грейга, на котором остаюсь, впрочем, недолго.

31 января. В 11 час. у вел. кн. Михаила Николаевича. Докладываю о назначении Боголюбова, Шидловского, отчислении от Государственной канцелярии сенатора Семенова. Вел. князь любезно соглашается на мое предложение строить архив вполне целесообразно* и отложить постройку конюшен и сараев.

** Так в подлиннике.*

Завтрак у вел. кн. Владимира Александровича. Кроме вел. князей Николая, Михаила, Алексея еще гр. Штольберг, по жене — дядя вел. княгини. Завтрак по обыкновению весьма обильный, и разговор весьма пустой. В Общем собрании Государственного совета дела пустые; после заседания Общего собрания продолжается обсуждение кавказской реформы. Дондуков, благодаря поддержке вел. князя, выигрывает свои требования (Совет, помощник и т. д.). Гр. Толстой, недовольный тем, что остался в значительном меньшинстве, присылает своего товарища Дурново.

1 февраля. Вторник. Сижу дома целый день. Вечером Воскобойников читает мне записку о слиянии железнодорожного фонда с казначейством[20].

2 [февраля]. Среда. Чтение записки о нормальных коммерческих банках[21] (Leon Renaut). Приезжает гр. Уваров, занят своим музеем[22], говорит, что собрал более 7 тыс. предметов, приехал требовать 800 тыс. руб. с тем, чтобы деньги эти были выданы не позже мая месяца. Все тот же неугомонный труженик, но на мелкие темы; при всем том недюжинный в русском обществе человек. В 7 час. обед у германского посла Швейница — вел. кн. Владимир Александрович, герцог Эдинбургский[23], гр. Штольберг, Убри — бывший посол в Берлине, Новиков — бывший посол в Вене, Воронцов-Дашков, Дондуков-Корсаков, Грот, бывший гофмаршал, Торнтон, английский посол, который наивно думает, что Убри был одновременно с отцом его, Торнтона, послом при Наполеоне I. Воронцов, подле которого я сижу за обедом, сообщает мне, что празднование коронации будет продолжаться три недели и начнется 15 мая. Скука — неизменная принадлежность подобных обедов.

3 февраля. Завтракаю у именинницы — дочери Оболенской. В 1 час заседание соединенных Департаментов, оканчивающих рассмотрение кавказской реформы[24]; мелочные споры о классах должностей и чинах, споры, в большинстве оставляющие неприкосновенными предположения Дондукова, — все благодаря поддержке вел. кн. Михаила Николаевича. После заседания визит имениннице гр. Мойра. Обедают у нас Протасов-Бахметев и Влангали, последний не перестает мечтать об удалении от дел. Пред заседанием в разговоре с вел. кн. Михаилом Николаевичем слышу от него следующее: «Ваши доклады о назначении Боголюбова и Шидловского я не возил государю, а лишь послал ему. Во-первых, дела для доклада были слишком пустые, а во-вторых, государь был у обедни в малой церкви в первый раз с 1 марта и до того был взволнован, расстроен, плакал, что я не хотел его утруждать докладом». В этот же день разговор с Калачовым о дальнейшем издании описания архива[25]. Он приступает к изданию тома дел Гражданского департамента с 1810-го по 1825 г. Прошу его по возможности сузить размеры этого тома.

4 февраля. Пятница. Визит гр. Баранову (на Конюшенной ул., № 1). Его сетования на бездарность Посьета, столь дорого стоящую казначейству; необходимость его заменить, но отсутствие кандидатов, отвечающих требованиям; главная помеха — чин. Полесская стратегическая железная дорога[26], Посьет медлит доставлением заключения. Необходимость прекращения перехода судебных дел в Государственный совет. Предположение о передаче в Гражданский департамент дел законодательных, касающихся судебной части. Бал в Аничковом дворце. Приглашены почти исключительно танцующие. Играю в винт с вел. кн. Ольгою Федоровною, Новосильцевым и Лазаревым. Императрица обещает мне посетить наше Рисовальное училище[27]. Спрашиваю государя, доволен ли он моими понедельничными записками, не делать ли их пространнее или сжатее. Ответ, что вполне ими доволен, что они облегчают многообъемистое напрасное чтение. Прошу позволения, не ограничиваясь содержанием мемории, в случае надобности писать и о других делах Государственного совета.

В $3^1/_2$ час., когда, несмотря на настояние государя, императрица продолжает танцевать, то государь посылает одного из танцоров с приказанием музыкантам кончить; музыканты уходят один за другим так, что под конец играет лишь одна скрипка и барабан. Повторение шутки Гайдна...

5 февраля. Суббота. Заседание соединенных Департаментов, дело о нормальных правилах для акционерных коммерческих банков. Бунге, имея в виду ходатайство Leon Renaut, внес проект нормальных правил, отменяющих существующее с 1872 г. безусловное запрещение учреждать банки[28]. Правила, вновь начертанные, столь стеснительны, что не поведут к открытию какого бы то ни было учреждения. На эту тему говорит Ковалевский, разбирая и разбивая чуть не каждый параграф, Бунге почти на все соглашается. Прения их представляют редкий вообще, а в русских правительственных сферах в особенности, пример бескорыстного спора о государственной пользе. Несмотря на то что Ковалевский выражается довольно резко, Бунге после заседания благодарит его за деятельное участие. Выхожу из Совета с Ковалевским, идем пешком по набережной и видим густой дым над горящею залою университета[29].

6 февраля. Воскресенье. Приезжает Анненков высказать свои объяснения по стратегической Ровенской железной дороге. Прошлою весною было секретнейшее у государя заседание для обсуждения плана

оборонительной кампании в случае войны с Пруссиею и Австриею. Предположено стянуть все войска с Востока и в особенности с Дона и Кавказа к австрийской границе и для этого усилить железные дороги к Западу. С этою целью выстроена Пинско-Жабинская железная дорога, а теперь предполагается продолжать до Ровно. Пинско-Жабинская дорога стоила немного более 30 тыс., тогда как если сосчитать среднюю стоимость железных дорог в России, то верста обходится чуть не в 130 тыс.[30]

Обед у бар. Штиглица со всевозможными Бобринскими и Шуваловыми. Вечер у Абазы, который защищает мнение о полном закрытии транзита.

7 февраля. Понедельник. В 11 час. у вел. кн. Михаила Николаевича. Его смущает, что все дело о Полесской железной дороге походит на интригу Анненкова, желающего получить место министра путей сообщения; желал бы все дело передать в Комитет министров. Я стараюсь доказать, что, напротив, раз навсегда железнодорожное дело должно быть сосредоточено в Департаменте экономии. Утверждает мой доклад об архиве[31]. Завтрак у Владимира Александровича. По обыкновению — оба фельдмаршала[32], Алексей Александрович, Перовский, гр. Штольберг. Вел. княгиня сердится за то, что, несмотря на присутствие ее дяди, немца, все вел. князья не перестают говорить по-русски; вспоминает, что с нею делали то же самое, когда вскоре после приезда она не говорила и не понимала ни слова по-русски, и тогда я один настаивал на французском разговоре. Заседание Общего собрания Государственного совета. По скучному гражданскому процессу говорят Любощинский, Философов, Стояновский, Старицкий, Победоносцев, Фриш и Пален. Что за преступная трата времени и сил для высшего законодательного учреждения! По контрольному отчету говорит Головнин, требуя больших фактических сведений в разъяснение цифровых данных; Сольский возражает справедливо, что это выходит из задач контроля и могло бы повредить успеху достижения основной цели его деятельности.

После заседания вел. князь приглашает Баранова, Сольского и меня для разговора о Полесской железной дороге и высказывает то, что я уже слышал утром; Баранов затронут дурно замаскированным обвинением в том, что служит орудием интриги, и выражает желание ехать с вел. кн. Михаилом Николаевичем в среду на доклад к государю для разъяснения вопроса или, правильнее выражаясь, своего в этом участия. После Совета захожу к А.М. Скалон, жене гофмейстера вел. кн. Владимира Александровича, которая заявила мне просьбу вел. княгини, чтобы я пригласил обедать ее дядю, гр. Штольберга. Отвечаю, что в пятницу свадьба моей дочери, до того дня моя жена и дочь говеют, а начиная с субботы я в распоряжении вел. княгини, приглашаю обедать в какой ей угодно день ее, вел. князя, Штольберга и кого еще ей угодно. Любопытны рассказы Анны Михайловны о людском подличанье из-за приглашений на балы к вел. князю. Одна дама, госпожа Ден, приехала к Скалонам накануне костюмированного бала в 8 час. вечера и требовала, чтобы ей немедленно доставлено было приглашение, подкрепляя это тем, что дочь ее заявила, что умрет чахоткою, если не получит приглашение, что хотя они и живут в провинции, но что муж ее был флигель-адъютант императора Николая и т. п. Таким ходатайствам несть числа.

Раут у княгини Кочубей; страшная толпа, ни подъехать, ни уехать. Ловлю Набокова и убеждаю его назначить в I департамент на мое место Дервиза, а он хочет Шахова. Ребиндер хнычет о трудностях быть директором яхт-клуба вследствие халатности русского общества. Пален жалуется на то, что вел. кн. Михаил Николаевич оставил без всякого внимания высказанное им мнение.

8 февраля. Вторник. Бал у вел. кн. Владимира Александровича. Я приглашен в партию государя; играем в «quinze»*. Воронцов, Дурново, Балашов, гр. Шувалов и я. Много смеху и шуток; особенно подшучивают над Дурновым. Он держит удар с государем, и когда государь говорит: «J'accuse»**, т. е. что не покупает более, а останавливается на том, что имеет, то Дурново, этот мильонер, привыкший ко всякого рода обманам, наивно спрашивает: «Pour sûr?»*** Такой вопрос возбуждает взрыв мольеровского хохота. Игра гораздо скромнее, чем лет 12 тому назад. Государь никакой, по счастью, страсти к игре не имеет, а играет исключительно для препровождения времени.

9 [февраля]. Среда. Визит гр. Бобринской для окончательных о свадьбе церемониальных уговоров. Разговор с Барановым об ужасных последствиях посьетовского управления железными дорогами.

10 [февраля]. Четверг. Баранов приезжает в департаментское заседание Совета из Аничкова дворца, где был вместе с вел. князем. Государь приказал собрать в понедельник в 11 час. у себя совещание относительно постройки стратегической железной дороги. После советского заседания иду к вел. князю, застаю его за чтением журнала «Русская старина». Он мне передает приказание государя пригласить военного министра, министра путей сообщения, государственного

* «Пятнадцать».
** «Открываю карты».
*** «Наверное?»

контролера, председателя Департамента государственной экономии и министра финансов; посылаю всем им письма. В $8^1/_2$ час. концерт в доме кн. Волконского (бывший гр. Кушелева-Безбородко) на углу Гагаринской улицы и набережной. Концерт в пользу раненых, играет оркестр медных инструментов из любителей, который долгое время собирался у государя, когда он был вел. князем. Волконские принимают как бы на вечере у себя. Выслушиваю длинные сетования оберполицмейстера Грессера на трудности своего положения. Из концерта заезжаю к Анне[33], которая страдает множеством ячменей; у нее проводят последний вечер жених с невестою[34]. Бал у английского посла Торнтона, который провел 18 лет в Америке, не знает ни светских приличий, ни отношений петербургского общества, не знаком с главными его представителями. Бал выходит довольно неудачный, несмотря на присутствие всего царского семейства. Я играю в партии государя с вел. кн. Владимиром, герцогом Эдинбургским и Воронцовым, играем в вист. Тотчас после ужина государь уезжает, хотя, по всей вероятности, императрица была бы готова еще долго танцевать.

11 февраля. Пятница. Свадьба Нади с гр. А.А. Бобринским. В 12 час. собираются у нас участвующие в церемонии с нашей стороны: посажёные отец и мать — бар. Штиглиц и старшая моя дочь Анна, шаферы — Саша[35] и вел. кн. Николай Михайлович, подружки — гр. Остербургская и гр. Шувалова. Едем все вместе в дом гр. Воронцова-Дашкова (на Английской набережной). Домовая церковь очень невелика, совершает бракосочетание священник Николай Михайлович Макиевский, достопочтеннейшая личность, он венчал меня и крестил всех 4 детей; народу приглашено Бобринскими множество. Отсюда едут к Бобринским, где происходит поздравление с бокалом шампанского в руках. В $2^1/_2$ у нас завтрак ближайших родственников. В 5.40 молодые уезжают в Париж.

В 9 час. бал в концертном зале. Играю в вист с Абазою, Нессельродом, Балашовым. В ужинной (Николаевской) зале сделана некоторая перемена в расположении пальмовых деревьев; расставлены группы вместо отдельных растений, выходящих из средины стола. Убранство менее удачно, потому что группы преграждают вид.

12 [февраля]. Суббота. Соединенные Департаменты, но дела, не имеющие важности. Вечером собираюсь к Демидовым, но от усталости остаюсь дома.

13 [февраля]. Воскресенье. В 2 часа заседание Комитета финансов. В зале совета министра под председательством гр. Баранова присутствуют Рейтерн, Абаза, Грейг, Бунге, Сольский, товарищ министра финансов Николаев, управляющий Государственным банком Цимсен и я.

Журнал составляет директор канцелярии Верховский, когда-то взятый мною на службу в канцелярию I департамента Сената со школьной скамьи, даровитейший из всех моих подчиненных. Обсуждается сначала вопрос о слиянии железнодорожного фонда с казначейскою кассою, что не затруднительно, потому что в действительности железнодорожного фонда не существует[36]. После этого обсуждается финансовый план Бунге на предстоящий год; он предвидит дефицит в 40 млн., происходящий главным образом от военных издержек, и намеревается выпустить так называемые серии и 5-процентную ренту.

Умнее, дельнее всех говорит, конечно, Абаза, Рейтерн приводит полезные примеры из своей многолетней опытности, Грейг говорит пошлые, общие места, Сольский говорит глупые вещи, но не всегда относящиеся к делу. Бунге крайне симпатичен своим беспристрастием, объективностью, безличностью, добросовестностью, примирительностью, быть может, подчас излишнею. Расходимся в шестом часу, успеваю забежать на баллотировку в яхт-клуб, где по моему внушению баллотируется Петр Шувалов. Вечером у Абазы играю в вист с Лорис-Меликовым, который острит и шутит, хотя и умно, но как подобает отставному властителю, ошибочно думающему, что когда-нибудь еще попадет во власть.

14 [февраля]. Понедельник. Так как вел. кн. Михаил Николаевич на совещании у государя, то еду прямо к 12 час. завтракать к вел. кн. Владимиру Александровичу. Завтрак обильный, но разговор пустой. В Государственном совете вел. кн. Михаил Николаевич по приезде объявляет, что государь прямо поставил вопрос: кому строить железную дорогу — Военному министерству или Министерству путей сообщения? Посьет заявил, что берется строить за ту же сумму и в тот же срок, как было предположено военным министром, а ввиду этого заявления государь решил отдать постройку дороги Министерству путей сообщения.

В начале заседания Общего собрания Государственного совета читаю речь, сказанную Старицким об Урусове[37].

Бал у П.А. Кочубея. Играю в вист с вел. кн. Владимиром Александровичем, Дурново, Балашовым и гр. Воронцовою.

15 [февраля]. Вторник. Приятное объяснение с полусумасшедшею вдовою брата моего Ивана[38]. Вечер в русском театре — «Медея», написанная Сувориным. Знакомство с автором, который сознается в своем невежестве и в том, что как бы случайно наткнулся на богатство античного мира.

16 [февраля]. Среда. В 8 час. еду на охоту в Коломяги с вел. кн. Владимиром Александровичем. Много болтаем, и как всегда выношу

впечатление о чрезвычайном его уме и полном недостатке воспитания и вообще внешних форм, что, конечно, много ему вредит. Погода превосходная, братья Шуваловы угощают нас на убой. Владимир Александрович убивает рысь. Вел. кн. Алексей и я — каждый по одному волку; возвращаемся почти в 10 часов и, приехав в 11 на бал Воронцовых-Дашковых, застаю бал в полном ходу. Меня приглашают в партию государя; играем в «quinze»; противу последнего раза еще прибавлен вел. кн. Владимир, который, впрочем, не имеет понятия об игре. Беру с государя большой рест. Разъезжаемся в $4^1/_2$ часа.

17 [февраля]. Четверг. Заседание Гражданского департамента. Прощальное для меня собрание директоров Невской бумагопрядильни. Пробыл в этом звании 22 года; обязанности мои заключались в том, что раз в год ездил на бумагопрядильню для выслушания отчета, но оставаться в этом звании не могу, будучи государственным секретарем. Прощальный обед сенаторам — Любощинский, Арцимович, Гедда, Петерс, Шумахер, Маркус, Пребстинг, Дервиз, Репинский, Марков, Семенов, Мордвинов. Высказываю им сожаление о том, что покидаю Сенат, где провел более 30 лет; сожаление вытекает не из того, что здесь прошли лучшие годы, а из того, что самое дело, которому служишь, так привлекательно и служба имеет такие вызывающие сочувствие порядки. За 30 лет порядки эти совершенно изменились: то же дело, да творится совсем иначе, потому что собрались другие люди, которые ведут дело совсем иначе, чем прежде. Предлагаю тост за здоровье этих людей, удостоивших меня своим присутствием. Вечер у Абазы.

18 [февраля]. Пятница. Чтение представления Бунге о мерах к восстановлению металлического денежного обращения[39]. Отдаю визит Головнину; читает мне письма вел. кн. Константина Николаевича; говорим об университетском уставе. Головнин считает обязанностью говорить в защиту устава 63-го года, который был принят единогласно 40 членами Общего собрания Государственного совета, из коих живы лишь 4 — Рейтерн, Валуев, Метлин и Головнин. Обед у Анны с Егором Оболенским, смоленским губернским предводителем дворянства, моим старым товарищем и приятелем; обедает также Влангали. Вспоминают, как он последний вышел из Малахова кургана. Получаю сообщение Посьета о том, что за совещанием, у государя бывшим, он не считает более нужным сообщать Государственному совету какие-либо сведения.

19 [февраля]. Суббота. Заезжаю к Сольскому, бывшему государственным секретарем, посоветоваться о том, как поступить с бумагою Посьета; советует написать всеподданнейший доклад от имени председателя Государственного совета. Приехав к вел. кн. Михаилу Николаевичу с докладом, узнаю от него, что бумага Посьета предварительно им одобрена. Останавливаемся на том, чтобы потребовать от Посьета представления Государственному совету с испрошением ассигнования кредита на постройку дороги. Вел. князь рассказывает, что накануне был со всею императорскою семьею в крепости на панихиде по императоре Николае; вспоминает, что в 1855 г. он был в этот день в Севастополе и что этот самый день прошел особенно празднично и весело; солнце и музыка. Известие привезено из Киева, где прекращалась телеграфная линия, и достигло Севастополя на четвертый день. Из Севастополя вел. кн. Михаил Николаевич с вел. кн. Николаем Николаевичем ехали восемь дней и восемь ночей; дорогою встретили кн. Паскевича, который вез депеши и письма; приехали в день переноса тела в крепость, но к церемонии опоздали, а встретили Александра Николаевича, ехавшего на Московскую станцию, встретили против Аничкова дворца и бросились на улице с ним обниматься, будучи при этом в дорожном платье, потому что служители и вещи отстали дорогою.

В соединенных Департаментах скучное заседание об уставе наказаний за нарушение правил о табачном акцизе[40].

Старицкий просит заявить вел. князю, что он решительно не считает возможным оставаться далее заведующим Кодификационным отделом[41]. Говоря о кандидатах на эту должность, называет Ковалевского, Перетца и Фриша, но первый никогда не примет подобной должности, о втором при нерасположении к нему государя не может быть и речи, остается лишь один Фриш.

20 [февраля]. Воскресенье. Обычное еженедельное извлечение для государя из меморий Государственного совета. В $3^1/_2$ час. едем в тройке к принцессе Евгении Максимилиановне Ольденбургской, откуда отправляется многочисленное общество кататься в тройках. Императрица с гр. Воронцовою, принцем Александром Петровичем Ольденбургским и Черевиным. Я вдвоем с Воронцовым. Едут от дворца принца Ольденбургского вдоль по набережной, на Николаевский мост, через Петровский парк, Крестовский, Елагин остров, Новую и Старую деревню, по берегу Невы до Сампсониевского моста, а оттуда назад по берегу Невы чрез Аптекарский остров, на Каменный остров, на дачу принца Ольденбургского. Проезжая мимо дачи, которая рядом с дачею бывшей гр. Нессельроде, Воронцов мне рассказывает, что то была дача его бабушки по отцу, рожденной Измайловой, что она умерла в глубокой старости и до самой смерти не давала сыну своему вмешиваться во что бы то ни было. Умирая, оставила огромное со-

стояние, но значительная часть скопленных ею денег ушла на отстройку подмосковной, знаменитого Марьина. Быв на охоте в тамбовской своей деревне, Воронцов увидел синюю бумагу, в которой завернут был завтрак; бумага эта была черновое донесение управляющего гр. Воронцовой, доносившего ей, что, производивши межеванье, землемер требует 1 тыс. руб. взятки, но что можно отделаться дешевле, продав ему одну из дворовых девок, которая ему нравится и которую по негодности ее выгодно спустить за 800 руб.

В этом же доме Воронцов, будучи ребенком, был свидетелем такой сцены. Гр. Перовский, министр уделов, был прислан императором Николаем к родителям его, Воронцова, объявить им, что, хотя гр. Воронцова купила от гр. Самойловой имение Славянку, но что император по праву выкупа родовых имений и родства своего с гр. Самойловою (Скавронские) оставляет это имение за собой. Когда гр. Перовский, уходя, проходил чрез ту комнату, где находился Воронцов, то провожавшая его графиня громко сказала ему: «Dite de ma part à votre empereur qu'il est un cochon»*.

По приезде на дачу принца Ольденбургского был в 7 обед, к которому приехал и император. Тотчас после обеда начались танцы, а государь наверху, в кабинете покойного принца Петра Георгиевича, играл в карты с хозяином дома, вел. кн. Владимиром Александровичем, Воронцовым, Дурновым, Балашовым и мною. Разъехались в четвертом часу, когда свечи догорели.

21 [февраля]. Понедельник. В Государственном совете пустейшие дела. Вел. князь объясняется с гр. Барановым, а потом с Посьетом, который обещает войти в Государственный совет с представлением об ассигновании кредита на Полесскую железную дорогу. По крайней мере внешняя вежливость к Совету соблюдена. Старицкий заявляет вел. князю о своем намерении немедленно покинуть Кодификационный отдел. Вел. князь ему отвечает, что желает, чтобы он, Старицкий, сделал об этом личное заявление государю. Военный министр Ванновский имеет разговор с вел. князем по артиллерийским вопросам. Вхожу, когда он выходит. Вел. князь крайне взволнован, говорит мне, что разговор с Ванновским до того его рассердил, что он ему сказал: «Если Вы считаете, что я по старости никуда не гожусь, то я готов выйти в отставку, но не могу согласиться на то, что идет наперекор понятиям нашим, старых артиллеристов».

Я: «Ваше высочество, позвольте мне сказать Вам то, что я думаю об этом. У Вас на руках такое важное государственное дело, Государственный совет, что я бы бросил на Вашем месте артиллерию». *Вел. князь:* «Покорнейше Вас благодарю». И, распетушившись, мой смиренный вел. князь уезжает в заседание Совета кредитных установлений.

---

*«Скажите от моего имени вашему императору, что он свинья».

Бал у французского посла Жореса (на Сергиевской, дом Хитрово). Публика смешанная. Вел. князья Владимир, Алексей. Хозяева с сильным мещанским оттенком.

Получил я на днях от одного из присутствовавших на Совете у государя по раскольничьему делу описание того, что там было говорено. Вот оно.

Министр внутренних дел гр. Толстой указал, что все мероприятия по делам раскола были рассмотрены в комитете 1864 г. со всею подробностью[42–43]. Комитет этот представляет ту особенность, что в нем, кроме членов высшей правительственной гражданской власти, участвовали и высшие представители церкви в лице членов св. Синода, решения комитета постановлены единогласно и утверждены высочайшею властью в том же 1864 г. Поэтому нельзя не признать полного авторитета и обязательности для правительства означенных решений комитета.

Засим Государственный совет при рассмотрении закона о метрической записи раскольничьих браков признает необходимым ускорить введение реформ в области раскола и поручил министру внутренних дел озаботиться представлением законодательных проектов по сему предмету. Тогда была образована в 1875 г. особая комиссия под председательством кн. Лобанова, которая предначертала размеры, во всем согласные с комитетом 1864 г., но с другим разделением сект и новым определением признаков, совершенно различествующих от классификации сект, принятой комитетом 1864 г. Такое решение комиссии было принято вследствие изустного доклада приглашенного в заседание эксперта действ. стат. сов. Мельникова, изучавшего издавна дело раскола. Министр внутренних дел указал на опасность принятия классификации сект по заключениям комиссии 1875 г. Тут вносилась бы рознь между взглядами церкви и правительства, так как признаки 1864 г. определены и намечены св. Синодом. Всякая рознь и различие взглядов могут отражаться на возможности отделения церкви от правительства, что в России немыслимо и не может быть понято народом. С давнего времени вся сила самодержавия составляет связь церкви с правительством. Самодержец всероссийский есть покровитель церкви, состоя старшим ее сыном. Так смотрела на то императрица Екатерина II и все монархи, и в скором времени самому государю придется при принятии миропомазания и обрядов коронации принести всенародную присягу на поддержание значения и силы церкви и на обет в ее покровительстве.

Министр внутренних дел добавил, что далее тех льгот, кои указаны комитетом 1864 г., идти нельзя и что в развитии реформ следует точно руководствоваться духом и смыслом высочайше утвержденного положения комитета, которым признаки деления сект, указанные Синодом, вполне утверждены и которые должны быть для министра внутренних дел обязательны. Гр. Толстой упомянул, что хотя исполнение треб раскольниками предположено разрешить, равно и богомоление по их обрядам, но всякое косвенное признание раскола духовною иерархией не может быть допущено ни в каком случае и ни при каких поводах. Так, наименование руководителей раскола раскольничьими архиереями в России в занимаемых ими будто бы кафедрах не может быть терпимо, иначе пришлось бы допустить существование двух митрополитов или епископов, т. е. православной господствующей церкви и раскольничьих поповщинских толков.

Что касается опасений комиссии 1875 г., что ожидаемые реформы при принятии классификации комитета 1864 г. будут касаться только окружников из поповцев[44], то предположение это несправедливо, ибо всем шести признакам соответствуют все поповцы, равно и некоторые толки из беспоповцев, как то: поморцы[45], нетовцы — спасово согласие[46] и др. В заключение гр. Толстой присовокупил, что издание точного и определительного закона в отношении раскольников является насущною необходимостью, так как Министерство внутренних дел ныне действует на основании сепаратных распоряжений либо постановлений Комитета министров по отдельным случаям и часто без особых определительных полномочий, между тем как именно эта область действий министерства должна основываться на строго обдуманном и точном законе, где отдельные взгляды и действия правящих лиц не могли бы подвергаться произволу.

Рейтерн. Признал для себя затруднительным высказаться по возбужденным вопросам, принадлежа сам к иноверному исповеданию. Тем не менее с политической точки зрения полагает безусловно желательным сближение раскольников с православною церковью; сближение это ближе всего может быть определено не столько в законодательном порядке, сколько разумными административными распоряжениями и практикою. Необходимо постоянно иметь в виду, что преданность раскольников правительству испытана и не может быть подвержена сомнению.

Сольский. Он является одним из наличных членов комитета 1864 г.[47] и потому может заявить, что мысль и цель комитета имели задачею оформить направление правительства в области раскола. При разделении сект комитет 1864 г. не безусловно принял классификацию

Синода и признавал таковую лишь временною. Необходимо заметить, что самою классификацией комитет занялся в последнем своем заседании. В настоящее время вопрос этот будет главнейши* зависеть от практического его применения. Кто будет определять возможность получения раскольниками тех или других льгот.

Победоносцев. Прежде всего заявил, что со стороны духовенства не было и не будет преследования раскольников. Напротив, вся цель и усилия направляются к сближению и умиротворению. Из поповщинских сект все могут быть признаны менее вредными, а из беспоповцев — только поморцы и спасово согласие.

Островский. Комиссия 1875 г. превысила власть, и потому предлагаемое ею разделение сект не может быть рассматриваемо. Классификация комитета 1864 г. также не может подлежать обсуждению, так как она уже утверждена высочайшею властью. Поэтому второй пункт заключения Министерства внутренних дел должен быть исключен.

Гр. Толстой. Согласен на исключение 2-го пункта, но признает, что признаки, определенные Синодом, должны быть обязательны для Министерства внутренних дел и что посему об этих признаках должно быть упомянуто в соображениях и с ссылкою на утверждение положения 1864 г.

Грот. Главное затруднение, как отличать секты практически и кто будет это делать. Часто главная доля этой задачи выпадает на полицию, что весьма затруднительно и даже небезопасно.

Гр. Толстой. Определение сект — дело Синода по соглашению с Министерством внутренних дел. Засим пункт 2-й заключения может быть перенесен в соображение, а пункт 19-й вовсе исключен. Все остальное будет зависеть от Государственного совета.

Вел. кн. Михаил Николаевич. Просил иметь в виду, что всякое предрешение дела может стеснить Государственный совет в дальнейшем рассмотрении дела, но что, конечно, настоящие прения, имеющие существенное значение, могут быть приняты в соображение.

Перетц. На основании 89 ст. учреждения Государственного совета Совет пользуется полною свободою мнений.

Сольский. Заключительный журнал комитета 1864 г. вовсе не воспрещает новое обсуждение мероприятий.

Старицкий. До настоящего времени классификация не была обнародована. Новое разделение сект также полезно не помещать в законе, равно как и самые признаки. Тем не менее разделение сект может

---

* *Так в подлиннике.*

служить руководством для Министерства внутренних дел. В самом проекте Министерства внутренних дел упомянуто, что деление сект не предполагается обнародовать.

Шестаков. По своей опытности в административных должностях должен заявить, что теоретический взгляд на раскол не так важен, как практический. Теория может быть верна, но осуществить ее на деле труднее. Комиссия 1875 г. посмотрела на дело именно практически, и нельзя обвинять ее в том, что она превысила свою власть. Все раскольники самые верноподданные слуги. Достаточно упомянуть о Западном крае, где они сослужили великую пользу. Для чего делать для раскольников исключения в пользовании общими законами? Иноверцы и даже нехристиане ни в чем не стеснены, если они не нарушают общих законов. Народ не поймет стеснительных или даже ограничительных мер. Для чего законы о расколе должны идти шаг за шагом; именно теперь настал момент для дарования раскольникам прав, общих для всех граждан, а именно все то, что не вредно для государственного строя, должно быть для них допущено.

Государь. В этом и кроется смысл представления Министерства внутренних дел.

Шестаков: Чтобы пояснить мою мысль, считаю долгом сказать, что вредными из сект я считаю, согласно рассуждениям комиссии 1875 г., только скопцов и хлыстов. Они вредны в политическом, гражданском и нравственном смысле.

Победоносцев. Мнение И.А. Шестакова состоит в том, что следует остановиться на делении сект по рассуждениям комиссии 1875 г. Раскол связан с историею, и к нему следует относиться осторожно. Преследование шло не от церкви, а со стороны гражданской власти. Теперь главная задача — поставить дело так, чтобы православие не пострадало, и целью правительства должно быть прекращение разногласия о вере. Как достигнуть цели, существует разномыслие. Вопрос о расколе есть вопрос просвещения России. Мы не можем везде и достаточно иметь церквей и школ для борьбы с расколом, а если будет допущена полная свобода для раскольников, то, конечно, самый раскол значительно увеличится. По одной причине преданности к престолу нельзя давать льгот, возмущающих чувство православия. Существует неуклонная необходимость в указании раскольникам, что они не принадлежат к господствующей церкви и потому безусловное дарование им духовных прав немыслимо. Признаки комитета 1864 г. имеют за собой авторитет власти, времени и даже употребления в законодательстве. Раскол вообще тает; изданные Синодом назидательные книги приводят раскол к упадку. Правила, предлагаемые Министерством внутренних дел в общих чертах, могут оказать благодетельное влияние, а всякое остальное расширение вредно будет для церкви. Следовать далее было бы опасно.

Государь. Конечно, далее идти нельзя, это было бы в ущерб государственной церкви.

Титов. Мало можно ожидать пользы от предлагаемых мер, хотя они вообще одобрительны. Метрические книги раскольников доказали малую охоту раскольников к не вполне существенным реформам. Едва ли настоящие меры окажутся благотворнее, и дело удовлетворения не выиграет. Нельзя не сознать влияние раскольников в некоторых местностях, даже высшие духовные власти должны с ними считаться. Был недавний пример, что высший иерарх обращал внимание на заявление раскольников даже в вопросах об обрядах богослужения.

Государь: Не могу отозваться одобрительно о таком явлении (сказано: «Дурак»).

Делянов: Полагаю, что раскольники будут признательны и за то, что ныне проектируется для них.

Набоков. Если 6 признаков будут считаться непременными и обязательными для Министерства внутренних дел, то Государственный совет должен изыскать способы устранить те неудобства, кои ныне существуют при делении сект, но более или менее вредны, как то теперь упомянуто в законе. Для практики судов это необходимо. Но возможно ли это исполнить законодательной властью?

Сольский. Можно было бы постановить, что дарование льгот предоставляется усмотрению Министерства внутренних дел, тем самым деление сект в законе устранилось бы.

Вел. кн. Михаил Николаевич: По долгой моей практике на Кавказе могу засвидетельствовать, что молокане и духоборцы, и ныне признаваемые вредными, самые покорные жители во всех отношениях. В казачьем населении молокане господствуют, но они самые преданные люди.

Государь. Почти все казачество состоит из староверов.

Победоносцев. Молокане не везде составляют преданный элемент. На Кавказе и в Польше — да, а во многих внутренних губерниях — не всегда.

Вел. кн. Михаил Николаевич. Просил изменить начало § 14 в редакционном смысле.

Гр. Толстой. Вполне на то согласен.

Шестаков. Возражать, безусловно, против проектов Министерства внутренних дел не будет, но счел долгом выразить общий взгляд на вопрос о расколе.

Вел. кн. Михаил Николаевич. Нельзя не обратить внимание на частые обращения раскольников в православие, которые особо замечаются в последнее время.

Победоносцев: Могу засвидетельствовать, что за последние 15—20 лет оживление церкви небывалое. Если бы Государственное казначейство могло прийти в помощь, то школы, а следовательно, и образование значительно увеличилось бы. Торжество церкви еще бы выиграло.

Бунге: В делах убеждения и веры деньги — последнее дело. (Смех).

Заключено: проект Министерства внутренних дел внесть в Государственный совет в исправленном виде.

Пункт 2-й исключить и перенесть в соображение; пункт 8-й изменить, предоставив усмотрению Министерства внутренних дел, по соглашению с обер-прокурором Синода дарование льгот, но делая указания, что права предоставляются раскольникам менее вредных сект; пункт 14-й изменить в редакции.

В прошлую субботу у государя было совещание, к коему приглашены были гр. Толстой, Победоносцев, Бунге, Набоков, Островский и вел. кн. Владимир. Обсуждалось представление Толстого о вознаграждении 20% тех помещиков, у коих согласно прошлогоднему указу обязательно выкуплена земля в пользу крестьян[48]. Несмотря на оппозицию Бунге, принято в принципе произвести из казначейства уплату этой суммы, которая составляет 46 млн., а министру финансов предоставлено изыскать способы [49]. Решение вроде того, как если бы было решено объявить войну, а военному министру приказать распорядиться приготовлением войска.

22 [*февраля*]. Вторник. Является ко мне раскольник Шебаев хлопотать о раскольничьем деле, находящемся в рассмотрении Государственного совета. Хлопочет о том, чтобы раскольники были в заведовании не Победоносцева, а Толстого, просит об открытии их молелен; сам он человек не очень дальний и весь сосредоточен на обрядных подробностях. Переговоры с подрядчиком Гордеевым, который не хочет отказаться от постройки конюшен и имеет за себя контракт, подписанный Перетцем в день его увольнения 31 декабря (!).

В 3 часа заезжает ко мне Победоносцев, рассказывает, что Старицкий был у него и заявил о непреложном намерении покинуть Кодификационный отдел, что, по мнению его, Победоносцева, следовало бы никого не назначать на место Старицкого, а весь Кодификационный отдел слить с Государственною канцеляриею, оставив товарища главноуправляющего Маркуса под заведованием государственного сек-

ретаря, т. е. меня. Я возражаю, что у меня без того дела довольно, что я не гожусь на дело кодификации, что во всяком случае не мне заводить об этом речь. Победоносцев утверждает, что я должен откинуть личный вопрос и говорить в этом смысле с вел. князем, но, разумеется, я об этом и не думаю.

Вечер у вел. кн. Владимира Александровича. Играю в «quinze» с государем; игра самая по цене умеренная, почти ничтожная. Мой начальник усиленно старается и даже танцует до упаду. Докладываю ему, что получены от государя мемории и что по делу Станевича государь согласился с 23 особами, а не с большинством, 27[50]. Это первый раз в нынешнее царствование. Разговор с вел. кн. Ольгою Федоровною. *Я:* «Je suis désolé, madame, que le grand duc prenne tellement à coeur la communication que le ministre de la guerre lui a fait hier au sujet de l'artillerie». *Она:* «Est-ce qu'il vous en a parlé?» *Я:* «Le grand duc m'a dit un mot, mais c'est le ministre de la guerre qui m'en a parlé hier au soir au bal de l'ambassadeur de France».

Вел. княгиня: «C'est une nullité que Vannovsky et tout cela sont des intrigues d'Obroutcheff»*.

Я: «C'est possible, madame, mais la question n'est pas là. Le grand duc a le poste le plus élevé de l'empire, la haute direction de la législation et j'espérais que votre influence lui ferait envisager comme très secondaires les fonctions de grand maître d'artillerie». *Вел. княгиня:* «Je trouve qu'il doit donner sa démission». *Я:* «Et moi qui espérais que votre influence adoucirait son impression»**.

Гром музыки и приглашение участвовать в государственной партии прервали этот разговор, но я понял, что Ольга Федоровна раздувает пламя раздора. После ужина уезжаю, получив на то разрешение хозяина дома, жена моя остается до $4^1/_2$ час., но императрица кончает танцы почти в 6 час.

23 [*февраля*]. Среда. Охота с Шуваловым и Швейницем на пороховых заводах. Убиваю лисицу и зайца и в $2^1/_2$ сижу дома за рабочим столом. Во время завтрака Швейниц рассказывает, что ему стоит

* *Я:* «Я очень огорчен, ваше высочество, что вел. князь так близко принимает к сердцу сообщение об артиллерии, сделанное ему вчера военным министром». *Она:* «Разве он говорил с вами об этом?» *Я:* «Вел. князь упомянул вскользь, но военный министр говорил вчера со мной об этом вечером на балу у французского посла». *Вел. княгиня:* «Ванновский — ничто, а все это интриги Обручева».

** *Я:* «Это возможно, ваше высочество, но вопрос не в этом. Вел. князь занимает самый высокий пост в империи, ему принадлежит высшее руководство законодательством, и я надеялся, что под вашим влиянием он поймет, какое второстепенное значение имеют его обязанности генерал-фельдцейхмейстера». *Вел. княгиня:* «Я считаю, что он должен подать в отставку». *Я:* «А я надеялся, что под вашим влиянием он сумеет преодолеть эту неприятность».

особенного труда добиваться сохранения русской миссии в Мюнхене, что как то ни кажется невероятным, но Бисмарк желает сохранения ныне существующих немецких монархических государств, полагая, что всякий дальнейший шаг к единству германской монархии есть шаг к республике.

Домашний спектакль у кн. Паскевич. Хозяйка, славившаяся в прежние годы театральными успехами, несколько устарела. Превосходен Всеволожский, директор театров, в пьесе «Les femmes terribles».

24 [февраля]. Четверг. Заседание соединенных Департаментов о налоге на заграничные паспорты[51]. Оппонирует Гирс, преимущественно против стеснения иностранных подданных. После заседания сообщаю ему конфиденциально о мысли устроить центральный государственный архив, положив в его основание то, что хранится под этим названием в Министерстве иностранных дел, а также собрав из других ведомств бумаги, имеющие государственное, историческое значение[52]. Просит дать ему время для обсуждения, сообщает, что кн. Горчаков в Бадене при смерти.

25 [февраля]. Пятница. Разговор с Егоровым, представителем петербургских беспоповцев. По его мнению, лучше ничего не делать, чем издавать постановления, предоставляющие простор административному произволу низших чиновников. Егоров продает ежедневно три тысячи кусков ситца; жалуется на застой в делах, происходящий от отсутствия цен на хлеб, а также от реакции после искусственного оживления, вызванного множеством бумажных денег, выпущенных правительством в последнюю войну.

Бал у кн. Кочубей в роскошном дворце Белосельского, ее сына. Играю в «quinze» — государь, вел. кн. Владимир Александрович, Воронцов, Балашов, Дурново, принц Ольденбургский. Очень красива картина ужина в галерее.

26 [февраля]. Суббота. Рождение государя. Приказано быть в Аничковом дворце тем, кои прежде ездили. Я ездил по обязанности секретаря Исторического общества, еду и в новом звании. Поздравители разнообразны и не подходят под определенные категории; в этих случаях нахальство бывает награждаемо, почему и необходим строгий этикет. Принимают поздравления до обедни в кабинете императрицы. После обедни многочисленный завтрак на круглых столах, каждый на десять персон. За императорским столом, кроме хозяев, сидят вел. князья Владимир, Алексей, Николай, Михаил, вел. княгини Александра Иосифовна, Ольга Федоровна, Екатерина Михайловна, Мария Павловна. За тем столом, где мне указано место Воронцовым, сидят гр. Адлерберг, кн. Долгорукий, московский ген.-губернатор, военный

министр Ванновский, кавказский ген.-губ. Дондуков, донской атаман Мирский, московский губернский предводитель Бобринский и польский шталмейстер Новосильцев. Перед разъездом меня подзывает вел. кн. Михаил Николаевич и поручает съездить к Старицкому узнать о том, как произошел разговор его с государем, и уведомить об узнанном его, вел. кн. Михаила Николаевича.

Приехав домой, застаю Влангали и С. Гагарина, первый пришел поговорить о моих предположениях относительно государственного архива, второй — весьма недоволен неожиданным, стесняющим его свободу назначением в шталмейстеры.

В $2^1/_2$ у Шестакова, управляющего Морским министерством. Разговор о представлении Победоносцева относительно назначения помильной платы Обществу добровольного флота. Шестаков очень горячо принимает к сердцу действия этого общества, вредно отражающиеся на деятельности Морского министерства. Всем у Победоносцева распоряжается некий Бахтин, имевший плохую репутацию во время службы во флоте. Победоносцев берет из флота офицеров, не справляясь о их служебных достоинствах, назначает им содержание в окладах, высших против того, что получают их товарищи, несущие более тяжелую службу. Лица, служащие в добровольном флоте, чужды всякой дисциплины и даже допускают прямо безнравственные поступки, как, например, торговлю на кораблях и даже торговлю водкою. На случай войны добровольный флот не принесет никакой пользы, и потому деньги, на него истрачиваемые, составляют чистую потерю. Другую сторону вопроса составляет финансовая сторона. Русский народ в тяжелую годину пожертвовал $4^1/_2$ млн. из последних средств, надеясь, что это пожертвование будет разрастаться в будущем; вместо того за пожертвованный капитал русский народ должен еще платить ежегодно 600 или 700 тысяч. Подобное поощрение правительство может оказывать для водворения и развития какого-нибудь дела, которое приходится не по силам частной инициативе, но в таком случае основою дела должны быть выгоды, зорко преследуемые интересом частных лиц или компаний, а никак не бесконтрольное расходование народных сил религиозным фанатиком на практическое дело, в коем он ничего не понимает. Это будет крупный скандал, который падет на государя и на все его царствование.

В 3 часа в Зимнем дворце вместе с Сергием Гагариным и Бобринским, московским губернским предводителем, осматриваем старинное серебро, отправляемое в Москву для пиршеств коронации. Особенно замечателен вермелевый орловский сервиз. Заходим в Петровскую галерею, очень хорошо рассортированную и устроенную Васильчико-

вым. В 4 часа еду к Старицкому, который сообщает, что государь принял его ходатайство об освобождении от управления Кодификационным отделом. На вопрос о том, кого назначить ему преемником, Старицкий заявил, что настоятельная необходимость возможно скорого издания Свода законов должна бы служить основанием к назначению кого-либо из вновь назначенных, более молодых и здоровых членов Совета, как, например, Перетц или Фриш, что если бы признавалось необходимым умалить значение этого поста, то можно бы назначить сенатора и в таком случае сохранить эти занятия нынешнему товарищу управляющего Кодификационным отделом Маркусу. Все это согласно поручению вел. князя пишу ему.

Вечером слушаю доклад Слепцова об университетском уставе[53].

27 [февраля]. Воскресенье. Последний день масляной. Танцуют с утра в Аничковом дворце, куда, впрочем, я не приглашен. В $8^1/_2$ вечера бал у вел. кн. Михаила Николаевича более или менее по принуждению. Дворец превосходен, в особенности хорош танцевальный зал. Государь приезжает после 11 час., будучи задержан дома чтением дел. Известие о смерти кн. Горчакова. Он умер 85 лет, много пережив ту незначительную славу, на которую имел бы право. Ужинать садятся в 12 час. и тотчас вслед за ужином разъезжаются, к крайнему огорчению расплясавшейся публики.

28 [февраля]. Понедельник. В 11 час. приходит полицейский чиновник объявить, что живущий за два дома от меня член Государственного совета Маков лишил себя жизни, иду в его квартиру, нахожу его на полу, в луже крови, одетым в халат[54]. Прокурор судебной палаты и министр юстиции Набоков ожидают судебного следователя для начатия следствия. Весьма вероятным представляется, что смерть эта в связи с растратою денег, обнаруженною со стороны Перфильева, директора Почтового департамента, в прежнее время правителя канцелярии Макова. Пишу донесение государю и еду сообщить вел. князю. Застаю его за завтраком с вел. княгинею, всеми сыновьями и их воспитателями. После завтрака вел. князь сообщает мне, что едет к государю говорить об участи Кодификационного отдела, поручает мне спросить у Победоносцева его мнение о том, какие почести следует оказать телу Макова. Пишу об этом записку Победоносцеву, который отвечает, что, по его мнению, достоинство государства и Государственного совета требует, чтобы никаких почестей воздаваемо не было. Посылаю эти слова вел. князю, который отвечает, что такого же соображения ответ ему был дан самим государем. Еду вечером к Абазе, который встречает меня словами: «Вы приглашаете нас на панихиды по Макове?» — и при этом показывает повестку, разосланную Государственною канцеляриею. Спешу домой, чтобы узнать адрес разославшего эту повестку помощника ст.-секр. Гартмана, который оказывается живущим на Кирочной улице, еду на Кирочную улицу, но Гартман оказывается на Вознесенской, разыскиваю его там и после приличного внушения предписываю до утра разослать от моего имени повестки, отменяющие глупое и самовольное распоряжение этого чиновника.

1 марта. В 2 часа панихида в Петропавловском соборе, который набит народом; разумеется, только и разговору, что о смерти Макова. «Quelle aubaine pour les ennemis de l'ordre et du gouvernement»*, — говорит Тимашев. «On dit qu'une soustraction de 400 000 rb. a été découverte»**, — говорит Дондуков, не такой человек, чтобы сделать это из-за вопросов самолюбия; тут не десятками, а сотнями тысяч пахнет и т. п. Вечером заезжаю к Рейтерну, чтобы ознакомить его с предметом заседания у вел. князя. В разговоре Рейтерн рассказывает интересный бывший с ним случай при покойном государе. Военный министр испросил высочайшее повеление на израсходование 21 млн. на постройку крепостей и сообщил это повеление Рейтерну к исполнению. Рейтерн после многих тяжелых усилий добился от государя, что повеление это было взято обратно, но при этом было пережито много неприятного. Тогда Рейтерн написал в Париж Нессельроду письмо, в котором поместил следующие слова: «Je suis décidé de tirer mon épingle du jeu et vous prie de me préparer une habitation quelconque aux environs du parc Monceaux»***. На следующем докладе государь все время на него дулся, и вслед за тем приехал Шувалов уговаривать Рейтерна не выходить в отставку, о которой толкуют городские слухи.

2 марта. Среда. В 9 час. вечера совещание у вел. кн. Михаила Николаевича — гр. Баранов, Рейтерн, Старицкий, Набоков, Сольский, Бреверн, Перетц и я. Все они единогласно доказывают невозможность соединения должности государственного секретаря с должностью управляющего Кодификационным отделом, что весьма понятно, потому что четверо из них служили там, и притом трое весьма продолжительное время. В начале заседания Старицкий читает выписку из прошлогоднего журнала, в котором твердо установлено, что необъятность занятий государственного секретаря несовместима с громадностью трудов, лежащих на управляющем Кодификационным отделом. Все это весьма убедительно написано Перетцем, который считал осторож-

---

*«Какая удача для врагов порядка и правительства».

**«Говорят, что раскрыто хищение 400 тыс. руб.».

***«Я решил выйти из игры и прошу вас приготовить мне жилье в окрестностях парка Монсо».

нее держать для себя в запасе министерское кресло в казенной квартире с прочими атрибутами власти и принадлежностями почета. Старицкий в подкрепление этой мысли развивает план обширных работ, предстоящих Кодификационному отделу: необходимо не только издать вновь существующие несоглашенные между собою законы, но переработать целые тома Свода законов; каждый том будет подлежать внесению в Государственный совет, и полезно было бы, чтобы тома эти рассматривались и докладывались отдельными членами. Набоков и Перетц поддерживают это мнение, Сольский заявляет только, что после издания Свода законов не будет более основания для отдельного и самостоятельного существования Кодификационного отдела. Будучи интерпеллирован вел. князем, я заявляю, что если принять к исполнению обширный план, предлагаемый Старицким, то не может быть речи о соединении Кодификационного отдела с Государственной канцелярией, желая дать понять или почувствовать, что самый план Старицкого на мои глаза* спорный и должен бы подлежать обсуждению и утверждению высшей, а пожалуй, и верховной правительственной власти. Мой добрый вел. князь не понимает намека, который мне довольно трудно высказать безобидно и для присутствующих, и в особенности для Старицкого.

Отпустив других, вел. князь оставляет меня пить чай у вел. княгини в обществе ген. Петерса и трех юных вел. князей. Разговор сильно сбивается на сплетню и, не желая быть в ней участником, я говорю: «C'est étonnant comme on est commérageur à Pétersbourg mais cela provient de l'absence de ces grands courants d'intérêts artistiques, littéraires, politiques qui passionnent pour quelque temps l'opinion ailleurs. Ici on parle toujours de quelqu'un mais jamais de quelque chose»**.

3 марта. Четверг. Пишу журнал вчерашнего заседания и показываю вчерне Сольскому, Перетцу, Старицкому, а после их одобрения посылаю вел. князю, который наивно пишет на нем: «Очень хорошо», как будто он — школьный учитель, а я — ученик. В Государственном совете довольно скучное заседание, в котором, впрочем, Департамент экономии, гоняющийся за грошовыми сбережениями, разрешает расход в 960 тыс. руб. на окончательную отделку Исторического музея в Москве, потому что Бунге заявляет, что этого особенно желает государь. Разговаривая с Перетцем, слышу от него такой рассказ: «То было в январе

---

* *Так в подлиннике.*

** «Удивительно, сколько в Петербурге сплетничают, но это происходит от отсутствия больших художественных, литературных, политических интересов, которые занимают мысли на некоторое время в других странах. Здесь же всегда говорят о ком-нибудь, а не о чем-нибудь».

месяце 1880 г., когда шли приготовления к празднованию 25-летия царствования государя Александра II, я (т. е. Перетц) был с докладом у вел. кн. Константина Николаевича, когда внезапно приехал государь, и вел. князь попросил меня подождать. Когда вел. князь вернулся с этого свиданья, то объявил мне с великою радостью, что государь объявил ему, что решился дать ход записке, поданной вел. князем в 1866 г. и предлагавшей участие народных представителей в деле законодательства. Согласно с этим 23 января было собрано чрезвычайное совещание у вел. кн. Константина Николаевича, но в последнюю минуту цесаревич прислал сказать, что не может быть, и вел. князь предложил отложить заседание до 25-го, воспользоваться временем для обмена мыслей. Мысли были высказаны самые единодушно конституционные, и Валуев и Маков говорили в одном тоне. 25 января, чрез два дня, собрание возобновилось в присутствии цесаревича. Вел. кн. Константин Николаевич начал с того, что передал с величайшею точностью все высказанное в предыдущее заседание. Выслушав его, цесаревич категорически объявил, что держится совершенно противоположного образа мыслей и что не видит необходимости навязывать России все неудобства конституционализма, препятствующего хорошему законодательству и управлению. На этом дело и кончилось[55]».

4 марта. Пятница. Сверхштатный помощник ст.-секретаря Звенигородский, не получающий жалованья, просит отставки, но желает получить и чин тайного советника, и пенсию за то, что, будучи выгнан из конторы цесаревича, ничего не делал в Государственной канцелярии. В 1 час собираются у меня Ковалевский, Фриш и Рихтер, читающий нам свой проект уничтожения Комиссии прошений, или, выражаясь точнее, замены ее собственною государевою канцелярией, от которой отошла бы вся судебная часть, а сохранилась одна раздача милостей во всевозможных формах. Замечания с нашей стороны Рихтер принимает крайне любезно и немедленно все переделывает; Фриш берется передать Набокову о необходимости придумать какой-либо экстраординарный способ обжалования решений департаментов Сената. Все мы думаем, что прежде рассмотрения дела Государственным советом необходимо бы рассмотреть вопрос в Совете министров под председательством государя.

5 марта. Доклад у вел. кн. Михаила Николаевича. Просматриваем вместе список членов Государственного совета, могущих получить награды по случаю коронации. В 1856 г. играли роль табакерки и перстни с портретом государя. Заседание Департамента законов о почетных мировых судьях для Варшавы[56], Галаган и Терций Филиппов желали бы Польшу видеть без польского населения. Разговор с

Шестаковым о неудовлетворительности и законодательства, и управления; так продолжаться не может. После заседания Старицкий и Ковалевский не хотят пропускать до каникул университетского устава. Иду с Ковалевским к Бунге, и спорим с ним о некоторых несообразностях его предположений о поземельных банках.

6 марта. Пользуясь тем, что на этой неделе не представляется мемории государю, так как в предыдущий понедельник не было заседания в Общем собрании, еду в Рапти стрелять волков с Галлом, Кампо-Саградо и Терно-Компаном. Погода восхитительная, солнце, безветрие, снег глубочайший, так что ходить можно лишь на лыжах.

7 *марта.* Понедельник. Обычный доклад у вел. князя. *Вел. князь:* «А я Вам должен сделать замечание». *Я:* «За что?» *Вел. князь:* «За то, что Вы не были вчера в Исаакиевском соборе, где праздновалось восшествие на престол государя и где было весьма-весьма мало присутствующих от Сената, Совета и ни один министр».

Я: «В этом отношении надо бы установить нечто вроде очереди от лиц, составляющих каждое учреждение, а то всякий рассчитывает, что другие поедут, и в конце концов никто не едет. Что касается замечания мне, то я непременно бы поехал, если бы знал, что Вы едете, но Вы мне ни слова не сказали, так замечание относится к Вам, а не ко мне». *Вел. князь:* «Когда мы уезжали, то ни Владимиру Александровичу, ни Алексею Александровичу, ни Николаю Николаевичу народ не кричал «ура», а когда я сел в сани, то начали кричать».

Я, разумеется, объяснил это вел. князю тем чувством уважения, которое вселяет обществу его жизнь, и отсюда обратился к тому, какую пользу он может принести своим влиянием, но в действительности нет сомнения, что распоряжавшийся манифестациею полициант прозевал и немного опоздал сигналом.

Передавая вел. князю всеподданнейшие доклады и между прочим журнал совещания о Кодификационном отделе, я сказал вел. князю: «Передав Вашему высочеству этот журнал и почитая оконченным дело назначения Фриша на место Старицкого, я считаю долгом заявить Вашему высочеству, что я не разделяю мнения лиц, участвовавших в совещании, и если я не высказался определительнее, то потому только, что это не было в моей роли как потому, что я был младшим из присутствовавших, так и потому, что речь шла о передаче этого Кодификационного отдела в мои руки. Ваше высочество сказали мне в заседании, что Вы не понимаете моих слов, но, к сожалению, я не видел Вас ни после того, как Вы были с докладом у государя, ни после Вашего свидания со Старицким, вот почему мои слова были для Вас неясны; я не мог заранее высказать вам свою мысль».

Вел. князь: «Вы говорили против предположений Старицкого, потому что Вы не участвовали в заседании прошлого года, где уже обсуждался вопрос об издании Свода законов».

Я: «Я прочитал журнал прошлогоднего заседания и видел, что по этому журналу на Старицкого возлагалось представить план работ Кодификационного отдела, с того времени прошел год, никакого плана Старицкий не представил, а лишь смутно высказывает, что у него какие-то предположения есть. Эти предположения не рассмотрены и не утверждены правительством, а покуда этого не последовало, это — частные предположения Е.П. Старицкого и на них едва ли возможно основывать переформирование или неприкосновенность Кодификационного отдела».

На это мой добрый вел. князь не нашелся ничего ответить. Потом разговор шел о наградах членов Совета по случаю коронации. Это самый живой вопрос в бюрократическом мире. Я представил вел. князю список всех членов Совета и справку о том, что было роздано в 1856 г.

На завтраке у вел. кн. Владимира разговор был свободнее, потому что присутствующих меньше числом. Алексей Александрович с докладом в Гатчине, Николай Николаевич у себя на даче в Знаменском, Перовский жует в Гатчине, дежурный адъютант Скарятин глух. Разговор о театре, о том, что по настоянию Победоносцева не будет русской оперы, что это непоследовательно, что Победоносцев невыносимо ограничен во взглядах и фанатичен. Сидя возле вел. княгини, напеваю ей, что вел. князь, ехавши в Москву, должен приготовиться к тому, чтобы говорить с теми депутациями и т. п., которые будут к нему являться, что прошло время, когда принцы могли упорно молчать, и т. п.

В Государственном совете по делу о совершении крепостных актов на купленные крестьянами участки говорят три или четыре члена, делают предложения, которые не обсуждаются никем, вел. князь вопросов не ставит, голосования не происходит, и, собравшись пред его креслом, кучка расходится бесследно для дела[57]. Этого нельзя признать ни прениями, ни председательствованием.

Дондуков настаивает на том, чтобы поскорее был изготовлен журнал о преобразовании кавказского управления, угрожает моему ст.-секр. Железникову, что пойдет просить государя, чтобы его, Дондукова, отпустили в Тифлис, не дождавшись окончания дела в Совете. Уговариваю его выслушать чтение журнала в воскресенье у меня на дому.

Старицкий, Стояновский, Ковалевский говорят о неудобствах рассмотрения университетского устава до коронации и возбуждения

учащейся молодежи к этому времени. Я прошу их не возбуждать такого вопроса, а удовольствоваться ссылкою на материальную невозможность окончить рассмотрение этого дела в сессию, значительно сокращенную вследствие коронации. Еду к Рихтеру, чтобы передать ему рукопись его о Комиссии прошений. Не застаю его дома и передаю рукопись его жене. Застаю ее в весьма удобно вновь устроенной квартире в казенном доме, отведенном для Военно-походной канцелярии[58]. Тотчас после возвращения домой получаю от Рихтера обратно его рукопись для переделки изложения кем-нибудь из чиновников Государственной канцелярии. Шедши домой, встречаю в Летнем саду вел. кн. Владимира Александровича, уговариваю его принимать более деятельное участие в делах Государственного совета и начать с раскольничьего дела. Прошу его помогать вел. кн. Михаилу Николаевичу в председательствовании, постановке вопросов и т. д., а то кончится скандалом. Консерваторы и либералы — на чем покоится теперешняя система управления, если какая-нибудь система существует; такая неурядица страшна в будущем. Обед у бар. Штиглица; под предлогом посоветоваться о выборе лица, которому можно поручить переделку записки о Комиссии прошений, заезжаю к ст.-секретарю Железникову и застаю врасплох картину чиновничьего увеселения. Вечер с цыганами у довольно мало симпатичной гр. Клейнмихель, мужья приезжают одни с извинениями жен. А.В. Адлерберг, постаревший на десять лет. Играю в вист с Абазою, Швейницем, Убри.

8 [марта]. Вторник. Вследствие разговоров с членами Совета и вел. князем еду к Победоносцеву заручиться его согласием на то, чтобы не рассматривать в нынешнюю сессию университетского устава. К крайнему удивлению, нахожу его весьма нерасположенным к уставу, в особенности к предположению заменить университетские экзамены экзаменами государственными; разделяет мнение, что не время пред коронациею раздражать студентов, хочет переговорить с Деляновым. Когда идет речь о том, чтобы чего-нибудь не делать, то можно всегда рассчитывать на его содействие. О раскольничьем деле также высказывает мысль, что не было никакой необходимости делать представление в законодательном порядке; постоянно возвращается к своему любимому тезису, что учреждения не имеют значения, а что все дело в людях. В 7 час. обед в гостинице Донона, обед, предложенный мне сенаторами I департамента. Благородная, прямая, честная нота. Как жаль, что этого еще не довольно для управления.

9 [марта]. Среда. Утром заходит ко мне морской министр Шестаков и сообщает, что государь согласился на присоединение Общества добровольного флота к Морскому министерству. Шестаков читает мне превосходно написанную им самим записку, в которой с большою откровенностью и мужеством высказаны государю все неудобства параллельного и несколько соперничествующего существования правительственного и добровольного флотов. Государь оставил у себя эти записки и сделал на них весьма лестные для Шестакова отметки; благодаря его за откровенность, государь в заключение написал, что поручает Шестакову сообщить это Победоносцеву для того, чтобы в этом смысле вести дело в Государственном совете. Я заметил Шестакову, что если так, то еще ничего не сделано, потому что в Государственном совете находится лишь дело о даровании Обществу добровольного флота помильной субсидии, когда вопрос поставлен так, что все общество должно перейти в подчинение и заведование морского министра. Необходимо составить категорический доклад о том, чего хочет Шестаков, и, получив одобрительную резолюцию государя, немедленно донести Сенату для распубликования.

Вел. кн. Михаил Николаевич высылает бумаги после всеподданнейшего доклада. О пенсии семейству Макова отложено до объяснения с мин[истром] внутренних дел. Назначение Фриша главноуправляющим Кодификационным отделом отложено до Пасхи, покуда Набоков приищет себе товарища.

Причисленный к Государственной канцелярии бар. Нолькен, племянник Рейтерна, живет пятый год в деревне и продолжает получать чины и награды. Советую ему выйти в отставку. Он соглашается, но говорит, что его дядя дорожит сохранением придворного звания камер-юнкера, которое по настоящим правилам теряется при выходе в отставку. Встретившись с Воронцовым в клубе, уговариваюсь с ним, чтобы он испросил высочайшее соизволение на то, чтобы Нолькен был уволен в отставку с сохранением придворного звания, что может послужить прецедентом и в будущем для всякого помещика. Я упоминал здесь о записке, поданной государю в 1867 г. вел. кн. Константином Николаевичем. Вот она:

«После происшествий, бывших в нынешнем году в Рязанском и Петербургском дворянских собраниях, государь император, входя в затруднительное положение дворянства, изволил сам обратить внимание на вопрос о том, что можно для него сделать. Это указание привело меня к следующим мыслям.

В основе соображений по этому важному предмету, необходимо положить некоторые существенные начала, которые должны служить, так сказать, афоризмами при дальнейшем развитии самых соображений.

1) Для России в настоящее время и еще надолго конституционное правление было бы гибельно, потому что оно немедленно бы обратилось в олигархию и анархию. Мы должны всеми силами поддерживать самодержавие.

2) Существующие сословные привилегии не должны быть нарушаемы или отнимаемы; такие меры произвели бы раздражение, но в видах уничтожения исключительности этих привилегий можно на деле их сглаживать чрез распространение их на другие сословия.

3) При допущении известной степени либеральности *в формах*, составляющих наружную сторону какого-либо мероприятия, не предстоит опасности, коль скоро *сущность* сохранена и удержана в надлежащей неприкосновенности.

4) Развитие зародышей, хранящихся в отечественном законодательстве, должно быть предпочитаемо заимствованию иностранного.

Перехожу от этих общих начал к мыслям моим о положении дворянства.

Оно вообще недовольно, конституционные его стремления периодически возобновляются. Однако, по словам умных и сведущих дворян, дворянство не желает серьезно конституции, потому что оно само сознает ее опасность, а конституционные его намеки служат ничем другим, как выражением его неудовольствия. И, действительно, как ни разноречивы между собою основания, излагаемые в суждениях и речах дворянских и других собраний, постоянно и настойчиво проводится в них одна мысль: *до государя правда не доходит*, администрация, бюрократия нами завладели, они стоят непроходимою стеною между государем и его Россиею, государь окружен опричниками... и т. п. Но везде повторяется та же мысль: *до государя правда не доходит.* В этих сетованиях, как мне кажется, обнаруживается то истинно серьезное желание, которое может и должно быть удовлетворено.

Как это исполнить?

К достижению сего, по моему убеждению, представляется возможность без малейшего прикосновения к священным правам самодержавия.

1) Наше законодательство дарует сословиям (дворянству уже около столетия) такое право, которое приобреталось за границею потоками крови, которое считается там первым и самым важным залогом политической свободы и которое у нас не довольно высоко ценится, а в иных случаях даже и забывается (речь Щербатова)[58a] это le droit de pétition, право заявления своих нужд (IX т. С. 3, ст. 112)*.

* *В тексте ошибка, имеется в виду ст. 152.*

2) Дворянство имеет право выбирать депутатов из кандидатов, представляемых каждым уездом на случай вызова их правительством для объяснения ходатайств дворянства (IX т. С. 3, ст. 113 и 114)*. Это право оставалось у нас мертвою буквой.

Исходя от этих двух существующих прав дворянского сословия, я предложил бы воспользоваться ими для осуществления следующих предположений.

1) Обязать как дворянские собрания, уже имеющие это право, так и земские собрания, этого права еще не имеющие, избирать депутатов (двух или трех).

2) Правительство оставляет за собою право собирать их, когда и как найдет полезным.

3) Избранные лица могут быть созываемы в собрания или из всей России, или по полосам, или местностям, как это признано будет нужным.

4) Собрания состоят при Государственном совете.

5) Собрания собственной инициативы не имеют, а занимаются только теми делами, которые им передает правительство.

6) Собрания имеют только совещательный, а не решительный голос.

7) Из заявлений и просьб местных дворянских и земских собраний правительство поручает обсуждению депутатских собраний только те, которые назначит по своему усмотрению.

8) Собрания не должны быть постоянными.

9) Заявления и просьбы дворянских собраний передаются в собрание дворянских депутатов, заявления и просьбы земских собраний — в собрание депутатов земских.

10) Председатели обоих депутатских собраний назначаются его императорским величеством из членов Государственного совета.

11) В занятиях собраний участвуют министры по принадлежности.

12) Собрания занимаются только приготовительными работами для Государственного совета, в который вносятся установленным порядком заключения собраний по рассмотренным в них вопросам.

13) При обсуждении этих дел в Государственном совете могут быть призваны в заседания Совета некоторые из депутатов для представления нужных объяснений, но при разрешении дел они не присутствуют.

14) Объяснения приглашенных в заседания депутатов записываются в журналы Государственного совета.

* *В тексте ошибка, имеются в виду ст. 153 и 154.*

15) Эти объяснения вносятся в мемории Государственного совета, подносимые на высочайшее утверждение, при которых представляются государю и подлинные по рассмотренному делу журналы депутатских собраний.

Все эти предположения имеют целью, с одной стороны, удовлетворить действительно общему желанию, чтобы голос сословий прямо доходил до престола, а с другой стороны, устранить именно поводы и предлоги к дальнейшему повторению превратного предположения, будто в настоящее время правде прегражден путь к государю. В то же время эти меры, весьма либеральные по своей форме, должны успокоить многие высказывавшиеся в последнее время стремления, но в сущности в них нет ничего опасного, так как, во-первых, депутаты будут призваны не в состав Государственного совета, где участие их было бы сопряжено с некоторыми неудобствами, но они будут состоять при Государственном совете в виде приготовительных комиссий, во-вторых, председатели собраний будут назначаемы самим государем, в-третьих, в собраниях будут присутствовать министры и, наконец, в-четвертых, при обсуждении дел голос собрания будет только совещательный и в решительный обращаться не может»[59].

10 марта. Четверг. В соединенных Департаментах докладывается представление Бунге о разрешении совершать сделки на металлическую монету. Рейтерн горячо поддерживает представление. Абаза говорит весьма продолжительно и гладко, принимая сущность этой меры, отвергает ее своевременность, считает необходимым сжечь известную долю кредитных билетов и тогда допустить обращение металлической монеты по курсу. Мнение это принято всеми[60]. Вечер у Сан-Донато с цыганами. Набоков, со слов Дурново, товарища Толстого, рассказывает, что Маков уничтожил все документы, касавшиеся расхода секретных сумм.

11 марта. Пятница. В 9 час. вел. кн. Владимир Александрович присылает мне сказать, что ждет меня, чтобы ехать на охоту к Шувалову. Еду к нему, чтобы объяснить, что охота Шуваловым отложена. Вел. князь говорит мне, что с разрешения государя придет в будущую субботу послушать в соединенных Департаментах, что будет говориться о раскольниках. Замечаю ему, что, впрочем, всякий член имеет право это сделать, что весьма желательно большее его участие в делах. Возвращаюсь к той мысли, что у нас нет единства в правительстве, что Толстой ограничивается пропуском докладов своих директоров, не желая быть первым министром, как были его предшественники. Разговор о деле Макова, ревизия обнаруживает утайки громадных сумм. Вспоминаем, как за обедом у меня вел. кн. Владимир упрекал Тимашева в том, что он не умеет выбирать людей. Вел. князь читает записки своих воспитателей о ходе его воспитания. Говорю ему, что он был бы замечательным человеком, если бы выдержал больше ломки в ранней молодости. Уговариваю его иметь храбрость говорить несколько слов людям и группам людей, которые будут ему являться в Москве. В 8 час. вечера заседание у вел. кн. Михаила Николаевича о том, куда направить силы и деньги для устройства хорошего порта в Поти или Батуме. В Поти уже брошено 7 млн., и нужно чуть не столько же, чтобы не потерять плодов сделанного. В Батуме порт мал и не исследован, песчаная отмель передвигается неизвестно в какую сторону. По обыкновению заседание кончается ничем, т. е. поручается технической комиссии сделать подробный расчет того, что нужно израсходовать в Поти, чтобы сохранить хотя бы посредственный порт.

В этот день я был еще в 1 час у Ковалевского вместе с Фришем. Мы еще раз прочитали записку Рихтера и дали помощнику ст.-секретаря Яковлеву подробные указания о том, как ее переделать. В 4 часа у Делянова заявили, что нет материальной возможности для Государственного совета до коронации рассмотреть университетский устав. Делянов грозит отставкою, говоря, что при таких порядках не может управлять министерством, потом говорит, что поедет к Толстому. Оба они хотят только, чтобы рассмотрение в Совете было пустою формальностью, будучи заранее уверены, что государь примет их мнение. Уговариваю Делянова на другой день в Совете переговорить с достопочтенным Старицким, которого никто не может подозревать в интригах или предвзятых мыслях.

12 [марта]. Суббота. В 10 час. прогулка с Толстым по Невскому до Публичной библиотеки, сзади идут два полицейских с заряженными пистолетами. Толстой очень раздосадован статьею в «Berliner Tageblatt», где сказано, что он, Толстой, должен лопнувшему скопинскому банку 500 тыс. руб. Товарищ министра внутренних дел Дурново представлялся вел. кн. Ольге Федоровне, которая его спросила, справедливо ли известие, помещенное в этой газете. Толстой переговорил с Швейницем и намерен начать судебное преследование. Тщетно уговариваю его не обращать внимания на такой вздор. Вообще он слишком раздражителен в делах личных. Прошу его, чтобы не всучил нам на коронацию какого-нибудь пустопорожнего члена Государственного совета. По его мнению, надо бы назначить кого-нибудь из дворянства, например гр. Бобринского, губернского предводителя. Я предлагаю в таком случае назначить городского голову Чичерина сенатором I департамента Сената, но эта мысль приводит в ужас Толстого. Оба

вместе ругаем Островского, посредственного, подобострастного чиновника, ухаживающего за сильным, и в душе своей ярого радикала. В 11 час. у вел. кн. Михаила Николаевича. Застаю там Старицкого. Пользуюсь его присутствием, чтобы поговорить о невозможности провести немедленно университетский устав. Предлагаю вызвать на раскольничье дело всех министров. После ухода Старицкого вел. князь говорит о том, что государь выразил намерение по случаю коронации дать весьма щедрые награды.

В соединенных Департаментах вторично слушается представление Набокова о назначении почетных мировых судей в г. Варшаве. Галаган и Филиппов оппонируют, первый — глупо, а второй — грубо. Добрый Старицкий не умеет справиться с председательствованием. Вечером два акта французского представления «Frou-Frou».

13 марта. По поводу процесса, разыгравшегося последним летом в Галиции, и присутствия в Петербурге виновника этого процесса Добрянского[61] государю была подана записка Победоносцевым, где [он] выставил жестокости поляков и мадьяров в отношении русинов и трудность положения австрийского правительства, смотрящего на беззакония потому будто бы только, что в Австрии существует конституция. Записка кончается следующими словами: «Вот плоды конституционного правительства. Ныне оно уже дискредитовано всюду, но всюду ложь эта въелась, и народы не в силах от нее освободиться и идут навстречу роковой судьбе своей. Особливо для юных славянских государств это — первая и самая ужасная язва, разъедающая ложью и раздором весь состав общества, поселяющая разлад и взаимное непонимание и отчуждение между народом и правительством. Доказательства налицо в Румынии, в Сербии, в несчастной Болгарии, которой, к стыду нашему, мы своими руками привили эту язву — и конституцию и суд, отделенный от государства.

Как же безумны, как же ослеплены были те quasi-государственные русские люди, которые задумали обновить будто бы Россию и вывесть правительство из смуты и крамолы посредством учреждения какой-то палаты представителей. Как были легкомысленны те, которые готовы были уступить или принять сочиненный рецепт как лекарство от болезни, состоявшей в расслаблении власти. Кровь стынет в жилах у русского человека при одной мысли о том, что произошло бы от осуществления проекта гр. Лорис-Меликова и друзей его[62]. Последующая фантазия гр. Игнатьева была еще нелепее, хотя под прикрытием благовидной формы Земского собора. Что сталось бы, какая вышла бы смута, когда бы собрались в Москве для обсуждения неведомо чего расписанные им представители народов и инородцев империи, объемлющей вселенную, наполненной пустынями, империи, в коей иной приход Якутской области (1100 верст длиной) или уезд Сибирский может вместить пространство целой Франции[63]. Кому была бы от этого радость и победа, так это полякам, которые, несомненно, стоят скрытые в центре всякого так называемого конституционного движения в России, тут было бы для них вольное поле деятельности, вольная игра и гибель России.

Простите, Ваше величество, что утруждаю Вас чтением этого длинного писания. Это самая страшная опасность, которую я предвижу для моего отечества и для Вашего величества лично. Доколе жив, не оставлю этой веры, не перестану твердить то же самое и предупреждать об опасности. Болит моя душа, когда вижу и слышу, что люди, власть имущие, но, видно, не имущие русского разума и русского сердца, шепчутся еще о конституции. Пусть они иногда подозрительно на меня озираются, как на заведомого противника этой роковой фантазии. Я жив еще и не затворяю уст своих, но, когда придется мне умирать, я умру с утешением, если умру с уверенностью, что Ваше величество стоите твердо на страже истины и не опустите того знамени единой власти, в котором единственный залог правды для России. Вот где правда, а там ложь, чужая ложь, роковая ложь для судеб России»[64].

В 1 час у меня чтение журнала соединенных Департаментов о преобразовании кавказского управления — Дондуков, Старицкий, Дурново, Пещуров и составитель журнала Железников. Всеобщее одобрение.

Обед в честь французского посла Жореса, не очень хорошо воспитанного. Вечером длинное письмо вел. кн. Владимиру о том, что дело не в учреждении парламента, а в улучшении и развитии ныне существующих учреждений.

14 [марта]. Понедельник. У вел. князя. Разговор о том, как достигнуть того, чтобы отложить рассмотрение университетского устава. Завтра у вел. кн. Владимира Александровича с Николаем Николаевичем. Пустое заседание Совета. После заседания совещание под председательством вел. кн. Михаила Николаевича. Рейтерн, Старицкий, Победоносцев доказывают необходимость отложить рассмотрение университетского устава. Толстой, Делянов настаивают на том, что в теперешнее время года и студенты и профессора особенно послушны. Вел. кн. Михаил Николаевич и Владимир также доказывают несвоевременность рассмотрения. Толстой, выходя, говорит мне: «Nous sommes battus à plates coutures»*.

---

* «Мы разбиты наголову».

У меня дома с Ковалевским и Фришем рассмотрение рихтеровского проекта о Комиссии прошений, помощник ст.-секретаря Яковлев изложил дело плохо.

Посылаю свое обычное донесение государю. Вист у Абазы с Убри и Нессельродом.

15 [марта]. Вторник. Охота в Вартемяках у Шувалова. Еду туда и обратно с вел. кн. Владимиром Александровичем. Он говорит на тему моего письма. Погода ужасная, снегу пропасть. Возвратясь домой, нахожу присланные от государя ответы на посланные мною вчера донесения. Множество вступивших бумаг, потому что сегодня последний срок внесения дел, имеющих быть рассмотренными в нынешнюю сессию. Еду на вечер к Скалонам, где вел. кн. Мария Павловна держит банк в рулетку, а вел. кн. Владимир играет в винт; остаюсь недолго и измученный иду спать.

16 марта. Среда. Инженер Карлович, строитель архива Государственного совета. Егор Месмахер с докладом по рисовальному училищу. Осмотр коллекции Звенигородского, — замечательная коллекция превосходных вещей.

Вечером за мною присылает вел. кн. Михаил Николаевич, очень доволен тем, что государь дает очень щедро награды на коронацию. Не будучи уверен в том, что государь не прикажет рассмотреть дело об университетском уставе в Совете до коронации, желает, чтобы я ехал переговорить с Толстым, но я отказываюсь исполнить это желание, потому что опасаюсь таким визитом дать подозревать нашу слабость и возможность атаковать нас у государя завтра. Вел. князь со мною соглашается. Передает мне список членов Государственного совета для изготовления им рескриптов к коронации.

17 марта. Четверг. Заседание соединенных Департаментов. Вечер у Толстого. На меня нападает Островский со словами, что рассмотрение университетского устава отложено благодаря интриге. Когда я прошу его назвать лиц, в интриге подозреваемых, то он спешит оттовориться, что, разумеется, это обвинение относится не ко мне. Я ему отвечаю, что в таком случае обвинение это должно относиться к председателю Департамента законов, который отказывается рассматривать университетский устав потому только, что не находит сам возможности добросовестно изучить это обширное дело; между тем личность и характер Старицкого довольно известны как в высшей степени почтенные.

18 марта. Пятница. Многолюдный и неудачный по выбору пьес вечер у бар. Штиглица с представлением, данным французскими актерами.

19 марта. Суббота. В 11 час. у вел. кн. Михаила Николаевича. Читаю ему выписки из своих всеподданнейших ревизионных отчетов о православном духовенстве[65], чтобы дать понятие о моем взгляде на докладывающееся сегодня в соединенных Департаментах раскольничье дело. В 1 час заседание. Приехав в Совет гораздо ранее, застаю Победоносцева, занятого переговорами с отдельными членами. На заседании в качестве слушателей присутствуют вел. князья Михаил Николаевич и Владимир Александрович. В самом начале заседания кн. Дондуков, как представитель Кавказа, заявляет об услугах, оказанных русскому элементу раскольничьим населением — молокане и духоборцы были пионерами русского движения и оплотом русской народности. Император Николай в письмах своих кн. Воронцову прямо поручал ему смотреть на раскольников сквозь пальцы; с давних времен раскольники имеют церкви с колоколами, торжественные, открыто совершаемые церемонии; в последнюю войну они были почти единственными подвозителями провианта и вообще содержали сообщения в армии; при осаде Карса они под выстрелами неприятеля подвозили снаряды к орудиям.

Хотя такое заявление не было признано прямо идущим к сущности рассматриваемых пунктов представления гр. Толстого, тем не менее оно осталось не без влияния на присутствовавших, особливо потому, что оно имело вид выражения образа мыслей самого вел. князя, предшественника Дондукова на Кавказе.

При разборе отдельных параграфов представления защитником религиозной свободы выступал Ковалевский с поддержкою Галагана, Стояновского, Шестакова. Перетц старался поговорить так, чтобы не прогневить людей, силу имеющих, как Толстой и Победоносцев; в таком же тоне, но еще с большим оттенком подобострастия говорил Сольский, и только благодаря его вмешательству не были расширены уступки, сделанные составителями проекта. Уступки эти имели главным предметом допущение починки моленен с разрешения местной власти, а не министра внутренних дел, и дозволение иметь кресты и наддверные образа в молитвенных домах. В итоге вопрос разрешен гораздо удовлетворительнее, чем я ожидал[66].

20 марта. Воскресенье. Приходит надоедать ген. Богданович, староста Исаакиевского собора, просит денег на бесплатную столовую, которая будет иметь преимущество перед дешевою столовою, учрежденною Пашковым. Отвечаю, что не понимаю религиозной борьбы на почве пищеварения, что не сочувствую ничему даровому и даю деньги только на дела, мне известные.

Маркус, товарищ главноуправляющего Кодификационным отделом, по поручению вел. князя приходит объясняться относительно типог-

рафии и некоторой неурядицы. Мокрая курица, хотя и честный человек, но не из тех, которые мостят, а которыми мостят.

Галкин-Врасский рассказывает свое путешествие по Сибири для осмотра тюремных и каторжных помещений. Его слушать, так Сахалин — чуть не рай.

Директор Телеграфного департамента Безак приходит просить о скорейшем докладе дела о пенсиях телеграфисткам. Вечер дома за еженедельным представлением государю.

21 [марта]. Понедельник. В 11 час. у вел. кн. Михаила Николаевича. Жалуется, что не попадет нынче летом на Кавказ, потому что вел. княгиня хочет остаться в Михайловском, чтобы не разлучаться с сыновьями, из коих старший будет на военно-топографической съемке, а второй будет нести артиллерийскую службу в Красном Селе. Разговор о том, что Посьет настаивает на закрытии барановской комиссии[67], но что Баранов не может сам быть представителем комиссии в Государственном совете, притом все доселе бывшие комиссии закрывались лишь после рассмотрения дела в Государственном совете.

У вел. кн. Владимира Александровича за завтраком. *Я:* «Madame la grande duchesse (Ольга Федоровна) a eu un accès très violent»*. Вел. кн. Мария Павловна и вел. кн. Николай Николаевич в один голос: «De rage!»**

В Государственном совете. По делу о нормальных правилах для коммерческих банков Грейг делает несколько замечаний, из коих некоторые приняты[68]. По делу о передаче земству шоссейных дорог[69] Абаза говорит длинную речь, настаивая на необходимости разрешить в этот же день вопрос о подъездных путях, имеющих столь громадное для всего края значение. В 8 час. у Валуева панихида по жене его[70], весьма почтенной во всех отношениях женщине, умершей довольно скоропостижно.

22 [марта]. Вторник. Обедает Влангали. Разговор о том, что Победоносцев выхлопотал Добрянскому 15 тыс. гульденов[71], просит о выдаче еще 85 тыс. Влангали просит о скорейшем учреждении поста советника при посольстве в Риме, желая назначить Эрнеста Мейендорфа. Вместе с Влангали еду к Е.Н. Нелидовой, где играют в вист Абаза, гр. Баранов, графиня Адлерберг, гр. Капнист, Фонтон, приехавший в этот вечер из Вены, где служит советником посольства, и Убри.

23 [марта]. Среда. С десятичасовым поездом еду в Гатчино. Вел. кн. Михаил Николаевич приглашает меня в свой вагон, где сидят

*«У великой княгини... был очень сильный приступ».
**«От злости!»

еще дежурный адъютант и помощник ген.-фельдцейхмейстера ген. Софиано. Разговор о Кавказе, о тамошних порядках, неосторожно меняемых военным министром Ванновским, в особенности осуждается распространение на Кавказ всеобщей воинской повинности, высказывается опасение, что войско, составленное из местных разбойников, будет ненадежным охранителем порядка, а в особенности ненадежною стражею при тюрьмах.

Дожидаясь приема у государя, долго разговариваю с моим старым товарищем сенатором Маркевичем, который привез государю объяснительную записку относительно консерватории, в коей он, Маркевич, за отсутствием вел. кн. Константина Николаевича исполняет обязанности председателя и которая подвергается различным незаслуженным нареканиям. В кабинете у государя. *Я:* «Я привез Вашему величеству два новых тома нашего исторического сборника. Один из них содержит документы о сношениях России с Англиею в XVI столетии[72], другой особенно интересен, содержа переписку Фридриха II с его посланником в Петербурге гр. Сольмсом за последние годы пред польским разделом[73]. Переписка эта ясно доказывает, что и самая мысль о разделе принадлежит Фридриху и что Россия не имела выбора, а должна была или отдать все властолюбивому соседу, или сколько возможно обеспечить себя от его властолюбия, заняв известную часть территории. Том этот обратит на себя большое внимание читающей в Европе публики». *Государь:* «Поляки увидят несправедливость их нареканий». *Я:* «Не стану утруждать Вас докладом о ходе дел Общества, в настоящее время продолжается печатание значительного числа томов, но позволю себе просить Вас, государь, выразить Обществу Ваше внимание, например, позволением напечатать некоторые из бумаг, оставшихся в кабинете покойного государя и рассматриваемых ныне Гриммом». *Государь:* «Надо прежде окончить составляемый Гриммом реестр, и тогда, по всей вероятности, можно будет кое-что напечатать в сборнике». *Я:* «Засим испрашиваю повеления Вашего величества относительно нашего годичного общего собрания». *Государь:* «Я буду в Петербурге на Пасху и тогда выберу свободный вечер, когда можно будет собраться у меня, как прежде. Если же свободного времени не выдастся, то я попрошу Владимира сделать собрание у себя». *Я:* «На место четырех умерших членов — Горчакова, Строганова, Урусова и Богдановича — предполагаются к избранию Гирс, Влангали, Давыдов (советник в Лондоне) и Мартенс». *Государь:* «Все люди подходящие. А что делает Калачов?» *Я:* «Для Общества немного. Вы, вероятно, вспомнили об нем, потому что недавно я представлял Вам доклад об отчислении его от Государственной канцелярии, хотя он занимается печатанием архива Государствен-

ного совета. Позвольте мне остановиться на этом отчислении. При Государственной канцелярии состоит до 40 человек, не несущих никаких служебных обязанностей, многие из них даже живут вне Петербурга, а между тем получают чины, кресты, ленты. Это дешевое средство делать себе приверженцев, средство, которое я считаю прямым нарушением установленного в законе порядка. К сожалению, я не могу скрыть от Вашего величества, что тут была еще другая цель — желание выставлять пред Вами большое число служащих в канцелярии, по этому числу выпрашивать соответствующую сумму наград и затем делить их между собою. Я, конечно, не стану обманывать подобными средствами Ваше величество, но прошу Вас сегодня не уменьшать общего числа наград, назначаемых служащим в Государственной канцелярии, в уверенности, что в мое представление не попадет лиц недостойных. Вы позволили мне просить у Вас аудиенции, когда к тому представится необходимость, но вел. князю такие прямые сношения не нравятся, он видит в этом нечто похожее на недоверие к нему и прямо заявил мне, что не желает, чтобы я обращался к Вам помимо его, вот почему я не буду более просить у Вас личного доклада, а прошу позволения обо всем писать Вам прямо, прося не говорить о том вел. князю». *Государь:* «Да, он чрезвычайно мнителен, а между тем все рассказывает жене, которая, несмотря на свой ум, болтает обо всем». *Я:* «Вот именно, поэтому мне надо быть очень осторожным, тем более что Вел. княгиня говорит про меня: «Qu'est ce que c'est que ce gouverneur, que l'on a donné à mon mari?»*

Таков приблизительно был мой разговор. Говорили еще о постройке архива Государственного совета. Причем, рассказав сущность дела, я заявил мысль об устройстве в том же здании государственного архива для сосредоточения в нем важнейших бумаг послепетровской эпохи, хранящихся разрозненно в различных ведомствах. Государь сказал, что мысль очень ему нравится, но он опасается, что у нас не хватит места и необходимо будет установить правила о том, какие дела и за какое время хранить в архиве.

Возвращаюсь из Гатчины с Набоковым. Его рассказы: государь читает дневник Веры Филипповой[74] и очень им интересуется. Набоков хотел бы дать награду Фришу и просит доложить об этом вел. кн. Михаилу Николаевичу. Называет множество законодательных проектов, которые намерен внести в будущую сессию.

24 марта. В соединенных Департаментах представление министра военного об умножении размеров набора с 212 тыс. на 218 тыс. ежегодно с тем, чтобы отпускать со службы однолеток и тем увеличивать

---

* «Что это за гувернера приставили к моему мужу?»

запас. Обручев защищает совершенство своих предположений с полным презрением к финансовой их стороне[75].

25 марта. Пятница. Благовещение. Их величества проезжают в карете мимо нашего дома для присутствования на конногвардейском параде.

26 [марта]. Суббота. В 11 час. у вел. князя. Приезжаю в назначенное время. Он выходит, берет ген. Свистунова и заставляет меня дожидаться 25 минут. Взойдя после этого, объявляю, что у меня никаких дел нет, и хочу уйти. Он меня усаживает и спрашивает, почему я как будто чем-то недоволен и натянут (pincé), отвечаю, что он ошибается, но разговора не продолжаю. Вел. князь путается и начинает говорить о военных, кавказских делах. Потом следует допрос о том, как меня принимал государь и о чем спрашивал. Недоумение, как мог государь в прошлую субботу вечером знать о подробностях заседания по раскольничьему делу и т. п. Мелкие подобострастные расчеты, продолжительное заседание в соединенных Департаментах, между прочим, представление министра юстиции о том, чтобы дела во втором Общем собрании решались окончательно по выслушании предварительного заключения специального обер-прокурора. Уговариваюсь с Железниковым о докладе дел, требующих непременного разрешения до коронации; Воронцов сообщает, что Победоносцев сопротивляется празднованию коронации 15 мая, потому что в этот день памятуется убиение царевича Димитрия, а между тем коронация всегда совершалась по воскресеньям, следующее же воскресенье 22 мая, день смерти покойной императрицы. Пристаю к Воронцову, чтобы уступил для Государственного совета помещение эрмитажного театра, в теперешнем же помещении Государственного совета разместил имеющиеся в запасе художественные коллекции. По его мнению, единственное препятствие — квартиры чиновников, расположенные в этом здании.

27 [марта]. Воскресенье. Обычное донесение государю с представлением мемории. Целый день за работою.

28 марта. Понедельник. В 11 час. у вел. князя, опять у него какой-то ген. Нотбек, но я заставляю дежурного адъютанта идти доложить, что государственный секретарь приехал с докладом, и вслед за тем меня принимают. Вследствие празднования рафаэлевского юбилея у вел. кн. Владимира «советский» завтрак отказан[76], и я завтракаю у вел. кн. Михаила Николаевича. Сижу возле вел. княгини, которая так и дышит злостью и злословием ко всякому. Забавна в ее устах фраза, сказанная по поводу визита ее жене президента Французской республики Мак-Магона, которая заставила себя ждать не-

сколько минут: «Je ne suis pas difficile et je n'ai pas de pretentions, mais je trouvais cela extraordinaire»*. За столом по обыкновению все сыновья и их наставники. В первый раз вижу премилого семилетнего младшего сына Алексея.

В Совете Грот говорит против Бунге, который хочет возвысить акциз и с питейных домов и трактирных заведений. Грот доказывает, что правительство всегда покровительствовало кабакам и теснило питейные заведения. Бунге возражает, что в теперешнем их положении между ними почти нет разницы.

29 [марта]. Вторник. Возвращаюсь в 8 час. утра с охоты на тетеревей. Я убил пять. Вел. кн. Владимир — три. Все утро шел густой снег. Воронежский предводитель Звегинцев является с просьбою содействовать к высылке войск для уничтожения саранчи в Новохоперском уезде. Отвратительный Семевский подличает, чтобы я представил его к ленте за то, что он привел в порядок несколько дел, относящихся к трудам Государственного совета по освобождению крестьян. Карпов, московский ученый, за издание двух томов сборника о сношениях Россия в XVI в. с Англиею и татарами требует назначения в члены Совета по делам печати. Замечательно бескорыстие русских ученых.

31 [марта]. Четверг. В соединенных Департаментах обсуждение вопроса о допущении транзита по вновь открываемой Закавказской железной дороге. Министр финансов Бунге предлагает, закрыв транзит на Каспийское море, допустить его на Джульфу. Против него говорит Абаза, с которым соглашаются все министры, зная, на которой стороне симпатии государя. С министром финансов соглашаются члены Департаментов законов и экономии[77]. Пишу обо всем заседании подробное письмо государю.

1 апреля. В $1^1/_2$ час. жена уезжает во Францию и увозит младшего сына[77а], которому необходим морской воздух. Проводив их до Царского Села, возвращаюсь оттуда с Посьетом, который в этот день имеет свой всеподданнейший доклад и хотя довольно бессвязно, но говорит о множестве сооружений на пользу путей сообщения, преимущественно, однако, водяных.

В 9 час. домашний спектакль у Меншиковых в присутствии их величеств и всей императорской фамилии. Две французские пьесы исполнены изрядно, а оперетка «Les rendez-vous bourgeois» идет в полнейшем совершенстве. В заключение ужин, все кончается в 2 часа.

2 апреля. Суббота. В 11 час. у вел. князя. Опять какой-то генерал, который, выходя оттуда, извиняется, что заставил меня дожи-

*«Я не требовательна и ни на что не претендую, но это уж чрезмерно».

даться (правда, на этот раз недолго). Я ему очень сухо возражаю, что ему нет оснований извиняться, потому что заставить меня дожидаться может лишь вел. князь, а никак не он. На вопрос вел. князя, о чем я говорил с генералом, отчетливо поясняю эту мысль. Читаю вел. князю некоторые из написанных мною рескриптов. В соединенных Департаментах дело о запрещении некоторым благотворительным учреждениям разыгрывать лотереи. Пустяки, о коих не стоит спорить. Два представления министра юстиции столь же пустые, как он сам. Обед у Всеволожских, в огромных залах казенной квартиры театрального директора. Обедают Толстые, Новосильцев, Фонтон, В. Абаза.

3 апреля. Воскресенье. Завтрак у Гагарина с Влангали, который совсем упал духом от своих незавидных обязанностей товарища министра иностранных дел и мечтает о том, как бы вырваться на свободу. Целый день за обычным еженедельным представлением мемории.

4 апреля. Понедельник. У вел. князя. На этот раз встречаю его уже в приемной и никаких генералов не видно. Разговор о смерти герцога Мекленбургского[78]. В Шверине положение затруднительное, там продолжает существовать правительство без народного представительства. В момент смерти герцога три его сына находятся: старший — в Ницце[79] с запрещением докторов возвратиться в Шверин ранее, чем через два года, второй — в Алжире[80], третий — в Индии[81], — все это с руки Бисмарку. Вел. кн. Михаил Николаевич очень озабочен известием о том, что предполагается ввести новые знамена в войсках с образами святых, чествуемых в полковые праздники. По Совету у нас деловых разговоров нет, за исключением замечаний вел. князя по журналу о кавказском управлении, замечания, конечно, имеют в виду расширение власти главноначальствующего. Захожу проститься к вел. кн. Владимиру Александровичу, уезжающему на похороны тестя, но в намерении вернуться как можно скорее. Завтракаю у вел. кн. Михаила Николаевича подле хозяйки Ольги Федоровны, злобным оценкам коей нет пределов. В Общем собрании Государственного совета незначительные поправки в кавказском журнале и значительные неизбежные нападки Грейга на Бунге по поводу всякого финансового дела, на этот раз дела об общественных городских банках.

В 12 час. едем с вел. кн. Михаилом Николаевичем на тетеревей. Разговор преимущественно о прошедшем, о том, как он числился в I кадетском корпусе и два раза ходил пешком в петергофский лагерь; о Кавказе, об имении его — Боржоме, которое уже теперь дает более 100 тыс. дохода. Возвращаемся домой по отвратительной погоде в 8 час. утра.

5 [*апреля*]. Вторник. Чтение журнала по раскольничьему делу на квартире у Старицкого. Победоносцев по каждому параграфу силится захватить несколько потерянную почву. Ковалевский, Стояновский, Перетц удачно оппонируют.

6 [*апреля*]. Среда. Дела о Потийском и Батумском портах в соединенных Департаментах, говорят моряки и инженеры[82]. О промышленных, торговых, международных соображениях никто ни слова. Заезжает ко мне Дондуков. При прощальной аудиенции у государя он говорил о следующих вопросах.

1) О распространении всесословной воинской повинности на Кавказе. Просит не приступать ко введению ее в действие прежде представления им своих о том соображений.

2) О новом законе относительно раскольников. Просит не распространять его на Кавказ.

3) О чиновниках, вследствие реформы остающихся за штатом; просит денежной помощи, говоря, что вообще он, Дондуков, после вел. князя является палачом вследствие установившейся там распущенности. Относительно выбора помощника указывает на бар. Корфа.

В разговоре со мною горько жалуется на вел. кн. Ольгу Федоровну, которая по ненависти к нему выдумывает на него непозволительные сплетни. Ненависть же происходит в особенности от того, что Дондуков не дал каких-то денежных выгод ген. Петерсу, содержащему винокуренный завод в боржомском имении вел. князя.

7 [*апреля*]. Четверг. Заседание соединенных Департаментов по вопросу о сложении подушной подати. Грейг задирательно нападает на Бунге, которого блестяще поддерживают Рейтерн и в особенности Абаза. По предложению последнего представление министра финансов изменяется лишь в том, что исключается все относящееся до размера наделов, и подать слагается наполовину с тех категорий плательщиков, кои указаны министром финансов[83].

9 [*апреля*]. Суббота. В 11 час. у вел. князя. По случаю похорон в понедельник герцогини Терезии Петровны Лейхтенбергской вел. князь желает перенести Общее собрание Государственного совета и поручает мне съездить для переговоров к Рейтерну, который, разумеется, немедленно соглашается передвинуть заседание Комитета министров на среду; все это мне очень противно, служа выражением непростительного презрения к государственному делу.

В соединенных Департаментах бездарное представление бездарного Островского о земледельческих школах вызывает продолжительные прения[84]. По поручению вел. князя еду к Набокову предуведомить его, что в день Пасхи Фриш будет назначен управляющим Кодификационным отделом и что поэтому необходимо окончательно решить выбор товарища министра юстиции. Набоков сообщает, что после внушения мною ему мысли взять Маркова он категорически спрашивал государя, имеет ли он что-либо против Маркова, и получил заверение, что ничего против него государь не имеет. Набоков просил меня предварительно переговорить с Марковым.

10 [*апреля*]. Воскресенье. Завтракаю у Гагарина с Влангали, осматриваем вместе вещи, привезенные из Китая Бюцовым, покамест еще нет ничего порядочного. Вызываю Маркова и убеждаю его принять место товарища министра юстиции. Он отнекивается незнанием уголовной части, тем, что поставит в затруднение Грота, шаткостью положения безличного Набокова; в душе своей рад вернуться на привлекающее его, близкое ему дело.

Обед у Грейга с разными министрами. Много претензий для дурно сознанных целей. Вечер у Абазы, который намеревается подать записку о наилучших способах скидки подушной подати.

11 [*апреля*]. Понедельник. Похороны Терезии Петровны Лейхтенбергской. Так как ее брат Александр Петрович женат на сестре ее мужа Евгении Максимилиановне, то брак Терезии Петровны с Георгием Максимилиановичем, будучи несогласным с законами православной церкви, совершился почти тайно вне пределов России и без всякого правительственного оповещения. Теперь придается большая торжественность похоронам ее. Все это крайне непоследовательно. Для поддержания блеска и значения державной власти необходимо сосредоточивать блеск этот на одном лице, сокращая значение слишком многочисленных членов императорского семейства. Братья и сыновья императора должны бы пользоваться высочественным почетом; всех остальных принцев надлежало бы вести, как простых военнослужащих.

12 [*апреля*]. Вторник. Отказавшись ехать к вел. князю, потому что он принимает в этот день артиллеристов, получаю от него приглашение к завтраку. Завтрак по обыкновению в обществе всех многочисленных сыновей и их воспитателей. Сижу возле вел. княгини, которая втихомолку отпускает злобные выходки, например: «Comme c'est triste la mort de la princesse Thérèse. C'est la dernière personne convenable qui quitte cette maison, où je n'ai plus de raison de retourner». *Я:* «Il est vrai, madame, qu'en rencontrant la comtesse de Beauharnais je crois toujours au premier moment que c'est une cocotte nouvellement débarquée». *Вел. княгиня:* «Et au second vous vous appercevez que c'en est une ancienne?» *Я:* «Madame, si vous ne disiez cela qu'à moi». *Вел. княгиня:* «Au Caucase mes paroles avaient de l'importance, mais ici je suis une simple particulière

habitant le quai de la cour». *Я:* «On ne saurait assez si taire ici, car tout le monde en veut à tout le monde»*.

После завтрака объяснение с вел. князем по раскольничьему делу. Оговорка, сделанная в журнале Победоносцевым и Толстым, что М[инистерство] внутренних дел в разрешениях своих руководствуется воззрениями Синода, дает повод подозревать, что, приняв заключение комитета 1864 г. и распределение, им установленное, на более и менее вредные секты, Министерство внутренних дел не распространит на значительную долю раскольников постановления, ныне издаваемые Государственным советом.

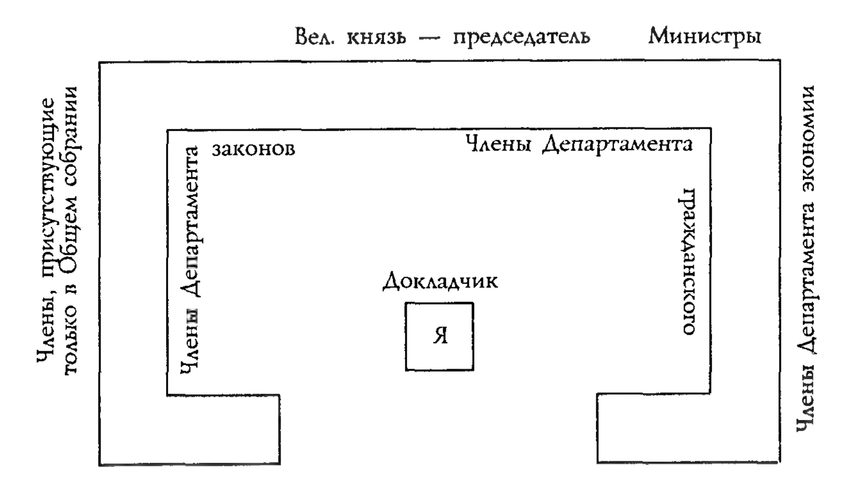
Я предлагаю включить, что Министерство внутренних дел руководствуется не одними соображениями Синода, но также государственными соображениями, местными условиями и степенью нравственности того или другого ученья.

Самое заседание Государственного совета интересно и оживленно. Имея сегодня время, расскажу весь ход его в подробности, чтобы дать при этом понятие о том, как заседания эти происходят.

Заседание назначается обыкновенно в час, и за четверть часа до назначенного времени начинают съезжаться члены. Войдя на большой подъезд, выходящий на Неву и принадлежащий к эрмитажному зданию, они проходят, поворачивая влево в комнаты, выходящие на набережную, комнаты весьма небольшие и непоместительные. Здесь они находят приготовленный от двора завтрак, к которому многие подходят весьма охотно. Так как все это делается стоя и при полном почти отсутствии прислуги, то картина выходит довольно неприглядная, особливо когда по окончании этого занятия членами на объедки бросается стая голодных писарей, дочиста уничтожающих все, что попадет под руку. Прежде, однако, чем наступит этот отвратительный момент, между приехавшими членами, и в особенности около министров, идут разговоры вполголоса; государственный секретарь отводит в сторону то того, то другого члена, обращая внимание на то или другое дело, выслушивая заявления о намерении говорить или молчать, желании изменить редакции и т. п. Приезжает председатель и, здороваясь по пути с членами, проходит в довольно скверную комнату,

* «Как грустно, что умерла принцесса Терезия. Последняя приличная особа покинула этот дом, и мне больше незачем там бывать». *Я:* «Действительно, встречая графиню Богарне, мне всегда в первый момент кажется, что это появилась новая кокотка». *Вел. княгиня:* «А во второй — вы замечаете, что это прежняя?» *Я:* «Если бы ваше высочество говорили это только мне». *Вел. княгиня:* «На Кавказе мои слова имели значение, а здесь я просто частное лицо, живущее на Дворцовой набережной». *Я:* «Здесь следует быть особенно осторожным, так как тут все недовольны друг другом».

называемую секретарскою и на этот день служащую кабинетом вел. князя. Туда же входят вел. князья Владимир, Алексей и Николай Николаевич; обыкновенно вхожу и я. Здесь дело начинается с того, что делали вчера, что делают сегодня, будет ли государь делать то или другое, нет ли речи о какой поездке, празднике, театре. Затем председатель поручает мне пригласить того или другого члена. На этот раз приглашаются председатель Департамента законов Старицкий, Победоносцев и Толстой. Речь идет о том, на кого Министерство внутренних дел намеревается распространить новый закон. После краткого прения принимают сделанное мною распространение первоначальной в департаментском журнале оговорки. Переходят в залу заседания. Зала хотя и высока, но удушлива, с трудом вмещает присутствующих, которые размещаются за столом в следующем порядке:

Заседание открывается чтением мною известий об утверждении государем таких-то мнений. Потом ст.-секретарем читаются журналы по делам, выслушанным в предшествовавшем заседании, и, наконец, начинается доклад, заключающийся в том, что ст.-секретарь прочитывает заголовок дела и если никто из членов не имеет возражений, то вел. князь, обращаясь к собранию, спрашивает лишь, угодно [ли] утвердить; если же, напротив, есть лица, желающие высказать свои взгляды, то они обязаны выйти на средину залы, стать пред председателем спиною к моему столу и говорить, обращаясь к председателю.

На этот раз вышел первым гр. Петр Андреевич Шувалов, говорил ясно, плавно, твердо, вызывая министра внутренних дел высказать, на

кого именно он намерен распространять этот закон. Гр. Толстой отвечал, что самые распоряжения закона указывают, на кого он распространится. Чинить молельни могут те, кои теперь их имеют, а следовательно, только те, кои уже теперь считались менее вредными. По настоянию Шувалова, поддержанному Ковалевским, постановлено включить ту самую оговорку, которую я предлагал до заседания. Все, что было говорено в течение заседания другими членами, в особенности Шестаковым и Тимашевым, имело в виду расширение прав раскольников. Тимашев, между прочим, предложил исключить из закона, что министр внутренних дел обязан требовать предварительное заключение обер-прокурора Синода. На это Победоносцев возражал с большою горечью за то подозрение, которое чувствуется против него во всем том, что было говорено по этому делу.

В итоге Общее собрание еще укрепило, если не расширило то, что дали раскольникам соединенные Департаменты.

Зала представляла с некоторым оттенком оживления обычную свою картину. Председатель с величайшим вниманием слушал все, что говорилось, но, не ставя вопросов, не резюмируя прений, не руководя прениями, предоставлял им полную возможность расплываться и запутывать, а не уяснять дело. Стоящие возле него вел. князья безмолвствуют и только подают голос за большинство. Сидящие по левую руку председателя министры только тогда входят в спор, когда вопрос касается их министерств. При этом бледный, тощий, на вид полумертвый Толстой говорит всегда очень просто, с знанием дела, никого не задевает, но язвительно огрызается, если его заденут. Делянов почти никогда не возвышает голоса, но армянски-плутовскими глазами насмешливо улыбается при виде происходящего, как бы желая тем выразить свое глубокомыслие. Набоков со спящею, олицетворяющею бездарность фигурою крайне претенциозно высказывает самые неглубокомысленные мысли. Бунге, маленький, весь съежившийся старичок с улыбкою вольтеровской статуи, скромно выступает в столь многочисленных денежных вопросах, говорит хорошо, но, к сожалению, отступает при сколько-нибудь упорном натиске, не всегда владея нужным запасом аргументов или надлежащею заранее обдуманностью. Это ученый, привыкший излагать мысли без всякой уверенности, что они перейдут в дело. Гирс, как испуганный заяц, прячется в свое кресло и даже закрывает лицо рукою. По делам внешней политики говорить не приходится, но если в том является необходимость, то Гирс высказывает уклончивые мысли в застенчивой форме и самой неправильной русской речью. Посьет говорит охотно, с беззастенчивостью, отличающею полную бездарность, высказывает категорические взгляды, не заботясь о подробностях, как бы существенны они ни были, проникнут убеждением о несправедливости к нему и его министерству всех людей вообще, и в особенности гр. Баранова, председателя комиссии, обличающей недостатки железнодорожного управления. Военный министр благоразумно молчит, а когда надо говорить, то на свое место присылает Обручева. Воронцов-Дашков крутит ус. Несмотря на всю мою к нему дружбу, не могу не разделить мнения кн. Кочубей, утверждающей, что он находится в постоянном припадке сомнамбулизма, но не ясновидения. Морской министр Шестаков что ни скажет — рублем подарит. Прямая, честная душа, ясный, светлый ум, мужество характера — вот отличительные черты этого замечательного человека, которому желаю возможно широкого участия в делах отечества. Государственный контролер Сольский — то, что называлось в античном мире ритором, будет говорить о чем угодно и всегда скажет что-нибудь умное и, с точки зрения общечеловеческой, привлекательное, только не всегда идущее к делу. В деле неважном готов спорить до слез и отстаивать свои убеждения, но в существенном вопросе, где чувствуется сильная лапа, он непременно кончит заявлением, что не настаивает на сказанном. Министр государственных имуществ Островский. Бледный, прищурившийся, не имеющий ничего откровенного, тоже готовый ораторствовать, если видит в этом выгоду, представляет тип самого антипатичного и опасного бюрократа, полного зависти, подобострастия, низкопоклонства. Он постепенно продал Абазу с Лорисом, Игнатьева, при первой возможности навредит Толстому, Бунге и самому Победоносцеву, лишь бы то было выгодно ему, Островскому. Говорит он адвокатским красноречием, думая об одном, как бы добиться своего и напакостить противнику. Победоносцев в речи своей достигает той простоты, которая почитается верхом совершенства. Говорит он плавно, естественно, в его речи нет ничего напыщенного, изложение несколько дидактично, но весьма привлекательно. Самая же сущность весьма недальновидна и характеризует узкого моралиста, а никак не широкого политика. Вся беда, что такому честному, примерно образованному, но крайне одностороннему во всем человеку выпадает несоразмерная его силам доля участия в истинно государственных вопросах.

Что сказать о других членах? Из толпы их выдается мой друг Ковалевский, который, не владея даром слова, всегда смело и метко высказывает здравые, честные мысли. Рейтерн говорит только тогда, когда его к тому принудят, говорит с великим авторитетом трезвого

опыта, ограничивается финансовыми вопросами и ничем блестящим никогда не отличался и не отличается. Абаза говорит очень хорошо, соблюдая столь важную в парламентских прениях вежливость, не щадит противника, когда дело идет о выигрыше дела. Говорит сдержанно, обдуманно, почти всегда одерживает победу. Грейг надоедает нескончаемою болтовнею, долженствующею выставить его, чего и достигает в обратном смысле. Перетц говорит наподобие своего бывшего начальника Сольского. Стояновский болтает без умолку и притом без всякого изящества формы. Старицкий говорит дело, но не рельефно и без твердого заключения. Галаган считает обязанностью при всяком удобном и неудобном случае поддерживать рискующую, по его мнению, погибнуть русскую народность и делает это весьма аляповато. У Дондукова каждая речь есть страница из его биографии. Гр. Баранов говорит лишь по вопросам экономическим, говорит с самыми лучшими намерениями, но не всегда обдумав все стороны вопроса. Каханов упорно молчит, а если что-нибудь выскажет, то лишь микроскопическое замечание о пустейшем вопросе.

13—14 [*апреля*]. Усидчивое писание рескриптов. Своеобразная литература.

15 [*апреля*]. Пятница. У меня запросто обедают Шестаков, Бунге, Ковалевский, Влангали. После обеда еду к вел. кн. Владимиру Александровичу, согласно его приглашению. Вел. княгиня осталась в Шверине и захворала корью. Читаю вел. князю некоторые рескрипты, вызывающие полное его одобрение. Говорит против обыкновения много и по обыкновению умно. Сожалеет о том, что государь продолжает принимать личные доклады, а не желает председательствовать в Совете министров. Весьма одобряет прусскую систему. Вильгельм почти никогда не видает министров, которые посылают свои доклады начальнику гражданского кабинета Вильмовскому, докладывающему бумаги императору. Необходимость самообуздающейся, но твердой правительственной исполнительной власти. Разговоры с Манчини и Депретис о значении монархического правления для целости итальянского единства; то же самое и для нас. Некоторая расшатанность нигилистической организации, надежды на благополучный исход коронации. Недостаточность и неудовлетворительность нынешних порядков управления. Рассмотрение пакетов, оставшихся в кабинете покойного государя. Записка Манта о последних днях императора Николая. Покойный государь Александр II постоянно высказывал против Манта подозрения, в особенности ввиду режима, которому, по его совету, следовал в последние два года император.

[*17 апреля*]. В ночь на 17-е слушаю вместе с Сашею заутреню в домовой церкви театральной дирекции. Жара и духота страшные. Ночь превосходная. Тепло и тихо. Весьма красива картина крестного хода около Казанского и Исаакиевского соборов. Толпа народа идет со светло горящими восковыми свечами.

Воскресенье. Еду в мундире с поздравлениями ко всем вел. князьям и вел. княгиням, иначе говоря, записываю свое имя в книге, лежащей в швейцарской комнате, и при этом вручаю самому швейцару в качестве праздничного подарка несколько рублей.

По случаю светлого праздника Победоносцеву дан чин действительного тайного советника, да еще Фриш назначен управляющим Кодификационным отделом.

19 [*апреля*]. Вторник. Изготовив рескрипты и грамоты ко всем наградам, назначенным государем членам Государственного совета по случаю коронации, еду к вел. князю в назначенное им время, но тут Набоков, приехавший просить согласия вел. князя на представление Фриша к чину действительного тайного советника, Небольсин — благодарит за полученную аренду. Некий ген. Шепелев хлопочет о каком-то кавказском деле. Вел. князь торопится ехать на парад двух стрелковых баталионов. Отлагает чтение рескриптов на завтра.

20 [*апреля*]. Среда. В $12^1/_2$ завтракаю у вел. кн. Михаила Николаевича, по обыкновению — все дети и все лица, занимающиеся их воспитанием; сколько-нибудь разумный разговор невозможен. Сижу возле вел. княгини, которая постоянно нашептывает всякие злые против ближнего выходки. Старший сын поддразнивает отца тем, что распространяется о неверности библейского летосчисления, опровергаемого, между прочим, мамонтовыми костями с различными рисунками человеческой руки. Вел. княгиня сочувствует выходкам своего любимца-баловня.

После завтрака чтение с лишком 40 рескриптов и грамот. Полное одобрение и приблизительно следующий разговор. *Вел. князь:* «Я испрошу у государя разрешение ехать в Гатчину вместе с Вами, и Вы прочтете ему все эти рескрипты». *Я:* «Ваше высочество! Я не сомневаюсь нисколько, что такой способ представления государю рескриптов будет самый неудачный. В присутствии нас обоих он не решится высказать то, что сказал бы каждому из нас с глазу на глаз, государь прикажет рескрипты эти оставить у него, потом отдаст их Победоносцеву, который их перемарает, обольет постным маслом, и тогда на будущее время я больше писать рескриптов не стану, а Вы потеряете то положение, которое теперь приобрели, — положение первого министра, представляющего других министров к наградам». *Вел. князь:*

«Я уверен, что этого не будет». *Я:* «А я уверен, что будет что-нибудь подобное».

Как я ни старался его убедить, этот ограниченный человек остался непреклонен в своем упрямстве и подозрительности.

Приискивая аргументы, чтобы убедить его отказаться от этого торжественного чтения, я сказал даже следующее: «Ваше высочество, мне необходимо видеть государя с глазу на глаз, хотя бы в течение пяти минут. Я нахожу неприличным, чтобы все члены Государственного совета получили рескрипты, исключая председателя, а, кроме меня, никто не может напомнить о том государю». Мой проницательный вел. князь остался непреклонным, хотя, польщенный мыслью получить награду по службе, стал скромно доказывать, что непродолжительность служения его в должности председателя еще не дает ему на то право и что, сверх того, для него было бы в высшей степени неприятно получить что бы то ни было в то время, как вел. кн. Николай Николаевич не получил бы ничего.

Много еще было говорено о предстоящем приезде вел. кн. Константина Николаевича. Государь опасается, что вел. князь сделается центром недовольных. Как я ни доказывал, что недовольство тех, кого будет видеть вел. кн. Константин, не представляет ничего опасного для правительства, мне не удалось убедить своего президента. Он в особенности опасался, что вел. кн. Константин приедет в Государственный совет, а когда я выражал мысль, что это было бы очень хорошо, то вел. князь отвечал: «Ну, извините, я не разделяю Вашего мнения. Он мой старший брат, сколько времени я сидел под его председательством, а теперь вдруг он будет сидеть под моим председательством».

Решено было вызвать Головнина, чтобы внушить ему не возбуждать вел. князя, как он это доселе делал своими постоянными ему записочками — «par sa diarrhée d'écriture»*, как выражается вел. кн. Александра Иосифовна, намеревающаяся ехать навстречу к своему мало нежному супругу[85] и сопровождать его в Гатчинский дворец для того, чтобы своим влиянием по возможности смягчить резкость свидания с государем.

В этот же день, среду вечером, еду с вел. кн. Владимиром Александровичем на глухарей ко мне в Коломяги. Я убиваю три. Вел. князь по обыкновению умен, разговорчив, точно так же заботы о впечатлении, которое производит на государя приезд Константина Николаевича.

23 [апреля]. Суббота. Завтракаю у вел. кн. Михаила Николаевича. После завтрака читаю весь составленный мною список наград для

---

*«Его поносными писаниями».

чиновников Государственной канцелярии. Показываю составленный по моему поручению Месмахером план архива Государственного совета. Вел. князь сообщает, что вел. кн. Константин Николаевич пожелал, не останавливаясь в Гатчине, ехать прямо в Петербург и лишь на другой день быть в Гатчине. Обедаю вдвоем с французом Гецом, любителем художественного старья. В 10 час. у вел. кн. Владимира Александровича и с ним вместе на глухарей. Он думает, что коронация пройдет спокойно, но что вслед за нею возобновятся покушения. Аресты многочисленны, арестовано, между прочим, 17 офицеров, 9 из Мингрельского полка на Кавказе[86].

24 [апреля]. Воскресенье. В 10 час. надеваю мундир и еду к вел. кн. Константину Николаевичу. На вопрос: «Принимают ли?» — швейцар отвечает, что всех принимают. Дожидаюсь несколько минут в небольшой проходной комнате, увешанной венецианскими и русскими солдатскими видами, вижу вел. князя, который сначала проходит в свой кабинет с Лесовским, а через 10 минут принимает меня. Кабинет имеет претензию походить на русскую избу, окнами на Павловские казармы. Прежде всего вел. князь хочет заставить меня любоваться купленною им во Флоренции головою, имеющею претензию быть произведением Андрея дель Сарто, но в действительности служащею выражением нахальства какого-нибудь школьника. Усевшись в кресла, вел. князь начинает допрос о делах, производившихся в Совете, ход и разрешение их, впрочем, хорошо ему известны по письмам Головнина. Сообщаю ему факты, ему уже известные, и стараюсь перейти к вопросам, не имеющим ничего страстного, как, например, постройка архива. Выражает намерение приехать в четверг в заседание Общего собрания, при этом говорит: «Тем лучше, что у Вас в этот день пустые дела, по которым не будет необходимости говорить». Я ему повторяю слова вел. кн. Михаила Николаевича, что его стеснит председательствовать после того, как он сам столько лет сидел под председательством своего брата.

Говорит о виденном им в Афинах Шлимане, который жаловался на меня за неполучение ответа относительно посланных им для моего рисовального училища предметов из троянских раскопок.

25 апреля. Понедельник. В 11 час. у вел. кн. Михаила Николаевича. Передаю ему разговор с вел. кн. Константином.

Заседание в Общем собрании. Абаза выступает против Бунге в деле о закавказском транзите и, между прочим, довольно колко замечает, что не может уследить столь быстро меняющиеся соображения министра финансов. Говорит плоше обыкновенного. Рейтерн говорит за предлагаемые Бунге меры. 29 голосов с Бунге за сохра-

нение транзита, впрочем весьма суженного. 17 против[87]. Посылаю государю еженедельное свое извлечение из меморий Государственного совета и присовокупляю донесение об исходе дела о транзите. Сильнейшая гроза.

26 апреля. Вторник. Вечер у Е.Н. Нелидовой, — Абаза, гр. Баранов, Нессельрод, Убри, Б.Ф. Голицын, графиня Адлерберг, графиня Клейнмихель и пр. Уговариваюсь с М.Н. Струве о выставке ею в музее нашего училища ее замечательной коллекции бронз, собранных в Японии.

27 [апреля]. Среда. Провожу все утро с французом Гец, которому показываю свои вещи и вещи моего соседа кн. Гагарина. Проходя к своим конюшням, встречаю на площади вел. кн. Михаила Николаевича, возвращающегося из Гатчино. Государь оставил у себя все написанные мною рескрипты, как я и предсказывал то вел. князю, что его несколько сконфузило.

28 [апреля]. Четверг. Общее собрание Государственного совета, в которое приезжает вел. кн. Константин Николаевич. Дела не представляют особого интереса, и на первый раз вел. князь ведет себя прилично. Спорят лишь по делу о возвышении крепостных пошлин. В кабинете вел. князя, председателя, происходит довольно комическая сцена. Вел. кн. Михаил Николаевич выговаривает Бунге за отказы в назначении усиленных пенсий двум вдовам долго служивших артиллерийских генералов, выставляя при этом несправедливость назначения крупной пенсии (2 тыс. руб.) вдове умершего недавно помощника ст.-секретаря Судакевича. На это Бунге отвечает, что все мои требования по Государственной канцелярии до того умереннее, чем прежде, что он не может мне отказывать. Вел. кн. Константин полушутя восклицает, что это прямое обвинение против него, а я пользуюсь случаем, чтобы заявить ему, что за его время Государственная канцелярия и в денежном отношении, и во всех остальных была избалована в высшей степени и что вследствие того положение и вел. кн. Михаила Николаевича, и мое весьма затруднительно.

В 5.45 приезжают из-за границы Бобринские и Лобанов, останавливающиеся жить у меня. В $8^1/_2$ час. заезжаю к Бобринским и вскоре возвращаюсь к ежевечернему своему портфелю.

29 [апреля]. Пятница. Осматриваю устраиваемый около рисовального училища сад. В 3 часа заседание комитета Музея прикладных знаний[88], отказ Обществу передвижных выставок в помещении в Соляном городке. Обычная дряблость Исакова и грубость Кочубея, который горько жалуется на свое Техническое общество, в коем демократическая толпа ему более не повинуется[89]. Сам виноват, что

набрал столько дряни. Заезжаю проститься к моей старой приятельнице Е.Д. Всеволожской, которая уезжает в Москву и рассказывает любопытные примеры путаницы в Министерстве двора и в особенности по театральному управлению, во главе коего стоит ее муж, страстно любящий это дело и постоянно сбиваемый с толку Воронцовым, который преисполнен добрых и честных намерений, выливающихся в самые смутные формы.

В 8 час. общее собрание Исторического общества у меня на дому в большой библиотеке. Грот делает сообщение о вновь доставленных ему письмах Гримма, Кобеко — о бумагах императрицы Екатерины II, имеющих быть им изданными[90].

В члены Общества избираются Гирс, Влангали, Давыдов, Мартенс.

30 апреля. Суббота. В 10 час. у вел. кн. Михаила Николаевича. От государя нет никакого ответа относительно представленных ему рескриптов, мною написанных, как я и предсказывал то вел. князю. Ему несколько неловко. Дурные известия о здоровии Петра Шувалова из Парижа, где он внезапно захворал воспалением в легких. Заседание соединенных Департаментов. Вследствие просьбы Дондукова я пустил в доклад дело о преобразовании на Кавказе народных управлений[91], дающем 143 тыс. экономии государству, но по настоянию министра государственных имуществ, заявившему, что не имел времени прочитать дело, оно отложено, хотя постараюсь доложить его в Москве.

В $6^1/_2$ час. обед у Абазы. В последней своей речи по делу о закавказском транзите Абаза задел Бунге довольно резко и неуместно. Он сказал, что министр финансов так часто меняет мнения, что он, Абаза, никак не может поспеть за ним. Впечатление от этой выходки было неблагоприятно, и Абаза пригласил теперь несколько лиц, участвовавших в заседании, чтобы в присутствии их оказать Бунге любезность. Тут были Лорис-Меликов, Грот, Сольский, Перетц, Любощинский, Домонтович. Абаза сказал несколько хвалебных в честь Бунге слов, начав тем, что в Государственном совете на днях прошло втихомолку, быть может, самое важное из дел всей сессии — дело о замене подушной подати. Мера эта и порядок, в котором она осуществилась, носят на себе характер, отличающий самого Бунге, который при своей чрезвычайной скромности, не делая никакого шума, проводит в высшей степени полезные финансовые меры и т. д. Разумеется, Бунге отвечал, что его заслуги невелики, что самая отмена подушной подати есть дело его предшественников и что видная в этом доля участия принадлежит самому Абазе.

1 мая. Воскресенье. Является ко мне господин Бабст, парижский брильянтщик, которого торговый дом существует со времени Людо-

вика XV. Он приехал в Россию для осмотра наших музеев и изучения порядков управления ими.

Объяснение с Набоковым. Уговариваю его не настаивать на том, чтобы при отборе мнений по его предложениям в Сенате считались голоса не всех первоначально в деле участвовавших, а одних наличных. Жалуется на Толстого за его равнодушие, в частности за то, что отказался принять Манасеина, приезжавшего с ревизии, немедленно принятого государем, но получившего отказ Толстого быть принятым. Обедают Тимашев, Бобринские, Гагарин.

2 мая. В 11 час. у вел. князя, который сообщает, что получил от вел. кн. Константина заверение, что не приедет более в Совет и что приездом своим хотел лишь выразить желание подчиниться воле государя исполнением единственных, сохраненных ему служебных обязанностей. Мой Михаил Николаевич этому очень рад, а я тоже, потому что вмешательство Константина Николаевича наделало бы мне много хлопот и поставило бы в ежедневную возможность подвергнуться какой-нибудь грубой выходке.

В заседании Общего собрания разбесил меня Пален*. По поводу представления Набокова относительно преобразований в сенатском делопроизводстве соединенные Департаменты заключили: поручить министру юстиции представить Совету соображения о преобразовании I департамента Правительствующего сената. Гр. Пален, в течение своего 10-летнего управления Министерством юстиции решительно ничего не сделавший для I департамента, кроме личных неприятностей мне по должности обер-прокурора, выступил теперь с заявлением, что Россия давно разрешила искомое в Европе разрешение вопроса о связи административного суда с законодательною властью и что касаться I департамента отнюдь не следует. Ему оппонировали Ковалевский, Стояновский, но из опасения произвести разногласие, что считается чуть не несчастием, заключение департаментов отброшено, и мой бедный I департамент остался на неопределенное время в своем неопределенном положении.

Обедают привезенные Лобановым из Вены для того, чтобы посмотреть на торжества коронации, кн. Кевенгюллер, маркиз Паллавичини и английский в Вене военный резидент полк. Примроз, будущий герцог Клевеланд. Двое первых весьма пустые, легкомысленные австрияки. Последний очень милый, образованный и интересующийся искусством человек. Кроме них обедают кн. Николай Долгорукий, военный в Берлине агент, очень умный и энергический, имеющий пред собою боль-

* *Далее карандашом зачеркнуто:* дурак.

шую будущность, кн. Б.Ф. Голицын, стареющийся, но по-прежнему умеющий оценивать хороший обед и в особенности хорошее вино.

3 мая. Вторник. В $10^1/_2$ вместе с Лобановым садимся в карету, запряженную четверкою, и едем в Сергиевскую пустынь на похороны кн. Горчакова. Погода хорошая. Светло, хотя свежо. Приезжаем туда одновременно с вел. кн. Михаилом Николаевичем, который не совсем доволен, что я отказался ехать на заказанном им экстренном поезде. Государь приезжает в коляске вместе с Владимиром Александровичем. Еще присутствуют, кроме родственников, все служащие в Министерстве иностранных дел. Старший сын Михаил, пользующийся всеобщим неуважением, до противности расточает внешние доказательства своей скорби, младший — Константин, несмотря на отличающую его суетливость, держит себя прилично. Речь священника бездарна и пошла. Никто не говорит ни слова, равнодушие полное. Умри этот человек лет 15 назад, и выражениям народной скорби не было бы пределов. Вот что значит себя пережить. Заслуги Горчакова, конечно, не очень велики, но несомненно существуют. После Крымской войны, ослепленный мишурным блеском Французской империи, он прилепился к ее мнимому величию и шел за Наполеоном, доколе тот не озадачил его во время польского восстания. Тут Горчаков сбился с толку, но его выручил Бруннов, который заверил, что Англия не двинется, и тогда Горчаков хватил свои знаменитые ответы, создавшие ему такую популярность в стране.

В 1870 г. император Александр стал на сторону немцев против французов[92] наперекор убеждениям Горчакова, которому необходимо было оставить пост министра иностранных дел, но выгоды и привлекательность министерского положения были слишком сильны, Горчаков остался, и с этого времени деятельность его представляет лишь необъятное поприще наглого самохвальства, покровительствования ничтожным льстецам, преимущественно из своих родственников, и, наконец, жадное копление денег, так что, не имев в начале карьеры своей ничего, кроме жалованья, он оставляет теперь сыновьям своим состояние, оцениваемое в 8 млн. Я не знаю другого примера русского чиновника, составившего подобное состояние без малейшего обвинения во взяточничестве.

4 мая. Среда. В 3 часа присылает за мною вел. кн. Михаил Николаевич и передает подписанные государем рескрипты. Не подписаны лишь три рескрипта: 1) Адлербергу — в конце рескрипта говорилось о «блестящей успешно», коею* сопровождалось исполнение возлагав-

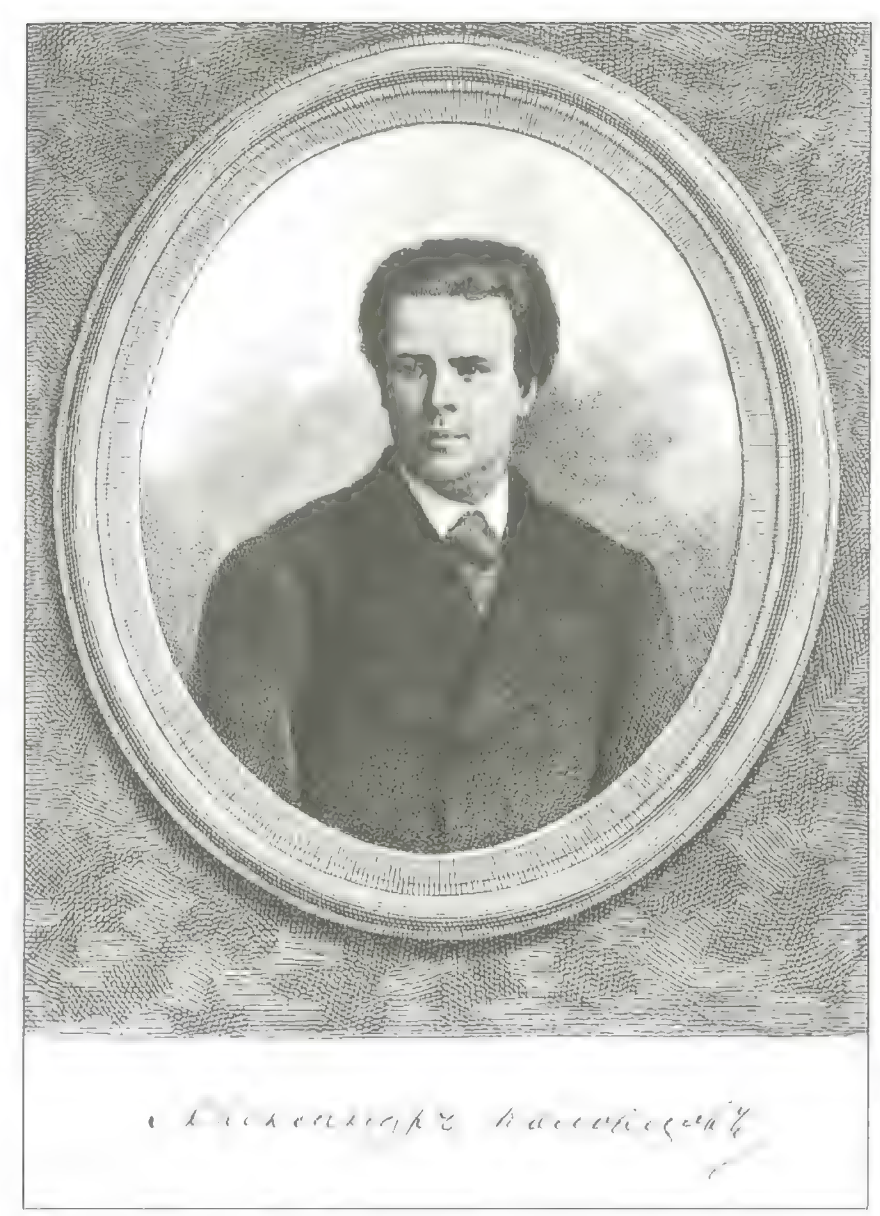
* *Так в подлиннике.*

шихся на него покойным государем поручений. Слова эти приказано заменить. 2) Победоносцеву я сказал: «Участие Ваше в юношеском образовании нашем», — на что государь заметил, что Победоносцев давал уроки лишь покойному цесаревичу Николаю Александровичу, а не ему, ныне царствующему государю. Наконец, в третьем рескрипте Кауфману выражалась признательность за долговременное служение в должности товарища ген.-инспектора по инженерной части, тогда как он пробыл в этой должности только два года, а потому пришлось заменить эти слова выражением «в высших должностях Военного министерства». Мой вел. князь был очень доволен исходом всей этой операции изготовления рескриптов, доволен в особенности тем, что все это сделалось им одним с полным устранением меня от прямых сношений и личного свидания с государем, что ему почему-то очень неприятно.

5 мая. Четверг. Ничего не сказав вел. князю, но испросив разрешение государя, еду к нему в Гатчину. Привожу с собою рескрипты, исправленные согласно его замечаниям. Захожу к Черевину, который, несмотря на позднее время, только что встал с постели и гуляет в халате по комнате, в коей расставлены принадлежности туалета, чай и водка с закускою. В приемной у государя дожидаюсь с Соболевым, болгарским первым министром, но по внешнему виду весьма ничтожным офицериком. После продолжительного доклада от государя выходит Гирс, занятый в настоящее время почти исключительно назначением времени приема представителей иностранных держав, которые приезжают на коронацию, и определением отличий, имеющих быть оказанными каждому из них.

В кабинете у государя приблизительно такой разговор: «Ваше величество, позвольте мне благодарить Вас за то, что Вы подписали представленные мною рескрипты. Я считаю обязанностью обратить Ваше внимание на то, что рескрипты эти написаны совсем иначе, чем это делалось доселе, но я счел неуместным в такой знаменательный день перефразировать послужные списки награждаемых Вами лиц, я думал, что в такой день уместно высказать ту мысль, что Вы награждаете за исполнение в каждой отрасли управления тех указаний, кои Вами преподаны. Вот рескрипты, исправленные согласно Вашему приказанию». При этом я представил три рескрипта на имя Адлерберга с такими вариантами: 1) отличного рвения, 2) крайнего усердия, 3) усердной старательности. Государь подписал последний.

Я: «Позвольте мне, государь, высказать Вам очень смелую мысль. Вы осыпали милостями членов Государственного совета».

Александр Александрович Половцов, автор дневника

Император Александр II

Император Александр III

Коронация императора Александра III

Императрица Мария Федоровна

Великий князь наследник-цесаревич Николай Александрович

Великий князь Николай Николаевич

Великий князь Константин Николаевич

Великий князь Михаил Николаевич

Великий князь
Владимир Александрович

Великая княгиня
Мария Павловна

Великий князь
Сергей Александрович

Великая княгиня
Елизавета Федоровна

Великий князь Алексей Александрович

Великий князь Павел Александрович с дочерью Марией и сыном Дмитрием

Великий князь Константин Константинович

Император Германии Вильгельм I

Канцлер Германии князь О. Бисмарк

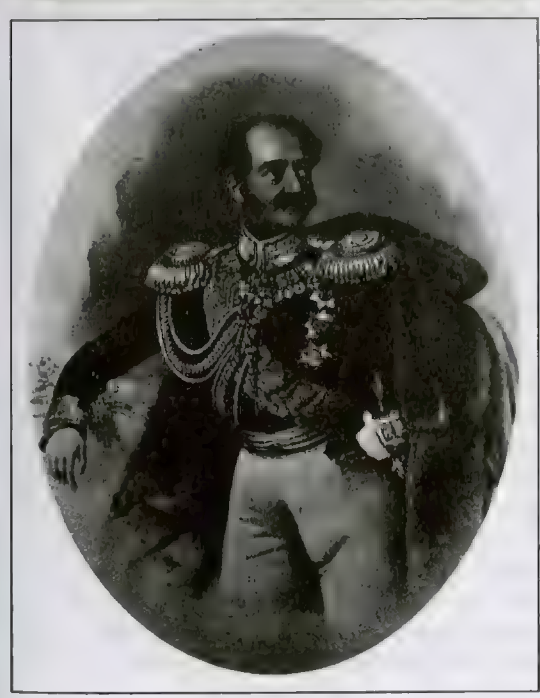
Болгарский князь Александр (Баттенберг)

Сербский король Милан (Обренович)

Александр Аггеевич Абаза

Граф Владимир Федорович Адлерберг

Граф Александр Владимирович Адлерберг

Государь: «Это в последний раз. Я непременно хочу, чтобы награды были действительно наградами за хорошую службу, а не за то, что человек прожил несколько лет».

Я: «Но в настоящем случае Вы осыпали членов Государственного совета, и я решаюсь напомнить о председателе. Позвольте мне прочитать проект рескрипта, заготовленный мною на имя вел. князя».

Государь: «Прочитайте».

Я прочитал рескрипт, оканчивавшийся пожалованием портрета.

Государь: «Я не могу дать портрета Михаилу Николаевичу, не давая ничего Николаю Николаевичу, а ему нет повода что-либо давать. Но я назначаю Михаила Николаевича членом Комитета министров, и это можно поместить в конце рескрипта. Переговорите об этом с Рейтерном».

Я: «Говоря с Вашим величеством о Государственном совете, я считаю долгом передать Вам разговор, бывший на днях между мною и гр. Толстым. Мы говорили о том, предполагается ли по случаю коронации назначать членов Государственного совета, и гр. Толстой выразил мысль, что, быть может, Вашему величеству угодно будет сделать назначение, имеющее характер милости для дворянства. Гр. Толстой желал, чтобы я заявил о том Вашему величеству и при этом называл гр. А.В. Бобринского, московского губернского предводителя дворянства. Я думал было доложить об этом предположении вел. кн. Михаилу Николаевичу, но, признаюсь, опасался враждебного влияния вел. кн. Константина Николаевича».

Государь: «Бобринский подходящий человек, не знаю только, как согласить это с его дворянскою службою; должности эти трудно совместить, а Бобринский хотел оставаться до окончания срока, на который избран. Я поговорю об этом с гр. Толстым».

Я: «Говоря еще о Государственном совете, я должен заявить Вашему величеству, что будущая сессия обещает быть очень обильною и что полезно было бы назначить деятельных членов. Если позволите, то я подумаю, пособеру сведения и осенью явлюсь к Вам с докладом. У меня есть еще вот какое предположение: с прекращением перехода судебных дел в Совет было бы полезно передавать в Гражданский департамент дела юридические законодательного свойства. По учреждению Государственного совета это может делаться властью председателя. Так как подобные дела рассматриваются в соединенном присутствии Департаментов законов и гражданского, то не будет изменения в составе лиц, рассматривающих дела, а исключительно в персонале докладчиков. Теперешним ст.-секретарем Кабатом я не доволен; в течение лета он уйдет, и я постараюсь приискать лучшего работника».

Продолжая речь о Совете, я представил государю проект постройки архива, составленный талантливым Месмахером. Проект получил полное одобрение государя.

Говоря о Константине Николаевиче, я передал государю то, что Константин Николаевич заявил Михаилу Николаевичу, что не намерен ездить в Совет и был там лишь для того, чтобы доказать, что подчиняется воле государя, исполняя единственные обязанности, за ним сохраненные.

Государь: «Он это говорит, но не выдержит, приедет, начнет говорить, скажет кому-нибудь резкие слова, и выйдет история, а если и не станет ездить, то около него будут собираться недовольные». В заключение государь расспрашивал меня о нашем годичном собрании Исторического общества и выразил твердое намерение на будущий год сделать это собрание у себя.

Прощаясь, государь еще раз благодарил меня за ту добросовестность (читай — беспристрастие), с коей написаны были мною рескрипты.

Отзавтракав у Черевина с Гирсом и несколькими чиновниками, возвратился я в Петербург в вагоне с кн. Салтыковою (весьма милою) и кн. Горчаковою (с придурью). Я забыл сказать, что в Гатчину мне случилось ехать с Николаем Максимилиановичем Лейхтенбергским, который очень постарел, но по-прежнему весьма симпатичен, да еще с вел. кн. Константином Константиновичем, у которого искривилась щека от паралича нерва и который высказывал радость, что по приказанию докторов оставил морскую карьеру, навязанную отцом.

6 [*мая*]. Пятница. Свиданье с Толстым, которому передаю то, что государь сказал мне относительно назначения Бобринского. Толстой только что вернулся из Москвы, где осмотрел подвалы всех церквей и принял всевозможные средства безопасности. От Петровского дворца до Кремля будет, кроме войска и наемных агентов, находиться 23 тыс. добровольно принявших на себя охрану крестьян. Организациею этой охраны заведует гр. Бобринский. Каждый домовладелец дает список лиц, допущенных им в дом для того, чтобы смотреть на въезд. На крышах народа не будет, а на чердаках повсеместно расположены солдаты. Несмотря на все эти предосторожности, от единичной динамитной бомбы никто уберечься не может, но полиция уверена, что заговора среди нигилистов на это время нет. Государь выезжает из Гатчины в субботу в 2 час. ночи и приезжает в Москву в воскресенье в 7 час. вечера.

Заседание совета училища рисования. Все идет превосходно благодаря Месмахеру, который жертвует силы, время, здоровье. Вечер с

Лобановым, который захворал. Гирс не имеет мужества даже на то, чтобы показывать государю депеши Лобанова, когда они выражаются смело.

В политике нет ни взгляда, ни твердости. Положение может ежедневно разыграться затруднениями и усложнениями.

8 мая. Воскресенье. Накануне вечером приехала из Канн жена моя[93] с младшим сыном[94], для здоровья коего было предпринято это путешествие. Окончив кой-какие дела по Совету и по своему хозяйству, обедаем в 6 час. и приезжаем на Николаевскую станцию железной дороги к третьему звонку. Народу пропасть. Благодаря протекции брата нам достается весьма удобный вагон, в котором мы размещаемся вместе с Лобановым, провожающий нас Влангали сообщает, что в Министерстве иностранных дел получены тревожные известия из Парижа и Лондона. Шпионы сообщают, что нигилистами заготовлен склад динамитных бомб в окрестностях Москвы[95]. В одном с нами поезде едут кн. Паскевич, Боголюбов, Маковский. Проспал всю ночь.

9 мая. Понедельник. Около 10 час. приезжаем в Москву. Здесь погода несравненно теплее и зелень гораздо обильнее, чем в Петербурге. Помещаемся в доме Бахметевой на Колымажном дворе. Дом старинный, барский, очень умно вдвинутый в сад. Квартиру нам сдала госпожа Соловая, взяв за один месяц 3200 руб., что составляет годичный ее платеж. Впрочем, цена эта сравнительно с другими не может почесться чрезвычайною.

Помывшись, надеваю вицмундир и отправляюсь к вел. кн. Михаилу Николаевичу, который вместе с Владимиром Александровичем помещен в Николаевском дворце, застаю его читающим «Русскую старину» с вытянутыми на соседнем кресле ногами во исполнение предписания доктора для излечения от болей, имеющих основанием дурное кровообращение. Способ лечения довольно наивный, а о другом добрый вел. князь не хочет слышать. Сообщаю ему о слышанном от Влангали, он отвечает: «Надеюсь, что после ужасных опытов, пережитых нами, правительство приняло все надлежащие меры осторожности, так что за завтрашний день бояться нечего». Я очень рад за него, если в нем такое спокойствие.

Делаю визит, т. е. отдаю карточку кн. Долгорукову, ген.-губернатору. Встречаю Велепольского, который немедленно приезжает ко мне. Сожалеет о рескрипте Апухтину, который возбудил негодование в большинстве тех поляков, кои были приверженцами России[96]. Обед дома.

10 мая. Вторник. С утра небо покрыто облаками, не исключающими возможности дождя, хотя погода тихая и ясная. В 11 час. на-

деваю мундир и еду проводить жену, которая приглашена Балашовыми (на Тверской против Мамоновского переулка) смотреть на процессию императорского въезда. Мой мундир дает возможность пройти через толпу народа и строй солдат, стоящих по обеим сторонам улицы. Вернувшись домой и позавтракав с Оболенским и Бобринским, заезжаю за Всеволожским и чрез Троицкие ворота въезжаю в Кремль и прохожу в собор. Здесь собираются члены Государственного совета, сенаторы, ст.-секретари и пр., а также предводители дворянства, городские головы, депутаты от различных местностей и, наконец, дамы первых трех классов[97]. В числе последних нахожу знакомых только гр. Воронцову-Дашкову и баронессу Раден. Пушечные выстрелы оповещают нас о движении императорского шествия, движении гораздо более быстром, чем все мы ожидали. Приезжая, всякий невольно озабочен исходом этого предприятия, которое, несомненно, сопряжено с большим риском, но мелкая, людская и специально чиновничья болтовня стушевывают тяжесть гнетущего впечатления, и оно мало-помалу уступает место любимой теме человеческих излияний — трудности личного положения, слышатся жалобы на дороговизну квартир, на неудовлетворительность мостовой, на формальности и беспорядок различных придворных управлений, наконец, на государственного секретаря, который не снабдил заблаговременно членов Государственного совета всякими билетами на разные торжества, как будто я их дворецкий и должен заботиться о их удобствах, а не о делах, в Совете производящихся. Мой предшественник Перетц, для которого личные дела и отношения занимают всегда первое место, с улыбкою замечает, что уж, конечно, при нем этого бы не было. С приближением шествия я подаю руку гр. Воронцовой и, пользуясь тем, что церемониймейстеры не смеют останавливать супругу министра, выхожу из собора, чтобы посмотреть на приближающуюся процессию. Против обыкновения все чинно, в высшей степени благоприлично. Кареты великолепны, упряжи превосходны, лошади в иных экипажах замечательны. Увидав государя и не дождавшись появления императрицыной кареты, возвращаемся на свои места в собор. Совету отведено ближайшее к царской платформе место. При входе императорской четы всякий из нас невольно творит крестное знамение. Государь с императрицей, войдя в Успенский собор, под силою только что пережитого впечатления останавливаются как бы в раздумье. Вел. кн. Владимир Александрович подходит к ним и напоминает о том, что надо прикладываться к образам. Они скромно проходят чрез толпу священнослужителей и певчих. Петербургский митрополит предшествует с крестом в руках. Из Успенского собора их величества проходят в

другие соборы. Картина в этот момент прекрасная. Наружная лестница залита золотыми мундирами предшествующего государю двора. Пространство между соборами наполнено дамами в придворных платьях, множество русских и иностранных мундиров, наконец, мужиками, допущенными сюда с выбором и усердно кричащими «ура». Погода разгулялась окончательно после нескольких капель дождя, яркое солнце радостно обдает всю эту пеструю толпу, которая чрез залы Кремлевского дворца провожает их величества до внутренних покоев. У всякого свалился с сердца камень, все идут по домам с улыбкою на устах, чуть не христосуются на улицах.

У нас обедают Всеволожские, Велепольский, Гагарин. Давно не было столь веселого обеда. Усталый, измученный в 10 час. иду спать.

11 [мая]. Среда. Еду с женою делать визиты и расписываться у вел. княгинь: Ольга Федоровна, Мария Павловна, Александра Иосифовна, королева греческая Ольга Константиновна, ее сестра виртембергская вдова Вера Константиновна, принцесса Ольденбургская Евгения Максимилиановна, принцесса Баденская Мария Максимилиановна. Везде швейцарские набиты дамами и мужчинами, записывающими свои имена в книге швейцаров и с изумлением взаимно здоровающимися; изумление, конечно, не оправдывается ничем иным, как рабством привычек, на этот раз привычкой видеть друг друга в Петербурге, а не в Москве. Заезжаем к кн. Меншиковой. Несмотря на болезненное состояние, живет из скупости в избушке на шумной Дмитровке. Вернувшись домой, нахожу записку от вел. кн. Михаила Николаевича, который поручает мне ехать к Островскому и уговорить его не задерживать представление Дондукова о преобразовании военно-народных управлений на Кавказе. Отказываюсь исполнить это поручение, зная, что Островский мне откажет. В течение 2 час. сряду подписывал бумаги касательно...*

Вечером балет. Сидим в ложе Всеволожского, куда приходит вел. кн. Михаил Николаевич сообщить, что написал мне о созыве к 2 час. на другой день к нему совещания по делу, о котором хлопочет Дондуков.

12 мая. Четверг. Окончив изготовление мемории государю по делу о закавказском транзите, о замене подушной подати и проч., еду к вел. князю, которого уже застаю председательствующим в собрании, состоящем из Баранова, Лорис-Меликова, Островского, Старицкого, Сольского и Дондукова, который настаивает на скорейшем разрешении его представления, вел. князь его поддерживает, Островский не имеет мужества говорить того, что говорил мне накануне, что нельзя

** Далее одно слово не разобрано.*

писать законы на курьерских, Сольский высказывает эту мысль, но, как всегда, уклончиво. Решают непременно провести дело и чрез департаменты, и чрез Общее собрание здесь, в Москве. Из этого немудрого совещания заезжаю к Толстому, который живет в гостинице «Дрезден» и только что вернулся от государя. Решено назначить московского губернского предводителя дворянства Бобринского членом Государственного совета, но Толстой просил при этом государя, чтобы о назначении этом было объявлено вел. кн. Михаилу Николаевичу самим государем. Толстой в восхищении от удачности своих распоряжений в день въезда. По его словам, теперь 75% взято. Ни спектакль, ни народный праздник не представляют опасности. Несмотря на то, предпринимаются всякого рода исследования по малейшим, даже анонимным заявлениям. Относительно назначения Бобринского членом Государственного совета Толстой сообщает, что докладывал государю, который повторил слова, мне сказанные: «Это совершенно подходящий человек». Толстой просил не забыть этого, и государь разрешил ему напомнить в таком случае запискою.

После обеда захожу к старинному своему приятелю гр. Уварову, который поглощен устройством Исторического музея, тратит на него несоразмерные с казначейскими средствами суммы, которых мне жаль, потому что самая мысль учреждения этого музея представляется мне спорною.

Кончаю вечер дома за мемориею.

13 [*мая*]. Пятница. Получаю из кабинета все бриллианты, раздаваемые в награду в день коронации, всего на сумму около 120 тыс. Справившись с делами, успеваю прогуляться пешком. Город в праздничном настроении: суета, беготня, толпы народа. Обедают английский военный агент в Вене полковник Примроз и гр. Александр Бенкендорф. Вечер у министра иностранных дел. В сущности, это не вечер, а представление княгине Кочубей всех свит иностранных принцев. Высокоторжественная княгиня стоит посреди гостиной, сзади нее две фрейлины — сестры графини Кутузовы, а хозяин дома, не теряя обычных своих приемов зайца, преследуемого гончими, бегает к дверям навстречу приезжающим и подводит их к сияющей статс-даме.

14 [*мая*]. Суббота. В 11 час. у вел. кн. Михаила Николаевича. Он заставляет меня ждать четверть часа, разговаривая в это время со своим помощником по артиллерии ген. Софиано. Когда я вхожу, то между нами следующий разговор. *Вел. князь:* «Je vous ai fait attendre pour me venger de ce que vous m'avez fait attendre l'autre jour; maintenant nous sommes quitte». *Я:* «Quand monseigneur?» *Вел. князь:* «Le jour où j'ai eu la réunion pour l'affaire du Caucase». *Я:* «Je suis en effet arrivé

quand la séance a été ouverte, mais la pendule de votre altesse ne marquait pas encore 2 heures fixées pour la réunion». *Вел. князь:* «C'est vrai, que ces messieurs sont venus plus tôt que d'habitude. Parlons de nos affaires». *Я:* «Non, monseigneur, je tiens avant de parler d'affaire à établir que je n'ai jamais fait attendre votre altesse». *Вел. князь:* «Accordé, accordé»*.

Затем начался пустой разговор о пустых делах, в этот день докладывавшихся в Совете, потом жалобы на тягости московского существования, на то, что наши русские вел. князья не довольно любезны с иностранными принцами, которые ежедневно ездят в театр и не находят там никого из хозяев. Одна герцогиня Эдинбургская[98–99] ездит туда потчевать иностранцев чаем, а вел. кн. Алексей налицо только тогда, когда надо ехать к цыганам.

В 1 час заседание Общего собрания Государственного совета в превосходной круглой с куполом зале императрицы Екатерины II. Всего собирается 43 члена. Дело о разрешении еще на несколько лет лотерей или безусловном их запрещении, согласно представлению Тимашева в 1875 г., производит разногласие. Мой приятель Ковалевский тоже вздумал говорить, я ему замечаю, что не следует из пушек стрелять по воробьям.

Возвращаюсь домой и принимаюсь лично за рассылку наград. Вся эта церемониймейстерски-фельдъегерская часть обязанностей государственного секретаря несносна. Обедает И.И. Шамшин. Приводит из своего опыта факты, подтверждающие мои наблюдения относительно порядков Государственной канцелярии.

15 [*мая*]. Воскресенье. В $7^1/_2$ приезжаем в Кремлевский дворец. Час назначен чресчур ранний. Нас держат полтора часа, и только в девять государь с императрицею идут в церковь. Погода дождливая, но в момент прохождения процессии из дворца в Успенский собор солнце ярко блистает. Все происходит чинно, мирно, прилично, чувствуется, что здесь идет речь не о пустой формальности, а о торжестве, имеющем народный смысл и осуществляющемся не без глухой, подземной борьбы. Государь и императрица очень растроганы. Все, что государь должен сказать, он говорит очень внятно, но вслед за возложением на него короны и коронования им императрицы слезы текут

* *Вел. князь:* «Я заставил вас ждать, чтобы отомстить вам за ваше опоздание в прошлый раз; теперь мы поквитались». *Я:* «Когда, ваше высочество?» *Вел. князь:* «В тот день, когда у меня было совещание по кавказским делам». *Я:* «Я в самом деле прибыл, когда совещание уже началось, но стенные часы вашего высочества еще не показывали 2 часов, назначенных для совещания». *Вел. князь:* «Действительно, господа собрались раньше обычного. Будем говорить о делах». *Я:* «Нет, ваше высочество, прежде чем говорить о делах, я желаю установить, что я никогда не заставлял ваше высочество ждать себя». *Вел. князь:* «Согласен, согласен».

по лицу его. Кроме старейших сановников, несущих регалии, трон окружен придворными почти исключительно из старинных русских фамилий: тут Голицын, Гагарин, Юсупов, Мещерский, Всеволожский, Ушаков, Уваров, Балашов, Апраксин. Немцы заметны лишь как остатки прошлого царствования. Нессельрод, Грот, Пален, Сиверс — все первые чины. Церемония тянется весьма долго. При выходе из собора опять веселое, солнечное освещение. Вернувшись во дворец, приходится долго ждать, покуда императорское семейство с иностранными принцами плотно завтракают.

В 3 часа государь и императрица опять в коронах и мантиях идут обедать в Грановитую палату, но так как туда приглашены лишь чины второго класса, то я уезжаю домой в $3^1/_4$ час., усталый донельзя.

Мои рескрипты начали производить впечатление. Сольский, долго занимавшийся писанием рескриптов и знающий, что зависит от пишущего, горячо благодарил меня. Адлерберг крепко и продолжительно пожал руку. Толстой говорил о радости, которую рескрипт доставил всему его семейству, Делянов только повторял слова: «Не по заслугам, не по заслугам». Долгоруков игнорировал составителя, желая дать понять, что между ним и самим государем никого быть не может. Баранов от души выражал свою благодарность, ему особенно приятно было упоминание о Николае Павловиче, Валуев был сух, как самый рескрипт, к нему обращенный, Пален обиделся тем, что я упомянул об обязанностях верховного церемониймейстера*. Игнатьев избегал со мною встречи, Старицкий от всего сердца благодарил за выражение рескрипта. Дрентельн сказал, что ему особенно дорого упоминание о трудах его в последнюю кампанию, за которые ему еще никто не сказал спасибо. Всего более похвал слышалось рескрипту на имя Гирса, но, конечно, не от него самого, потому что он при этом лишь предлог для того, чтобы высказать взгляд на иностранную политику, взгляд, которого у него нет, как нет ни характера, ни мужества, столь необходимых, чтобы в этом важном деле служить молодому, неопытному государю.

Я забыл записать, что накануне, в субботу вечером, я отвез вел. кн. Михаилу Николаевичу рескрипт, историю коего я упоминал выше.

Приехал я к вел. князю в то самое время, когда он только что вернулся от всенощной и садился за стол с многочисленными иностранными гостями. Я велел доложить: «Статс-секретарь Половцов от государя императора».

* *Далее карандашом в скобках зачеркнуто:* Он не имел храбрости сказать, что о постыдном десятилетнем управлении Министерством юстиции не упомянуто.

Когда вел. князь увидал меня в мундире с конвертом в руках, то сказал: «Ну, это Вы мне что-то настряпали». На что я отвечал, что я тут ни при чем, а исполняю лишь приказание государя. Взволнованный вел. князь присел к лампе и стал читать, восклицая: «Que dira mon frère Constantin?»* В заключение, однако, подал мне руку, сказав: «Благодарю». На этом наше свидание и кончилось.

С посредственным человеком все делается посредственно. И вот вам судьбы человеческой истории. Чрез сотни, а пожалуй, и десятки лет, прочитав рескрипт вел. князю, иной историк напишет в своем сочинении, что добрый Михаил Николаевич был душою царствования Александра III, тогда как между ним и столь же немудрым его братом Николаем почти нет разницы, а всему причиною пришедшая мне в голову мысль, что надо в этакий день хоть одного принца царствующей семьи поднять на подмостки и уверить глупую толпу, что он истинно государственный человек. Боюсь одного, что он примет за правду все то, что в рескрипте написано.

Вернувшись домой с коронационного торжества и услыхав от Толстого, что он намерен просить государя назначить Бобринского членом Государственного совета в день дворянского бала, пишу Толстому о том, сколько, по моему мнению, неприлично делать государственное назначение по поводу танцев, а сколько, напротив, уместно было бы сделать это в самый день коронации и не позже следующего дня, когда предводители приносят поздравление государю.

Прокатившись с женою в тройке и взглянув на начало иллюминования, нахожу дома письмо от вел. кн. Михаила Николаевича с просьбой исполнить приложенное при этом в следующей форме приказание государя: «Совершенно забыл я сказать тебе, что я хотел назначить гр. Бобринского, московского предводителя дворянства, в сегодняшний день членом Государственного совета. Прикажи заготовить указ и пришли ко мне на подписание. Саша. 15 мая 1883 г.».

16 мая. Понедельник. Поздравления государю и императрице, которые стоят перед троном. Государь каждому жмет руку, а императрица дает целовать свою. Нас позвали к 12 час., но держат до трех, потому что прежде нас подходят депутации с хлебом и солью, дипломатический корпус, духовенство. Назначение Бобринского производит изумление и часто неодобрение. Обедают у нас Ребиндер и юный Кауфман.

Бал в Грановитой палате, называемый куртаг. Члены Совета стоят в Андреевской зале, где на столах разложены блюда, поднесенные

* «Что скажет мой брат Константин?»

государю; есть несколько красивых, свидетельствующих о развитии вкуса и орнаментного искусства. С кремлевского балкона восхитительный вид на Замоскворечье.

17 [мая]. Вторник. В 2 часа заседание соединенных Департаментов Государственного совета по кавказскому делу об упразднении военно-народных управлений[100]. Непростительно решать так легкомысленно столь важные дела. Председатель Старицкий думает лишь о том, как исполнить желание вел. князя. Протест Ковалевского остается безгласным.

18 [мая]. Среда. Вечером парадный спектакль, на который жену мою не приглашают, а мне присылают билет в первом ряду, который поспешаю вернуть обер-гофмаршалу Нарышкину.

19 [мая]. Четверг. По указаниям петербургского торгаша Тониолати рыскаю за вещами, нахожу хорошую коллекцию у некоего Мерлина. Обед в Грановитой палате, куда приглашен весь Государственный совет. Не получив приглашения, пишу вел. князю просьбу испросить высочайшее разъяснение, должен ли я, как мой предшественник, иметь старшинство, равное с членами Совета, или угодно указать мне другое.

20 [мая]. Пятница. В $10^1/_2$ час. за мною присылает вел. кн. Михаил Николаевич. Застаю его с вел. кн. Алексеем Александровичем, который в этот день именинник. После поздравлений вел. князь начинает уговаривать меня не принимать дела к сердцу, потому что он спросил гофмаршала кн. Оболенского, который ему отвечал, что приглашения мне были посланы, но не дошли по вине посланных. Отвечаю, что это ложь, потому что дочь и два зятя, со мною живущие, получили приглашения. Вел. князь в доказательство беспорядка и неурядицы, сопровождающих все это дело, приводит примеры невежливости, оказанной ему самому, равно как вел. княгине, прибавляя, что нам не следует брать этого к сердцу. Отвечаю, что для меня честь слишком велика быть включенным в одну с его императорским высочеством категорию и что я прошу лишь о доведении моего письма до сведения государя. Вел. князь выражает нежелание это сделать. Я возражаю, что в таком случае я прошу только позволения обратиться непосредственно к государю. Вел. князь отвечает, что теперь такое время, что государь крайне занят и постоянно встревожен и что в такое время нельзя его беспокоить. Я говорю, что прошу не милости, а только законного разъяснения, что желаю, чтобы было известно, какое мне принадлежит место. Вел. князь отвечает, что для меня должно быть главным то, что государь весьма хорошо ко мне расположен, и что это может мне повредить. Отвечаю, что мне решительно

все равно, какие тому будут последствия, но что я требую признания принадлежащего мне права. Вел. князь продолжает настаивать на том, что мое право не подвержено сомнению и что этого не случится в будущем.

На вопрос вел. князя, буду ли я сегодня на бале у германского посла Швейница, отвечаю, что после грубости, нанесенной мне в доме моего государя, я не намерен щеголять ею по городу.

В заключение рассказываю, что вел. кн. Константин Николаевич, встретив меня во дворце, на сделанный мною ему поклон дважды повернулся спиною. [*Вел. князь*:] «Ведь я Вам говорил, что мои братья обидятся за мой рескрипт».

«Так что ж, — отвечаю я, — ведь я служу государю и отечеству, а не Вашим братьям». Расстаемся хотя и не поссорившись, но весьма взволнованно.

Осмотр музея Голицына и визит Бартеневу, [дом] 175 на Садовой. Архивная болтовня. Продолжение издания воронцовского архива[101]. Вечером прогулка в Сокольники.

21 [мая]. Суббота. Большой обед у итальянского посла гр. Нигра в честь герцога Аостского[102] в доме Трубецкого. Вечер у графини Пален. Удивление иностранцев при виде спокойствия и порядка в огромной толпе, присутствовавшей на народном празднике. Слова государя, обращенные к волостным старшинам, о том, что не будет более передела и прирезок земли[103].

22 [мая]. Воскресенье. День смерти императрицы Марии Александровны. Спокойно обедаем со Всеволожским.

23 [мая]. Понедельник. Дождь и холод. Не едем на праздник в Сокольниках. Отдаю визиты и между прочими застаю дома кн. Дмитрия Мирского. Чрезвычайно умен. Речь идет о генерал-губернаторских перемещениях. Чертков подъезжает к Каткову, который очень доволен тем, как Чертков внимательно и молчаливо его слушает. Мирский возмущен поведением харьковского попечителя во время университетских беспорядков[104], Делянов принял сторону г. Максимовского.

Бал в Александровском зале.

Разговоры: а) С Тимашевым. *Я:* «Отчего Вы не соглашаетесь ехать в Варшаву?» *Он:* «Оттого, что я 21 год тому назад отказался от этого поста и при теперешних условиях его принять невозможно». б) С Гурко. *Я:* «Принимайте Варшаву». *Он:* «Я письменно отвечал на сделанное мне предложение, но не знаю, когда мне дан будет ответ. Толстой сказал мне, что государь меня примет, но что он, Толстой, не считает возможным напоминать о том государю, а что ежели бы

такое свидание не состоялось, то меня вызовут в Петербург. Между тем в Варшаве обязанности ген.-губернатора исполняет теперь ген. Крюденер, пьяница и вообще человек решительно непригодный к этим обязанностям; а все свиданье мое с государем, разумеется, не продолжится более пяти минут». *Я:* «А кого же на Ваше место в Одессу?» *Гурко:* «Или Шувалова, или Черткова. За кандидатуру первого стоят министры внутренних дел и военный. За второго — лично сам государь, вследствие домогательств старшего брата Григория Черткова, к которому император и в особенности императрица имеют особое расположение». *Я:* «Но ведь Михаил Чертков беспримерно и безмерно глуп и имеет одну цель — тешить свою надменность и повиноваться заслуживающей полного презрения жене своей». *Гурко:* «Это совершенно справедливо». в) С Воронцовым-Дашковым. *Я:* «Vous êtes gentil vous avec la manière dont le service se fait sous vos ordres». *Воронцов:* «J'ai pris des renseignements; l'invitation vous a été envoyée, mais a tardé». *Я:* «Si c'est Obolensky, qui vous a dit cela, dites lui qu'il ment de par la gorge». *Воронцов:* «Je vous donne ma parole qu'il n'est pas un menteur». *Я:* «Et je vous donne ma parole qu'il a menti. Pourquoi l'invitation ne serait-elle pas arrivée si ma fille, mes deux beaux fils et moi dans la même maison avons reçu des invitations?» *Воронцов:* «Je me ferai donner la liste». *Я:* «On vous en donnera des listes tant qu'il vous plaira. Dans tout les cas, entre gens bien élevés on fait des excuses lorsque on a manqué de politesse». *Воронцов:* «Nous ne ferions que cela alors». *Я:* «Je regrette que le service de mon souverain soit si mal fait, je n'aurais jamais osé le soupçonner»*.

Уезжаю с бала в 12 час., когда все идут ужинать.

24 [мая]. Вторник. Продолжительный разговор с Лобановым о том грустном положении, в котором находится управление нашими внутренними и внешними делами. Самодержавие, о котором так много толкуют, есть только внешняя форма, усиленное выражение того внутреннего содержания, которое отсутствует. В тихое, нормальное время дела плетутся, но не дай бог грозу, не знаешь, что произойдет.

* *Я:* «Хороши же вы, если судить о вас по тому, как идет служба под вашим начальством». *Воронцов:* «Я навел справку; приглашение было вам послано, но опоздало». *Я:* «Если это вам сказал Оболенский, передайте ему, что он нагло лжет». *Воронцов:* «Я даю вам слово, что он не лжец». *Я:* «А я даю вам слово, что он солгал. Как могло приглашение не прийти, если моя дочь и два моих зятя в одном доме со мной приглашения получили?» *Воронцов:* «Я велю показать мне список». *Я:* «Вам покажут сколько вам угодно списков. Во всяком случае у благовоспитанных людей принято приносить извинения, когда нарушены правила вежливости». *Воронцов:* «Тогда нам пришлось бы беспрерывно извиняться». *Я:* «Сожалею, что моему государю так плохо служат, я никогда не посмел бы этого подозревать».

Обедаю в Георгиевском зале. Рядом со мною ген. Клюпфель, произведенный в офицеры в 1812 г. за участие в Полоцком сражении, против меня сэр Гарнет Вользелей. Такое странное соседство объясняется тем, что я сижу в хвосте Государственного совета, а они — во главе государевой свиты.

С обеда поспеваю на станцию проводить жену, уезжающую в Петербург. Кончаю вечер в театре, в ложе Всеволожских. Балет. Присутствуют Их Величества.

25 мая. Среда. Заседание Государственного совета. Появление Бобринского к величайшему неудовольствию всех представителей канцелярского элемента. Разговоры: а) С Ванновским. *Я:* «И Вы назначаете Черткова генерал-губернатором?» *Ванновский:* «Я считаю его хорошим администратором». *Я:* «Столь же хорошим, как этот стул». *Ванновский:* «В Варшаву нельзя было послать его, но в Одессе его жене не придется иметь дело с аристократиею. Он сам безукоризненно честный человек». б) С Толстым. *Я:* «Неужели Вы поддерживаете кандидатуру Черткова?» *Толстой:* «Его выставил Ванновский, но, кроме него, некого назначить. Назовите кого-нибудь». *Я:* «Извольте. Дмитрий Мирский». *Толстой:* «Взяточник». *Я:* «Гри-Гри Голицын из Уральска». *Толстой:* «Очень много говорит и притом не имеет старшинства, чтобы быть командующим военным округом». *Я:* «Шувалов». *Толстой:* «Государь сказал, что он необходим для гвардейского корпуса». *Я:* «Дурново». *Толстой:* «Глуп». *Я:* «Вдесятеро умнее Черткова. Трепов?» *Толстой:* «Он не администратор». *Я:* «Втрое лучше Черткова. Да Вы только вызовите его и поговорите с ним, так мгновенно измените свою оценку. Я мог бы привести десятки примеров в подтверждение своих слов, но оставил все под спудом, считая невозможным возвращение Черткова к делам, теперь напечатаю записку о ревизии его канцелярии и передам в Кахановскую комиссию»[105].

Еду на бега со Всеволожским, и оттуда отправляемся обедать с графом и графинею Воронцовыми и Редерном в Эрмитаж.

26 [мая]. Четверг. Освящение собора Христа Спасителя[106]. Отправляюсь туда в $9^1/_4$ и ухожу в $1^1/_4$ прежде окончания обедни. Здание в итоге эффектно, но по части художественной далеко не безукоризненно. Церемония, как все наши церковные церемонии, нескончаема. В начале все вел. княгини попарно входят в алтарь через царские двери. Крестный ход около собора со стоящими вокруг войсками и толпою народу производит красивое впечатление.

Обед в гостинице Варгина у Абазы с Убри, Нессельродом.

27 [мая]. Пятница. В 11 у вел. кн. Михаила Николаевича. Разговор об архиве, об отпусках членов Государственного совета, о назна-

чении Черткова. В заключение вел. князь благодарит *за все, за все* (т. е. за рескрипт). Уговариваемся видеться в Михайловском. Завтракаю у Всеволожских и еду с нею в тройке взглянуть на Суханово, когда-то славившуюся подмосковную Волконских. Теперь все рушится, беспорядок страшный, хорош один сад. Дом вытянут длинным и узким корпусом, набит всякою дрянью. Зимою разбойники приезжали неоднократно из Москвы и воровали вещи. В последний раз наповал убили сторожа.

28 [мая]. Суббота. До 2 час. (с 8) сижу за мемориею Государственного совета, который и успеваю еще послать в Петровский дворец. Осматриваю Румянцовский музей. Обедаю в Английском клубе с Уваровым. После обеда гуляем в Петровском парке и встречаем отъезжающих императора и императрицу. Захожу к Шамшину, который поражен ненавистью ко мне Перетца, Сольского и всего им близкого.

29 [мая]. Воскресенье. Покончив с делами и перепискою, уезжаю в $12^1/_2$ в Сергиевское к Гагариным. На станции толпа; отъезжающих так много, что с трудом можно достать билет. По счастью, в этом поезде едет в Харьков кн. Дмитрий Мирский, который предлагает мне сесть в его купе. С самого отъезда и до Сергиева, куда приходим в 8 час. вечера, разговариваем почти безостановочно. Мирский поражает меня верностью, глубиною, разносторонностью своих взглядов. Жаль, что человек этот не у дел и притом пользуется сильным нерасположением государя. Говоря о возможности войны с Германиею, утверждает, что война эта была бы весьма тяжела и едва ли победоносна для Германии вследствие необыкновенных качеств русского солдата, могущих расстроить лучшие стратегические соображения. Ошибкою считает Мирский постройку крепостей[107] в таких местностях, которые могут быть наводнены неприятелем в первые же дни мобилизации, которую немцы могут произвести гораздо быстрее, чем мы. При этом войска, расположенные в пограничных областях, не успеют получить контингента, а вооружение и снаряжение, для этого контингента приготовленные, могут равным образом сделаться добычею неприятеля. Говоря о свойствах русского народа, Мирский указывает на ту вековую борьбу с житейскими трудностями, борьбу, выработавшую устойчивость, сметку, добродушие народа. Мысль о подобном воспитании характера и проистекающем отсюда превосходстве северянина над южанином Мирский прекрасно выражает: «C'est l'effort qui est le gage du développement et du perfectionnement; c'est une erreur de croire que la vie humaine a pour butla jouissance, non, son but est uniquement l'effort, tendant à la victoire dans la lutte. Quelle est la raison de cet

ordre moral? Je ne crois pas qu'elle sort déterminée, mais selon moi tout dans la nature doit tendre à l'accomplissement de la loi de la création, l'accomplissement le plus étendu et c'est ce qui expliquerait le perfectionnement par l'effort»*.

В сфере оценки не общих истин, а отдельных личностей Мирский высказал следующее. О Радецком. Гораздо более способен, чем обыкновенно полагают, молчалив, сдержан, но необыкновенно хладнокровен и распорядителен. О Гурко — менее способен, чем Радецкий, но все-таки со значительными военными дарованиями, не умеет воодушевлять солдата; начнет, например, в каждом деле с того, что скажет: «Вы все должны здесь умереть». Солдат, пожалуй, и готов умереть, но благодарен тому начальнику, который сделает все возможное, чтобы избавить его от смерти. Скобелев был положительно военный гений, но ненасытное его честолюбие и полное презрение ко всему, кроме личной его славы, делали из него опасного человека. Перейдя чрез Балканы, он рекогносцировкою втянул в дело брата Мирского, но затем пришел на его выручку лишь в самую последнюю минуту так, чтобы не потерять успеха, но весь успех присвоить исключительно себе самому. Вел. кн. Михаил Николаевич никаких военных способностей не имеет; во всю последнюю кавказскую кампанию любимыми его словами были: «Решительно теперь вижу, что лучше быть кучером, чем главнокомандующим в военное время». Наконец, Мирский решился обратить его внимание на неловкость такой фразы. Войну между Россиею и Германиею Мирский считает делом весьма рисковым** для Германии вследствие необыкновенных качеств русского солдата. В 8 час. приезжаю на станцию Сергиево, где меня ожидает кн. Сергий Сергиевич Гагарин. Застаю у них в гостях гр. К.И. Палена с графинею, старшим сыном и старшею дочерью.

Рассказам о мелких приключениях при коронации нет конца. Недурны следующие. На одном из больших обедов обер-гофмаршал Нарышкин громко сказал министру иностранных дел Гирсу: «Mais mon cher ministre, ce n'est pas ainsi que l'on tient son couteau et sa fourchette»***.

---

*«Усилие представляет залог развития и совершенствования; ошибочно думать, что наслаждение есть цель человеческой жизни, нет, ее цель единственно в усилии, направленном к победе в борьбе. Какова причина такого нравственного порядка? Я не думаю, что она определена, но считаю, что все в природе должно стремиться к осуществлению того закона, который обязателен для всего живого, осуществлению самому широкому, что и объясняет совершенствование посредством усилия».

** *Так в подлиннике.*

***«Но, дорогой мой министр, так нож и вилку не держат».

В минуту отправления из Петровского дворца Воронцов страшно разбранил кн. И.М. Голицына, который поддразнивал кн. Е.П. Кочубей, и без того обиженную, что в день торжественного въезда ее посадили в золотую карету с тремя другими статс-дамами, а не одну-одинешеньку, как она того добивалась.

30 мая. Палены уезжают утром, а я посвящаю целый день подробному осмотру хозяйства, построек и т. д. Особенно любопытен госпиталь, содержимый в необыкновенном совершенстве. Любопытна гостиница, отдаваемая содержателю за ничтожную цену, но под одним условием, что контракт уничтожается в случае допущения нечистоты, а судьею в этом случае — один лишь Гагарин сам. Вечером прогулка в богатых полях. Кн. Вера Федоровна тем временем разносит английские проповеди по крестьянским избам.

31 мая. Возвращаюсь в Москву. Прощанье с Рембелинским, который жалуется на здоровье и просит устроить ему сенаторское место. Езжу на Рязанскую станцию хлопотать о вагоне. Уезжает с большою торжественностью персидский принц[108].

1 июня. В 11 час. приезжает из Петербурга Саша, выдержавший экзамен в предпоследний класс гимназии. Отпускаю его воспитателя m. Blanc. Запасшись кой-какими книгами, пускаюсь с Сашею в путь в $11^1/_2$ час. вечера.

2 июня. Медленная езда, удушливая жара, в 10 час. вечера достигаем Борисоглебска, где нас ожидает управляющий Штрем.

3 июня. Проспав ночь в вагоне на довольно шумной станции, садимся в тарантасы и отправляемся в свое имение. Не доезжая, встречаем на самой большой дороге отряд крестьян, воюющих с саранчой под предводительством управляющего соседней помещицы Раевской — Хабарова. Роют канавы и потом, установив ряды рабочих, метлами загоняют саранчу в канавы, где и заваливают ее землею. По обыкновению администрация прозевала и дала саранче вывестись и расползтись. На хуторе (Ильменском) просто лагерь. Три батальона усердно работают и получают от нас по чарке в день. Хлеба стоят превосходно.

4 июня. Осмотрев наши владения, посмотрев на успешное истребление саранчи, переговорив с управляющим Штремом и признав благоразумным не отвлекать его долее от дела, возвращаемся на станцию Фаворино[109], осмотрев предварительно огромный винокуренный завод Раевской. В 12 час. Саша отправляется на Царицын, чтобы оттуда по Волге доехать до Сызрани, а из Сызрани по железной дороге до Сюзюма и в экипаже до с. Никольского к Оболенским.

5 июня. Я предпринимаю обратное путешествие, слушаю чтение моего служителя и достигаю Москвы.

6 июня. В 10 час. Не зная, что делать до отъезда петербургского поезда, в 8 час. вечера еду смотреть коллекцию Третьякова, восхищаюсь здесь картинами Верещагина. Захожу в Английский клуб и преспокойно читаю заграничные газеты, которых был лишен столько дней, как входит дворецкий и объявляет, что накануне окончился срок гостеприимству клуба в отношении петербургских членов Английского клуба, приехавших на коронацию. В 8 час. сажусь в вагон, где имею соседом Анненкова, только что возвратившегося из Англии, где участвовал в сходках для обсуждения проекта железной дороги в Индию чрез Россию. По его расчетам, приходится построить дорогу на протяжении 1400 верст, из коих 400 приходится на долю России, а 1000 — на счет Англии, для этой тысячи в Англии уже собраны деньги. Между прочее болтовнею и сплетнями рассказывает, как устроилась свадьба гр. Шереметева, который хотел жениться на дочери Василия Грейга, но, будучи очень набожен, пошел посоветоваться с духовником, священником Георгиевской общины, который испуган был мыслью о союзе с еретичкою и указал ему другую невесту — гр. Гейден, мать коей — начальница Георгиевской общины. Набожный мальчик поспешил последовать такому совету.

7 июня. Вторник. В $10^1/_2$ час. утра останавливаюсь на Колпинской станции, где меня встречает жена с младшим сыном. Помывшись, иду к ближайшему соседу Владимиру Александровичу, и он и вел. кн. Мария Павловна осыпают любезностями и выражают желание быть приглашенными к обеду в пятницу. Tout à fait entre nous, vu notre deuil*. Прогулка по Царскому Селу, которое весьма приятно вследствие отсутствия двора. Строительная комиссия — Месмахер.

8 июня. Среда. Отправляюсь по 9-часовому поезду в город, успевая попасть на 10-часовой отходящий из Петербурга в Петергоф поезд, набитый чиновным людом, отправляющимся для принесения благодарений за полученные в коронации награды. На станции Стрельна схожу с поезда и, взяв извозчика, еду в Михайловское[110] к вел. кн. Михаилу Николаевичу. О делах нет повода разговаривать, речь идет лишь о постройке архива и участии Месмахера. Сообщаю о бывшем у меня накануне заседании, в коем я, по-видимому, убедил ген. Карловича, что в его интересе лежит слепо слушаться Месмахера. Вел. князь очень рад, что ему будет с чем идти к государю. «Когда у меня нет дел, то и тогда я езжу к государю, чтобы он не отвыкал от меня!..»

Дом в Михайловском превосходен, построен талантливым архитектором Боссе. Вел. князь ведет меня по дому и саду. К завтраку приез-

---

*Только среди своих, принимая во внимание наш траур.

жают вел. кн. Николай Николаевич с сыном Петром и принцесса Баденская Мария Максимилиановна. Разговор общевеликокняжеский, больше о воспоминаниях. Вел. кн. Ольга Федоровна бесится на то, что внезапно без предварения их заперты были ворота Александрийского парка. «Mon pauvre mari qui durant toute sa vie a passé par cette porte se la voit subitement fermée. Le grand duc Wladimir était ici; je lui ai dit d'essayer de passer par cette porte. Il m'a répondu qu'il ne voulait pas se compromettre vis-a-vis des sentinelles — ses subordonnés. L'iniperatrice étant venue me voir, je lui ai dit que je ne demandais pas mieux que de me soumettre à n'importe quoi, s'il s'agit de la securité de mon souverain, mais que l'on aurait pu m'en avoir prévenu. Elle n'en savait rien»*.

Вел. князь озабочен болезнью своих ног, но, когда ему говорят о серьезном лечении, отвечает: «Je n'en suis pas encort là»** — и пьет гамбургскую воду и шампанское вино.

Вел. кн. Николай Николаевич озабочен тем, что в Уланском полку сап в конюшнях.

Оба вместе заслуженно поносят герцога Эдинбургского.

Мария Максимилиановна занята сохранением достоинства внучки Николая Павловича и более других любезна вследствие жизни в Германии.

Завтрак происходит по обыкновению в обществе всех детей и их воспитателей, что делает невозможным какой бы то ни было разговор.

По дороге к станции заезжаю к кн. Орлову на его дачу, построенную отцом его в те времена, когда он состоял любимцем императора Николая, любившего проводить лето в Петергофе. Нынешний кн. Орлов человек добрый, но во всех отношениях посредственный; живет он теперь здесь, как кажется, в надежде быть назначенным попечителем наследника престола. Обедаем на Каменном острове и возвращаемся в Царское Село по последнему поезду.

9 [июня]. Четверг. Провожу утро за мемориями, а в 5 час. еду на лошадях в Стрельну к кн. Орлову, у которого обедаю с Рейтерном, Нессельродом, бар. Штиглицем, Бутеневым. Дорогою, в коляске, разговариваю с Штендманом о ходе занятий Саши, о поступлении его в

*«Мой бедный муж всю жизнь проходил через эти ворота, и вдруг они оказываются запертыми. У нас был вел. кн. Владимир; я ему сказала, чтобы он попытался пройти через них. Он ответил, что не хочет компрометировать себя в глазах часовых, своих подначальных. Когда императрица меня посетила, я сказала ей, что я рада подчиняться любому распоряжению, касающемуся безопасности государя, но что можно было бы меня предупредить. Она ничего не знала».

**«Я еще не дошел до этого».

гимназию. В учебном ведомстве страшное взяточничество; в царскосельской гимназии не было выдано моему сыну свидетельство о выдержании экзамена, покуда инспектор не получил дарового билета на проезд по железной дороге до прусской границы. В филологической гимназии, куда поступает Саша, директор Нелисов, очень порядочный человек, и о подобных злоупотреблениях не слышно.

10 [июня]. Пятница. Обедают у нас вел. кн. Владимир Александрович с вел. кн. Мариею Павловною, кн. Орлов, Николай Долгорукий, последний столько же блестящ и умен, насколько первый бесцветен и ограничен. Забыл я еще назвать Перовского, жизнь коего целиком сосредоточивается на обжорстве и сопровождении какого-нибудь лица императорской фамилии. В настоящее время он неразлучен с вел. кн. Владимиром.

11 [июня]. Суббота. Провожу утро за сведением счетов и перепискою. Приезжает Головнин и заявляет, что вел. кн. Константин Николаевич ожидает меня на следующее утро у себя в Павловске. Разумеется, тут что-то настряпал Головнин, чтобы загладить грубость, сделанную мне вел. кн. Константином Николаевичем в Москве.

12 [июня]. Воскресенье. Как ни неприятно, но напяливаю мундир и еду в Павловск в назначенное время. Прохожу по превосходным залам восхитительного дворца и останавливаюсь в галерее, которая предшествует церкви. Вел. кн. Александра Иосифовна лежит в постели, королева греческая[111] в Петергофе. Вел. кн. Константин Николаевич слушает обедню с сыном своим Константином Константиновичем, который очень милый юноша, но, по несчастию, подвергся параличу в лице. Вел. князь, выйдя из церкви, долго разговаривает с каким-то священником, потом с двумя морскими офицерами, а меня спрашивает лишь о том, на своей ли даче я живу в Царском Селе, что, впрочем, уже известно ему 15 лет. Головнину, рядом стоящему, несколько совестно за такой своеобразный прием.

Захожу на дачу к старому товарищу Краузольду, который в негодовании от неприличного поведения вел. князя на глазах у всех жителей Павловска.

13 [июня]*. Понедельник. В 12 час. завтракаем у вел. кн. Владимира Александровича. Разговор преимущественно о пище и погоде. Скалоны (муж и жена), фрейлина кн. Тимботова, не перестающий толстеть Перовский. В 2 часа едем в город, объяснение с Blanc, переходящим от Саши к Питу, объяснение с архитектором Петерсоном относительно расходов по ремонтным работам в доме на Сергиевс-

* *В тексте ошибочно* 12.

8*

кой. Дома подёшевели. За этот дом мною заплачено 350 тыс., да 50 тыс. пришлось положить в него тотчас после покупки. По отзыву архитектора, за него не дадут более 300 тыс., а между тем выстроить его невозможно и за 200 тыс.

Обед на Каменном острове. Почти слепой старик гр. Потоцкий, неумолкаемый Нессельрод, тяжелый представитель Дании Винд и в высшей степени приятный и общительный представитель Испании маркиз Кампо-Саградо. После обеда иду навестить Толстого, проживающего на Аптекарском острове в даче, принадлежащей министру внутренних дел. Дом окружен полицейскими агентами, стерегущими безопасность жильца, дом мал и сыр. Толстой принимает меня в верхнем этаже, наш разговор прерывают чиновники и телеграммы. Сообщаю ему то, что был свидетелем в Воронеже, благодарю за присылку войск. Он рассказывает, что послал для распоряжений ген. Шебеко знакомого с саранчою по прежней должности бессарабского губернатора. По мнению Толстого, нигилисты будут в самом близком будущем стараться напомнить о своем существовании, чтобы выйти из того безгласного состояния, в коем очутились во время коронации[112]. В Петергофе надзор крайне усилен, но все-таки ничего нельзя сделать, чтобы оберечься от человека, который выскочит из куста.

Государь разъезжает в экипаже, заложенном на манер французской почты, с бубенчиками, звон коих слышен весьма далеко. Несмотря на увещания Толстого, государь не хочет изменять своей упряжки.

Толстой сетует на недостаток людей. Я ему замечаю, что из всех министров ему должно быть всего легче находить людей, потому что ему должен быть известен персонал всякого рода выборных деятелей по целой России. Жалуется на то, что после того, как он, Толстой, отказался от принятия Черткова в одесские ген.-губернаторы, государь не соглашается выпустить Шувалова из командиров гвардейского корпуса, решительно не знают, кого назначить. Толстой хочет назначить Бреверна, командующего войсками в Москве, но военный министр встречает затруднения.

Толстой не знает, кого назначить директором Почтового департамента. Я ему советую соединить Почтовый департамент с Телеграфным, но ему эта мысль, очевидно, не нравится, вероятно, потому, что она принадлежит высшей комиссии по сокращению расходов, в которой председательствовал Абаза, а у Толстого личные вопросы играют весьма значительную роль.

Ухожу от него с крайним сожалением, к человеку, поставленному в такие тяжелые условия жизни. Вечер чудесный, и я совершаю препріятную прогулку пешком, которая для Толстого немыслима. Он

сидит в сыром домишке, окруженный стражею, как будто он сам государственный преступник.

14 [июня]. Вторник. В 9 час. утра захожу к Бунге, который жалуется на здоровье и собирается ехать в Эмс. Жалуется он также на то, что в нынешнем году непредвиденные расходы чрезвычайно увеличились, а доходы, напротив, не достигают тех цифр поступления, на кои казалось возможным рассчитывать. Завтракаю в яхт-клубе, куда приезжает и вел. кн. Михаил Николаевич. В 2 часа захожу за ним в Комитет министров, откуда по окончании заседания отправляемся на закладку архива Государственного совета. Еще присутствуют гр. Баранов, Старицкий, Небольсин, Перетц, Набоков, Фриш. Возвращаюсь в Царское Село по 4-часовому поезду, вместе со мною едет в Павловск вел. кн. Михаил Николаевич навестить своего брата вел. кн. Константина Николаевича. Это посещение совпадает с приездом в Павловск государя и императрицы, кои приезжают проститься с королевою греческою, а оттуда возвращаются в Петербург, где в тот же вечер садятся на пароход и едут открывать Сясский канал.

15 июня. Среда. Спокойный день в Царском Селе. Читаю Лекки «Историю Англии в XVIII ст.». Замечательная глава об Ирландии. Не повторяем ли мы в Польше тех же ошибок. Визит графини Мойра, которая возобновляет разговор о покупке имения ее брата гр. Ивана Апраксина.

16 [июня]. Четверг. Поездка в город для посещения нашего Рисовального училища, где все идет превосходно, но весьма велика трудность в приискании преподавателей как по недостатку людей, так и по сравнительной ограниченности наших по этому предмету средств.

В Царском Селе заезжает ко мне Марков. Разговаривая с ним, не могу довольно радоваться, что содействовал к назначению его товарищем министра юстиции, это блестящая, а главное, благородная личность.

Обедают Кампо-Саградо и Нессельрод, который очень занят своим пререканием с сыновьями кн. Горчакова, утратившего вверенную ему Нессельродом переписку отца его с Поццо.

17 [июня]. Пятница. Прощальный визит гр. Бобринской, которая ездила в Петергоф благодарить за получение Екатерининского креста[113] и вследствие того больна на несколько дней. К обеду приезжает Влангали. Вместе грустим о неудовлетворительности положения и полном безлюдье.

18 [июня]. Суббота. Переночевав в Петербурге и получив от военного министра уведомление, что, рассчитывая на приезд государя из Сясского путешествия, он, Ванновский, едет в Петергоф с докла-

дом, отправляюсь и я по 10-часовому поезду, чтобы откланяться. Еду вместе с Ванновским, который жалуется на здоровье, говорит, что доктора посылают его в Киссинген, но что эта издержка ему не по карману и что поэтому он полагает ограничиться поездкою в Крым. Считает тревожными известия, получаемые из Польши и, в частности, привезенные гр. Кутайсовым, тамошним жандармским начальником[114]. По его мнению, весьма уместно назначение Гурки, который будет действовать тверже, чем действовал Альбединский. Сетует на Австрию и влияние там польской партии. Я ему возражаю, что там полякам лучше жить, чем у нас, и что считаю бестактным раздражать их выходками, вроде апухтинской[115]. Рассказывает об австрийских офицерах Генерального штаба, арестованных в Польше в то время, когда они снимали планы. Я ему отвечаю, что это делают все правительства, имеющие смежные владения, и мы — первые. Ванновский возражает, что у наших не бывает паспортов офицеров Генерального штаба. Я замечаю, что в таком случае обвинение австрийского правительства имеет предметом лишь его неловкость и что, по моему мнению, в отвращение опасной журнальной полемики необходимо замять это дело как можно скорее, и всего лучше было бы сделать это прямым сношением двух императоров. Такая мысль представляется Ванновскому чересчур смелою и едва ли здравою. На его восклицание: «Как меня бранят за то, что я военные гимназии обращаю в корпуса»[116] — я ему замечаю, что, быть может, благоразумнее было бы изменять самые порядки, но не касаться клички, к которой люди бывают особенно чувствительны.

По приезде в Петергоф находим толпу людей и лошадей, ожидающих возвращения их величеств. Отправляюсь к Черевину и в ожидании его появления прочитываю замечательную статью Вогюе «Aux portraits» по поводу портретной в Париже выставки. Около 12 час. входит Черевин, прежде всего спрашивает рюмку водки и сообщает, что путешествие удалось превосходно, что толпы народа на расстоянии 150 верст бежали вдоль берега, кричали «ура» и поднимали пыль, которая обдавала самый пароход. Прибавляет комические подробности, как Посьет хотел напоить государя грязной водой, предварительно расхвалив ее качества в церемониале, как Толстой задел ногою за ведро этой воды и облил всю палубу и т. п. Посылаю узнать, принял ли государь доклад Ванновского, и, узнав, что государь приказал лишь прислать ему бумаги, решаюсь написать записку с просьбою дозволить мне откланяться с тем, чтобы уехать на следующий день. Садимся завтракать у Черевина. Тут еще Арапов, управляющий Петергофом, и Мартынов, шталмейстер, заведующий конюшнями, оба незавидные

мудрецы. На мою записку в ответ — приказание немедленно явиться. Еду в Александрию. Государь у себя наверху в кабинете уже сидит за бумагами. Прием по обыкновению весьма любезный. Государь замучен торжествами коронации, страдает головными болями, очень доволен последним путешествием, указывает на множество скопившихся в его отсутствие бумаг. Я говорю о предстоящей сессии, о том, что с самого начала приступим к рассмотрению университетского устава, о том, что я буду по-прежнему о всем наиболее важном уведомлять его письменно в предупреждение всяких интриг и ложных толкований, что представлю о необходимости вооружить Государственный совет правом настаивать над министрами за исполнением данных им Государственным советом поручений; вообще, мне кажется, необходимо оживить делопроизводство Государственного совета, которое при предшественниках моих сделалось чересчур канцелярским, с этой точки зрения я рад назначению гр. Бобринского членом. Государь меня спрашивает, чем я болен; отвечаю, что болезнью Альбединского: «Но не хочу следовать его примеру, а желаю еще послужить Вам, государь, несколько лет».

Возвращаюсь переодеться к Черевину и, наняв тройку, отправляюсь к Михаилу Николаевичу, который, узнав, что я был принят государем, хотя и тотчас вслед за его возвращением, осыпает меня любезностями, ведет к Ольге Федоровне, которая угощает меня чаем и старается выведать сплетни, но я, по возможности, ограничиваюсь избитыми, общеизвестными историями ввиду аудитории ее высочества и трех сыновей, весьма опасных в этом отношении собеседников. Возвращаюсь на Морскую в $5^1/_2$ час., обедаю с кн. Орловым на Каменном острове у бар. Штиглица. Слушаю давно известные, бесцветные истории кн. Орлова. В 11 час. дома, в Царском Селе. Чудесный вечер.

19 [*июня*]. Воскресенье. В 2 часа отъезд из Царского Села в Contrexeville. Не беру с собою этой книжки, опасаясь потерять ее на больших дорогах.

5 сентября. Возвращаюсь в Царское Село, выдержав курс лечения в Контрексевиле и взяв 14 ванн в Рагаце. Пред возвращением домой провожу две недели в Париже, откуда жена моя с младшим сыном уезжают в Биарриц. Из Парижа до Царского Села доезжаю с Сен-При, который отправляется в свое нижегородское имение. Редкий по любезности, веселости, остроумию собеседник. На станции меня встречает Саша, облеченный в гимназический мундир. Он очень вырос, несколько бледен, доволен своею новою обстановкою, начальством, товарищами; жалуется на неудовлетворительность некоторых

преподавателей, особливо преподавателя русского языка. Решаем сохранить уроки Стоюнина. Дома застаю Анну, совсем на последях, ее сын, к удивлению, меня не чуждается.

В 8 час. иду к вел. кн. Владимиру, которому привез письмо и трость, присланные вел. княгинею из Парижа. Он жалуется на скуку; текущих дел ему никаких не поручено, а даны полномочия на случай чего-либо чрезвычайного, впрочем, по его словам, за последнее время нигилисты как будто менее упорны и ничего особенно важного в настоящее время нет повода опасаться. Хотел бы ехать к жене за границу, но еще не знает, удастся ли (т. е., по всей вероятности, государь предпримет путешествие внутри России), подробно расспрашивает о Париже и известных ему там личностях. Говорим о похоронах Тургенева, я высказываю мысль, что Тургенева следовало бы похоронить на казенный счет и, забрав дело церемонии в свои руки, отклонить всякие противоправительственные демонстрации[117]. Владимир Александрович охотно со всем соглашается, но согласие это по обыкновению лишено всяких последствий.

6 сентября. Вторник. В 6 час. утра, пользуясь прекрасною погодою, иду стрелять дупелей. В 1 час еду на Каменный остров поздравить бар. Штиглица, которому минуло сегодня 69 лет. В числе поздравителей застаю Грейга, неугомонно ораторствующего. В вагоне со мною сидит Альбединская, которая просит об исходатайствовании пенсии. В $3^1/_2$ час. в канцелярии принимаю Железникова, который, как кажется, несколько опьянел от удовольствия исправлять должность государственного секретаря. Заезжаю ко Всеволожским и по 5-часовому поезду возвращаюсь в Царское Село. Со мною в вагоне Марков, которого душевно люблю, и Безродный, который для меня в высшей степени антипатичен. К обеду, кроме Штиглица, приезжает еще брат Валериан[118].

7 [сентября]. Среда. Разбираю вступившие в Государственный совет дела, в особенности сметы на 1884 г., увеличение расходов, разумеется, составляет их отличительную черту.

После обеда приезжает Месмахер. Занят последним классом, в который не набрать преподавателей. Он сам читает историю орнамента, для коей составляет рисунки, и намеревается издать их. Еду с ним вместе в Петербург; в вагоне Вердер, едущий охотиться к гр. Палену в Курляндию.

Приехав домой, нахожу визитную карточку гр. Д.А. Толстого и, узнав, что он дома, иду с ним разговаривать.

Проведя месяц в деревне, Толстой проникнулся важностью вопроса о рабочих и нанимателях[119]. Жалуется на решение Государственного совета, который не хотел войти в рассмотрение 20-летних трудов разных комиссий и экспертов. Советуется со мною о том, каким путем вновь возбудить дело; обещаю ему истребовать дело, рассмотреть и дать ему ответ. Разговариваем о слепоте, постигшей достопочтенного Старицкого. Невольно возникает вопрос о том, кто будет назначен на его место. Гр. Толстой называет гр. Палена. Я выражаю опасение, что он внесет хаос в прения, и без того не отличающиеся успешностью. «Il est essentiellement correct dans ses vues politiques. J'aurai douté qu'il ne tombe entre les mains de la chancellerie ou du premier venu, comme nous l'avons vu pendant son ministère»*.

На вопрос Толстого: «Кого же, если не Палена?» — называю Сольского, говоря, что он привык к законодательной технике и так долго возился с делом законодательства. *Толстой:* «Это закваска Константина Николаевича». *Я:* «Я думал, что Сольский ничего ни защищать, ни отстаивать не будет, а ограничится лишь порядком в дебатах. Впрочем, я его мало знаю, считаю безличным и не настаиваю на его кандидатуре».

Толстой предлагает Шувалова, видя пред собою того Шувалова, которого знал 20 лет назад; близко зная теперешнего Шувалова, я с удовольствием принимаю эту кандидатуру, и мы соглашаемся действовать всеми силами для достижения этого назначения.

Заявляю Толстому свою мысль о похоронах Тургенева, но Толстой находит, что Тургенев недостаточно велик для подобной государственной почести, указывая на последние его сочинения как на противоправительственные поступки. По жандармским сведениям, он действительно состоял в близких сношениях с нигилистами[120]. «Только сегодня, — говорит Толстой, — я получил просьбу о разрешении ввести тело; все это тянут для того, чтобы университетская молодежь успела собраться». В подтверждение того, что действительно агитация эта служит целям, не имеющим ничего общего с почитанием литературного таланта, рассказываю, что на другой день после смерти Тургенева я приехал в Буживаль, но по дороге встретил зеленый ящик, рысью ехавший в Париж без всякого сопровождения, так как лица, которые сопровождали, не произвели бы здесь никакого эффекта.

8 [сентября]. Четверг. Прием главных чиновников Государственной канцелярии. Визит гр. Баранову, который поражен неудовлетворительностью виденных им во время путешествия порядков управления. Намерен составить записку и просить государя о рассмотрении этой записки в каком-либо совещании. Говорю ему, что за болезнью

* «Его политические взгляды совершенно правильны. Я опасался, что он подпадет под влияние канцелярии или первого встречного, как мы это наблюдали во время его министерства».

Старицкого ему, Баранову, придется председательствовать в соединенных Департаментах при рассмотрении университетской реформы. Он считает нужным пригласить Гражданский департамент и тогда возложить председательство на Титова, окончательно ни на что более не способного. Баранов говорит о необходимости подкрепить состав Департамента экономии назначением новых членов; называет Велио, Шумахера, а я — Маркуса.

Заезжаю к Ковалевскому, у которого застаю Репинского. Идем смотреть постройку архива Государственного совета, которая оказывается превосходною[121]. Ковалевский предлагает в председатели Департамента законов Набокова. Заходим вместе к Бунге, куда приезжает и Баранов.

Продолжительный разговор об университетском уставе. Все согласны в необходимости стеснить профессорское самоуправление и усилить правительственный надзор, но точно так же единодушно отвергается возможность установления государственных экзаменов. Вне университетских сил не найдется достаточных ученых сил, а порядки, предлагаемые проектом, могут легко подать повод к злоупотреблениям и прежде всего взяточничеству. Ковалевский высказывает мысль о том, как полезно было бы противоположным лагерям прежде всего согласиться по коренным вопросам, по которым соглашение возможно, а затем произвести разногласие лишь по существенным вопросам, по коим примирение окажется невозможным. Бунге поддерживает эту мысль. Бунге доволен усилением доходов. Экстррасходы, т. е. сверхсметные, в нынешнем году достигли 25 тыс., а в прошлом уже было 39.

К обеду возвращаюсь в Царское Село. Вечером у Скалон винт, — вел. кн. Владимир Александрович, полк. Васмунт. Ужин слишком затягивает это невинное собрание.

9 сентября. Пятница. Проведя утро в Царском Селе за делами и в разговоре с Измайловым, делопроизводителем высшей комиссии о сокращении расходов, проникнутым бесполезностью ее деятельности и неотвратимостью нашего финансового расстройства, еду в город и обедаю на Каменном острове у бар. Штиглица с братом Валерианом и Штендманом.

10 [сентября]. Суббота. Продолжение разговора с Измайловым. Заседание Департамента экономии. Визит Островскому, которого, к удовольствию своему, не застаю дома, и Шестакову, которого более и более ценю. Чтение дела о нанимателях и рабочих. Обедаю в Английском клубе с К.К. Гротом, И.Н. Дурново, Ковалевским и другими высокими чиновниками. Французский театр, в ложе Всеволожского.

Пустая зала, плохое представление — все как-то тускло, невесело. После театра обычный портфель Государственной канцелярии.

11 [сентября]. Воскресенье. Разговор с Железниковым, ст.-секретарем Департамента законов. Чиновник, готовый ворочать камни или делать мыльные пузыри, лишь бы прибыльно было. Идеал один — удовлетворение животных и самолюбивых похотений, средство к тому — письменный стол. Как ни противен такой нравственный образ, но обойтись без этого толстяка в настоящее время не могу. Он неприятно удивлен тем, что я не позволяю ему самовольно распоряжаться, и даже что-то бормочет об отставке.

Визит несчастному Старицкому. Один глаз он потерял окончательно, другому глазу угрожает большая опасность; для предотвращения этой опасности одни доктора считают необходимым операцию, другие, напротив, полагают, что операция излишня. Этот почтенный, в высшей степени чистый труженик, проведший жизнь в бескорыстных умственных занятиях, теперь ожидает со дня на день полной слепоты и тяжелого бездействия, отрешения от всякой умственной деятельности. Материальные, тщеславные, самолюбивые мечтания никогда не омрачали этой исключительной личности. Для Государственного совета — потеря огромная. Как ручаться, что на это место не попадет глупец или интриган, как велика русская семья и как, увы, не велик кругозор высших избирателей.

В 2 часа еду в Царское Село и делаю большую прогулку пешком, которую следовало бы делать ежедневно. Обед и вечер с Влангали. Спокойный, но интересный разговор о глупостях, делаемых нами в Болгарии[122], об отношениях к Германии, Австрии, Румынии. Тонкинский и вообще китайский вопрос[123], архивные дела, проект создания государственного архива.

12 [сентября]. Понедельник. Встав утром, иду гулять по парку и захожу к вел. кн. Владимиру Александровичу, которого застаю за письмом к жене. Рассказываю, что видел и слышал в Петербурге. Приглашает меня завтракать и охотиться с гончими. Собаки упускают лисицу и несколько зайцев, стужа чрезвычайная. Приезд моего зятя Оболенского. Вечером винт у А.М. Скалон, прерываемый Боголюбовым; новые скучные истории с Кабатом[124].

13 [сентября]. Вторник. Проведя утро в Царском Селе, еду в Петербург обедать вместе с Влангали, после чего навещаем бар. Штиглица на Каменном острове. Влангали, между прочим, рассказывает, что поверенный в делах Кеннеди передавал ему на днях, что приехавший с депешами английский курьер, будучи школьным товарищем болгарского князя, навестил его в Софии и приехал туда почти одно-

временно с присланным из Петербурга для улаживания болгарских дел агентом Иониным. Вслед за приемною аудиенциею Ионина болгарский князь принимал своего школьного товарища и сказал ему, что дерзость Ионина была такова, что он бы охотно выбросил его за окно. Вслед за тем князь сказался больным, послав своего пастора в Вену, и только по возвращении его выздоровел и провозгласил Тырновскую конституцию, принудившую русских генералов Соболева и Каульбарса удалиться[125].

14 [сентября]. Среда. Получив от управляющего отделением дел государственного секретаря Гартмана заявление Кабата, что он, несмотря на поданную им просьбу об отставке, желает продолжать занятия, посылаю за ним для того, чтобы переговорить о понедельничном докладе, но Кабат отказывается приехать. Как человек менее умный и более богатый, чем прочие чиновники Государственной канцелярии, Кабат является орудием неудовольствия, направленного на меня за то, что я требую исполнения служебного долга, а не стараюсь по примеру своих предшественников делать себе друзей на счет государственного казначейства. Вечером винт у А.М. Скалон с вел. кн. Владимиром Александровичем и полк. Васмунтом, бывшим его адъютантом.

15 [сентября]. Четверг. Чтение писем Жуковского к покойному государю — сентиментально придворная розовая вода. Обедают; вел. кн. Владимир Александрович по обыкновению разговорчив и умен, гр. Э.Т. Баранов говорит о своем путешествии, о небережливости казначейских сил, нападки на разные управления за расточительность, гр. Толстой чрезвычайно весел, доволен (признаться, не знаю чем), полон рассказов о выходках по тургеневским похоронам[126]. Бунге упорно отмалчивается, Шестаков при всяком представляющемся случае говорит умно и смело. Все они приезжают по 15-часовому и уезжают по 9-часовому поезду.

16 [сентября]. Пятница. Светлая погода. Большая прогулка с Оболенским, который совершенно согласен со мною вести дело по возможности к постепенному, но коренному уничтожению общинной поземельной собственности. Визит Набокова, появляющегося в мундирном облачении от вел. кн. Владимира Александровича, которому являлся. Сообщаю ему о намерении перевести в Государственную канцелярию товарища прокурора Кочукова, которого он держит в весьма черном теле.

17 [сентября]. Суббота. Первый доклад в соединенных Департаментах законов и экономии. Железников докладывает лишь самые пустые дела, почти исключительно о налогах на извозчичьих лощадей.

Обед и вечер в Царском Селе. Празднуем именины жены и дочери, Бобринской.

18 [сентября]. Воскресенье. Охота верхом с вел. кн. Владимиром Александровичем. Царская, гатчинская охота, отличные егеря и собаки, но непроездимая* мокрота. Вечер с Воскобойниковым за чтением его записки о положении городского управления в Черниговской губернии.

19 [сентября]. Понедельник. Первое Общее собрание Государственного совета. Пустые сенатские дела; по одному из них выступает ст.-секретарь у принятия прошений кн. Долгорукий, заявляя претензию на то, что не был приглашен к обсуждению дела в Гражданском департаменте; между тем дело вступило в Государственный совет не вследствие испрошенного кн. Долгоруким высочайшего повеления, а по разногласию сенаторов Общего собрания Сената, так что приглашать кн. Долгорукова в заседание решительно не было основания. Рассерженный тем, что его претензия отвергнута, и вступая в прения по существу вопроса об уничтожении или сохранении публичной продажи имения гр. Плятера, кн. Долгорукий позволяет себе дерзкие выражения относительно того, каким порядком дело производилось в Сенате, говоря, что там так: подвели, устроили, подтасовали. Министр юстиции Набоков обращается к председательствующему гр. Баранову с просьбою не допускать подобных выражений. Впечатление этой скандальной сцены самое тяжелое. После заседания еду домой завтракать с вел. кн. Владимиром Александровичем, который пожелал видеть при этом Влангали, чтобы расспросить его о болгарских событиях. В разговоре сильно достается болгарскому князю Александру, который во всем этом видит средство наживы и действует по наущению своего малопочтенного отца[127]. После завтрака показываю вел. князю вновь полученные старинные книги. В 6 час. обедаю у Бунге с Ковалевским и Влангали. Приятная дружеская беседа о чем вздумается с полной искренностью и без всякого принуждения. Выходя оттуда в 10 час., поражен зловонием петербургских улиц.

20 [сентября]. Вторник. Целый день в Петербурге за бумагами Государственного совета.

21 [сентября]. Среда. По 11-часовому поезду отправляюсь в Царское Село. Делаю большую пешеходную прогулку с Оболенским по парку, который в пестром, осеннем своем одеянии своеобразно хорош. Захожу вечером к Владимиру Александровичу, передаю ему грустные известия о сумасшествии Шувалова, о том, что Черевин, считая

**Так в подлиннике.*

всего более благоразумным похоронить Тургенева на счет и попечениями правительства, написал о том письмо государю. Идем вместе играть в винт к Скалону, где находим Рихтера с женою, А. Васильчикова и Влангали.

22 [сентября]. Четверг. Взяв экстренный поезд, в 10 час. переезжаем в Петербург. Погода прескверная. Совет. Заседание Департамента экономии. Визит Набокову, которого застаю с другими чиновниками обсуждающего назначение судебных чинов в Виленский округ. Обедаем вместе с Сашею у Анны.

23 [сентября]. Пятница. T. de la Haute, ходатайствующий о концессии на образование компании элеваторов, обещает великие для России блага, опасается оппозиции со стороны хлеботорговцев. Визиты добродетельному Бреверну, Стояновскому, Долгорукому. Обед вдвоем с Сашею. В $8^1/_2$ час. у Толстого. Выставляю пользу предварительного соглашения по университетскому делу. Нежелательно разногласие по коренным мыслям, разногласие, подрывающее в глазах юношества уважение к новому в отношении его мероприятию, разногласие, дающее пищу журналистике и ставящее государя в более или менее затруднительное положение. Толстой заявляет, что ни в чем ни на волос не уступит, что соглашения ожидать нельзя, что тем не менее он согласен на предварительное совещание и даже готов сделать его у себя на дому. Относительно похорон Тургенева говорит, что он, Толстой, совершенно спокоен, зная, что террористическая партия никакого участия принимать не намерена, а участие партии либеральной означает лишь пустую болтовню. Сообщает, что, по последним его известиям, решено между нигилистами убить его, Толстого, и что вследствие того лица, его окружающие, настаивают на необходимости изменять направление прогулки, а не совершать ежедневно ту же самую, как он делал до сих пор.

24 [сентября]. Суббота. Заседание Департамента законов. Любопытны по неряшеству и полному недостатку точных сведений представления министра государственных имуществ об учреждении управления лесами в Западной Сибири и министра внутренних дел о предоставлении петербургскому уездному земству распоряжаться крестьянским продовольственным капиталом без всякого объяснения, в чем должны заключаться предполагаемые улучшения крестьянского земледелия.

Обедают у меня Ковалевский и Фриш. Последний излагает свои планы относительно нового издания свода законов: исключить лишнее, не повторять одного и того же предписания закона в различных его томах, а по возможности сохранять цельные законоположения

неприкосновенными, ведя, таким образом, очень постепенно от теперешней разбросанности отдельных статей к частям законодательства, приведенным в систему, если еще не достигшим окончательной стройности уложений. Я признаю последнюю степень кодификации и нежелательной.

Визит Всеволожскому в его ложе французского театра для того, чтобы представить ему вновь прибывшего германского поверенного в делах бар. Плессена, племянника моего старинного приятеля, поселившегося ныне в Бадене и столь долго бывшего в Петербурге датским посланником.

25 [сентября]. Воскресенье. Разговор с Любощинским о необходимости усилить Гражданский департамент. Желательно назначение Дервиза, представляющего в ряду записных цивилистов редкое изъятие по отсутствию односторонности. Визиты Эстеррейху, Рейтерну. Обед у Анны.

26 [сентября]. Понедельник. Профессор Кошелев, назначенный преподавателем в Рисовальное училище; сдерживаю его стремление заставлять учеников компоновать и писать картины. Наше дело и дело Академии художеств весьма различны.

Разговор с сенатором Владимиром Маркусом: «Скажу Вам напрямик, что мне желательно видеть Вас членом Департамента экономии Государственного совета. Старые моряки, там сидевшие, вымирают, необходимо подкрепить департамент. Гр. Баранов предлагал в члены Шумахера, Велио — оба отвергнуты. У Вас есть комиссия о польской эмеритальной кассе; представляйте скорее Ваши заключения министру финансов, который внесет все дело в Государственный совет; Вы приедете его защищать, а остальное — наше дело».

Маркус: «Вы поступаете в отношении меня как друг, а у нас с Вами никаких дружеских ни иных отношений не было».

Я: «Я друг только вовсе не Вам, а отечеству, на пользу коего считаю своим долгом выдвигать людей, могущих быть ему полезными». Наш разговор прерван визитом Павла Шувалова, который приезжает пригласить меня на охоту к себе в Вартемяки.

В 1 час завтрак с вел. кн. Владимиром Александровичем, Сен-При и Всеволожским. Разговор ничем не стесненный, болтовня о чем попало. Сен-При берется устроить для вел. князя охоту у Грефюля.

27 [сентября]. Вторник. Похороны Тургенева обходятся весьма благополучно, без всякого шума или скандальных выходок. Охота в Коломягах, — вел. кн. Владимир Александрович, Рихтер, Черевин, Граббе, Васмунт. Погода прекрасная, мокрота страшная, дичи мало, в итоге — день проведен здорово и приятно.

28 [*сентября*]. Среда. Разговор с Эстеррейхом об элеваторском деле. За предложением постройки элеваторов и облегчением способов провоза хлеба и доставки его на европейские рынки кроется желание выгодно помещать деньги под обеспечение зерном; при этом возникает опасность отдать хлебопроизводителей и вообще хлебную торговлю в руки ростовщиков или во всяком случае иноземных капиталистов, могущих по произволу стеснять торговлю и при этом отчасти произвольно повышать и понижать цены.

29 [*сентября*]. Четверг. В 8 час. получаю от Оболенского телефонное уведомление о рождении Анною второго сына в самых счастливых условиях. Немедленно еду туда с Сашею. Приезжает ко мне бар. Штиглиц. В $1^1/_2$ заседание соединенных Департаментов. Обедаю у Оболенского. Вечером в клубе выслушиваю сетования Ребиндера на невозможность служить под начальством Воронцова, который служит блестящим олицетворением хаоса в своих неумелых распоряжениях.

30 [*сентября*]. Пятница. У Толстого. Ликует об успехе тургеневских похорон. Хочет назначить Ребиндера одесским ген.-губернатором, уже получил от него отказ и просит меня употребить мое влияние. Охотно соглашаюсь, потому что если Толстой непременно хочет назначить на это место глупого человека, то, разумеется, лучше назначить честного и благородного глупца, чем дерзкого, заносчивого, несравненно более глупого и неразлучного с женою, изображающею самые неприглядные свойства, как Михаил Иванович Чертков.

Приезжает ко мне Делянов, согласен на предварительное по университетскому делу совещание, но желал бы пригласить, кроме названных мною лиц, еще Филиппова и Георгиевского. Я отказываю наотрез, потому что присутствие этих весьма второстепенных во всех отношениях личностей изгонит откровенность и даст всему иной, нежелательный, характер.

Так как приехавший с германских маневров гр. Павел Шувалов заявляет, что немцы раздражены переводом в Виленский округ 21-й дивизии, а вел. кн. Владимир Александрович, едущий на днях за границу, утверждает, что это неправда, то я в назидание его захожу к Анненкову и узнаю, что действительно переведена, только не 21-я, а 41-я[128]. Дело не в цифре, и потому вел. князь мог бы дать ложное уверение, что нежелательно.

Заезжаю к Анне. Встречаю Любощинского, который в восхищении от назначаемого мною на место Кабата Боголюбова. У Ребиндера в Департаменте уделов. Уговариваю его принять место ген.-губернатора в Одессе. 24 тыс. жалованья, в случае смерти 5 тыс. пенсии вдове, исход из тягостного положении. Его страшит ответственность, здоровье,

необходимость полной перемены жизни на старости, неудовольствие супруги, несносной Елизаветы Васильевны. Вхожу к Победоносцеву, чтобы, пользуясь его соседством с Московскою железною дорогою, надеть у него мундир. Он сам в Царском Селе у вел. кн. Владимира Александровича.

В 4 часа на станции Николаевской железной дороги. Там — генералы Обручев, Софиано, Корсаков, адъютанты вел. князя и, неизвестно почему, Перетц в мундире. Лакейство не излечивается, а усугубляется с годами. Поезд опаздывает [на] целый час. Вел. князь, войдя в залу, где мы его встречаем, неглубокомысленно возглашает: «Вы очень ошибаетесь, если думаете, что я рад вернуться сюда». Он, конечно, не скажет глупости. Вел. князь приглашает меня на другое утро в $11^1/_2$ час., но я извиняюсь тем, что еду на охоту с вел. кн. Владимиром Александровичем.

В $7^1/_2$ час. первый акт «Вильгельма Телля», который особенно люблю. В $9^1/_2$ на станции Царскосельской железной дороги. Едем с вел. кн. Владимиром Александровичем в Вартемяки к Шувалову. Проливной дождь, темнота, чухонцы загораживают дорогу, неукатанная щебенка, нас чуть не вываливают, и мы, пересев в мимо проходившие чухонские тележки, около часу ночи достигаем Вартемяк, где все семейство ожидает нас за роскошным ужином.

1 октября. Суббота. После морозной ночи чудесное яркое солнце. Целый день охотимся. Кроме нас двоих и хозяина с сыном, еще зять его, Мейендорф, командир гусарского полка, Шепелев, артиллерийский генерал. В 7 час. уезжаем с вел. князем, который отправляется на встречу государя, приезжающего из Копенгагена. По обыкновению нахожу на столе груды бумаг и писем.

2 октября. Воскресенье. Ко мне заходит Влангали, и мы делаем вместе большую пешеходную прогулку. Его рассказы. Князь болгарский уговорил государя опробовать правила в отношении русских офицеров, состоящих на болгарской службе. Между прочим, этими правилами постановляется, что офицеры состоят в полном подчинении князя и получают приказания лишь от него помимо русских дипломатических представителей. Бумага эта оставалась неизвестною русским министрам до последнего времени, когда, перессорившись с Иониным, Соболевым и Каульбарсом, на угрозу, что будет дано русским офицерам приказание вернуться в Россию, князь отвечал, что такое приказание может быть дано им одним, и, показав правила, угрожал их опубликованием. Все это окончательно возбудило против него государя. При таком положении вещей, когда Россия не станет более его поддерживать, он может ежечасно подвергнуться изгнанию,

что наделает нам во всяком случае много хлопот. Преемником уже называют принца Вольдемара Датского.

Другой рассказ. Русский консул в Ницце Патон пишет, что имеет от вел. кн. Николая Николаевича приказание нанять в Сан-Ремо дом для него, вел. князя, и его побочного семейства; между тем вюртембергская королева Ольга Николаевна едет с мужем туда же и просит Патона избавить ее от подобного соседства. Обещаю Влангали поговорить о том с вел. кн. Михаилом Николаевичем. Вечер со Всеволожскими в русском театре; отвратительная пьеса «Супружеское счастье».

3 октября. Понедельник. В 10 час. у вел. кн. Михаила Николаевича. Сначала сух за то, что я отказался приехать накануне, но неудовольствие понемногу исчезает. Разговор о его здоровье и болях в ногах, о том, как он провел лето, по обыкновению кавказские восторги. Письмо Старицкого, который отказывается от председательствования. Кем заменить? Вел. князь желал бы назначить бар. Николаи, но для этого надо прежде пропустить университетскую реформу, на что я возражаю, что прения об университетском уставе окончательно перессорят Николаи с Толстым, так как замечания, представленные бар. Николаи, решительно ничего согласительного не содержат[129]. Упоминаю имя Шувалова, но вел. князь не решается и заикнуться о нем, говоря: «К чему я буду о нем упоминать? Для того, чтобы по поводу его имени государь невыгодно о нем отозвался?» Говорим еще о назначении Ковалевского, которого горячо поддерживает вел. кн. Владимир Александрович. Мой председатель опасается, что Ковалевский будет иногда резок в прениях, недостаточно сохраняя необходимую для председателя беспристрастную сдержанность. По поводу университетского устава высказывает пользу предварительного совещания; я рассказываю свои переговоры с Деляновым и Толстым. Вел. князь выражает желание приостановиться исполнением этого предположения так, чтобы он имел время предварительно ознакомиться с вопросом и переговорить отдельно с каждым из намеченных членов совещания. Сообщает, что на юге произведено много арестов среди офицеров[130]. В Общем собрании Государственного совета докладываются ничтожнейшие дела. После заседания вел. князь приглашает гр. Баранова, Рейтерна, Делянова, Николаи, меня. Обсуждение имеет предметом представление вел. князя в качестве наместника кавказского об учреждении женского училища для магометанских девочек. Делянов настаивает на том, что воспитание христианскими воспитательницами магометанских девочек «вырвет у них из сердца верования и сделает их нигилистками». Николаи очень дельно возражает на такую поверхностную аргументацию. Вел. князь стоит на одном, что он специалист по кавказским делам, пробыв на Кавказе 18 лет, и что ему должны верить на слово.

Захожу в Эрмитаж, где вместе с вел. кн. Владимиром осматриваем фреску, купленную во Флоренции вел. кн. Сергеем Александровичем. Фреска непервостепенная, но для Эрмитажа, бедного произведениями италианской живописи, приобретение ценное. Едем вместе к вел. кн. Владимиру, и, очутившись с ним наедине, говорю ему следующее: «Вы едете чрез Германию, Вы теперь почти единственное семейное звено между германским и нашим правительством; весьма желательно, чтобы Вы сохранили это положение и влияние на пользу России, но для этого Вы должны хорошо ознакомиться с теми вопросами, которые в настоящее время подают повод к некоторым трениям, и к числу этих вопросов прежде всего принадлежит вопрос о дислокации наших войск. Считаю нужным Вас предуведомить, что на днях составлена в Военном министерстве карта дислокации пограничных в Пруссии и России войск». *Вел. князь:* «Я велю себе показать эту карту, но скажу Вам, что нахожу эти притязания Германии совершенно несправедливыми и невыносимыми. Сам император Вильгельм не раз, и в особенности в бытность свою в Петербурге, повторял моему отцу, что наши границы находятся в неудовлетворительном положении обороны, что необходимо для нас строить железные дороги и крепости, а теперь, когда мы следуем этим советам, то к нам придираются. Всякий в пределах своего государства вправе делать, что заблагорассудится». *Я:* «Конечно, о праве не может быть спора, но в международных отношениях право сильного всегда было и останется наилучшим. Если мы сделали ошибку, дав создаться на нашей границе могущественнейшему в свете государству, то теперь должны нести последствия этой ошибки до тех пор, пока представится возможность переменить положение дел».

Вел. князь: «Так что же? Переносить всякие придирки и притязания? Извините, всему есть, однако, предел. Достоинством России никто жертвовать не вправе, ну да пусть будет война, лучше смерть, чем переносить бесчестие, наконец, есть воля Божия».

Я: «Богу так много дела, что следует стараться обременять его как можно менее, а что касается до смерти, то, конечно, умереть недолго, только лучше умирать так, чтобы из этого вышел прок».

Расстаемся друзьями, обещаю ему разные адресы серебряников и брильянтщиков в Париже.

В 5 час. 40 минут еду к себе в Рапти с А.В. Шидловским.

4 [*октября*]. Вторник. Чудный день, дичи мало, но здоровья и удовольствия много.

5 [*октября*]. Среда. В $10^1/_4$ возвращаюсь в Петербург. Разумеется, нахожу груды бумаг и писем. Является Ребиндер сообщить, что принял предложенное ему Толстым место одесского ген.-губернатора; гр. Валуев, вернувшийся из Баден-Бадена, где неоднократно видел германского императора, между прочим и за чашкою чая у тещи своей, 94-летней кн. Веры Федоровны Вяземской. Вечер за чтением университетского дела и, в частности, записки бар. Николаи, довольно резко критикующей новые предположения.

6 [*октября*]. Четверг. Разговор с Измайловым о комиссии о сокращении расходов. В 12 час. на закладке церкви на месте катастрофы 1 марта[131]. Погода хорошая, все сходит отлично. Сольский передает, что во вторник в Комитете министров была сильная стычка между вел. кн. Михаилом Николаевичем и Победоносцевым по делу о магометанском женском училище. В $1^1/_2$ в соединенных Департаментах дело об элеваторах с участием 15 экспертов и представителя компании П.П. Дурново. Эксперты серьезных опровержений не представляют, высказывают темные и неподкрепленные подозрения, что американская компания возьмет в руки русскую хлебную торговлю, тогда как наш опаснейший конкурент и есть Америка. Дурново отвечает им довольно дельно, но вследствие непривычки владеть речью проскакивают неловкости, как, например, что всякий честный патриот будет за это предприятие, что напрасно позволяют в Государственном совете экспертам говорить о государственной стороне дела, что он преследует интересы земледельческой промышленности и, между прочим, доходность тех обширных земель, кои вверены государем ему, Дурново, по звании председателя Департамента уделов[132].

Выходя из Совета, встречаю на набережной вел. кн. Михаила Николаевича, которому передаю подробности только что состоявшегося заседания. Он мне не без гордости сообщает, что не мог прийти послушать, что говорилось в заседании, потому что у него завтракал государь с императрицею и что они уехали лишь в три часа. «Я имел большое удовольствие. Государь в первый раз начал со мной разговор о делах, спросив, как действует Дондуков на Кавказе». Вел. князь рассказывает мне происходившее во вторник в Комитете министров. Победоносцев начал свою речь так: «В этом вопросе кавказское начальство стало на неверную и ложную точку зрения», тогда вел. князь обратился к председателю Рейтерну, заявляя, что не может продолжать слушать; Рейтерн обеими руками стал его удерживать. Между тем Победоносцев, продолжая критику проекта женского училища, стал говорить, что гораздо полезнее деньги, на это учреждение назначаемые, предоставить православному духовенству, которое на Кавказе терпит великую нужду. Вел. князь возражал, что не раз представлял о помощи духовенству, но никогда не получал от Синода удовлетворительного ответа. «Так как Победоносцев продолжал критиковать мое 18-летнее управление, то я снова, — говорит вел. князь, — заявил председателю, что не считаю приличным слушать эту критику и уйду, но сдался на усиленные просьбы Рейтерна». Говоря о том, что в обычный докладный день был у государя, вел. князь передает, что сообщил государю о болезни Старицкого и невозможности дальнейшего для него председательствования в Департаменте законов, на что государь пожелал не назначать никого до обнаружения исхода предстоящей Старицкому операции, что весьма с руки вел. князю для назначения Николаи. О своем столкновении с Победоносцевым вел. князь сказал государю, но не упомянул о своем намерении выйти из заседания.

В 8 час. у Толстого. Сообщает мне, что государь отказал в назначении Ребиндера на том основании, что не желает разделять военного от гражданского управления, что по рекомендации Военного министерства и Гурки, вероятно, будет назначен ген. Роп. На это сообщаю ему, что, по отзыву вел. кн. Владимира Александровича, этот Роп — большая дрянь, а по словам вел. кн. Михаила Николаевича, он известен солдату как робкий генерал. Упоминая о стычке вел. князя с Победоносцевым, Толстой говорит, что он был бы на стороне вел. князя по этому делу. Говорит, что Победоносцев хотел бы назначить Сольского председателем Департамента законов, а Каханова государственным контролером, но что он, Толстой, будет всячески этому противодействовать. Упоминая о Филиппове и его размолвке с Победоносцевым, говорит, что причиною размолвки — раскольничий вопрос и что Филиппов всегда обвинялся в том, что брал с раскольников взятки. В 10 час. у Победоносцева. Приблизительно такой разговор. «Я хотел тебя видеть, чтобы узнать, согласишься ли ты участвовать в предварительном совещании по университетскому делу. Ты понимаешь всю невыгоду страстных по этому делу прений в стенах Совета. Для юношества будет во всяком случае ослаблен авторитет наилучшей меры, если известно будет, что в Совете значительное число членов были ее противниками; для государя будет затруднительно брать на себя решение дела ввиду последовавшего разногласия; а между тем из двух коренных вопросов — а) уничтожения автономии, б) изменения порядка экзаменов — по первому будет, вероятно, достигнуто почти единогласие и, следовательно, остается по последнему найти средний исход, пощадив обоюдное самолюбие, и в этом я на тебя рассчитываю».

Победоносцев: «Ведь беда в том, что людей нету. В других государствах, если министр не хочет принять к исполнению измененного против его предположений проекта закона, то легко найти другого человека, который соглашается принять управление в этих условиях, а у нас ты сам знаешь, где же эти люди? Иван Давидович, да Иван Давидович, и нет больше никого. Что касается до их государственных экзаменов, то не верю я в них. Прошлым летом и Толстой, и Делянов, и Островский пытались меня убедить, ну что ж, отвечаю, коли не имею веры, не могу вам иного сказать».

Я: «Вот я и хотел предварительно собрать совещание, где бы группы определились и отбросили перед входом в Совет резкость, усложняющую прения».

Победоносцев: «Да что же, я охотно приму участие».

Потом идет речь о стычке с вел. кн. Михаилом Николаевичем, причем главною причиною Победоносцев считает то, что упомянул об Обществе распространения православия на Кавказе, которое израсходовало 3 млн., давало 50 тыс. субсидии тифлисскому театру и доселе имеет миллион долгу.

Говоря о кандидатах на место председателя Департамента законов, Победоносцев называет Сольского, говоря, что в прежнее время он был одинаков с Перетцем, но теперь далеко от него ушел. О Николаи выражается: почтенный, основательный человек, но космополит, ничего в нем нет русского, а что и было, то позабыл на Кавказе, много и скучно говорит, будет тянуть заседания, а главное — под влиянием Головнина.

Победоносцев на другое утро едет в Гатчино, вероятно, для того, чтобы рассказать свое столкновение с вел. князем.

Как мелки интересы людей властных, если они жертвуют столько времени на такие пустяки.

7 [*октября*]. Пятница. Сильно простудившись, намереваюсь просидеть целый день дома, но получаю приглашение обедать у вел. кн. Михаила Николаевича, куда и отправляюсь к $6^1/_2$ час. Со мною приглашен еще Ребиндер. Обед проходит самым скучным манером в обществе всех многочисленных сыновей вел. князя, так что приходится жевать и говорить пошлости и, следовательно, обед теряет свой общежитейский характер, сохраняя исключительно значение животного отправления. После обеда дети удаляются, и разговор вчетвером в кабинете вел. князя принимает более интимный характер. Разумеется, всего более речь касается Кавказа. Вел. князь рассказывает свое путешествие и, между прочим, упоминает о тягостном впечатлении, которое почему-то испытал, увидав в комнатах, прежде занятых вел.

княгинею, новую хозяйку — кн. Дондукову. Речь заходит о прелестях принадлежащего наместнику дома, причем вел. княгиня говорит такую характерную фразу: «Je n'ai jamais aimé cette maison, parce que je me disais toujours que quelqu'un d'autre y logerait après moi et en conséquence je ne me considerais pas comme étant à la maison»*.

Заговаривают об университетском уставе. Я спешу воспользоваться случаем, чтобы, обращаясь к вел. княгине, высказать мой взгляд на то, в каких условиях должно состояться предварительное совещание; налегаю на интимность, т. е. дружественность объяснений участвующих, так, чтобы не было никакой горечи, желчи, а искреннее желание взаимными уступками прийти к согласию, которое придало бы обсуждению этого дела в стенах Государственного совета совсем иное значение и избегло затруднительного для государя положения избирать между двумя группами, одинаковыми по численности, а еще хуже — соглашаться с незначительным меньшинством, отстранило бы и другое неудобство — подорвать в глазах юношества авторитет к такому правительственному распоряжению, которое в Государственном совете встретило значительное неодобрение. Вел. княгиня схватывает мою мысль, а вел. князь молчаливо решается ей подчиниться.

8 октября. Суббота. По незначительности дел, докладываемых в Общем собрании, собираюсь воспользоваться приглашением Всеволожского и поехать послушать генеральную репетицию Рубинштейновой оперы «Купец Калашников», тем не менее заезжаю на минуту к вел. князю, вследствие чего и провожу целый день в суетливых хлопотах и беготне. Вел. князь показывает мне только что полученную от государя записку, поданную кн. Долгоруким с жалобою на Государственный совет за неприглашение его в заседание департамента по делу Плятера с жалобою и на неправильность мнения большинства, которое будто бы притесняет поляка, когда русское правительство должно беспристрастною справедливостью привлекать на свою сторону сердца поляков; в заключение своей записки Долгоруков просит вел. князя не соглашаться с большинством, которое, как синедрион, почти всегда бывает несправедливо[133].

На этой бумаге государь написал: «Что мне делать с этою бумагою кн. Долгорукова?»

На вопрос вел. князя, что ему в свою очередь делать, я отвечал следующее: «Дело это докладывалось в отсутствие Вашего высочества. Я имел осторожность уговорить вел. кн. Владимира Александровича

* «Я никогда не любила этого дома, потому что всегда помнила, что в нем будет жить кто-то другой после меня, и поэтому не считала, что нахожусь у себя».

приехать на это скучное собрание; он более часа слушал объяснения кн. Долгорукого и пожимал плечами, но и Владимира Александровича теперь здесь нет. Так как обвинения в неправильности делопроизводства падают главным образом на государственного секретаря, то предложите государю прислать меня для личных объяснений».

Вел. князь задумался и решился сделать, как делает в серьезных затруднениях — пригласить для совещания гр. Баранова.

Потом мы стали говорить о предварительном совещании по университетскому делу, я просил ускорить созывом такого совещания, чтобы не дать страстям вновь разгореться, а в особенности покончить дело до возвращения из Крыма вел. кн. Константина Николаевича. Вел. князь поручил мне повидаться со Старицким и узнать, предстоит ли ему в скором времени операция, а затем выразил намерение созвать совещание в понедельник или вторник.

Еду к Старицкому. Застаю его в более веселом, чем прежде, расположении духа. Магавли дает некоторые надежды и во всяком случае высказывается против немедленной операции. Старицкий выражает готовность участвовать в собрании у вел. князя, но желал бы прежде того собраться в самом тесном кружке у Толстого. Еду к Победоносцеву. Уговариваю его принять участие в обоих заседаниях. Соглашается, хотя высказывает желание как можно более отстраниться от участия в этом деле. Пишу записку Толстому и получаю от него согласие.

В Государственном совете заслуженная критика надменного проекта Островского, который хочет покрыть Россию сетью своих собственных народных школ под предлогом, что в них будут преподаваться зачатки земледельческих сведений[134]. [Обсуждение] по представлению министра юстиции о преобразовании судебной части в Сибири[135]. Давно умерший Титов сидит на председательском кресле и кивает головою, не понимая, о чем идет речь. Прения запутываются до того, что решают отложить дело и предоставить комитету из Стояновского, Фриша, Ковалевского, Философова предварительно разработать проект.

Добрый и честный гр. Баранов крайне взволнован сообщением вел. князя о выходке Долгорукого. Снова в 5 час. еду к вел. князю. Сообщаю ему о результатах различных свиданий. Высказываю мысль, что, быть может, лучше было бы послать государю доклад с предложением возвратить через меня кн. Долгорукову поданную им бумагу. Вел. князь отвечает, что он уже приготовил письмо на имя государя, и читает мне это письмо, содержание коего, сколько припомню, приблизительно такое: «Возвращаю тебе, милый Саша, бумагу кн. Долгорукого. С его стороны это не только неприличный, но недостойный поступок. Нельзя позволять отзываться подобным образом о высшем государственном учреждении, как Государственный совет. Надеюсь, что эта выходка не пройдет для кн. Долгорукова безнаказанною. В заседании, о коем он говорит, председательствовал гр. Баранов и присутствовал Владимир. Если ты желаешь иметь о нем подробности, то я могу прислать к тебе государственного секретаря Половцова». Запечатав при мне письмо, вел. князь послал фельдъегеря в Гатчину. Вечер во французском театре. Бессмысленная комедия: «La femme de Claude». Умерла весьма милая, почтенная, симпатичная женщина — Софья Николаевна Черткова. Муж довольно пустой человек, гоняющийся за мелкими почестями егермейстерства.

9 октября. Воскресенье. В 10 час. приходит Бунге с повинною о том, что дал государю подписать указ, разъясняющий порядок выдачи из Крестьянского банка ссуд не отдельным крестьянским обществам, а союзам нескольких обществ совокупно[136]. Представление вступило летом, когда не было заседаний Государственного совета; разрешить своей властью Бунге не счел себя вправе, испросил высочайшее соизволение, а Сенат отказался распубликовать такое распоряжение, которое не облечено, согласно требованию закона, собственноручною подписью государя, которую и пришлось испросить. Пеняю ему на то, что он слишком снисходительно соглашается на сверхсметные кредиты. Он отвечает, что я не вижу массы тех ходатайств, в коих он отказывает. Сетует на недостаточность поддержки в Департаменте государственной экономии. Возвращаемся к необходимости назначить Маркуса.

Гр. Петр Андреевич Шувалов, только что приехавший из Парижа, полный ума, разносторонности, знания людей вообще и в частности главных европейских политических деятелей. По его мнению, во внешней политике нашей нам не остается ничего иного, как безмолвствовать и смиренно ожидать, чтобы после смерти Бисмарка внутренние в Германии раздоры дали нам возможность, вступив в союз с Франциею, когда там явится другое правительство, дали нам возможность* возвысить голос и выйти из того печального положения, в котором находимся. Бисмарк окружил нас железным кольцом, последнее звено коего — его договор с Румыниею, которой обещал содействие австро-прусского союза для поддержания ее неприкосновенности. Говорю с Шуваловым о назначении его председателем Департамента законов. Он категорически отказывается от подобной кандидатуры,

* *Так в подлиннике.*

потому что, не имея юридического образования, будет в зависимости от мнений записных юристов, хотя бы мнения эти были совершенно неосновательны. Притом, если бы назначением своим он был обязан гр. Толстому, то со стороны последнего могло бы возникнуть как бы притязание на поддержку его правительственных проектов и мероприятий, тогда как Шувалов далеко не сочувствует большинству взглядов Толстого, считает его довольно посредственным человеком с крайне бюрократически узкими взглядами.

Нас прерывает Стояновский, который по поводу разговора со мною относительно доклада в Департаменте законов заявляет, что с его стороны было бы бесполезно вмешиваться деятельно в ход дел, потому что дела почти всегда докладываются в соединенных присутствиях и, следовательно, в последнюю минуту ему всегда приходится уступать председательские обязанности Титову или Баранову. Утверждает, что в прежнее время временно председательствовавший всегда продолжал председательствовать в соединенных Департаментах и что порядок этот изменен, когда Шувалов, быв старшим членом Департамента законов, должен был в нем председательствовать, а Игнатьев забежал к государю, доказывая, что при таком председательствовании ни одно представление его, Игнатьева, не пройдет в Государственном совете. Обещаю выхлопотать надлежащее высочайшее разрешение.

Является Тренов, по обыкновению все критикующий. Он был в Гатчине, представлялся государю вместе с 15 генералами, которые на все вопросы государя отвечали: «Никак нет-с». Неужели около государя нет никого, кто бы ему мог заготовить список с биографическими сведениями о представляющихся, так чтобы они разъезжались пораженные его памятью и вниманием?

Визит Валуеву, поселившемуся на скромной квартире в Галерной улице, но и на новом месте не забывающему старых общих мест. Заезжаю к Ковалевскому, чтобы сообщить ход университетского вопроса. Обед в клубе за отдельным столом. В 8 час. собрание у Толстого. Вот сущность того, что было сказано.

Старицкий, изучив подробно проект, сожалея, что здоровье не позволит ему не только председательствовать, но, вероятно, и вовсе участвовать в обсуждении проекта, считает обязанностью заявить убеждение, что по коренным вопросам реформы возможно соглашение, которое обеспечило бы в стенах Совета большинство, столь желательное как в интересе авторитетности нового мероприятия в глазах юношества, которому предназначается, так и для облегчения государю возможности согласиться с большинством Совета. Переходя к существу этих вопросов, Старицкий сказал, что ни он, ни те члены Совета, с ко-

ими он имел случай говорить, не только не противятся, но вполне сочувствуют уничтожению университетской автономии, считая, что она оказалась несостоятельною, возвращение к уставу 1835 г. не встретит препятствий. Что касается второго вопроса, вопроса о государственных экзаменах, то Старицкий не считает возможным согласиться с предложениями по этому предмету. Экзамены эти, отделенные от университета, возникли в Германии, где жизнь университетов создалась под совсем иными, чем у нас, условиями. Университеты образовались независимо от правительства, не пользовались правительственными деньгами, не состояли под правительственным контролем, и потому весьма естественно правительство, принимая на свою службу лиц, окончивших образование в университетах, сочло нужным делать проверки их сведениям, тем сведениям, кои считало необходимыми для государственной службы. Наши русские университеты в совершенно ином положении; они созданы правительством, живут на счет правительства, профессора не что иное, как чиновники, занятые научным делом, теперь устанавливается вновь правительственный контроль, зачем же одновременно установлять внеуниверситетский экзамен. Если необходимо изменить к лучшему порядок экзаменов, то нельзя ли собирать комиссии в стенах самого университета из лиц, выбранных самим министром.

Гр. Толстой привел многочисленные доказательства тому, как ошибочны были ожидания тех, кои в 1863 г. возложили на ученые коллегии университетских профессоров обязанность нести заботы администрации. Ученые, по его словам, — не лучше детей, неспособных к управительной деятельности, столь отличной от трудов ученых. Переходя к экзаменам, гр. Толстой доказывал невозможность принятия предположения Стояновского, потому, главным образом, что если связать экзамены с курсовыми занятиями, то придется дать программы и планы занятий, а кто выработает такие планы и программы. Притом обязательное введение таких программ и планов низвело бы университеты на низшую ступень простых учебных заведений, это значило бы наложить руку на науку и уничтожить возможность появления у нас светил науки, подобно тому, как мы находим их в Германии.

Делянов. Настаивая на необходимости производить экзамены вне стен университета и притом с особенно торжественною обстановкою, приводил специальные случаи в доказательство неудовлетворительности теперешних порядков и называл имена таких людей, коих можно было бы назначить в экзаменационные комиссии.

Бунге. Утверждая, что едва ли кому бы то ни было так много приходилось экзаменовать и вместе с тем самому выдерживать экзаме-

ны, засвидетельствовал на основании личного опыта, что экзаменаторов найти вовсе не так легко. Он, Бунге, по нескольку дней приготовлялся экзаменовать своих собственных слушателей. Кто же пойдет в экзаменаторы и из каких побуждений? Опасаться следует, чтобы вновь проектируемые порядки привели к еще более, чем ныне, плачевным последствиям; понижения ученого уровня в университетах стеснением свободы чтений и слушания Бунге также не опасается. Подвигаясь в жизни и в службе, Бунге находит, что из воспитанников Лицея и Училища правоведения легче найти полезных деятелей, чем из числа студентов, а приписывает это той умственной дисциплине, через которую их проводит учение.

Победоносцев всецело присоединился к мнению, высказанному Бунге, подтверждая его заключения и выводы своею профессорскою деятельностью. «Не имею я веры в Ваши экзамены, — повторял он Делянову, — не найдете Вы вне стен университета нужного Вам контингента людей; то будут или отставные, на дело негодные преподаватели, или не знакомые с учебным курсом практики. Какая такая торжественная обстановка? Мы знаем, во что она в России выражается. Прочитайте обряд принесения присяги дворянами пред выборами». Опасение не видать в рядах профессоров светил науки Победоносцев также считает излишним; не в этом первенствующая забота, а в том, чтобы студенты учились и учились тому, что они должны знать.

Я. Ввиду разности мнений и вероятности уничтожения надежды на соглашения я поспешил высказать ту мысль, что мнения вовсе не так далеки друг от друга, как кажется. Уничтожение автономии принято единогласно, улучшение экзаменов признано всеми необходимым с тою разницею, что одни хотят учредить новые комиссии вне стен университета, а другие хотят иметь комиссии при самих университетах. Неужели по этому вопросу нельзя найти среднего термина?

Гр. Толстой возражал мне, что в деле принципов компромиссы невозможны. Я возражал, что идет речь о компромиссе не в сфере принципа, а на поприще его применения.

В заключение поручено Бунге, Победоносцеву, Старицкому попытаться найти изложение, которое бы соглашало эти два мнения.

10 [октября]. Понедельник. У вел. князя. Озадачен тем, что никакого ответа от государя не получил. Вопрос о председательствовании Стояновского. Наивное замечание: «Как это Стояновский узнал, что распоряжение в отношении Шувалова последовало по внушению Игнатьева?» Завтракаю подле вел. княгини. Пустое заседание Общего собрания Государственного совета. С 3 до 7 пишу, не вставая, собственноручное донесение государю как по существу мемории, так и

о заседании у Толстого. В 7 обед у Дурново, товарища министра внутренних дел, — Делянов, Победоносцев, Рихтер. Толстой отозван к вел. кн. Александре Иосифовне. Рихтер сообщает, что завтра обед в честь уезжающего французского посла Жореса, а затем государь уезжает на два дня на псовую охоту к Ямбургу.

11 [октября]. Вторник. Все утро за департаментскими журналами Железникова и Шидловского. Оба весьма удовлетворительны. В 8 час. совещание у вел. кн. Михаила Николаевича по университетскому делу. Забыл сказать, что утром я был у Головнина и всячески уговаривал его как можно скромнее, незадирательнее высказывать свои отдельные мнения.

В 8 час., приехав к вел. князю, застаю собирающихся членов. Вел. князь зовет меня в кабинет. Застаю его за перечитыванием мною ему утром написанной записки, в которой я излагал мнение, что отсутствие Толстого не должно вести к отсрочке заседания, что считаю это отсутствие весьма счастливою случайностью, потому что, таким образом, отстранится возможность личного между ним и Головниным с Николаи столкновения, при котором он мог бы высказать что-либо такое, от чего не хотел бы отступить в Государственном совете, тогда как всякое слово не авторитетного и во всех отношениях второстепенного Делянова может впоследствии быть взято назад.

Вел. князь несколько взволнованно говорит, что до сих пор не получил никакого от государя уведомления и еще не отменил своей обычной поездки в Гатчину и на этот раз он даже испросил разрешение государя привезти с собою Фриша. Отвечаю на это: «Cela prouve que notre souverain est mal servi»*.

Заседание начинается заявлением вел. князя, весьма плавно и ловко сделанным, что заседание им собрано главным образом для ознакомления с наиболее существенными вопросами, о коих он просит высказать мнения с полною непринужденностью. После этого высказывается почти то же самое, что было говорено у Толстого с присоединением заявлений Николаи и Головнина, прямо высказывающихся против экзаменов, отделенных от университетов, Бреверна, не высказывающего ничего крупного, и Ковалевского, настаивающего на том, что вне университетов не найдется людей для обязанностей экзаменаторов. Под конец свыше трехчасового совещания Делянов соглашается на то, чтобы экзаменационные комиссии заседали в университетских стенах, но признает необходимым сохранить за министром право устранять от этих комиссий профессора, читавшего курс. В этом

* «Это доказывает, что нашему государю плохо служат».

сосредотачивается разногласие между Деляновым и всеми остальными присутствующими.

12 [октября]. Среда. Захожу утром к Толстому, чтобы выяснить всю нелепость производимого Деляновым разногласия. Он упирается, но, по-видимому, поколеблен тем аргументом, что два министра, Победоносцев и Бунге, известные своею продолжительною и блестящею профессурою, не разделяют его мнения.

13 [октября]. Четверг. Рождение вел. князя Михаила Николаевича. По принятому в Государственном совете обыкновению надеваю мундир и отправляюсь к новорожденному. Застаю в приемной множество военных и гражданских чинов, жаждущих чести принести поздравления. Вел. князь принимает меня отдельно, показывает полученные подарки и телеграммы. Еще разговоры об университетском уставе. Заседание Департамента экономии. В 4 часа еду в Царское Село навстречу жене, возвращающейся с младшим сыном. Знаменитый амстердамский массер[137], консультант Мецгер, весьма неутешителен. Со станции проезжаем прямо на Сергиевскую к Анне.

14 [октября]. Пятница. Петр Шувалов, его суждения о неудовлетворительности нашего внутреннего и внешнего положения. Прокурор судебной палаты Муравьев сообщает о производящемся следствии о мошенничестве, в коем играет подозрительную роль г. Рембелинский, которого Перетц чуть-чуть не сделал государственным секретарем.

15 [октября]. Суббота. В 11 час. у вел. князя. Ко всеподданнейшему докладу: назначения Боголюбова и Кочукова, председательствование Стояновского, уничтожение Комиссии прошений, т. е. формальное рассмотрение записки Рихтера в законодательном порядке[137а]. В соединенных Департаментах дело об элеваторах, глупая речь Гюббенета. Этот представитель народной политики открещивается от иноземных капиталов, как от динамитных бомб[138].

Удачное представление во французском театре: «Monsieur Alphonse».

16 [октября]. Воскресенье. Смерть Нарышкина, бесцветного, безобидного, безвредного человека. В $1^1/_2$ у гр. Баранова с Железниковым, совещание о порядке хода университетского дела. Общие вопросы. Присутствие Георгиевского и Любимова. Невозможность обсуждения в их присутствии, которое может перейти в участие. Обычная мемория.

17 [октября]. Понедельник. У вел. князя в 11 час., дел мало. Приглашаюсь к завтраку. С вел. княгинею как всегда пустой и сплетничный разговор, чуждый доброжелательности: «Je suis enchantée de voir que le ministère de la marine soit si bien organisé, qu'il puisse

marcher tout seul, le grand duc Alexis étant a Biarritz et Schestakoff au Caucase»*.

В Совете Общее собрание продолжается четверть часа, а после того нескончаемое заседание об элеваторах, причем старший Мансуров говорит всегда не лучше Гюббенета.

Вечером в 8 час. у Бунге с Шуваловым, который передает свои впечатления о разрастающемся между нами и Германией недоумении, истекающем из неудовольствия за то, что мы постоянно усиливаем свою кавалерийскую линию вдоль прусской границы[139] и дозволяем печати бранить Германию, когда умеем заставлять ее молчать по другим вопросам. Что касается нашего кредита, то он был на днях поколеблен в Париже заявлением Блейхредера, который, приехав туда, утверждал, что слышал из уст самого императора о близости войны с Россиею, а также, что имеет от Бисмарка приказание всячески противиться помещению русских бумаг в среде германского населения. Шувалов, имевший нынче летом личные объяснения с Бисмарком, тщетно силился доказать Блейхредеру неверность его заявлений.

В заключение разговора с Бунге Шувалов предлагает ему воспользоваться тем, что он, Шувалов, поедет в течение зимы за границу и поручит ему как формальное заявление Бисмарку о нашей миролюбивости, так и переговоры с Ротшильдами о займе как последствие нашего миролюбивого заявления о содействии вследствие того Бисмарка** к поправлению нашего финансового положения. Успех у Бисмарка Шувалов основывает на личной дружбе «железного канцлера», который считает себя в долгу перед Шуваловым за то, что Берлинский трактат сломал ему шею. Успех у Ротшильдов возможен в том лишь случае, если будет что-либо сделано по еврейскому вопросу; это что-либо могло бы заключаться в объявлении нескольких высочайше утвержденных положений предполагаемого улучшения еврейского быта, положений, которые впоследствии ни в чем бы не стесняли дальнейшей законодательной деятельности.

18 [октября]. Вторник. Сижу дома со страшною зубною болью. Очищаю журналы, изучаю университетское дело. Обедает Влангали, который сокрушается о болгарских делах. Государь теперь возненавидел этого дрянного князя, которого прежде всячески защищал[140]. На его депешах пишет: «дерзко», «нахально» и т. п. отметки, не имеющие никакого практического значения. Моя жена представля-

---

*«Я в восторге, как хорошо устроено Морское министерство, оно действует совершенно самостоятельно в то время, как вел. кн. Алексей в Биаррице, а Шестаков на Кавказе».

** *Так в подлиннике.*

ется вел. кн. Ольге Федоровне. Во время их разговора входит вел. кн. Михаил Николаевич, весьма распетушившись: «J'apprends que l'empereur va de nouveau à la chasse et personne ne me prévient, on me tient le bec dans l'eau. J'ai vu Richter au Comité des ministres et je l'ai prié de m'en informer»*.

19 [октября]. Среда. Тем не менее вел. князь поехал в Гатчину да еще с Ольгою Федоровною, по возвращении оттуда высылает мне все мои доклады, утвержденные государем: доклад о рассмотрении в Государственном совете в законодательном порядке записки Рихтера об уничтожении Комиссии прошений[141], о назначении Боголюбова и. д. ст.-секретаря в Гражданском департаменте и Кочукова к нему помощником. Первое назначение идеально, второе хромает тем, что Кочуков подобострастен и заискивает перед начальством, но не надо забывать, что он человек обремененный семейством, проведший всю жизнь в тяжелой провинциальной работе.

20 [октября]. Захожу на короткое время в заседание Департамента экономии якобы переговорить с гр. Барановым об университетском деле. Сижу целый день дома с страшною зубною болью.

21 [октября]. Пятница. Приезжает ко мне кн. А.С. Долгорукий посоветоваться о долгах Шувалова, который в припадках умопомешательства подписал векселя. Долгорукий приехал с юга, где имеет большие поместья, видит в очень черном свете правительственные порядки. В частности, опасается антигерманской агитации, сожалеет о гатчинском уединении и недостатке общительности. Иностранных министров при прощальной аудиенции государь принимает бесцеремонно в сюртуке без эполет.

В Большом театре празднуется столетие русского театра. Дают комедию императрицы Екатерины «О, Время»[142], написанную 10 лет до Фонвизина. Сколько ума в каждом слове этой женщины!

22 [октября]. Суббота. У вел. кн. Михаила Николаевича. Его рассказ о поездке в Гатчину. «Я думал, что у государя будет мало дела и что я буду иметь время с ним продолжительно говорить, но вместо того по приезде в Гатчину я застал у государя, кроме обычного доклада министра юстиции, еще флиг.-ад. Каульбарса, отправляемого в Болгарию[143]. Я пошел к императрице и сидел у нее до 12 час. 50 мин., когда сошел вниз к государю, но здесь мне пришлось прождать еще полчаса. В 1 час. 20 мин. я был принят вместе с Фришем по делам его Кодификационного отдела. Потом я предложил государю отложить собственно мой

* «Я узнал, что император снова отправляется на охоту, а меня никто не предупредил, меня водят за нос. Я видел Рихтера в Комитете министров и просил его известить меня».

доклад на после завтрака, но государь пожелал кончить немедленно. Тогда я представил все свои доклады, которые были утверждены в пять минут. Несколько времени занял доклад относительно рассмотрения в Государственном совете записки Рихтера об упразднении Комиссии прошений; государь выразил Рихтеру желание, чтобы новое рассмотрение всеподданнейших жалоб при командующем Главною квартирою было непременно единоличное и чтобы все новое управление было поскромнее. Доклад окончился в 2 часа без десяти минут, и когда мы пришли в столовую, то застали императрицу за десертом, причем она шутя бранила меня за опоздание. После завтрака мы полчаса гуляли вдвоем с государем в саду, но государь ни слова не говорил более о делах, а я не заговаривал, тем более что не люблю говорить о делах на прогулке. Второпях я забыл доложить государю о председательствовании Стояновского в соединенных Департаментах».

В 1 час заседание соединенных Департаментов экономии и законов. Гр. Баранов ставит прежде рассмотрения самого проекта три принципиальных вопроса, мною ему набросанных:

1) Желательно ли усиление административной власти попечителя и министра с ограничением университетских советов исключительно предметами учебного свойства?

2) Полезно ли допущение полной свободы как чтения профессорами, так и слушания студентами и не полезнее ли профессоров обязать производить чтения по определенным программам с правом распространять курс только при исполнении обязательных его частей, а студентов обязать к слушанию определенных курсов?

3) Если улучшение порядка испытаний необходимо, то не допустить ли производства их комиссиями, назначенными по выбору министра, причем учреждение этих комиссий должно иметь место вне университетов или при них?

По первому вопросу дан единогласно утвердительный ответ, но Николаи и Головнин выразили сомнение, чтобы министр и попечитель могли справиться с множеством новых обязанностей, кои возлагаются на них новым уставом.

По второму вопросу против единогласного неодобрения свободы, вводимой новым уставом, Делянов заявлял, что свобода студенческого слушания имеет главным основанием освобождение студента от слушания предмета, уже ему известного. Такое изъяснение, представляя проектируемое правило чем-то совершенно исключительным, привело к заключению о возможности удовлетворить указываемой случайности частною оговоркою об освобождении в таком случае студента властью декана.

По третьему вопросу возникли весьма горячие прения. Все присутствующие восстали против подобной меры. Николаи доказывал, что в ней высказывается оскорбительное для университетов недоверие. Исаков утверждал, что она имеет целью затруднить получение прав, даваемых университетами, и пресечь вступление в него тех масс юношества, кои правительство доселе в него привлекало, что эти массы будут по справедливости недовольны, что нет надобности умножать число недовольных, а надлежит прежде открыть им другие пути образования и труда развитием реального и технического образования. Ковалевский указывал на невозможность найти достаточный экзаменаторский персонал вне университетских стен. Бунге настаивал на участии в экзаменах профессора, читавшего курс. Победоносцев весьма гибкою, подчас ироническою, но в общем тоне согласительною речью настаивал на опасности ограничиваться карательными мероприятиями, отбрасывая, как это слишком часто делалось в последнее время, меры предупредительного характера. «Не имею я веры в ваши экзамены», — повторял он, как motto* своей речи. После продолжительных прений в начале пятого часа заседание было прервано на несколько минут. Я воспользовался этим, чтобы сказать Делянову: «Не понимаю, Иван Давидович, как Вы, будучи консерватором, ведете нас к политическому несчастию. Ведь Вы видите, что в вопросе об экзаменах весь Государственный совет будет против Вас. Значит, Вы ставите государя в необходимость или согласиться с огромным большинством и в таком случае лишиться такого министра, как Вы, потому что Вам, разумеется, надо будет выйти в отставку. Если же государь согласится с Вами, то он как бы даст пощечину Государственному совету, подорвет в глазах народа уважение к высшему государственному учреждению».

Вслед за тем переначалось заседание, и Делянов согласился на то, чтобы экзамены были не при учебном округе, а при университете.

Французский театр. Представление старинной пьесы: «Les faux bons hommes». За тридцать лет далеко ушли всякие требования.

23 [октября]. Воскресенье. В 2 часа крестины внука Алексея Оболенского. Всякий раз выношу из этой церемонии то впечатление, что над этим несчастным существом, только что явившимся на свет, уже высказывается право сильного.

У Всеволожских встречаю Ивана Балашова, который председательствует в Обществе поощрения художников и жалуется на тесноту и вообще неудовлетворительность помещения дома на Морской. Напо-

* Основная мысль (*итал.*).

минаю ему о том, как я настаивал на необходимости удержать дом бывшего ст.-секретаря Царства Польского, что против Никольского собора, и остался один в оппозиции Григорович.

Вечер за извлечением из мемории.

24 [октября]. Понедельник. У вел. князя, представляю ему Боголюбова. Переговорив о делах, говорю ему, что имею к нему жалобу на него самого за то, что он передал Дурново, товарищу Толстого, то, что было сообщено мне Шуваловым со слов Толстого о его намерении согласиться на уничтожение проекта государственных экзаменов. Что это он не в первый раз пробалтывается и ставит меня в затруднительное положение.

Ответ: «Да я не политик!..» За завтраком вел. княгиня, которой он уже успел передать мое внушение, говорит: «Vous avez eu bien raison de le lui dire». — «Vous ne sauriez croire, madame, tout le mal que cela fait au grand duc»*. С вел. княгинею разговор в таком роде: «Et bien on dit que le mariage du grand duc Serge s'arrange. J'en veux à cette princesse de Darmstadt qui pendant deux ans tient le bec dans l'eau à mon neveu de Bade. J'espère qu'une fois marié le grand duc se mettra par sa femme dans la société de Zina Beauharnais. C'est scandaleux la conduite de cette dernière. J'avais un intendant qui j'ai cédé à Eugène. Ce m. Masing venait me voir et me disait que c'était le grand duc Alexis qui payait tout.

Il n'y a que trop de scandales dans la famille, je dis à Александра Иосифовна, qu'étant la plus âgée, elle devrait en parler à Gatchino, mais elle me répond que ce serait une manière détournée de se plaindre de sa propre situation. Avez-vous vu l'autre jour au théatre le grand duc Nicolas, qui avait pris une loge pour la Числова avec sa fille, en face. Всеволожский devrait défendre qu'on lui donne des loges»** и т. д.

В Совете после мгновенного заседания Общего собрания продолжается обсуждение университетского устава, речь идет о пределах власти попечителя и ректора. Делянов ниже всякой критики, доб-

* «Вы были совершенно правы, что сказали ему об этом». — «Вы не поверите, ваше высочество, какой вред это приносит великому князю».

** «Говорят, что брак вел. кн. Сергея налаживается. Я сержусь на эту дармштадтскую принцессу, которая в течение двух лет водила за нос моего баденского племянника. Полагаю, что, женившись, вел. князь войдет при помощи своей супруги в общество Зины Богарне. Поведение ее самое скандальное. У меня был управляющий, которого я уступила Евгению. Этот г. Мазинг приходил ко мне и рассказывал, что за все платит вел. кн. Алексей.

В семье слишком много скандалов, я сказала Александре Иосифовне, что, как самая старшая, она должна была бы поговорить об этом в Гатчине, но она ответила, что это было бы косвенной жалобой по поводу ее собственного положения. Видали ли вы в прошлый раз в театре вел. кн. Николая, который взял ложу напротив для Числовой с дочерью. Всеволожский должен был бы запретить давать ему ложи».

рый гр. Баранов дает прениям расползаться бесконечно. Георгиевский выступает защитником слабого Делянова.

25 [октября]. Вторник. Разговор с Тидеманом об успешном развитии его телеграфного дела. Great Northern-Telegraph*. Портит воровство русских чиновников в Сибири. Разговор с датским консулом Бергом об устройстве коммерческого в Балтийском море флота с помильною от правительства платою. Считаю невозможным и заговаривать о подобном расходе при нынешнем положении бюджета. Обед у бар. Штиглица.

26 [октября]. Среда. Является Шмеман, переведенный мною из Д[епартамента] Министерства юстиции, кажется толков**. В клубе Черевин, занятый тем, что расходится с Фабр и передает детей сестре своей. Вечер в Михайловском театре. Немецкая оперетка.

27 [октября]. Четверг. Сижу в заседании Департамента экономии. Разбирается смета Министерства юстиции. Замечания Сольского весьма дельны. Набоков в ответ лепечет какой-то вздор, доходящий подчас до смешного. Особенно забавно прение по вопросу о кредите в 28 тыс. на разбор старых архивных дел.

Гр. Баранов изумляет своею добросовестностью и усидчивым трудолюбием.

28 [октября]. Пятница. Проект м[инистра] финансов.

1. Выпуск ренты всего на 50 млн. золотом предназначается для уплаты Государственному банку за подлежащие погашению билеты в 1883-м и отчасти в 1884 гг.

2. Ренты выпускаются достоинством в 125, 500, 1000 или на десятерные суммы.

3. Ренты могут быть как именные, так и безыменные.

4. Правительство оставляет за собою право выкупа рент уплатою владельцам нарицательного капитала, но лишь по истечении 10 лет со времени выпуска рент.

5. Ренты принимаются в залоги по казенным подрядам и поставкам по ценам, установленным М[инистерством] финансов.

6. Размер процентов, уплачиваемых правительством по рентам, опред[елен] в 6%.

7. Курс, по которому ренты обращаются в продажу, определяется М[инистерством] финансов.

8. Ренты, не распроданные в течение назначенного срока, составляют собственность Государственного банка с тем, что причитающи-

* Большое северно-телеграфное общество.

** *Далее зачеркнуты карандашом слова, из которых первое не разобрано:* в своем новом помещении. Анна скоро собирается выезжать.

еся по ним проценты должны быть впредь до продажи сих бумаг обращаемы исключительно на погашение временно выпущенных кредитных билетов.

Такова сущность проекта, присланного для предварительного с ним ознакомления и обсуждения в Комитете финансов[144].

Обстоятельный разговор с Боголюбовым относительно мелочей новой для него службы. Посылаю его к Титову с предложением пригласить к слушанию одного еврейского дела сенатора Арцимовича[145], хочу по возможности расширить пределы обсуждения дел в Государственном совете и прежде всего искать в Сенате элементов такого расширения*.

29 [октября]. Суббота. У вел. князя. Он утверждает, что опять забыл доложить государю относительно Стояновского и председательствования его в соединенных Департаментах. Государь имел так много докладов, что принял вел. князя лишь после завтрака. В сущности у вел. князя не было никакого доклада. Он отвез государю написанные мною проекты поздравлений Милютину по случаю 50-летнего юбилея. Это мог сделать и простой курьер, а не фельдмаршал.

В соединенных Департаментах докладывается дело о кавказских минеральных водах, которые за все время управления вел. князя не получили сколько-нибудь сносного устройства. Решают послать специальное лицо для представления практического заключения. Вел. князь по обыкновению не доволен всяким петербургским решением кавказского дела: «Мое положение в этом деле очень странно: я его возбудил, оно рассматривается в председательствуемом мною учреждении, и я не имею возможности поддержать свое мнение». Тщетно стараюсь доказать ему, что в этом нет ничего странного.

Потом слушается представление Делянова об отдаче «Петербургских ведомостей» Авсеенко (как говорят, подставному лицу Каткова) с правительственною субсидиею. Государственный совет отказывает[146].

Затем университетское дело. Назначение ректора. Желая перенести большинство обязанностей, возлагаемых на попечителя, перенести** на ректора, Ковалевский и Победоносцев предлагают назначать ректора из двух кандидатов, избранных профессорами на известный срок, по истечении коего от министра народного просвещения зависит оставить ректора на дальнейший срок или назначить переизбрание. После долгого сопротивления Делянов принимает это предложение.

* *Далее зачеркнуто карандашом:* Обед у Анны.

** *Так в подлиннике.*

В 8 час. 9-я симфония в зале дворянского собрания, а потом глупая, но смешная пьеса во французском театре.

30 [октября]. Воскресенье. Обедают пять лет путешествовавшие по Азии французы Mailly и Méchin, а также Обручев, которому они сообщают сведения о Туркестане и Мерве, Николай Абаза, Мордвинов, кн. Ливен, член киевской прокуратуры. Французы чрезвычайно восхищаются моею китайщиною, утверждая, что в Китае невозможно найти такие вещи.

31 [октября]. Понедельник. У вел. князя. *Я:* «На эту среду решительно нет докладов. Ваше высочество, вероятно, не поедете в Гатчину?» *Вел. князь:* «Нет, поеду для того, чтобы государь не терял привычки меня видеть».

Я: «В таком случае, может быть, Ваше высочество, найдете возможным в разговоре иной раз дать тон тому или другому делу, т. е. наметить господствующую ноту с тем, чтобы посторонние, журнальные или иные влияния не предупредили в мыслях государя решимость на то или другое направление».

Вел. князь: «Я должен Вам сказать, что я имею полное убеждение, основанное на очевидных фактах, что государь решительно никакого доверия к моим мнениям не имеет и избегает говорить со мной о делах».

Я: «Позвольте мне усомниться в том. Я думаю, что государь не может не иметь доверия к Вашим мнениям, а не говорит с Вами о делах, потому что не уверен, что Вы сохраните тайну, и если Вы позволите мне высказать всю мою мысль, то в этом отношении Вам много вредит вел. кн. Николай Михайлович».

Вел. князь: «Я знаю, что его не любят, но когда он дежурит, то с ним бывают очень любезны». Продолжая говорить об элеваторах, я сообщил вел. князю, что после заседания Общего собрания будет частное совещание Департамента законов с приглашенными в качестве экспертов сенаторами Книримом и Голубевым по редакции статей, оговаривающих юридические отношения элеваторского общества. На вопрос вел. князя, приму ли я участие в этом совещании, я отвечал, что должен ехать в заседание Комитета финансов. По поводу этого было выражено им сожаление, что он не участвует в занятиях этого комитета. «Правда, — прибавил вел. князь, — что я ничего не понимаю в финансовых вопросах, но это было бы для меня средство научиться». При этом выразил удивление о том, почему я был назначен членом этого комитета и притом без уведомления о том его, вел. князя.

В Общем собрании Государственного совета пустейшие дела. В финансовом комитете Бунге излагает свои предположения о займе[147].

Грейг оппонирует, доказывая бесполезность уплаты банку 50 млн. на том основании, что банк не уничтожает кредитных билетов. Рейтерн считает, что до сих пор и уничтожать не следовало, потому что указ 1881 г.[148] имел в виду не одно уничтожение кредитных билетов, но еще образование в банке запаса этих билетов; запас теперь создан, и можно приступить к изъятию билетов из обращения. И Рейтерн и Грейг критикуют мысль о выпуске шестипроцентной ренты, опасаясь, что это будет иметь дурное нравственное влияние. Сольский по обыкновению и нашим и вашим. Я поддерживаю всецело Бунге, которого предложения и приняты без изменения.

1 ноября. Вторник. Получаю записку от Шувалова, который извещает, что по приказанию доктора должен немедленно уехать в лучший климат. В 2 часа заседание по университетскому делу. Вопрос об инспекторе и его отношениях к ректору и попечителю. Делянов настаивает на непосредственном подчинении инспектора попечителю мимо ректора. По этому вопросу происходит соглашение, но затем следует разногласие по вопросу, в сущности не имеющему никакого значения, о том, кто должен выдавать дипломы на ученые степени — непосредственно факультет или постановления о сем факультета должны проходить чрез совет университета, как это делается теперь. На этом пустом вопросе Делянов, подстрекаемый Филипповым, не решается уступить.

2 ноября. Среда. Визиты Шувалову, Игнатьеву, Обручеву. В 4 часа приезжает ко мне Набоков и рассказывает, что ехал с вел. кн. Михаилом Николаевичем в Гатчино и получил от него запрос о назначении Рембелинского сенатором; отвечал на это категорическим отказом, но вследствие присутствия Черевина не мог объяснить причин отказа.

3 [ноября]. Четверг. Заседание соединенных Департаментов с участием сенатора Арцимовича. Обсуждается еврейское дело; во избежание разногласия и связанного с этим политического шума решают отложить слушание дела до прибытия председателя еврейской комиссии гр. Палена[149]. Обедают Чацкий и Арцимович, юго-западные помещики, приехавшие хлопотать по нескончаемому делу об устройстве быта чиншевиков[150].

4 [ноября]. Пятница. Охота в Коломягах. Вел. кн. Михаил Николаевич с сыном Георгием, Алексей Иванович Шаховской. День чудесный, зайцев мало, боимся тревожить лосей. Вел. князь сообщает мне, что очень доволен своею последнею поездкою в Гатчину.

«J'ai pris mon courage et après le déjeuner j'ai causé avec l'empereur sur l'affaire universitaire. J'ai dit que selon moi il fallait avoir en vue le groupe de 600 professeurs et derrière 8000 étudiants, qui seraient très

mécontents si la mesure était trop radicale. L'empereur m'a répondu qu'il y avait des professeurs qui seraient contents. A quoi j'ai dit qu'il y en aurait bien peu. Je crains que l'empereur n'ait eu l'idée que j'ai parlé sous l'influence du grand duc Constantin»*.

5 [ноября]. Суббота. Рассказы Черевина. «На днях в семь часов утра получаю от государя записку с приказанием прислать ключ шифра Военного министерства. Отвечаю, что у меня все ключи, кроме военного и иностранных дел». Вечером за обедом (втроем: император, императрица и Черевин) императрица спрашивает Черевина о шифре и сообщает, что государь получил депешу из Болгарии от Каульбарса и желал сам ее разобрать, не поручая этого никому, но не мог этого сделать по неимению шифра. Черевин немедленно телефонирует в Петербург и получает шифр. Разговаривая о братьях, государь очень пеняет на Алексея Александровича, который обещал быть 10 октября и до сих пор не возвращался. Про Марию Павловну императрица говорит: «Dieu sait de quoi elle a l'air, comme elle est rouge, on dirait qu'elle prend du vin»**.

В 1 час в Совете продолжается обсуждение университетского дела.

6 ноября. В 12 час. заходит Влангали и мы отправляемся завтракать вместе к Гагариным. Княгиня жалуется на то, что Толстой запретил ей беседы с арестантами тюремного замка, и ей приходится ездить в другую тюрьму на край света.

Свадьба дочери А.Л. Миллера с конногвардейским офицером Михалковым. Обед у Оболенских. Возвращаемся домой и застаем Blanc в страшных припадках сумасшествия от чрезмерной дозы pulsatilla. Несчастный Пит[151] провел с ним вдвоем весь вечер. Доктор Мецгер подозревает катотаническое сумасшествие. Тяжелая ночь.

7 [ноября]. Понедельник. Удостоверившись в полном выздоровлении Blanc, еду к вел. кн. Михаилу Николаевичу. Настаиваю на том, чтобы, ехав в Гатчину, снова говорил о делах, на этот раз об элеваторах. Повторяю имена своих кандидатов для назначения в Совет — Дервиз и Маркус.

На его заявление, что государь не принимает ни в какое внимание его советы, утверждаю, что это невозможно, что он из всех ядей государя наиболее им уважаемый, но что я опасаюсь одного, что государь не уверен в том, что их разговоры остаются вполне сокровенными, а в этом отношении думаю, что ему вредит... его старший сын Николай Михайлович.

Конечно, следовало бы назвать Ольгу Федоровну, но я не решился это сделать, так как это было равносильно окончательному с самим вел. князем разрыву.

Возвращаясь к своим гатчинским разговорам, вел. князь сказал, что выразил государю опасение, чтобы с молодым поколением, т. е. с братьями, ему не было столько же историй, как с дядями. Я не защищаю вел. князей Константина и Николая, но не могу одобрить поведения Алексея с гр. Богарне, и в особенности Марии Павловны, которая во время последнего Красносельского лагеря почти каждый вечер садилась в шарабан, заложенный четверкою, и отправлялась кататься с тремя молодыми офицерами: Штакельбергом, Лобановым и Николаевым. В это время Владимир Александрович сидел в театре. В Государственном совете вел. кн. Владимир Александрович не может нахвалиться своим парижским пребыванием, в особенности охотами у герцога Омальского в Шантильи, у Грефюля и Ротшильда; очень благодарен за сообщенные мною ему адреса магазинов. Спрашиваю его, правда ли, что вел. кн. Алексей приедет на другой день после полкового праздника Московского полка[151a], которого он шефом.

Танеев сообщает мне, что по его докладу государь назначил секретнейший комитет об уничтожении чинов, в который под председательством Танеева назначены членами Фриш, Каханов и я[152].

Продолжается слушание проекта университетского устава, причем Делянов не ослепляет своими дарованиями, а Филиппов деликатностью. Главный на этот день вопрос — уничтожение университетского суда и замена его правлением со строгою дисциплинарною властью.

В 7 час. обедают два брата Шуваловых, гр. А. Бобринский, гр. Д.А. Толстой, Влангали.

Недурны воспоминания из прошедшего. Например. После какого-то весьма важного совещания у государя Александра II он попросил всех присутствовавших дать слово, что сохранят все говорившееся в глубочайшей тайне. Через два дня перехвачено письмо полк. Загуляева, корреспондента «Indépendance Belge», в котором со слов военного министра Милютина рассказывалось все происшедшее в заседании. Тимашев по обязанности министра внутренних дел препроводил письмо это к государю, который, призвав Шувалова, выразил твердое намерение немедленно сместить Милютина и назначить на его

*«Я набрался храбрости и после завтрака говорил с императором об университетском деле. Я сказал, что надо иметь в виду группу в 600 профессоров и стоящих за ними 8000 студентов, которые будут недовольны, если меры окажутся чересчур решительными. Император мне ответил, что некоторые профессора будут довольны. На что я заметил, что таких очень мало. Я боюсь, что у императора возникнет мысль, будто я говорил под влиянием вел. кн. Константина».

**«Бог знает на что она похожа, она такая красная, можно подумать, что она пьет».

место Альбединского, но прошло несколько дней, жар негодования остыл, и все осталось по-прежнему.

Другой рассказ. У государя происходило совещание относительно предоставления предводителям дворянства права председательствовать в училищных советах. При выходе оттуда вел. кн. Константин сказал Шувалову: «J'appelle cela capter l'opinion de l'empereur, escamoter des décisions»*. Шувалов схватил его за руку и потащил вел. князя обратно в кабинет государя, обещая выпустить его, только если он извинится, что тот и сделал.

8 ноября. Хотя вел. кн. Михаил Николаевич и повторил мне несколько раз, что в день именин у него приема не будет, тем не менее я счел осторожнее надеть мундир и отправиться с поздравлениями, чтобы не стать в глупое положение натянутых отношений с человеком, которого вижу ежедневно и не могу прекратить наших отношений, да, наконец, и все дело в скучной трате времени. В передней я застал множество лиц, расписывавшихся, и хотел последовать их примеру, когда подошедший ко мне швейцар объявил мне, что на случай моего появления имеет приказание просить меня к вел. князю, который уже прошел в церковь. Я отправился в церковь, где увидел вел. князя со всем семейством и несколькими приближенными. По окончании обедни вел. князь принимал поздравления и не заикнулся о том, что напрасно трудились присутствовавшие приезжать. И он и она страшно любят почет и внешнее его выражение. Тотчас после обедни вел. князь уехал на парад Московского полка. Охотники до поздравлений, как, например, шталмейстер И.П. Новосильцев, стояли у швейцара и дожидались, покуда вел. князь пройдет садиться в коляску.

Написанный мною и обнародованный сегодня рескрипт Милютину[153] вызвал неудовольствие со стороны его приверженцев за краткость и недостаточность комплиментов. Я находил любезности излишними после двух длинных рескриптов, сопровождавших награды и не имевших иных последствий, как удаление Милютина в Крым. Сверх того, я желал воспользоваться случаем, чтобы от лица императора подтвердить пред Европою те дружественные уверения, кои поручено Гирсу представить «железному канцлеру» в Фридрихсруе[154]. Цель эта достигнута была уже тем, что произвела биржевое повышение.

9 [*ноября*]. Среда. В 2 часа посещение кружевной школы, основанной баронессой Раден под сенью нашего Рисовального училища. В самом училище новая библиотека, коллекция гравюр бар. Штакельберга.

*«Я считаю, что этим навязывается императору готовое мнение и предваряются его решения».

Визит Старицкому, операция не много помогла и даже не обеспечивает сохранение правого глаза. Говорим о назначении Дервиза, столь отличающегося от буквоедного большинства судебных деятелей.

Вечером заходит Влангали. Его последний доклад был в вагоне, покуда государь ехал из Гатчины на московский праздник[155]. Влангали очень доволен здравомыслием государя. Вся беда, что иной раз попадает под вредные влияния. Жалуется на вмешательство Победоносцева в галицийский вопрос[156].

Гагарин рассказывает о холодном приеме, оказанном ему в Гатчине. Наперекор его желанию спокойно жить в отставке его насильно и неожиданно назначили шталмейстером, а теперь дуются за то, что он отказался сопровождать греческую королеву, т. е. служить ей чуть не лакеем со дня вступления ее на русскую территорию и при этом жить у ее отца, Константина Николаевича, которому Гагарин вследствие его грубости даже не кланяется.

10 [*ноября*]. Четверг. Завтракаю у Анны, которой минуло сегодня 22 года. В 1 час Государственный совет, заседание Департамента экономии. Поручаю помощнику ст.-секретаря Манну заниматься исключительно отчетом, который мои предшественники раздули в громадные размеры, желая щеголять своими занятиями; я желаю, напротив, свести этот отчет к нулю, потому что он никакой пользы ни практической, ни научной никому приносить не может. Разговор с гр. Барановым об учреждениях общественного призрения императрицы Марии, которые следует передать городу и освободить казначейство от тяжелого расхода; против этого чиновничья оппозиция. В $1^1/_2$ час. у вел. кн. Михаила Николаевича с прокурором С.-Петербургской судебной палаты Муравьевым. Его доклад по делу об обвинении купцом Демидовым в том, что у него выманили безденежные векселя. Роль Рембелинского двусмысленная. Близкие сношения с грязными и темными личностями. Свидания в Палкином трактире, разорвание какого-то компрометирующего письма и т. п. Вел. князь продолжает утверждать, что Рембелинский честнейший человек и поступил лишь неосторожно, но когда прокурор высказывает свое мнение о впечатлении, которое произведет оглашение этого процесса, то немедленно вел. князь заключает, что Рембелинскому не остается ничего более, как выйти в отставку[157]. Заезжаю к Ковалевскому, которого застаю за изложением своих заявлений по университетскому вопросу. Он очень доволен трудолюбием и добросовестностью Николаи.

Семейный обед в честь Анны.

11 [*ноября*]. Пятница. Охота на пороховых заводах у Павла Шувалова. Его сын очень милый юноша. Мой вел. кн. Михаил Николае-

вич немножко дуется на младшего Шувалова, который по должности бригадного адъютанта гвардейской конной артиллерии отправил своих музыкантов куда-то 8 ноября, когда вел. князь потребовал их к себе, чтобы играть во время стола (бесплатно).

Обедаю у Шестакова в Адмиралтействе, в роскошной квартире, устроенной его предшественником Краббе, — Посьет, Островский, который жалуется на то, что не приглашен на университетское дело, Бунге, Влангали. Разговор о Кавказе, откуда три министра только что возвратились. Посьет и Островский рассказывают о придуманной ими мере — принятии в подведомственные им заведения евреев, поляков лишь в процентном отношении, соответствующем цифре всего их населения. За обедом молчаливо присутствует жена Шестакова, юная француженка[157а].

12 ноября. Приехав в заседание Государственного совета, вижу в комнате, где собираются, Филиппова, усердно занятого завтраком. Он говорит мне, что позволяет себе затронуть мое самолюбие, заметив, что в Комитете министров завтрак лучше. Отвечаю, что это дело министра двора, а не мое, что он ошибается, думая, что я провиантмейстер, и что если бы его ежедневно кормили сеном, то и тогда я бы не возвысил против этого голоса.

Слушается записка Рихтера об уничтожении Комиссии прошений. Решено назначить комиссию из членов Совета, которая выработала бы заключение. Университетский устав; должность инспектора и отношения его к попечителю и ректору.

Французский спектакль, глупая пьеса и еще глупее соседка в директорской ложе — кн. Белосельская. Разговор с Дервизом.

13 [ноября]. Воскресенье. Вызываю Анненкова, которому внушаю опасение скомпрометировать своим проектом железнодорожного закона гр. Баранова[158], так как мне чувствуется, что большинство министров будут на стороне Посьета и восстанут против ограничения его власти выборным советом.

Анненков утверждает, что Толстой дал полное свое согласие, большинство министров также, а противниками явятся Посьет и Шестаков по дружбе с ним. Относительно самого дела представляет страшные цифры тех убытков, кои государство несет исключительно вследствие дурного управления дорогами и дороговизны их построения. Утверждает, что в настоящее время предложит правительству построить 3600 верст железных дорог не дороже 30 тыс. за версту и имеет английскую компанию, предлагающую на такое дело 12 млн. фунтов стерлингов, тогда как ныне дороги обходятся Министерству путей сообщения не менее 70 тыс. за версту. Разговор с Рембелинс-

ким, которому объявляю, что Набоков наотрез отказался в назначении его сенатором.

Визиты, между прочим, Трепову, который живет весьма широко и роскошно, так, как нельзя жить на жалованье; гр. Левашевой, которая неумолкаема по-прежнему. Выхожу от нее вместе с гр. Паленом, который осуждает Толстого за его страстность, приводя в пример неуместное, неполитичное преследование Чичерина за прежде оказанную оппозицию в университетском уставе.

Вечером смотрю один из многочисленных альбомов гравюр, приобретенных для училища от бар. Штакельберга.

14 ноября. Понедельник. День рождения императрицы. Вследствие получения повесток члены Государственного совета, а с ними и государственный секретарь, пользующийся одинаковым с ними старшинством, отправляются в Гатчино по экстренному поезду в $9^1/_2$ час. Кроме Совета, приглашены ген.-адъютанты. Еду в вагоне министра путей сообщения с Шестаковым, Грейгом и Влангали. Шестаков и Посьет восхищаются Кавказом и виденными там богатствами. Шестаков рассказывает о своем намерении уничтожить Каспийскую флотилию, Посьет против всякого сбережения. На мои в том упреки утверждает, что доходность его путевых сооружений не входит нисколько в его расчеты, что он только сеет, а пожинать будут другие и притом не в форме денег за пользование железными дорогами, а в форме развития производительных сил страны. Шестаков справедливо настаивает на том, что сбережения возможны лишь при ином рассмотрении бюджетов и дружном содействии всех министров, а не отдельными клочками и урывками обрезываний смет Департамента экономии. На гатчинской станции нас ожидает множество придворных карет. Сажусь в карету гр. Баранова, и так как она оказывается четырехместною, то к нам присоединяется Шестаков. Только что входим во дворец, как уже встречаем на внутренней лестнице императорскую фамилию, шествующую в церковь. Здесь стоят кучками император с императрицею и детьми, дяди и братья государя, вся меньшая гурьба принцев, дамы, в числе коих главное место занимают жены адъютантов, состоявших при государе до его вступления на престол, члены Совета, ген.-адъютанты, прочие лица, имеющие служебное отношение к императрице. По выходе из церкви нас ставят в белом зале, равно как ген.-адъютантов и офицеров кавалергардского полка, коего императрица состоит шефом. Императрица обходит всю залу и дает целовать руку всем присутствующим, император ограничивается рукопожатием членам Государственного совета. Затем идут завтракать вниз в большую залу, где посредине вытянут большой

стол, за который садятся старшие члены императорской фамилии, члены Совета, ген.-адъютанты и все наличные дамы. Мне достается сидеть между Победоносцевым и Стюрлером. Победоносцев передает, что виделся с Деляновым и спрашивал его, что в случае дальнейшего со стороны его упорства, если бы государь и согласился с его проектом, то последует такой в деле народного образования крах, что сам виновник реформы Делянов не переживет его. Победоносцев надеется, что впоследствии сам Толстой отступит. Я сообщаю ему о намерении Островского произвести разногласие, Победоносцев берет на себя его урезонить.

Возвращаясь на железную дорогу, гр. Баранов рассказывает, что просил у государя аудиенции, в особенности чтобы поговорить о деле, которое Баранов принимает весьма близко к сердцу — передачу в заведование города учреждений попечительного совета, управляемых ныне канцелярием по учрежд[ениям] императрицы Марии, при этом Баранов доложил государю, что во все дни недели у него заседания, кроме среды и пятницы, а в эти дни у государя прием, но государь все-таки назначил пятницу, утро.

Возвращаюсь в Петербург в вагоне Посьета с Тимашевым, Победоносцевым, Бруном, Шестаковым. Все время деловой, хотя второстепенного свойства, разговор; доказательство недостаточности центров, где бы высшие правительственные деятели имели случай обменивать мысли. Перетц передает мне для представления вел. князю записку Рембелинского с оправдательными объяснениями. Фактов он не отрицает, но на все представляет иное, чем прокурор, объяснение.

Заезжаю к Оболенским. Он уезжает сегодня на месяц в Пензу.

15 [ноября]. Вторник. В 11 час. у вел. князя; на этот раз хотя и застаю ожидающим ген. Софиано, однако принимают прежде меня. Предлагаю членов комиссии для обработки проекта о Комиссии прошений: председателем — Ковалевского, членами — Фриша, Любощинского, Каханова с приглашением товарища министра юстиции, ст.-секретаря у принятия прошений и Рихтера.

Снова разговор о Рембелинском. Вел. князь хочет, уволив его от должности управляющего отделения дел государственного секретаря, причислить его к I отделению с. е. и. в. канцелярии с сохранением получаемого семитысячного оклада; поручает мне переговорить об этом с Бунге. Еду к Бунге, который заявляет, что не считает себя вправе соглашаться на подобные расходы, а предложит вел. князю внести это ходатайство в Департамент экономии. Приехав в Государственный совет, заявляет это вел. князю, который в присутствии гр. Баранова поручает мне сделать такое представление, упомянув, что это делается по его желанию. Отвечаю категорическим отказом, ибо не признаю возможным делать от имени вел. князя представление в учреждение, им самим председательствуемое, а также потому что по закону я заведую Государственною канцелярией самостоятельно на правах министра.

Такой ответ очень не по сердцу моему фельдмаршалу. Баранов предлагает, чтобы я сделал представление без означения цифры. Выражаю согласие. В Общем собрании угрожает разногласием дело по представлению министра юстиции о назначении в Варшаве по выбору ген.-губернатора почетных (в съезд) мировых судей. Во избежание неуместных политических споров согласно предложению Победоносцева дело отсылается на заключение варшавского ген.-губернатора.

16 [ноября]. Среда. Предварив о своем приезде телеграммою, вел. кн. Владимир Александрович приезжает завтракать. Разговор о Париже, об орлеанских принцах, об охотах у Грефюля и Ротшильда. Прошу его, если представится возможность, осведомиться у государя о том, будет ли с его стороны сочувствие к назначению Дервиза членом Государственного совета. После чего только я пущу Михаила Николаевича с докладом.

Едем осматривать вместе статую Бибикова, сделанную Чижовым у нас в Рисовальном училище. Тут же изразцы, приготовленные для дома вел. кн. Алексея Александровича.

17 [ноября]. Четверг. Получаю от вел. князя свои доклады государю. О Рембелинском. Вел. князь выхлопотал отчисление его в качестве ст.-секретаря к I отделению собственной канцелярии. Конечно, это ни на что не похоже, но мне остается быть довольным, что под моею командою одним подлецом меньше.

Нескончаемое заседание Департамента экономии. В 9 час. заседание у Танеева (во флигеле Михайловского дворца) секретнейшего комитета относительно уничтожения чинов, или, как выражается официальная бумага, изменения чинопроизводства. Танеев со свойственными ему исполинскою посредственностью и беспримерным подобострастием говорит о себе, своем отце, своем сыне, который будет делопроизводителем, о разных, прежде всего бывших, комиссиях, мучит нас понапрасну два часа. Члены: Каханов, Ренненкампф, Фриш и я. Само собою разумеется, что из этого ничего не будет.

18 [ноября]. Пятница. В $7^1/_2$ час. выезжаю из дома с Б.Ф. Голицыным. Приезжаем в Коломяги одновременно с Владимиром Александровичем и Михаилом Николаевичем. Вслед за тем прибывают Воронцов, Черевин, П. Шувалов, Вердер. Заставляет себя подождать

один вел. кн. Алексей Александрович. Дорога по лесу отвратительная, и нас неоднократно вываливают. Охоту несколько портит Вердер, выстрелив по лисице прежде, чем показались лоси, тем не менее Владимир Александрович и Михаил Николаевич убивают по рогачу. Обедать приходится лишь в 5 час. Целый день льет дождь, возвращаемся в Петербург в девятом часу.

19 [ноября]. Суббота. Разговор со скучным Манном, на которого я возложил бесполезное составление отчета, который заведен моими предшественниками как осязательное доказательство важности их, а в действительности составляет излишнее обременение делопроизводителей без всякой для кого бы то ни было пользы.

Продолжительное заседание по университетскому делу. Разногласие о том, может ли читать профессор иной еще предмет, чем тот, который ему поручен, и притом без всякого с чьего бы то ни было разрешения, даже разрешения факультета. Делянов отстаивает это мнение, как идущее в подтверждение его задушевного предположения о государственных экзаменах. Во время чаепития в комнате, служащей кабинетом председателя, Победоносцев повторяет ему и мне то, что уже говорил мне в Гатчине о своем разговоре с Деляновым.

Вечером окончательный разговор с Аракиным об обратном переходе его в Государственную канцелярию.

20 [ноября]. Воскресенье. Указ о золотой ренте[159]. Визит австрийскому послу гр. Волькенштейну. К обеду приходит Влангали.

21 [ноября]. Понедельник. Несмотря на праздник, в 2 часа заседание соединенных Департаментов по университетскому делу. Разногласие по вопросу о праве попечителя давать поручения профессорам. Пишу государю письмо относительно устройства Государственного архива в здании архива Государственного совета. Получаю на следующий день одобрительный ответ.

22 [ноября]. Вторник. Заседание Общего собрания. По вопросу о введении в Варшаве почетных мировых судей, назначенных правительством для участия в съезде, угрожают оппозицией Тимашев, Победоносцев. Согласно предположению последнего дело отсылается на заключение ген.-губ. Гурко. Обедают германский поверенный в делах Плессен, горячо рекомендованный мне дядею, но весьма неблестящий, гр. Пален*.

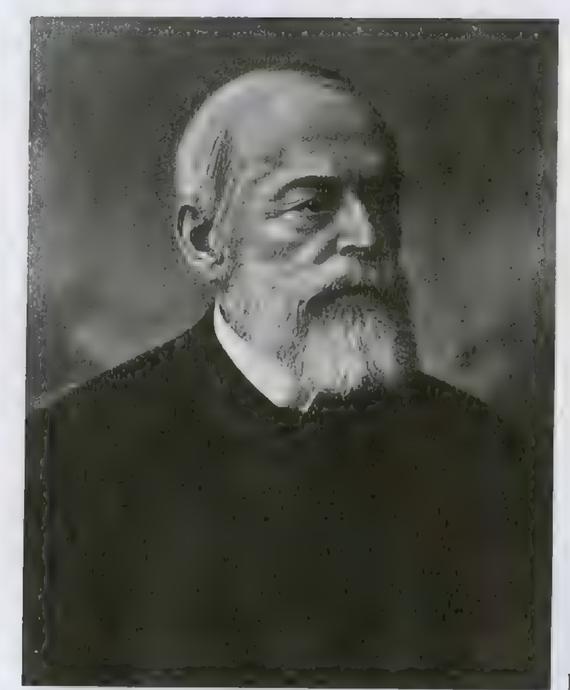
23 [ноября]. Среда. Лосиная охота в Коломягах, — Пален, Балашев, Терно и я; каждый из нас убивает по лосю. В $6^1/_2$ час. вечера родилась внучка Екатерина Бобринская.

---

* *Далее зачеркнуто карандашом:* не более его даровитый.

Светлейший князь Александр Михайлович Горчаков

Николай Христианович Бунге

Николай Карлович Гирс

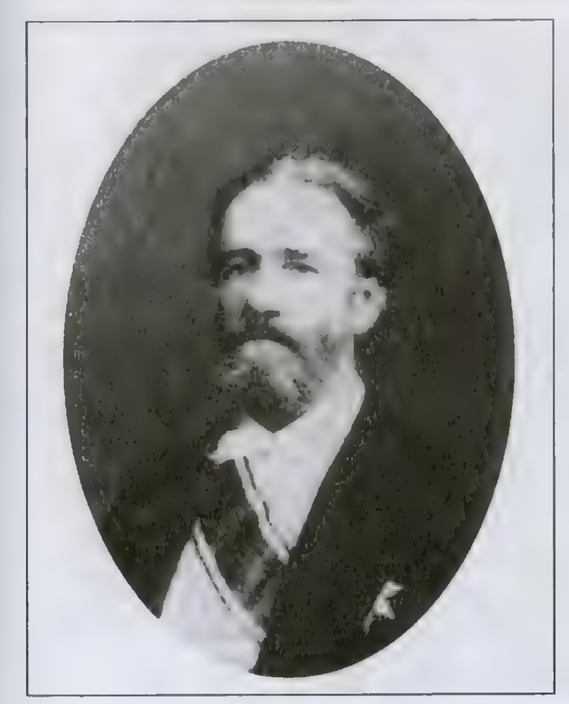
Граф Эдуард Трофимович Баранов

Граф Михаил Тариелович Лорис-Меликов

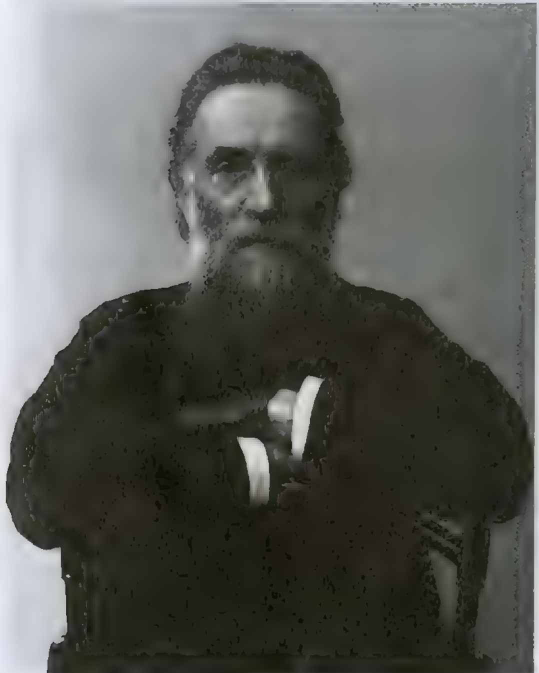

Дмитрий Григорьевич Дервиз

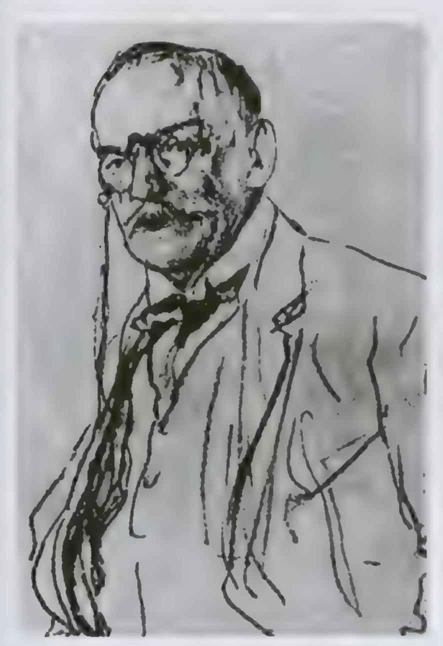
Павел Григорьевич Дервиз

Александр Константинович Анастасьев

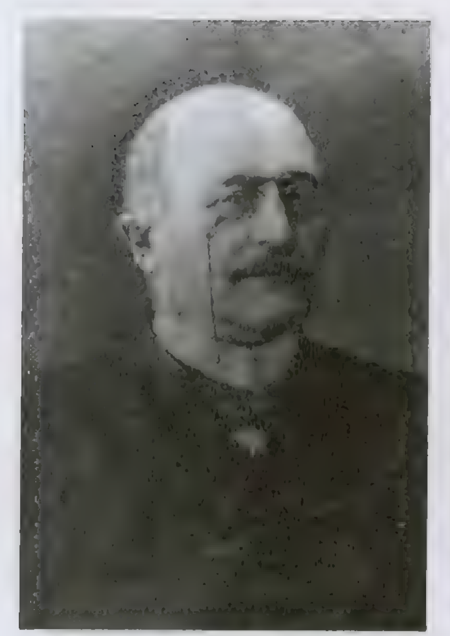

Михаил Ильич Кази

Александр Владимирович Головин

Александр Алексеевич Васильчиков

Иван Александрович Всеволожский

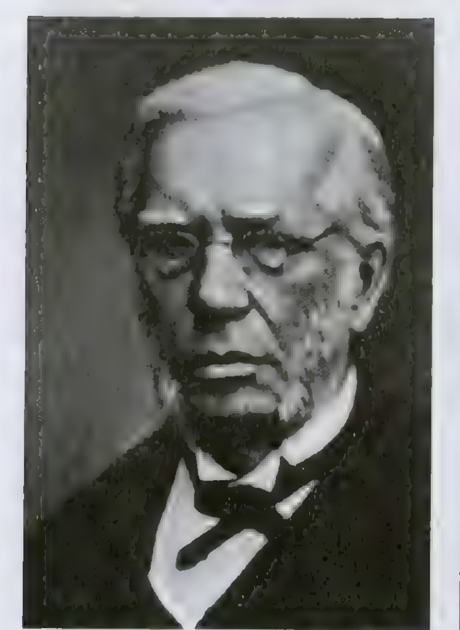

Самуил Алексеевич Грейг

Адольф Яковлевич Гюббенет

Петр Семенович Ванновский

Иван Алексеевич Вышнеградский

Егор Абрамович Перетц

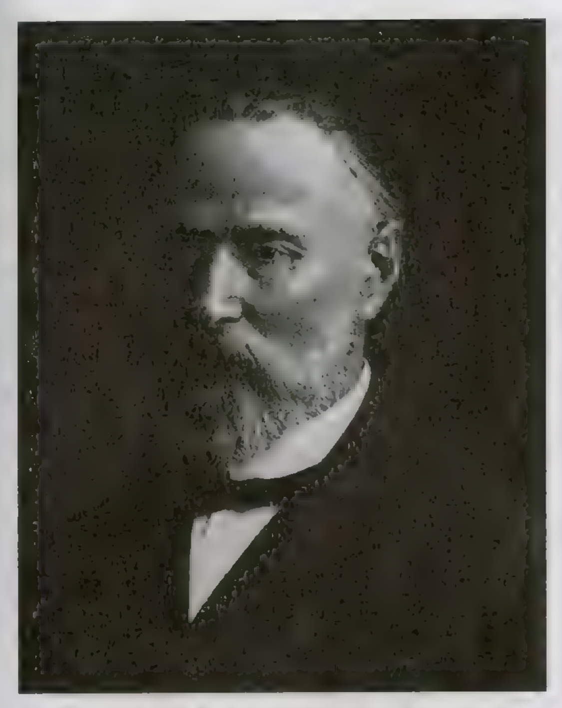
Граф Дмитрий Алексеевич Милютин

Граф Михаил Христофорович Рейтерн

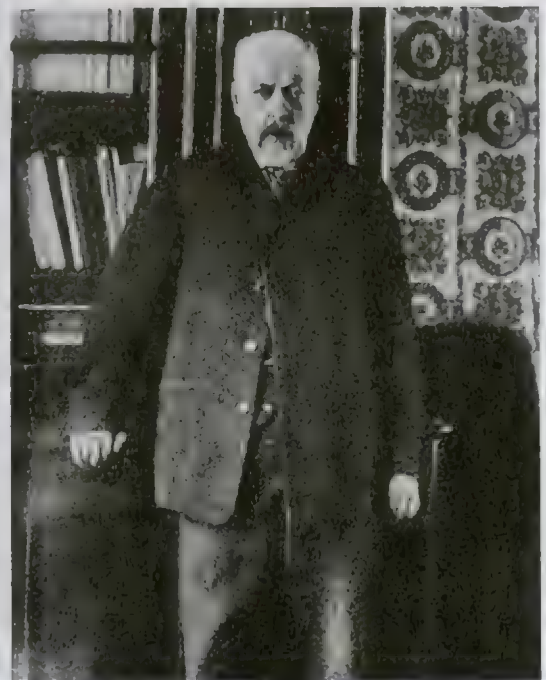
Граф Илларион Иванович Воронцов-Дашков

Константин Устинович Арапов

Михаил Никифорович Катков

Князь Владимир Петрович
Мещерский

Граф Дмитрий Андреевич Толстой

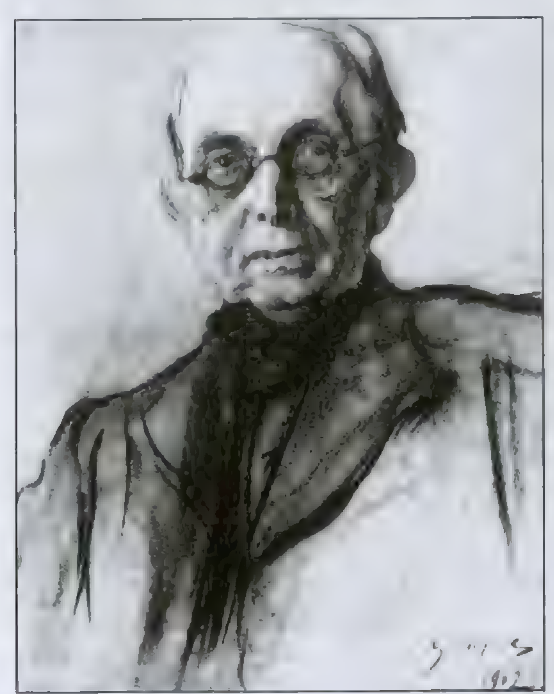

Александр Егорович Тимашев

Граф Николай Павлович Игнатьев

Николай Николаевич Обручев

Константин Петрович Победоносцев

24 [ноября]. Четверг. Вследствие свидания накануне с Воронцовым по его просьбе вызываю Ребиндера и сообщаю ему, что Воронцов желал бы совершенно изменить положение Кабинета, сведя его на минимум, а что так как это противоречит взглядам Ребиндера, то ему остается уйти, но при этом ему сохранят получаемый им десятитысячный оклад. Это неприятное объяснение происходит в Государственном совете, где между тем идет обсуждение сметы Морского министерства. На Шестакова нападают Сольский, Бунге, Баранов в особенности за то, что он начал постройки судов, не испросив разрешения Департамента государственной экономии, а основываясь исключительно на высочайше утвержденном плане, в силу коего предположено в общих чертах израсходовать 160 млн. в 20 лет. Вечером объяснения со вновь назначенными ст.-секр. Аракиным и Боголюбовым, а также с Арцимовичем по чиншевому вопросу.

25 [ноября]. Пятница. Визиты Убри, гр. Гейдену, гр. Шереметеву, Всеволожским.

При свидании в клубе Воронцов сообщает, что государь одобрил мысль, о коей я на днях говорил Воронцову, мысль о необходимости изменить учреждение об императорской фамилии[159а]. Сделать это необходимо именно теперь, когда вступает в брак сын вел. кн. Константина Николаевича, дети и внуки коего по закону должны пользоваться титулом и преимуществами императорских высочеств. Предположено составить об этом предварительный комитет. Я предлагал в председатели вел. князя Владимира Александровича, но опасаются его невежливости.

26 ноября. Суббота. Георгиевский праздник. Считая этот день своим обычным у вел. князя докладным днем, отправляюсь к нему в 11 час., но застаю уже все семейство у обедни по случаю именин третьего сына, Георгия. Вхожу в церковь и, поздравив хозяев, отправляюсь в Зимний дворец, на выход. Государственный совет собирается в соборе. Здесь, конечно, начинаются деловые разговоры. Гр. Баранов сообщает, что был в Гатчине, передал государю записку о нефтяном деле, о передаче г. Петербургу больниц, состоящих в заведовании попечительного совета и дорогостоящих ныне Государственному казначейству. Государь слушал все очень внимательно, оставив у себя записки. О назначении Маркуса членом Совета в Департамент экономии Баранов не успел сказать.

Разговор с Толстым приблизительно такого содержания. *Я:* «Дмитрий Андреевич, позвольте мне вмешаться в дело, до меня вовсе не касающееся, но я уже не раз говорил Вам, что считаю своим служебным долгом всеми силами содействовать сближению и объединению

отдельных органов управления. Мне кажется, отношения Ваши к Кахановской комиссии[160] постоянно ухудшаются и угрожают новым правительственным скандалом».

Толстой: «У меня никаких к ней нет отношений. Когда я был назначен министром внутренних дел, то Кахановская комиссия имела две недели существования. Я не хотел ее закрыть для того, чтобы против меня не возникло обвинение в том, что я помешал совершиться великому делу, но теперь я намерен свести результаты ее деятельности к нулю, как скоро мне будут представлены окончательные результаты ее трудов».

Я: «Но ведь это произведет новые крики, новое неудовольствие».

Толстой: «Это мне решительно все равно».

Я: «Вам лично, но не правительству, на которое и без того довольно нареканий и которое не может оставаться к ним равнодушным».

Толстой: «Пускай они кончают. Ведь они теперь вызывают предводителей дворянства, губернаторов, председателей управ».

Я: «Так Вы хотите дать им съехаться, а когда съезд этот окажется безрезультатным, то позволить им развести по России всю горечь их неудовольствия. Не лучше ли было бы, выставив неудобства всецелого разом преобразования всего строя управления и настоятельную необходимость поспешного изменения в некоторых частях управления, не лучше ли было бы выделить тот или другой вопрос, как, например, вопрос о полиции, внести его на законодательное рассмотрение, при этом привлечь и Каханова, воспользовавшись работами его комиссии, которые, конечно, представляют лишь материал, лишь точку отправления. Ручаюсь Вам, что в Каханове вы найдете весьма податливого сотрудника».

Толстой: «Это чисто дело министра внутренних дел, и мне никакого сотрудничества не надо».

На этом у нас разговор и кончился. Никак не удалось мне убедить его, что правительство самодержавного государя не имеет ничего общего с председательством Тьера или Греви, министерством 4 сентября или 13 мая, признающих себя не имеющими никакой связи с предшественниками.

Говорили мы еще о необходимости объединить театральную цензуру с общею, но и тут Толстой остался верен чиновничьей точке зрения и выражал лишь готовность допустить представителя от театрального управления в свой комитет цензуры, так сказать, полицейской.

Вечер во французском театре, в ложе Всеволожских. Новосильцов доходит до трудно выносимых размеров пошлости.

27 [ноября]. Воскресенье. Охота на лосей в Коломягах. Одни коровы, возвращаемся без выстрела. Разговор на охоте со Швейницем: «Et bien, tout est arrangé?» *Швейниц:* «J'ai vu le prince de Bismark et ses dispositions et impressions sont excessivement diminuées». *Я:* «Mais pas complètement modifiées?» *Швейниц:* «C'est très difficile d'avoir à faire à vous. Voici un exemple. Un de ces jours l'ambassadeur d'Angleterre à Berlin nous a déclaré secrètement, mais officiellement, que vous aviez fait des propositions à la Turquie d'entrer dans une alliance avec la France et l'Angleterre, contre l'Allemagne. On soupçonnait que la démarche partait d'Ignatieff et avait été adressée à Shakir-Pacha. A peine arrivé je suis allé chez Shakir, je l'ai interpellé et j'en ai eu la réponse, qu'il n'avait pas vu I[gnatieff] depuis deux ans, mais cela n'exclue pas la possibilité d'avoir communiqué avec lui par une tierce personne. J'envoie aujourd'hui un courrier pour effacer l'impression que la communication de l'ambassadeur d'Angleterre a fait à Berlin, mais qui garantit qu'il ne survienne encore quelque chose de semblable»*.

Я уверяю его, что все это пустяки, хотя к прискорбию своему знаю, что достойный преемник Игнатьева, его креатура Нелидов, имел пошлость говорить подобный вздор в переговорах с турецким правительством. Это нахалы, выдающие себя за представителей народной политики. Вред и опасность от подобных глупцов неизмеримы. Народная политика должна состоять в том, чтобы приносить пользу народу, хотя бы и молча, а не в том, чтобы кричать о народолюбии и своим криком наносить вред.

Вечер с Дурново за журналом Государственного совета об элеваторах. Его замечания совершенно справедливы и направлены против чиновничьей опеки, которую силятся навязать те же представители народной политики.

28 [ноября]. Понедельник. В 11 час. у вел. князя. Рассказывает, что в последнюю среду, когда он сидел за завтраком у государя, то пришли доложить, что вблизи от Гатчины окружено четыре волка. Государь пригласил вел. князя. Они поехали вдвоем, и каждый убил двух волков.

* «Итак, все устроилось?» *Швейниц:* «Я видел кн. Бисмарка, его предположения и впечатления весьма изменились». *Я:* «Но не вполне переменились?» *Швейниц:* «С вами очень трудно иметь дело. Вот пример. Недавно посол Англии в Берлине сообщил нам секретно, но официально, что вы предложили Турции вступить в союз с Францией и Англией против Германии. Подозревали, что этот шаг исходил от Игнатьева и был обращен к Шакир-паше. Тотчас по приезде я посетил Шакира, расспросил его и получил в ответ, что он не видел И[гнатьева] в течение двух лет, но это не исключает возможности общения с ним при посредничестве третьего лица. Я посылаю сегодня курьера, чтобы изгладить впечатление, произведенное сообщением английского посла в Берлине, но кто гарантирует, что не произойдет еще чего-либо подобного».

В заседании Государственного совета передаю Влангали свой разговор с Швейницем; намеревается все пересказать завтра на докладе государю.

После непродолжительного доклада дел Общему собранию докладывается дело об изменении порядков тюремного управления, которое приходится отложить, потому что Набоков просит послать его к нему на заключение, а дело вызвано представителями Министерства юстиции, слушалось уже в Совете при участии Набокова. Под этим интриги Евгении Максимилиановны, которая противится этой реформе.

29 [*ноября*]. Вторник. В 2 часа после заседания Комитета министров продолжается обсуждение университетского устава. На этот раз самый жгучий вопрос — экзамены. Проект, не называя их государственными, в сущности устраивает их такими. Предположение это единогласно отвергается. С Деляновым согласны Филиппов, думающий сделать этим путем карьеру, и Дурново, который вслед за тем подходит ко мне и говорит: «Что за нелепость, а между тем я имею приказание от Дмитрия Андреевича безусловно соглашаться с Деляновым, которого граф даже винит за чрезмерную уступчивость. Вначале он несколько колебался, но теперь все делается тверже и тверже». К обеду приходит Влангали. Со стороны Игнатьева действительно продолжаются какие-то интриги против дружеского согласия с Германиею. Так заявляет по крайней мере Шакир-паша. Моренгейма оказывается невозможным более сохранять в Лондоне. Предполагается перевести его в Париж, а кн. Орлова — в Берлин, Сабурова же — в Лондон, составляющий цель его стремлений. Орлов — глупец, Моренгейм — беспутный, болтливый мот, Сабуров думает исключительно о своих выгодах.

30 [*ноября*]. Среда. Визиты, между прочим, Ламанскому. Думал было привлечь его к обсуждению советских дел в какой-либо форме, но его раздражение против Бунге делает это невозможным. Сильно критикует последний заем, говорит, что не понимает причину своего удаления: «При учреждении Государственного банка и назначении меня банку дали 15 млн., и в течение 20 лет я давал правительству ежегодно 8 млн. прибыли, что касается до денег, розданных мною в займы, то, во-первых, еще ни одна копейка не пропала, а во-вторых, я исполнял определительно выраженное мне Рейтерном и самим государем желание, чтобы война прошла без внутренних финансовых потрясений, без банкротств, как это и сделалось».

Вечер в опере в ложе бар. Штиглица. Слепой и окончательно оглупелый кн. П.А. Урусов, когда-то славившийся храбростью.

1 декабря. Четверг. Приезжаю в Совет. Адъютант от вел. князя с просьбою немедленно приехать. Еду. Оказывается, что в этот день докладывается в Департаменте экономии одно кавказское дело — о сохранении Черноморской береговой флотилии[161]. Вел. князь стоит за сохранение и желает, чтобы его мнение было известно департаменту. Что за наивная путаница в понятиях! Передает свой разговор с государем в среду. «Государь заметил, что обсуждение университетского устава подвигается туго. Я ему сказал, что главною тому причиною упорство Делянова, и тогда передал то, о чем мы говорили (читаю, что я ему говорил), что в этом вопросе Совет единогласно стремится к водворению дисциплины и порядка, а составители устава, добиваясь свободы чтения, слушания, отмены курсовых испытаний и установления одного экзамена не в университете, ведут к ослаблению научных занятий. На это государь заметил, что «они» утверждают, будто бы устав составляет одно целое, и отдельных его частей отбрасывать или принимать нельзя». (Такое указание для меня крайне ценно. Оно делает ясным, на чем основана надежда получить согласие государя против мнения большинства.)

Выслушав рассказ вел. князя, я ему заметил, что, по всей вероятности, слова его поколебали убеждение государя, но вел. князь отвечал, что с первых слов государя заметно было сравнительно с прежним колебание по отношению к непогрешимости устава; при этом государь сказал, что ему известен ход прений в Совете. Вел. князь подозревает, что сообщения идут от Победоносцева. Что бы он сказал, если бы узнал, что виновник успешности его разговора не кто иной, как я.

Возвращаюсь в Государственный совет и слушаю обсуждение сметы горного ведомства. Потом прелестный по чистоте своих видов гр. Баранов передает о докладе государю, относительно передачи городу больниц. Государь выразил полное письменное согласие, но, вероятно, все это ни к чему не поведет. Вечером уничтожение контракта на апраксинскую аренду участка в Новохоперском имении. Чтение полицейской записки с Плющевским[162].

2 декабря. Пятница. Разговор с Эстеррейхом о внешней неумелости последнего выпуска ренты. Падеж курса вследствие проделок Блейхредера и Зака — агентов Ротшильда.

3 [*декабря*]. Суббота. В Департаменте экономии несколько финансовых проектов, в том числе возвышение поземельного налога. Дурново по секрету сообщает, что на докладе Толстого у государя в четверг, т. е. на другой день после того, как мой мудрый фельдмаршал напутал, государь выражал мысль, что происками Головнина и вел. кн. Константина Николаевича в Государственном совете наме-

реваются исправлять лишь частями устав 1863 г., но что он признает необходимым издание нового устава и обещает в этом свою поддержку. Толстой просил позволения прислать Делянова, чтобы государь лично ободрил его. Этим Дурново объясняет полученное поручение безусловно и во что бы то ни стало поддерживать Делянова.

4 [декабря]. Воскресенье. Разговор с двумя личностями, предлагающими покупку имений — одно в Киевской, другое в Екатеринославской губ. — за весьма дешевые цены. Обед в честь Швейница, — благовоспитанный и ничтожный Убри, неумолкаемый, но окончательно состарившийся Валуев, неизменно тупой Грот и т. п. В числе приглашенных и недавно пожалованный прусским орденом мой секретарь Штендман.

5 [декабря]. Понедельник. В 11 час. у вел. князя. Передаю ему разговор, который имел накануне с Победоносцевым о намерении его ехать в Гатчино, говорить по университетскому делу после того, как дело окончено будет в департаментах. При этом Победоносцев сообщает, что Катков в претензии на него за то, что он является противником устава. По этому случаю между ними было объяснение, и Победоносцев вынес впечатление, что поколебал Каткова относительно пользы импровизированного им государственного экзамена. Под предлогом разговора с Победоносцевым несколько распекаю вел. князя за то, что наговорил вздору, и прошу его впредь ничего не говорить без соглашения с союзниками.

После Общего собрания Государственного совета слушается дело об урегулировании лова сельди при участии рыбопромышленников, довольно наивно и жадно защищающих теперешние хищнические порядки[163].

В $6^1/_2$ в гостинице Бореля товарищеский обед в память дня основания Училища правоведения. Отвратительная нота чиновничьего подобострастия с примесью непозволительного самодовольствия, самоуверенности. Тосты за здоровье министра юстиции и другой — за высокопоставленных товарищей, не отказывающихся принимать участие в товарищеском обеде, окончательно меня бесят, и я ухожу в конце обеда. В $9^1/_2$ час. уезжаю на волчью охоту с Швейницем, Кампо, Терно.

6 [декабря]. Два круга волков, но не удается убить ни одного.

7 [декабря]. Возвращаюсь в 8 час. в Петербург. По обыкновению за сутки накопилось множество бумаг. Не получаю от государя еженедельной мемории вследствие того, что он, вывалившись из саней, ушиб плечо и не может писать.

Дочь, Бобринская, встала с постели. Разговор с Воронцовым. Государь очень желает изменения учреждения об императорской фамилии. Воронцов придает этому особенное значение с точки зрения финансовой, выставляя, что со времени воспоследования в 1797 г. закона об императорской фамилии перебрано из уделов более 30 млн. сравнительно с назначениями, положенными по закону[164]. Я указываю, что нельзя разделять имущественный вопрос и вопрос о правах и преимуществах. По моему мнению, всех этих принцев надо выделять из императорской фамилии, праздно живущей в Петербурге, давать им земельные майораты и обязывать жить в деревнях. Настаиваю на необходимости этой меры и скорейшего проведения ее, покуда есть люди, как Воронцов и я, равнодушные к злобе императорского семейства за уменьшение значения его членов.

8 [декабря]. Четверг. Смета министра путей сообщения. На предположения об увеличении расхода министр финансов доказывает невозможность этого ввиду недобора 20 млн. в доходах и сверхсметного расхода в 30 млн., но Посьет утверждает, что не может так обсуждать сметы, а просит обсуждать ее по параграфам. Объяснение с испанским посланником Кампо-Саградо по поводу непростительного в отношении его поведения гусара кн. Лобанова[165].

9 [декабря]. Пятница. Визит более нежели посредственному Галагану. Вечер за все умножающимися массами дел с перерывом в пользу новой французской оперы «Ричард».

10 [декабря]. Суббота. В 11 час. у вел. князя. Разговор о назначении новых членов Дервиза и Маркуса. В последнюю среду вел. князь не был в Гатчине. Государь неосторожно выскочил из саней и ушиб плечо, так что не может одеваться. Завтракаю возле вел. княгини и по обыкновению выслушиваю много недоброжелательных сплетен. В 1 час заседание по университетскому делу; Делянов весьма снисходительно на этот раз принимает поправки и изменения, касающиеся профессорской должности. Вечер во французском театре. Плохая пьеса «Maucroix»[166].

11 [декабря]. Воскресенье. Приезжает воронежский управляющий Штрем для переговоров о покупке с публичного торга апраксинского имения; Влангали — передаю ему последний разговор, бывший у меня на охоте с Швейницем. 26 ноября он имел в первый раз политический разговор с государем и получил от него столь категорические заявления дружелюбных к Пруссии отношений, что считает с этого дня положение дел совершенно переменившимся. Он немедленно написал своему правительству, что при том доверии, которое внушает характер императора Александра III, надлежит, безусловно, полагаться

на его слова и от нынешнего дня отвергнуть всякое недоверие, вызывавшееся и поддерживавшееся русскою прессою и известною частью общества. Отношениям к России Бисмарк придает такое значение, что в последнее свидание с Швейницем сказал ему: «Ваше место в Петербурге в настоящее время важнее моего здесь, в Берлине».

Всего этого Влангали не знал, но уже заметил поворот не только в Берлине, но также и в Вене. О разговоре моем решился доложить государю.

В 4 часа у Победоносцева. Застаю Ковалевского, разговор об университетском уставе. Победоносцев передает, что к нему приезжал Катков и вследствие их разговора несколько поколебался в непогрешимости государственного экзамена, припутываемого к новому университетскому уставу. Победоносцев объяснил государю, что одно упрямство Делянова по вопросу о государственном экзамене производит в Государственном совете грустное разногласие. Толкуем о необходимости назначить 1 января председателей департаментов. Титов — мертвец, а Стояновский — неудовлетворителен и прений вести не в состоянии и схватывает одну мелочь, упуская главные стороны вопроса. Я предлагаю Николаи в Департамент законов, но Победоносцев настаивает на том, что Николаи не знает России, не понимает положения поляка или немца среди нас, человек-доктринер, под влиянием Головнина, хотя в итоге почтенный, трудолюбивый, добросовестный человек. Победоносцев предлагает Сольского, выражаясь так, что хотя Сольский и Перетц одного служебного происхождения и канцелярского склада, но Перетц остался тем, чем был, и дальше не пойдет, тогда как Сольский весьма далеко ушел от того, чем был первоначально. Говорим и об уничтожении Комиссии прошений. Победоносцев настаивает на том, что судебное дело так дурно у нас поставлено, что необходима высшая коллегия из назначенных государем доверенных лиц, членов Совета и сенаторов, которая бы исправляла вопиющие несправедливости. Мы с Ковалевским делаем вид, что не понимаем желания Победоносцева распространить деятельность этой коллегии на новые судебные места, а говорим лишь об учреждении в Сенате особого присутствия, которое рассматривало бы жалобы на вымирающие старые департаменты[167] и испрашивало высочайшее разрешение на перенос этих жалоб в Общее собрание.

Вечер дома за обычным еженедельным извлечением из мемории.

12 [декабря]. Понедельник. Сообщаю вел. князю главные черты разговора с Победоносцевым, который вынес из объяснения с государем, что он никакого положительного предубеждения в деле университетского устава не имеет.

Уговариваю вел. князя назначать председателей департаментов и напролом идти в защиту кандидатуры Николаи. Он желает отложить разрешение этого вопроса до окончания рассмотрения устава. Я ему возражаю, что окончание рассмотрения ни в чем не изменит отношений Николаи к Толстому, а, напротив, в случае личных между ними прений в Общем собрании обострит эти отношения. «Ну, хорошо, — говорит вел. князь, — в таком случае я спрошу государя, кого он хочет назначить». *Я:* «А он Вам ответит: «Тимашева». Что Вы тогда станете делать? Опровергать его мнение? Но в таком случае Ваше положение будет гораздо хуже, чем отстаивание предложенного Вами кандидата». По обыкновению за таким замечанием следует молчаливая пауза. Потом вел. князь старается перевести разговор на другую, менее тяжелую тему, как, например, смета артиллерийского ведомства, но я упорно возвращаюсь к необходимости назначить председателей и в особенности заменить отжившего Титова в Гражданском департаменте, открыв возможность передать туда законодательные дела судебного свойства. Ничтожный доклад в Общем собрании, а затем рассмотрение бюджетов.

13 [декабря]. Вторник. В 2 часа заседание по университетскому делу длится три часа и ограничивается рассмотрением трех неважных параграфов.

14 [декабря]. Среда. Визит донскому атаману Мирскому, который по привычке всех приезжающих в Петербург правителей жалуется на бюрократию, но забывает свою собственную неудовлетворительность.

Несмотря на тесную дружбу с Воронцовым-Дашковым, очень критикует его управление, похожее на разрушение своего собственного жилища прежде сооружения другого, в коем можно было бы жить. Передает заявление Воронцова, который хвастает тем, что, получив приказание заплатить долги гр. Адлерберга на сумму 1 200 000, успел скупить их за 600 тыс. и сделать тем государю экономию.

В $9^1/_2$ час. уезжаю на волчью охоту с Швейницем, Кампо-Саградо и Терно-Компан.

15 [декабря]. Четверг и *16 [декабря]*. Пятница. Удачная охота со станции Новоселье. Интересны и назидательны разговоры с мужиками. Везде то же самое — равнодушное подчинение всяким злоупотреблениям всякого властного лица. На этот раз грустные жалобы на взяточничества в воинских присутствиях при принятии на службу. Господские усадьбы стоят в развалинах или переходят в руки кабатчиков. Реформы прошлого царствования уничтожили в деревнях остатки унаследованной культуры и какого бы то ни было просвещенного влияния, и на место их выдвинули самый безнравственный и

хищнический элемент деревенского населения. Разговор со Швейницем. Он — противник социальных бисмарковских реформ, видит в черном будущее организованных последними годами сил, сожалеет о прежней консервативной Пруссии, хранительнице монархических, христианских элементов. Терно сообщает тревожные известия, полученные им от французского консула в Варшаве[168].

17 [*декабря*]. Суббота. По возвращении в Петербург в 11 час. у вел. князя. *Вел. князь:* «В последнюю среду я не докладывал государю. Его замучили гр. Гейден, Брун, Набоков, гр. Баранов. Когда я пришел к завтраку, то императрица в моем присутствии сказала принцу Альтенбургскому[169], что государь крайне устал и примет его в другой день. Тогда я объявил, что не стану утруждать его докладом, и хотя меня позвали после завтрака и государь настаивал на том, чтобы я докладывал, но я решительно отказался, хотя вслед за тем государь более часу принимал кн. Николая Долгорукого, военного агента в Берлине». Вероятно, моя физиономия при этом не выражала особенного одобрения, потому что вел. князь старался объяснить свое поведение тем, что при усталости государя доклад мог получить неблагоприятный исход, но весь доклад заключался в том, чтобы назвать Дервиза и Маркуса кандидатами для назначения в члены Совета!.. Заседание по смете Военного министерства. Вечером Дурново (управляющий уделами) приезжает говорить о деле устройства элеваторов, в коем он является учредителем и в коем делаются разные излишние административные стеснения. Окончив беседу об этом деле, перехожу к расспросам, из коих оказывается следующее. Финансовое положение уделов блестяще. Ежегодный доход составляет до $11^1/_2$ млн. При освобождении крестьян выкупная ссуда составляла до 50 млн. и во избежание обременения казначейства рассрочена на 50 лет с тем, чтобы ежегодно уплачивалось уделам 2 млн. процентов и 1 млн. в погашение капитала. Из этого последнего одномиллионного ежегодного платежа составился капитал в 20 млн., на который куплены земли, дающие 2 млн. ежегодного дохода. Касса уделов достаточна для производства платежей, назначенных по учреждению об императорской фамилии, но за последние 40 лет было выплачено 32 млн. сверхплатежей, в законе установленных, и от этих-то непредвиденных платежей Дурново желал бы оберечься, испросив у государя указ, отменяющий распоряжение императора Николая, присвоившего царствующему императору право произвольной раздачи денег из уделов членам своего семейства по своему усмотрению[170]. Ввиду предполагающегося изменения в учреждении об императорской фамилии Дурново сделаны имущественные и генеалогические выводы, не совпадающие в постепенности размножения лиц и капиталов.

18 декабря. Воскресенье. Завтрак у Гагариных с Пашковою, женою распространителя учений Редстока[171]. Рассказы о преследовании штундистов.

В 2 часа у Толстого, весьма взволнованного убийством Судейкина. Судейкин был выходящая из общего уровня личность, он нес жандармскую службу не по обязанности, а по убеждению, по охоте. Война с нигилистами была для него нечто вроде охоты со всеми сопровождающими ее впечатлениями. Борьба в искусстве и ловкости, риск, удовольствие от удачи — все это играло большое значение в поисках Судейкина и поисках, сопровождавшихся за последнее время чрезвычайным успехом. Вернув из каторжных работ некоего Дегаева, Судейкин имел в нем успешного агента, благодаря коему были произведены крупные и весьма важные аресты, в том числе арест Веры Филипповой[172]. За последнее время Дегаев предварял Судейкина, что его партия заподозрила в нем шпиона, но Судейкин не придал этому особенного значения и в прошлую пятницу в шестом часу отправился на свидание с Дегаевым в квартире, нанимавшейся для этого самим Судейкиным. Вместе с Судейкиным отправился его племянник. Свидание началось с того, что все трое уселись за стол и пили чай; вдруг Дегаев, выхватив револьвер, выстрелил в спину Судейкину; по этому сигналу выскочили из соседней комнаты три или четыре человека, которые железными ломами нанесли удары по голове как Судейкину, так и его племяннику[173]. Судейкин убит наповал, но племянник остался жив, хотя и с разбитым черепом, и мог рассказать то, что видел, покуда не лишился чувств. Убийцы переменили окровавленное белье и платье и скрылись[174]. Жильцы соседней квартиры, слышавшие шум, сообщили дворнику, но покуда пришла полиция, покуда взломали двери, прошло много времени. Толстой, рассказывая это, выразил сомнение о возможности разыскать убийц. «Потому, — прибавил он, — что они меня знают и знают, что ни один из них не останется живым 24 часа».

В дополнение этому рассказу Толстой сообщил, что незадолго до смерти Судейкин предварял его, Толстого, что он, Толстой, будет убит, и советовал быть особенно осторожным при приеме просителей вообще и в частности просительниц с муфтами.

После того говорили с Толстым о назначении председателей. Толстой заявил, что если государь его спросит, то он будет настаивать на одном Шувалове и при этом выскажет убеждение, что при назначениях государю невозможно руководствоваться личными симпатиями или антипатиями. О Николаи выражается, что он будет всегда под влиянием Головнина, на что я возражаю, что в его годы люди уже не

бывают под влиянием, а особливо при его характере твердом, почтенном во всех отношениях. Когда я упоминаю о кандидатуре Сольского, Победоносцевым поддерживаемой, то Толстой всеми силами восстает против. В свою очередь я категорически сопротивляюсь мысли о назначении* гр. Палена.

Визит баронессе Раден. Здесь уже ужасный рассказ. Она только что вернулась из Варшавы, куда ездила по поручению императрицы. В Варшавском женском институте арестована классная дама, некая Ентыс**, бывшая центром революционного кружка; ее взяли, когда она шла с почты, получив обличавшие ее письма. Она скрыла свое имя и место жительства, а между тем ее сообщницы, получив благодаря беспечности и беспорядочности институтского начальства доступ в квартиру арестованной, уничтожили там все следы их замыслов[175].

Представление балета Трубецкого. Вечер у Абазы, который только что приехал из Парижа и к крайнему моему удовольствию соглашается быть назначенным членом Департамента экономии.

19 [декабря]. Понедельник. В 11 час. по обыкновению у вел. князя. После текущих дел разговор о председателях; передаю слышанное от Толстого и в заключение говорю следующее: «Скажем, Ваше высочество, что надо брать Карс, позвольте мне в качестве начальника штаба представить на апробацию Вашу мой план. Не настаивайте ни на одном, а передайте государю список, Вашею рукою написанный, имен тех лиц, коих Вы считаете пригодными: Шувалова, Николаи, Сольского, и оставьте список этот государю. На другой день приедет Толстой, будет настаивать на назначении Шувалова, получит отказ, будет говорить сильно против Сольского и менее сильно против Николаи, который и попадет в председатели. Вернувшись из Гатчины, пожалуйста, пошлите за мною, и если понадобится, то я успею еще повидаться с Толстым в среду вечером, прежде его четвергового доклада».

«Вам надо дать белые пуговицы» (т. е. перевести в М[инистерство] иностранных дел), — отвечал вел. князь, обещая исполнить все мною сказанное.

Завтрак возле вел. княгини, обычное злословие, направленное преимущественно против членов ее собственного семейства.

Кратчайшее заседание Общего собрания, а после того нескончаемые департаментские заседания. Отсылая государю недельную меморию, пишу письмо, в коем, упоминая о переменах в составе Государственной канцелярии и заверяя, что при теперешнем составе она будет работать, упоминаю о необходимости подкрепить состав Совета людьми, способными к серьезному труду (читай: Абаза, Николаи, Маркус, Дервиз). Не касаясь вопроса о председательствовании в Департаменте законов, направленного через вел. князя, настаиваю на увольнении Титова в таких приблизительно выражениях: «Несмотря на все отвращение мое к вопросам личным, я поставлен в необходимость утруждать внимание Вашего величества упоминанием о необходимости назначить в Гражданский департамент более деятельного председателя, чем нынешний, достойный всякого уважения, но празднующий послезавтра шестидесятилетие службы, незнакомый с судебной частью, тогда как, сосредоточив в Гражданском департаменте судебные дела законодательного свойства, можно было бы удвоить силы Департамента законов. Все это считаю обязанностью доложить ввиду успеха порученного мне Вашим величеством дела».

20 [декабря]. Вторник. Нескончаемое заседание в Департаменте экономии. Смета инженерного и артиллерийского ведомств. Генералы Зверев и Софиано почитают неисчерпаемыми кассы министра финансов, несмотря на значительный в настоящем году дефицит. Особенно любопытны объяснения о миллионной перестройке Казанского порохового завода для выделки такого пороха, секрет производства коего еще не открыт, а только в течение предстоящей зимы будут производить лабораторские исследования над заграничным порохом[176].

Обед с Влангали, который в этот день имел всеподданнейший доклад, не представлявший, впрочем, ничего важного. Государю представлялся новый французский посол ген. Аппер, который очень понравился государю. В 9 час. Безак, директор Телеграфного департамента, который вносит в Государственный совет представление о слиянии управления почт с телеграфами[177]. Дело компании Telegraphes du Nord.

21 [декабря]. Среда. Пред заседанием Государственного совета визит Титову, который празднует 60-летний юбилей со дня вступления на службу. По поводу жалоб его жены на то, что Титов слишком много занимается, я намекаю на то, что с нового года Гражданский департамент будет еще более обременен, и, быть может, усиленные занятия могли бы угрожать здоровью старца. На это он мне наивно отвечает: «Oui, j'ai bien pensé que dans quelques années je demanderai à passer à l'assemblée générale»* — и вслед за тем упорно настаивает на желании сохранить председательствование.

---

* *Далее карандашом зачеркнуто:* бездарного, бессловесного.
** *В тексте ошибочно* Янтес.

* «Да, я думаю, что через несколько лет я попрошу о назначении меня в общее присутствие».

В 1 час заседание по университетскому делу. Все идет довольно гладко, без особенных разногласий. Победоносцев сообщает мне предположение прийти к уничтожению государственных экзаменов ценою пожертвования выборного ректора и замены его лицом, назначенным от правительства. Сколько могу понять, таково предложение Каткова.

Дурново сообщает, что на похоронах Судейкина схвачен подозрительный человек, уже сознавшийся, что он был назначен для убийства, но заменен более сильными людьми[178].

В 9 час. вечера у вел. кн. Михаила Николаевича, который восхищен результатами своего всеподданнейшего доклада. К его удивлению (не моему), государь сам уже за завтраком высказал необходимость освободить престарелого Титова от председательствования. Принято назначение на его место Стояновского, назначение членами Дервиза и Маркуса. Затем вел. князь передал мне, что государь выразил желание назначить Ребиндера и что он, вел. князь, горячо поддержал эту кандидатуру, сказав при этом, что ему еще об этом никто и не заговаривал.

В итоге Ребиндер, ограниченный, но ни в каком отношении не бесчестный человек. По окончании делового разговора меня ведут к вел. княгине, где происходит чаепитие в обществе детей и Петерса, их воспитателя. Разговор довольно труден, и приходится рассказывать анекдоты самого глупого и наивного свойства, как, например, что кн. Юрьевская, проживая в По, похоронила там любимую собаку покойного государя и воздвигла на могиле памятник с надписью: «Ci-gît Milord, le chien favori de l'empereur Alexandre II. Ce monument lui a été érigé par sa veuve éplorée»*.

22 [декабря]. Четверг. Продолжительное заседание в Департаменте законов. Представление Фриша об изложении в подлежащих статьях уложения о наказаниях распоряжений закона 3 мая о раскольниках[179]. Возвратясь домой, узнаю, что ко мне заезжал гр. Толстой, и отправляюсь к нему. Он только что вернулся из Гатчины. Государь по окончании доклада сообщил ему о кандидатах на председательство, предложенных вел. князем. О Шувалове государь выразился, что никогда не сделает его председателем. Толстой спросил: «У Вас были личные неприятности с ним?»

Государь: «Да». *Толстой:* «Позвольте, Ваше величество, высказать Вам мое убеждение, что в деле назначения на государственные должности нельзя руководствоваться личными симпатиями и антипатиями. Ваш дед, император Николай, не любил гр. Уварова и, несмотря на то, 16 лет держал его министром народного просвещения, и то был лучший наш министр просвещения». Затем Толстой стал выставлять достоинства и права Шувалова и в заключение получил: «Ну, хорошо».

От Толстого еду к вел. князю, которому передаю о результатах, не вдаваясь ни в какие подробности.

Вел. князь опасается, что назначение Шувалова будет сделано государем неохотно, а затем государь сохранит подозрение к тому, что будет делаться в Совете. Вечером вист у Абазы, — Нессельрод, Убри, Балашов.

23 [декабря]. Пятница. В $10^1/_2$ час. зовет вел. князь, читает записку от государя, в коей государь пишет, что по обсуждении вопроса о назначении председателя в Департамент законов он решился назначить гр. Шувалова, чтобы дать ему случай получить возможность деятельности, которой он ищет. О бар. Николаи сказано: «Он под влиянием Головнина». Поручив мне телеграфировать Шувалову в Париж, чтобы получить его согласие, вел. князь убедительно просит склонить Толстого поддерживать кандидатуру Николаи в том случае, если бы назначение Шувалова почему-либо не состоялось. Еду к Толстому, который очень рад этому известию и говорит: «А ведь это превосходная черта характера государя, это не всякий бы сделал». На это я замечаю: «Да, Вы первый бы не сделали». И Толстой добродушно отвечает: «Может быть». В заключение передаю ему просьбу вел. князя и, прибавляя свое личное ходатайство, получаю обещание в случае отказа Шувалова поддерживать кандидатуру Николаи.

У Саши открылась ветряная оспа, вследствие чего не могу ехать крестить внучку Бобринскую. Посылаю Шувалову в Париж такую депешу: «Sa majesté désire vous nommer président au Département des lois. Répondez immédiatement si votre santé vous permet d'accepter»*.

24 [декабря]. Суббота. От Шувалова получаю следующий ответ: «Médecins déclarent impossible rentrer Russie avant guérison d'une toux constante, dois partir ces jours-ci pour midi, suis très malheureux de devoir décliner une marque aussi haute de la confiance de l'empereur»**.

---

* «Здесь покоится Милорд, любимый пес императора Александра II. Памятник ему воздвигнут неутешной вдовой».

* «Его величество желает назначить вас председателем Департамента законов. Отвечайте немедленно, позволяет ли вам ваше здоровье принять назначение».

** «Врачи считают невозможным возвращение в Россию до излечения от непрекращающегося кашля, должен уехать в ближайшие дни на юг, очень несчастен, что вынужден отклонить столь высокий знак доверия императора».

Посылаю эту телеграмму вел. князю с просьбою препроводить ее подлинником к государю в Гатчино и при этом написать энергическое письмо, сказав, что лучшего кандидата, как Николаи, при данных условиях иметь невозможно. Что в его лета при твердости и независимости его характера нечего опасаться вредного якобы влияния на него Головнина и что выбор, сделанный государем, Шувалова служит доказательством, что при назначениях он оставляет в стороне вопросы о личных влияниях, а руководится исключительно свойствами назначаемых, относительно же свойств Николаи он сам в последнее свидание отзывался хвалебно.

Получив от государя подписанные им указы о назначении Маркуса и Дервиза, заезжаю к последнему. В Совете заседание с Шестаковым и Ванновским, которые ни за что не хотят сокращать своих смет, несмотря на печальное положение государственного бюджета, 9 млн. дефицита в обыкновенных расходах, кроме 24 млн. на железнодорожные постройки и 50 млн., ежегодно уплачиваемых Государственному банку.

Вел. князь читает мне свое письмо государю и опасается, что последует отказ. Заверяю его, что отказа не будет, и обращаю его внимание на то, что в течение целого года он ни одного отказа не получил.

25 [декабря]. Воскресенье. Не получая от вел. князя известий, пишу Толстому с просьбою поддержать ходатайство. Толстой отвечает: «J'ai lieu de croire, que le désir du grand duc sera accompli»*. Посылаю эту записку вел. князю, который уже уехал в Гатчину. Возвратясь оттуда, пишет мне: «Сегодня в Гатчине государь сам изволил мне объявить, что согласен на назначение бар. Николаи. Ура! Спасибо Толстому, что сдержал слово».

Визит хворающему Николаю Долгорукому. Любопытный рассказ, как по поручению государя он спрашивал императора Вильгельма, что внушает ему опасения, и, дав на все обвинения пространные оправдания, положил начало теперешним превосходным отношениям двух монархов и правительств. Бранит Сабурова и радуется тому, что он будет вскоре заменен кн. Орловым. Визит несколько бедствующей Ефруси (дочь Альфонса Ротшильда, главы парижского дома). Вист у Абазы с Нессельродом, Убри, Сабуровым.

26 [декабря]. Понедельник. Везу Победоносцева подивиться выставке произведений учеников в нашем Рисовальном училище. Благодаря неоцененному Месмахеру успехи действительно изумительные. В 5.40 в Рапти с Швейницем, Кампо, Терно-Кампан.

* «Имею основание думать, что желание вел. князя будет осуществлено».

27 [декабря]. Вторник. Несмотря на холодную снежную ветреную погоду, весьма удачная охота.

28 [декабря]. Среда. В 8 час. утра возвращаемся в Петербург, на этот раз ни убийства, ни чего-либо чрезвычайного в наше отсутствие не произошло.

29 [декабря]. Четверг. Заседание соединенных Департаментов законов и экономии, а также утверждение росписи, представленной министром финансов на основании утвержденных Департаментом экономии смет. Дефицит в обыкновенных расходах более 9 млн.; сверх того, 24 млн. на постройку железных дорог и 50 млн. в возврат банку на погашение кредитных билетов. Вечер у Абазы. Беспримерная фортепианная игра Рубинштейна.

30 [декабря]. Пятница. Свидание с Воронцовым, чтобы условиться о мерах для безопасности залы Государственного совета от какого-либо нигилистического покушения. Взорвать на воздух все правительство было бы для них довольно забавно. Воронцов сообщает, что вопрос об изменении учреждения об императорской фамилии предоставляется обсуждению комиссии, председательствуемой гр. Адлербергом и составленной из вел. кн. Владимира Александровича, Воронцова, меня; следовало бы пригласить еще Набокова, но Адлерберг не хочет слышать ни о нем, ни о Победоносцеве.

31 декабря. Суббота. Общее собрание Государственного совета по росписи. Бунге говорит длинную речь, существо коей помещено во всеподданнейшем отчете. Указывает на необходимость изменить порядок составления смет, установив предварительное соглашение министров о сумме, каждому министерству предоставляемой. Сольский старается представить все цифры в розовом цвете. Рейтерн просит поднести обо всем записку государю. Вечером французский спектакль.

1884 год

1 января. Пользуясь предлогом Сашиного нездоровья (летучей оспы), не едем на выход в Зимний дворец. Двор накануне переехал из Гатчины, и в этот день у императрицы целование руки (baise main) для тех дам, кои не были в Москве и не приносили поздравлений по случаю коронации.

Не без хлопот достигнутые мною назначения председателей и членов Государственного совета заставляют много говорить, и я рад не быть на виду во время этих разговоров[1]. Меня делают ответственным за назначение Ребиндера, в коем я отнюдь не повинен и которое действительно нельзя признать блестящим. Нельзя отказать Ребиндеру в том, что он безупречно честный человек, но довольно ли этого, чтобы быть государственным советником.

Еще причина для меня не показываться в Зимнем дворце та, что по моей просьбе Черевин доставил приехавшей из Парижа дочери Альфонса Ротшильда madaine Ephrussi окно в концертном зале, чтобы посмотреть на выход. Мне пришлось бы пойти разговаривать с этою юною парижанкою, и на меня упало бы еще одно лишнее обвинение в нарушении зимнедворцовских порядков в пользу жидовских миллионов, тогда как я считал обязанностью сделать это в отместку Ротшильдам за их гостеприимство вел. кн. Владимиру Александровичу. Вечером вист у Абазы, — Сабуров, Балашов, Нессельрод.

2 января. Понедельник. В $11^1/_2$ час. у вел. кн. Михаила Николаевича. Застаю представляющихся новых членов Дервиза, Маркуса и председателя Стояновского. Тут же начальник Кубанской области С. Шереметев. Умная голова. Разговариваем о выгодности покупки земель на Кубани. Спрашиваю вел. князя о впечатлении, произведенном разговором с Маркусом и Дервизом. Он поражен колоссальностью первого и миниатюрностью второго.

В Общем собрании обыкновенные поклоны каждому, о назначении коего прочитывается указ.

Докладывается важное дело о возвышении поземельного налога. Дельного не говорит никто ничего. Один Грейг по обыкновению придирается к личности более, чем к мыслям почтенного Бунге.

Выходя из Совета, встречаю Швейница. Он очень доволен вчерашним приемом государя дипломатическому корпусу, коего Швейниц старшина; замечена была ровность обхождения с самыми различными представителями; с Швейницем, как старшим, разговор был продолжительнее, вот и все. Зову Швейница на охоту, но он отказывается по случаю приезда Бисмарка-сына, коего отец присылает в Петербург исполнять в течение некоторого времени обязанности советника посольства, как явный знак особенного своего дружелюбия, составляющего последствие высказанного нашим правительством расположения.

К обеду приходит Влангали. Сабуров кобенится, не желая принять место посла в Париже, т. е. попросту желая выторговать побольше при этом. Влангали высказывает твердое намерение выйти в отставку и уехать по-прежнему спокойно проживать на юге.

В 10 час. еду к Шестакову, где празднуется день рождения вел. кн. Алексея Александровича. Множество моряков, с которыми вел. кн. Алексей разговаривает поочередно. Кроме моряков, Ванновский, Обручев, Влангали, Жомини, Дондуков, Рихтер, Стюрлер и пр., которые любезничают с несколько растерянною хозяйкою. В $11^1/_4$ час. идут ужинать, а я еду домой.

3 января. Вторник. Является с визитом Ребиндер, ужасно важничает, что назначен государем. Подчеркиваю, что инициатива его назначения принадлежит Воронцову и что, не будь горячей готовности вел. князя, он, по всей вероятности, не был бы назначен. В городе говорят, что Ребиндера перевели из кабинета в спальню.

Приходит Каханов после визита Толстому, где, очевидно, постарался войти в милость, чувствуя, что для борьбы силы не хватает. Говорим о том, как провести его, Каханова, в министры путей сообщения. Посьет не может оставаться, и обсуждение трудов Барановской комиссии[2] в Государственном совете, весьма вероятно, вызовет его отставку. Советую Каханову хорошенько изучить дело.

Вечером Кочуков докладывает проект дисциплинарного устава, составленный в Министерстве юстиции[3], и составленный плохо, как все, что делается у Набокова.

4 января. Среда. Окончен двухнедельный карантин по случаю ветряной оспы Саши. В городе начинают веселиться; вчера был раут у кн. Волконской, рожденной Волконской, бал у гр. Штейнбок, рожденной кн. Долгорукой, и музыкальный вечер у вел. кн. Екатерины Михайловны, на коем играл Рубинштейн.

5 [января]. Четверг. В соединенных Департаментах оканчивается первоначальное рассмотрение проекта университетского устава[4]. Согласно сделанным возражениям сделаны будут изменения и текст подвергнется вновь пересмотру. Вел. князь сидит рядом со мною в качестве слушателя. Сегодня он не без оттенка охлаждения со мною под впечатлением того, что накануне я не был приглашен на вечер в Аничков дворец. Наблюдения над этим исполинским характером подчас очень бывают забавны. После заседания говорю с Николаи о множестве лежащих в Департаменте законов дел и, в частности, о проекте железнодорожного управления, внесенном комиссией под председательством гр. Баранова[5]. Николаи считает необходимым предварительное рассмотрение этого проекта возложить на отдельную комиссию и председательствование в этой комиссии думал бы возложить на Абазу. Еду вечером с предложением о том к Абазе, который просит дать ему несколько дней на размышление.

6 января. К 11 час. в Зимнем дворце. Государь выходит очень аккуратно в назначенное время так, что митрополита[6] застают в церкви еще не окончившим облачение. Подле меня стоит Игнатьев, который начинает россказни с того, как верхом ездил по берегам Иордана и громогласно распевал: «Во Иордане» и пр.[7] Удаляюсь от его скучной себялюбивой болтовни, встречаю Толстого, и с ним разговор приблизительно такой. *Толстой:* «Я хочу внести в Совет не новый закон, а лишь подтверждение существующего в положении 19 февраля предписания о том, чтобы крестьянские разделы производились не иначе, как с разрешения сельского схода, тогда как в 1861 г. разделов было 2300 тыс. и только 300 тыс. с разрешения сходов, а между тем эти разделы — великое зло, ведущее к обеднению населения»[8].

Я, не желая вдаваться в обсуждение его предположений, советую ему сообщить мне предварительно на рассмотрение его проект.

По возражениям моим против представления, сделанного Толстым относительно издержек на сохранение правительственных агентов, оказывающих содействие переселенцам, Толстой высказывает намерение ограничиться частными мерами в отдельных случаях исключительной густоты населения.

Говоря о консервативных мерах, имеющих отношение к землевладению, напоминаю Толстому о трех существенных отмеченных мною при киевской ревизии вопросах — чиншевом, межевом, постройке приходско-строительном*.

* *Так в подлиннике.*

Вечером, в 8 час., собираются у Ковалевского толковать о Комиссии прошений Любощинский, Каханов, Фриш, Дервиз. Я восстаю против предложения Ковалевского устроить при Главной квартире[9] присутствие, похожее на нынешнюю Комиссию прошений, которое рассматривало бы жалобы на старые департаменты Сената и представляло государю о переносе таких жалоб в Общее Сената собрание. Предлагаю такое присутствие уже дать в самом Сенате из сенаторов, которые и без того получают жалованье и которые будут принимать и рассматривать подобные жалобы лишь в строго определенных рамках закона, тогда как особое новое учреждение при Главной квартире может разрастись в непредвидимые размеры. Все соглашаются со мною.

Захожу рядом к Абазе, который сильно простужен. Отнекивается от председательствования в Комиссии по железнодорожному делу, говоря, что трудно председательствовать, не чувствуя за собою поддержки.

8 января. Воскресенье. Визит новому французскому послу ген. Апперу. Мемория. Опера «Carmen».

9 [января]. Понедельник. В 11 час. у вел. кн. Михаила Николаевича. Вчера был семейный обед у государя; жалуется на сильную жару в Аничковом дворце. Был вместе с государем на балете. Вел. кн. Алексей сказал государю про ругательную статью, написанную в «Новом времени» против директора театра Всеволожского[10].

Ответ государя: «Статьи этой я не читал, но они обрушиваются на Всеволожского, потому что им столь [о] многом запрещают печатать».

Говорю вел. князю о составляемой мною записке относительно предположений, высказанных Бунге в бюджетном заседании 31 декабря, в коей главное место принадлежит предположению обсуждать в общем министерском совещании распределение между отдельными управлениями суммы денег, определяемой министром финансов на совокупность государственных расходов; причем совещание должно бы предшествовать составлению смет и имело бы последствием составление смет, несоразмеренных со средствами государства. Вел. князь замечает, что этим преследовалось бы достижение единства министерства, о чем мечтал еще гр. Шувалов, будучи в силе. Отвечаю, что единство желательно, но под условием более твердой организации Сената и Совета; Сената, как административного суда, пресекающего всякое административное насилие и противозаконно, Совета, как обеспечивающего правильность законодательной инициативы, законодательного обсуждения и обеспечения финансового благоразумия в пользовании денежными силами нации. Завтрак возле вел. княгини, которая хочет допытать-

ся у меня, правда ли, что гр. Павел Шувалов уехал к брату Петру в Ниццу для того, чтобы быть секундантом на дуэли.

Заседание Общего собрания. Вел. кн. Владимир Александрович спрашивает, почему вел. кн. Михаил Николаевич и я не приходили завтракать. Ответ: «Потому что Вы нас не приглашали».

После Совета прогулка по набережной с Швейницем, который опасается назначения Сабурова послом в Париж, потому что Сабуров будет пользоваться своим положением, чтобы популярничать пред Москвою, славянщиною, выкидывая противонемецкие штуки.

Потом прогулка с вел. кн. Владимиром, который рассказывает, что по приглашению государя был с ним вместе у кн. Юрьевской.

10 [января]. Вторник. Посылаю государю чрез вел. князя доклад о назначении под моим председательством комиссии, призванной составить проект государственного архива.

11 [января]. Среда. Обсуждение с Иваном Евграфовичем Воронцовым-Вельяминовым проекта покупки имения Оболенского в Моршанском уезде. Вечер у Абазы.

Разговор в яхт-клубе с вел. кн. Алексеем Александровичем о неурядице правительственных порядков, о недостатке ясных взглядов на то, что делать надлежит, о финансах и необходимости для вел. князя ближе с ними познакомиться, об экономическом положении страны, о том, что дворянско-чиновничьи взгляды Толстого узки и нецелесообразны, надлежит говорить о собственности, о землевладении, о выходе из общины, о переходе к лучшим формам труда и большему обеспечению плодов его.

12 [января]. Четверг. Аракин является с докладом о заседании комиссии об упразднении Комиссии прошений. Мой друг Ковалевский ведет дело отлично, не затрагивая самолюбия кн. Долгорукого, который имел маленькую стычку с Набоковым, отозвавшись неодобрительно о ходе нашего уголовного правосудия. Посылаю вел. князю для прочтения записку с изложением сказанного в заседании Государственного совета 31 декабря, посылаю лишь для прочтения, но он пересылает ее государю.

13 [января]. Пятница. Еду к Бунге узнать о том, что было ему говорено на докладе относительно посланной мною записки. Когда государь заговорил об этом с Бунге, то последний заявил, что высказанная им самим в Государственном совете мысль (о том, что министры прежде составления смет должны на общем совещании определить валовую цифру предоставляемого каждому министерству расхода) может принести большую пользу делу улучшения нашего бюджета.

На вопрос государя, в какой форме осуществить это предположение, Бунге отвечал, что это совещание может иметь место или в Департаменте государственной экономии, или в Комитете министров, а всего лучше было бы сделать это в Совете министров под личным председательством государя, который, слушая это, выразил опасение, что в подобном собрании могут произойти горячие споры и пререкания. Против такого опасения Бунге сказал, что споры были бы жарки, если бы предстояло обсуждать подробно каждую статью расхода, но что когда речь будет идти только о валовых цифрах, то нельзя ожидать особенно горячих прений.

Обедаю у дочери, Бобринской, с предводителями бар. Корфом и Платоновым, последний рассказывает подробности дня 14 декабря 1825 г., когда он, Платонов, служил уже в Кавалергардском полку.

14 [января]. Суббота. Заседание в соединенных Департаментах законов и экономии. Председательство Николаи, участие Маркуса и Дервиза придает заседанию совсем иной цвет.

Большой обед в честь вновь прибывшего французского посла Аппера, который оказывается умным, честным, прямодушным солдатом, который имел мужество подписать приговоры о 52 тыс. коммунаров[11] и сам очень удивлен, что Ферри призвал его к деятельной службе. Обед на 30 кувертов; стол покрыт старинным серебром и цветами.

15 [января]. Воскресенье. Завтрак с Влангали у Гагариных. Гирс вернулся из заграничного путешествия; очарован венским приемом, в восхищении от положения Лобанова.

2 часа свадьба брата моего Федора с сестрою живописца Верещагина.

В $7^1/_2$ обед у Сан-Донато, — Воронцовы, Балашовы, Долгорукие. Хозяин до невероятия причудливо чванен. В $10^1/_2$ прием у Аппера в тесном неудобном домике Хитрово на Сергиевской.

16 [января]. Понедельник. В 11 час. у вел. кн. Михаила Николаевича, который передает, что государь в субботу во французском спектакле сказал ему, что намерен обсудить в Совете министров представленную мною записку. В 12 час. завтрак у вел. кн. Владимира Александровича. Вел. княгиня пухнет и внушает опасения врачам, но, несмотря на то, крайне развязна, даже немного чересчур. Завтракают еще оба брата — фельдмаршалы[12], презренный Перовский, Скалон с женою. Разговор общепридворный — шуточки. В 1 час Государственный совет. Против обыкновения присутствует и Алексей Александрович, не перестающий подшучивать над теми, кто поддается. Спорят о деньгах, испрашиваемых Тифлисскою обсерваториею. Вел. князь хотел сам возбудить вопрос о прибавке, но я

всячески уговаривал его оставить инициативу другим, повторяя, что, несмотря на 18-летнее пребывание его на Кавказе, теперь сердцу председателя Государственного совета должны быть одинаково дороги Тифлис и Весьегонск, с чем, впрочем, он вовсе не согласен.

После заседания еду с вел. князьями Владимиром и Алексеем смотреть табакерки в Петровской галерее. На днях прислана туда табакерка, купленная государем у Шаховского, привезшего ее из Парижа; это грубая подделка. В 9 час. большой двухтысячный бал в Зимнем дворце. Публика в негодовании за приглашение дочери парижского Ротшильда — Ефрусси, который не более, как одесский купец. Все происходит, как при покойном государе. Император и императрица стараются любезно разговаривать с наибольшим числом приглашенных.

17 [*января*]. Вторник. Изучив записку Бунге о выпуске новой $5^1/_2$% ренты, имеющей целью привлечь часть капиталов, ныне помещенных в сериях[13], отправляюсь к Бунге и высказываю ему опасения за неудачу нового типа бумаги, когда к прежним 4% народ привык и этим надо пользоваться, но Бунге настаивает на том, что серии в тяжелые для казначейства времена возвращаются в кассы и служат новым бременем, а не облегчением; к тому же Бунге не намерен их уничтожить, а лишь рядом с ними выпустить новую бумагу.

Вечером приезжает ко мне директор Эрмитажа Васильчиков для продолжения разговора о приобретении коллекции Сабурова, посла в Берлине[14]. Отвечаю, что возьмусь за дело лишь в том случае, если Воронцов будет меня просить, а на основании слов Васильчикова ничего делать не стану.

18 [*января*]. Среда. В 2 часа секретнейший у Танеева комитет об уничтожении чинов. Танеев заставляет своего сына читать записку, потом сам читает записку гр. Уварова против чиноуничтожения, вообще всячески старается тянуть дело и в конце заседания имеет глупость сказать, что гр. Толстой выразил ему желание, чтобы этим делом не торопились. Я настаиваю на том, чтобы комитету был дан особый делопроизводитель, а чтобы сын Танеева продолжал составлять какие хочет исторические обозрения.

Для успешного хода дела полагаю необходимым уговориться об основаниях реформы и думаю, что у присутствующих мнения должны быть готовы. Все соглашаются с тем, что чины отдельно от должностей существовать не должны, что они должны слиться с должностями, разделенными по разрядам, и что затем всякие титулярные, коллежские и другие советники должны исчезнуть. Выслушав заявления на эту тему, Танеев уверяет нас, что таково было всегда его глубокое убеждение. Каханов, Фриш и я выходим из собрания, заливаясь смехом.

19 [*января*]. Четверг. Заседания по делу элеваторов, слушаются и принимаются почти сполна возражения Дурново на журнал соединенных Департаментов[15]. Замечания эти главным образом имеют предметом немного сбавить чиновничье вмешательство, в иных случаях действительно чрезмерное. Вел. князь приезжает в три часа, опоздал, потому что вместе с тремя старшими сыновьями[16] делал визит жене французского посла Аппера. О бывшем накануне всеподданнейшем докладе рассказывает, что государь выразил категорическое намерение собрать Совет министров для обсуждения бюджетных предположений Бунге, высказанных в заседании 31 декабря.

20 [*января*]. Пятница. Бал в концертном зале. Все по-старому без малейшего изменения, приглашенных весьма много. Играю в вист с Швейницем, Абазою и Балашовым. Ужинаю рядом с Игнатьевым, который рассказывает следующее: «Лорис-Меликов пред своим падением хотел сделаться председателем Комитета министров, а меня желал назначить министром внутренних дел, но вышло иначе, и государь, призвав меня, назначил меня министром внутренних дел, причем просил указать преемника в Министерстве государственных имуществ. Речь шла о двоих: Каханове и Островском, но о Каханове государь прямо заявил, что считает его «лорис-меликовским» и потому предпочитает назначить Островского. Когда было спрошено мое мнение, то я мог заявить только, что Островский — грамотный и исполнительный чиновник, но, веко, что Островский — грамотный и исполнительный чиновник, но, вероятно, ничего не смыслит в сельском хозяйстве». Относительно своей отставки Игнатьев рассказывает, что пущенная им в ход записка была одобрена еще покойным императором и нынешним государем, в бытность наследником[17]. О Победоносцеве выражается так: «На всякое мое предложение Победоносцев возражал, что оно слишком смело и, обыкновенно ограничиваясь этим, впоследствии посылал государю письмо, подробно опровергая мое мнение; я не без труда мог добиться, чтобы он был приглашаем для опровержения моих мнений в моем присутствии». Тотчас после ужина уезжаем домой, пользуясь удобством лестницы Государственного совета.

21 [*января*]. Суббота. Заседание о слиянии Добровольного флота с Морским министерством. Шестаков испросил на то высочайшее соизволение, а затем должен был внести в Совет представление о том, каким порядком это сделать, но представление его оказалось крайне плохим, неразработанным, неясным. Совет решил представление ему возвратить для исправления[18]. Потом длинные, интересные повествования академиков Овсянникова и Гримма о жизни сельди (бешенки)

в Волге[19]. В $6^1/_2$ час. обед у графини Мойра в честь объявленного женихом вел. кн. Константина Константиновича. По обыкновению тяжелую обеденную службу несут племянницы хозяйки гр. Штейнбок, кн. Салтыкова, кн. Долгорукая.

Получив от Воронцова письмо с просьбою взяться за покупку коллекции Сабурова для Эрмитажа, немедленно пишу Сабурову, а Воронцову предлагаю не ограничиться покупкою сабуровской коллекции, а приобрести еще коллекцию Базилевского в Париже; присоединить к этому лучшие вещи из Царскосельского арсенала и все это поместить в тех обширных и светлых залах, где теперь стоят шкафы с медалями; затем коллекцию медалей перевести в теперешние комнаты Государственного совета, а Государственный совет разместить в доме, принадлежащем теперь эрмитажному театру.

22 [января]. Воскресенье. Вследствие просьбы Зичи еду к нему посмотреть на его рисунки коронационных торжеств. У него заготовлен сверток в 30 аршин длины, изображающий постепенно главные сцены. Одновременно он делает этюды отдельных лиц. Нахожу, что парижское пребывание сделало более серьезным его рисунок, который всегда был красив и ловок, но часто неверен. Просит присылать ему членов Совета, но заявляю ему, что на высоту его квартиры никто не полезет, и предлагаю вместо того приезжать каждый понедельник в Совет, где я ему устрою помещение. Продолжительный визит расшибшемуся Ребиндеру.

23 [января]. Понедельник. Поистине тяжелый для меня день. Окончив к $10^1/_2$ час. свой еженедельный государю экстракт из представляемой мемории, еду к вел. кн. Михаилу Николаевичу. В 12 час. у вел. кн. Владимира Александровича. За завтраком во время общего хохота замечаю вел. княгине, как необходимо от времени до времени похохотать. Она отвечает, что с этой точки зрения одобряет старинное обыкновение иметь при себе шута; я возражаю, что, мне кажется, это обыкновение не потеряло силы (намекая на их нахлебника Перовского). «Comme vous êtes méchant!»* — восклицают вел. князь и вел. княгиня. В Государственном совете обычное заседание Общего собрания проходит скоро, но затем настает нескончаемое заседание по университетскому делу; проходят параграфы, возбудившие споры в новой их редакции. Делянов настаивает на назначении ректора правительственною властью. Победоносцев готов на это согласиться, если Делянов пожертвует своими экзаменационными комиссиями. Несмотря на то что все единогласно присоединяются к

* «Как вы злы!»

Победоносцеву, Делянов заявляет, что экзаменационные требования вне университетского преподавания составляют альфу и омегу их проекта университетского устава[20]. С этим заявлением исчезает последняя надежда на достижение соглашения. Выхожу из Совета совсем больной и, покончив дома с ежедневно приплывающими бумагами, ложусь в постель.

24 [января]. Вторник. Является сотрудник «Нового времени» Молчанов, чтобы получить выражение благодарности за написанную в этой газете статью о нашем Рисовальном училище. На выражение моей благодарности отвечает, что статья была написана совсем иначе, гораздо более хвалебно для учреждения вообще и в частности для Месмахера, но что Суворин по просьбе Григоровича не только сократил значительную часть, но еще включил то, чего Молчанов не писал вовсе.

От Воронцова приезжает директор канцелярии Друцкой вследствие моего отказа дать ход бумаге, которою Воронцов хочет обязать членов Государственного совета предварять церемониальную экспедицию о желании своем, тогда как до сих пор члены Совета имели бесспорно право являться императору без всяких предварений.

Приходит Гамбургер, наш посланник в Берне, которого я знаю ровно 40 лет, потому что он был преподавателем русского языка в пансионе Ридигера, где я приготовлялся к поступлению в Училище правоведения. Гамбургер, добрый человек, недальнего ума, сделавший карьеру тем, что прилежно писал депеши под диктовку кн. Горчакова; теперь, получив звание ст.-секретаря и место посланника, вообразил себе, что он в самом деле государственный человек, и говорит невероятный вздор, как, например: «Нет сомнения, что улучшение наших порядков невозможно без введения представительных учреждений, но несомненно также, что введение этих учреждений в России невозможно» и т. п. В заключение разговора высказывает убеждение, что спасение России в распадении империи и составлении конфедеративного союза!.. В устах ст.-секретаря его величества и посланника такие речи престранны.

В 7 час. приходит обедать Влангали. О Гамбургере рассказывает, что он приехал добиваться, чтобы императрица приняла его жену, что друг Гамбургера кн. Орлов упорно просил о том, но получил отказ наотрез, так как жена Гамбургера принадлежит к женщинам самого позорного прошедшего.

О себе Влангали говорит, что устал от петербургской жизни, петербургского климата, и объявил Гирсу положительное свое намерение оставить теперешний пост. Гирс предлагает ему быть назначенным посланником в Мадрид.

О Сабурове рассказывает нелестные вещи, как, например, что когда сделалось известным намерение Гирса посетить Бисмарка в Фридрихсруе, то Сабуров телеграфировал, что у Бисмарка припадок желтухи, а одновременно германский поверенный в делах передавал Гирсу лично полученное от Бисмарка приглашение посетить его в Фридрихсруе. По прибытии туда Гирс узнал от Бисмарка, что припадок желтухи он имел пять месяцев тому назад.

25 [января]. Среда. Продолжаю сидеть дома, хворая простудою. Заходит Бисмарк-сын. Очень умно говорит о своих петербургских впечатлениях и отношениях наших двух дворов. Полное презрение к Сабурову, политическая ненависть к Англии; признает ее положение весьма незавидным.

26 [января]. Четверг. Приходит узнать о моем здоровье Победоносцев. Плач о безволии и легкомыслии управляющих. Сетования на последнее заседание Государственного совета, в коем Делянову наговорили столько неприятностей за его записку, направленную против профессоров[21]. По поводу статей «Московских ведомостей» и намерения Набокова возбудить судебное преследование, испросив на то разрешение государя[22], Победоносцев сообщает, что государь выразился так, что эти статьи ему нравятся, тогда как вел. кн. Михаил Николаевич мне передавал, что государь недоволен статьями, которые критикуют царствование его отца. Победоносцев плачет о всеобщем безволии и легкомыслии, которые выражаются и в направлении дел и в их обсуждении, обвиняет гр. Толстого в негосударственности его управления, в отсутствии определенных намерений и видов, о желании лишь прожить со дня на день. О Набокове выражается крайне презрительно, передавая, что не раз советовал ему удалиться с поста министра юстиции ввиду поголовного против него возбуждения всех прочих министров.

Говоря о цесаревиче, наследнике престола, Победоносцев сообщает, что хотя Данилович по старости лет, слабости здоровья и вообще некоторой мертвенности нравственного существа и не представляется идеальным воспитателем, тем не менее его план обучения и строгость исполнения этого плана ставят ход образования наследника удовлетворительнее, чем других юношей царствующего семейства. Ввиду однообразности и замкнутости жизни государевых сыновей[23] необходимо было бы доставить наследнику возможность видеть более людей. На днях Победоносцев говорил об этом с государем и напоминал о том, как гр. С.Г. Строганов воспитывал покойного цесаревича Николая Александровича, как пред вступлением его в совершеннолетие делались репетиции приема дипломатического корпуса, причем, например, Рихтер изображал из себя французского посла, и цесаревич должен был поддерживать с ним соответствующий разговор. На все это государь отвечал, что «его сыновья видают тех людей, кои у него бывают», но, к сожалению, у него бывают лишь люди одной узкой клики.

Говоря о назначении попечителя, Победоносцев считал возможным выбор лишь между двумя лицами: Адлербергом и гр. Барановым, первый — слишком неподвижен и притом, увольняя его, уж слишком его очернили, а второй — чресчур завален финансовыми делами.

27 [января]. Пятница. Продолжаю хворать и сидеть дома. Читаю интересные статьи Vogué в последнем номере «Revue des deux mondes»[23a].

28 [января]. Суббота. Еду к вел. кн. Михаилу Николаевичу. Сообщаю о письме, полученном от военного министра. Вот в чем дело. В прошлом году, когда военный министр представлял о размере контингента новобранцев, то Государственный совет нашел неправильным установление нового порядка отбывания повинности путем увольнения однолеток жеребьеметанием[24] и поручил военному министру представить об этом Государственному совету свои соображения, поставив во главе сведений, признаваемых необходимыми, такой вопрос, достаточно ли годичное образование для того, чтобы сформировать солдата. Военный министр прежде, чем внести свой ответ в Государственный совет, показал его государю, который против сделанного Советом вопроса отметил: «Это совсем не дело Государственного совета». На мой рассказ вел. князю он отвечает, что государь совершенно прав, и я не без труда объясняю ему, что такая резолюция содержит обвинение председателя в том, что он допустил обсуждение вопроса, выходящего из пределов ведомства Государственного совета. Соглашается на то, чтобы государю представлена была объяснительная записка. Завтракаю подле вел. княгини, а затем прочитываем вместе списки приглашенных на бал, равно как и меню ужина. Вел. княгиня весьма недовольна необходимостью дать бал, старается уменьшить число приглашенных, вел. князь — напротив.

29 [января]. Воскресенье. Обычный экстракт из меморий. Внучка, Бобринская, — портрет покойной матушки. Визит милым людям Всеволожским, удрученным своею театральною обузою. Обед у Сан-Донато в честь италианского посла Греппи. Сижу рядом с гр. Игнатьевою, которая ничуть не похожа на то, что изображала во время министерства мужа, когда еле разговаривала с простыми смертными. Вечер у Абазы.

30 [января]. Понедельник. По обыкновению в 11 час. у вел. кн. Михаила Николаевича. В 12 вместе с ним и вел. кн. Николаем Нико-

лаевичем завтракаем у вел. кн. Владимира Александровича. Пристаю к Марии Павловне по тому поводу, что в Государственном совете слушается дело о субсидии ремесленному училищу, основанному в память ее сына и состоящему под ее председательством и совершенно ей неизвестному. В Совете после обычных незначительных дел продолжаются прения по университетскому делу. В конце заседания вел. князь по обыкновению идет пить чай в свой кабинет и приглашает меня с Ковалевским. Говорим о делах и в особенности о порученном Ковалевскому деле выработки проекта упразднения Комиссии прошений. По уходе Ковалевского вел. князь и я восхищаемся умом, простотою, искренностью Ковалевского.

В 7 час. большой обед у бар. Штиглица. У меня разговор с Гирсом такого содержания. *Я:* «Вел. князь передавал мне Ваш разговор с ним и ходатайство Ваше о назначении Сабурова членом Государственного совета. Назначения Убри, Новикова и др. не могут служить в этом отношении прецедентами по старшинству их службы». Гирс, весьма сконфуженный, по обыкновению растерявшийся, отвечает, что он хорошо понимает основательность отказа вел. князя, но сделал это, считая своею обязанностью, несмотря на то, что Сабуров постоянно интриговал против него самого. Я советую ему просить назначения Сабурова сенатором.

Кн. Орлов просит о быстром разрешении внесенного по его ходатайству в Совет дела об учреждении консульства в Алжире. Обещаю и при этом упрекаю за неудовлетворение моего ходатайства о награждении орденами французских чиновников Парижского архива.

31 января. Вторник. Захожу к Воронцову-Дашкову, чтобы уговориться относительно охоты, на которую нас пригласил вел. кн. Владимир Александрович; выйдя от него, встречаю на набережной Рейтерна, с которым гуляю вместе, когда меня настигает курьер с громовым известием о внезапной смерти Ковалевского. Немедленно еду к нему в квартиру, узнаю, что накануне он вернулся здоровым из Английского клуба во втором часу ночи и сел заниматься. Внезапно его схватили такие боли, что он закричал, доктора прибыли около семи часов утра и приписывают боли прохождению желчного камня, напряжение и усилия произвели разрыв сердца.

Последствия этой ужасной потери неисчислимы. Ковалевский, можно сказать, вел все обсуждение дел в Государственном совете. Не имея иных забот, кроме попечения о делах государственных, он всецело отдал себя государственному служению. Умный, простой в жизни и вкусах, опытный в делах, горячо отзываясь на все касающееся польз родины, при этом получивший хорошее образование и

не перестававший следить за умственным движением человечества, Ковалевский приносил и обещал еще принести в будущем великую пользу. Я был близок с ним еще в стенах училища и не переставал сохранять с ним самые близкие отношения. В последние годы оренбургская ревизия наделала ему много врагов, он это знал, на это шел, но его прямая, честная натура не мирилась с мошенничеством, хотя и обвешанным лентами[25]. Одним из лучших памятников его деятельности останется земледельческая колония для малолетних преступников, устроенная им около Пороховых заводов, устроенная с чрезвычайною любовью и давшая самые счастливые результаты.

В 8 час. панихида у Ковалевского с присутствием всего, что есть лучшего в сферах, где трудился Ковалевский.

1 февраля. Вернувшись с панихиды, и пишу и посылаю в редакцию «Нового времени» следующее*.

2 [февраля]. Четверг. Вынос тела Ковалевского, которое отвозится в Сергиевскую пустынь. На церемонию приезжают вел. князья Константин, Михаил, Владимир. Вообще все, что есть высшего, административного, присутствием своим на церковных церемониях выказало полное сочувствие и уважение к памяти Ковалевского; не был один гр. Толстой. Более близкие провожают тело до Обводного канала, вблизи от Триумфальных ворот.

В $9^1/_2$ час. был у вел. кн. Михаила Николаевича. Государь, увидев меня, подходит и говорит: «Вы были больны в день последнего бала в концертной?» *Я:* «Да, Ваше величество, у меня была лихорадка; вообще я не надоедаю Вам своим присутствием, но зато иной раз опасаюсь надоедать Вам чресчур обильным писанием». *Государь:* «Нет, пожалуйста, продолжайте; это дает мне возможность многое [узнать], чего бы я иначе не знал. До сих пор Михаил Николаевич ничего не подозревает». *Я:* «Вы сказали об этом лишь одному Победоносцеву, но я умолял его никому не говорить». *Государь:* «Он не скажет». *Я:* «Какую потерю Государственный совет сделал в лице Ковалевского». *Государь:* «Да, очень большая потеря. Он во многом изменил свои взгляды, побывав внутри России по поводу своей ревизии». *Я:* «Да, все мы, государь, ехали на ревизию с большою неопытностью; признаюсь, во многом я чувствовал себя неопытным, как ребенок». Пользуясь затем перерывом разговора, напоминаю государю о намерении посетить мое Рисовальное училище. Обещает постараться. Прошу послать за мною в тот день, когда поедет. В заключение видя, что окружающие нас удивляются продолжительностью разговора, говорю: «Вы ужасно по-

* *Текст письма не приведен.*

дымаете мои акции в глазах моего председателя, который на нас смотрит». *Государь*, шутя: «Смотрите, он Вам сейчас сделает выговор». Вслед за тем государь приглашает меня играть с ним в винт. Участвуют в игре Владимир Александрович, Воронцов-Дашков, Зиновьев, Голицын (обер-егермейстер). Ужинаем все вместе внизу. Все удается отлично, исключая военной артиллерийской музыки, которая во время ужина очень плохо играет на лестнице.

3 февраля. Пятница. В $8^1/_2$ час. утра на Николаевской железной дороге. Вел. князья Владимир, Алексей, Михаил, Воронцов, Б.Ф. Голицын, Г.С. Голицын (уральский атаман), Швейниц, Вердер, кн. А. Барятинский, управляющий охотою, — едем в Лисино стрелять стадо кабанов, пасомых в парке и чуть не палками подгоняемых под выстрелы. Охотятся еще на медведя, который, быв ранен вел. кн. Михаилом, бросается на двух загонщиков; одному кусает ногу, другому царапает лицо; на последнем его убивают выстрелами вел. кн. Владимир Александрович и Воронцов. Не остаюсь на следующий день и вместе с Михаилом Николаевичем и Алексеем Александровичем возвращаюсь вечером в Петербург.

4 [*февраля*]. Суббота. Утро в Государственном совете. Глупое представление Набокова о пенсиях мировым судьям. Огромный обед у нас в честь Вольккенштейна, австрийского посла. После обеда говорю с Толстым о необходимости для него иметь другого министра юстиции и указываю, как на единственно возможного, на Фриша. Слышу обычный ответ: «Я его не знаю». Но кого же Толстой знает, кроме дежурящих около него чиновников? Передаю Толстому заявленное мне сотрудником «Нового времени» Молчановым ходатайство о разрешении ему открыть новую газету. Толстой отвечает категорическим отказом, подкрепляя отказ тем, что в этот самый день отказал Демидову Сан-Донато в домогательстве издавать новую газету.

Кончаю вечер у Демидова, где поют цыгане.

5 [*февраля*]. Воскресенье. С 2 до 6 с Фришем и Кахановым обсуждение проекта об уничтожении Комиссии прошений. Обед у Грейга по обыкновению с большими гастрономическими претензиями. Обедают Гирс, кн. Орлов, гр. Адлерберг, гр. Пален, гр. Толстой, гр. Валуев, Швейниц. В 10 час. бал у кн. А.В. Барятинского, командира конногвардейского полка, дом не особенно удобен, но чрезвычайная изысканность и утонченность во всех подробностях. Играю опять в государевой партии с теми же лицами.

6 [*февраля*]. Понедельник. В 11 час. у вел. кн. Михаила Николаевича; вел. кн. Ольга Федоровна рассказывает, как в самый день бала Толстой сообщил известие, полученное чрез германское посольство и

шедшее из Нью-Йорка, что государя должны отравить на одном из балов, данных в частном доме. Вследствие такого сообщения во дворце к вел. князю явилась полиция, которая тщательно наблюдала в кухне и других комнатах, где изготовлялось угощение. Вел. князь читает мне письмо, полученное от государя, с поручением ехать в Берлин поздравить императора Вильгельма в день празднования им 70-летия со дня получения им[26] Георгиевского креста в день сражения при Bar-sur-Aube. Вел. князь очень доволен этим поручением. С ним едут еще Гурко, представитель кавалеров 2-й степени, и Шувалов — 3-й степени. За завтраком у вел. кн. Владимира Александровича вел. кн. Николай Николаевич читает брату Михаилу лекцию о том, каким порядком происходит обыкновенно берлинский визит. В Общем собрании после обычного доклада, не представляющего интереса, соединенные Департаменты оканчивают рассмотрение проекта университетского устава и именно штатов. Шестаков просит уладить плохо налаженное им дело о подчинении ему Добровольного флота. Еду с этой целью к Победоносцеву, который домогается одного: как можно скорее быть освобожденным от обязанностей председателя. Предлагаю ему поручить Шестакову председательствование, покуда не уладится вопрос в особо назначенной комиссии. Он очень доволен этою комбинацией. Заезжаю ко Всеволожским, где младшая дочь тяжко захворала корью.

7 [*февраля*]. Вторник. В Комитете министров докладывается проект, составленный особым совещанием министров об отдаче в солдаты воспитанников, исключенных из учебных заведений. Военный и морской министры, а также все приглашенные в заседание вел. князья категорически противятся этой мере[27].

8 [*февраля*]. Среда. В 9 час. еду охотиться в Коломяги. По недоразумению не заезжаю за вел. кн. Владимиром Александровичем, который ожидает меня дома и вследствие того опаздывает. Участвуют в охоте Швейниц, Кампо-Саградо, Б.Ф. Голицын, Г.С. Голицын. Вечером в $8^1/_2$ заседание у вел. кн. Михаила Николаевича. Обсуждается записка инженера Палашковского о проведении чрез Персию нефтепровода в Персидский залив. Записка передана от государя. Единогласно отвергается по недостатку твердых данных и, можно сказать, легкомысленности ее существа.

9 [*февраля*]. Четверг. Продолжительное заседание Департамента экономии, воюющего с тупостью Посьета. Вечер у Абазы.

10 [*февраля*]. Пятница. Продолжительный разговор с Эстеррейхом о громовском предприятии. На Варшавской станции железной дороги осмотр строящегося там вагона. Продолжительное свидание с

Рихтером. Он ничуть не добивается устроить себе министерское положение, а настаивает лишь на том, чтобы вновь организуемая Канцелярия прошений не была в ведомстве военного министра, как вся Главная квартира. О штатах мы более или менее согласны. В 10 час. бал у принца Александра Петровича Ольденбургского. Особенно эффектен ужин: в манеже настлан пол, расставлено множество растений, круглые столы, за которыми сидит пестрая толпа, — представляют очень живописный вид. Уезжаем в 4 часа, но императрица продолжает неустанно танцевать, не проронив ни слова. Государь уехал, встав из-за ужина.

11 [февраля]. Суббота. Большой парад при сильном холоде. Кавалерийские полки из соседних городов, как Петергоф, Гатчина, Царское Село, идут всю ночь и тотчас после парада возвращаются домой. В Совете дело о присоединении к городу Охтенского пригорода. Из Совета еду к вел. кн. Михаилу Николаевичу проститься. Очень ему не нравится, что я не только назначил к докладу в его отсутствие дело об элеваторах, но еще хочу сделать доклад на первой неделе поста. *Вел. князь:* «Да, это никогда не делалось». *Я:* «Да, никогда не было столько дел, а если один понедельник пропустить, то я никак не добьюсь от канцелярии двойного доклада в следующий понедельник». *Вел. князь:* «Вы назначьте, а потом отложите». *Я:* «Да для чего, Ваше высочество?» На это мой вел. князь никакого ответа не нашел, потому что единственное побуждение было пущая его важность.

Пожелав счастливого пути, я стал удаляться к двери и забавлялся тем, что мой вел. князь, стоя на средине комнаты, ожидал, что я выражу ему намерение приехать его провожать на станцию, но я решился не тратить на это целого утра да еще напяливать мундир. В ту минуту, как я уже намеревался захлопнуть дверь и уже, так сказать, был в соседней комнате, мой вел. князь закричал мне вслед: «Не приезжайте меня провожать на станцию: я уезжаю на слишком короткое время!» Я отвечал: «Слушаю-с», но с трудом удержался от невольного смеха, овладевающего зрителем при представлении мольеровской комедии.

12 [февраля]. Воскресенье. Приходит завтракать французский посол Аппер, добрый, честный, прямой, заслуживающий всякого уважения и сочувствия. Очень доволен оказанным ему в Петербурге приемом. Визит старикам Бобринским. София Андреевна доказывает не без основания, что экзаменационные комиссии, на коих настаивает новый устав, — выдумка Каткова, долженствующая принести ему большие денежные выгоды.

Немногочисленный бал у Долгорукова (обер-церемониймейстера) в доме Пашкова (прежде кн. Трубецкого) на Гагаринской набереж-

ной. Их величества приезжают в $10^{1}/_{2}$ час. Императрица не сходит с паркета до 5 час. Император играет в «quinze» с Владимиром Александровичем, Воронцовым, Балашовым, принцем Ольденбургским, Дурново и мною. Игра продолжается не слишком долго и потому не достигает больших размеров. Владимир Александрович обращается ко мне со словами: «Et bien, monsieur le sermonneur, que direz vous?» *Я:* «Je dirai que vous ne devez pas toucher une carte, parce que vous ne savez pas jouer ce jeu. Oui, je vous sermonne, mais qui diable le ferait si ce n'était moi?»* Бал во всех отношениях удается прекрасно.

13 [февраля]. Понедельник. Обычный завтрак у вел. кн. Владимира. Объясняю, что такое элеваторы[28], разговор о вчерашнем бале и т. п. В Совете дело о компании элеваторов. Председательствует за отсутствием вел. князя гр. Баранов, при всех своих отличных душевных качествах не умеющий председательствовать. Прежде чем ставит общий вопрос, принимается ли мысль об учреждении элеваторов, начинает с того, что просит собрание высказаться по вопросам, возбудившим разногласие в департаментах. Выходит Галаган, представитель глупонародной политики, подкрепленный в своих мыслях появившейся накануне ругательною статьею «Московских ведомостей», представляет в розовом свете и положение нашего земледелия, и умножение нашей производительности, и расширение нашего сбыта. По его мнению, элеваторы угрожают монополиею хлебной торговле. После него Грейг осмеивает ту розовую картину, которую намалевал Галаган, и в простых невитиеватых словах изображает всю смешную сторону опасений, вызванных тем фактом, что в Россию привезут 25 тыс. руб. американских денег. Гюббенет, товарищ Посьета, категорически высказывается против всякой постройки элеваторов, Шестаков просит оградить порты от монополии при раздаче мест компании. Гр. Баранов дает все это говорить, не ставя вопросов, не руководя прениями, которые начинают принимать хаотический характер. Тогда Победоносцев, в душе своей расположенный к взглядам Каткова, выходит на средину комнаты и заявляет, что следовало бы прежде всего поставить общий вопрос и что он делает такое заявление только для того, чтобы водворился порядок в обсуждении. Это неловкое заявление задевает председателя, который краснеет от неудовольствия, но со свойственным ему добродушием воздерживается от ответа. Рассерженный Абаза подходит ко мне и говорит: «Что это такое? Победоносцев призывает председателя к порядку! Пусть только он начнет гово-

*«Итак, господин проповедник, что вы скажете?» *Я:* «Я скажу, что вы не должны касаться карт, потому что вы не умеете играть. Да, я вам читаю наставления, но кто это сделает, кроме меня?»

рить, я ему отвечу». Опасаясь скандала, я упрашиваю Победоносцева молчать, так как вопрос не представляет ни юридического, ни нравственного, ни политического интереса.

Воронцов-Дашков, не бывший ни одного раза в заседании Государственного совета во всю сессию, приезжает в этот день и высказывается против элеваторов, тогда как учредителем всего общества является Дурново, избранный Воронцовым на пост управляющего уделами. Стараюсь доказать Воронцову, что если он не доволен своим подчиненным, то должен вызвать его к себе и разбранить, как хочет, но не делать это в Общем собрании Совета, где он, Воронцов, к тому же никогда не бывает. Воронцов никак этого понять не может.

14 [февраля]. Вторник. Утро за делами Государственного совета, число коих страшно умножается. Вечер у Е.Н. Нелидовой, когда-то слывшей центром оппозиционного лорис-меликовского заговора[29].

15 [февраля]. Среда. Заезжаю к гр. Баранову, чтобы узнать, не было ли у него за последнее время каких-либо деловых с государем разговоров, но ничего серьезного он мне передать не имеет. Получаю от вел. кн. Ольги Федоровны письменное приглашение явиться на другой день в 1 час.

16 [февраля]. Четверг. В 12 час. еду в Аничков дворец по назначению государя. Застаю в приемной Воронцова, Рихтера, ожидающих доклада, и обер-гофмаршала Нарышкина с женою (Чичериною), в короткое время упрочившею за собой репутацию несносной интриганки. Чрез несколько минут от государя выходит гр. Толстой и навлекает на себя критику Нарышкина за надетый утром белый жилет. После Толстого государь принимает Рихтера, а потом меня.

Войдя в этот угловой кабинет, где я бывал у него по делам Исторического общества, когда он был вел. князем, я застаю государя посреди комнаты, он приглашает меня сесть против него за письменным столом, и тогда между нами происходит приблизительно такой разговор, который передаю настолько подробно, насколько он сохранился у меня в памяти.

Я: «Позвольте мне, государь, прежде всего благодарить Вас за милостивое Ваше и принятие меня сегодня, и принятие моего писания по делам. Условия моей службы таковы, что писание это должно более и более усиливаться, и считаю долгом объяснить Вам тому причины. Я не могу довольно нахвалиться своими отношениями к вел. кн. Михаилу Николаевичу, но есть обстоятельства, препятствующие тому, чтобы все шло к Вам чрез него: 1) его нерешительность и 2) неуменье его сохранять тайну. Весьма часто я настаивал, чтобы он докладывал Вам о том или другом, но он не решался по нескольку недель сряду, например, мне стоило огромного труда заставить его докладывать Вам о назначении председателей. Я ему не раз говорил: «Ваше высочество, про Константина Николаевича можно говорить многое, но он имел председателей, как Абаза и Урусов, а Вы хотите сохранять отжившего Титова». Несмотря на обещание поговорить с Вами, вел. князь возвращался с известием то что недостало времени, то что Ваше нездоровье помешало Вам принять принца Альтенбургского и что поэтому он не решился утруждать Вас докладом. Точно так же вел. князь не решался говорить о бар. Николаи, опасаясь оппозиции гр. Толстого, тогда как я ему доказывал, что не следует принимать во внимание никакие посторонние влияния, а говорить Вам прямо то, что считает полезным. Не скрою от Вас, что тогда вел. князь сетовал на недостаток доверия с Вашей стороны, но я позволил себе заверять его, что Вы не можете не иметь к нему самых лучших чувств, но, быть может, несколько опасаетесь того, что он не всегда умеет сохранить тайну и что, быть может, вел. князь Николай Михайлович, репутация коего в этом отношении известна, вредит ему. Я сослался на те два случая, которые подали повод к строгим со стороны вел. кн. Владимира Александровича выговорам Николаю Михайловичу, к сожалению, неуменье молчать вел. князя иногда вредит делам. Так, например, на днях по поводу ходатайства Гирса о назначении Сабурова членом Государственного совета я представил вел. князю записку о старшинстве послов, как Убри и Новиков, попавших в Совет, записку эту вел. князь дал прочитать Софиано (помощник ген.-фельдцейхмейстера), который содержание передал в преувеличенном виде своему родственнику Катакази, а Катакази на другой день бегал по Министерству иностранных дел, крича, что я помешал назначению посла Сабурова членом Совета. Вы видите из этого, государь, что мне необходимо иногда обращаться прямо к Вам».

Государь: «Да, это удивительно, как вел. князь не умеет молчать. Он все без исключения передает Ольге Федоровне. Николая Михайловича я не раз бранил, а он отвечает всегда одно: «Папа при других это говорил». Я ему внушал, что он не смеет и про отца так отзываться».

Я: «Независимо от всего этого, государь, я считаю крайне полезным для дела, чтобы между Вами и государственным секретарем были прямые сношения. Нельзя допустить, чтобы государственный секретарь был секретарем председателя; если это сложится так, то от Вас отстранится весьма серьезное влияние, так сказать, предварительное влияние и направление. Вам будет представляема готовая мемория, и

Вам ничего не будет оставаться иного, как с нею согласиться. Я придаю этому особенное значение в будущем для моего преемника. Между тем взгляд на это вел. князя совсем иной, он не только меня, но самих членов Государственного совета считает своими подчиненными, и у нас по этому поводу бывали оригинальные споры. Я доказываю вел. князю, что члены Государственного совета никого иного, кроме государя, начальником иметь не могут, а вел. князь утверждает, что он им начальник, и в подтверждение приводит, что он представляет их к наградам, на что я возражаю, что он не представляет их к наградам, а только кладет список членов на Ваш стол. В силу всех этих обстоятельств, я позволяю себе доложить Вашему величеству о нескольких делах Совета. Прежде всего — о Комиссии прошений. На основании настояний Долгорукого и Рихтера проект начертан комиссиею так, что Канцелярия прошений в лице командующего Главною квартирою получает главноуправляющего со всеми атрибутами министерской власти; у него всеподданнейший доклад, товарищ да еще кресло в Комитете министров и Государственном совете. Для чего это? У Вас, государь, без того много лиц, имеющих министерское положение без министерской ответственности и деятельности, как, например, управляющий учреждениями императрицы Марии[30], государственный контролер, наконец, самые председатели департаментов Государственного совета, заседающие в Комитете министров. Не лучше ли уменьшать, а не увеличивать число таких лиц, присутствие коих в министерских совещаниях не приносит существенной пользы, а между тем умножает шансы несохранения тайны».

Государь: «Я желаю, чтобы при упразднении Комиссии прошений канцелярия для прошений, находясь в заведовании командующего Главною квартирою, состояла из возможно меньшего числа чиновников. Сам командующий Главною квартирою не должен иметь никакого другого титула. Я знаю, что за Рихтером есть люди, которые его подбивают добиваться такого возвышения его обязанностей».

Я: «Я говорил с Рихтером и убедился, что он лично вовсе не добивается такого министерского положения, но он хлопочет об одном, чтобы определительно было высказано, что Канцелярия прошений и начальник ее, командующий Главною квартирою, не подчинены военному министру, иначе все военное ведомство будет изъято от принесения на него жалоб».

Государь: «Это надо оговорить».

Я: «Прошу позволения у Вашего величества поговорить о другом деле. В прошлом году при представлении военным министром Государственному совету о контингенте новобранцев было обращено внимание на новую меру, принятую военным министром и совершенно изменяющую порядок отбывания воинской повинности — увольнении по жеребьеметанию по прослужении одного года. Государственный совет поручил военному министру представить свои соображения об обращении этой меры в постоянный закон, и при этом по требованию некоторых военных членов в Общем собрании Государственного совета поставлен был военному министру вопрос: можно ли в течение года приготовить солдата? Военный министр, делая представление Совету, уведомил меня, что Вашему величеству угодно было этот вопрос зачеркнуть, отметив, что это не дело Государственного совета. Я считаю обязанностью засвидетельствовать, что по ходу прений Совет вовсе не имел намерения вторгаться в сферу деятельности военного министра, но только желал иметь от него, как от эксперта, удостоверение, которое и должно было лечь в основу нового мероприятия».

Государь: «Конечно, я так это и понял».

Я: «Возможность обвинения Совета в захвате власти заставляет меня упомянуть еще об одном деле — деле об уничтожении Добровольного флота. В Государственном совете возникло множество вопросов о том, как исполнить высочайшее повеление о передаче Добровольного флота в Морское министерство. Победоносцев домогался одного — самого поспешного освобождения его от обязанностей председателя. Я склонил Шестакова принять на себя временно эти обязанности, и это включено в журнал Совета, который не имел никакого права назначать председателя Общества добровольного флота».

Государь: «Я нахожу, что это очень хорошее разрешение вопроса. Вообще я должен был тогда согласиться на доклад Шестакова, но всем этим делом слишком поторопились».

Я: «В прошлый понедельник у нас произошло не раз встречавшееся уже в практике Государственного совета затруднение. Произошло три мнения, когда ст. 81 не допускает более двух[31]. Мне кажется, что эту статью следовало бы пересмотреть и, быть может, отменить».

Государь: «Да, я помню, это часто встречалось; но если эту статью отменить, то будет пять, шесть мнений».

Я понял, что он опасается быть поставленным в необходимость разбираться в разноголосице, и не продолжал этого разговора, который не мог бы на этот раз привести к результату.

Потом я стал говорить о множестве поручений, возложенных Государственным советом на министров и ими не исполненных; я предлагал установить порядок, который дал бы Совету возможность наблюдать за исполнением данных им поручений. Государь выразил желание, чтобы ведомость о неисполненных поручениях была представлена ему.

В заключение разговора о делах Государственного совета я коснулся вопроса о неудовлетворительности теперешнего помещения. «По моему убеждению, — сказал я государю, — в Совет необходимо приглашать как можно чаще экспертов. Медные пуговицы чиновничьего вицмундира никак не дают разносторонности, а между тем дела Совета не только разносторонни, но всесторонни. Число экспертов умножается и будет постоянно умножаться, все они собираются в одной небольшой комнате, где в это время члены Государственного совета завтракают, курят, разговаривают, все это вместе взятое представляет весьма неприглядную картину».

Государь: «Да. Тут еще рядом ватерклозет. Можно было бы отдать Государственному совету все помещение Комитета министров».

Я: «Да. Или отчего, например, не отдать Государственному совету помещения эрмитажного театра. Тогда в помещении Государственного совета можно бы расположить медали и монеты, а в теперешнем роскошном помещении мюнц-кабинета[32] собрать коллекцию Царскосельского арсенала и еще коллекцию, как, например, Базилевского[33]».

Мысль эта, очевидно, понравилась государю, но ввиду ее смелости он не решился ничего высказать, хотя заметил, что, конечно, эрмитажный театр не понадобится.

Окончив доклад по делам Государственного совета, я попросил позволения перейти к делам, о коих не имел никакого права говорить. «Вы помните, государь, — сказал я, — что семь лет тому назад я подал Вам записку, в коей упоминал о необходимости изменить закон об императорской фамилии. В интересе значения верховной власти необходимо ограничить число лиц, пользующихся положением, которое присвоено императорским высочествам. Таких лиц 40 лет тому назад было 5, теперь — 23, следовательно, еще чрез 40 лет будет 115. Может ли Россия выдержать эту цифру? Если я решаюсь снова говорить Вам об этом, государь, то потому, что теперь вследствие женитьбы вел. кн. Константина Константиновича является новая категория лиц императорского дома, правнуков императора. Следует решить вопрос, сохраняются ли за ними все присвоенные им ныне преимущества».

Государь: «Я об этом думал, и вследствие моего поручения министр двора, министр юстиции и гр. Адлерберг обсуждают этот вопрос. Мне говорят, что это произведет большое неудовольствие против меня, конечно, жаль, что это начнется с вел. кн. Константина Николаевича, с которым отношения и без того нехороши, но так как я считаю нужным это сделать для будущего, то не остановлюсь пред неудовольствием».

Я: «Конечно, лучше было бы по возможности уменьшить в Вашем семействе неудовольствие против Вас; если Вам понадобится человек, который для пользы службы Вашей не боится никакого неудовольствия, то вспомните обо мне. Позвольте спросить мысль Вашу еще об одном деле. Я назначен Вами в комиссию под председательством Танеева об уничтожении чинов. Я вижу, что Танеев намерен ничего не делать, а лишь тянуть; если такова Ваша мысль, то я не знаю, к чему этот комитет».

Государь: «Напротив. Я считаю чины препятствием к повышению людей способных и полезных».

Я: «А сверх того, чины отвлекают от деловой деятельности, особливо из провинции, умножают число тунеядцев, которые числом годов жизни приобретают чины, а потом являются полными претензий и на получение мест, и на казенные деньги в форме содержаний, и особливо пенсий. Мне кажется, что чины должны слиться с должностями». Государь выразил одобрение этому взгляду.

Я: «Мне следовало бы еще доложить Вам, государь, о ходе трудов Исторического общества, но я и так уже отнял у Вас много времени, притом дела у нас подвигаются, томы печатаются, и дело это среди теперешних Ваших занятий является слишком второстепенным. Было время, когда мы с Вами, государь, писали об исторических деяниях Ваших предков, теперь Вам самим приходится творить историю, которую описывать будут другие. Позвольте еще напомнить о Рисовальном моем училище, то не авторское самолюбие, а желание показать Вам, какие блестящие результаты дает необычайная способность русского народа».

Государь: «Я буду еще в Петербурге после Пасхи и тогда приеду в училище».

Я: «В заключение позвольте представить Вам несколько слов, написанных мною в память о Ковалевском. Он с такими добрыми чувствами говорил мне о Вас всякий раз, как Вас видел, что я счастлив иметь возможность остановить на этом человеке Ваше внимание».

Пробило час. Я поторопился уйти, сказав при этом государю, что за мною прислала Ольга Федоровна и что я должен к ней ехать и еще раз благодарю государя за дарованное мне право писать о делах, не стесняясь узкими рамками служебного моего положения. В 1 час 15 мин. я был у вел. кн. Ольги Федоровны. Против чаяния она не знала о том, что я был в Аничковом дворце, и вызвала меня исключительно для того, чтобы посплетничать. Сначала я был спрошен о том, что мне известно нового, но после уклончивого с моей стороны ответа посыпалось из уст вел. княгини множество рассказов в таком

роде: «Слышали ли Вы разговор Нарышкиной с гр. Богарне? Нарышкина сказала: «Я вас не приглашаю на свой бал, потому что Вы у меня не были с визитом, Вы, вероятно, воображаете, что Вы — великая княгиня, но я не поеду к Вам расписываться». А знаете ли, что на бале у Долгоруких под конец танцевали с папиросками во рту? А правда ли, что Барятинский уехал в Финляндию с madame Стрижевскою, покуда кн. Нелли неразлучно танцует с Рейтерном?» и т. п. В таком тоне разговор продолжался около часу и был прерван вошедшим в комнату сыном ее Георгием.

В 8 час. опера «Carmen». Приехавшие сюда лица, присутствовавшие на спектакле у герцога Лейхтенбергского, восхищаясь успехом спектакля, рассказывают, что половина присутствовавших, в том числе вся императорская фамилия, были приглашены к обеду, а все остальные, в том числе любительницы, принимавшие участие в спектакле, отпущены домой.

В 12 час. ужин у Скалона, — вел. кн. Владимир, ген. Розенбах, назначаемый ген.-губернатором в Ташкенте, весьма и весьма посредственный немец, как говорят, сам выпросивший себе это назначение. Разговор общепридворный — воспоминания и шуточки.

17 [февраля]. Пятница. Бал в концертном зале. Играю в вист с Швейницем, Абазой и Балашовым. На этом бале произошло, между прочим, следующее. Императрица выказывала явное отвращение к Бисмарку-сыну, приехавшему сюда в качестве секретаря посольства. Никакие просьбы Гирса ввиду нашего сближения с Германиею не достигали результата, и императрица продолжала почти отворачиваться от Бисмарка. Кн. А. Долгорукий, танцуя с императрицею, убедил ее de rendre ce service à l'empereur*, и она подошла к Бисмарку и любезно с ним разговаривала. Обрадованный Гирс сам пустился вальсировать.

На хорах присутствовала вел. кн. Мария Павловна с гр. Шуваловою, рожденною Барятинскою, и танцевала контрданс, не имея возможности находиться внизу, быв в трауре по отце. С бала в 4 часа садимся в вагон и едем в Рапти стрелять волков, — Кампо-Саградо, Голицын, уральский атаман, и Барятинский, егермейстер.

18 [февраля]. Суббота. Охота удается превосходно; убиваем пять волков, а главное, проводим день на воздухе, гуляя по лесу да еще на лыжах, т. е. удваивая силу движения.

19 [февраля]. Воскресенье. В 8 час. утра возвращаюсь в Петербург. Приходит Влангали, рассказывает, что королева Виктория не захотела принять послом Икскуля, а Сталь (министр в Штутгарте) отказался

* Оказать эту услугу императору.

как по незнанию языка, так и потому, что отстал от больших дел и не имеет состояния для дорогой лондонской жизни.

20 [февраля]. Понедельник. Завтрак у вел. кн. Владимира Александровича без вел. кн. Марии Павловны, которая слишком устала от вчерашнего танцевания на Елагином острове. Танцевали с 2 час. дня до полуночи. В Государственном совете в Общем собрании дела пустые, но в департаментах не очень обдуманное представление министра внутренних дел об острове Сахалине[34]. Галкин-Врасский очень слаб, и его записка весьма неудовлетворительна.

21 [февраля]. Вторник. Некоторое спокойствие под впечатлением первой недели поста.

22 [февраля]. Среда. Визиты гр. Палену, с которым не успеваю говорить о еврейской комиссии, потому что входит отвратительный Жихарев; Победоносцеву, который только что встал с постели и очень слаб. По просьбе его жены уклоняюсь от делового разговора. Он по обыкновению обо всем грустит довольно бесплодно. Обед у Абазы с Убри, Нессельродом, Влангали, Долгоруким и Балашовым.

Забыл записать, что накануне вечером был у гр. Толстого, куда почти одновременно со мною приехал Делянов. Стали разговаривать о совершеннолетии наследника[35], Толстой говорил, что, вероятно, его не спросят о назначении попечителя, но что он рекомендовал бы Ребиндера, который, воспитывая Николая Максимилиановича Лейхтенбергского, заставил его пройти университетский курс, тогда как воспитание нынешнего наследника крайне поверхностно и неудовлетворительно. Данилович, избранный Исаковым, теперь заплатит Исакову, назначив его попечителем. Делянов предлагает в попечители Победоносцева, но Толстой обвиняет Победоносцева в недостатке характера и утверждает, что при таком назначении питомец будет танцевать на голове у попечителя. Делянов утверждает, что в некоторых случаях Победоносцев выказал характер, а я ухожу, желая им обоим, чтобы Победоносцев выказал им характер по вопросу об экзаменационных комиссиях.

23 [февраля]. Четверг. В Государственном совете пустой доклад сметного отделения Департамента экономии. Обедает приехавший на днях Виелопольский, который не особенно критикует Гурко, но зато чрезвычайно доволен обновлением личного состава в Министерстве финансов.

24 [февраля]. Пятница. К удивлению своему, получено от вел. кн. Михаила Николаевича приглашение обедать, говорю — к удивлению, потому что ожидал, что он обидится за то, что я не приехал встречать его на станцию, как имел обыкновение делать мой предшественник. Обедают, как всегда, пять сыновей[36] (шестой, Алексей,

бегает около стола), возле меня старший, Николай, сплетничает и злословит. Вел. княгиня втихомолку пускает шуточки. После обеда сначала вел. князь раздает безделицы, привезенные им для всех членов своего семейства, потом отпускают детей, и я в подробностях рассказываю все происходившее в Государственном совете за время отсутствия вел. князя, дополняя рассказ посторонними сведениями о влияниях и вмешательствах всякого рода. Выслушав доклад, вел. князь уходит в церковь, вел. княгиня меня удерживает, и я сообщаю ей о новом доказательстве тому, что вел. князь не умеет молчать по поводу истории Сабуров—Софиано—Катакази, в это самое время вел. князь, опоздавший на церковную службу, возвращается, и мы передаем ему возводимое на него обвинение. Он оправдывается весьма неуспешно.

25 [февраля]. Суббота. В 11 час. еду к вел. князю. Дел у меня никаких нет. Заявляю ему, что, узнав о приезде государя на день его рождения, писал Воронцову о приглашении членов Государственного совета для поздравления, но получил категорический отказ. Вел. князь отвечает, что на будущее время надо будет подумать об этом и чтобы я съездил переговорить об этом с Воронцовым, на что я возражаю, что Воронцов в Гатчине, где государь приобщается святых тайн. Выходя от вел. князя, встречаю вел. кн. Владимира Александровича, который передает мне, что по гвардейскому корпусу приглашены командиры отдельных частей. Возвращаюсь к вел. князю ген.-фельдцейхмейстеру и представляю на его благоусмотрение, что приглашенные командиры шефских батарей[37] почти равняются эскадронным командирам, а между тем им отдается предпочтение пред членами Совета. Вел. князь обещает съездить к государю, как скоро он приедет из Гатчины. В 7 час. получаю от него записку с уведомлением о согласии государя допустить членов Совета к поздравлениям.

26 [февраля]. Воскресенье. В 10 приезжаю в Аничков дворец. Съезжаются члены Государственного совета, очень польщенные приглашением. Поздравления происходят так, что императрица стоит посреди гостиной и поздравляющие подходят к ней один за другим и целуют руку. Император каждому подходящему жмет руку, в этой же гостиной находятся приехавшие для поздравлений члены императорского семейства. После поздравлений идут к обедне, но церковь так невелика, что большинство приехавших остается внизу, тут устраивается деловая биржа, тем более оживленная, чем дольше не видались присутствующие, а при нашем климате сборища всякого рода весьма редки.

У меня разговоры следующие:

1) С Толстым. *Я:* «Мы с Вами говорили о возможных кандидатах на должность попечителя наследника. Я имею назвать Вам еще одного — гр. Александра Бобринского». *Толстой:* «Было бы превосходно, но он не согласится».

2) С Даниловичем. *Я:* «Ввиду приближающегося совершеннолетия наследника я хочу предложить ему от императорского Исторического общества звание почетного члена, но не хочу этого делать без Вашего на то согласия». *Данилович:* «Я просил бы Вас подождать еще два года, когда бы он понял лучше значение важности такого назначения». *Я:* «Помилуйте, да Вы забываете, что по нашим законам он мог бы быть полновластным распорядителем наших судеб». *Данилович:* «Это так, но я желал бы оставаться верным своему учебному плану и допускать новые занятия и впечатления, когда он к ним в надлежащей степени приготовлен. От обилия впечатлений происходит излишняя рассеянность». *Я:* «Вы мне напоминаете гр. Литке, который, путешествуя с вел. кн. Константином Николаевичем, не хотел позволить, чтобы английские войска на параде приклоняли знамя пред вел. князем, потому что он имел только чин мичмана. Вам бы следовало расширять впечатления, приглашать к нему людей обедать, чтобы он слышал разговоры, дополнявшие образование школьных книжек».

3) С Гурко. *Я:* «Ну что же, добились чего-нибудь?» *Гурко:* «Да не могу добиться, чтобы собрались и обсудили поставленные мною вопросы. Обещают сделать это во вторник».

4) С Шестаковым. Разговор о том, зачем он поднес указ о преобразованиях по Морскому министерству мимо Государственного совета[38]. Доказывает, что этого не следовало, и обещает прислать оправдательную записку.

На днях между ним и вел. кн. Константином Николаевичем происходила чуть не бранная сцена. Вел. князь вызвал Шестакова (когда-то служившего у него адъютантом) и требовал, чтобы Шестаков сделал изменения в своем проекте о преобразовании Морского министерства, повторяя Шестакову, что изложение фактов в том виде, в каком их представляет Шестаков, есть подлог и т. п. Вел. князь стал возвышать голос, и Шестаков встал и вышел, говоря, что он не может слушать подобных слов. При этом Шестаков рассказывает, что был в Крыму, когда вел. кн. Константин Николаевич получил от государя чрез Головнина предписание подать в отставку. Будучи крайне раздражен, он сказал, между прочим, Шестакову, что не послушается такого приказания, и при этом прибавил: «Ну, что со мною сделает государь? Ничего он сделать не может». На что Шестаков ему возразил: «Il vous sera fait violence, et tous les hommes bien pensants seront

contre vous»*. Поразмыслив, Константин Николаевич струсил и послал требуемую просьбу об отставке.

Нерасположение к нему государя поддерживается в особенности презрением к нему, к его характеру, к его частной жизни, в которой есть неизгладимые черты; так, например, в последний день жизни покойной императрицы Марии Александровны государь Александр Николаевич объявил, что возвращается в Царское Село, откуда в тот день приехал и где проживал с Долгорукою. Все сыновья, во главе их нынешний император, стали умолять отца своего не уезжать в Царское Село ввиду отчаянного положения здоровья матери, но Константин Николаевич выступил со словами: «Что вы его мучаете, вы не понимаете, что тут вопрос не частной, семейной жизни, а отдохновения от государственных трудов на государственную пользу» и т. п. Обрадованный такой поддержкой, император уехал в Царское Село, а императрица в ту же ночь скончалась, и долгое время весть о ее смерти оставалась без сообщения детям для того, чтобы государь успел приехать. Такие сцены не прощает честное сыновнее чувство ныне царствующего государя.

После обедни завтрак и разъезд. На лестнице встречаю жену обер-гофмаршала Нарышкина, которая показывает мне висящую на ней медаль черногорского князя и прибавляет: «Этим знаком я особенно дорожу, он мне дан государем свободного народа (!?!), а здесь ведь мы живем среди рабов! — и тут же прибавила: — Не видали ли Вы Набокова, я хочу его пригласить обедать, чтобы добиться назначения в сенаторы одного своего приятеля — Дмитриева, который за воспоследованием нового университетского устава не может оставаться попечителем округа». *Я:* «Да его надо назначить министром народного просвещения». *Нарышкина:* «Будет у Вас министром грязный Волконский».

27 [февраля]. Понедельник. У вел. князя. Рассказ о том, как он поехал просить государя, чтобы Государственный совет был приглашен к поздравлению, и государь начинал находить затруднение, когда императрица решила сомнение, сказав: «Mais c'est pour laire des politesse, que nous sommes arrivés de Gatchina»**, и тут же было поручено гр. Воронцовой-Дашковой передать мужу приказание пригласить Совет. Вообще отношения между вел. князем и императрицею самые дружественные, так, возвращаясь из последней берлинской поездки, он остановился в Гатчине и, приехав во дворец, застал императрицу

*«Вас принудят, и все благомыслящие люди будут против вас».
**«Но ведь мы приехали из Гатчины для того, чтобы выполнить долг вежливости».

одну. На вопрос его: «Et bien, tu es malbeureuse d'être à Gatchino?» — императрица отвечала: «Comme je suis malheureuse». *Вел. князь:* «Et l'empereur?» *Императрица:* «Il est si heureux, qu'il a fait un pas au milieu de la chambre quaud nous sommes arrivés ici»*.

В Общем собрании чтение журнала об элеваторах; журнал чресчур большой. Железников, читая его, многое пропускает, а Галаган и Гюббенет обижаются тем, будто бы мнения их написаны не с надлежащею полнотою.

В $9^1/_2$ уезжаю на станцию Новоселье с Шуваловым, Г.С. Голицыным, Кампо-Саградо.

28 [*февраля*]. Вторник. Прекрасный, морозный (14°) день. Приехав в 6 час. в Новоселье, достигаем в $9^1/_2$ час. дер. Болотной, гоняемся за волками по лесу до $5^1/_2$ час., когда удается окружить четырех и убить трех.

29 [*февраля*]. Среда. Возвратясь домой в 6 час. утра, нахожу записку от Шестакова, предваряющего, что государь приедет в $1^1/_2$ в церковь Спиридония, что в Адмиралтействе, на похороны Лесовского, желая почтить память человека, которого особенно уважал. Разумеется, на эту церемонию приезжают все принцы, начиная с дядей императора. Константин Николаевич не может удержаться и делает грубое замечание полк. Неваховичу за то, что с эполет Лесовского были сняты шифры императора.

В 9 час. заседание у Танеева. Предлагаю прежде чем идти далее в вопросе об уничтожении чинов, представить на утверждение государя основную нашу мысль о слиянии чинов с должностями. Предложение мое принято, и моему помощнику, ст.-секр. Стишинскому, поручается написать всеподданнейший доклад.

1 марта. Четверг. Панихида в Петропавловском соборе; народа вдвое меньше, чем в прошлом году. Заседание Департамента экономии об увеличении акциза с сахара. Абаза доказывает, что производство превзошло потребности, что цены должны упасть и сахарное производство пройти через кризис, а потому время для возвышения акциза дурно выбрано. Сольский, имея в виду одни выгоды казначейства, просит назначения максимума, Абаза, как сахаровар, не противится, и представление Бунге проходит[39].

2 марта. Пятница. Обедня в Исаакиевском соборе; присутствуют все вел. князья. Обед с Швейницем, Шуваловым, Катакази. Шувалов много рассказывает о Берлинском конгрессе, представляя в жалком и

*«Ну что же, ты недовольна, что находишься в Гатчине?» — императрица отвечала: «Я очень недовольна». *Вел. князь:* «А император?» *Императрица:* «Он так счастлив, что, когда мы приехали, он сделал танцевальное па среди комнаты».

комичном виде препятствия, проистекавшие от присутствия кн. Горчакова, в то время уже совсем выжившего из ума. За несколько дней до отъезда в Берлин Шувалов обедал у государя в Царском Селе и слышал от государя сердечные опасения, чтобы конгресс не удался, потому что англичане обманывают его, Шувалова, а присутствовавший при этом военный министр Милютин прибавил, что лучше потерять все результаты войны, чем подвергнуться опасности ее возобновления.

3 марта. Суббота. У вел. кн. Михаила Николаевича. Разговор о делах, переданных в Гражданский департамент, в особенности об общественном вознаграждении, казенных заготовлениях до проекту комиссии, председательствуемой Философовым[40]. Завтракаю у дочери, Бобринской. В Государственном совете представление гр. Толстого об изменении порядка управления петербургскими тюрьмами. Колкости между ним и Набоковым[41].

Обедают у нас Гурко, Стояновский, Островский, Шестаков, Галаган. Разговор с оттенком народной политики. Островский много говорит о достоинствах Каткова, о новом журнале в том же направлении.

После обеда заезжаю во французский театр. В ложу входит Белосельский с известием, что только что кончил дело о продаже своего дома (что на углу Аничкова моста) вел. кн. Сергею Александровичу.

Раут у Набокова по настояниям его бессмысленно тщеславной жены. Кто-то из присутствующих сострил, сказав метко, что этот праздник напоминает ему прием зубного врача. Коротко, но мучительно. Встречаю здесь Рихтера и уговариваю его отстать от притязаний на титул и права главного управляющего по заведованию Канцелярией прошений, которая заменит Комиссию прошений.

4 марта. Воскресенье. Обычное извлечение из мемории. Большой обед у бар. Штиглица, сижу возле Винспиера, давнишнего адъютанта вел. кн. Михаила Николаевича, который рассказывает, что вел. кн. Ольга Федоровна до того была ненавидима на Кавказе, что между приближенными вошло в привычку говорить, что в календаре день рождения вел. кн. Ольги Федоровны следует закрыть виноградным листом. Вечер у Абазы. Петербургский попечитель учебного округа Дмитриев выставляет в грустном виде управление Делянова, которого остроумно называет армянским нулем. Упорство его в деле университетского устава приписывает тому, что Делянов получил убеждение, что он незаменим и ни в каком случае не лишится своего места. Теперешнее управление народного просвещения идет все по тому же пути умножения людей, получивших образование, не дающее им средств к существованию.

5 марта. Понедельник. У вел. кн. Михаила Николаевича. Очень взволнован полученным от кого-то сведением, что на последний парад командир Кирасирского гатчинского полка Лермонтов прислал людей первой шеренги и фланговых по железной дороге, чтобы они имели лучший вид. Разговор о похоронах Лесовского. Вел. князь утверждает, что государь в первый раз приехал на похороны простого члена Государственного совета. Утверждаю, что он был на похоронах кн. Урусова, и выигрываю пари. Завтрак у Владимира Александровича. Мария Павловна сидит, надувшись, между двумя фельдмаршалами, которые неостроумно шутят с Татищевою (рожденною Бибиковою), наслаждаясь весьма немудреными воспоминаниями ранней молодости. В Государственном совете самое коротенькое заседание, после которого комиссия об уничтожении Комиссии прошений под председательством Любощинского в последний раз просматривает проект, составленный в сущности Ковалевским. Кн. Долгорукий по обыкновению в дерзкой форме выражает избитые мысли, долженствующие служить на пользу его себялюбия. В $9^1/_2$ час. вечера с Швейницем, Шуваловым, Кампо-Саградо еду стрелять волков в Гдовский уезд.

6 [*марта*]. Вторник. Охота вследствие мороза неудачная, но разговор превеселый. Швейниц передает мне о содержании письма, полученного им от Бисмарка, который ввиду последнего нашего сближения с Германией, а также вследствие неудовольствия против Америки за последнюю выходку о Ласкере желал бы скрепить нашу дружбу материальными выгодами торговых облегчений и с этою целью предлагает сбавить пошлину с ввозимого из России в Германию керосина.

7 [*марта*]. Среда. Возвращаемся в 8 час. в Петербург. По обыкновению на столе груда бумаг, но мемория об элеваторах не возвращена из Гатчины. Визит Гирсу. Вечер за бумагами.

8 [*марта*]. Четверг. Получаю от государя меморию по делу элеваторов с такою резолюцией: «До издания общего закона о товарных складах и варрантах и до подробного рассмотрения в Государственном совете устава Русско-американского общества я воздерживаюсь от окончательного решения этого важного и опасного для России предприятия». Отправляюсь с этой мемориею к вел. князю, который, разумеется, совершенно согласен со мною в том, что такая резолюция обидна для Совета вообще, а в частности для министра финансов и остальных министров, с ним согласных, но считает, что иного ничего не остается сделать, как исполнить эту резолюцию. Я объявляю, что ни за что не объявлю такой резолюции, и прошу позволения у вел.

князя поехать в Гатчину и попытаться уговорить государя изменить эту резолюцию, опустив выражения, кои считаю обидными и совершенно излишними для направления дела. Вел. князь, конечно, на все соглашается; при этом рассказывает, что накануне завтракал в Гатчине и за завтраком, на коем присутствовали Оболенские, он (Оболенский, гофмаршал, бывший адъютант, женатый на Апраксиной) спросил вел. князя: «А что, элеваторы провалились?» К чему императрица прибавила вопрос: «Ce que vous aviez des capitaux dans cette entreprise?»* Государь же сказал: «Я еще не докончил чтения этой обширной мемории, но с делом этим уже давно знаком». Когда после завтрака государь ушел к себе в кабинет, то вел. князь стал говорить императрице о том, как жаль, что государь, состоя под влиянием Каткова и Победоносцева, руководствуется их мнениями при решении дел Государственного совета, в подтверждение этого вел. князь привел, что один член Государственного совета (не называя Шувалова) был в Москве на другой день после заседания Государственного совета по делу элеваторов и слышал от Каткова подробное описание всего происходившего накануне в зале Совета. На что императрица сказала: «Comme c'est dommage, il faudrait le dire à l'empereur»**. На это вел. князь возразил, что говорить что-либо государю по делу, уже выслушанному в Государственном совете, не в его правилах. О Победоносцеве императрица сказала: «Mais il ne vient plus du tout chez l'empereur»***. На что вел. князь отвечал: «Mais en revanche il écrit des lettres»****.

Вернувшись домой, пишу государю письмо с просьбою меня принять, а также посылаю донесение о смерти скончавшегося в этот день на 93-м году гр. Владимира Федоровича Адлерберга.

В 7 час. обед у французского посла ген. Аппера; и он, и она — очень милые люди. Вечер у Ребиндера в квартире председателя Департамента уделов.

В этот же день в 6 час. приезжает из Вены мой приятель, кн. Лобанов, и останавливается жить у нас.

9 [марта]. Пятница. Продолжительная болтовня с Лобановым, который, как всегда, всем доволен; приехал навестить приятелей; по всей вероятности, устроит свидание нашего государя с австрийским императором. Обедают друзья Лобанова: Тимашев, Пален, Дондуков, Б. Голицын.

---

*«Разве у вас были капиталы в этом предприятии?»

**«Как это досадно, надо было бы сказать об этом императору».

***«Он больше не бывает у императора».

****«Но зато он пишет письма».

Вечером раут у Швейница в честь дня рождения германского императора. Присутствуют все вел. князья в прусских мундирах. Вел. кн. Владимир рассказывает о случае, бывшем на его охоте: медведь бросился на полк. Васмунта.

10 *[марта]*. Суббота. Похороны гр. Адлерберга. Государь приезжает к 11 час. Несет гроб и шествует за колесницею верхом. Погода ужасная. В Государственном совете дело о соединении почт с телеграфами в руках Безака[42].

11 [марта]. Воскресенье. Завтрак с Влангали у Гагариных. Обедают Николаи, Бунге, Влангали. Лобанов много рассказывает интересного о несомненности успеха реформы в Англии, о положении в Австрии, о последних тамошних мерах против социализма.

Вечер у Абазы, который передает, что Шереметев узнал от государя о его резолюции по делу об элеваторах и передал Дурново.

12 [марта]. Понедельник. В 11 час. у вел. кн. Михаила Николаевича. Разговор о завтрашней поездке в Гатчину, о необходимости представить положение Совета и т. п. Вел. князь желает, чтобы я сообщил все вел. кн. Владимиру, что я и делаю. Завтрак у Владимира без вел. княгини, которая будто бы больна, и без Перовского, который на этот раз слаще жует в Гатчине. В Государственном совете проходу мне нет от вопросов об элеваторах. После заседания осмотр нашего училища с Аппером и его дочерьми.

В 8 час. является Анненков, добивающийся доклада в Департаменте законов дела о железнодорожном законе. Бар. Николаи не считает еще себя довольно приготовленным. Рассказы о Розенбахе, наглупившем при производстве дознания об офицерах Мингрельского полка, обвинявшихся в политическом преступлении[43].

В 9 час. у гр. Александра Владимировича Адлерберга. Разговор о предположениях, касающихся изменений в законе об учреждении об императорской фамилии; Адлерберг опасается умножить дурные отношения членов царского семейства и прежде всего нерасположения их к государю. В его словах чувствуется то, что так редко, — доброе человеческое чувство и желание мира, при всем том, конечно, большое нерасположение к преемнику Воронцову-Дашкову, который под влиянием всяких проходимцев легкомысленно ломает прежние порядки Министерства двора, не заменяя их ничем прочным. В качестве карикатурной иллюстрации гр. Адлерберг рассказывает ходящий по городу анекдот о том, будто бы в собрании главных деятелей Министерства двора обсуждался какой-то вопрос, к коему был приглашен и Ингамо, италианец, служивший прежде дворецким у Воронцова и впоследствии рекомендованный им нынешнему государю, когда он

был еще наследником. Ингамо сказал: «Monsieur le comte, le géneral Martynoff ment»* (шталмейстер). На замечание Воронцова о неуместности таких выражений он отвечал: «Voulez-vous parier, monsieur le comte?»** Эта остроумная выдумка весьма метко очерчивает порядки воронцовского управления.

13 марта. Вторник. В 9 час. захожу к своему жильцу Лобанову, который накануне был в Гатчине, был принят любезно, но о делах почти не было разговора: больше всего говорили о положении австрийских эрцгерцогов вследствие записки, сообщенной по этому предмету Лобановым, которому я писал об интересе, придаваемом государем вопросу об изменении закона 5 апреля 1797 г.[44] В 10 час. сажусь на поезд с Гирсом, который едет в свой обычный докладный день, и Оомом, секретарем императрицы, ограниченным, хотя, сколько мне известно, честным человеком, который с большим одушевлением рассказывает о мелочных неприятностях, делаемых Гротом Е.Ф. Раден, которая избрала его на место главноуправляющего учреждениями императрицы Марии, а теперь не знает сама ни что с ним делать, ни как от него отделаться.

К 12 час. прихожу в приемную государя, где застаю Гирса, ожидающего окончания доклада военного министра. После Ванновского государь принимает меня и начинает так: «Вы хотели меня видеть, чтобы переговорить об исполнении моей резолюции по делу об элеваторах. Я до получения мемории Государственного совета ни с кем не говорил об этом деле, но, прочитав внимательно всю меморию, убедился, что в этом виде дела решать нельзя». *Я:* «Государь, сегодня дело это у меня на десятом плане. Я приехал не для того, чтобы говорить об этом деле, а для того, чтобы просить у Вас, как милости, смягчения приговора над Государственным советом». *Государь:* «Как? Почему?» *Я:* «В резолюции Вашей Вы написали, что дело это опасное для России». *Государь:* «Да, я нахожу весьма опасным связываться с американскою компаниею, главные лица коей совершенно неизвестны, потому что Дурново и Демидов лишь подставные лица, имеющие известные выгоды. Мы должны были заплатить 7 млн., чтобы развязаться с одним американцем Вайненсом[45]; мало ли каких неприятностей мы должны ожидать от целой компании. Я уверен, что это дело дошло до Государственного совета или по проискам, или потому, что было заплачено в Министерстве финансов. Во всяком случае представление Бунге было очень легкомысленное». *Я:* «Во всяком случае слово

* «Граф, ген. Мартынов лжет».
** «Не желаете ли вы, граф, пойти на пари?»

«опасное» не будет понято так, как Ваше величество его понимаете. Оно будет обращено к гр. Баранову, который председательствовал и в департаментах, и в Общем собрании, ко всем почти министрам Вашим, к большинству Государственного совета, ко всем тем людям, на коих Вы возложили заботы об успехах экономической жизни государства. Люди эти Вам всецело преданы, они крайне добросовестно трудились по этому делу, и вдруг Вы им объявите, что они в своей близорукости не поняли, что они предлагают Вам принятие опасной для отечества меры. Не хотите Вы, чтобы предприятие это осуществилось, я Вам ручаюсь, что оно исчезнет».

Государь: «Да нет, я очень хорошо знаю пользу, принесенную элеваторами хлебной торговле в Америке. Я хочу только, чтобы устав общества был подробно рассмотрен». *Я:* «Как Вы хотите, государь, чтобы Государственный совет рассматривал такое дело, об опасности коего Вы заранее выразили мнение. Свободы обсуждения не будет, и в Совете на будущее время будут составляться мнения, направленные к тому, чтобы Вам понравиться. Я здесь скоро полтора года, поверьте мне сегодня на слово, что резолюция Ваша опечалит, обидит тех лиц, коих я сейчас упоминал, в частности о министре финансов я Вам ручаюсь, что никакого денежного злоупотребления не было. У министра финансов слишком много других государственных забот. Из всех министров он почти один вносит в Совет серьезные дела и подвергается нападкам; это дело ничего серьезного для него не представляло. Недостатки нашей хлебной торговли слишком известны; являются люди с 25 млн. руб. на предприятие, долженствующее улучшить нашу хлебную торговлю. Бунге вносит все это на обсуждение коллегиального учреждения и заранее готов подчиниться решению этого места, не придавая решению особенной важности, но здесь, к сожалению, дело раздувается в подобные размеры, когда рядом среди гробового молчания проходят такие важные дела, как, например, возвышение поземельного налога»[46]. *Государь:* «Я не понимаю, почему вообще дело это попало в Совет». *Я:* «Потому что речь идет об учреждении общества, выдающего варранты[47], а закона о варрантах еще не существует, так что Государственному совету приходилось в данном случае создавать, так сказать, специальный для этого дела закон. Вот почему я нахожу прекрасною Вашу мысль о том, чтобы разрешение дела отложить до тех пор, когда состоится закон о варрантах, и моя нижайшая просьба в том, чтобы ограничиться этою резолюциею». *Государь:* «Ну хорошо, так передайте Михаилу Николаевичу, чтобы объявить только первую часть резолюции, а второй части не объявлять». *Я:* «Да ведь это подлог. Я обязан объявить Вашу резолюцию сполна». *Государь:* «Но Вы не обязаны ее показывать. Положите ее в архив».

Я начинал чувствовать, что все мои усилия разобьются о решимость не уничтожать раз данную резолюцию, и тогда прибегнул к последнему и крайнему средству. Я сказал: «Не требуйте от меня, государь, чтобы я сохранил в архиве Совета на память потомству такую резолюцию, которая не безупречна в отношении правил русской речи. Прочитайте внимательно написанное Вами, и Вы увидите, что Вы написали: «Решить предприятие». Можно решить дело, можно разрешить предприятие, но нельзя решить предприятие». *Государь:* «Да. Я заметил это сам, написавши». *Я:* «Я очень хорошо понимаю, что Вы были взволнованы порывом негодования, потому что Вам казалось, что тут есть денежное злоупотребление; вот Вы сгоряча и написали эти слова, но оставить их нельзя». *Государь:* «Ну, так что же делать?» *Я:* «Резолюции этой не видал никто, кроме вел. кн. Михаила Николаевича, по приказанию коего я рассказал все дело Владимиру Александровичу. Я привез Вам белый лист со словами, находившимися на листе, на коем изложена Ваша резолюция. Напишите мне новую резолюцию, я вошью ее в меморию, и никто ничего не заметит». Государь взял мой белый лист и написал слова: «Отложить до рассмотрения общего закона о варрантах», потом вырвал лист с прежнею резолюциею, зажег его на свече и бросил в камин. Я встал и низко поклонился, сказав: «Благодарю Вас за то, что Вы дали мне возможность сослужить Вам службу так, как мне велит моя совесть».

Когда резолюция была заменена, то я прибавил: «Государь, по этому делу страсти очень натянуты, потому что речь идет о барышах. Железнодорожные компании входят в союзы с банкирами и действительно монополизируют на некоторых линиях хлебную торговлю, выдавая и ссуды и варранты, принимая хлеб на комиссиях для продажи, — все это делается учреждениями, имеющими в руках перевозочные средства, не обязывающимися никакой постройкою элеваторов и поддерживающими агитацию в журналах. Я крайне сожалею, что при невозможности Вас видеть не мог сказать Вам все это заранее. Мне хотелось бы иметь возможность видеть Вас ночью в темном углу без всякой претензии на почести всеподданнейшего доклада, тогда по этому делу произошло бы то же самое, что по вопросу об упразднении Комиссии прошений; если бы я не имел случая узнать Вашу мысль, то Вам бы представили проект учреждения нового министерского поста, а теперь об этом не будет и речи. Позвольте воспользоваться случаем и узнать мысль Вашу и еще по одному делу. Министр внутренних дел внес представление об ограничении семейных разделов крестьян». *Государь:* «Да, я читал это представление и одобряю его». *Я:* «Но вопрос этот касается семейного крестьянского быта.

Неужели его разрешать канцелярским порядком в Государственном совете? Не следует ли пригласить и выслушать людей, ближе стоящих к этому делу, например предводителей дворянства или членов крестьянских присутствий, и притом из различных местностей?» *Государь:* «Конечно». *Я:* «Но если бы я не слышал Вашего мнения, то легко могло бы возникнуть опасение услышать в журналах известия о созыве какого-нибудь парламента» и т. д.

Уходя, я обратил внимание на раскрашенный фотографический портрет государя, только что им полученный, и на вопрос о том, кто делал этот портрет, я получил в ответ, что сам государь не знает, чья это работа. Когда я выразил сожаление, что, не зная адреса, не могу его купить, то государь сказал мне, что пришлет мне свой портрет.

Из дворца иду пешком на станцию железной дороги вместе с Ванновским, который жалуется на интриги и противодействие Воронцова, который постоянно пытается вмешиваться в дела военного управления и в особенности в личные вопросы.

В вагоне опять присоединяется скучный Оом с бесконечными рассказами о том, как он состоял при цесаревиче Николае Александровиче, как покойного готовили к совершеннолетию и как для нынешнего наследника ничего не делается, как вообще с ним обращаются, как с ребенком. Оом, между прочим, сообщает интересный факт, ознаменовавший его доклад императрице в этот самый день. Императрица очень желала купить альбом умершего архитектора Монигетти с рисунками церкви, построенной им в Ливадии; цена альбому назначена была в 5 тыс. руб. Приходя к докладу, Оом спросил окончательного приказания императрицы об этой покупке, прибавив, что он получил просьбы нескольких сосланных в Сибирь семейств, кои получили прошение и по заверению ген.-губернатора заслуживают того, чтобы быть возвращенными в Россию на прежнее место жительства, но не имеют на то денежных средств. Императрица, не колеблясь, отказалась от покупки и приказала отправить 5 тыс. этим ссыльным. Бюджет императрицы — 200 тыс. в год на личные издержки. Из этой суммы она тратила лишь 50 тыс., отдавая все остальное на благотворительность.

По приезде в Петербург отправляюсь прямо к вел. кн. Михаилу Николаевичу, который ожидает меня нетерпеливо и, увидав новую резолюцию государя, кричит «ура». Узнав от меня в общих чертах о происходившем, горячо меня благодарит и, как высшую награду, предлагает чашку чая из рук вел. кн. Ольги Федоровны. Вслед за тем все трое усаживаемся у окна и начинается критический разбор всех гуляющих в это время по Дворцовой набережной.

Обед дома втроем с Лобановым. Вечер с ним же у Е.Н. Нелидовой; вист при участии Нессельрода, Абазы, Убри и пр.

14 марта. Среда. Завтрак с Лобановым и Бисмарком, который настаивает на желании Германии войти в торговое с нами сближение. Француз из Рубе, желающий устроить в Москве фабрику для чесания шерсти. Моя внучка, Бобринская, начинает проявлять признаки умственного существования. Обедают Абаза, Убри, Нессельрод, Влангали, Лобанов. Вечером Кампо, Балашов. Указ о приостановлении действия закона, представляющего пожизненным владельцам совершать контракты на имения, ими владеемые, далее пределов их собственной жизни[48]. Задача была в том, чтобы помешать кн. Воронцовой под этим видом отсудить имения, после мужа доставшиеся ей в пожизненное владение.

15 [*марта*]. Четверг. Из Совета захожу к вел. князю, который рассказывает, что накануне был в Гатчине, что участвовал в медвежьей охоте, на которой присутствовала императрица. После охоты был обед, а после обеда государь около получаса разговаривал с присутствовавшими. Когда государь уходил, то вел. князь догнал его в дверях и сказал: «Благодарю тебя за то, что ты вчера сделал». На это государь отвечал, что никак не хотел обидеть кого бы то ни было, а тем менее гр. Баранова и что от меня узнал о подробностях, которых не знал.

Вслед за тем императрица подозвала вел. князя и сообщила ему, что государь передал ей сущность разговора со мною и что как она, так и сам государь весьма довольны исходом этого объяснения.

16 [*марта*]. Пятница. В 10 час. у Салтыковского подъезда Зимнего дворца беру вел. кн. Алексея Александровича и вместе едем охотиться к Шувалову на Пороховые заводы; охота не удается, но разговору с Алексеем Александровичем, которого люблю, много. Упрекаю его в том, что не соображает средства государства при своих требованиях по флоту; повторяю ему все то же, что он не моряк только, а государственный министр и вел. князь. Сознается в необходимости большого единства в управлении и, быть может, необходимости отложить на некоторое время постройку броненосцев. Упрекаю его в несоразмерном назначении пенсии Лесовского вдове, а главное — назначении не снесясь с министром финансов; оправдывается чрезвычайными заслугами Лесовского и тем, что во всяком ином государстве пенсия была бы не менее. Я сомневаюсь. Особенно лестно говорит о Чихачеве как будущем министре финансов. Указывает на необходимость выработать правила для специализации карьеры морской, а по ее примеру и в других ведомствах.

За завтраком вел. кн. Владимир Александрович рассказывает, что Зичи пишет его портрет для Розенбаха, бывшего его начальника штаба, назначенного туркестанским ген.-губернатором. Я замечаю, что вел. князь давно обещал мне свой портрет и не исполнил обещания. На это вел. князь Алексей Александрович возражает: «Что же тут удивительного, Розенбах ему расточает комплименты, а Вы только говорите неприятные истины».

17 [*марта*]. Суббота. В Государственном совете представление Мирского о техническом училище в Новочеркасске отлагается только потому, что Делянов заявляет, что дело это принадлежит по компетенции к Министерству народного просвещения.

Неудобоедомый обед у Гирса в честь австрийского посла Волькенштейна. В $9^1/_2$ час. уезжаю на медвежью охоту.

18 [*марта*]. Воскресенье. Охота неудачна, но погода превосходна. Возвращаюсь в $8^1/_2$. Разговор с Сашею о недостаточности в нем воли, энергии, интереса к занятиям.

19 [*марта*]. Понедельник. Обычный pseudo-доклад у вел. кн. Михаила Николаевича. Он требует, чтобы дело о продлении договора с обществом «Кавказ и Меркурий» было отложено, потому что он не успел прочитать всей записки[49]. К обществу не расположен по прежним столкновениям кавказского управления. У вел. кн. Владимира Александровича застаю Марию Павловну одну с тремя детьми, весьма неблаговоспитанными, шаловливо кувыркающимися под ногами. Она жалуется на недостаток денежных средств, невозможность купить имение; советую ей устроить майорат. Вел. князь опаздывает к завтраку, ходил осматривать казармы, что в крепости. Когда спускаемся по лестнице, то из каких-то боковых дверей выскакивает Посьет и спрашивает у вел. князя, правда ли, что по вопросу о постройке стратегических железных дорог состоялась высочайшая резолюция, передающая дело Военному министерству. Вел. князь отвечает, что ничего не знает, и мы садимся вместе в мою карету, где я похваляю его ответ. В Совете узнаю, что резолюция эта действительно состоялась. Глупый Посьет настаивает на том, чтобы отложить дело об образовании общества петербургских лоцманов[50].

После заседания Зичи весьма удачно рисует карандашом мою голову для своих коронационных работ.

20 [*марта*]. Вторник. Обед в честь старухи Бутурлиной, сохранившей чрезвычайную свежесть чувства, мысли, любезность, подвижность. Анненков является рассказать, будто Посьет подал просьбу об увольнении от должности.

21 [*марта*]. Среда. Передвижная выставка в доме кн. Юсупова[51]. Хорошие портреты Крамского. Захожу к Победоносцеву, который только что вернулся из Гатчины, где имел первый урок с цесареви-

чем, которого приготовляет к принятию присяги; приготовление заключается в толковании основных законов империи. Хвалит способности мальчика, который, быть может, слишком педантически и медленно проходит определенный Даниловичем курс занятий. Недостаток общения с людьми. Победоносцев, узнав о приключении с Посьетом, называет кандидатом на это место Каханова, в чем я его поддерживаю на том основании, что железнодорожный вопрос в теперешнем его фазисе есть для нашего правительства вопрос финансовый, а не технический вопрос упорядочения управления, что Каханов сумеет сделать лучше другого. Вошедший во время этого разговора Островский по свойственной чиновнику привычке все осуждает и ничего предложить не имеет.

Обедает Зичи, который показывает превосходные свои рисунки как подготовление для акварельных сцен коронации.

Вечер у Делянова по обязанности службы ввиду рассмотрения университетского устава.

22 [марта]. Четверг. Захожу на несколько минут в Государственный совет, а потом еду на совещание у Стояновского по проекту об экспроприации. Совещание хаотическое и вследствие неуменья Стояновского председательствовать не приводящее ни к какому результату. Обед с Лобановым и Штендманом.

В 9 час. заседание комиссии об уничтожении чинов. Принуждаю Танеева представить государю журнал по сему предмету, написанный у меня в Государственной канцелярии[52]. Отвергаю предложение упоминать в этом журнале о записке гр. Уварова 1847 г., записке весьма пустой, поверхностной и даже не всегда осмысленной[53].

23 [марта]. Пятница. Захожу к Островскому, весьма комично обитающему в богатых палатах, выстроенных в качестве украшающих дворец вел. кн. Марии Николаевны флигелей, обновленных великолепным гр. Киселевым и попавших теперь гоголевскому чиновнику. Везде казенные курьеры и чиновники, несущие обязанности лакеев. Островский с претензиями на все, не исключая искусства. Уговариваюсь с ним о ходе в Государственном совете дела об экспроприации[54]. Заявляю ему полное свое несогласие в оценке им I департамента Сената, надеясь, что это заставит его молчать или по крайней мере смягчить тон его отзывов, почти ругательных, в отношении как учреждения, так и лиц, его наполняющих, в особенности Арцимовича.

Разговор с Эстеррейхом о громовском деле торга лесом.

Визит Бунге. Относительно нового предлагаемого им займа ничего не имею сказать против, но относительно конверсии серий в $5^1/_2$ ренту можно многое сказать.

Бунге показывает мне записку, представленную им государю, в коей Бунге доказывает необходимость привести в порядок финансы, и прежде всего уравнять расходы с доходами, тогда как за первые два месяца военный и морской министры требуют 15 млн. сверхсметных, да министр путей сообщения — 7 млн. на стратегические железные дороги. Все это на том основании, что Россия не должна потерять своего места в ареопаге великих держав, на что Бунге справедливо замечает, что место будет потеряно, если нечем будет платить за первые потребности государственного управления. Он считает, что трон укрепится против нигилистов, если благоразумным финансовым управлением правительство станет, подобно Бисмарку, приходить на помощь низшим сословиям*. На записке резолюция государя: «Все это грустно, но совершенно верно»[55].

«Вот видите, — говорит мне добрый Бунге, — как я смело выражаю свои убеждения, а Вы меня обвиняете в слабости».

Я: «Я Вас обвиняю в том, что, раз высказавшись, Вы недовольно твердо отстаиваете свои убеждения».

Обед с Бобринским. Я и он как оставшиеся в живых душеприказчики Карамзина решаем из остающихся по ликвидации денег 20 тыс. отдать на дворянский пансион, а 16 тыс. на две кровати для больных раком. В этот день я после разговора с Месмахером подписываю просьбу о передаче нашему Рисовальному училищу соседнего места, занятого винным складом Фокерота.

Вечер за представлениями Набокова.

24 [марта]. Суббота. Завтрак у Бобринских. Заседание Департамента законов. Объяснение с Стояновским о необходимости упорядочить обсуждение дела об экспроприации. В 2 часа у вел. кн. Михаила Николаевича. О делах разговор непродолжительный, вслед за тем вел. князь говорит: «Теперь канканы» — и начинает следующие характерные по ничтожности содержания рассказы: «На этой неделе у нас обедала гр. Богарне и после обеда, подойдя к вел. кн. Ольге Федоровне, сказала: «Est-ce vrai, madame, que vous avez raconté que vous m'avez fui l'autre jour en me trouvant dans la loge impériale au cirque?»** А Мария Павловна хороша. После кавалергардского каруселя[56] поехала ужинать к кн. Барятинской, где играл конногвардейский хор, и она таки настояла, чтобы танцевать, и танцевала до 6 час. на глазах у солдат, которые должны были видеть в ней неправославную, нарушающую православные обычаи. На днях Ольга

* *На полях против этого текста в скобках поставлен знак вопроса.*

** «Правда ли, ваше высочество, будто вы рассказывали, как избегали встречи со мной, когда я находилась в императорской ложе в цирке?»

Федоровна послала к Марии Павловне узнать, дома ли она? Ответ: «Дома». Ольга Федоровна едет и, подъезжая, видит две коляски; подымаясь по лестнице, встречает человека, несущего три чашки с окурками папиросок; входит в комнату и застает Марию Павловну одну. Оказывается, что бывшие там кн. Барятинская, Юрий Лейхтенбергский и Перовский, чтобы не встретить Ольги Федоровны, ушли через другой ход. Вчера был я на собачьей выставке, и меня чуть не сбил с ног какой-то морской офицер, а когда я начал с ним говорить, то он даже не приложил руки к козырьку. Я написал Шестакову, который сегодня утром меня уведомил, что виновный — лейтенант Маслов, хотя и объявивший, что вернулся недавно из дальнего плавания и не знал моего высочества, посажен на месяц под арест. Это уведомление я послал Драгомирову, начальнику военной академии, которому я тоже на днях отправил одного из подчиненных ему офицеров, который не отдал мне чести, причем Драгомиров, по словам его, удовлетворился раскаянием виновного и удовольствовался сделанием ему замечания. Посылая Драгомирову письмо Шестакова, я написал: «Вы увидите из прилагаемого письма, что у нас различные ведомства различно смотрят на вопросы дисциплины». Обед у Скарятиных.

25 [марта]. Воскресенье. Завтрак у Гагариных с Лобановым и Влангали. Послом в Лондон окончательно назначен Сталь, прекрасный человек, но весьма пожилой, не знающий по-английски и при недостатке собственных средств и семействе долженствующий жить весьма расчетливо. На место Сталя в Штутгарт было предложено королеве Вюртембергской[57] четыре кандидата: Ники Долгорукий (берлинский военный агент), кн. Урусов (посланник в Бухаресте), Струве (в Вашингтоне) и Фредерикс (директор Хозяйственного департамента в Министерстве иностранных дел). Королева избрала последнего.

В 2 часа заседание Финансового комитета. Утверждается представление Бунге о выпуске консолидированных облигаций железных дорог[58]. Заявляю о необходимости в интересах кредита приблизить этот тип бумаги к типу облигаций и отдалить от типа государственного фонда. Отчего не выпускать этих облигаций для каждой отдельной линии? За меня — Рейтерн и Бунге, против — Абаза и Грейг.

Захожу к Шестакову, уговариваю его не отступать от необходимости решить завтра дело о петербургских лоцманах, предоставя упрямому Посьету составлять в дополнение лоцманские правила для своего нового канала.

Обедают совсем обветшавший и полинявший Валуев, тупой Грот, неблестящий Гирс да еще приехавший на днях, чудесно исцеленный

Лопухин-Демидов. Разговор с Воронцовым-Вельяминовым о покупке моршанского имения Кулики.

26 марта. Понедельник. У вел. кн. Михаила Николаевича. Опять настояния на том, чтобы не предоставлять обществу «Кавказ и Меркурий» 15-летней привилегии[59]. Силюсь доказать, что подобное вмешательство не в роли председателя Государственного совета, и запугиваю тем, что обвинят в податливости перед Константином Николаевичем, который зол на Жандра за то, что он писал проект реформы Морского министерства. За завтраком у вел. кн. Владимира Александровича оба фельдмаршала[60] спорят о размещении своих сыновей в подлежащих дворцах. Разговор с Боком о порученной ему гранильной фабрике. В Государственном совете предварительное совещание с военным и морским министрами, выставляющими как необходимость во всякое время иметь возможность перевозить войска, так и отсутствие всяких иных средств, кроме тех, коими располагает общество «Кавказ и Меркурий». Мой председатель поставлен в необходимость сдаться.

Перебаллотировка в яхт-клубе двух забаллотированных иностранцев. Обед у бар. Штиглица.

Посылаю государю доклад об увольнении меня на две недели в заграничный отпуск.

Визит бар. Велио, мечтающего о назначении членом Государственного совета. П.И. Бартенев приезжает просить возможности видеть вел. кн. Владимира Александровича, продолжать издание воронцовского архива и т. п.[61]

Еще разговор с Воронцовым-Вельяминовым о покупке имения.

27 [марта]. Вторник. В $12^1/_4$ завтрак у вел. кн. Михаила Николаевича. По обыкновению сижу возле вел. княгини и слушаю нескончаемые сплетни. Вел. князь ко мне: «Вы ошибаетесь, если думаете, что я доволен своим поведением во вчерашнем деле о «Кавказе и Меркурии». *Я:* «А я, Ваше высочество, очень доволен своим поведением, которое имело последствием такой исход дела». Затем тщетно стараюсь объяснить и ему и вел. княгине, как неуместно вмешательство со стороны председателя Государственного совета в финансовое распоряжение, не имеющее ничего законодательного, а носящее характер личных влияний и интересов.

Заезжаю проститься к Бобринским, включая и стариков, к Всеволожским, где продолжает свирепствовать корь.

Обед с Воронцовым-Вельяминовым. Кавалергардский карусель на манер похоронного шествия. Просмотр альбомов, гравюр из училища.

28 [марта]. Среда. Поприбрав свои бумаги и позавтракав в обществе Лобанова и Бисмарка, в $1^1/_2$ уезжаю в Амстердам с Питом и двумя его наставниками, Blanc и Соколович.

30 [марта]. Пятница. Berlin. Kaiserhof. Продолжительное свиданье с Долгоруким.

31 [марта]. Суббота. Обед с Долгоруким и Сабуровым, который не в состоянии переварить свое увольнение и собирается предпринять путешествие в Индию только для того, чтобы около его имени продолжался какой-нибудь шум. В $9^1/_2$ отъезд в Амстердам.

1 апреля. Воскресенье. В $9^1/_2$ утра приезд в Амстердам. Все заперто по случаю Пасхи.

2 [апреля]. Понедельник. Свиданье с Мецгером, который объявляет, что здоровье Пита гораздо лучше, чем следовало заключить из отзывов петербургских врачей. Кости здоровы, а хворают одни мускульные связки; необходимо лечение массажем в течение месяца, а потом соленые ванны в Рейхенхале[62].

[12 апреля]. До среды 11 апреля остаюсь в Амстердаме, присматриваюсь к лечению, шатаюсь по городу, покупаю кой-какое старье и, между прочим, гравюры и рисунки для училища. В среду в 9 час. выезжаю из Амстердама; в $10^1/_2$ час. вечера достигаю Берлина, откуда до Петербурга путешествую в обществе Швейница.

13 [апреля]. Пятница. В 6 час. приезжаю в Петербург и на короткое время заезжаю на вечер к бар. Штиглицу.

14 [апреля]. Суббота. В $10^1/_4$ час. у вел. кн. Михаила Николаевича, который очень доволен: а) приездом своей дочери Анастасии Михайловны Мекленбургской, б) тем, что государь поручил ему осенью осмотреть войска Киевского и Одесского округов. О советских[63] делах почти нет разговора. В мое отсутствие мой превосходный Боголюбов, несмотря на свою дикость, никакого промаха не сделал. Объяснения с Аракиным по вопросу о прекращении существования Комиссии прошений, исправлял написанный им журнал. В 1 час заседание соединенных Департаментов о передаче больниц и богаделен, учреждений императрицы Марии, в ведение города. Ст.-секр. Грот и его директор Ордин беспощадно уничтожаются представителем города Лихачевым, который говорит отчетливо, убедительно и в особенности сдержанно. К 6 час. выхожу из заседания. Вечером заходит Влангали. В 11 час. с вел. кн. Владимиром едем на охоту. К глухарям за глубиною снега подойти невозможно, и мы стреляем тетеревей. Дорогою разговор о положении имущественном и почетном членов императорской фамилии. Владимир Александрович ничего не знает о мыслях императора, жалуется на затруднительность жить теперешними сво-

ими средствами, на то, что удельные имения, дурно управляясь, не дают надлежащего дохода. О делах и отношениях главных лиц ничего не знает. Возвращаемся домой в 8 час. утра.

15 [апреля]. Воскресенье. Утомительный день бракосочетания вел. кн. Константина Константиновича с принцессою Саксен-Альтенбургскою. Нас собирают к $12^1/_2$ час., а отпускают в $3^1/_2$. Лютеранская церемония происходит в Александровском зале, где находится портрет императора Александра I. На мой вопрос, когда был писан этот портрет, гр. Александр Владимирович Адлерберг рассказывает, что помнит мастерскую Доу в Зимнем дворце и то, как император Александр ходил туда для написания этого портрета, прибавляет, что хорошо помнит Александра I, который ежедневно после парада приезжал в Аничков дворец к вел. кн. Александре Федоровне.

Александр Владимирович Адлерберг помнит и императрицу Марию Федоровну, которая однажды заставила его играть с нею в шашки и проиграла ему две партии. Во время разговора моего с гр. Барановым пристает надоедательный Островский (желающий непременно вылезть в важные государственные люди) и начинает доказывать необходимость писать протокол каждому заседанию Совета, а не один общий по всему делу журнал; в подтверждение своего мнения приводит, между прочим, такой аргумент, что после продолжительного промежутка времени сами члены забывают свои мнения и журнал является нисколько не выразителем этих мнений. Стоящий возле Абаза говорит: «Помилуйте, Михаил Николаевич, это всегда так будет, покуда будут члены, которых мнения будут писаться где-нибудь в Торжке» (намекая на Каткова, вдохновителя Островского и др.). Замечание это прекращает разговор.

Между церковною церемонией и обедом остается так мало времени, что некогда ехать домой. Остаюсь в Государственной канцелярии и при помощи Каханова и Фриша уговариваю Победоносцева не спорить против проекта передать с уничтожением Комиссии прошений в особое сенатское присутствие жалобы на решения департаментов Сената.

В $5^1/_4$ час. обед на 780 человек. Все оканчивается чинно, великолепно и благополучно. В $8^1/_2$ куртаг в Георгиевском зале. В углу стоит тот ломберный стол, за которым императрица Екатерина сиживала, пропуская мимо себя шествие придворных. После бала несколько знакомых собираются ко мне в Государственную канцелярию, чтобы посмотреть на проезжающую под окнами в золотых каретах процессию.

16 [апреля]. Понедельник. В 11 час. у вел. кн. Михаила Николаевича. О делах говорим немного, больше сплетничаем. Любезно при-

глашают меня к завтраку, чтобы познакомиться с дочерью Анастасиею Михайловною Мекленбургскою, которая во всех отношениях мила. За завтраком Ольга Федоровна по обыкновению изощряет злословие, а сидящий возле меня младший 7-летний сын Алексей расспрашивает о том, что впервые видел вчера на выходе в Зимнем дворце. Очень живой и бойкий мальчик; его особенно поразили лица и костюмы представителей иностранных государств и, разумеется, всего более государств азиатских. Зайдя к вел. кн. Владимиру Александровичу извиниться в том, что не могу у него завтракать, слышу от него, что он желал бы устроить выставку старинного французского серебра; соглашаюсь дать свое под условием, чтобы выставка имела место у нас в Рисовальном училище.

В Государственном совете несколько серьезных дел, кои по обыкновению, не возбуждая личных страстей, проходят при полном безмолвии. После заседания иду смотреть выставленные в Эрмитаже глиняные фигуры (танагра) коллекции Сабурова. Очень рад, что удалось мне содействовать к тому, чтобы и эти вещи не ускользнули от России, столь бедной художественными произведениями.

В $8^1/_2$ час. парадный спектакль в честь новобрачных — один акт оперы Серова и один акт балета Трубецкого. Сижу возле двух генералов, Еллиса и Тимофеева. Первый рассказывает об интересном изобретении нового магазинного ружья одним русским офицером[64], второй — о храбром в действительности поведении вел. кн. Владимира Александровича на войне, и в особенности в деле при Мечке[65].

17 [апреля]. Вторник. Продолжительное объяснение с Железниковым по журналу об университетской реформе. Завтрак с Бисмарком, много хорошего, но полная бесформенность. Объяснение с Шидловским о технологическом в Харькове институте: высшее или среднее учебное заведение? Я заручился вчера согласием гр. Толстого на учреждение высшего. Осмотр в Рисовальном училище вновь устроенной библиотеки и исполненных для балашевского бала вееров. Обед с Влангали. Политическое бессмыслие военного министра, который хочет нынче летом сделать опыт мобилизации в Брест-Литовск в то самое время, когда идут успешные переговоры о свидании с австрийским императором в видах упрочения мира.

18 [апреля]. Среда. Бал у Балашевых с присутствием их величеств, королевы греческой[66], Анастасии Михайловны, Марии Павловны и пр. Несмотря на необширность помещения (в доме Чернышева, на Малой Морской), все устроено со старанием, изяществом и роскошью, необыкновенное обилие цветов, выписанных из Парижа. Играю в «quinze» с государем, Владимиром Александровичем,

Воронцовым, Дурновым, принцем Альтенбургским; и государь и вел. князь, по счастью, играют без всякого увлечения, исключительно с целью быть чем-нибудь занятыми, а не принужденными скитаться по гостиным и любезничать (что, впрочем, не мешало бы, особенно в отношении старших из присутств[овавших]). Особенное на себя внимание обращает Г.И. Чертков с отрезанными ногами в кресле на колесах. Несколько лет тому назад, во время пребывания в Петербурге германского императора, германский посол кн. Рейсс давал бал в этой самой зале; Чертков танцевал с цесаревною, нынешнею императрицею, и по ее приказанию сидел возле нее, не заметив, что в это самое время в дверях залы показались оба императора. Государь Александр II сделал ему за это при всех строгое и резкое замечание, суровость коего приписывали нелюбезности Черткова в отношении кн. Долгорукой. На этот раз Чертков сидел в своих креслах, не имея возможности встать, а его окружали дамы императорской семьи.

За ужином распотешила общество Нарышкина, жена обер-гофмаршала, рожденная Чичерина, отличающаяся замечательною вульгарностью. Она стала хвалить ужин, подкрепляя свое авторитетное мнение тем, что она cuisinière dans l'âme*. Слова эти были встречены взрывом самого чистосердечного смеха.

19 [апреля]. Четверг. В соединенных Департаментах обсуждается разногласие, возбужденное Грейгом, о том, что в Харькове нет надобности учреждать высшее технологическое учебное заведение, а можно ограничиться средним, тогда как для этой цели уже выдвинуты миллионные сооружения, возбуждающие надежды в населении. По предложению Островского решают ограничиться рассмотрением вопроса о том, высшее или низшее учебное заведение устраивать в Харькове, и по разрешении этого вопроса поручить министру просвещения согласно тому написать устав[67]. Признаю такое направление весьма полезным, как установляющее тверже то правило, что Совет должен установлять главное направление, принципиальные вопросы, тогда как теперь вносятся случайные, бесхарактерные законопроекты, которые приходится Государственной канцелярии переделывать с начала до конца, что совершенно выходит из сферы ее деятельности. Еду на охоту с вел. кн. Михаилом Николаевичем. Убиваю с большими трудностями одного глухаря, а он — одного тетерева.

20 [апреля]. Пятница. Провожу целый день за делами Совета. Бал у Барятинских в небольших размерах, но по обыкновению с чрезвы-

* Кухарка в душе.

чайною изысканностью. Играю в вист с вел. кн. Владимиром Александровичем, кн. Б. Ф. Голицыным, Дурновым, Балашовым.

21 [апреля]. Суббота. Приехал в Государственный совет слушать прения по вопросу об упразднении Комиссии прошений и, заручившись согласием Победоносцева на мои личные предположения, легшие в основу этого проекта, убеждаюсь, что дело пройдет нелегко, и пишу вел. князю записку с просьбою прийти на заседание, но получаю в ответ, что он едет на панихиду в крепость (!)... потому что в этот день когда-то праздновались именины его матери.

В заседании бар. Николаи своим вялым и тягучим председательствованием портит дело. Вместо чем бегло отбросить вздор, заявляемый кн. Долгоруким, Николаи вызывает его на пространные разъяснения и даже чтения, что, разумеется, возбуждает сомнения и внушает Победоносцеву словоохотливость, направленную к тому, чтобы создать особую высшую совещательную коллегию из членов Совета, сенаторов, министра юстиции для рассмотрения жалоб на судебные решения. Выходя из заседания, я говорю ему: «Зачем же возбуждать вопрос об уничтожении Комиссии прошений, если вместо того ограничиться повышением ее в чин с тем, чтобы она безнаказаннее мошенничала?»

Победоносцев: «Ну, ты это уже очень резко говоришь». *Я:* «Имею на то право, пробыв пять лет обер-секретарем Общего собрания и шесть — обер-прокурором, заведовавшим делами Общего собрания».

Вслед за мною на Победоносцева нападают Фриш, Каханов, Любощинский. Решено, что к понедельнику Победоносцев представит редакцию своего мнения.

Вечером на представлении у италианского посла гр. Греппи Фриш высказывает свое подозрение о том, что Победоносцев под невинными формами хочет устроить верховный тайный совет, который именем государя будет ломать всякое судебное или административное распоряжение, которое ему не понравится, т. е. внесет произвол туда, где желательны правильность и законность.

Во время нашего разговора проходит мимо Островский, над которым я подшучиваю, спрашивая его мнения о Комиссии прошений. Не видя возможности сразу сообразить, на которой стороне сила, он заявляет о необходимости много подумать над таким вопросом прежде, чем высказать мнение.

22 [апреля]. Воскресенье. В 10 час. приезжает ст.-секр. Железников и читает написанный им журнал по делу об университетском уставе. Прошу его не упоминать о Деляновской комиссии, рассматривающей вопрос о государственных экзаменах[68], по особым моим соображениям. В 12 час. заходит Влангали, и мы отправляемся вме-

сте завтракать к Гагариным, где находим Палена, неизменно размахивающего руками для восполнения недостаточности словесных средств. Черниговский городской голова с вопросом о постройке казарм. В 9 час. вечера получаю от Воскоб[ойникова], управляющего домом на Сергиевской, уведомление о внезапной смерти Черткова. Он сидел за обедом и мгновенно поник головою, а затем, вздохнув, перестал жить.

23 [апреля]. Понедельник. У вел. князя. И он и она чрезвычайно расстроены смертью Черткова, о коей узнали по телефону от дежурившего в Гатчине сына (по обязанности флигель-адъютанта). Сообщаю вел. князю о разногласии по делу о Комиссии прошений без всякой надежды на малейшую с его стороны помощь. Дела ни кавказские и ни артиллерийские не возбуждают в нем страстей.

Завтрак у Владимира Александровича. Михаил Николаевич просит передать, что, покуда у него гостит Анастасия Михайловна, он не будет участвовать в понедельничных завтраках. Уговариваю вел. князя отложить бал, а если не отложить, то обратить особенное внимание на восполнение списка, который весьма сократится смертью Черткова. В Государственном совете весьма немудреное и непродолжительное заседание, после коего Победоносцев представляет редакцию своего мнения, не имеющего ничего общего с тем, что он говорил в субботу. О высшей коллегии при высших государственных учреждениях нет более помину; он предлагает, чтобы присутствие составлялось из сенаторов и чтобы председатель этого присутствия представлял его журналы непосредственно государю мимо министра юстиции, мимо командующего Главною квартирою. Такое предложение весьма сочувственно принимается всеми нами, его оппонентами.

Панихида у Черткова против желания его вдовы и единомысленных с нею дам Пашковой, Гагариной, Пален. В спальне покойного развешаны изречения вроде: «Не бойся, это я» и т. п. Посылая государю еженедельную меморию, уведомляю о повороте в мнении Победоносцева и заявляю, что затем не вижу необходимости утруждать государя своим присутствием, несмотря на полученное разрешение приехать в четверг. Одновременно прошу меня уведомить: 1) может ли наше Историческое общество выбрать в почетные члены наследника цесаревича ввиду достижения им совершеннолетия, несмотря на то что его воспитатель Данилович этому противится, 2) не следует ли мне собрать у себя членов в годичное собрание. Вечер в немецком театре. Венский актер Швейгхофер превосходен.

24 [апреля]. Вторник. Письмо от Рихтера, который уведомляет, что переговорил с государем, который определительно выразил жела-

ние, чтобы никакой особенной новой канцелярии по делам, передаваемым из Комиссии прошений в Главную квартиру, устраиваемо не было. Относительно учреждения особой высшей судебной коллегии при Главной квартире государь будто бы выразил согласие.

В 1 час панихида в квартире умершего члена Государственного совета Гильденштуббе, встречаю там Рихтера, и, отправляясь вместе на панихиду в квартире Черткова (в нашем доме, на Сергиевской), заходим в квартиру дочери моей, Оболенской. Выражаю Рихтеру убеждение, что относительно такого или иного наименования канцелярии не может быть спора, но относительно высшей судебной при Рихтере коллегии я буду прямым противником. Рихтер сознается, что государь говорил о том лишь в общих, неопределенных выражениях. Высказываю Рихтеру мои опасения о том, что он слишком много берет на себя, настаиваю на том, что гражданские споры не имеют политического значения для правительственной власти, что верховная власть должна держать себя как можно дальше от них, что, наконец, втягивая государя в нарушение правильного хода гражданского правосудия, легко переступить ту черту, которая отделяет правительства монархические, самодержавные от деспотических, азиатских правительств с отличающею их спутанностью и беспорядочностью. Расстаемся с обещанием Рихтера не настаивать на этом предположении.

В 2 часа приезжают их величества. Сопровождающий их Воронцов-Дашков делает мне знак, что желает со мною переговорить, идем в ту же квартиру Оболенских. Здесь Воронцов сообщает мне, что так как Лейхтенбергские герцоги поставлены в необходимость продать Мариинский дворец, то при естественном нежелании государя устроить в этом фамильном здании нечто вроде кабака (как предлагают владельцы) у Воронцова явилась мысль купить этот дворец с тем, чтобы перевести в него Государственный совет и Комитет министров. Продажная цена назначена 3 млн. руб.[69], причем, по мнению Воронцова, более половины этой суммы могло бы быть выручено продажею места и построек, находящихся позади главного здания. Воронцов уже говорил с Бунге, который сказал ему, что прежде всего необходимо переговорить со мною.

Захожу вечером к Бунге, который, разумеется, испуган громадностью расхода, но сознает невозможность, с точки зрения монархического престижа, обратить дворец в кабак, сомневается в правильности воронцовских расчетов, в конце концов не против этого дела, но желал бы устроить его как можно экономнее. Восхваляет чрезвычайное расположение самого государя к бережливости государственных средств, в доказательство того приводит, что с достижением совершен-

нолетия наследник имел бы право получать из казначейства 300 тыс. ежегодного содержания, но государь заявил, что эта трата излишняя и что наследник может продолжать жить по-прежнему в родительском доме.

25 [апреля]. Среда. Аппер жалуется на трудность иметь дело со своим республиканским правительством, которое не понимает отношений и не хотело дать наследнику Почетного легиона на том основании, que le temps est passé, où l'on mettait les cordons dans les berceaux des enfants*.

Продолжительный разговор с Месмахером как о воронцовских планах для помещения Государственного совета, так и об училище и, в частности, о выставке старинного серебра, задуманной вел. кн. Владимиром Александровичем. Я желаю по этому случаю издать роскошно иллюстрированный учениками каталог.

Вечер с Убри в немецком театре.

26 [апреля]. Четверг. Читаю множество вступивших от Набокова представлений, пишу назидательный ответ Посьету о том, что не его дело делать внушения Государственному совету о порядке исполнения им своих обязанностей.

После обеда большая пешеходная прогулка с Сашею чрез Петровский, Крестовский, Елагин и Каменный острова. Вернувшись, опять советские дела.

27 [апреля]. Пятница. Окончательное обсуждение дела об упразднении Комиссии прошений. Победоносцев соглашается с проектом. Кн. Долгорукий остается единственным противником проектируемого преобразования.

До этого заседания похороны умершего в очень преклонных летах всеми уважаемого ген. Гильденштуббе. Государь несет гроб, следует пешком за катафалком и пропускает Семеновский полк.

В 10 час. бал у вел. кн. Владимира Александровича. Играю в вист с Воронцовым, Балашовым, Дурново. Последний получает от императрицы приказание танцевать с нею котильон. Такое необыкновенное происшествие, поражающее глаза присутствующих, составляет последствие того, что Дурново просил Черевина передать императрице, что просит увольнения от управления Департаментом уделов вовсе не потому, что государь не одобрил элеваторского предприятия и участия его, Дурново, в этом предприятии, а исключительно вследствие натянутых отношений к Воронцову. Вследствие дальнейших расспросов императрицы Черевин дает понять, что все это происходит глав-

* Что прошло то время, когда орденские ленты клали детям в колыбель.

ным образом от женских сплетен и ссоры гр. Воронцовой с М.В. Дурново. Разговор кончается тем, что императрица выражается о гр. Воронцовой: «C'est une sotte»*.

28 [апреля]. Суббота. Незначительные дела в Департаменте законов. Целый день сижу за извлечением из мемории, которое по мере приближения к концу сессии делается более и более объемистым.

29 [апреля]. Воскресенье. Получив от гр. Баранова отказ пригласить вел. кн. Алексея в заседание о бюджете, еду к нему. Он мне сообщает, что по соглашению с Бунге признал присутствие Алексея Александровича не только бесполезным, но опасным, потому что все вел. князья, напротив, расположены расточать, а не беречь государственные средства.

Я, напротив, доказываю необходимость пригласить Алексея Александровича именно для того, чтобы ознакомить его с финансовым положением государства. Разговаривая с Алексеем Александровичем, я не раз доказывал ему, как неосновательны его нападки на Государственный совет за сокращение морского бюджета именно потому, что он, вел. князь, не знает общего финансового положения, потому что хочет быть исключительно моряком, когда ему бы следовало быть государственным человеком. На бале у вел. кн. Владимира Александровича я возобновил этот разговор и приставал к нему, чтобы он приехал в заседание, вел. князь Михаил Николаевич поддерживал меня, а теперь ему будет отказано в приглашении.

Гр. Баранов соглашается послать приглашение, но при этом заявляет мне, что военный министр отказался присутствовать на том основании, что должен быть в Гатчине, и заявил, что пришлет вместо себя вновь назначенного директора канцелярии ген. Лобко.

Еду немедленно к военному министру. Рассказываю ему весь ход этого вопроса, выставляю государственное значение подобного совещания. Он отвечает: «Я учился на медные деньги, а посылаю Вам вместо себя профессора военной администрации, человека в высшей степени сведущего, талантливого, и принимаю на себя ответственность за все то, что он будет говорить».

Потом разговариваем о назначенной под председательством вел. кн. Николая Николаевича комиссии о противодействии нигилизму в армии. До сих пор было арестовано 56 офицеров и 14 заподозрено[70]. Ванновский приписывает это отчасти тому, из каких классов теперь выходят офицеры, и намеревается брать их из дворян и людей военных только; другою причиною считает недостаток материального обеспечения, а этому может пособить только казначейство. Офицеров необходимо ежегодно до 2 тыс., из них 700 получаются из кадетских корпусов, а остальные — из юнкерских училищ[71]. Ванновский на вид очень плох здоровьем и уезжает на днях в Карлсбад.

* «Она глупа».

В своем Рисовальном училище осматриваю вновь отделанную библиотеку, которая удалась отлично.

Визит почтенному, почти слепцу, Старицкому, возвратившемуся из Италии и мечтающему об участии в трудах Совета. Застаю там Фриша и не могу удержаться, чтобы не сказать в его присутствии Старицкому: «Вот видите, Егор Павлович, когда на совещании у вел. князя я оспаривал необходимость издания свода и дальнейшего отдельного существования Кодификационного отдела, то Вы утверждали, что свод законов можно издать чрез год». Фриш по вступлении обещал представить план своих дальнейших трудов и т. д. Прошел год, Государственный совет не получил от него ни строки.

30 [апреля]. Понедельник. У вел. кн. Михаила Николаевича. Он жалуется на вел. кн. Алексея Александровича, который забыл о заседании, имевшем место у вел. кн. Николая Николаевича, и был разыскан адъютантом чуть не к концу заседания. Жалуется на вел. кн. Владимира Александровича, который сделал своему дяде грубое замечание за то, что посланный по распоряжению ген.-фельдцейхмейстера осматривать в Новгороде артиллерийскую батарею ген. Башилов не явился [к] вел. кн. Владимиру Александровичу, командующему округом.

«Это он говорит мне, который 32 года служит трем императорам в качестве ген.-фельдцейхмейстера. Башилов не мог опоздать ни одним днем, чтобы застать в Новгороде батарею, которая выступала в лагерь, а что же ему делать, когда вел. кн. Владимир Александрович принимает один раз в неделю по субботам».

У вел. кн. Владимира Александровича завтрак с вел. кн. Николаем Николаевичем. Разговор больше о глухарях, тетеревах, фазанах и т. п.

В Государственном совете после заседания Общего собрания рассматривается проект обложения 3% сбором промышленных и торговых предприятий. Абаза в длинной речи изображает трагичность нашего финансового положения, но при этом не считает возможным начать введение подоходного налога с самой трудовой части населения, а находит возможным доставить казначейству те же 5 млн. налогами, имеющими в основании доходность предприятий без установления начала процентальности. Бунге без всякого авторского самолюбия принимает все сказанное Абазою. Редко удается слышать такие содержательные прения, приводящие к такому успешному заключению.

В 10 час. вечера еду с вел. кн. Владимиром Александровичем на глухарей. Дорогою по обыкновению самый непринужденный разговор, как, например. *Вел. князь:* «На днях я имел с государем продолжительный разговор о том, как трудно находить людей, какой в них чувствуется недостаток, быть может, следующее поколение будет лучше, но среди теперешнего весьма трудно находить дельцов».

Я: «Нисколько не разделяю этого мнения. Русский народ даровитее всякого иного известного мне народа, но дело в том, Ваше высочество, что и государь и Вы живете в таких условиях, что для Вас очень трудно, если не невозможно, узнавать людей. Вы до сих пор не прочитали данной мною Вам книги герцога S.-Simon'а «Parallèles des trois premiers rois Bourbon». Вы увидели бы в ней, как проводил день Генрих IV, Вы сами знаете, как жил Петр Великий: с утра он был на верфи, в Сенате, на постройке, вечером — в ассамблее, постоянно в путешествии, он видел людей, ощупывал их, отбрасывал негодных и сохранял пригодных, так он собрал сотрудников. Вы проводите время взаперти, видите людей на официальных приемах, а разговариваете с двумя-тремя лицами, приближенными к Вам судьбою или происками и находящими в Вас средство к достижению своих целей. В Гатчине это еще хуже, а у Вас много вредят Ваши внешние неприветливые формы. Ваши чувства несравненно лучше их проявления, а Ваш ум несравненно лучше Вашей воли. При всем Вашем уме и добрых чувствах Вы не обращаете никакого внимания на самолюбие людское и тем отталкиваете от себя, а без людей ничего не сделаешь».

Говорили еще о строящейся под руководством Владимира Александровича церкви на месте убиения покойного императора, причем не составлено сметы, и молва обвиняет Исеева в злоупотреблениях.

Владимира Александровича очень смущает богатство в прежние времена французской королевской фамилии и положение прусского, а в особенности австрийского дома, но он не видит или не хочет видеть того, как исполняют свои обязанности современные европейские принцы и как дорого поплатились те, кои пренебрегали этими обязанностями.

1 мая. Под председательством гр. Баранова происходит совещание министров относительно предварительного определения размера суммы, уделяемой каждому отдельному управлению. Я приглашен в качестве главноуправляющего отдельною частью, представляющего свой бюджет. Бунге представляет картину нашего финансового положения, которое называет трагическим, взывая к патриотизму присутствующих для того, чтобы высказываемые им факты не были оглашены. Разумеется, управляющий Морским министерством Шестаков доказывает

недостаточность сумм, отпускаемых на судостроение, а представитель Военного министерства, ген. Лобко, в очень бойкой речи доказывает неизбежность увеличения военного бюджета в 1885 г. на том основании, что цены на провиант, фураж, амуницию ежегодно возвышаются, а одновременно надо будет продолжать постройку крепостей и реформирование кавалерии, как это уже разрешено Государственным советом. Гр. Баранов останавливает Лобко, говоря ему полушутя, что здесь идет речь лишь об уменьшениях, а не увеличениях расхода. Лобко отвечает, что уменьшение возможно лишь в случае уменьшения численности войск, о чем ему, Лобко, не предоставлено говорить.

В итоге решают предоставить каждому министру в двухнедельный срок представить валовые цифры своего бюджета на 1885 г.

Вечером венский актер Швейгхофер поет куплеты. Приглашены 40 человек, ужин в бальном зале.

2 мая. Среда. Заезжаю к своим, Бобринским, которые хлопочут о своем дворянском бале. Продолжительный разговор с Е.Д. Всеволожской о Хотимском (арендаторе имения ее мужа), который предлагает купить Богословский округ[72]. Между прочим, узнаю, что Дурново, танцуя котильон с императрицею, заявил ей, что выходит из Департамента уделов, потому что Воронцову угодны лишь прислужники, а не порядочные люди.

В 5 час. приезжает ко мне Воронцов говорить о покупке Мариинского дворца для помещения Государственного совета. Настаиваю на той мысли, чтобы Лейхтенбергским не выдавать капитала, который они немедленно проживут, а ограничиться выдачею 5-процентной ренты, капитализируя ежегодно по банковым расчетам покупную сумму, которая и может быть выдана им чрез 37 лет. Воронцов решается испросить на то согласие государя. Упрекаю Воронцова в некоторой бесхарактерности и недостаточности внимания к людям. Он принимает все мои замечания с искреннею, дружескою признательностью.

3 мая. Четверг. Нескончаемое и довольно скучное заседание в соединенных Департаментах о фруктовой водке. Бар. Николаи восстает против обложения, предлагаемого Бунге, за которого вступается Абаза и по обыкновению выходит победителем. В 9 час. заседание секретного комитета у Танеева, бездарность, пошлость и низкопоклонство коего превосходят всякую меру. За утверждением государем журнала, предрешающего уничтожение чинов, т. е. замену их должностями, решаем воспользоваться летним сезоном для истребования сведений, нужных для дальнейших работ.

4 мая. Пятница. Приезжает Воронцов, докладывавший вчера государю о предположении не выдавать Лейхтенбергским капитала, а ог-

раничиться рентою; государь сначала опасался, что это будет им неприятно, а потом согласился.

В 8 час. у меня годичное собрание Исторического общества, ждем полчаса вел. кн. Владимира Александровича, который оказывается уехавшим на охоту. Гр. Толстой после заседания заходит ко мне в кабинет и статуэтку из обожженной глины, сделанную Клодионом в последний год прошлого столетия, принимает за мраморную греческую вещь... Это насадитель классицизма на русской земле. Зато в подтверждение пользы классицизма рассказывает свое путешествие по берлинским гимназиям и то, как ученики без затруднения переводили с латинского на греческий и с греческого на латинский.

Завожу речь о переселенческом вопросе, который предполагается обсудить в Особом совещании у государя, выражаю, во-первых, опасения о возбуждении такого вопроса, который считаю весьма раздутым и искусственно преувеличенным, во-вторых, обращаю внимание на трудность разрешения такого вопроса без законодательного нормирования. Толстой утверждает, что намерение его заключается именно в том, чтобы принять административные меры без законодательного шума.

5 мая. Суббота. Приходит Победоносцев и в течение целого часа плачет на ту тему, что учреждения не имеют важности, а что все зависит от людей, а людей нет. «Не верю я никаким рецептам», — повторяет он беспрестанно, не говоря, впрочем, во что же именно он верит.

В $4^1/_2$ час. еду на цветочную выставку, где наш царскосельский садовник Абеля получил первую золотую медаль за цикадеи (cicas). Всем распоряжается Грейг, который упрекает меня в том, что я не приехал на торжество открытия, на что я отвечаю, что я не охотник надевать белые штаны[73] среди белого дня, да еще для прогулки в саду.

Вечер за извлечением из мемории, которая еженедельно принимает вящие размеры.

6 мая. Воскресенье. Празднование совершеннолетия наследника цесаревича. К часу собираются в Зимний дворец, залы коего набиты народом. Цесаревич читает все, что следует, детским, но твердым голосом. Беспорядок полнейший, быть может, болезнь кн. Долгорукого, обер-церемониймейстера, отчасти тому причиною, но, впрочем, неурядица всей русской земли всегда выражается при этом и в придворных церемониях. После церемонии — поздравления. Каждому члену Государственного совета цесаревич подает руку, из сенаторов ему представляют первоприсутствующих. Пред разъездом ко мне подходит вел. кн. Владимир и просит свезти на глухариную охоту прин-

ца Вильгельма Прусского. Вернувшись домой, делаю надлежащие приготовления и захожу к Швейницу, который заявляет мне, что он надеялся, что вел. кн. Владимир повезет принца в Лисино или Саблино, вообще мысль об этой охоте ему не нравится. Еду к вел. кн. Владимиру, передаю ему это, но он утверждает, что принцу страшно хочется охотиться, что все между ними уговорено, и просит заехать за принцем.

В 7 час. обед у Швейница, из русских — Толстой, Воронцов и я. Принц, очевидно по внушению Швейница, заявляет мне, что ввиду отъезжающего завтра утром курьера и необходимости писать письма он не может ехать на охоту. За обедом он говорит исключительно о военных предметах, повышениях прусских генералов и т. п. По-видимому, все поглощено в нем военною нотою. После обеда происходит комическая сцена. Бисмарк, со слов принца, заявляет о его желании ехать в Москву, а Вердер, по внушению Швейница, утверждает, что принцу на это недостаточно времени.

7 [*мая*]. Понедельник. У вел. кн. Михаила Николаевича. *Вел. князь:* «Вы читали статью «Московских ведомостей»?» *Я:* «Да, Ваше высочество, и хотел с Вами говорить о ней. С точки зрения правительства странно покровительствовать журналу, который подрывает доверие и уважение к высшему государственному учреждению, а лично с моей точки зрения, принимая место государственного секретаря, я знал, на какие трудности и неприятности иду, но не ожидал, что мне придется еще переносить обвинения в измене»[74]. *Вел. князь:* «Я переговорю с гр. Толстым». *Я:* «Ваше высочество, гр. Толстой ни Вам, ни мне не начальник, Вам известен ответ, сделанный им Бунге, что он может заставить молчать всякий журнал, кроме «Московских ведомостей». Я думаю, Ваше высочество, что Вам необходимо сказать обо всем этом государю, а если Вы затрудняетесь это сделать, то я прошу Вас разрешить мне это сделать».

На такое категорическое заявление по обыкновению не последовало иного ответа, как молчание и несколько бессвязных слов.

Заседание Общего собрания и несколько пустых представлений министра юстиции о присяжных[75]. В $4^1/_2$ банкет. На этот раз выхлопатываю отдельный стол для членов Государственного совета.

В $9^1/_2$ бал в Дворянском собрании. Все происходит чинно и изящно, хлопоты моих Бобринских увенчиваются полным успехом. Величества любезны с Бобринскими, но не с уездными предводителями, коих вел. княгини не приглашают танцевать, а государь не благодарит. В половине одиннадцатого величества уезжают прямо на Варшавскую станцию, откуда государь едет в Гатчину, а императрица — в Румпен-

гейм к дяде, ландграфу Гессенскому, на свадьбу дочери. Ее сопровождают кн. Кочубей, кн. В.Д. Голицын и гофмаршал кн. В. Оболенский.

8 мая. Вторник. После заседания Комитета министров обсуждение редакции университетского устава, составленной Государственною канцелярией. Делянов по наущению приехавшего из Москвы Каткова отступает от того, на что выразил прежде согласие, самые его союзники, Филиппов и Дурново, не следуют за ним. Победоносцев не вмешивается в прения и скоро удаляется, впечатление заседания крайне тяжелое. Вел. князь сидит в качестве слушателя и дремлет. На мой вопрос о том, будет ли он завтра в Гатчине говорить государю про статью «Московских ведомостей», отвечает: «Завтра там будет прусский принц и кирасирский парад, едва ли успею» — т. е. просто трусит.

9 [мая]. Среда. Пришедший завтракать, чтобы проститься пред отъездом, Бисмарк рассказывает, что вчера в пятом часу познакомился у Победоносцева с Катковым; значит, Победоносцев спешил домой из заседания, чтобы сообщить Каткову о его результате. Бисмарк радуется, что удалось устроить поездку в Москву принца Вильгельма, очень хотел бы его сопровождать, но опасается возбудить неудовольствие Швейница. Заезжаю к своим, Бобринским, которые сетуют на недостаточную приветливость августейших гостей в отношении дворянства. Вечером совещание с Хотимским и Эстеррейхом относительно приобретения Богословского округа. Дело привлекательно со всех сторон.

10 [мая]. Четверг. Чтение переисправленной редакции университетского устава; оканчиваем с этим тяжелым делом. Дурново сообщает, что Толстой намерен приехать в Общее собрание и взять назад все, что Деляновым уступлено из первоначального толстовского проекта, имея надежду, что государь с ним согласится. Вечер у Абазы.

11 [мая]. Пятница. Дело о постройке центральной станции в Бресте отложено по просьбе Сольского, который очень любит оттягивать. Осматриваю в доме на Сергиевской квартиру покойного Черткова. Захожу в училище. Вечер за бесчисленными советскими делами.

12 [мая]. Суббота. Еду в 11 час. к вел. кн. Михаилу Николаевичу. Но узнаю, что он уехал на охоту в Михайловское. Вернувшись домой, нахожу телеграмму, приглашающую меня завтракать, но пишу, что не могу быть за множеством докладывающихся в Совете дел, требующих моего присутствия. В этот день докладывается, между прочим, проект Набокова о дисциплинарном уставе или, правильнее, ответ его на приказание Каткова уничтожить несменяемость судей[76]. Вызваны сенаторы Саломон, Розинг и Голубев. Множество внесенных в Совет дел уничтожают возможность серьезного рассмотрения.

Вечером получаю уведомление управляющего делами Комитета министров о запрещении лицам, занимающим высшие должности, принимать участие в торговых и промышленных предприятиях[77], написано оно довольно безграмотно. Под всем этим чувствуются личные страсти. Толчок всему, как говорят, дал начет, сделанный по контролю адмиралом Жандром на Кази — строителя яхты «Ливадия», приближенного к вел. кн. Константину Николаевичу человека, а Фриш воспользовался этим, чтобы разыграть роль государственного министра, а не простого кодификатора.

13 [мая]. Воскресенье. Завтрак у Гагариных с Влангали и гр. Паленом, который усердно критикует Толстого по поводу тюремного дела, докладывающегося в Государственном совете, утверждает, что Толстой недоступен и невидим, подписывает то, что подают чиновники и что весьма часто идет вразрез с самым непритязательным консерватизмом.

Встречаю в Летнем саду Швейница, с которым делаю большую прогулку, он комически тяготится Бисмарком-сыном. В крайнем окне Михайловского дворца по обыкновению сидит все великокняжеское семейство, развлекаясь видом проходящих. Это вел. кн. Алексей Александрович называет в «le chapitre de l'ordre de s. Potin»*.

Случай на Московской железной дороге; брат подозревает, что покушение было направлено против Сергея Александровича[78].

14 [мая]. Понедельник. У вел. кн. Михаила Николаевича. *Я:* «Положение Государственного совета делается окончательно невыносимым. «Московские ведомости» публично обвиняют Государственную канцелярию в противодействии правительству[79], утверждают, что Совет есть сборище каких-то генералов, не заслуживающих внимания; гр. Толстой, насколько до меня доходят слухи, намерен приехать в Общее собрание и заявить, что он не соглашается на уступки, сделанные его товарищем и министром народного просвещения Деляновым; член Государственного совета уехал, не спросив ни у кого отпуска; наконец, сегодня утром я получил от кн. Долгорукого испрошенное им по Комиссии прошений высочайшее повеление о пересмотре в Государственном совете дела гр. Плятера, решенного Советом в конце прошлого года[80]. Это уже не Государственный совет, а Весьегонский земский суд, над которым ленивый не глумится».

Такая речь, конечно, весьма не понравилась вел. князю. Остановясь на университетском уставе и понимая неловкость своего положения, если Толстой, не потрудившийся приехать ни в одно из

---

* «Капитуле ордена св. Сплетни».

департаментских заседаний, явится в Общее собрание с полным пренебрежением ко всему, что говорилось в Совете всю зиму, вел. князь выразил готовность ехать к Толстому, но предложил предварительно собрать совещание из Баранова, Николаи и Победоносцева. Я возражал, что это ни к чему не поведет, а необходимо прежде всего выяснить, в чем заключается план Толстого, а для этого послать к нему Шувалова. Вел. князь согласился просить о том Шувалова и сделал это после заседания.

Завтрак у Владимира Александровича. По обыкновению пустейший разговор с Мариею Павловною, которая нравственно мечется между кокетством простейшей смертной и великокняжеским важничанием. В Совете дело об упразднении Комиссии прошений. С Долгоруким соглашается Вешняков, покорный приказанию Островского. После заседания вел. князь совещается с Перетцем и Сольским, которые утверждают, что за 15 лет пребывания их государственными секретарями не было примера пересмотра в Государственном совете решенного им дела. Набоков, согласно предложению коего дело Плятера было решено, просит вел. князя доложить государю вместе об уничтожении данного чрез кн. Долгорукого высочайшего повеления.

Послав государю объемистую меморию, еду гулять на острова, где, несмотря на стужу, толпится уже много народа.

15 [мая]. Вторник. День коронации. В Гатчине приема нет, но членам императорского семейства позволено присутствовать при молебне в сюртуках. В Совете продолжается обсуждение предлагаемого Набоковым для судебного ведомства дисциплинарного устава. Некоторые, и всех больше Дервиз, доказывают Набокову, что виною всего — дурной выбор судей, во многом Набокову отказывают, от многого он сам заранее отказывается*.

Обед у вел. князя с Шуваловым. По обыкновению за столом сидят все сыновья, но после обеда Шувалов передает результат своего свидания с Толстым, который первоначально заявил, что не считает себя связанным мнениями Дурново, что он, Толстой, в начале обсуждения университетского устава заявил государю, что по интригам Головнина обсуждение затянется и что ему, Толстому, надо выбрать между своими текущими министерскими занятиями и заседаниями Совета, государь позволил ему ехать лишь в Общее собрание и дал понять, что утвердит его мнение. Толстой намерен был говорить о назначении ректора, о замещении профессорских кафедр, о гонораре профессоров, об экзаменационных комиссиях. Шувалов утверждает, что обещал принять на себя инициативу в вопросе о назначении ректора и говорить в смысле Толстого, два вторые вопроса Толстой согласился не поднимать ввиду их второстепенности, а значит, он будет говорить только по вопросу об экзаменах, поддерживая заявленное его товарищем мнение. Если все это произойдет так, то достоинство Совета не пострадает.

16 [мая]. Среда. Получаю французское письмо от Рихтера о том, что по его солдатским понятиям гр. Плятер прав, и что он, Рихтер, дал ход его жалобе, и что со стороны Государственного совета было бы очень великодушно сознать свою ошибку. Отвечаю убедительным, быть может, резким письмом, которое лишь прочитываю Рихтеру, не оставляя в его руках. В $3^1/_2$ приезжает ко мне Набоков с приятным для обоих известием, что государь утвердил написанный мною доклад о возвращении кн. Долгорукому просьбы гр. Плятера. При этом Набоков благодарит меня за быстрое движение последних его представлений Совету. Жалкая он сам по себе личность, да и незавидно тоже положение русского министра юстиции.

Возвращаясь с прогулки по островам, останавливаюсь у Победоносцева, чтобы узнать, едет ли завтра в Гатчину, а также рассказать ему новое с Долгоруким столкновение и предотвратить его, Победоносцева, вмешательство.

Победоносцев рассказывает следующее:

I. Пашков и его последователь гр. Корф разослали созывные грамоты по целой России сектантам, приближающимся к их толку, как штундисты, молокане и пр., приглашая их собраться в Петербурге к 1 апреля. Собрание это происходило у некоторых мужиков, пришедших с юга и польщенных приемами Пашкова, княгини Ливен, кн. Голицына. Отобраны бумаги и в том числе любопытный дневник одного из них. Совещание из Толстого, Набокова, Победоносцева решило выслать Пашкова и Корфа за границу[81]. Государь очень недоволен тем, что, приехав на панихиду по Черткове, подвергся нападению со стороны вдовы его, просившей защиты их религиозному учению.

II. На днях вел. кн. Николай Николаевич отправился к здешнему митрополиту просить разрешения на устройство домашней церкви в даче своей любовницы Числовой, перекрещенной в «дворянку Николаеву». Митрополит написал Синоду о таком ходатайстве вел. князя. Победоносцев задержал эту бумагу, к нему явился вел. кн. Николай Николаевич. Победоносцев объяснил ему неприличие подобной формы и стал выражать сожаление о всем этом скандале, но вел. князь

**Далее Половцовым написаны слова:* На обороте. *Конец записи за 15 мая помещен в подлиннике после записи за 16 мая 1884 г.*

возразил ему, что ему необходима семейная жизнь, и при этом стал горько жаловаться на свою жену Александру Петровну.

Выслушивая этот рассказ, я вспомнил, что несколько лет тому назад ко мне пришел командовавший в то время Конногвардейским полком гр. Протасов-Бахметов и сообщил, что к нему явился в тот день полковой священник[82] и показал, что священник Николаевского дворца[83], исповедуясь у него, конногвардейского священника, покаялся в том, что состоит в связи с вел. кн. Александрою Петровною.

Слушая это, Победоносцев воскликнул: «Испугался ответственности полковой-то священник! А этот Василий Иванович[84] — великий негодяй. Знаю я все это, ведь у них и дети есть...»

17 [мая]. Четверг. В 10 час. еду в Гатчину с членами совета Исторического общества Гротом, Бычковым, Сергеевичем, Феоктистовым, Штендманом. На станции встречаю Толстого, едущего с докладом, а также Островского, Бунге, Ванновского, едущих для участия в совещании по переселенческому делу[85]. На станции подвергаюсь нападению Островского, который, отстаивая то, что присоединился к мнению кн. Долгорукого по вопросу об упразднении Комиссии прошений, утверждает, что в самодержавном правительстве необходимо существование особой высшей коллегии, которая имела бы право отменять всякое судебное постановление, где бы это постановление ни состоялось.

Все это, разумеется, он говорит по приказанию Каткова; с такими людьми, у коих одна лишь забота понравиться тому, кто в силе, довольно мудрено спорить.

По приезде в Гатчину находим придворные кареты и отправляемся в приготовленные для нас комнаты, где получаем приглашение слушать обедню, где присутствуют лишь три сына императора. Наследник очень внимательно осматривает моих сочленов, которые несколько смущают его. После обедни нас ведут на половину цесаревича, в конце Китайской галереи. Я говорю ему следующее приветствие: «Ваше императорское высочество, позвольте Историческому обществу приветствовать в Вас своего почетного члена. Общество наше основано вел. князем цесаревичем, ныне благополучно царствующим государем императором, основателю своему мы обязаны успешностью трудов наших. В чести, которую Вы нам сегодня оказываете, мы видим новый залог успешности нашей деятельности.

Деятельность эта имеет главною целью распространение достоверных сведений об отечественной истории. Всякий из нас любит свою родину, но при ближайшем знакомстве с ее историею любовь эта делается сознательнее, тверже, а любовь эта связует в одно могущественное целое русское государство, на этой любви зиждутся лучшие стороны нашего настоящего, твердые упования на будущее.

Будущее тесно связано с прошедшим, и в этой связи главная привлекательность наших занятий. Воскрешая в памяти подчас тяжелые, но всегда славные страницы нашей истории, Историческое общество вместе с тем освещает лежащие пред нами исторические пути событий. Позвольте же, Ваше высочество, нам надеяться, что, продолжая трудиться под высоким покровительством державного Вашего родителя, мы найдем и в Вас сочувствие и содействие к служению нашему на пользу истории России».

Юноша был очень растерян и затруднен, сказал, что благодарен за оказанную ему честь, разговаривал с каждым из членов Совета и под конец обратился ко мне со словами: «А государь всегда говорит: «Наше общество». Разумеется, я возразил, что надеюсь, что он последует примеру государя.

Разделив со своими товарищами довольно плохой завтрак, я отправился на железнодорожную станцию пешком с Бунге, который передал мне, что в совещании у государя ничего серьезного не говорилось. Все совещание имело целью отвратить какие бы то ни было законодательные меры по переселенческому вопросу, уговорившись относительно направления, которое следует дать делу, в конце концов Толстой уполномочен на то, что имел право сделать без всякого совещания.

Согласно полученному накануне по докладу вел. князя высочайшему повелению пишу кн. Долгорукому, что государь император высочайше повелеть соизволил оставить без рассмотрения жалобы гр. Плятера, переданные по докладу Долгорукого на новое рассмотрение Государственного совета.

18 [мая]. Пятница. Рассмотрение в соединенных Департаментах представления Набокова о переформировании соединенных присутствий и собраний в Сенате[86]. Комическая сцена — в предметах ведомства соединенного присутствия первого с кассационными департаментами помещено: пререкания между судебными палатами. На замечание, сделанное министру юстиции, что такие дела подлежат ведомству кассационных департаментов, Набоков смущается и просит позволения сообразить это. Все заседание скучно и беспорядочно, отличается разноголосицею, как всякое чисто юридическое собрание.

19 [мая]. Суббота. У вел. князя, который начинает с того, что сознается в том, что на докладе государю не решился говорить о статье «Московских ведомостей»[87] на том основании, что будто бы в приемной дожидался бельгийский посланник. Разговор весьма скоро удаляется от дел, а переходит на почву семейных сплетен. Вел. князь

жалуется на то, что по случаю свадьбы Сергея Александровича старшие его братья, Алексей и Владимир, устроили мальчишник, на который были приглашены все сыновья вел. кн. Михаила Николаевича, но поручение ехать получил один старший, который и рассказывал, что все это происходило в загородном трактире «Самарканд», причем цыгане пели, а после ужина вел. князья вальсировали с цыганками, что уже было окончательно неуместно. Вел. княгиня дополнила за завтраком рассказ, обвиняя во всем принца Александра Петровича Ольденбургского, специально расположенного к одной из цыганок.

Отзавтракав возле вел. княгини и наслушавшись еще вящих сплетен самого смелого в нравственном отношении характера, едем с вел. князем в Государственный совет, где слушаются дела: 1) о расширении Батумского порто-франко[88], причем Гирс делает самое сбивчивое, бездарное и тусклое заявление о том, будто бы по Берлинскому договору порто-франко для нас необязательно, 2) представление министра финансов о возвышении таможенной пошлины на чугун и каменный уголь[89]. Представление энергически и красноречиво поддерживается Абазою. Расходимся в шестом часу.

20 [мая]. Воскресенье. Завтрак у Гагариных с Паленом и Вангали. Все тот же разговор, почему у нас все хуже, чем за границею, с разрешением вопроса тем, что у нас образованные классы лишены участия в направлении общественного дела. В 2 часа Финансовый комитет для обсуждения предложений Бунге о средствах к уплате ежегодно 50 млн., как это обещано указом 1 января 1881 г.[90] Бунге предлагает выпустить ренту золотом на всю сумму долга и предоставить реализировать ее, когда банк признает то удобным, вместе с тем предлагает откладывать в металлический фонд металл, получаемый в качестве таможенной пошлины. Последнее предложение категорически отвергается всеми присутствующими с Рейтерном во главе. Первое принимается в принципе с тем, чтобы на этот раз был разрешен выпуск только для предстоящего 1 января погашения[91]. Вечером у Абазы. Утверждают, что кн. Долгорукий подал в чистую отставку, причем Нессельрод восклицает: «C'est la première fois qu'il aura fait quelque chose de propre!»*

21 [мая]. Понедельник. В 11 час. у вел. князя. Сетования на то, что он не был приглашен в совещание по переселенческому вопросу. Усиливаюсь доказать, что в этом обсуждении было устранено все имеющее характер законодательного, но мой президент неутешен и не перестает повторять, что все это так делается в осуждение от-

* «Это единственный приличный поступок за всю его жизнь!»

цовских порядков, когда вел. кн. Константин Николаевич приглашался на всякое совещание.

Когда после завтрака вел. княгиня начинает сетования на ту же тему, то намекаю, что государь имеет доказательства, что вел. князь не умеет молчать, и потому прав, что его не приглашает.

Перед Общим собранием Государственного совета в комнате председателя вел. кн. Михаил Николаевич, обращаясь к вел. кн. Владимиру Александровичу: «Что это, Владимир, какой ты нахмуренный?» *Я:* «Ne faîtes pas attention, monseigneur, à l'extérieur du grand duc; malheureusement il ne répond nullement à son intérieur»*.

В заседании много интересных дел, но спорят лишь о том, кому отдавать на руки пенсионные деньги, причитающиеся воспитанникам учебных заведений, начальству их или родителям. В вопросах подобной важности Перетц выступает с особенным красноречием, зная, что не рискует нажить недоброжелателей и что вся полемика сосредоточивается на букве статей свода. Долгорукий присутствует, несмотря на мнимую отставку, которой я плохо верю.

Вечером прогулка на Елагином и продолжительное совещание о богословском деле[92] с моим старым приятелем Краузольдом, которого добросовестность и утонченная честность мне давно известны.

22 [мая]. Вторник. Приехавший сегодня утром из Москвы Шувалов рассказывает, что часто видался там с Катковым, в лицее коего[93] воспитывается сын Шувалова. Катков советовался с ним о том, писать или не писать теперь статьи об университетском уставе, что Шувалов ему всячески отсоветовал, Катков весьма недоволен Победоносцевым в университетском деле и заготовил письмо государю, в коем утверждал, что Победоносцев желает сломать шею Делянову и назначить министром народного просвещения Дмитриева, попечителя Петербургского учебного округа. Шувалов отсоветовал Каткову посылать это письмо на том основании, что государь примет все это за личности, а такое впечатление повредит самому делу. В четверг вечером должно произойти совещание по университетскому делу у Толстого, на совещание это приглашен Шувалов. Обедают Вангали, утомленный петербургским климатом, канцелярскими дрязгами и ожиданием посольского места в Мадриде, Капнист, назначенный посланником в Гаагу, очень довольный своим назначением, рассуждающий довольно здраво, но вследствие ничтожества проходимой им дипломатической среды чресчур возмечтавший о своих далеко не блестящих дарованиях.

* «Не обращайте внимания, ваше высочество, на внешность вел. князя; к сожалению, она нисколько не соответствует его сущности».

23 [мая]. Среда. Возня с богословским делом, в которое решаюсь идти потому только, что Эстеррейх не только этому сочувствует, но намеревается бросить свои маклерские занятия для того, чтобы посвятить себя этому делу. В 3 часа заседание в Соляном городке для обсуждения моего предложения отдать нашему Рисовальному училищу то место, которое ныне отделяет его от Пантелеймонской церкви. Присутствуют Исаков, Кобеко, Ермаков, Тилло. Исаков предъявляет требование, чтобы при постройке, расширяющей здание училища, была устроена зала, которая могла бы служить обширною аудиторией и вместе концертным залом. Я отвечаю, что в мои предположения входит устройство такого обширного помещения как для выставок, так и для вечерних, пожалуй, даже музыкальных собраний, но что я не соглашаюсь ограничивать себя при постройке каким бы то ни было обещанием. На заявление Тилло, что это могло бы быть занесено в журнал лишь для того, чтобы послужить к истории возникновения учреждения, отвечаю, что такое занесение в журнал послужит лишь к возникновению историй. Выведенный из терпения вечною нотою ближнего сорвать что-нибудь по тому единственному поводу, что чувствуется присутствие чужих денег, высказываю это в довольно неприятной для Кочубея и Исакова форме, прибавляя, что беру назад все сказанное о вероятности устройства обширного зала, и прошу писать журнал с занесением формального отказа на мое предложение, которое я поведу дальше. Тогда картина мгновенно переменяется, никто не возражает более ни слова и в журнал вносится, что место отдается училищу на тех же условиях, на коих отдано было первоначальное место. Исаков, хотя и нахмурившись, идет осматривать вновь отделанную в Рисовальном училище библиотеку.

24 [мая]. Четверг. Заседание в Департаменте экономии с испрошением сверхсметных кредитов. Заезжаю к Шестакову, чтобы уговориться, во-первых, о невозможности доложить до вакантного времени преобразование Морского министерства, во-вторых, чтобы отказать в немедленном назначении членом Государственного совета морского прокурора Яневича-Яневского и обещать, что он будет включен в число лиц, кои получат назначение при первом случае. Обед с Бобринскими, кои уезжают в Смелу. Вечер у Абазы.

На слова Нессельрода: «L'argent ne m'aime pas»* — Абаза восклицает: «Quel ingrat!»**

*«Деньги меня не любят».
**«Какая неблагодарность!»

25 [мая]. Пятница. В извлечении, сопровождающем меморию, пишу государю по вопросу об упразднении Комиссии прошений следующее: «Дело это составляет только развитие личных указаний Вашего величества, так близко известно Вам, государь, что я не стану утруждать им Вашего внимания. Занятия, передаваемые в ведение командующего Главною квартирою, представляют в главных чертах сферу того, что наше законодательство привыкло именовать монаршим милосердием, т. е. облегчение участи Ваших подданных, непосредственно высочайшею Вашею властью в тех исключительных случаях, когда суровость или отсутствие закона не дают иного средства к этому облегчению. Об этой части нового закона ни в комиссии, разработавшей проект, ни в департаментах, ни в Общем собрании не было разномыслия; разные мнения, или, правильнее, мнения двух членов, имеют почти исключительно предметом вопрос, как образовать ту коллегию, которая будет представлять Вашему величеству свою оценку правильности обжалованных сенатских решений. Разномыслие прежде всего останавливается на предметах ведомства этой коллегии. Если за нею сохранить ту компетенцию, которая принадлежит ныне Комиссии прошений, то позволяю себе выразить убеждение, что состав этой коллегии будет надежнее и удовлетворительнее, чем состав теперешней Комиссии прошений, но не такова мысль, проводимая в мнении кн. Долгорукого, мысль эта заключается в том, чтобы над всеми учреждениями империи и главным образом над министрами установить еще высшую инстанцию, не несущую никакой ответственности, и именем Вашим, государь, отменяющую и изменяющую какие бы то ни было распоряжения представителей власти, на какой бы иерархической ступени они ни стояли. Не знаю, было ли бы политически благоразумно устройство такого верховного визирства, хотя и прикрываемого преданностью самодержавию.

Самодержавие Ваше, государь, не страшно, а спасительно для России. Русский царь всегда стремился и будет стремиться к благу отечества, а не к благоденствию тех или других заинтересованных личностей, но страшен произвол тех, кои царскою мантиею прикрывают себялюбивые виды, и в ряду их заняла бы видное место коллегия, организованная, как то предлагают два члена, коллегия, представляющая не что иное, как нынешнюю Комиссию прошений, усиленную для вящего продолжения старинной своей деятельности.

Вследствие негласного повеления Вашего я принимал участие в первоначальных по сему предмету предположениях, простите, если поэтому говорю с особенным участием об этом деле, которое отношу

к одному из деяний, долженствующих украсить историю Вашего царствования».

26 [мая]. Суббота. В соединенных Департаментах обсуждение проекта учреждения Приамурского ген.-губернаторства[94]. Неполнота сведений поразительна. Решено назначить ген.-губернатора (бар. Корфа), а уже ему предоставить сделать подробное представление об атрибутах своей должности, и в особенности территориально-административной перетасовке.

27 [мая]. Воскресенье. Завтрак у Гагариных с гр. Паленом*. Возня с делами, назначенными к докладу во вторник. Прогулка на островах, народу пропасть.

Вечером у Абазы Любощинский утверждает, что Островский получил обещание от государя согласиться с ним в деле об упразднении Комиссии прошений.

В этот же день был у меня Островский и все время говорил об университетском деле и о намерении своем говорить по вопросу о программах. Между прочим, речь коснулась противного мне Филиппова, и я упрекал Островского в том, что он вывел Филиппова в люди. Островский выражал сожаление о том, что Филиппов в процессе Булах [?] сделал показание, омрачающее честь покойного митрополита Филофея, при этом он сказал, что это похоже на [не] уважение к отцу, как в том был виновен второй сын Ноя[95]. Я поспешил отметить эту квалификацию, как весьма верную, утверждая, что кличка «хам» здесь совершенно уместна. Испуганный такою характеристикою, будто бы исходящею от него самого, Островский поспешил удалиться.

28 [мая]. Понедельник. Просидел все утро за необъятным извлечением из мемории, отправляюсь в 5 час. к Островскому, который только что вернулся с всеподданнейшего доклада из Петергофа. Этот накрахмаленный альбинос стоит посредине комнаты в ленте и белом галстуке и наслаждается тем, что курьеры и чиновники бегают по залам чиновничьего дворца с высочайшими резолюциями. Войдя в комнату, я прямо ставлю ему вопрос так: «Скажите, Михаил Николаевич, что Вы говорили государю по делу об упразднении Комиссии прошений?» *Островский* (сконфузившись): «Сегодня... сегодня я ничего не говорил». *Я:* «Нет, в прошлый понедельник». *Островский:* «Государь так милостив, что после доклада почти всегда со мною разговаривает. Так было и о кавказском транзите, и об элеваторах, так было и о Комиссии прошений. Я за два дня до доклада в Общем собрании получил журнал департамента, я не был приглашен в департаментское заседание, я все это сказал государю и прибавил, что не разделяю мнения большинства, что в самодержавном правлении должна быть при государе коллегия, которая бы отменяла всякое решение и т. д.». *Я:* «Когда меня назначали на должность государственного секретаря, то я сказал государю великую глупость. Когда государь благодарил меня за то, что я принял эти обязанности, то я сказал: «Государь, если бы Вы назначили меня будочником, то по теперешним временам я принял бы и эти обязанности». Потом я подумал, что сказал глупость, но теперь вижу, что это не была глупость и мои обязанности не многим лучше уличного сторожа. Можно ли оставаться служить в Совете, которого единогласные заключения по чисто юридическому вопросу опрокидываются вмешательством представителя фискальных интересов?» Такое замечание не очень понравилось Островскому, но тем не менее мы расстались по внешности друзьями. Обед с Шуваловым и приехавшим из Москвы Бобринским.

29 [мая]. Вторник. В $10^1/_2$ час. еду к вел. кн. Михаилу Николаевичу. Предваряю его обо всем, что узнал от Островского, о всем, что передал мне Шувалов касательно решений, принятых у Толстого относительно того, кто и что будет говорить по университетскому вопросу. Вел. князь сообщает, что ехал с государем в Петербург для парада Измайловского полка, и на вопрос, что он делает, отвечал, что читает громадную меморию по вопросу об уничтожении Комиссии прошений. На это государь заметил, что он не одобряет мысли отдать самим сенаторам рассмотрение жалоб на сенатские решения.

В 12 час. вел. князь завтракает у меня с Шуваловым, едем вместе в Совет, дорогою, между прочим, сетует на то, что не могут найти командиров Кавалергардского и Конногвардейского полков на место удаляющихся Барятинского и Шипова. Отвечаю, что это естественное последствие 20-летних малообдуманных перемен. Приехав в Совет, вел. князь совещается с Николаи и Барановым о порядке обсуждения университетского проекта. Решено идти по порядку разногласий, в департаментах последовавших. Говорит по вопросу о назначении правительственного ректора гр. Шувалов, ему возражают Николаи и Головнин, а поддерживает гр. Толстой; по вопросу о программах и порядке преподавания — Островский, который с некоторою надменностью делает внушение Делянову за сделанные им в департаментах уступки; по вопросу об экзаменационных комиссиях долго, вяло, бездарно говорит Филиппов, его поддерживает Толстой, а с неожиданным, можно сказать, блеском отвечает Николаи. Делянов возбуждает еще несколько пустых замечаний, бессмысленно и неумело передавая

**Далее зачеркнуто:* который всякий раз поражает меня своею ограниченностью, как она ни близко мне известна по горькому опыту.

то, что ему вдолбили Катков и Георгиевский. В итоге заседание проходит довольно успешно, т. е. без скандала для Государственного совета. Требования поставлены Катковым в лице Толстого, Делянова, Островского, поставлены сурово и для Совета не совсем вежливо[96]. После университетского устава докладывается еще несколько дел преимущественно по представлениям Набокова об изменениях в институте присяжных[97].

30 [*мая*]. Среда. Получив от вел. князя уведомление, что государь примет нас обоих в Петергофе в 11 час., еду по железной дороге в Михайловское. Вел. князь высказывает мне свое намерение обратить внимание государя на то, что, подрывая уважение и доверие к высшим государственным учреждениям, как Государственный совет, он наносит вред своему собственному правительственному престижу. Я прошу вел. князя не заводить об этом речи, а настаивать лишь на том, чтобы утверждено было мнение большинства. Когда я выставлял вел. князю, что гораздо удобнее было бы для меня говорить с государем с глазу на глаз, а равно и ему говорить с племянником без свидетеля, то он с чрезвычайным добродушием возразил мне: «Нет, я себя знаю, меня всегда убедит тот, кто со мною спорит, а пред государем я совершеннейший пас...»

Дорогою в коляске, покуда я указывал на аргументы, которые можно было бы привести в подкрепление мнения большинства, вел. князь повторял лишь: «А что мы сделаем, если государь согласится с двумя членами?!»[98]

По приезде на ферму, или коттедж, мы нашли там Рихтера, вызванного государем. В 11 час. началось при его участии в кабинете государя совещание. Сначала вел. князь сказал, что просил о таком совещании вследствие слов, сказанных ему государем в вагоне о несогласии с большинством. Государь тотчас вступил в обсуждение вопроса, заявив, что не считает возможным утвердить это мнение, потому что не разделяет мнения о том, что верховная власть не должна участвовать в ходе правосудия, что судебные уставы были утверждены покойным государем по настоянию лиц, желавших навязать ему конституцию, к которой это и был первый шаг, что конституцию он считал бы очень покойною для себя самого, но очень опасною для России мерою, что он считает необходимым изменить в этом отношении судебные уставы и для этого назначит комиссию под председательством вел. кн. Михаила Николаевича.

Ошеломленный такою речью и не теряя из виду цели — добиться утверждения мнения большинства, но вместе с тем не желая молчанием выразить одобрение мыслей, мною не разделяемых, я сказал:

«Нет сомнения, Ваше величество, что каждый из Ваших подданных был бы счастлив, если бы мог рассчитывать на то, что дело его решится столько высоким и беспристрастным, как Вы, судьею, но я сомневаюсь, чтобы обширные и сложные лежащие на Вас обязанности позволили Вам уделить на это время. Я оспариваю эту мысль с точки зрения, так сказать, статистической. Но кроме того, если я признаю, что уголовное правосудие составляет атрибут политической власти, то не могу сказать того же о правосудии гражданском. В имущественном процессе исход не имеет политического значения; для верховной власти все равно, будет ли этот стол отдан ген. Рихтеру или мне; но если получу его я по распоряжению верховной власти, то недоволен будет мой противник, и наоборот».

Здесь Рихтер прервал меня почти комическою выходкою: «Извините, Александр Александрович, — сказал. — Право собственности есть политическое право».

Я с грустью посмотрел на этого представителя нового юридического учения и продолжал: «Независимо от всего этого вопрос ставится так, что окончательно решить его сегодня невозможно, между тем Комиссия прошений упразднена, судебных ее функций передать командующему Главною квартирою невозможно, что же остается делать? Если Ваше величество изволите утвердить мнение большинства, то это будет лишь временное распоряжение, которое впоследствии изменится новыми законоположениями».

Государь: «В таком случае я соглашусь на это, назначив годичный срок». *Я:* «Это будет иметь то неудобство, что по истечении года новое мероприятие может быть не готово и Ваше повеление может оказаться неисполнимым».

Мой союзник, вел. князь, в порыве верноподданнической преданности предложил немедленно распорядиться составлением комиссии о переделке судебных уставов, видя в этой мере лишь одно лестное для него председательствование. Я поспешил заявить, что и этого сегодня решить нельзя, а следует предварительно обдумать. Мемория Государственного совета лежала пред государем на столе, и я надеялся добиться, что он напишет резолюцию, однако он от этого уклонился и сказал, что пришлет резолюцию после.

По окончании заседания, когда уже все встали, Рихтер сказал: «С 1 июля я должен нанимать помещение для своей канцелярии, позвольте спросить, Ваше величество, должен ли я рассчитывать на помещение в Мариинском дворце?»

Государь: «Да, министр финансов, кажется, не встречает препятствий».

Я: «Ваше величество! Так как я принимаю в этом деле некоторое участие и желал бы избегнуть в будущем нареканий и упреков, то я прошу у Вас позволения категорически поставить Вам вопрос: Вы не имеете ничего против мысли, чтобы Совет удалился из-под крыши Вашего Зимнего дворца?»

Государь: «Ничего не имею. Ведь и то помещение будет называться дворцом».

Вел. князь: «И даже можно будет сохранить название Мариинский дворец».

Било 12 час., государь напомнил о том, что его ожидает множество представляющихся, и мы разъехались.

В Михайловском нас ожидала вел. кн. Ольга Федоровна, которой, разумеется, вел. князь стал рассказывать все заседание, причем я вставлял редакционные исправления и комментарии.

После завтрака я еще настаивал у вел. княгини, чтобы она не допускала вел. князя принимать председательствования в проектируемой комиссии.

В 2 часа вернулся по железной дороге в Петербург с Фришем, которому рассказал в общих чертах результаты совещания.

В 4 часа ко мне прибежал Набоков, которого государь не принял в этот день с докладом. Узнав об исходе заседания, он стал утверждать, что при ином исходе он бы вышел в отставку.

В 8 час. свадьба Пистолькорса в Конногвардейской церкви. В $9^{1}/_{2}$ уезжаем в Ранги с Убри, Влангали и Гагариным.

31 [мая]. Четверг. Погода превосходная. Целый день прогулки в восхитительной местности Раптей.

1 июня. Раскопки на берегу озера, находим предметы языческой эпохи. В 9 час. выезжаем из Луги и в $12^{1}/_{2}$ достигаем Царского Села.

2 июня. Суббота. Торжественный въезд невесты вел. кн. Сергея Александровича[99]. Приезжаю из Царского Села. В Зимнем дворце мне не дают покоя с расспросами о Комиссии прошений. Я забыл упомянуть, что на мемории Государственного совета государем написано против мнения 44 членов: «Согласен временно, на один год», то же самое написано на положении о Канцелярии прошений при командующем Главною квартирою, а на штате канцелярии, проектированной для сенатского присутствия, написано карандашом: «Мне кажется, это совсем лишнее».

Прежде чем ехать на церемонию, я отправился к вел. князю прочитать эти резолюции.

Он предложил мне написать доклад от его имени относительно приведения в исполнение этих несогласованных резолюций, но я от-

вечал, что по 141-й статье учреждения Государственного совета эта обязанность лежит на мне и я должен поднести проект исполнения к высочайшему подписанию. Хотя это и не совсем понравилось моему председателю, но он убедился, что это необходимо, и вел. княгиня подкрепила его в этом.

3 июня. Воскресенье. Во дворце — Толстой и Победоносцев были у государя на другой день после совещания и знали о его подробностях. Кн. Долгорукий выразил мне свое удовольствие относительно этой резолюции. На его комплименты о моем участии в ней я отвечал, что не понимаю его слов, потому что, занимаясь исключительно делопроизводством, никакого участия в резолюциях не имею. Набоков и Сольский стараются косвенными расспросами выведать подробности состоявшегося заседания, о которых я не сообщаю никому, кроме почтенного гр. Баранова. Добросовестно присутствую на всех трех церемониях: а) бракосочетания, б) обеда, в) куртага. В промежутки опускаюсь в канцелярию и пишу свое извлечение из мемории. В 10 час. еду к Абазе, с балкона коего смотрю на подъезжающие к Белосельскому дворцу золотые кареты.

Абаза рассказывает, что обедал рядом с Толстым, который был чрезвычайно любезен и сообщил, что в Харьковской и Киевской губернии возникли беспорядки между крестьянами, пытавшимися овладеть землею помещиков, так что пришлось выводить против них войска[100].

Другой рассказ Толстого о том, что, получив письменно показание одного мичмана, арестованного по обвинению в политическом преступлении, Толстой послал это показание государю, который, видя в нем признаки искреннего раскаяния, велел привезти к себе обвиняемого и после разговора с ним освободил его немедленно[101].

4 [июня]. Понедельник. Завтрак у вел. князя. Нескончаемое заседание в Государственном совете. Победоносцев восстает против проекта Набокова о введении судебных следователей в Сибири[102]. Грейг в качестве записного фритредера долго, но не красно опровергает проект Бунге о пошлинах на чугун и уголь, ему отвечает блистательно Абаза. Заседание затягивается после 6 час., и я с Убри и Влангали опаздываю к обеду в Царское Село, где нас ожидают Швейниц, Сталь, только что назначенный послом в Лондон, два брата Капнисты.

Разговор о принце Баттенбергском, который обиделся тем, что за обеденным столом его посадили со свитою, а не с членами императорского семейства, вследствие такой обиды он не пришел на бал. Государь сказал Швейницу: «C'est stupide de sa part, c'est un affront qu'il me fait»*.

---

*«Это глупо с его стороны, он наносит мне оскорбление».

5 [*июня*]. Вторник*. Получаю меморию с согласием на мнение большинства в пустом вопросе о порядке выдачи пенсий малолетним, воспитывающимся в учебных заведениях. Еду на поздравления новобрачных. Откланявшись, перехожу в соседнюю комнату, где стоят Мария Павловна и герцогиня Эдинбургская, к ним подходят вел. князья Михаил, Николай, Алексей и звучно их целуют. Объявляю Марии Павловне, что не хочу присутствовать при таких сценах и иду жаловаться ее мужу.

На лестнице встречаю Победоносцева и иду к нему, чтобы заручиться его мнением по вопросу об исполнении резолюций о Комиссии прошений. Сходимся в том, чтобы назначить председателем в это присутствие Каханова, а членами — сенаторов, на канцелярию отпустить огульную сумму. Победоносцев не перестает восклицать: «Нету людей! Художника нету, чтоб все это сводить к единству» и т. п. Решается ехать говорить с государем по университетскому делу и проговаривается мне о том, что ему предоставлено являться в 2 часа после завтрака.

Гагарин приходит проститься, уезжая в тульскую деревню, встревожен высылкою Пашкова и Корфа[103], опасается, что та же участь постигнет его жену. Намеревается продать все свои земли.

6 [*июня*]. Среда. Спокойное утро в Царском Селе. Визит гр. Бобринской, страдающей непонятными в челюстях болями. Бар. Штиглиц [рассказывает] о Нарвской мануфактуре и покупке земли, смежной с фабриками и домами.

7 [*июня*]. Четверг. Является ко мне г. Досса, опекун имения малолетних Башмаковых, заявляет, что опека не хочет иметь дела с Хотимским, предложившим мне покупку Богословского округа, а желает вступить в прямые со мною сношения. Совещание с ним и Эстеррейхом. Обед на Каменном острове, обсуждение вопроса о покупке Штакельберговой земли рядом с Нарвскою фабрикою. Вернувшись домой, нахожу массу бумаг.

8 [*июня*]. Пятница. Новое совещание с Доссою и Эстеррейхом. Взаимные уступки приближают к соглашению. Получаю от государя приказание быть в Петергофе завтра в 12 час. Считая необходимым предварить вел. князя и по возможности ослабить неприятность впечатления прямых между государем и мною сношений, еду в Михайловское. Застаю вел. княгиню в креслах на террасе, возле нее гофмейстер и фрейлина рассказывают сплетни и выслушивают не особенно снисходительные оценки ее высочества. Вел. князь у себя в кабинете

* *Далее зачеркнуто:* Спокойный день в Царском Селе.

читает бумаги. Разговор приблизительно следующий. *Я:* «Вот, Ваше высочество, бумаги по исполнению высочайших резолюций о Комиссии прошений». (Следует чтение бумаг.) Вел. князь по выслушании этого чтения непременно хочет их подписать, я ему доказываю, что хотя это не более как канцелярская формальность, но правильнее, чтобы подписывал я, как составитель этих бумаг, исполняя в этом случае прямое приказание государя.

Вел. князь (находящийся всегда под влиянием последнего пережитого впечатления): «Третьего дня у Евгении Максимилиановны был бал, были там государь и императрица, и был бал в тот самый день, когда появился приказ об увольнении Александра Петровича Ольденбургского. Он уже пред отъездом на Мадеру просил Рихтера доложить государю, что желает быть уволенным, причиною тому были недоразумения с Владимиром Александровичем, который командует округом и иначе смотрит на службу. Евгения Максимилиановна и Александр Петрович очень обижены тем, что увольнение последовало без всякого с ними объяснения со стороны государя. Я высказывал это Алексею, а он мне отвечает: «Ну, вот еще церемониться с Александром Петровичем, таких генералов сотни», а я ему отвечаю: «Во-первых, он член нашего семейства, а во-вторых, это все та же привычка и у тебя, и у обоих твоих братьев избегать объяснений в случае недоразумений, вот почему вы и теряете людей полезных».

Я: «Правда, что Александр Петрович не потеря для армии, в коей он не особенно любим».

Вел. князь: «Да, но что он станет теперь делать? Хотя он и говорит, что рад быть свободным, но ведь ему нужны же занятия, а что же у него теперь будет: Училище правоведения да яхт-клуб».

Потом разговор коснулся последнего у государя доклада, при этом вел. князь с грустью сказал: «О делах государь не сказал мне ни слова, ни о Комиссии прошений, ни об университетском уставе, а говорил лишь о семейных делах».

Вслед за тем вел. князь сообщил мне, что читает записки к следующему заседанию Комитета министров, и в частности представление Посьета об избрании направления для Сибирской железной дороги[104]. Я заметил вел. князю, что это напрасно потраченное время, так как я слышал из уст самого Островского, что он говорил государю о неудобстве рассматривать это представление теперь, когда большинство министров разъехалось, и что согласно сему последовало повеление отложить рассмотрение этого представления до осени. К этому я прибавил, что все это передано мне было Островским с такою самоуверенностью, проистекающею от убеждения в расположении к нему

государя, что поневоле приходится задуматься над следующею сессиею. Если вмешательство Островского в дела Государственного совета продлится и усилится, то я теряю надежду быть полезным и считаю обязанностью предварить вел. князя, что при этих условиях я не стану продолжать службы государственного секретаря, что я не раз уже говорил вел. князю о намерении отдохнуть от тяжелых этих обязанностей, что меня останавливает одно опасение покинуть собранных мною в Государственной канцелярии людей на какую-нибудь личность, подобранную Островским с компаниею, которая будет состоять у них на побегушках. Вел. князь стал меня задабривать перспективою министерского портфеля, на что я ему отвечал, что ни в коем случае такого не приму в теперешнем сотовариществе с другими подобными Островскому ничтожными личностями и что желал бы получить подобное предложение только для того, чтобы убедить его, вел. князя, в искренности моих слов. В заключение я благодарил вел. князя за его добрые ко мне отношения и выразил надежду, что отношения эти сохранятся и в том случае, если я оставлю службу.

Сев в коляску, еду прямо в Царское Село. После обеда возвращаюсь в Петербург. В вагоне встречаю Валуева, который строго критикует управление Островского, относительно меня говорит: «Votre position est bien difficile, car vous n'avez pas de point d'Archimède et sans cela il faut se servir du balancier»*. Я ему возражаю, что у меня Архимедова точка во мне самом.

9 июня. Суббота. По 10-часовому поезду еду в Петергоф. Заезжаю к Черевину, который сообщает мне, что в 12 час. уезжает принц Гессенский[105], а в 2 часа — король греческий[106]. К 12 час. приезжаю в Александрию. Камердинер объявляет мне, что государь уехал провожать принца Гессенского и просил меня подождать. Действительно чрез пять минут подъезжает государь, и вслед за тем меня зовут наверх, в кабинет государя.

Государь: «Извините, я Вас заставил подождать». *Я* (поклонившись и сев против государя на другую сторону стола): «Позвольте, Ваше величество, прежде всего прочитать Вам ст. 141 учреждения Государственного совета. Вот согласно этой статье государственный секретарь (показывая на себя) подносит государю императору (показываю на него) на высочайшее воззрение исполнение Вашей резолюции. — При этом я положил на стол привезенные мною бумаги. — Вот первая Ваша резолюция: «Утверждаю временно, на 1 год, но не при Сенате,

* «Ваше положение очень трудно, потому что у вас нет точки опоры Архимеда, а без нее вам придется пользоваться маятником».

а при Государственном совете». Согласно с этим написано временное положение, в тексте коего сделаны подлежащие изменения».

Государь: «Написать ли: «Быть по сему»?»

Я: «Так как все это учреждается на время, то, быть может, довольно будет написать: «Утверждаю». Вот затем Ваша резолюция на штат канцелярии Особого присутствия: «Мне кажется, это лишнее». Вам не угодно, государь, утверждать штата канцелярии, но, вероятно, Ваше величество не предполагали, однако, возложить всю канцелярскую работу на стариков, имеющих составить это присутствие. Я понимаю так, что Вашему величеству не угодно учреждать новых должностей, но что здесь исчисленная на этот расход сумма, около 16 тыс., не играет никакой роли, если так, то не угодно ли Вам отпустить эту цифру, а делопроизводство возложить на чиновников, коих я для этой цели причислю к Государственной канцелярии?»

Государь: «Очень хорошо».

Я: «Угодно Вам в таком случае написать сообразную с тем резолюцию?»

Государь: «Это будет очень длинно, напишите ее сами».

Я: «Но как же Вы хотите, государь, чтобы я своим почерком отменил то, что Вами собственноручно написано?»

Государь: «В таком случае пришлите мне особый доклад, который я и утвержу».

Я: «Слушаюсь».

Убрав бумаги в портфель и сделав краткую паузу, я сказал нечто, сущность чего было следующее: «Говоря в последнем совещании, за этим же столом происходившем, Ваше величество, между прочим, изволили сказать, что по этому делу произошло недоумение, так как я причастен к этому недоумению, то прошу у Вас позволения представить некоторое разъяснение. Внесенная ген. Рихтером с Вашего разрешения записка была передана в комиссию, председателем коей был покойный Ковалевский. Он прежде всего изучил свойство дел, в Комиссии прошений производившихся, дела, кои можно было передать командующему Главною квартирою, были ему переданы, затем остались дела чисто судебного свойства. Рихтер заявил, что желал бы вполне себя от них отстранить, я заявил, что за последние годы усилия правительства направлены к тому, чтобы Государственный совет как высшее законодательное учреждение освободить от дел судных. Тогда не зная, куда приурочить эту категорию дел, и вспомнив о множестве сенаторов, уже без того получающих жалованье и почти ничего не делающих, предложили образовать присутствие из этих лиц, ограничив их деятельность исключительно рассмотрением всеподданнейших жалоб на решения департа-

ментов Сената с правом даже не отказывать, как это делала Комиссия прошений, а обо всем представлять на высочайшее усмотрение. Эту комбинацию с некоторыми изменениями поддерживает Победоносцев, доверенное Ваше лицо, доктор прав, проведший всю жизнь в судебных и юридических занятиях, эту мысль принимают и соединенные Департаменты и Общее собрание, во всех этих совещаниях участвует Рихтер, коего Вы постоянно видаете, и вдруг в зале Государственного совета распространяется слух, что по докладу и объяснениям представителя камеральных интересов министра государственных имуществ Ваше величество склоняетесь к мнению, противоположному тому, что высказал Совет. Вы легко поймете, как подобный слух, противный достоинству самодержавия Вашего, меня встревожил и заставил написать Вам письмо с просьбою приостановиться начертанием резолюции».

Государь: «Да, я виноват тем, что не посмотрел внимательно внесенную Рихтером записку». *Я:* «Причины этого недоумения, государь, глубже и заставляют меня несколько опасаться за будущее. Главная причина та, что между Вами порвана существовавшая прежде между императором и Советом духовная связь. В царствование императора Александра I Сперанский, Шишков, при Николае Павловиче Чернышев, бар. Корф, при покойном государе вел. кн. Константин Николаевич постоянными разговорами доводили до сведения государя о важнейших делах, знали его мысль и высказывали свою. Теперь вел. кн. Михаил Николаевич, о коем мне не хотелось бы произнести ни единого неодобрительного слова, так я преисполнен к нему благодарности за установленные им ко мне отношения, вел. кн. Михаил Николаевич не решается говорить Вам что бы то ни было, как я ни прошу его говорить то или иное, он отвечает мне, что он пред Вами совершеннейший пас (sic)... Мне это совершенно непонятно, потому что нет человека, которому мне было бы столь легко говорить правду, как Вам, но между тем это так, и вот почему мне поневоле приходится иной раз писать Вам, и притом писать очень смело, быть может, придется писать еще больше, скажите заранее, если это Вам не нравится. Моя цель одна, чтобы предмет был в глазах Ваших по возможности освещен со всех сторон, а не с одной только, а между тем Государственный совет для этого освещения не имеет других средств, кроме той холодной мемории, которую еженедельно Вам представляю. Министры, напротив, при своих еженедельных докладах имеют возможность высказать Вам многое, и, конечно, не в выгоду Совета. Государь, я проделал теперь две сессии и, конечно, не стану особенно восхищаться мудростью Совета, но за ним большая заслуга, заслуга, так сказать, отрицательная, он останавливает и часто в корне изменяет представляемые ему проекты, и это, разумеет-

ся, очень не нравится лицам, вносящим эти проекты, но могу заверить Вас, что такое сдерживание в высшей степени полезно. В нынешнюю сессию я был свидетелем, как один министр не мог объяснить Совету свойство одной категории дел, исчислявшихся в его представлении, другой — оставил на столе печатное представление, им внесенное, но, очевидно, без его ведома составленное его подчиненными, с указанием усмотренных им самим несообразностей, третий — прислал замечания, обведенные его рукою по карандашным наброскам постороннего лица, четвертый — спрашивал меня письменно, почему останавливается разрешение в Совете интересующего его дела, на что я отвечал, что дело решено пять лет тому назад с возложением на вопросителя особого по этому делу поручения».

Государь: «Да, они все нашли такой хаос, что до сих пор с ним справиться не могут».

Государь еще вернулся к предположению о необходимости учредить комиссию, которая бы изменила установленный судебными уставами порядок в том смысле, чтобы жалобы могли доходить до верховной власти, причем сказал, что, разумеется, надо будет строго ограничить случаи, когда можно будет жаловаться.

На это я возразил, что мне начертание такого порядка представляется крайне затруднительным.

Государь отвечал, что, конечно, это должны сделать специалисты. *Я:* «Я очень счастлив, государь, слышать от Вас это слово. Юридическое дело есть такое же специальное дело, как дело артиллерийское, архитектурное, кораблестроительное. Что прикажете делать, когда Вам говорят то, что сказал мне Рихтер на последнем совещании, будто право собственности есть право политическое? Дед Ваш, государь, по предложению Сперанского отправил несколько юристов в Германию для того, чтобы, изучив юриспруденцию, они участвовали в составлении свода законов. В числе их был, например, Неволин, которого я слушал и который мне твердил, что право собственности есть право гражданское, а Рихтер говорит, что это право политическое. Я догадываюсь, что он говорит под влиянием остзейских понятий о дворянской собственности, но что, если он захочет проводить эти понятия в русскую жизнь и все это Вашим именем? Вот хоть бы и для этого нового присутствия нужен председатель из членов Государственного совета. На ком остановиться? Я говорил об этом с Победоносцевым, и он указывает на Каханова».

Государь: «Каханов способный человек, но бесхарактерный».

Я: «Да, это общая черта чиновничества. Как же иного и требовать. Ведь если Вы меня прогоните, я не умру с голода, а если бы моя жена

17-922

и дети жили на мое жалованье, так, может быть, я не стал бы Вам говорить все то, что говорю. Великая была ошибка правительства уничтожить поместное дворянство, помещика. Это трудно поправить. Назначение Каханова имело бы ту выгоду, что, привлекая его к другой деятельности, оно поставило бы на второй план его комиссию, в коей Толстой является столь категорическим ему противником. Признаюсь, я ни с тем ни с другим не согласен. Один говорит: «Все», другой: «Ничего». Я бы взял из кахановского труда отдельные части и внес бы их на законодательное утверждение».

Государь выразил сожаление о том, что в настоящее время нет людей, и надежду, что они, может быть, впоследствии явятся.

Я: «С этим, государь, я совершенно не согласен. Наш русский народ способнее всякого иного, люди есть, только их искать трудно, и я не вижу, что может в близком будущем умножить число способных людей. Совершенных людей нет, надо пользоваться их хорошими качествами. Ну что же, например, гр. Толстой меня упрекает в том, будто бы я провел в члены Департамента экономии своего приятеля Абазу, а после двухчасовой речи Абазы против Грейга в последнее заседание Государственного совета я спрашиваю гр. Толстого, кто полезнее — Абаза или рекомендованный гр. Толстым Мансуров 2-й, который в течение двух лет не разинул рта?»

В заключение я упомянул об удовольствии по поводу утверждения государем двух журналов Танеевской комиссии об уничтожении чинов[107]. При этом прибавил, что, быть может, предположение об уничтожении чинов может вызвать возобновление высказанной гр. Уваровым мысли, будто такая мера может нанести ущерб самодержавию, но что, по моему мнению, самодержавию, напротив, полезно иметь хороших чиновников, и не больше того, сколько их нужно. Для достижения такого результата, по моему мнению, необходим государственный экзамен для всех поступающих на государственную службу. Я кончил намеком на связь этого вопроса с проектом университетского устава.

В 1 час на экстренном поезде в Петербург. Застаю в Государственном совете чтение университетского журнала. Отвесив низкий поклон вел. князю, сажусь на свое место. Тотчас по окончании заседания вел. князь вызывает меня на сообщение того, как происходило свидание с государем, разумеется, сообщаю лишь то, что ему приятно слушать без ущерба делу.

Вел. князь желает благодарить ст.-секретарей за их труды. Услышав от трех из них, что они собираются ехать на Кавказ, пускается в длинный рассказ о том, как кн. Дондуков доволен кавказскою армиею, что не может почесться особенно уместным.

Совещание с гр. Барановым, Сольским, Бунге и Петровым о том, на каких основаниях приобрести Мариинский дворец. Свойственное Сольскому высокопарное пустословие по обыкновению носит явственный характер его бесхарактерности.

10 [июня]. Воскресенье. Спокойное утро в Царском Селе, обед на Каменном острове.

11 [июня]. Понедельник. Продолжительный разговор с Эстеррейхом о богословском деле. Условия покупки — цена $5^1/_2$ млн., из коих 2 состоят в долгу государственному казначейству и рассрочены на 36 лет, 1870 тыс. Государственному банку будут рассрочены применительно к первому долгу, наличный платеж составляет 1630 тыс. и расходы по купчей.

12 [июня]. Вторник. В 9 час. в Петербурге. Англичанин Mehie предлагает перекупить богословское дело. Новое совещание с теми же лицами о том же Мариинском дворце и с тем же результатом. Обед в Царском с Ребиндером и И. Шамшиным, который весьма доволен, что опять перебрался в Петербург.

Пятница, *15 [июня]*. Окончание богословской покупки[108]. Узнав об отъезде государя в финляндские шхеры, пишу вел. князю письмо с просьбою послать это письмо государю. В письме доказываю необходимость назначения председателя в особое присутствие для всеподданнейших жалоб, вновь учрежденное при Государственном совете[109]. Вел. князь отвечает, что находит неудобным навязывать государю кандидата и постарается обделать дело на словах. Возражаю письменно, что он опять испортит дело, которое придется исправлять, тогда как теперь оно еще всецело в наших руках.

Суббота, *16 [июня]*. Получаю письмо от Рихтера с уведомлением, что государь поручил написать рескрипт на жалуемую кн. Долгорукову бриллиантовую табакерку.

Воскресенье, *17 [июня]*. Целый день разнообразные прогулки по восхитительным Царскосельскому и Павловскому паркам. Записки Меттерниха[110].

Понедельник, *18 [июня]*. Еще глупое заседание о Мариинском дворце с пошлыми притязаниями управляющего делами Комитета министров Куломзина. Рихтер рассказывает, что он выпросил Долгорукому табакерку. Обед на Каменном острове. После обеда едем с Влангали в «Ливадию», где встречаю Никиту Всеволожского, восхищающегося богословским делом.

Вторник, *19 [июня]*. Завтрак в яхт-клубе с приехавшим из Михайловского вел. кн. Михаилом Николаевичем, который рассказывает, что пред отъездом государя был им принят, предложил Каханова в пред-

седатели, на что последовало немедленное согласие с оговоркою: «Бесхарактерный человек». На что вел. князь возражал, что в деле судебном этот недостаток не имеет тех неудобств, как в деле административном. Затем вел. князь просил государя не торопиться резолюциями на университетскую меморию, а еще собрать по возвращении небольшое совещание для обсуждение главных предметов разногласия, на что государь отвечал: «Что же, это можно будет сделать».

Едем вместе в карете до Зимнего дворца, при этом читаю рескрипты, написанные мною на имя кн. Долгорукого. *Вел. князь:* «Это слишком лестно по тому понятию, которое имеет о нем нынешний государь и имел покойный».

По приезде в Комитет министров Победоносцев рассказывает, что видел государя лишь в течение нескольких минут пред его отъездом. Когда Победоносцев заговорил об университетском деле, то государь сказал, отвечая на возражения против правильности введения государственного экзамена: «Что же делать, когда этого требуют и теперешний министр народного просвещения, и его предшественник?»

Победоносцев вынес такое впечатление, что вопрос решен заранее, согласно мнению Толстого.

Среда, *20* [*июня*]. Изготовив к отправке университетскую меморию, пишу государю следующее: «Ваше императорское величество, представляя Вам меморию по проекту университетского устава, я не стану обременять Вас чтением моего обычного извлечения по делу, которое вследствие сопровождающей его страстности, вероятно, уже отняло у Вас много времени. Прошу лишь позволения доложить о стороне, так сказать, делопроизводственной, входящей в мои обязанности. Разногласия имеют предметом две совершенно различные категории мероприятий: а) одна направлена к усилению авторитета власти в университетах, сюда относятся — порядок назначения должностных лиц, ограничение компетенции ученых коллегий, дисциплинирование студентов путем инспекций, общежитий, субсидий и т. д.; б) другая предлагает коренную реформу в учебном деле введением для студентов государственного экзамена в 1888 г. С этим мероприятием, предлагаемым 13 членами, связаны вопросы о безусловной свободе преподавания, предоставляемой профессорам, и об отмене вследствие того наблюдения министра просвещения за программами преподавания.

Эта вторая часть проекта состоит в связи с вопросом о введении государственного экзамена для всех поступающих на государственную службу. Вопрос, можно сказать, предрешен, *во-первых*, намерением

Вашего величества заменить чины должностями, *во-вторых*, трудами Деляновской комиссии, которые, по засвидетельствованию самого председателя, еще нынешнею осенью будут внесены на рассмотрение Государственного совета.

Есть ли достаточная необходимость при таких условиях провозглашать, что чрез четыре года государственный экзамен введется для русских университетов (не касаясь Дерптского и Варшавского), и таким провозглашением производить безрезультатный покамест переполох в тысячах учащегося, учащего и близкого к ним обоим всего русского населения? Не проще ли вопрос о государственном экзамене отложить до введения такого экзамена для всех поступающих на государственную службу, а до тех пор улучшить нынешний порядок экзаменов, дав министру самые обширные на то полномочия, как предлагает большинство?

Простите, что безгласный по закону секретарь позволяет себе высказывать свое мнение, но в действительности это не мнение, а только справка о положении вопроса вне стен Совета, положении, известном мне по доверию, которое Вам угодно было мне оказать.

У государственного секретаря должна быть на первом плане забота о том, чтобы в действиях правительства было законодательное единство, а не нарушится ли это единство весьма осязательно, если сегодня последует обещание установить в 1888 г. государственный экзамен исключительно для русских университетов: нынешнею осенью ст.-секретарь Делянов внесет в Совет свои предположения об общем государственном экзамене, в 1885 г. сделаются известны труды Танеевской комиссии, поставляющей государственный экзамен как существенное условие для благодетельного уничтожения чинов. Не лучше ли все это произвести постепенно и в согласии, а не урывками, сделать это гораздо ранее, чем чрез четыре года, приступив немедленно и без особенной ломки к многочисленным усовершенствованиям, кои внесет в университетскую жизнь новый устав?

Простите, государь, если возьму смелость коснуться еще одного обстоятельства. Вел. князь передавал мне сделанное им заявление о пользе особого в присутствии Вашем совещания. Мысль эту я поддерживал прежде перехода дела в Общее собрание, надеясь, что таким способом главные министры Вашего величества придут к соглашению и дружно поддержат мероприятие, в каком бы виде оно ни вышло из Государственного совета. Теперь обстоятельства совершенно изменились. Каждый из министров высказал свое последнее слово, притом некоторые разъехались и усмотрели в таком позднем совещании действие, против них направленное, наконец, дело это уже слишком за-

тянулось и, по-видимому, выяснилось во всех подробностях, настала пора решить его Вашим самодержавным словом».

Читаю переписку Меттерниха. Что за посредственность!..

К обеду приезжает Бунге. Какая чистая, честная натура, но как многого ему недостает, чтобы достигнуть результатов материальных, не оставаясь в сфере мышления, хотя бы и наиболее уважительного.

30 июня. Длинная прогулка с вел. кн. Владимиром Александровичем. Рассказы о его путешествии. Посылая государю последнюю за эту сессию меморию, пишу следующее: «Прошу у Вашего императорского величества позволения остановить несколько минут внимание Ваше на представляемой мемории. Несмотря на внешнюю свою бессодержательность, она чрезвычайно характеристически подтверждает то, что я докладывал Вам в последний раз об умеряющем, сдерживающем влиянии Государственного совета.

Действительно, первый законопроект (о форменной одежде студентов) признается не требующим законодательной санкции, второй (о переселении) — вследствие основательных опасений заменяется денежным расходом, третий (о расширении Батумского порта) — оказывается идущим вразрез с целями торговой и международной политики нашей.

Переходя к расходам, оказывается, что в одном ведомстве (военном) сделана полумиллионная передержка без всякого объяснения тому причин и без испрошения на то разрешения, в другом (путей сообщения) — делается приплата за такую работу, для которой существуют особые чиновники, в третьем (морском) — цифры, служащие основанием представления, оказываются неверными, в четвертом (синодальном) — не представлено сведений о повреждении, которое предполагается исправлять, в пятом (внутренних дел) — умножаются расходы на чиновников по мере того, как дело, этим чиновникам порученное, переходит в другие руки, в шестом (просвещения) — испрашивается расход на учреждение в то самое время, когда учреждение это закрывается.

Все эти факты (резко вследствие сжатости изложения мною представленные) подтверждаются самими министрами, подписавшими журналы Совета. Значит ли это, что я являюсь их обвинителем? Нисколько. Я дерзаю выступить лишь комментатором к сделавшейся мне близко известною деятельности Совета.

Министры завалены несоразмерным трудом. Они необходимо состоят в зависимости от своих канцелярий, заготавливающих работу, не имеющих никакой между собой связи и единства и рассматривающих высшие правительственные учреждения, и в особенности Государственное казначейство, как нечто враждебное, тормозящее, нечто такое, что не грех подчас обойти, лишь бы достигнуть своей цели.

Вот с этой точки зрения — объединения правительственной, законодательной и финансовой деятельности — Государственный совет приносит положительную пользу, вызывая весьма понятное неудовольствие, нетерпение и т. п., особенно в тех лицах, кои, имея прямой доступ к Вам, государь, имея возможность получить непосредственное от Вас одобрение своих мыслей, видят в Совете лишь помеху своим предначертаниям. А между тем при бедности, незрелости умственных сил, отличающих и все наше русское общество, и самих правительственных деятелей, всякое хотя сколько-нибудь разностороннее обсуждение нового мероприятия приносит несомненную пользу.

Простите, что отнимаю у Вас время чтением этих страниц. Вы сами, государь, возложили на меня несомые мною по крайнему моему разумению обязанности. Вы сами приучили меня говорить Вам, не обинуясь, все то, что почитаю полезным для службы Вам и отечеству».

6 июля. Пятница. Еду обедать в Михайловское к вел. кн. Михаилу Николаевичу. Обед с хозяевами, детьми, гувернерами, доктором. Почтенно, но весьма скучно. После обеда интимные сплетни с вел. княгиней. *Вел. княгиня:* «Que fait la grande duchesse?» *Я:* «Je n'en sais rien, madame, je ne la vois guère. Hier je suis allé à la gare dire adieu au comte Baranoff qui partait; il y avait dans le train la comtesse Adlerberg; je causais avec tout ce monde, la grande duchesse s'est approchée; je lui ai fait un profond salut, mais elle m'a tourné le dos». *Вел. княгиня:* «Pourquoi?» *Я:* «Il faut croire qu'il y a eu quelque commérage». *Вел. княгиня:* «C'est une personne avec laquelle on ne sait jamais où on en est. Du reste je crois que c'est la même chose avec l'impératrice»*. Нас прервал вел. князь, пригласивший меня к деловому разговору приблизительно такого содержания. *Вел. князь:* «В последнюю среду на доклад ничего особенного не было, я только обратил внимание государя на то, что он выразил Посьету публичную благодарность за бережливую постройку Екатерининской дороги, тогда как гр. Баранов и государственный контролер Сольский особыми всеподданнейшими докладами указывали на допущенную при этой постройке расточительность[111]. Государь отвечал, что

* *Вел. княгиня:* «Что поделывает вел. кн. [Мария Павловна]?» *Я:* «Не знаю, ваше высочество, я ее не вижу. Вчера я отправился на вокзал, чтобы попрощаться с уезжавшим графом Барановым; в поезде находилась графиня Адлерберг; я беседовал со всем этим обществом, когда приблизилась вел. княгиня, я отвесил ей глубокий поклон, но она повернулась ко мне спиной». *Вел. княгиня:* «Почему?» *Я:* «Надо думать, что пущена какая-то сплетня». *Вел. княгиня:* «С этой особой никогда не известно, на что рассчитывать. Впрочем, мне кажется, что с императрицей дело обстоит точно так же».

при настоятельной просьбе Посьета ему трудно было отказать в выражении этого благоволения. Об университетском уставе не было говорено ни слова, я собрался уходить и, приближаясь к двери, осматривал комнату, чтобы найти глазами нашу объемистую меморию. Она оказалась раскрытою на стуле, очевидно было, что государь занят чтением ее. Тогда я спросил государя: «Что же ты намерен делать с университетскою мемориею?», на что государь отвечал мне, что при чтении многочисленных разногласий он находит в обоих мнениях столько веского и уважительного, что желал бы, прежде чем решить дело, собрать у себя главных представителей различных мнений, и думает, что совещание это может привести к соглашению. При этом государь прибавил, что такое соглашение возможно только по возвращении главных лиц, принимавших участие в обсуждении дела».

Я: «Ваше высочество, разумеется, государь думает о Толстом и Островском, но не забудьте, что гр. Баранов председательствовал в 20 заседаниях и что без него было бы весьма нежелательно собирать такое совещание, он даже выразил мне это в день своего отъезда». Вел. князь обещал иметь за этим наблюдение.

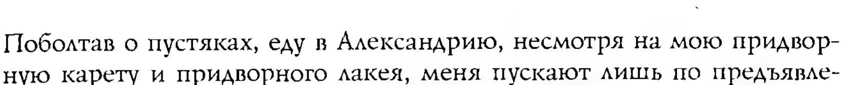
После этого разговора мы собирались было кататься в экипаже, и я с ужасом помышлял о том, как меня будет тошнить, потому что меня посадят спиною к кучеру, но надвинувшаяся гроза рассеяла мои опасения.

Остались мы в комнатах, и я немилосердно приставал к вел. кн. Михаилу Михайловичу за то, что он купил место и хочет строить дворец. Я доказывал ему, что он запутается в своих счетах и будет в финансовых затруднениях. Юноша защищался и по какому-то случаю сослался на отца. Я поспешил сказать ему: «Великий князь, Ваш отец по своему положению принадлежит к XVI столетию, а вы к XX, коли не хуже, потому что невозможно предугадать, что Вам готовит будущее и какое положение великих князей будет весьма скоро».

Разговор по обыкновению вертелся на мелких сплетнях и исторических воспоминаниях. До 10 час. болтали весьма дружески и расстались необыкновенно нежно.

11 июля. Среда. Еду в Александрию[112] откланиваться. В вагоне встречаю Каханова, Ренненкампфа. Оба едут представляться по случаю назначения в Особое присутствие и чрезвычайно довольны. Тут же сидит кн. Долгорукий, который едет благодарить за рескрипт и, как он выражается, «портрет», забывая упомянуть о неприятной табакерке.

По приезде в Петергоф отправляюсь к Воронцову-Дашкову, которого застаю за чтением какой-то немецкой книги. При всех недостатках, проистекающих от его слабохарактерности, я его очень люблю.

Поболтав о пустяках, еду в Александрию, несмотря на мою придворную карету и придворного лакея, меня пускают лишь по предъявлении входного билета, по всем сторонам караульные. В крошечном домике Александрии ожидает толпа представляющихся. Императрица принимает меня весьма любезно, но довольно молчаливо, так что приходится больше говорить самому. Выражаю сожаление, что государь будет еще несколько времени центром интриг и притязаний по университетскому делу. *Императрица:* «Mais c'est une affaire si importante?» *Я:* «Oui, madame, mais aujourd'hui c'est principalement une affaire d'amour-propre, pour les personnes qui y sont engagées, et je ne sais vraiment où l'amour-propre est plus fort, est-ce parmi les hommes ou parmi les femmes». *Императрица:* «Certainement parmi les hommes». *Я:* «Aussi, madame, nous faisons tout ce que nous pouvons pour les ménager au Conseil. Le grand duc est si bon, si poli, si aimable, que les membres en sont enchantés et moi je fais ce que je peux pour concilier les amours-propres. En général la besogne du Conseil n'est pas facile, vous le voyez, madame, à ces gros mémoires que j'envoie à l'empereur, mais il y a aussi un côté attrayant, c'est cette énorme variété. Étant conservateur je préfère de beaucoup cette manière de légiférer graduellement, à mesure que les questions sont mûres, plutôt que de faire des monuments de législation, à grandes prétentions, mais qui flattent l'orgueil du legislateur plus qu'ils ne répondent aux besoins réels et obscurs du pays. Et bien cette manière de faire des lois, que nous poursuivons au Conseil, je crois a fait beaucoup de bien pendant les trois années du règne de l'empereur, mais ce n'est pas ce qui intérèsse les journalistes, qui passent sous silence les lois où il n'y a pas un bout de scandal. Un jour cependant viendra, où l'on nous rendra justice»*. Потом я стал говорить о том, что в отсутствие императри-

* *Императрица:* «Это дело очень серьезное?» *Я:* «Да, ваше величество, но оно превратилось теперь главным образом в вопрос самолюбия для тех лиц, которые с ним связаны, и я не знаю, у кого оно сильнее, у мужчин или у женщин». *Императрица:* «Конечно, у мужчин». *Я:* «Поэтому, ваше величество, мы делаем в Совете все возможное, чтобы их щадить. Вел. князь так добр, так вежлив, так любезен, что члены Совета им восхищены, а я делаю все, что могу, чтобы успокоить их самолюбие. Вообще обязанности Совета не просты, вы можете, ваше величество, судить об этом по тем обширным запискам, которые я посылаю императору, но его дела имеют и привлекательную сторону, это их огромное разнообразие. Будучи консерватором, я предпочитаю такой способ постепенного законодательствования, развивающегося по мере того, как созревают вопросы, сооружению законодательных монументов с большими притязаниями, которые скорее льстят тщеславию законодателя, чем удовлетворяют реальные и неясные потребности страны. Я считаю, что законодательство, которое мы проводим в Совете, принесло много пользы за три года царствования императора; однако это не интересует журналистов, умалчивающих о законах, которые не возбуждают никакого шума. Но наступит день, когда нам отдадут должное».

цы был избран в члены Исторического общества наследник, что он очень мило и любезно разговаривал с членами Совета, что для юноши его лет весьма полезно видеть побольше людей, что я говорил с Даниловичем о том, как бы показать цесаревичу наше Рисовальное училище. На это императрица заявила, что непременно желает смотреть училище вместе с сыном. Я заметил, что она так занята, что никогда не будет в состоянии туда поехать, но императрица выразила неизменное намерение быть в училище.

Император принял меня в той же комнате стоя, так как о делах разговора не предстояло, а свидание имело предметом прощанье пред моим отъездом. Он выразил свое удовольствие по поводу его морского путешествия, хвалился погодою, которая была гораздо лучше, чем теперь, когда путешествует Михаил Николаевич, потом разговор коснулся университетской мемории. Государь повторил мне сказанное вел. князю, а я вставил напоминание о гр. Баранове. Возвращаюсь в Петербург в одном вагоне с Набоковым, который подтверждает, что в Варшаве нашли у мирового судьи Бардовского тайную типографию, человек этот сын директора гимназии и блистательно окончил курс в Петербургском университете[113]. Набоков утверждает, что директор Департамента полиции Плеве уходит, потому что отсутствие всякого определенного направления в политике Толстого соделывает невозможною борьбу с нигилизмом[114].

Показываю Льву Бобринскому и его жене наш петербургский дом и имею продолжительное и последнее совещание с Ауербахом, отъезжающим в Богословск.

12 [июля]. Четверг. Обедают ликующий о ходе университетского дела Головнин, все более толстеющий Нессельрод и несказанно радующийся своему назначению Каханов.

13 [июля]. Пятница. Спокойный день в Царском Селе. Обедают Кампо-Саграда, Левашов, Винспиер, Зубков, Клушин.

14 [июля]. Суббота. По случаю завтрашних именин вел. кн. Владимира Александровича пишу ему следующее письмо: «Monseigneur. Le trés précieux titre de sermonneur, que vous avez bien voulu me conférer, me pousse à vous adresser cette épitre.

Nous fêtons aujourd'hui votre altesse impériale, en même temps que votre patron, bienfaiteur de notre patrie, vénéré d'instinct par la masse du peuple, admiré sciemment par ceux, qui peuvent apprécier la grandeur et la portée humanitaire du christianisme.

Né sur les marches du trône, jouissant de tout ce que la culture et le luxe de son èpoque pouvaient fournir, cet homme ne s'en est pas tenu aux satisfactions atrophiantes de la vie facile; cherchant avec ardeur la

vérité morale — base de notre existence terrestre, — il n'a eu de repos que le jour, où la lumière chrétienne, bouleversant de fond au comble sa manière de vivre, s'est emparé de lui, et grâce à lui de la nation que la providence lui avait confiée.

Permettez moi, en cette journée mémorable, de faire un voeu, qui ne sera pas celui, de tous vos félicitateurs.

Grand duc de Russie, comme st. Wladimir, possédant comme lui les plus éminentes facultés de l'esprit et les plus excellentes qualités du coeur, faites comme lui: ne vous arrêtez jamais devant les difficultés et les ennuis, dont la vie traverse la marche de ceux, qui poursuivent le fantôme que l'on appelle «le bien» et sans lequel l'univers n'est que ténèbres.

Pourquoi est-ce que je vons écris tout cela? Parce que j'ai gardé une impression charmante de nos derniers entretiens péripatéticiens et que je n'ai pas voulu partir sans profiler de la journée d'aujourd'hui pour vous dire merci et adieu»*.

13 октября. В 6 час. вечера возвращаюсь в Петербург из заграничного путешествия, посвященного исключительно лечению. Сначала провел четыре недели в Вильдунгене, коего вода оказалась крайне благотворною, а местность весьма живописною[115], потом, спустясь по Рейну, поселился в Амстердаме и выдержал курс лечения массажем у приобретшего в последнее время большую известность Мецгера. Здесь нашел честнейшего и добродушнейшего гр. Протасова-Бахметева, неугомонную кн. Воронцову с отвратительным сыном Столыпиным,

---

* «Ваше высочество. Очень ценное звание проповедника, которое вам угодно было на меня возложить, побуждает меня обратиться к вам с этим посланием.

Сегодня мы празднуем тезоименитство вашего высочества и день вашего святого, благодетеля нашего отечества, инстинктивно почитаемого народной массой и сознательно любимого теми, кто в состоянии ценить величие и гуманную роль христианства.

Рожденный на ступенях трона, располагая всем, что культура и роскошь того времени могли ему предоставить, этот человек не удовлетворился истощающими радостями, даваемыми легкой жизнью; пламенно стремясь к нравственной правде — основе нашего земного существования, он обрел покой лишь в тот день, когда свет христианства, изменивший в корне его жизнь, просветил его, а благодаря ему и народ, доверенный ему провидением.

Позвольте мне в этот знаменательный день высказать пожелание, которое не выскажут другие ваши поздравители.

Великий князь русский, как и св. Владимир, вы, как он, обладая самыми выдающимися способностями ума и самыми отличными качествами сердца, должны поступать как он: не останавливайтесь никогда перед трудностями и заботами, стоящими на путях тех, которые преследуют призрак, называемый «добром», без которого мир погружен во мрак.

Зачем я пишу вам все это? Потому что я сохранил прекрасное впечатление от наших последних перипатетических бесед и не захотел уехать, не воспользовавшись сегодняшним днем, чтобы поблагодарить вас и попрощаться».

купившим себе титул герцога Монтельери, милую кн. Орбелиани, дочь Д. Мирского, разбитную баронессу Икскуль. Вскоре после меня приехала вел. кн. Ольга Федоровна с сыном Александром Михайловичем, очень милым юношею, посвящающим себя морской карьере. Вслед за нею прибыл и вел. кн. Михаил Николаевич с двумя сыновьями, Михаилом и Георгием. Вел. князь осматривал войска на юге России и успел застать в Скерневицах австрийского и германского императоров[116], добыв для двух сыновей австрийскую и прусскую ленты, чем отец и сыновья очень довольны. Ко всему этому обществу присоединилась вел. кн. Мария Павловна, а за нею вел. кн. Владимир. Слово «присоединилась», впрочем, не совсем у места. Отношения вел. княгинь таковы, что они держатся подальше друг от друга, а на этот раз неразлучность Марии Павловны с баронессой Икскуль еще более содействовала к этому отдалению, так как Ольга Федоровна этой баронессы знать не хочет, в чем совершенно права. Вел. кн. Владимир Александрович выписал себе в компанию Бенкендорфа, еще более заслужившего общее презрение, что равным образом не помогло установлению дружеских между Amsfel-Hotel и Doelen-Hotel отношений. По счастию, впрочем, нерасположение дам не перешло на мужей и словесное неодобрение не выразилось ни в каких неприязненных действиях. Вел. кн. Михаил Николаевич приехал под впечатлением неудовольствия за разрешение университетского дела государем во время отсутствия его, вел. князя, и притом на основании совещания, в коем он, вел. князь, не участвовал. Само собою разумеется, что при свидании с государем он не решился сказать ни слова, а сказал лишь Толстому, выражавшему сожаление об его отъезде: «Я знаю, граф, что вам без меня гораздо удобнее». И эту скромную фразу мой председатель считает выражением великого мужества!..

19 сентября старого стиля я окончил лечение у Мецгера и уехал в Париж, куда приехала и моя жена. Здесь мы прожили три недели, в течение коих мне удалось получить бумаги герцога Ришелье[117], весьма интересные для нас равно бумаги Ланжерона[118]. Русских в Париже было немного как вследствие холеры, так и по причине безденежья. Не видал я ни кн. Орлова, только что выдержавшего операцию, ни его преемника Моренгейма, которого не считаю заслуживающим внимания. Во все время пребывания моего я постоянно видал кн. Лобанова, посла в Вене, который имеет привычку отдыхать в Париже. В день отъезда встретил кн. Льва Кочубея, удивительно сохраняющегося, обедали с ним и [с] окончательно оглохшим Нессельродом.

8 октября выехал вечером из Парижа и на другое утро приехал в Амстердам. Здесь видел всех вел. князей и вел. княжон, восхищающихся массажем, принца и принцессу Рейсс, кн. Воронцову, графа и графиню Адлерберг и т. д. Вел. кн. Михаил Николаевич опечален тем, что ген. Гурко назначен членом Государственного совета без всякого предварительного с председателем Совета сношения. Упоминая об этом и о решении университетского вопроса, вел. князь наивно присовокупил: «Я понимаю, отчего государь со мною так обращается. Он опасается, чтобы я не занял то положение, которое имел Константин Николаевич». Присутствовавшая при этом вел. кн. Ольга Федоровна заметила: «Mais non, mon cher, il te connait depuis trop longtemps, pour avoir une idée semblable»*. Я с трудом воздержался от смеха.

Владимир Александрович собирается охотиться сначала у германского императора, а потом у герцога Омальского[119]. По обыкновению бранюсь с ним за то, какими людьми он себя окружает. *Он:* «Все людские отношения висят на слабых нитках». *Я:* «Отношения со слабыми людьми на слабых нитках, а с крепкими людьми на крепких нитках. Не знаю, каких Вы предпочитаете».

11-го [в] четверг в 9 час. выезд из Амстердама. 12-го в Кенигсберге встречаю старика члена Государственного совета и в преприятной беседе с этим почтенным и ученым человеком доезжаю до Петербурга в субботу 13-го в 6 час. Обедаю у дочери, Бобринской, и заезжаю в ложу к Всеволожским во французский театр, зала коего весьма пуста.

14 [октября]. Воскресенье. Эстеррейх сообщает удовлетворительные сведения о богословском деле. Заезжаю к Победоносцеву, чтобы узнать подробности о ропшинском совещании по университетскому вопросу[120]. В начале заседания Победоносцев указал на отсутствие вел. кн. Михаила Николаевича и на затруднительность для него, Победоносцева, быть единственным представителем мнения большинства. Делянов, Толстой и Островский яро отстаивали мнение меньшинства, государю предстояло или принять их мнение, или заменить их, что было бы для него весьма затруднительно. Победоносцев весьма недоволен скерневицким пребыванием. Очевидно, со слов Толстого, отзывается так. Этот глупый Воронцов ничего не сумел устроить. Многие не нашли помещения (читай — Толстой). За обедами места не были заранее указаны. К спектаклю были приглашены только поляки и в том числе один каторжник (Четвертинский). Русские, как, например, председатель палаты Трахимовский, попечитель учебного округа Апухтин, вовсе приглашены не были, так что Гурко решился пойти гово-

*«Нет, мой дорогой, он знает тебя так давно, что у него не может возникнуть подобной мысли».

рить об этом с государем, и государь, уезжая, выразил этим лицам сожаление, что они не получили приглашения. Обедают у меня братья Шидловские, выходящие из ряду остальных моих подчиненных по блестящим способностям и уровню нравственных стремлений. Вечер у Абазы. Вист с Убри и Мордвиновым. Абаза доволен и тем, что государь сам на него указал при открытии места председателя Департамента экономии, доволен и оказанным ему приемом. Государь говорил о необходимости учредить банк, который служил бы подмогою среднему землевладению. Абаза высказал мысль о необходимости помогать всякому землевладению, и крестьянскому, и среднему, и крупному. Указав чрез окно на окружающие Гатчинский дворец деревья, Абаза сказал: «В парке Вашего величества растут и мелкие, и средние, и большие деревья — все они одинаково нуждаются в уходе, то же самое можно сказать и о землевладении, которое без всякой исключительности полезно государству независимо от разнообразия своих размеров».

15 [октября]. Понедельник. Первое заседание Общего собрания Государственного совета. Начинаю с прочтения департаментского журнала и высочайшей резолюции по случаю смерти гр. Баранова. Дела, разумеется, пустейшие. Председательствует бар. Николаи. Со мною публика любезна, и в иных господах предупредительность достигает комичности. После заседания иду осматривать Мариинский дворец. Хожу более часу быстрым шагом по различным помещениям и не успеваю осмотреть половины; это какая-то ниневийская, вавилонская постройка. Не верится, чтобы сооружение такого здания для такой цели могло последовать всего 40 лет тому назад. Призвав приставленных к этому делу чиновников, объясняю им свой план распределения помещений. Визит Островскому, который по свойственному его невозвышенной натуре подобострастию соглашается во всем, ругает всех, и на этот раз всего больше достается Толстому. Между прочим, следующий рассказ: по отъезде германского и австрийского императоров Толстой пришел к Воронцову и сказал: «Vous savez, comte, que je suis fort mauvais chasseur, je n'accompagnerai pas l'empereur à ses chasses, mais je lui demanderai la permission d'attendre son retour ici à Skernewitzi». *Воронцов:* «Je ne sais pas comment vous ferez, car nous ne laissons pas ici le moindre marmiton». *Толстой:* «Alors j'irai attendre l'empereur à Varsovie»*.

*«Вы знаете, граф, что я очень плохой охотник, я не буду сопровождать императора на охоту, но попрошу разрешения ожидать его возвращения здесь, в Скерневицах». *Воронцов:* «Не знаю, как вы устроитесь, мы не оставляем здесь ни одного поваренка». *Толстой:* «В таком случае я буду ждать императора в Варшаве».

То же самое предложение Толстой сделал государю, который настоял на том, чтобы он, Толстой, возвращался в Петербург, не видя никакой необходимости иметь его в свите. Толстой принял это за знак немилости и вернулся в Петербург крайне грустный.

Я рассказал Островскому, как Толстой, узнав о том, что Бисмарк идет к нему с визитом, вышел чрез другой ход и отнес Бисмарку карточку, для того чтобы с ним не видеться. Островский расстается в уверениях о своей преданности и удовольствии по поводу богословской покупки. Обещает дать прочитать всеподданнейший отчет о своей поездке; намеревается назначить обширное исследование о положении горного дела. Всему этому не следует верить.

16 [октября]. Заседание временного присутствия при Государственном совете под председательством Каханова, — Гольтгойер, Ренненкампф, Мордвинов. Дела докладываются и обсуждаются лучше, чем это делалось в Комиссии прошений. Наперекор опасениям, высказывавшимся при обсуждении этих предположений, сенаторы переносят гораздо больше дел, чем сама комиссия то делала. Из Совета заезжаю к Рихтеру, восседающему со своею канцелярией прошений в доме № 37 на Моховой. Две комнаты набиты народом, чрез который я с трудом добираюсь до самого доброго, честного, но совсем растерявшегося генерала. Ввиду подобной картины смятения откладываю всякий разговор о делах до следующего дня, когда мы собираемся вместе ехать в Гатчину.

Визит гр. Протасову, который находится в трагическом положении. Дальняя его родственница, которой должно достаться родовое его имение, продала свои права некоему аферисту Ярошинскому, так что Протасов опасается быть отравленным и желает поскорее продать свое имение.

Визит кн. Меншиковой, приехавшей на зиму из Баден-Бадена и устраивающей дом свой на Английской набережной для обширных приемов. Она весьма общительна и любезна, он чрезвычайно глуп. Оба бездетны, чрезмерно богаты и настолько же скупы.

Вечер с Абазою и Убри у Е.Н. Нелидовой.

17 [октября]. Среда. По 10-часовому поезду отправляюсь представляться в Гатчину. Сажусь в вагон к Рихтеру, который горько жалуется на трудность заведовать делами Канцелярии прошений; убедился, что совмещение этих обязанностей с управлением Главною квартирою невозможно. Видит необходимость передать все это дело в собственную канцелярию, назначив, конечно, на место Танеева сколько-нибудь заслуживающего названия человека существо. Рихтер сознается, что понимает теперь мое нерасположение к Комиссии

прошений; он находит ясные следы злоупотреблений и намеренного беспорядка. Два чиновника, взятые им из Комиссии, до того закоренились в мошенничестве, что на первых же порах попали с деньгами в руках.

В кабинете у государя. Передаю ему картину Конта, присланную Боголюбовым из Парижа. Упоминаю об осмотренной мною коллекции Базилевского[121] и пользе приобретения ее для одного из русских музеев; предлагаю поместить ее в Эрмитаж, там, где теперь помещены медали и монеты. Государь этому очень сочувствует. Прошу позволения приезжать говорить о делах, когда то понадобится; спрашиваю, в какой день удобнее. Государь назначает субботу.

У императрицы. Рассказываю об амстердамском массажном житье, неудовольствии и ворчливости Ольги Федоровны, как я ее убеждаю молчать, чтобы Мецгер не сказал о ней того же, что об императрице австрийской[122]: «Hohl sie der Teufel»*. Намекаю на неудовлетворительность отношений между вел. княгинями Ольгою Федоровною и Мариею Павловною и вижу главную тому причину в присутствии Бенкендорфа и баронессы Икскуль. Завтрак у обер-гофмаршала кн. Трубецкого с Ребиндером и Рихтером. Погода ужасная, буря.

20 [октября]. Суббота. Из Государственного совета заезжаю к бар. Штиглицу. Застаю его, по-видимому, утомленным. Передает мне некоторые семейные бумаги, не имеющие, впрочем, серьезного значения. Видя в его распоряжениях нечто похожее на предсмертные распоряжения, прошу его сказать мне откровенно, в чем мое прошедшее заслуживает пред ним какой-либо упрек. Ответ: «Je suis rempli d'admiration pour vous, seulement je ne sais pas l'exprimer»**. Это драгоценное для меня объяснение прерывает ген. Кербедз. В 3 часа показываю Александру, Сергею и Алексею Михайловичам свое Рисовальное училище. В $9^1/_2$ час. уезжаю в Рапти охотиться с Убри, Кампо-Саградо, Терно, Галлом.

21 [октября]. Воскресенье. Чудный солнечный день, преприятная, хотя не очень обильная, охота. Вечером после обеда в Югостицах получаю телеграмму от дочери, Бобринской, о том, что бар. Штиглиц слег в постель.

22 [октября]. Понедельник. Беру экстренный поезд и возвращаюсь в Петербург.

23 [октября]. Вторник. Целый день сижу около бедного старца, тающего на моих глазах. Воспаление в легких доканчивает полуразрушенный организм. Доктора Боткин и Обермюллер заявляют, что никакой надежды на исцеление нет.

24 [октября]. Среда. Ночью, в три часа, скончался бар. Штиглиц. Согласно хранившемуся у меня в печатном конверте распоряжению его посылаю за Эстеррейхом, у которого хранится дубликат его завещания. Состояние отнюдь не так велико, как предполагают (около 38 млн.). Детям сестры завещано 14, т. е. то, что барон унаследовал от отца. Каждому из моих детей назначено по миллиону, жене моей — участие во всех его фабриках. Я счастлив тем, что, не получая ни рубля, вижу одобрение и широкое осуществление моих пожеланий на пользу Рисовального училища, которое должно получить весь остаток имущества после указанных в завещании выдач. Число лиц, коим назначаются выдачи, весьма велико. Доброе человеческое чувство завещателя не забыло никого сколько-нибудь к нему близкого. Тяжелая возня с судебным приставом, с коммерческим судом, постановляющим решение о продолжении душеприказчиками ведения дел по конторе барона и т. д.

25 [октября]. Четверг. В $1^1/_2$ час. еду по Варшавской железной дороге на встречу несчастной жены моей, выехавшей в понедельник из Парижа и доехавшей до станции Дивенской, ничего не подозревая о смерти глубоко и нежно любимого существа. Приготовляю ее по возможности постепенно и, выехав из Гатчины, сообщаю ужасную истину.

26 [октября]. Пятница. Обычная панихида, а рядом с ними непрерывающиеся объяснения по делам всякого рода.

27 [октября]. Суббота. В 10 час. еду в Гатчино к государю. Прием в 12 час. Разговор приблизительно такого содержания. *Государь:* «Скажите, как это так быстро умер старик Штиглиц?» *Я:* «Воспалением в легких. Его смерть весьма почтенна. Он распорядился всем до последней мелочи, подумал о всех своих ближних и умирал, сознавая, что его ожидает, но не говоря о том ни слова. Вот, государь, его собственноручное распоряжение о порядке похорон. Так как Вы заговорили об этом, то позвольте мне, государь, поздравить Вас с тем, что в Ваше царствование Россия получила пожертвование, не имеющее по размерам своим подобного в истории нашей». При этом рассказываю о распоряжении относительно Рисовального училища, долженствующем выразиться в 7 или 8 млн. По этому поводу прошу государя назначить на место барона почетною председательницею этого учреждения мою жену. *Государь:* «Весьма охотно, ведь это не есть государственное, а, так сказать, частное учреждение, и мы жене Вашей обязаны за эту щедрость покойного».

* «Пусть идет к черту» (*нем.*).

** «Я преисполнен восхищения перед вами, но не умею его выразить».

Затем я рассказал, что получил из Парижа от Боголюбова письмо касательно коллекции Базилевского, что, по мнению Боголюбова, если не купить коллекции в течение ноября, то с 1 декабря Базилевский будет в руках эксперта Мангейма, и мы не получим коллекции ни в каком случае. *Государь:* «Это очень жаль было бы упустить, но, вероятно, однако, он согласится на рассрочки». *Я:* «Мне кажется, что эту покупку можно бы произвести так же, как покупку Мариинского дворца, т. е. выдать покупную сумму из средств Министерства двора, а потом возместить эту сумму Министерству двора из казначейства путем долголетней рассрочки». *Государь:* «Да, но этого нельзя сделать без Воронцова». *Я:* «Ваше величество, Воронцов приедет не ранее, как ко дню рождения императрицы, т. е. 13 ноября вечером, а это будет уже 25 ноября, и мы дело упустим. Позвольте мне ему написать. Я Вам отвечаю, что по существующим между нами дружеским отношениям Воронцов не обидится, а между тем позвольте мне переговорить с Петровым, заступающим место Воронцова, и с Бунге». *Государь:* «Очень хорошо».

Я: «Позвольте мне сегодня не говорить о советских делах, а лишь о делах второстепенных. Например, о Мариинском дворце. Я осмотрел эту вавилонскую постройку; размеры ее громадные. И думаю, что можно будет поместить более канцелярий, чем то первоначально предполагалось. Я не желаю просить у Вашего величества повелений, на которые ссылаться, но желаю знать Ваши предположения, чтобы действовать согласно с ними, принимая, впрочем, всю ответственность на себя. Я полагал бы прежде всего ни в каком случае никому, кроме смотрителя, не отводить квартир, а поместить как можно более канцелярий. Перебраться туда, как скоро помещения будут почищены, без всякой роскоши». *Государь:* «Как Вы думаете разместить учреждения?» *Я:* «В бывшем кабинете гр. Строганова думаю поместить комнату заседаний Комитета министров, а по переулку — всю канцелярию Комитета, в центре же — Государственный совет и именно в ротонде залу Общего собрания, а по соседним залам — присутствия департаментов».

Государь одобрил эти предположения и вспомнил о Кодификационном отделе. Я заметил, что переводу этого учреждения я придаю особенное значение, потому что признаю необходимым слить Кодификационный отдел с Государственною канцеляриею. Предположения об этом возбуждались, когда Старицкий отказался от управления этим отделом, но тогда вел. князь собрал совещание из Перетца, Сольского, Бреверна, Старицкого — все лица, служившие во II отделении, и, разумеется, мое мнение оставлено без внимания, а между тем весьма

полезно было бы усилить канцелярию и тогда издавать законы не в том неполном виде, в коем они издаются теперь, а после принятия той или другой меры Общим собранием возвращать дело в департамент для постановления кодифицированного заключения. *Государь:* «Надо будет сделать об этом еще совещание».

В заключение я напомнил еще раз о необходимости пересмотреть законы об императорской фамилии. Я настаивал на том, что это следует сделать именно теперь, когда еще нет правнуков императора, пользующихся правами, предоставляемыми учреждением, а этот момент может настать ежедневно со дня вступления в брак сына вел. кн. Константина Николаевича. После того придется дать одинаковые права всем детям многочисленных внуков императоров Николая I и Александра II. Государь повторил мне то, что уже говорил прежде о том, что работа эта поручена им гр. Адлербергу. Я возразил, что из разговора с Адлербергом я убедился, что он не хочет ничего сделать, опасаясь возбуждения семейной вражды.

Государь сказал: «Оставить все так — значит пустить по миру свое собственное семейство. Я знаю, что все это поведет к неприятностям, но у меня их столько, что одною больше нечего считать, я не намерен все неприятное оставлять своему сыну».

Я: «Гр. Адлерберг имел еще в виду, что мера эта падет прежде всего на вел. кн. Константина Николаевича». *Государь:* «А это и кстати, он любит либеральничать, а это будет либеральная мера». *Я:* «Я говорил с вел. кн. Владимиром Александровичем и высказывал ему мнение, что, взяв на себя председательствование в этом совещании, он окажет Вам большую услугу, направив на себя неудовольствие остальных членов семейства». *Государь:* «Надо будет пригласить и вел. кн. Михаила Николаевича». *Я:* «Тогда вел. кн. Ольга Федоровна будет знать каждое слово. Я думал бы, лучше его пригласить к окончательному обсуждению выработанных правил, но писать их без его участия».

После этого государь стал расспрашивать о том, в какой степени вел. кн. Михаил Николаевич недоволен тем, что университетский вопрос был решен без него. Я рассказал, что действительно вел. князь был недоволен, но убедился моими доводами о том, что государю невозможно было не принять настоятельных требований министров просвещения и внутренних дел, что иначе приходилось их сменить, тогда как вопрос в сущности был до некоторой степени не из главных. Я прибавил, что вел. князь был недоволен тем, что Гурко был назначен членом Совета без сношения с вел. князем, и что я ему напоминал об этом назначении пред отъездом в Варшаву, но что вел. князь побоялся говорить о том государю. Вообще вел. князь неоднократно мне

говорил, что видит, что не пользуется доверием государя, и приписывает это тому, что государь опасается, чтобы он, Михаил Николаевич, в звании председателя Государственного совета не забрал того влияния, которое захватил Константин Николаевич. На это я ему всегда возражаю, что государь, напротив, не может не дорожить возможностью выставить вперед хоть одного из своих дядей, безупречного и в частности и в общественной жизни, но что вел. князь сам теряет свое влияние, не решаясь ни о чем говорить.

Государь: «А Ольга Федоровна присутствует при таких разговорах?» *Я:* «Присутствует и успокаивает вел. князя тем, что Вы его слишком давно знаете, чтобы обвинять в властолюбии». *Государь:* «Ее все признают умною женщиною. В чем же выражается этот ум? Сплетничает и читает пустейшие романы, а никаким серьезным делом заниматься не хочет».

Завтрак у Трубецкого, которому обещаю прислать старинные книги, в коих он мог бы дать государю выбрать решетку для главных ворот Зимнего дворца.

28 [октября]. Воскресенье. Панихиды и похоронные распоряжения. Вел. кн. Михаил Николаевич приезжает из Германии и телеграфирует мне, остановится в Гатчине и прибудет в Петербург не в 6, а в 7 час. Я прикидываюсь не понявшим этой депеши и еду не на станцию, а к нему во дворец в 9 час. Рассказы его по обыкновению отличаются чрезвычайною мелкотою, например: «В Гатчине я поехал к государю, разумеется, в полной форме. А он меня спрашивает, зачем я это делаю. Я отвечаю: «Потому что в твоей телеграмме, разрешавшей мне приехать, ты ничего не сказал о форме». При этом мой вел. князь тонко улыбнулся и сказал: «Урок, пусть в другой раз не забудет». О делах, разумеется, ни слова, но зато сплетни без конца: Мария Павловна поссорилась с принцессою Рейсс из-за баронессы Икскуль, Меџгер прогнал эту баронессу, император Вильгельм очень сухо отзывается о Владимире Александровиче, который сам назвался к нему на охоту и был недовольно вежлив и т. п.

29 [октября]. Понедельник. В 10 час. утра вынос тела из дома бар. Штиглица с Английской набережной в лютеранскую Петропавловскую церковь. Пред гробом идут три облагодетельствованные им учебные заведения: детский приют, коммерческое училище, наше Рисовальное училище. На улицах толпы народа. Церковь вся завешена черным сукном и убрана тропическими растениями. Из церкви процессия направляется по Невскому, Морской, Вознесенской к вокзалу Балтийской железной дороги, где гроб ставится в траурный вагон, у коего ближайшие родственники учреждают дежурство до следующего утра.

30 [октября]. Вторник. В 11 час. отправляемся по экстренному поезду в Нарву, куда приезжаем около половины четвертого. Гроб несут рабочие фабрик на плечах; перед гробом идут православные певчие и русское духовенство, а также два лютеранских пастора. Во время нашего шествия наступает темнота; дорога освещена факелами и кострами; расположенная среди сада церковь, столь своеобразно освещенная, представляет весьма живописное зрелище. По отслужении панихиды и произнесении проповеди русским священником гроб опускается в землю среди нарочно устроенного склепа. По окончании церемонии православным духовенством произносит надгробное слово лютеранский пастор. В 6 час. обед на 100 человек, а в 8 экстренный поезд отвозит публику в Петербург. Мы остаемся с Сашею на два дня.

31 [октября]. Среда. Старик Пельцер, создавший суконную фабрику и пришедший пешком из Аахена в Москву в качестве погонщика; шотландец Кинель, создавший полотняную фабрику, себе на уме. Обзор вновь купленного участка земли, из-за коего спорят представители фабрик. Всенощная.

1 ноября. Четверг. Заупокойная обедня. Завтрак с Назаровым, прослужившим покойному 48 лет. Визиты Пельцеру и Кинелю. Возвращение в Петербург с Эстеррейхом.

2 ноября. Пятница. Бесконечные свиданья и разговоры о делах. Обед у Оболенских.

3 [ноября]. Суббота. Охота на Пороховых заводах у Шувалова с вел. кн. Михаилом Николаевичем.

4 [ноября]. Воскресенье. Еще деловой разговор с Бобринскими. Вечер у Абазы. Сговариваемся относительно записки, поданной Посьетом вел. князю с просьбой передать в Министерство путей сообщения все производство состоявшей под председательством покойного гр. Баранова комиссии о железнодорожном деле[123].

5 [ноября]. Понедельник. Грессер, получивший 25 тыс. на раздачу бедным, является с сетованиями на преследования, коим подвергается. В 11 час. у вел. князя. Меня принимает вел. княгиня, извиняющаяся не без самодовольства в том, что вел. князь встал позже обыкновенного потому, что горничная опоздала войти в их спальню. Пробую доказать вел. княгине необходимость в некоторых случаях большей для вел. князя энергии, если желать успеха в делах Государственного совета, но еще раз убеждаюсь, что серьезная сторона жизни ее не интересует. Немедленный переход к злословию, например: *Я:* «Ваше высочество были в четверг в Гатчине?» *Вел. княгиня:* «Да, меня звали на целый день, но я поехала только к обеду, потому что

никак не могу проводить целый день в праздности. Теперь живет в Гатчине вел. кн. Елизавета Федоровна, она очень мила, и такое общество немедленно выражается с пользою. Императрица вместе с вел. княгинею рисует, играет на фортепиано. Забавно видеть испуганную физиономию моей племянницы Шереметевой, которая, кроме сплетен, ничего делать не умеет и чувствует, что сколько-нибудь разумное времяпрепровождение выбивает у нее почву из-под ног» и т. п.

Входит вел. князь и немедленно начинает рассказ о необходимости определить на службу в Мариинском дворце какого-то старого гоф-фурьера вел. кн. Марии Николаевны. Это вопросы наиболее его интересующие. Вел. князь только что вернулся с прогулки, и под неприятным впечатлением у подъезда он увидал придворную карету с красною ливреею и узнал, что в ней приехал Петров. Такое отличие он признает не подобающим Петрову и серьезно этим занят, находя, что в этом нарушение правительственного порядка.

После Петрова принимает меня, уговариваемся относительно записки Посьета. Завтракаю возле вел. княгини. Разговор продолжается в том же тоне. В Государственном совете. Пред заседанием вел. князь приглашает Абазу, Николаи, меня, и мы высказываем ему ту мысль, что предположения Посьета о направлении барановского труда должны подвергнуться обсуждению самих соединенных Департаментов. После заседания приглашается в это совещание Посьет, и ему сообщается в вежливой форме эта резолюция; причем он выслушивает упреки за то, что мимо Государственного совета, особыми высочайшими повелениями переформирует свое министерство, когда вопрос о том находится на рассмотрении Совета.

В 6 обед у Оболенского с провинциальными членами Кахановской комиссии: Кондоиди, Зорин, Бехтеев, Пазухин. Последний ведет их всех. Умен, но желчен и односторонен. Не такие люди творят.

6 [ноября]. Вторник. Каханов приезжает рассказать, что государь, у коего он был вчера, принял его весьма любезно, несколько раз повторял, что очень желает, чтобы из этого что-нибудь вышло. Каханов старался представить ему опасность отдачи всего управления в руки лиц выборных, а не назначенных правительством, выставляя в таком виде опасную сторону мнения провинциальных членов комиссии, предлагающих сосредоточить судебную и административную власть в руках избранного населением земского судьи.

Кстати, приведу другой рассказ — рассказ гр. П. Шувалова: гр. Толстой предложил ему, Шувалову, сделаться членом Кахановской комиссии, при этом Толстой передавал свой разговор с государем, в коем он, Толстой, настаивал на вреде существования Кахановской комиссии.

Государь предложил ему высказать категорически свое мнение о том, не желает ли он, Толстой, совсем закрыть эту комиссию, на что Толстой отвечал, что не желает подвергнуться обвинению в том, будто бы он помешал осуществиться тому добру, которое комиссия может дать; но для того, чтобы следить за ее действиями и, так сказать, парализовать вредную их сторону, Толстой предложил назначить членом гр. Палена. Вследствие выраженного государем сомнения в пригодности на это Палена гр. Толстой предложил назначить также членом гр. Шувалова, на что и последовало согласие.

В разговоре с Шуваловым Толстой предложил ему принять на себя роль обвинителя комиссии в опасности ее направления, желая иметь возможность на основании такого заявления представить государю доклад о закрытии комиссии, но Шувалов отказался от этой роли и, напротив, требовал от Толстого обещания, чтобы все мнения, заявленные Шуваловым в комиссии, были обязательны для Министерства внутренних дел.

Разговаривая с Кахановым, я убеждаю его отказаться от председательствования в Особом присутствии, рассматривающем всеподданнейшие жалобы. Делаю это, находя, что Каханов, не будучи записным юристом, может с пользою быть заменен старшим членом этого присутствия, достопочтеннейшим Гольтгоером, с назначением его членом Совета. Каханов при всем своем уме не понимает, что его политическое достоинство требует того, чтобы он сосредоточился на главных порученных ему занятиях, т. е. делах Департамента экономии и председательствовании в своей комиссии; ему не хочется расстаться с возможностью представлять всеподданнейшие доклады лично.

7 [ноября]. Среда. Уговариваю моего старинного товарища по службе и приятеля Краузольда принять на себя попечительство над старшим моим сыном по управлению завещанным ему имуществом.

8 [ноября]. Четверг. Именины вел. кн. Михаила Николаевича, приходится с утра напяливать мундир и ехать с поздравлениями. В приемной ожидает фельдмаршала многочисленный генералитет; государственному секретарю оказывается особенная аттенция, и он приглашается в кабинет. После обычных лобызаний разговор приблизительно таков.

Вел. князь: «Вчера был я в Гатчине. Сижу у императрицы, и за мною присылает государь еще до завтрака. Доложив о закрытии Барановской комиссии, о назначении Шувалова и Палена членами Кахановской комиссии, я не имел больше ничего к докладу. Тогда государь по собственной своей инициативе начал говорить об университетском деле; сказал, что еще при покойном государе слушал док-

лады Толстого и был согласен с ним относительно необходимости университетской реформы, что когда решено было созвать совещание, то он, государь, намеревался отложить это совещание до осени, т. е. до возвращения гр. Баранова. После [его] смерти гр. Делянов так настоятельно требовал разрешения дела и введения новых правил с 1 сентября, что ему невозможно было отказать Делянову, и тогда состоялось совещание, в котором представителем мнения большинства был Победоносцев».

Вел. князь на это отвечал, что для него была грустна неожиданность этого разрешения. По этому поводу вел. князь сказал государю, что так как неоднократно в течение прошлой сессии государь соглашался с меньшинством против мнения большинства, разделяемого председателем, то он, вел. князь, просит государя сказать откровенно, имеет ли он к нему доверие, и если не имеет, то назначить другого. На это государь отвечал, что доверие к вел. князю имеет полное, но, несмотря на то, сохраняет за собою полную свободу мнений.

Еще рассказ вел. князя: «6 ноября я был в Царском Селе на гусарском празднике[124] и при этом заметил, что Владимир Александрович необыкновенно рассеян. Помня, что в день моего приезда государь выразил намерение телеграфировать Владимиру Александровичу о том, чтобы он вернулся к этому празднику, я спросил вел. кн. Елизавету Федоровну, как произошло свиданье обоих братьев. Она сообщила мне, что государь советовался с императрицею о редакции своей телеграммы и окончательно написал, что Владимиру следует вернуться, памятуя, как их родители не любили продолжительных пребываний за границею. Владимир Александрович, приехав, начал с того, что от сердца благодарил своего брата за ту откровенность, с коею он выразил желание по предмету возвращения Владимира из-за границы, прося на будущее время всегда выражаться с тою же прямотою».

Елизавету Федоровну мой Михаил Николаевич особенно хвалил за крайне любезное обращение с 9 представленными ей гусарскими полковыми дамами.

9 [ноября]. Пятница. Утверждено духовное завещание. Вечером у меня собрание душеприказчиков для принятия мер к исполнению завещания.

10 [ноября]. Суббота. Рождение Анны, завтракаем у меня. Заседание в Государственном совете. Толстой приезжает защищать свое представление об ограничении семейных разделов[125], которые вместе с пьянством считает главнейшими причинами обеднения русского народа. Ему возражает Бунге, выражая сомнение о том, чтобы стеснение личной свободы в труде могло увеличить производитель-

ность. Каханов настаивает на необходимости установить различие между разделом после смерти отца и выделом при его жизни. Гр. Толстой отказывается делать это различие потому, что оно не существует в законе; в подтверждение того, как велико число разделов, указывает на то, что, по сведениям Министерства внутренних дел, со времени освобождения крестьян произведено 2300 тыс. разделов и из них только 300 тыс. в установленном законами порядке, т. е. с разрешения сельского схода. Абаза возражает, что эта огульная цифра мало доказывает, потому что, действительно, на первых порах после освобождения крестьяне особенно жадно пользовались предоставленною им возможностью делиться, в коей им отказывали прежде помещики. То же самое можно сказать и о пьянстве, которое, по несчастию, особенно усилилось не вследствие замены откупной системы акцизною, а вследствие удешевления водки, но с тех пор прошло много времени и интересно бы знать, как распределяются по годам те 2 млн. разделов, о коих упоминает гр. Толстой. Государственный совет, по мнению Абазы, находится в весьма затруднительном положении. Министр внутренних дел указывает на свое представление как на средство поднять экономический уровень края, а министр финансов, напротив, опасается, что это средство стеснит и ограничит развитие труда. Ввиду сего Абаза предлагает просить министра внутренних дел доставить более подробные сведения о состоявшихся за последние 5 лет разделах. Одновременно, сознавая важность поддержания родительской власти, Абаза предлагает воспретить разделы при жизни отца по требованию сыновей. Толстой с неудовольствием подчиняется требованию Совета о доставлении дополнительных сведений и не желает принять предложение Абазы, говоря, что оно требует предварительного соображения. После заседания я упрекаю Толстого в том, что он не принял ультраконсервативного предложения Абазы, говоря, что установление такого правила послужило бы значительным шагом на пути перехода от общинного к подворному владению. На это Толстой наивно возражает: «Но ведь среди крестьян есть очень дурные отцы!..»

В 9 час. вечера у Абазы совещание, — Бунге, Сольский и я. Дело идет о Новороссийской железной дороге. До сих пор железнодорожные дела рассматривались в Комитете министров, теперь за Комитетом оставлен только выбор направления, а вся финансовая часть передана в Совет. Новороссийская дорога обновляет этот порядок, и Абаза, председательствуя при рассмотрении дела, желает согласить Сольского, высказывающего сомнения о выгодности финансовой стороны дела в том виде, как ее вносит Бунге. По обыкновению гром-

кие фразы Сольского сводятся к ничтожным результатам, но самолюбие удовлетворено, и заседание пройдет без разногласия между представителями правительственного, административного порядка[126].

11 [ноября]. Воскресенье. Извлечение из мемории. Визит Петрова, который после вчерашнего доклада привозит согласие государя на покупку коллекции Базилевского. Телеграфирую Боголюбову: «Considerez affaire comme conclue en principe»*. Покупка делается из собственных средств государя, без всякого участия казначейства. Визит Бехтеева, орловского помещика, который вместе с Пазухиным представляет в Кахановской комиссии оппозицию провинциальных делегатов. Интересны статистические, цифровые собранные им данные о влиянии кабаков на крестьянское разорение[127]. Визит Фриша, который всячески силится создать себе министерский трон, приходит советоваться о внесении в Совет составленного им плана издания Свода законов, а также предположений о новых для своего Кодификационного отдела штатах.

12 [ноября]. Понедельник. У вел. кн. Михаила Николаевича. По обыкновению его заботят и интересуют высшие и важные вопросы, например: «Был я вчера у митрополита для поздравления его по случаю юбилея. Тут же был и вел. кн. Константин Николаевич с Александрою Иосифовной, и оба выговаривали Владимиру за то, что он уже неделю в Петербурге, а до сих пор у них не был. Что же Вы думаете? Владимир от митрополита поехал домой, снял парадную форму и к дяде-то поехал явиться в сюртуке!.. То же самое и Сергей Александрович, приехал меня поздравлять 8 ноября тоже в сюртуке. Впрочем, в этот день Владимир поступил со мною еще лучше. Видя его утром, я ему сказал: «Владимир, так как ты живешь в Царском Селе, то хочешь, если ты останешься сегодня в Петербурге, обедать у меня?» А он отвечает, что после столь сытного, как у государя, завтрака он вовсе не будет обедать. Вечером сижу с ним в театре и он, забыв про этот разговор, говорит с Алексеем о том, как они вместе обедали, по всей вероятности, у Зины Богарне».

За завтраком вел. княгиня повторяет мне рассказы, уже выслушанные мною внизу от вел. князя. В Государственном совете все заседание продолжается не более четверти часа. В 3 часа заседание совета Исторического общества — Бычков, Грот, Феоктистов.

Вечером, посылая государю меморию, делаю приписку относительно телеграммы и письма, посланных мною Боголюбову относительно покупки коллекции Базилевского.

---

*«Считайте дело в принципе решенным».

13 [ноября]. Вторник. Кауфман приносит мне из архива справку о том, как при обсуждении судебной реформы предполагалось соединить обязанности мировых посредников с обязанностями мировых судей. Посылаю это Оболенскому для Кахановской комиссии.

В 1 час скучная приемка огромного штиглицкого дома.

14 ноября. Рождение императрицы. Прием в Аничковском дворце. Члены Государственного совета, ген.-адъютанты, офицеры Кавалергардского и гатчинского Кирасирского полков, в коих императрица состоит шефом. Пред обеднею поздравления и целование руки; после обедни завтрак. После завтрака разговариваю с вел. кн. Владимиром Александровичем, подходит государь, подтверждает, что считает оконченным дело о покупке коллекции Базилевского; выражает опасение, чтобы не произошло какого-нибудь спора или недоразумения. Заверяю, что присутствие Боголюбова служит достаточным обеспечением. Я говорю следующее: «Ваше величество, позвольте воспользоваться присутствием Владимира Александровича, чтобы сделать доклад по военной части. Как Вам известно, существует предположение продать службы Мариинского дворца, но весьма сомнительно, чтобы эта покупка сделалась выгодно, а потому не одобрите ли Вы мысль сделать там казарму для помещения батальона?» Государь и вел. князь приняли мысль эту весьма охотно. Вел. князь выразил намерение поставить там батальон Павловского полка, которому недостает места в теперешних казармах.

При разъезде разговор с Толстым. *Я:* «Вы непременно хотите назначить своего товарища, Дурново, членом Государственного совета?» *Толстой:* «Я не могу отказать ему в ходатайстве». *Я:* «А в городе опасаются, что с уходом Дурново Вы сделаетесь окончательно недоступным; опасаются, что Вы возьмете Зыбина, которого считают для этой должности непригодным». *Толстой:* «Скажу Вам в величайшем секрете, что я бы рад сохранить Дурново, но не могу только отказать ему в ходатайствовании».

15 [ноября]. Четверг. Ежегодная охота в Коломягах на лосей. Убивают Владимир Александрович двух, Алексей Александрович двух, Михаил Николаевич одного, Шувалов одного. Я — двух. Участвуют еще в охоте: Сен-При, Черевин, Анатолий Орлов-Давыдов.

16 [ноября]. Пятница. Еще лосиная охота, хотя менее удачная. Швейниц, Кампо-Саградо, Паппенгейм, который, сидя рядом с Швейницем, выражает отвращение к пруссакам.

17 [ноября]. Суббота. Бесчисленные и нахальные требования денег продолжаются. Объяснение с Анненковым о том, что он член комиссии, а не член канцелярии и, следовательно, не переходит под

мое начальство. Таким образом, можно будет вести спокойнее и без нареканий это важное дело.

18 [ноября]. Воскресенье. Целый день за извлечением из меморий, которые, несмотря на ничтожество дел, принимают вследствие числа их широкие размеры. Вечером вист у Абазы.

19 [ноября]. Понедельник. В 11 час. у вел. кн. Михаила Николаевича. На этот раз его особенно возбуждает то, что Петров явится в заседание. Он выражает намерение говорить о том с государем. Уговариваю его не делать подобной глупости. Говорим о выборе новых членов: Велио, Веселовский, Яневич, Гольтгойер, Анучин. В Совете Набоков просит содействовать назначению Арцимовича. Выражаю сомнение в возможности. После заседания едем вдвоем с вел. князем осматривать Мариинский дворец, где оканчиваются почистки.

20 [ноября]. Вторник. Охота у Шувалова в Вартемяках. По обыкновению не удается. Еду с вел. кн. Михаилом Николаевичем, который непременно хочет поместить в Мариинском дворце конноартиллерийскую батарею. Тщетно силюсь доказать ему бессмыслие такого распоряжения в военно-полицейском отношении. Кандидатура Каткова в члены Совета. Я говорю, что очень бы этого желал, потому что тогда мнения его обсуждались бы и опровергались в Совете, а теперь мнения эти из-за угла парализуют деятельность Совета. Вел. князь ужасается подобным предположениям.

21 [ноября]. Среда. По настоятельному, в четвертый раз ко мне обращенному приглашению вел. кн. Александры Иосифовны еду к этой доброй, хотя и не глубокомысленной старухе. Говорим о приюте бар. Штиглица и о том, как употребить завещанный им капитал так, чтобы он пошел в пользу детям, а не в карманы чиновникам. Вел. княгиня осыпает меня любезностями и обещает полное содействие.

22 [ноября]. Четверг. Разбор штиглицких бумаг. Отвратительное преследование денежных просителей, которому мы тоже подвергаемся в трудно вообразимых размерах.

23 [ноября]. Пятница. Минул год внучке, Бобринской, которая обещает быть бойкою.

24 [ноября]. Суббота. В Департаменте законов дело о призах и репризах[128]. Вечер с умным стариком Кнопом, приехавшим из Москвы и сообщающим невеселые известия о положении промышленности и торговли. Он в 1841 г. построил первую в России хлопчатобумажную фабрику и выписал машины из Англии, причем заплатил 90% сверх цены тому, кто тайком вывез эти машины из Англии, так как вывоз машин был строго запрещен теперешними фритредерами, еще не находившими пользы в свободе торговли.

25 [ноября]. Воскресенье. Охота в Вартемяках. Возвращаюсь оттуда с Швейницем, который сообщает тревожные известия об афганистанской разграничительной комиссии, которую с английской стороны сопровождают 1300 солдат[129].

Вечер у Абазы с Балашовым, только что приехавшим из Подолии.

26 [ноября]. Еду на выход по случаю Георгиевского праздника[130]. Посылая государю меморию, пишу следующее: «Ничтожество представляемой мною сегодня Вашему императорскому величеству мемории осмеливает меня, государь, доложить Вам об одном деле, к которому Вам угодно было привлечь меня и которое я признаю весьма важным.

По повелению Вашему под председательством ст.-секр. Танеева рассматриваются предположения относительно изменения теперешней табели чинов.

Согласно высочайше одобренному журналу были затребованы сведения от министров.

Разговаривая сегодня с Танеевым, я убедился из его слов, что делу этому не будет дано хода, если Вашему величеству не угодно будет при случае выразить свою волю.

Так как затребованные сведения не доставлены министрами внутренних дел, государственных имуществ и синодальным об.-прокурором, то Танеев, видя в этом случайном обстоятельстве признак нерасположения людей, по его мнению влиятельных, намерен затянуть дело пустыми, бесполезными справками.

Простите, государь, что пишу Вам, но благодаря Вам отечество наше пользуется теперь внешним и внутренним миром; не время ли теперь улучшать обветшалые и неудовлетворительные порядки, к числу коих относится чиновная неурядица. Если Вы меня призвали к этому делу, то я не могу оставаться равнодушным судьбе его, а обязан докучать Вам, если вижу препятствия успеху Ваших начинаний, докучать с тою откровенностью, которую Вам угодно терпеть и которая составляет лучшую награду ничтожных трудов Вашего ст.-секретаря».

28 [ноября]. Среда. Охота в Коломягах.

29 [ноября]. Четверг. Продолжительное с Ауербахом обсуждение богословской сметы. Дело хорошее, но прибыли еще вдалеке.

30 [ноября]. Пятница. Разбор старых бумаг. Приемка дома. Визит Балашевой. Вечер за меморией.

10 декабря. В 11 час. у вел. кн. Михаила Николаевича. Слушаю рассказ о высочайшей охоте на лосей в деревне Шишкине, что за Ораниенбаумом. Захожу к Мирскому, который приехал из деревни и

гостит у вел. князя. Завтрак возле вел. княгини; обычные не снисходительные к человечеству выходки. Заседание Совета. Первый раз чрез Государственный совет проходит железнодорожный устав — устав Новороссийской жел. дороги[131]. В 2 часа заседание комитета Музея прикладных знаний; Исаков, я и временно председательствующий в Техническом обществе ген. Величко. Отдают нашему училищу соседнее место с разваливающеюся постройкою, занимаемою Техническим обществом. Посылаю обычное мемориальное извлечение. В 9 час. захожу к Толстому. Обещает содействовать к назначению Гольттойера. Бранит Победоносцева за киевское окружное соборное послание о штундистах, где не говорится ни слова о государевой власти, а начинается все словами «Божиею милостью». Сознается, что Победоносцев делегат попов, или, правильнее, монахов, пред правительством, а не правительства у духовной власти. Не так определяется власть синодального об.-прокурора в Духовном регламенте[132]. О Каткове: «Это свинья, которую я не пускаю к себе». В итоге: страстность, личность, безгосударственность.

11 [декабря]. Вторник. В 11 час. еду в Царское Село. Встречаюсь в поезде с обер-церемониймейстером кн. Долгоруким. Уговариваю его принять предложенное мне председательствование в Техническом обществе. Читаю Владимиру Александровичу составленную мною записку о необходимости изменения закона об императорской фамилии[133]. «Я совершенно с запискою согласен и готов сделать все, что от меня зависит». Завтрак, по обыкновению несколько чресчур обильный, проходит в веселом настроении. Вернувшись в Петербург, заезжаю к Воронцову, прочитываю ему свою записку и посылаю государю при следующем письме: «Ваше императорское величество, Вам угодно было высказать мне несколько мыслей относительно входящего в заботы Ваши вопроса о невозможности дальнейшего сохранения ныне действующего закона об императорской фамилии.

Приемлю смелость представить Вам, государь, несколько строк, отвечающих, как кажется, Вашему взгляду. Если бы записка эта удостоилась Вашего внимания, то она могла бы послужить исходною точкою рассмотрения и разрешения этого важного дела.

Считаю долгом присовокупить, что записка эта была мною прочитана вел. кн. Владимиру Александровичу, который не только выразил полное к ней сочувствие, но даже и искреннее желание стать во главе этого дела и с полным сознанием его важности сослужить службу Вам, Вашему семейству и государству.

Равным образом записка была сообщена мною гр. Воронцову-Дашкову, как касающаяся предметов ведомства управляемого им мини-

стерства. Более о содержании записки никому не известно и не будет известно, ввиду того неизбежного раздражения, которое толки о мере этой неминуемо произведут».

Самая записка такого содержания: «Учреждение об императорской фамилии, изданное 5 апреля 1797 г., в день коронации императора Павла I, было составлено в то время, когда не только не существовало постоянного закона о престолонаследии, но когда все семейство императора ограничивалось двумя бездетными и одним малолетним сыновьями. Сознавая всю опасность неопределенности в столь важном деле, как преемство в государстве прав верховной власти, император Павел не ограничился изданием подробного закона о престолонаследии, но дабы при отсутствии преемников ближайших не могло быть недостатка в заместителях трона, определил в широкой степени круг лиц, постоянно составляющих императорскую фамилию.

По действующему с тех пор закону все потомки, происходящие по прямой линии от царствовавших государей до праправнуков включительно, носят титул императорского высочества и «считаются по рождению своему яко сыновья государевы». Последующие за тем поколения признаются происшедшими от императорской крови и пользуются присвоенным им титулом высочества и правами князей и княжон императорской крови в отдаленнейшем потомстве, независимо от степени родства их с царствующим императором.

После целого почти столетия, протекшего со дня издания приведенного закона, обстоятельства существенно изменились. Изволением всевышнего промысла род императорский умножился и, несмотря на то, что нисходящее по прямой линии от каждого из царствовавших императоров потомство достигло двух лишь поколений (внуки), общий состав членов императорской фамилии, восприявших начало от государя Николая Павловича, достиг 37 лиц, носящих титул императорских высочеств. Вследствие того в теперешнем составе императорской фамилии имеется достаточный залог для непрерывного преемства в замещении престола.

При таком положении естественно возникает сомнение: представляется ли надобность распространять на не возникшие еще поколения правнуков и праправнуков царствовавших императоров права, одинаковые с членами их ближайшего потомства? Вопрос этот требует серьезного, всестороннего, неотложного соображения именно теперь, когда состав императорской фамилии в боковых своих линиях замыкается пределами двух поколений и когда поэтому самое его решение не может ни затронуть существующих прав, ни установить несправедливого неравенства в положении лиц, одинаково рожденных.

Соображая этот вопрос, нельзя не убедиться, что государственная цель, руководившая законодателем при предоставлении правнукам и праправнукам императоров одинакового титула и прав с их ближайшими потомками, утратила значение. По наличному составу теперешних членов императорской фамилии нельзя ожидать, чтобы к таким потомкам приблизилось наследство престола. Напротив, следует опасаться, что с умножением рождений в боковых линиях число лиц, включаемых законом в состав полноправных членов императорской фамилии, примет размеры, не оправдываемые ни близостью родства их с царствующим монархом, ни материальною возможностью поддержать для всех сих лиц условную пышность внешнего существования. В таком случае высокие прерогативы членов царствующего дома могут сделаться достоянием слишком многих, а это, конечно, не будет содействовать к поддержанию в народе того благоговейного уважения, с которым он доселе относился к семейству своего монарха. Ввиду изложенного казалось бы необходимым:

I. Подвергнуть действующее учреждение об императорской фамилии пересмотру на следующих главных основаниях:

а) титул великого князя, великой княжны и императорских высочеств, а равно сопряженные с этими титулами преимущества присваиваются только сыновьям, дочерям, а в мужском поколении и внукам императора;

б) правнукам императора, по прямой линии от мужского поколения рожденным, присваиваются титул высочества, князя и княжны крови императорской.

II. Образовать особую комиссию из лиц по высочайшему избранию для всестороннего соображения и разработки вопроса об изменениях, которые должны быть сделаны в действующем учреждении об императорской фамилии согласно изложенным в статье 1 главным основаниям, и о тех мерах, которые должны быть приняты для надлежащего обеспечения и упрочения положения потомков императорской фамилии, начиная от праправнуков императора»[134].

12 [декабря]. Среда. Получаю от государя посланные накануне бумаги с следующею надписью: «Я вполне одобряю составленную Вами записку, о дальнейшем ходе этого дела переговорю с братом Владимиром и гр. Воронцовым. Но надо не терять времени».

19 декабря. По приглашению вел. князя являюсь к нему в 9 час. вечера. Выслушиваю следующий рассказ. «В Гатчину я ехал вместе с Набоковым, и мы уговорились, что он вызовет меня, когда будет докладывать государю о назначении Арцимовича членом Совета. Я пошел в отведенную мне комнату и там ожидал, что чрез полчаса [вызовут],

но прошло целых два часа, уже бил час, а меня все не вызывали. Предполагая, что Набоков потерпел неудачу, я отправился в приемную государя и там нашел Фриша, выходящего из кабинета государя, которому он докладывал о наградах чиновников своего ведомства.

Войдя к государю после Фриша, я в свою очередь стал докладывать о наградах, и прежде всего о наградах членов. Бар. Николаи, шесть лет не получавший никакой награды, имел бы право на получение Андреевской ленты. Государь сказал, что такая высшая награда не может последовать в общем очередном порядке, а следует подождать какого-нибудь особенного случая. Другие члены почти все были награждены в коронацию, в числе их был и министр финансов Бунге; несмотря на то, однако, я решился выставить государю, что Бунге — один из его министров, имеющий чин третьего, а не второго класса, а что человека на таком высоком и трудном посту необходимо поддержать и отличить для того, чтобы укрепить его положение противу множества нападающих на него и на Казначейство всякого рода журнальных и других враждебных сил. Государь очень лестно отозвался о Бунге и согласился на производство его в действ. тайн. советники. Зашла речь о назначении членов Совета. За уходом Каханова государь согласился на назначение председателем Особого присутствия для всеподданнейших жалоб Гольттойера, выразив согласие и на назначение его членом Государственного совета. Относительно назначения Дурново — товарища министра внутренних дел, государь сказал, что готов это сделать, несмотря на то что Дурново служит всего три года в должности товарища министра, потому что признает, чтобы основанием к такому назначению должно быть не число лет службы, а польза, которую человек может принести. Желательным дальнейшее оставление Дурново в должности товарища признано то, что он своею личностью восполняет недостатки гр. Толстого, который в высшей степени нелюдим и недосягаем.

О назначении морского ген.-аудитора Яневича-Яневского. Хотя это дело, по-видимому, было окончательно решено, тем не менее государь отклонил это назначение под тем предлогом, что нет надобности назначать новых членов».

За этим мнимо деловым разговором между вел. князем и мною последовала партия в винт с вел. княгинею и Граббе.

20 [декабря]. Вечером приходит ко мне Набоков. Передает свой доклад о сенаторских назначениях. Анучин, ген.-губернатор Восточной Сибири, назначен сенатором в I департамент. О назначении туда же уральского атамана кн. Голицына (умнейшего и достойнейшего во всех отношениях человека) государь выразился: «Молод, получит дру-

19 - 922

гое назначение»; о Дмитриеве — попечителе Петербургского учебного округа: «Какой он сенатор — был мировым посредником, профессором — этого недостаточно». Вследствие настоятельных просьб вел. кн. Сергея Александровича государь настоял на назначении академика Безобразова.

Набоков предлагал еще в сенаторы товарищей министров: Волконского, Вешнякова и Влангали. На это государь отвечал: «Это от них не уйдет, когда они кончат свое дело». Действительно, назначение товарищей министров сенаторами ведет лишь к возбуждению в них претензий быть назначенными членами Государственного совета при увольнении от должности товарища. Лучшим тому доказательством служит назойливая докучливость Гюббенета, который неизвестно почему попал четыре года назад в товарищи Посьета, а теперь претендует быть членом Департамента экономии и бесцеремонно обращается с требованием о том ко всем членам этого департамента, к Рейтерну, наконец, ко мне. Но мой прием будет помнить.

26 [декабря]. Среда. Завтрак у вел. князя, который нездоров. С вел. княгинею я в великой дружбе; бог весть надолго ли. Открытие выставки ученических работ в Рисовальном училище. Заезжаю к Победоносцеву. Он только что вернулся из Москвы, куда ездил мирить митрополита с ген.-губернатором. Претензия митрополита довольно законная. Он хочет, чтобы народ был беспрепятственно пускаем в храм Христа Спасителя, а кн. Долгорукий народу отвел уголок, церковь же сохраняет для себя и своей важной персоны.

Победоносцев горько бранит вел. кн. Владимира за его доверие к Исееву, который прямо ворует деньги (800 тыс.), собранные на постройку храма в память 1 марта. Исеев написал Победоносцеву, прося от имени Синода разослать по России воззвание к пожертвованию на эту церковь, что Победоносцев считает невозможным, и в этом не ошибается.

27 [декабря]. Четверг. В Общем собрании Совета несколько пустых дел и два представления о новых налогах: одно таможенное (чай и вино)[135], другое о пошлинах с торговых предприятий[136]. Вместе эти два налога должны дать около 9 млн., необходимых для сведения бюджета, в котором, несмотря на сильные сокращения расходов, произведенные Департаментом экономии, все-таки оказывается дефицит в 20 с лишком миллионов. Представления эти внесены с чрезвычайною поспешностью и доложены в Департаменте и в Общем собрании с беспримерною быстротою. В Общем собрании доклад этих дел, коему я не мог воспротивиться, произвел угнетающее впечатление. Обсуждение положительно обращено было в шутку. Победоносцев весьма талантливо и сильно выставил ненормальность такого хода дел.

Посылая государю меморию, возвращаюсь в отдельном письме к вопросу об императорской фамилии. Опасаясь, что рассмотрение проектируемого мною изменения в Особой комиссии затянет, усложнит, запутает дело, предлагаю ему созвать трех дядей и трех братьев, объяснить им побуждения свои и затем указом решить вопрос о титулах и связанных с ними личных преимуществах. Затем уже назначить комиссию, которая разработает подробности финансовой, юридической сторон преобразования.

31 декабря. Охота в Коломягах, — Швейниц, Кампо-Саградо, Терно.

Вернувшись домой, неожиданно получаю вечером указ о пожаловании в действ. тайн. советники. Надеваю мундир и еду благодарить вел. князя, который в свою очередь высказывает любезности о моей службе. Захожу и к вел. княгине, которая по обыкновению жалуется на всех и вся, в особенности же на свои ревматизмы. Кругом сидят сыновья: старший умен, но записной сплетник, второй замечательно глуп, третий и четвертый милые юноши, держащиеся несколько поодаль от сплетничания.

1885 год

1 января. Выход в Зимнем дворце. Такого рода торжества имеют ту выгоду, что представляют нечто вроде биржи, т. е. дают возможность переговорить о делах с такими людьми, коих иначе не удается встретить. У меня по обыкновению разговоров много. Вот им образчики. С *Бунге:* «Николай Христианович, Вы знаете мою привычку вмешиваться не в мое дело. С Вами непременно будет сегодня говорить Гирс о контрпроекте Ферри на английские предложения по египетскому вопросу[1]. Не берите этого дела на себя, передайте его в Финансовый комитет». *Бунге:* «Совершенно с Вами согласен». С *Островским:* «Михаил Николаевич! Завтра докладывается в Комитете министров дело по представленной Рихтером всеподданнейшей жалобе по гражданскому делу, и до меня доходит, что Вы намерены по этому поводу возбудить общий вопрос о переформировании временного присутствия по всеподданнейшим жалобам. Я понимаю, что это можно сделать, если Вы имеете готовое на этот вопрос разрешение, но если Вы его не имеете, то не лучше ли прежде, чем возбуждать такой вопрос, согласиться относительно его разрешения?» *Островский:* «Обещаю Вам, что общего вопроса завтра возбуждать не стану и что вообще ничего не стану предпринимать в этом отношении, не согласившись с Вами». *Я:* «Признаюсь Вам, что я себя выставляю виновником той формы, в коей он временно разрешен». *Островский:* «Вы помните, что я не был приглашен в департамент. Я нахожу, что министрам должно бы быть предоставлено право участвовать в заседаниях по таким предметам, кои касаются их министерств».

Я во всем остальном с ним соглашаюсь, получив обещание, что он не станет возбуждать этого несвоевременного и неуместного вопроса.

С Рихтером говорю о переводе его канцелярии в Мариинский дворец. О том же — с Куломзиным, относительно перевода Комитета министров. Указываю ему бестактность и неверность бумаги,

которую он дал Рейтерну подписать на мое имя и на которую с моей стороны последовал быстрый и резкий ответ. Государь принимает Каханова, Бунге, Бруна, Гольтгойера, Коробьина и меня в малахитовой гостиной. После выхода расписываюсь в приемных вел. князей и княжон, т. е. дядей и братьев императора. Чтобы воспользоваться превосходною погодою, катаемся с женою на вновь приведенной из Моршанска тройке.

Обедают Оболенские. Вечер у Абазы. По обыкновению — Балашев, Убри, Нессельрод, Мордвинов.

2 [января]. Среда. Заупокойная в Пантелеймонской церкви обедня по гр. Уварове. Почтенный, редкий везде, а особливо в нашем отечестве труженик на пользу науки. Визиты Головнину, Терно, который показывает замечательные по переплетам рукописи, поднесенные императору и императрице (Cuzin, 5 rue Séguier). Картина коронации Беккера. Сухо, бездарно.

Большая прогулка с бар. Николаи, выходящим из заседания Комитета министров. Островский сдержал данное слово, правда, что Победоносцев говорил в противном ему смысле.

3 [января]. Четверг. Приходит Рубинштейн, просит устроить залу, в которой Музыкальное общество могло бы давать концерты. С трудом доказываю ему, что я не распоряжаюсь наследственным достоянием по своему произволу, а лишь исполняю волю завещателя. Вечером заседание у Танеева. Обсуждается переданный гр. Толстым вопрос об изменении порядка пожалования дворянства с предоставлением этого права исключительно самодержавной власти с уничтожением получения дворянства посредством чина или ордена. Предлагаю, чтобы этот порядок получил некоторое нормирование во избежание безграничных происков, интриг, взяток и т. п. Как средство к тому указываю на возможность предоставить дворянству каждой отдельной губернии ходатайствовать пред государем о пожаловании дворянства крупным землевладельцам, полезною своею деятельностью среди местного населения заслужившим отличие от эксплуатирующих землю пришельцев. Мысль эта сначала пугает моих коллег, которые в конце заседания соглашаются со мною.

4 [января]. Пятница. Рано утром получаю от государя записку с уведомлением, что он намерен посетить наше Рисовальное училище. Спешу уведомить обер-полицеймейстера и поехать для распоряжений на место. В 2 часа приезжают их величества с двумя старшими сыновьями. Осмотр выставки ученических произведений и музея занимает более двух часов времени. Императрица, а в особенности император выказывают не только интерес к нашему делу, но и близкое с ним зна-

комство. Уезжают, наговорив комплиментов жене моей, почетной попечительнице, мне — председателю училищного совета, Месмахеру — директору. Выражают желание приехать еще раз, чтобы посмотреть на учеников во время их занятий. Милые, любезные, человечнее быть невозможно. Подношу императору ружье и пару пистолетов хорошей тульской работы прошлого столетия; императрице — китайскую вещицу; цесаревичу — французскую книгу начала XVIII века: «L'exercice de l'infanterie française»; вел. кн. Георгию — фаянсовое блюдо (майолику), особенно понравившееся государю.

Обед с Головниным, Нессельродом, Ребиндером.

Объяснение с председателем мирового съезда Лихачевым, который желает представить свои объяснения при обсуждении в Государственном совете части железнодорожного закона, касающейся судебных исков[2].

5 [*января*]. Суббота. Заседание Департамента законов. Переговоры с Исаковым об уступке помещения для устройства концертного зала. Выражает согласие отдать помещение его мертворожденного Общества прикладного художества. Обедают Убри, Воронцов, Долгорукие и проч. Вист.

6 [*января*]. Воскресенье. На выходе вел. кн. Михаил Николаевич, проходя мимо Государственного совета, обращается ко мне со словами: «Ваши дистракции принимают такие размеры, что я должен буду сделать Вам выговор». Полагая, что я по ошибке засунул какую-нибудь постороннюю бумагу в те, кои послал ему накануне, отправляюсь немедленно к нему для объяснений. Он меня встречает словами: «La tête vous tourne, vous avez reçu l'impératrice»*. Иными словами, бесится, что я не предуведомил его об императорском посещении училища. Я настаиваю на том, чтобы он показал мне, в чем заключается допущенная мною путаница.

Тогда вел. князь ведет меня к своему письменному столу и показывает две присланные мною ему кожаные обертки, на коих напечатано: на одной — «Журналы Общего собрания», на другой — «Мемория». При этом объясняет, что «Мемория» была вложена в папку, озаглавленную «Журналы», и наоборот. На это я отвечаю: «Votre altesse a probablement voulu me faire une plaisanterie de l'avril?»** и уезжаю. Захожу к проживающему у вел. князя Д. Мирскому и рассказываю ему этот византийский случай. Обычный день за извлечением из мемории.

---

*«Прием императрицы вскружил вам голову».
**«Ваше высочество, вероятно, хотели сыграть со мной первоапрельскую шутку?»

7 [*января*]. Понедельник. В 12 час. завтрак у вел. кн. Владимира. Михаил Николаевич продолжает ко мне приставать с некоторым озлоблением. Заседание Общего собрания с поклонами вновь назначенным и вновь пожалованным. После заседания под моим председательством совещание в Эрмитаже о размещении коллекции Базилевского и царскосельского арсенала. Я, Григорович и Васильчиков заключаем, что всего лучше в большом двусветном зале поместить коллекцию Базилевского, в трех смежных с нею комнатах разместить вещи из царскосельского арсенала, а монеты и медали перенести в комнаты, занимаемые ныне Государственным советом и Комитетом министров.

8 [*января*]. Вторник. Рассчитывая, что вел. князь находится в Комитете министров, отправляюсь к вел. княгине объяснить ей глупое поведение ее мужа и предварить, что я в случае малейшего повторения чего-либо подобного не намерен продолжать нести обязанности государственного секретаря. По какому-то случаю вел. князь не поехал в Комитет министров, у вел. княгини идет дамский прием, и мне приходится войти к вел. князю, который несколько встревожен моим появлением, усевшись, я ему высказываю, что прошу его откровенно сообщить мне причины его неудовольствия, для того чтобы, выяснив их, расстаться служебно без нарушения хороших отношений, между нами существовавших, так как ему хорошо известно, что нисколько не дорожу сохранением своей должности государственного секретаря.

Вел. князь: «Mais comme vous êtes susceptible*. Прошу у Вас извинения». При этом последовали объятия, целование и заверение, что он пошутил.

Во время этого объяснения вошла вел. княгиня, вероятно уже подозревавшая, что дело не совсем ладно. Я поспешил сделать ее судьею поведения вел. князя. Она, выслушав меня, сказала: «Je dois avouer que vis-à-vis d'un homme dans votre position le grand duc n'a pas eu raison de faire des plaisanteries pareilles en public»**. Со стороны вел. князя последовали еще извинения, и дело на этом окончилось.

9 [*января*]. Среда. Чтение любопытной книги Дубровина о Пугачеве[3]. Заседание в конторе; ликвидация наследства окончена, и розданы подлежащим лицам награды.

10 [*января*]. Четверг. Заседание Департамента экономии. 44 дела о сверхсметных кредитах, между прочим и мое представление об издержках по обзаведению в Мариинском дворце. Приезжает вел. князь, потому что, вероятно, прислан Ольгою Федоровною, так как

---

*«Как вы чувствительны».
**«Должна признаться, что с человеком, занимающим ваше положение, вел. князь не должен был публично шутить подобным образом».

докладывается интересующее всех вел. княгинь дело о пособии из казначейства заведуемым ими благотворительным учреждениям взамен уничтоженной Государственным советом лотереи.

Я: «Почему Вы не в конногвардейском мундире?» *Вел. князь:* «Завтракал у Петюши, которому сегодня 21 год и который обновлял вновь отделанную квартиру. На завтраке было все семейство, кроме их величеств».

11 [января]. Пятница. Очищение советских бумаг, быстро умножающихся. Обедают умнейший Д. Мирский, Голицын; весьма довольный тем, что назначен сенатором I департамента, Трубецкой — милый человек, всецело преданный подробностям своей мелочной придворной и великосветской жизни.

12 [января]. Суббота. Получив накануне от государя* приехать в Аничков, считаю необходимым предварить о том вел. князя. Еду к нему в 11 час., по обыкновению с пустыми руками. Рассказывает, что, вернувшись в четверг с большого придворного бала, захворал и до сих пор чувствует себя нехорошо; озабочен известием, что я вызван к государю; внимательно прочитывает полученную мною записку и категорически настаивает на том, чтобы я вернулся из Аничкова дворца к нему рассказать подробности оказанного мне приема.

В Аничковском дворце: в приемной дожидаются Рихтер, Воронцов и дежурные генерал и флигель-адъютанты. От государя выходит Ванновский, потом государь принимает Рихтера, а после него меня. Разговор приблизительно такой.

Я: «Позвольте, Ваше величество, прежде всего принести Вам еще раз благодарность за милостивое посещение нашего училища». Сев за стол против государя, я продолжал так: «Если позволите, я начну с того дела, которое Вы назвали спешным. Я разумею изменения в учреждении об императорской фамилии. Мне кажется необходимым решить этот вопрос именно теперь, покуда все в сборе; уедете Вы в Гатчину, разъедутся другие члены Вашего семейства, а между тем в течение года вдруг появится правнук императора и тогда Вы, государь, очутитесь в гораздо более затруднительном, чем теперь, положении для разрешения этого дела».

Государь: «Да, это так, я решился покончить с этим, но несколько останавливаюсь пред Вашим предположением собрать предварительно семейный совет из трех дядей и трех братьев. В этом совете я должен буду изложить все соображения; если я что-нибудь пропущу, на меня нападет прежде всех Константин Николаевич, и тогда цель совета не будет достигнута. Я думаю лучше составить подробную записку с изложением всех побуждений, соображений, предположений; записку эту я передам каждому из дядей и попрошу их представить свои замечания, взяв с каждого слово никому об этом не говорить».

Я: «Мне кажется, что этот способ представляет неудобства. Несмотря ни на какие обещания, секрет не будет соблюден. Каждый вел. князь посоветуется с приближенным ему лицом; это приближенное лицо будет стараться возвысить, а не понизить важность и значение того вел. князя, при коем служит; найдутся части проекта, подлежащие критике, и тогда возникнет гораздо больше несогласия, чем без предварительного прочтения записки».

Государь: «Всего лучше этот вопрос о порядке проведения меры обсудить в Особом совещании, которое я сделаю во вторник в 2 часа, пригласив Владимира, Вас и гр. Воронцова».

Я: «Перехожу к делам, мне порученным, вне Государственного совета. По делу о замене чинов должностями выражаю мысль, что Танееву не совладеть с этим вопросом, что поэтому мне кажется, что всего удобнее в Танеевском комитете установить главные начала этого преобразования, а затем внести эти главные начала в Государственный совет, где специально образованная комиссия может выработать законопроект в подробностях».

Высочайше одобрено с нелестным для Танеева отзывом.

По другому делу, в связи с этим рассматриваемому Танеевскою комиссией, об уничтожении пожалования дворянства чинами и орденами, высказываю пользу своего предположения, чтобы дворянство каждой губернии могло ходатайствовать о пожаловании дворянского достоинства крупным землевладельцам, оказавшим услуги определенной местности. Мысль эта получает полное одобрение государя. Он соглашается с тем, что пожалование дворянского достоинства верховною властью без нормирования порядка, в коем дела эти будут доходить до государя, может повести к большим, чем теперь, неудобствам.

Затем перехожу к докладу о том, что Мариинский дворец готов принять Государственный совет и Комитет министров. Объясняю, что при постановке стола Общего собрания приходится сделать его круглым, сообразно форме залы, что это может подать повод к обвинению меня в нарушении учреждения Государственного совета. Да что же тут делать, нельзя же в круглой зале поставить четырехугольный стол.

Разговор касается еще коллекции Базилевского и ее размещения, и в заключение сообщаю о печатающихся томах сборника Историчес-

* *Так в подлиннике. По-видимому, пропущено слово:* приглашение.

кого общества. Государь выражает желание собрать у себя общее собрание членов в Аничковском дворце на второй неделе поста.

Еду в заседание Департамента законов. Шестаков защищает свое представление об установлении в морской карьере определенного ценза как условие повышения[4]. Он доказывает, что у нас столько же адмиралов, сколько их у Франции и Англии вместе взятых, что поэтому необходимо сохранить только то число, которое отвечает размерам нашего флота, а повышение определить самим строгим порядком, стоящим вне каприза и фаворитизма. Надо много честности и твердости, чтобы взяться за такое дело, не боясь числа наживаемых врагов. После департаментского заседания снова отправляюсь к вел. князю и рассказываю свою аудиенцию, кроме первого дела, о коем мне велено молчать.

13 [января]. Воскресенье. Весь день за громадною мемориею. Пишу извлечение по-французски для императрицы.

14 [января]. Понедельник. Получаю от Бунге просьбу повидаться. Заезжаю к нему и читаю письмо к нему Победоносцева, который настоятельно требует, чтобы Бунге остановил утверждение государем рассмотренного Общим собранием Совета налога на чай[5]. Успокаиваю смущенного этим Бунге.

Вел. князь занят дошедшими до него слухами об отделении Ставропольской губернии от Кавказа; в таком умалении кавказской территории он видит чуть не поругание своей личной чести. Не еду завтракать к вел. кн. Владимиру Александровичу, опасаясь, что мое появление из зараженного скарлатиною дома будет неприятно. Захожу к Мирскому, который подшучивает над тем, что вел. князь был весьма грустен накануне по тому поводу, что в этот день было рождение вел. кн. Елизаветы Маврикиевны и государь не ездил к ней с поздравлением. В таком упущении вел. князь видит опасность для монархического начала. Мирский очень тонко замечает, что вел. кн. Михаил Николаевич не отдает себе отчета в том, как все его окружающее быстро подвигается на пути общей нивелировки и демократизации; он остается на отживших условных ходулях, которые совершенно не по сердцу искренней, прямой натуре государя.

Завтрак подле вел. княгини Ольги Федоровны, которая интересуется свадьбою Шувалова (идиота) на Столыпиной гораздо более, чем скарлатиною своего сына Сергея.

В Государственном совете пятиминутное заседание Общего собрания и нескончаемое в соединенных Департаментах обсуждение предложений Набокова об улучшении судебной части в Сибири[6]. Победоносцев нападает, не приходя ни к каким заключениям. Между этими

двумя заседаниями осматриваем с вел. кн. Владимиром Александровичем только что распакованные предметы коллекции Базилевского; по счастью, все пришло в целости и раскладывается в залах русской картинной школы.

В $8^1/_2$ час. заседание в Рисовальном училище; собираю совет: Ермакова, Гримма, Сан-Галли, Гагарина и пр. для объявления им о пожертвовании, сделанном в завещании бар. Штиглица. Сообщаю при этом и предположения относительно будущего, как постройку музея, мастерских, посылку учеников за границу, раздачу премий и т. д.

15 [января]. Вторник. Желая, чтобы совещание у государя прошло как можно более мирно, еду к Воронцову и беру его в свою карету до Аничкова. Так как он написал мне накануне, что не соглашается на отнятие императорского титула у будущих внуков императора, в потомстве ныне царствующего, то показываю ему, что эта мысль принадлежит инициативе самого государя, который в первоначальной моей записке поставил красным карандашом вопросительный знак возле моего предположения о сохранении за его внуками титула императорского высочества.

Этот аргумент убеждает Воронцова. По приезде в Аничков дворец узнаем, что у их величеств завтракает министр иностранных дел Гирс. В 2 часа нас вводят в кабинет государя; здесь мы находим государя в обычном коротеньком сером военном пальто и вел. кн. Владимира Александровича в сюртуке при шпаге; садимся к письменному столу, стоящему у окна, что выходит в сад.

Государь начинает с того, что высказывает свое предположение о предварительной рассылке своим дядям записки, которая ознакомила бы их с существом вопроса, побуждениями, служившими к принятию известных заключений.

Вел. кн. Владимир Александрович горячо сопротивляется этому плану, доказывая, что такой метод может повлечь весьма горячие и неуместные возражения. Государь замечает, что нет основания ожидать возражений ни со стороны Алексея, ни Сергея Александровичей, ни от Николая Николаевича, ни даже от Михаила Николаевича, если дело не будет заранее известно Ольге Федоровне, но что оппозиция может явиться от Константина Николаевича, хотя подобная мера должна бы, напротив, быть в смысле подобного ему либерала.

Убеждаясь замечаниями Владимира Александровича, Воронцова и моими, государь решается созвать своих дядей для того лишь, чтобы объявить им прежде других об этой мере. Я настаиваю на том, чтобы с самого начала этого свиданья на столе лежал подписанный уже го-

сударем указ по сему предмету. С этим соглашаются все присутствующие.

Государь читает вслух составленный мной проект указа. Он останавливается на одном лишь выражении, а именно: «Изволением промысла царствующее семейство умножилось и *ныне* упрочилось преемство в государстве прав верховной власти». Такой оборот, по мнению государя, дает окраску, как будто в последние годы произошло что-то особенное.

Я изменяю это так: вместо слов «*и ныне*» предлагаю слова «а *вместе с тем*».

По прочтении указа Владимир Александрович высказывает, что он, безусловно, разделяет высказанный тут взгляд и одобряет делаемые предположения. Он придает почти исключительную важность тому, как будет поставлено дело материального обеспечения. Он находит совершенно неправильным, что потомки приехавших в Россию иностранцев Ольденбургских, Мекленбургских, Лейхтенбергских будут получать больше, чем потомки коренных членов царствующего дома, и если этого невозможно изменить в настоящем, то желательно предотвратить это в будущем. Лучшим, по его мнению, средством предотвращения будет назначение членам императорской фамилии не денежных окладов, а земель, ценность коих не колеблется, а почти постоянно возвышается.

Государь замечает, что это дело расчета средств Департамента уделов, средств ныне еще весьма обширных, но, разумеется, не безусловно неистощимых.

Как всегда бывает в подобных заседаниях, разговор касается случайных и второстепенных сторон вопроса, а именно: присутствующих особенно занимает*, что герцог Георгий Максимилианович в силу специального указа императора Николая не только сам пользуется титулом императорского высочества, но может распространить это пользование на всех могущих родиться от него детей. Теперь он вдов и имеет одного лишь сына, но если женится, то случай этот может возникнуть. Я разъясняю, что будущие дети его по силе настоящего указа не будут иметь права на титул императорского высочества, а от живущего уже сына, разумеется, отнять этого титула нельзя.

Государь останавливается на этом неудобстве, но Владимир Александрович настаивает на том обстоятельстве, что в столь многочисленном, как их, семействе неудобства эти могут только умножиться, и

* *В подлиннике ошибочно* заметит.

поэтому необходимо спешить разрешением этого важного дела. На вопрос государя, какое положение будет сделано праправнукам императорским, я отвечаю, что это будет подлежать рассмотрению назначаемой одновременно особой комиссии.

На замечание государя о том, что следовало бы упомянуть в указе, какие статьи учреждения об императорской фамилии подвергаются изменению, я отвечаю, что такое перечисление статей потребовало бы обширного и обстоятельного кодификационного труда. Редакция моего указа представляет ту выгоду, что сохраняет полную в будущем свободу действий, удовлетворяя лишь ныне сознанной, настоятельной необходимости изменить поскорее теперешнее положение.

На вопрос государя о более отдаленных вслед за праправнуками поколениях Воронцов высказывает предположение выделять им майораты, которые предотвращали бы возможность полного разорения и в случае пресечения потомства возвращались в удельную массу.

Когда исчерпаны были эти второстепенные вопросы, то я обратился к государю и сказал: «Итак, во избежание всякого недоразумения я позволю себе еще раз спросить Ваше величество, действительно ли таково Ваше желание, чтобы, сохраняя внукам императора Александра II титул императорского высочества, не давать этого титула внукам императора Александра III?» Ответ был самый категорический. Обращаясь к вел. кн. Владимиру Александровичу, я прибавил: «Такое решение, положенное мною в основание указа, ставит государя в весьма выгодное относительно родственников своих положение. Он начинает с того, что заявляет им, что происшедших от него внуков императорских ставит в менее выгодное положение, чем потомков, от них происшедших и занимающих ту же ступень в лестнице императорского родства».

Когда все обсуждение было окончено (а продолжалось оно ровно час), то государь выразил желание, чтобы редакция указа была предварительно одобрена гр. Александром Владимировичем Адлербергом, и хотел возложить это поручение на Воронцова, который попросил, чтобы это было поручено мне.

Владимир Александрович выразил желание ехать вместе со мною, но заговорился с государем, и я уехал один. Адлерберга не оказалось дома (на Фонтанке, рядом с домом гр. Левашова); мне сказали, что он вернется к обеду, а обедает в 7 час. К $6^1/_2$ час. я снова приехал к Адлербергу и, прождав его несколько минут, увидал его удивленным моим появлением; удивление было тем значительнее, что накануне он завтракал у их величеств и более двух часов провел в интимной с ними беседе, причем, однако, ни единого слова не было сказано относитель-

но порученного мне дела. Очевидно, государь опасался оппозиции со стороны Адлерберга.

Разумеется, я объявил ему, что воля государя непреклонна и что нам остается говорить лишь о редакции. В этом отношении Адлерберг сделал мне весьма справедливые и меткие замечания, например: 1) нашел излишним говорить о том, что император Павел установил права членов императорской фамилии *на твердых основаниях*, когда основания эти ныне подвергаются изменению, 2) нашел правильнее говорить, что [не] почитаются императорскими высочествами, а *признаются* высочествами и т. п.

В начале нашего разговора он, к удивлению моему, настаивал на том, что все лица царствующего дома считают свое родство от одного родоначальника, императора Николая, но потом мне удалось со сводом в руках доказать ему, что родство считается от царствовавшего императора, от коего лицо происходит. Адлерберг выражал еще сомнение о том, не лучше ли все это сделать не указом Сенату, а всенародным манифестом, но вскоре убедился сам, что в этом вопросе надо как можно менее разглагольствовать, манифест же должен главным образом быть выразителем чувства царствующего монарха по поводу крупного государственного события; вообще много говорить народу о неудобствах слишком многочисленной царской семьи, разумеется, нежелательно.

Весь этот разговор продолжался более часу и помешал как Адлербергу, так и мне своевременно обедать. Провожая меня, Адлерберг сказал: «А ведь за Вами есть должок». Я думал, что речь идет о вновь изданных томах сборника Исторического общества, но оказалось, что напоминание относится к кувшинам ликера-анисовки, которые я, действительно, обещал ему при отъезде в Амстердам, но коих не решился ему подарить после того, как он сам в это же лето провел более двух месяцев в Амстердаме. По возвращении домой послал Воронцову исправленный по замечаниям Адлерберга проект указа, а государю описал все мое свидание.

16 [января]. Среда. Когда я вступил в Государственный совет, то мой предместник завел такой порядок, что всякий член Совета, получая отпуск, сохранял свое жалованье, несмотря ни на продолжительность своего отпуска, ни на условия своего имущественного положения, так, например, гр. Хрептович, обладающий весьма значительным состоянием, проживающий на роскошной вилле близ Баден-Бадена, продолжал получать жалованье. Я принял за правило ходатайствовать во всеподданнейших докладах пред государем о сохранении жалованья таким лицам, которые, нуждаясь в нем, заявляют о том ходатай-

ства, что весьма естественно и справедливо в отношении старых заслуженных чиновников, часто не имеющих никаких иных средств к жизни. Здесь высочайшая милость вполне уместна. Мой давнишний по киевской ревизии приятель Чертков заявил желание ехать в бессрочный отпуск; я счел обязанностью предварить его, что без особой оговорки он не получит в отпуску жалованья. Чертков весьма надменно отвечал, что никогда не просил о жалованье и в нем не нуждается и, разумеется, просить об этом не станет. Однако в тот же день прислал мне своего шурина Шувалова просить о том, нельзя ли устроить дело так, чтобы жалованье получить. Такой прием весьма характеристичен.

17 [января]. Четверг. День за бумагами Государственного совета; вечером интересное заседание с Ауербахом об устройстве химического завода в Богословске для выделки серы, соды, хрома.

18 [января]. Пятница. Сижу дома с насморком и изучаю железнодорожное дело. Приезжает вел. князь Михаил Николаевич — вчерашний бал в Зимнем, нездоровье Ольги Федоровны, сплетни о Зине Богарне и т. п. В $8^{1}/_{2}$ час. у бар. Николаи со ст.-секр. Железниковым. Порядок обсуждения железнодорожного дела[7]. Дело о донских торговых казаках[8]. В 9 час. Танеевский комитет о чинах и пожаловании дворянства. Мне начинает делаться тошно при одном виде Танеева, что за низко-пошлое существо.

19 [января]. Суббота. В соединенных Департаментах началось обсуждение железнодорожного закона, составленного комиссиею под председательством гр. Баранова[9]. Посьету отказывают в возвращении ему всего дела, но удовлетворяют его просьбу начать рассмотрение не с первой главы, определявшей новые инстанции управления, а в особенности верховный железнодорожный совет, служащий источником обвинений в парламентаризме. Обсуждение началось со второй главы, об отношениях железных дорог к публике. Вел. кн. Михаил Николаевич присутствует в качестве слушателя, приглашает меня вечером играть в винт, но я отказываюсь, надеясь, что это освободит меня от такого занятия навсегда.

Вечером у меня играют в вист: Убри, Абаза, Воронцов и пр. Последний сообщает, что государь желает, чтобы мой проект указа был еще раз просмотрен Адлербергом.

20 [января]. Воскресенье. В $10^{1}/_{2}$ час. едем с Воронцовым к Адлербергу, который не оставляет без критики ни единого полуслова в моем проекте указа, но тем не менее не находит, чем заменить критикуемые выражения, и в конце концов все остается по-прежнему. Воронцов едет в Аничков и уведомляет меня, что государь назначил

собраться еще раз на другой день, в понедельник, в $11^1/_2$ час. Отвечаю, что этот час может произвести усложнения, так как я обязан в это самое время быть у своего председателя, ответ: «Alors, march midi»*. По обыкновению день за мемориею.

21 [января]. Понедельник. В 11 час. у Михаила Николаевича. Застаю его играющим в биллиард с адъютантом Барановым. Разговор о делах. *Михаил Николаевич:* «Вчера я на бале в Аничкове играл в карты с государем и мимоходом речь зашла о токаревском деле[10]. Я думал, что при теперешнем направлении будет выставляться необходимость поддержания власти и т. п. Но вместо того государь выразился так, что в этом деле были большие злоупотребления и что их следует наказать. По этому поводу, — заметил вел. князь, — мне пришло в голову, что с моей стороны было бы благоразумно спрашивать у государя его мнение по всякому делу, в коем может произойти разногласие. Меня в этом отношении надоумил Рейтерн, который на днях по одному важному делу в Комитете министров заявил мнение, которое меня удивило. На мой вопрос он отвечал, что ему заранее известно мнение государя. Если государь будет часто соглашаться не с тем мнением, которое мною будет высказано, то мои враги будут меня критиковать».

Я: «Совершенно понимаю мысль Вашего высочества о том, что мнения председателя Государственного совета не должны идти вразрез с коренными взглядами императора в существенных вопросах политики, и потому находил бы весьма полезным, чтобы в разговорах с государем Вы выяснили сущность главнейших его взглядов, но относительно отдельных дел и в особенности дел, не имеющих политического интереса, как, например, путиловское[11] или токаревское, находил бы весьма затруднительным для государя свое мнение, а сверх того не видел бы никакого неудобства в том, что государь утверждал мнение, несогласное с тем, что было бы высказано председателем».

Признаюсь, ежедневно натыкаешься на трудно вообразимые нравственные факты, но такого подобострастия и презрения к нравственному долгу я не ожидал, а проскочило оно, может быть, потому, что этот человек чресчур малоумен. Завтрак у вел. кн. Владимира Александровича без Марии Павловны, которая слишком устала от вчерашнего бала. Передаю Владимиру Александровичу весь разговор с Адлербергом.

В Государственном совете нескончаемое обсуждение токаревского дела. Губернатор выпросил себе землю, принадлежавшую крестьянам.

*«В таком случае во вторник в полдень».

Землю Токареву высочайше пожаловали, а там крестьяне не захотели ее отдавать. Это названо бунтом, посланы войска, розги. Усмиритель ген. Лашкарев получил Владимирскую звезду, а теперь оказывается, что во всем деле ложь, хищничество, насилие[12].

Перетц, желая выказать свои возвышенные чувства, долго громил залу своим негодованием, а в конце концов предложил возвратить дело куда-нибудь для пополнения справками.

Победоносцев прямо сказал, что виновны прежние порядки и люди, отвечающие теперь за свои прегрешения пред престолом Божьим, во главе таких людей Маков. В конце концов дело решилось единогласно, но после трехчасовых прений.

На меня всегда производит грустное впечатление продолжительность обсуждения всякого такого дела, в коем есть собственные имена, и кратковременность прений там, где идет речь об одном лишь государстве.

22 [января]. Вторник. В 12 час. в Аничковом дворце. В кабинете у государя. За столом сидят: государь, вел. кн. Владимир Александрович, гр. Адлерберг, гр. Воронцов и я. Государь начинает с того, что выражает возникшее в нем сомнение о том, успокоит ли его родственников написанная мною фраза: «Сохраняя за лицами, составляющими ныне императорскую фамилию, принадлежащие им права, сделать некоторые ограничения в имеющих возникнуть поколениях». Сомнение заключается в том: не признают ли они неприкосновенным правом титулы, ныне присвоенные их потомству. Сомнение это рассеивается категорическим утверждением гр. Адлерберга.

Вслед за тем вел. кн. Владимир, а с ним гр. Адлерберг и гр. Воронцов настаивают на невозможности отнять у внуков нынешнего государя титул императорского высочества. Государь настаивает на этой мысли, находя привлекательною, при издании этой меры, поступить в отношении собственного своего потомства суровее, чем в отношении потомства своих братьев и дядей. Ему выставляют неудобство, заключающееся, например, в том, что его внуки не будут более императорскими высочествами, тогда как сыновья брата его Павла, гораздо далее отстоящие от трона, будут пользоваться этим титулом. Государь не видит в том неудобства и настаивает на своей мысли, соглашаясь в крайнем случае, чтобы сыновья наследника имели титул императорских высочеств. Я читаю 84-ю статью первого тома, устанавливающую, что старшие в старшем поколении государственного потомства всегда почитаются наравне с наследником престола. Владимир Александрович настаивает на том, что подобного ограничения не существует ни в Пруссии, ни в Австрии, ни в Англии. Вследствие таких

настояний государь соглашается не распространять на своих внуков и вообще на внуков императора ограничение в титуле. Тогда возникает необходимость изменить редакцию указа, слив в один пункт то, что было изложено в двух. Беру карандаш и занимаюсь изложением.

В это время гр. Адлерберг заявляет, что необходимо обсудить еще два вопроса: 1) о старшинстве членов нашего царствующего дома сравнительно с членами других царствующих домов; 2) о морганатических браках. По второму вопросу государь высказывает мнение, что вследствие ограничения, вызванного браком вел. кн. Константина Павловича и перешедшего в свод законов, ныне не представляется необходимости делать новые постановления. По первому вопросу о старшинстве гр. Адлерберг утверждает, что в этом отношении действуют правила, установленные на Венском конгрессе. Я утверждаю, что на Венском конгрессе ничего по этому предмету установлено не было. В проекте протокола 10 декабря 1814 г. сделана была попытка установить определительно старшинство европейских держав, но протокол этот был отвергнут представителями Англии и Франции — Кестльри и Талейраном. Последний, чтобы выйти из затруднения, предложил не говорить о старшинстве самих монархов, а ограничиться рассмотрением порядка старшинства их представителей. Постановлено в ряду представителей коронованных глав (têtes couronnées) учредить старшинство послов над посланниками, а сих последних над поверенными в делах. На этом вопрос и остановился, что еще подтверждается тем, что он вновь возбуждался на Аахенском конгрессе. Такое разъяснение очень не понравилось Адлербергу. Вслед за тем был еще возбужден им же вопрос о морганатических браках, как имеющих сократить число лиц, могущих сохранить права на престолонаследие.

Все это обсуждение заняло более часу времени. Государь во все время сохранял свою обычную простоту, доброту, искренность, естественность речи и приемов. Владимир Александрович от времени до времени горячился и был весьма неровен в прении, то, обращаясь к государю, говорил: «Ваше величество, Вы», то: «Саша, ты». Подчас обсуждение принимало форму самой интимной беседы, так, например, Владимир Александрович, выражая опасение, чтобы вся мера не была принята под впечатлением о слишком большом размножении императорского семейства, высказывал мысль, что весьма легко может создаться совсем иной факт; при этом он сказал: «У меня, конечно, не будет более детей; потомство Константина Николаевича пресекается потому, что один сын умер, другой сын почти что умер, у третьего я ручаюсь, что детей не будет, а четвертый с гвоздем в голове» и т. п.

Адлерберг держал себя очень сдержанно, как бы давая чувствовать свое превосходство над всею этою молодежью; говорил он по возможности мало и как бы только ввиду очевидной на то необходимости.

Воронцов также немного говорил, но не останавливался высказывать свое мнение при каждом представлявшемся случае. Я старался по возможности говорить меньше, но поневоле приходилось вмешиваться в прения, чтобы отстаивать указ, мною написанный и подвергавшийся жестокой и подчас весьма неосновательной критике.

Совещание окончилось в $1^1/_4$. Государь пригласил нас завтракать; мы взошли в столовую, где императрица сидела за завтраком с детьми. Государь приказал принести маленький стол для трех младших детей и при этом прибавил: «Наш завтрак всегда принимает размеры табльдота». За завтраком императрица, возле коей меня посадили, весьма любезно отзывалась об Училище рисования, расспрашивала о моих детях и т. д. После завтрака пошли пить кофе в смежную комнату, наполненную старинными вещами. Там зашел разговор о коллекции Базилевского, об Эрмитаже, о том, что Васильчиков совсем плох и здоровьем и всячески. Чрез несколько минут нас отпустили, причем государь сказал, что должен ехать с визитом к только что приехавшей принцессе Баденской, Марии Максимилиановне.

Спускаясь по лестнице, Адлерберг рассказывал Воронцову и мне, что в детстве императора Александра Павловича на этой самой лестнице пускались фейерверки для увеселения ребенка. Мы расстались с тем, чтобы в 5 час. снова собраться у Адлерберга и прочитать указ, измененный мною согласно тому, что было сказано на совещании.

Здесь произошла очень потешная сцена: Адлерберг продолжал критиковать каждое из моих слов, не предлагая ничего взамен. Такой маневр мне надоел, и я предложил ему написать самому. Воронцов, видя, что дело портится, взял мою черновую и, выпустив одну из критикованных Адлербергом фраз, переписал остальное лежавшим на столе карандашом. Адлерберг выслушал эту копию и заявил, что в такой редакции он не имеет ни прибавить, ни убавить единого слова.

Мы сели в карету с Воронцовым и от души расхохотались над тем, как Адлерберг по опыту знает, какого уважения заслуживает министр двора.

Вечером играю в винт у вел. кн. Ольги Федоровны с вел. кн. Михаилом Николаевичем и ген.-ад. Чертковым. По счастью, хозяева не подозревают, что я делал утром.

23 [января]. Среда. Похороны моего двоюродного брата Михаила Половцова, недурной, но чресчур ограниченный человек, долго командовавший кавалерийскою дивизиею. Продолжительное совещание с Эстеррейхом относительно покупки паев Нарвской суконной мануфактуры.

24 [января]. Четверг. Окончание дела о покупке паев по 10 тыс. руб. Заседание Финансового комитета об египетской гарантии[13].

26 [января]. Суббота. Продолжительное, но бесцветное заседание соединенных Департаментов по железнодорожному делу. В «Правительственном вестнике» напечатан наш пресловутый указ[14].

27 [января]. Воскресенье. Обычное писание мемориального извлечения.

28 [января]. Понедельник. У вел. кн. Михаила Николаевича с первых слов разговор об указе. Негодование на то, в какой форме вел. князю было объявлено об этом распоряжении.

В пятницу вечером Михаил Николаевич получил от вел. кн. Константина Николаевича конверт со вложением подписанного государем указа с весьма любезной запискою его же к старшему из дядей, содержавшею просьбу прочитать указ и сообщить его для прочтения остальным двум дядям, Николаю и Михаилу. Вслед за этим государь приехал на танцевальный вечер, бывший у вел. княгини в тот день, и был очень любезен, не сказал об указе ни единого слова. Такой образ действий вел. кн. Михаил Николаевич находит неискренним и по меньшей мере нелюбезным. Прежде чем издать указ, следовало дядей пригласить и меру эту с ними обсудить.

Я: «Ваше высочество, я не сомневаюсь, что так и было бы поступлено, если бы в числе дядей не было Константина Николаевича. Его необузданность Вам известна. Государь, конечно, опасался вспышки с его стороны, а я не знаю, как эта вспышка могла бы окончиться; я предпочитаю такой ход дела, чем совещание, которое, может быть, привело бы Константина Николаевича к шлиссельбургскому заточению».

Вел. князь: «Мы с братом Николаем остановили бы его, если бы он зашел слишком далеко».

Я: «Это бы никак не удалось Вам». *Вел. князь:* «Во всяком случае то, что было сделано, приближает к подобного рода сцене, потому что если мы с Ольгою Федоровною сожалеем только о том, что наши внуки, которых нам, вероятно, еще удастся видеть, не будут носить одного с нами титула, то в Мраморном дворце совсем иное; там и вел. кн. Константин Николаевич и Александра Иосифовна положительно в бешенстве.

Все это исходит от гр. Воронцова, мы все видели, как в день рождения Ксении Александровны он вышел от государя с портфелем. Этот человек предан государю, но ненавидит все его семейство. Это он распорядился нынче летом запереть нам в Александрии нижнюю дорожку, по которой ездили все члены императорской фамилии. Теперь будет назначена комиссия, в которой гр. Воронцов со своими чиновниками, Петровым и т. п., станет резать нас на мелкие куски».

Я: «Ваше высочество, это невозможно, чтобы комиссия состояла из иных лиц, как весьма высоко поставленных».

Вел. князь: «В этой комиссии должен председательствовать гр. Адлерберг; если бы он участвовал в этом деле, то оно приняло бы для нас совсем иной оборот».

Я: «Вот Вы и просите государя, чтобы комиссия была организована так, как Вы того желаете. Я не сомневаюсь, что государь на все согласится».

В заключение разговора вел. князь попросил меня зайти к вел. княгине.

Вел. княгиня: «De qui est l'initiative dans cette idée?»

Я: «Madame, c'est un motu proprio impérial. J'ai entendu parler de cela il y a 7 ans». *Вел. княгиня:* «Mais quel en est le but, c'est de nous avilir. Il déteste sa famille. C'est la même chose que la route qu'on nous a fermée à Alexandrie cet été». *Я:* «Je crois que le but est de concentrer sur le souverain et ses plus proches parents le prestige que l'on ne saurait dans un pays aussi attardé que le nôtre impunément distribuer sur un trop grand nombre de personne». *Вел. княгиня:* «Au fond cella m'est bien indifférent. Je n'aime que mon mari et mes enfants; le reste du monde n'existe pas pour moi, y compris mes petits enfants, mais avec des oukases pareils on n'est plus sûr de rien. Cela n'aurait été que trop juste de consulter le grand duc avant de faire paraître l'oukase». *Я:* «Madame, je ne doute pas que c'est ce qui serait arrivé, s'il n'y avait pas le danger d'une sortie violente de la part du grand duc Constantin».

Вел. княгиня: «On est furieux au palais de marbre. Ал[ександра] Иосифовна m'a ecrit une énorme lettre remplie d'expressions de mйcontentement». *Я:* «Madame, je vous répéterai ce que j'ai dit au grand duc, que j'avais la certitude que l'empereur avait les meilleures dispositions pour son altesse et qu'il en aurait la preuve s'il voulait provoquer la moindre explication, en allant à Anitchkoff mercredi». *Вел. княгиня:* «C'est ce qu'il fera». *Я:* «Mais non, madame, il n'aura pas le courage». *Вел. княгиня:* «Мария Максимилиановна qui est

intelligente et nous est dévouée a donné au grand duc le même conseil»*.

В это время взошел вел. князь и позвал нас завтракать, прося не говорить об этом за завтраком. Но запрещение это не имело никаких последствий. Вел. княгиня не переставала метать молнии, причем доставалось всем без исключения, например: «Si l'impératrice me demande un bal, je dirai que je n'en ai pas les moyens devant faire des économies pour mes petits fils... Et que disent à cela Wladimir et Michen?[14a] Je vous dirai ce qu'ils disent... Ils croient qu'ils régneraient beaucoup mieux par ce qu'ils sont plus intélligents et de plus W [ladimir] ne peut pas oublier qu'après la mort de l'hèritier l'empereur d'aujourd'hui étant amoureux de la princesse Metchersky avait voulus abdiquer et épouser la princesse M [etchersky] »** и т. п.

После заседания Государственного совета вел. князь уходя сказал мне: «А Вы заметили, что Александр Владимирович (Адлерберг) уехал тотчас после заседания, чтоб избегнуть разговоров со мною; я не сомневаюсь, что он участвовал в указе».

29 января. Вторник. Воронцов рассказывает, что на бале к нему подошел Набоков и сетовал на то, что министр юстиции не был приглашен к обсуждению этого указа, сказав в заключение: «Когда я

---

* *Вел. княгиня:* «Кому принадлежит инициатива в этом вопросе?»

Я: «Ваше высочество, это делается по собственному побуждению императора. Я слышал такие разговоры уже семь лет тому назад». *Вел. княгиня:* «Но какова цель, нас желают унизить. Он ненавидит императорскую фамилию. Это то же самое, что закрытие летом дороги в Александрию». *Я:* «Я думаю, что цель заключается в том, чтобы сосредоточить на государе и самых его близких родственниках весь тот престиж, который нельзя безнаказанно в такой отсталой стране распространять на слишком большое число лиц». *Вел. княгиня:* «В сущности мне это совершенно безразлично. Я люблю только своего мужа и детей; остальное для меня не существует, включая и внуков, но при подобных указах нельзя быть уверенным ни в чем. До издания указа было бы более чем правильно посоветоваться с вел. князем». *Я:* «Я не сомневаюсь, ваше высочество, что это было бы сделано, если бы не опасение резкой выходки со стороны вел. кн. Константина».

Вел. княгиня: «В Мраморном дворце негодуют. Александра Иосифовна прислала мне огромное письмо, полное выражениями недовольства». *Я:* «Ваше высочество, я повторю вам то, что я сказал вел. князю: я убежден, что император расположен к нему самым лучшим образом и что вел. князь мог бы убедиться в этом, если бы вызвал малейшее объяснение, отправившись в среду в Аничков дворец». *Вел. княгиня:* «Он это сделает». *Я:* «Нет, ваше высочество, у него не хватит мужества». *Вел. княгиня:* «Мария Максимилиановна умна и предана нам, и она дала вел. князю такой же совет».

** «Если императрица попросит меня дать бал, то я отвечу, что у меня нет средств для этого, так как я должна делать сбережения для своих внуков... А что говорят по этому поводу Владимир и Михен? Я скажу вам, что они говорят... Они думают, что царствовали бы гораздо лучше, потому что они умнее; кроме того, Владимир не может забыть, что после смерти наследника царствующий теперь государь был влюблен в княжну Мещерскую, он хотел отречься и жениться на ней».

докладываю государю, то всегда предлагаю привлечь к обсуждению того или другого министра». На что Воронцов отвечал: «А я этого не делаю».

30 [января]. Среда. Вел. князь, вернувшись от государя, пишет мне записку: «С государем был сегодня весьма откровенный и интересный разговор, весьма меня успокоивший. Вы были *снова правы*». Вчера вечером зашел к гр. Толстому, министру внутренних дел, нашел его чрезвычайно изменившимся, исхудалым, сильно кашляющим. О делах разговор не клеится, его интересуют одни динамитисты, и то в замыслах их против его особы[15]. Утверждает, что их кружки разорганизованы, не имеют денег, но при всем том нельзя ручаться, что каждый день какой-нибудь шальной бросит динамитную бомбу, которые делаются с такою легкостью теперь. Спрашиваю его, какие он намерен внести в Государственный совет представления. Он упоминает об одном только законопроекте о рабочих и нанимателях. О написании указа ему ничего не известно.

31 [января]. Четверг. Заседание в соединенных Департаментах об уставе Харьковского технологического института[16]. В $3^1/_2$ час. в Сенатской церкви панихида по Ковалевском. Сольский на днях заявил мне, что будто бы вел. кн. Михаил Николаевич вызывал Перетца и сделал ему внушение за подачу мнения по делу о торговых казаках в Донском войске. Заявляю Сольскому, что это неверно, а что Перетц являлся к вел. князю за то «милостивое снисхождение», с коим вел. князь слушал его речь (весьма жалкую с точки нравственной) по делу Токарева (sic).

1 февраля. Продолжительное объяснение с Месмахером. Сетования на то, что он хочет все сделать сам, когда ему следует находить людей, сохранив лишь высшее управление. Утверждаю план нового музея рядом со школою. Ауербах с хорошими известиями из Богословска, где термометр не спускается ниже 46°. В Совете продолжается довольно мирное обсуждение железнодорожного закона. Еду к вел. князю, который передает разговор с государем, буквально подтвердивший все то, что я сказал. В заключение вел. князь говорит: «Я имею основание думать, что и Александр Александрович в этом участвовал».

Я: «Ваше высочество. Все, что Вы мне говорите, неизвестно кому бы то ни было. Точно так же, если мне что-либо говорит государь, то я этого никому не повторяю, особливо если мне при этом велено молчать».

Такой ответ обезоружил вел. князя. Уходя я сказал: «Alors, mon seigneur, sans rancune pour ma discrétion»*. На это он мне отвечал:

---

* «Итак, ваше высочество, не питайте против меня злого чувства за мое молчание».

«Au contraire, je vous en aurais voulu si vous aviez agi autrement»*. Но несмотря на все это, я чувствовал, что он мне этого не простит.

2 февраля. Суббота. Гуляя утром с Штендманом, заходим в Мариинский дворец, где почти все готово. Прескучная возня, где из малейших пустяков может выйти история. Объяснение с ген. Ребиндером о передаче в военное ведомство предназначенной ему земли. Вист дома.

3 февраля. У дочери Анны родился третий сын. С Паленом осматриваю отводимое Комитету министров помещение. Вечером Абаза передает рассказ Рейтерна о том, как последовало поручение Палену исправлять должность председателя Комитета министров. Рейтерн представил государю, что обязанности эти следует возложить на такое лицо, которое уже было министром и знает ход комитетских занятий. При этом был представлен список бывших министров по старшинству, а именно: Валуев, Адлерберг, Тимашев, Грейг, Шувалов, Игнатьев, Пален. Очевидно, ни на ком ином, как на Палене, государь остановиться не мог. Слушая этот рассказ, жена Абазы остроумно заметила, что все это похоже на фокусника, который подает вам колоду карт и вы невольно вытягиваете заранее намеченную карту.

4 февраля. В $12^1/_2$ у гр. Шереметева получаю для своей выставки превосходнейшую золотую настольную группу работы Ballin 1726 г. В 1 час в Государственном совете, где ко мне подходит товарищ министра внутренних дел Дурново и сообщает под секретом, что здоровье гр. Толстого весьма ухудшилось, что он просил государя его уволить от обязанности министра внутренних дел и что при этом Толстой назвал преемником меня. Государь с этим согласился, и было решено в случае отказа с моей стороны предложить этот пост Островскому. Вернувшись домой, застаю мою неизменно добрую и принимающую дружеское во всем участие Е.Д. Всеволожскую, которая рассказывает, как на елагинском вчерашнем танцеванье вел. кн. Мария Павловна расплакалась с досады за то, что Рейтерн, намеченный ею в кавалеры, по недоразумению стал танцевать с кем-то другим; как Зина Богарне до того приставала к государю за уничтожение италианской оперы, что государь рассердился до того, что стукнул кулаком по столу, и т. п.

Приезжает Владимир Александрович, по обыкновению просит прощения во грехах пред исповедью; подтруниваем вместе над Михаилом Николаевичем и его бешенством. Обычный разговор о Париже, о драгоценных вещах, камнях, исторических воспоминаниях и т. п. Прощальный обед Эстеррейху, уезжающему за границу по болезни.

* «Напротив, я был бы на вас в претензии, если бы вы действовали иначе».

5 февраля. Во вновь организованной конторе осматриваем заведенные книги и счеты. Итог состояния вместо фантастических сотней миллионов составляет между 16 и 17. Разговор с Трейманом и Гудвилем об Екатерингофской мануфактуре. Бумагопрядильное дело идет так дурно, что следовало бы уменьшать производство, но опасаемся затруднений с рабочими.

6 февраля. Среда. Заседание по железнодорожному делу; все идет гладко. Заезжаю к Воронцову все по тому же несносному вопросу о кормлении завтраками членов Государственного совета. Вел. кн. Михаил Николаевич присылает за мною, чтобы объявить, что в понедельник приедет в Мариинский дворец государь, и потому съезд будет к 12 час. Михаил Николаевич виделся с братом Константином, и вследствие того настроение его опять изменилось по предмету указа. Я слышу такие отзывы: это все петербургский high-life*, который радуется этой мере, говоря, что они — Рюриковичи, а мы — немцы-голштинцы, в коих и романовской крови не осталось; а что сказали бы Долгорукие или Оболенские, если бы у их потомства отняли принадлежащий им титул, и притом без суда, без совершения преступления и т. п.

7 [*февраля*]. Четверг. Хлопоты по устройству Мариинского дворца. Прогулка с Владимиром Александровичем. Говорим об устройстве выставки старинных серебряных вещей. Вечер у Абазы. Ко мне пристают с назначением.

8 [*февраля*]. Пятница. За обедом у меня Сабуров со свойственною ему бестактностью передает рассказ, слышанный от Бисмарка, о том, как в один из проездов покойного императора Александра II чрез Берлин Бисмарк решился заявить ему мысль, что ввиду сближения императорских правительств было бы своевременно назначить послом в Берлин какое-либо близкое к государю лицо. Александр Николаевич посмотрел на Бисмарка вопросительно, ничего не отвечал и повернулся спиною. Рассказ был неуместен со стороны Сабурова потому, что в то время послом был Убри, сидевший за столом с нами и ненавидимый Бисмарком.

9 [*февраля*]. Суббота. В 11 час. у вел. кн. Михаила Николаевича. Здесь внезапная и полнейшая перемена. Об указе нет более помину. Вел. князь, который в душе враг сбережения государственных денег, сожалеет о том, что при рассмотрении проекта министра юстиции о переустройстве судебной части в Сибири сокращено было по требо-

* Высший свет (*англ.*).

ванию министра финансов 18 тыс. руб., и намеревается возбудить вопрос об этом в Общем собрании. Когда я ухожу, то вел. князь ведет меня к вел. княгине, которая будто бы желает говорить со мною об учреждении майората. Я начинаю с того, что выражаю ей удивление в том, что она еще меня принимает после того, как я принимал участие в неприятном для нее акте. Она отвечает, что, действительно, была на меня сердита сначала, но потом рассудила, что я не мог иначе поступить. При этом вел. княгиня повторила, что, за исключением мужа и детей, для нее не существует на свете ровно ничего, и потому могущими родиться внуками она ничуть не интересуется, но предваряет меня, чтобы до мужа и детей я никогда не касался. Разумеется, я поспешил обратить разговор в шуточную сторону, сказал, что очень сожалел, что так давно ее не видал, потому что имел довольно забавные приключения, которые бы ее посмешили, как, например, письмо, полученное моею женою от вел. кн. Александры Петровны, с просьбою отдать церкви св. Пантелеймона землю, отданную нашему Рисовальному училищу, с обещанием на всю жизнь иметь покровительство св. Пантелеймона в случае исполнения этой просьбы и угрозою разных несчастий в противном случае. За завтраком возле вел. княгини А. Грот; находя его скучным, глупым и глухим, вел. княгиня обращалась преимущественно ко мне. Речь зашла о новом помещении в Мариинском дворце; я приглашал вел. княгиню приехать; она жаловалась на высоту лестницы; я возражал, что там устроена покатая наклонность, по коей можно взобраться до верхнего этажа и притом в кресле на колесах. «Je me ferai rouler par les membres du Conseil»*, — сказала вел. княгиня. «Ils ne sont pas de force»**, — отвечал я.

10 [февраля]. Воскресенье. После завтрака у Гагариных показываю помещение Государственного совета в Мариинском дворце гр. Бобринской, Балашову, Долгорукому и пр. Общее восхищение. Обедают Ржевский — орловский предводитель и Мальи Шалон с преинтересными рассказами о Средней Азии и ненавистью к англичанам.

11 [февраля]. Понедельник. В 11 час. отправляюсь в Мариинский дворец. Члены съезжаются ранее назначенного часа и весьма интересуются новою залою Общего собрания. Шутки и намеки об устройстве парламента. Государь с императрицею и двумя старшими сыновьями приезжает ровно в 12, как было назначено; все его семейство, т. е. дяди (кроме Константина) и братья с женами уже

---

*«Я заставлю членов Совета катать меня в кресле».

**«На это у них не хватит сил».

в сборе. Поднявшись по парадной лестнице, все отправляются в церковь (превосходно расписанную кн. Г.Г. Гагариным). По отслужении молебна духовенство, певчие, а за ними члены императорской фамилии и члены Совета отправляются по залам, которые окропляются святою водою; в ротонде провозглашается многолетие. Затем государь и все члены императорской фамилии, не присутствующие в Совете, уезжают. Государь обнимает вел. кн. Михаила Николаевича и выражает надежду, что Совет будет ему полезным сотрудником. Мне выражается благодарность за устройство и помещения и церемонии. Отвечаю, что был очень рад участвовать в сооружении памятника царствованию Вашего величества. После отъезда государя Совет завтракает за круглыми столами в большом зале, именовавшемся прежде концертным. После завтрака вел. князь вызывает в свой кабинет Набокова, Николаи и Бунге, уговаривая последнего отдать Министерству юстиции те 18 тыс., кои были сокращены при рассмотрении соединенными Департаментами предположений о переустройстве судов в Сибири.

Первое заседание в новом помещении Общего собрания происходит так: я объявляю высочайшее повеление о новом размещении членов. По правую руку от председателя сидят вел. князья, в Совете присутствующие, затем председатель Комитета министров и министры, по левую — председатели департаментов Совета, а за ними члены Совета по старшинству. В начале заседания вел. кн. Алексей Александрович говорит продолжительную речь о побуждениях, лежащих в основе внесенного им в Совет законопроекта о морском цензе[17], Грейг нападает на проект и, не смея возражать по существу, старается представить его неуважительным к военным заслугам, олицетворяемым Георгиевским крестом, и к самой монархической власти, потому что командирам яхт императора не предоставляется довольно почета. Вел. князь, председательствующий больше наружно, дает Грейгу входить в чисто технические подробности и по обыкновению обращается к делопроизводителям с приказанием отбирать голоса, не определив вовсе сущности спорного вопроса. По счастию, Абаза вовремя останавливает эту неправильность, утверждая на основании текста высочайшего повеления, что дело рассматривается в Совете чисто с финансовой стороны, а что сторона морская, строевая, техническая не может подлежать рассмотрению Совета, с тех пор как в нем не существует более Департамента духовных дел[18].

Вслед за тем слушается дело о сибирском переустройстве[19], Бунге выражает согласие дать Набокову те 18 тыс., о коих он просит, но Абаза категорически отказывается согласиться на такую выдачу без

нового рассмотрения дела в Департаменте экономии. Вел. князь недоволен, но поставлен в необходимость согласиться. Все это тянется непростительно долго. После заседания Общего собрания в Департаменте законов слушается дело о торговых казаках Донского войска[20].

В 5 час. иду к Петру Мятлеву на Исаакиевскую площадь уговорить его дать нам на выставку старинного серебра половину салтыковского сервиза работы Germain, оставшуюся у него после раздела с братом. Этот скупердяй отказывает мне даже в этой непритязательной просьбе. Покуда разговариваю с ним, мне приносят ужасное известие о преждевременной и скоропостижной смерти неоценимого Эстеррейха.

В 9 час. совещание у Абазы по питейному делу, — Грот, Абаза и в особенности ст.-секр. Шидловский нападают на проект Бунге отдать дело в руки присутствия, составленного из лиц, занятых другими делами и имеющих органами каких-то безответственных аматеров[20a].

12 [февраля]. Вторник. В 2 часа в Зимнем дворце вместе с вел. кн. Владимиром, С. Гагариным и С. Трубецким выбираем предметы из старинного серебра для устраиваемой у нас в училище выставки. Серебра массы, но часть, имеющая художественную ценность, не велика. Реестров и описаний никаких, исторический беспорядок полнейший. Заходим в Эрмитаж посмотреть на коллекцию Базилевского. Не могу довольно [не] радоваться, что содействовал к ее приобретению. Таких предметов в России не существует, и до сих пор они были досягаемы только для тех моих соотечественников, кои имели средства путешествовать, теперь же они доступны зрению всякого малейшего мастерового.

Вечером у Нелидовой. Абаза передает разговор с Островским, который сообщал государю мысль, что Комитет министров слишком многочислен, и слышал по этому поводу от государя, что на будущее время главноуправляющий собственною канцеляриею учреждений императрицы Марии не будет присутствовать, а что касается главноуправляющего Кодификационным отделом, то Половцов берется взять Кодификационный отдел и слить его с Государственной канцелярией.

13 [февраля]. Среда. Объяснение с Месмахером о необходимости умножения персонала. Многочисленные предложения заместителей Эстеррейха. Чтение пугачевской истории Дубровина.

14 [февраля]. Четверг. Заседание соединенных Департаментов по питейному делу[21]. Маркус очень дельно атакует проект. Заседание продолжительно, вяло.

15 [февраля]. Пятница. В 11 час. за мною заезжает Воронцов; едем вместе в Александро-Невскую лавру на похороны Казнакова,

который был воспитателем государя, здесь присутствующего. Воронцов рассказывает, что Толстой выпросил себе позволение ехать жить в Ливадию. По предмету этой отставки любопытен рассказ Шувалова. Государь получил нумер газеты «Русь», в коем повествовалось о каком-то безобразном наказании крестьян в Прибалтийском крае[22]. Нумер газеты был послан от государя Толстому с запискою, в коей выговаривалось за несообщение этого известия и выражалось намерение послать флиг.-ад. Норда для производства следствия по высочайшему повелению.

Газета была поднесена госпожою Розен, рожд. Куракиною, которая по прежней должности фрейлины имеет доступ к императрице, а ныне добивается назначения мужа своего рижским губернатором. Толстой отправился вслед за тем на доклад к государю и был принят нелюбезно или по крайней мере холодно. Вернувшись с доклада, он послал к Шувалову одного общего их приятеля с просьбою дать совет ему, Толстому, как поступить. Шувалов советовал не торопиться никаким решением, а сохранять место. На это Толстой прислал сказать ему, что он слышал этот же совет от него же, Шувалова, быв министром народного просвещения, и последствием совета было то, что Толстой был уволен от должности без ходатайства о том. Несмотря на такое опасение, Толстой остался на месте и лишь выпросил себе продолжительный отпуск.

Дурново, который будет управлять министерством; он сказал, что желает оставаться на месте до окончания университетского курса Глебинькою (который без этой поддержки, может быть, курса этого и не кончил бы). При отъезде Толстого Дурново будет управлять министерством, а Оржевский будет иметь доклад у государя по управлению полициею. Таким образом, полиция отделяется фактически на более или менее продолжительное время от управления внутренними делами, неудобство чего так давно сознано. Дурново стал говорить Толстому о необходимости соединить эти две части управления и предлагал назначить кого бы то ни было для управления Министерством внутренних дел на время отсутствия Толстого, который на это отвечал: «Я вижу, что Вы хотите моей смерти. Хорошо, я останусь».

В 6 час. привоз из Берлина тела Эстеррейха.

16 [февраля]. Суббота. В Аничковом дворце государь принимает меня после Ванновского и Воронцова. Собрание Исторического общества назначается на понедельник 9 час. вечера. Сообщаю о ходе дел общества; предваряю о том, какие будут произведены чтения. Получаю приказание не посылать приглашения Константину Николаевичу, хотя он и числится в списке членов. Разговор касается, конечно, и Государ-

ственного совета, и в частности председателя. Выставляю необходимость в интересе дела иметь руководящую, объединяющую силу, которой недостает по характеру нынешнего председателя. Привожу в пример железнодорожное дело, по коему необходимо придумать соглашение между первоначальным проектом Барановской комиссии и Советом министра в том виде, как он теперь существует. Вот этой направительной силы в Совете ныне не существует, и потому прошу позволения обращаться к государю, чтобы знать его мысль и согласно с тем вести дело. Ответ: «Разумеется». Испрашиваю высочайшее повеление, чтобы в помещениях, отдаваемых в Мариинском дворце, никому, кроме служителя, никогда квартир отводимо не было. По окончании доклада государь зовет завтракать. За завтраком, кроме императрицы и четырех детей[23], Воронцов и опять госпожа Розен. Императрица говорит, что, присутствуя на открытии Мариинского дворца, надеялась услышать речь вел. кн. Алексея Александровича. Воронцов пристает ко мне, говоря, что я хотел морозить Комитет министров. На что я отвечаю, что в предназначенной мною комнате гр. Строганов жил очень долго и пользовался весьма хорошим здоровьем, что Комитет должен иметь по возможности необширное помещение для того, чтобы и членов его было как можно меньше. Такая несколько смелая оценка сопровождается несколькими минутами молчания.

После завтрака их величества едут осматривать выставку картин, так называемую передвижную, где выставлена картина, изображающая Иоанна Грозного, который убивает сына[24].

Отправляюсь в Государственный совет, где слушается железнодорожное дело[25] и где в качестве публики сидит Михаил Николаевич. Сообщаю ему о заявлениях Грейга и Посьета, которые требуют включения в журнал Общего собрания сделанных ими заявлений, первым — о нераспространении на георгиевских кавалеров правил нового закона, вторым — о распространении прав морской карьеры на моряков, продолжающих службу в инженерном ведомстве. Ответ вел. князя всегда одинаков: «Так Вы с ними переговорите».

17 [февраля]. Воскресенье. Целый день пишу, сначала свой отчет по Историческому обществу, а потом обычное еженедельное для государя извлечение из мемории. Объяснение с Грейгом, который взял обратно свое требование.

18 [февраля]. Понедельник. В $11^1/_2$ час. у вел. князя, который очень доволен тем, что я уладил дело с Грейгом и отвратил возможность затруднительного для него, председателя, пререкания при чтении журнала. Заседание Общего собрания. Решено говорить с мест. Заседание продолжается несколько минут. Вел. князья отправляются

к 2 час. в крепость слушать панихиду по императоре Николае. Я спешу домой, чтобы окончить и мемориальное для государя обычное еженедельное извлечение и окончить приготовления к годичному собранию Исторического общества, потому что мой Штендман хотя преисполнен учености и всяких качеств, но ничуть не распорядителен. В $8^1/_2$ час. мы отправляемся с ним в Аничков дворец, где уже находим десяток собравшихся к заседанию членов. Всего с императором, цесаревичем и вел. кн. Владимиром Александровичем присутствуют 26 лиц. Государь, выйдя в 9 час., здоровается со всеми и замечает, что никогда еще не бывало столь многочисленного собрания. Я замечаю, что в наличности находятся москвичи: Бартенев, Бюлер, Карпов, гр. Шереметев. Я представляю цесаревичу всякого, кто попадется из наличных членов. Лакей Куломзин говорит ему, что имел счастье видеть его в Москве.

Государь, посадив возле себя вел. кн. Владимира Александровича, приказывает цесаревичу сесть между мною и Штендманом. Я открываю заседание чтением своего отчета. Потом А.Ф. Бычков читает отрывки из неизданных и отчасти неизвестных писем Петра Великого, причем весьма бестактно охарактеризовывает одно письмо, представляющее весьма верную (т. е. нелестную) оценку характера поляков. Грот читает весьма скучную статью о переговорах во время шведской войны 1788 г. Дубровин прочитывает премилое сообщение об исторических трудах императрицы Екатерины и попытке ее при участии гр. А. Шувалова создать под своим председательством историческое общество. Мартенс душит нас рассказом, достойным сельского школьного учителя, о сношениях России с Пруссиею во время Отечественной войны. С трудом прерываю этот педантический, бездарный рассказ и перехожу к переизбранию выходящих из Совета по очереди членов. В это время Куломзин вытаскивает из кармана рукопись и хочет приступить к чтению, но я останавливаю его, так как он не заявил мне о том заблаговременно. После каждого чтения государь очень любезно говорит несколько слов читателю, цесаревич восхищается совершенно новым для него препровождением времени и сообщает мне, что уже 4 года ведет дневник, куда внесет и все слушанное сегодня. Заседание оканчивается в $10^3/_4$ час. Государь очень милостиво выражает еще каждому из наличных членов свое удовольствие.

19 [февраля]. Вторник. Занимаюсь устройством выставки старинного французского серебра в нашем училище. Превосходные вещи доставлены гр. Шереметевым, кн. Белосельским, гр. А.В. Бобринским, вел. кн. Алексеем Александровичем, который в прошлом году купил находившийся заложенным в опекунском совете золоченый туалетный

прибор работы знаменитого Germain. Один П.И. Мятлев отказался выставить свое серебро, подаренное фельдмаршалу Салтыкову императрицею Елисаветою.

20 [февраля]. Среда. Визиты академикам. Вечером вист у меня. Воронцов доволен тем, что председателем комиссии об императорской фамилии назначен вел. кн. Владимир.

21 [февраля]. Четверг. В 1 час похороны незаменимого Эстеррейха. В 2 заседание, довольно притом скучное, по питейному делу. В $9^1/_2$ час. уезжаю вместе с Балашовым по Московской железной дороге.

22 [февраля]. Пятница. Останавливаемся на станции Бездна и оттуда до Бронниц убиваем трех медведей; один бросается на моего егеря и искусывает ему ноги, но, по счастью, кости остаются целы, но отделывается больше испугом, благодаря стоявшему рядом с ним охотнику, который рогатиною закалывает медведя.

23 [февраля]. Суббота. По обыкновению, вернувшись с охоты, застаю множество всякого рода деловых разговоров, — Стефаниц, Трейман, Пельцер и т. д. Железнодорожное дело в Государственном совете. Соглашение с Посьетом, Абазою, Николаи относительно устройства Совета и вообще управительной части.

24 [февраля]. Воскресенье. Завтрак у Гагариных с Влангали. Устройство выставки старинного серебра в Рисовальном училище. Вожу взятых на охоте медвежат для увеселения своих внучат. Внучка, Бобринская, ими исправно забавляется, а старший, Оболенский, не из смельчаков будет.

25 [февраля]. Понедельник. В $9^1/_2$ час. утра иду с вел. кн. Владимиром Александровичем осматривать нашу выставку, устраиваемую в пользу склада вел. кн. Марии Павловны[26]. Дорогой следующий характеристический рассказ. «На днях, гуляя утром, встречаю Михаила Николаевича, который просит моего содействия к переводу старшего своего сына в Кавалергардский полк. Отвечаю: «Это известие уже дошло до меня и даже до офицеров Кавалергардского полка, которые, включая и командира, очень этому не рады, потому что Николай имеет упроченную репутацию сплетника». На это Михаил Николаевич отвечал: «Я знаю недостатки его и именно надеюсь, что хорошее общество товарищей будет способствовать к его исправлению».

Осмотрев выставку, возвращаемся домой. Иду к своему председателю. Допрашиваю его, зачем запрягли лошадей в пешей артиллерии и тем вновь возбудили Пруссию[27], как мне жаловался Швейниц. Утверждает, что мы лишь последовали за Пруссиею, которая прежде нас запрягла целый полк, т. е. 13 батарей в Кенигсберге. Входит Николай

Михайлович. Комический разговор с отцом о мундирах и о том, в какой форме на другое утро быть в Аничковом.

В Государственном совете заседание самое незначительное. Посылая государю меморию, отправляю письмо и императрице с извлечением из дел о морском цензе и улучшении сибирских судов. Написав письмо по обыкновению по-французски, кончаю словами: «Permettez moi, madame, de former un voeu à l'occasion de la fête de demain. Je souhaite que le caractère de l'empereur soit beaucoup plus connu qu'il ne l'est aujourd'hui et que le nombre des hommes capables d'apprécier ce caractère et en mesure d'approcher sa Majesté grandisse tons les jours»*.

26 [февраля]. Вторник. По случаю рождения государя приносят поздравления им, императорским величествам, в $10^1/_2$ в Аничковом дворце члены Государственного совета, ген.-адъютанты, начальники военных частей, в коих государь состоит шефом.

Государь и императрица стоят в гостиной, а поздравляющие подходят один за другим, пожимая руку первого и целуя руку второй; вслед за тем все отправляются в церковь, а после обедни завтракают за малыми круглыми столами, накрытыми каждый на 10 человек. По обыкновению при этом происходит нечто вроде биржевого собрания. Всего больше шепчутся о том, что от королевы Виктории получена непосредственно к государю обращенная телеграмма с просьбою предотвратить кровопролитие по поводу среднеазиатских пререканий об афганской границе[28]. Сходя по лестнице с Гирсом, говорю ему, что нельзя вести какой бы то ни было политики, не имея посла в Берлине, причем указываю на Лобанова как на единственно возможного кандидата.

Вел. кн. Владимир Александрович объявляет мне, что государь выразил желание посетить на другой день нашу выставку старинного серебра.

27 [февраля]. Среда. Тщетно ожидаем в училище приезда их величеств. Вместе с нами дожидаются об.-гофмаршал Трубецкой и гофмаршал Оболенский. Государь позабыл сообщить о своем намерении императрице, которая назначила у себя прием в 2 часа.

Воронцов зовет на вечер вместе с величествами, но отказываюсь за множеством дел.

28 [февраля]. Четверг. В 2 часа приезжают в Рисовальное училище император с императрицею, вел. кн. Владимир с Мариею Павлов-

---

*«Позвольте мне, ваше величество, высказать одно пожелание в связи с завтрашним праздником. Я хотел бы, чтобы характер императора был известен гораздо большему количеству людей, чем теперь, и чтобы число лиц, способных оценить его и имеющих возможность приблизиться к его величеству, возрастало с каждым днем».

ною, вел. кн. Сергей Александрович с вел. кн. Елизаветою Федоровною и вел. кн. Михаил Николаевич с вел. кн. Ольгою Федоровною. Государь и вел. кн. Владимир любят и понимают рисование и его воплощение, остальные считают обязанностью вторить и подражать. Восхищаются вещами, каталогом, библиотекою, спешат на выставку Академии художеств. Государь сетует на неудовлетворительность рисунков в произведениях русских серебряников, как Овчинников, Сазиков и пр.

В 9 час. вечера уезжаю на волчью охоту с Кампо-Саградо, Терно и Галлом.

1 марта. Пятница. В Раптях вследствие сильного ветра охота не удается.

2 марта. Суббота. Возвращаемся из Раптей к обеду. Обедают Абаза, Гурко и Капнист. Первые двое нападают на последнего за то, что, покуда он вел в Берлине дипломатические переговоры о Конго[29], Пруссия тяжело обложила нашу рожь[30]. Капнист отвечает общими довольно пошлыми местами. Абаза по отъезде Капниста говорит: «Меня все уверяли, что братья Капнисты — малороссы, но я этому не верю, потому что малороссы прикидываются обыкновенно дураками, а они прикидываются умными людьми». Гурко очень настойчиво говорит о враждебных расположениях Германии и в доказательство приводит то, что в Кенигсберге лежит у них готовый мост для установки у Ковно, если мы взорвем существующий там. Много говорят об афганской границе, и Абаза отвергает необходимость нашего вторжения, Гурко, напротив, отстаивает действия Военного министерства, т. е. Обручева. Кончаю вечер у Убри за вистом.

3 марта. Воскресенье. Завтрак у Гагариных с Влангали. Плохие известия из Лондона. Продолжительное объяснение с Месмахером на тему: следует выбирать людей и заставлять их работать под своим руководством, а не воображать, что может один человек все делать сам. Обычное мемориальное извлечение.

4 марта. Понедельник. У вел. кн. Михаила Николаевича. Объявляет мне, что едет осматривать Тульский ружейный завод. Опять жалобы на комиссию. Успокаиваю его тем, что членами будут назначены гр. Адлерберг и креатура вел. князя — Старицкий. Пробует намекнуть на мое отсутствие в Исаакиевском соборе, но я не даю ему возможности высказать обвинение. Пред завтраком захожу к вел. кн. Ольге Федоровне, которая читает письмо от королевы Виртембергской Ольги Николаевны с горькими упреками государю за указ об императорской фамилии, упреками, лишенными всякого здравого смысла. В Совете при обсуждении закона о налоге на сельскохозяйственные машины[31–32] Абаза, возражая Грейгу, говорит, что Грейг, отстаивая начало свободы торговли, принадлежит к манчестерской школе free trade'ров. Грейг, оскорбившись такими словами, очень резко и с раздражением настаивает на том, что он русский государственный человек, никогда ни к какой школе не принадлежал, не принадлежит и принадлежать не будет. Тон его ответа, несомненно, оскорбительный, но добрый председатель, не знающий и первого слова о том, что называется руководить прениями, дает ему говорить что угодно. После заседания Абаза говорит Грейгу: «Я не хотел в стенах Государственного совета переносить прения на личную почву, но при той свободе слова, которую предоставляет председатель, предваряю Вас, что Вы услышите от меня многое в одно из последующих заседаний». Услышав это, иду к Михаилу Николаевичу с просьбою не выпускать Абазы и Грейга, не уладив их отношений для предотвращения скандала в будущем. Со свойственною ему бестактностью вел. князь приглашает их пить чай и как маленьких детей уговаривает помириться. Они протягивают друг другу руку, но Абаза никогда не простит этого Грейгу.

5 марта. Вторник. Заявления управляющих бумагопрядильными фабриками, что каждый пуд пряжи приносит от 50 до 70 коп. убытка. В 6 час. приезжает к нам из Вены гостить тамошний Лобанов. Все так же весел, радушен, ровен и тверд в отношениях. Весьма мрачно смотрит на афганское дело, говоря, что, по сведениям, полученным в Вене от Карольи, англичане готовы идти на столкновение, чтобы под этим предлогом выйти из Египта.

6 [марта]. Среда. Разговоры с Трейманом, Гудвилем, Бангом об Екатерингофе. Заезжаю в контору для одобрения Стефаница и поддержания его авторитета. Осматриваю училище, осиротевшее после того, как я насильно выпроводил Месмахера подышать свежим воздухом в Италии. Встречаю принцессу Баденскую Марию Максимилиановну, которая с виду похожа на покойную мать вел. кн. Марию Николаевну, но ничуть не напоминает ее. В 5 час. уезжаю с Балашовым на медвежью охоту со станции Новоселье.

7 и 8 [марта]. Убиваем шесть медведей и по страшной вьюге возвращаемся в Петербург в субботу в $10^{1}/_{2}$ час. утра.

9 [марта]. По обыкновению, возвращаясь в Петербург, нахожу множество дел и лиц, ожидающих моего возвращения. Поторопясь отправкою бумаг, иду в Совет, где слушается железнодорожное дело. Дурново рассказывает, что гр. Толстой при отъезде передал ему журнал нашего танеевского совещания с резолюцией государя, утверждающею журнал (относительно порядка приобретения дворянства) с

тем, чтобы мера, журналом предлагаемая, была объявлена 21 апреля в рескрипте, который будет обращен к дворянству. При этом Дурново рассказывает, что государь хотел передать обсуждение этой меры в Комитет министров, но что гр. Толстой уговорил его этого не делать. Стараюсь объяснить ему, что предложенная мною мера никак не может войти целиком в текст закона, а должна быть еще обсуждена и разработана относительно подробностей ее применения.

Иду домой писать мемориальное извлечение, но появляется Победоносцев с обычным своим плачем. На этот раз речь идет сначала о проекте дисциплинарного производства для судей, внесенном в Государственный совет министром юстиции[33]; при обсуждении этого проекта Победоносцев совершенно расходится с мнением большого числа членов. Потом Победоносцев рассказал мне, как Рихтер послал флиг.-адъютанта производить следствие о действиях какого-то ростовщика. Флиг.-ад. Ламздорф выслушал обвинения первых попавшихся ему лиц, а на основании таких обвинений Рихтер предложил государю и получил высочайшее повеление назначить следственную комиссию о действиях этого ростовщика с наложением на его имущество запрещения. Набоков прибежал просить помощи у Победоносцева, который отправился к Рихтеру и более двух часов тщетно силился убедить этого упрямого и честнейшего глупца.

В конце разговора Победоносцев сетовал на ту правительственную разрозненность, среди которой мы живем, и в заключение рассказал, что в прошлом январе месяце, вскоре после переезда государя в Петербург, он, Победоносцев, вырезал из свода законов два листа, на коих изложено учреждение Совета министров[34], и отвез эти листы государю, положил ему на стол и убеждал его созывать Совет для обсуждения важнейших дел, требующих участия нескольких министров. Выходка эта осталась, однако, без последствий.

10 [марта]. Воскресенье. Анненков приезжает объяснить свой проект соглашения проекта комиссии и желаний Посьета относительно учреждений, заведывающих железнодорожным делом, и в особенности совета министра путей сообщения. Кн. Н. Мирский заходит проститься пред отъездом на Дон и застает меня среди внучат, являющихся по воскресеньям. Завтрак у Гагариных с Лобановым.

В $2^1/_2$ час. комитет у Танеева. Настаиваю на том, чтобы без дальнейшей проволочки было представлено государю о том, 1) чтобы чины заменить должностями и 2) внести это заключение в Государственный совет для разработки и обсуждения законопроекта.

Вечер у Абазы, куда приезжают обедавшие в Гатчине в честь германского императора Лобанов, Вλангали, Сабуров.

11 марта. Понедельник. В 11 час. у вел. кн. Михаила Николаевича. Вел. князь, встречая меня: «Vous avez mis peu d'empressement à venir me voir». *Я:* «Pourquoi, monseigneur?» *Вел. князь:* «Par ce que vous n'êtes pas venu samedi». *Я:* «J'ai cru que votre altesse serait à Gatchino et dans tous les cas très occupée le lendemain de votre retour de Toula». *Вел. князь:* «Non, je vous ai attendu et vous ne m'avez rien écrit». *Я:* «C'est que, monseigneur, il y a quinze jours vous êtes allé samedi à l'enterrement de la baronne Pillar et vous ne m'avez rien pu dire, d'où j'ai conclu que vous n'envisagez pas samedi comme jour obligatoire pour ma présence»*. За таким ответом наступает кратковременное молчание, а затем отменная любезность.

О делах, разумеется, разговора у нас почти не бывает. Они не особенно интересуют вел. князя, но зато по обыкновению сплетен пропасть, например: «Ну до чего Владимир делается груб. Мы ехали вместе в Гатчину на вчерашний обед. Приезжаем, он прямо идет к императрице, где уже находилась вел. кн. Ольга Федоровна. Опасаясь быть поставленным в необходимость уступить место или чай кому-либо из дам, он говорит: «J'espère que les autres n'auront pas l'indélicatesse de venir ici sans etre invité»**, это относится к входящим со мною Марии и Евгении Максимилиановне».

Обычный завтрак у вел. кн. Владимира Александровича. Мария Павловна как-то пухнет, мечется, стараясь жить повеселее, много заставляет о себе говорить, сама же говорит весьма мало путного, да притом в такой форме, что непременно кого-нибудь заденет.

В 1 час заседание Общего собрания Государственного совета, весьма незначительное и непродолжительное. После заседания совещание у вел. князя относительно закрытия Департамента экономии на летнее время, что может только содействовать к уменьшению сверхсметных кредитов. Дурново читает Абазе и мне проекты рескрипта дворянству и указа Сенату в день 21 апреля 1885 г. по случаю столетнего юбилея со дня дарования дворянской грамоты[35]. Содержание недовольно обдумано, а форма долговязая и незавидная. Обед у дочери,

* «Вы не проявили большого желания меня посетить». *Я:* «Почему вы так думаете, ваше высочество?» *Вел. князь:* «Потому что вы не приехали в субботу». *Я:* «Я думал, что ваше высочество будете в Гатчине и во всяком случае очень заняты на следующий день после возвращения из Тулы». *Вел. князь:* «Нет, я вас ждал, а вы ничего мне не написали». *Я:* «Дело в том, ваше высочество, что две недели тому назад вы поехали в субботу на похороны баронессы Пиллар и ничего не велели мне передать, из чего я вывел заключение, что вы не считаете мое присутствие обязательным по субботам».

** «Я надеюсь, что никто не будет так неделикатен, чтобы явиться сюда без приглашения».

Оболенской. В 9 час. доклад Аракина с Кобылинским о том, как направить дело об экспроприации.

12 [марта]. Вторник. Осматриваем с Лобановым выставку, так называемую передвижную, т. е. художников, отделившихся от Академии. Отвратительна картина смерти сына Иоанна Грозного; жаль, что столько таланта потрачено на столь нехудожественное произведение. Хороши портреты Крамского — гр. Толстой и Жемчужникова. Заходим в антикварный магазин книгопродавца Мартынова, но прошли те времена, когда у этих людей можно было находить что-либо. Кончаем свою экскурсию выставкою акварелистов в Обществе поощрения художников или, вернее, у Григоровича. Замечательного мало.

В 4 часа продолжительный и интересный разговор с Нобелем о его нефтяном деле, а также вообще о положении промышленных дел в России. Нобель очень жалуется на последние приговоры судов, присуждающие фабрикантов платить значительные пожизненные пенсии рабочим за мнимое увечье, ограничивающееся легкими ранами, которые рабочие наносят себе намеренно по наущению сделавших себе из этого ремесло — адвокатов низшего сорта.

Вечером у Нелидовой Абаза рассказывает, как в Комитете министров обсуждался вопрос о мундирах для студентов и Островский, говоря о новом уставе, выразился, что это храбрый устав. В это же заседание обсуждались права пайщиков Обуховского завода. Морское министерство само покупало паи, а когда оно прозевало возможность приобрести число паев, дававшее ему перевес в ведении дела, то объявило, что паи эти ничего не стоят и должны быть отняты у приобретателей даром. На эту тему говорили Обручев и гр. Пален. Абаза заявил, что ничего подобного не происходит даже и в Турции[36].

13 [марта]. Среда. Обычная утренняя на этот раз прощальная прогулка с Штендманом, который по обыкновению едет отдыхать на Иерские острова. Встречаем Дубровина, разговор о замышляемом им печатании в нашем сборнике протоколов Верховного тайного совета, кабинета и конференции[37]. Я повторяю, что в прошлом столетии механизм нашего правительства был удовлетворительнее потому, что существовало возле трона высшее совещательное учреждение, гарантировавшее некоторую независимость и разносторонность мнений, учреждение, обсуждавшее все важнейшие вопросы не только внутренней, но и внешней политики. Теперь же мы живем в потемках и жмурках, все решается разговорами с глазу на глаз, элементы обсуждения при этом весьма узки и односторонни. Примером служат фазисы теперешнего афганского вопроса.

После завтрака с Лобановым осматриваем Мариинский дворец, потом едем на выставку в Академию художеств, где за исключением картин Судковского ничего сколько-нибудь выходящего из ряду нет. В честь Лобанова приглашены обедать Валуев и Пален, а также приехавший из Вены прусский военный агент гр. Йорк. Меня лишает возможности обедать дома приглашение вел. кн. Екатерины Михайловны, которая зовет меня с Абазою и Гирсом. Она все так же несносно скучна, дочь не имеет ничего женственного и очень круто обращается с надоедающей ей матушкою, фрейлина Голохвастова преследует всех собеседников нелепо фанатическим православием. Абаза выносит всю тягость этого свидания, Гирс очень озабочен назойливостью англичан в афганском вопросе и в особенности поведением Дефферина в Индии[38]. Поговорив после обеда с час о предметах, лишенных всякого интереса, и не сказав ни единого умного слова, добродушная хозяйка отпускает нас по домам. Вернувшись домой, нахожу Валуева, гр. Палена и вновь прибывшего прусского военного агента гр. Йорка, отлично говорящего по-русски.

14 [марта]. Четверг. В Департаменте экономии оканчивается рассмотрением питейное дело. Проект всецело изменен в особенности настояниями ст.-секр. Шидловского[39]. Поступает значительное число законопроектов к последнему дню назначенного для внесения дел срока, 15 марта. Всего больше от Бунге, несколько пустых от Набокова, по Министерству внутренних дел ни единого.

15 [марта]. Пятница. Выставка собак и соколиной охоты, хуже прошлогодней. Заезжаю к Рейтерну, узнал о ходе болезни после операции. Продолжительное заседание в конторе. Неуспешный ход тамбовского имения. Желание Кинеля представить льнопрядильное дело в более выгодном свете, чтобы дороже продать свои паи. Общее экономическое положение страны ужасно. Обедают: Абаза, Тимашев, Убри. Любопытный между двумя первыми спор о том, так ли совершено освобождение крестьян. Обвинения Тимашева в излишней поспешности.

16 [марта]. Суббота. В 1 час заседание по железнодорожному закону. Оржевский весь свет отдал бы в распоряжение подчиненных ему жандармов. Вместе с Лобановым захожу к серебрянику Гейнрихсену, выделывающему для нас столовое серебро. Все то же. Способности русского рабочего велики. Недостает руководительства. Обедают Оболенские. Получаю вечером проект закона об обложении купонов[40].

17 [марта]. Воскресенье. Завтрак у Гагариных с Паленом, на которого нападает Влангали за решение по обуховскому делу. По поводу представления Бунге об уничтожении свободы от крепостных

пошлин, существовавшей в Курляндии[41], Пален рассказывает, что во время присоединения Курляндии в ней жители не платили почти никаких пошлин вследствие того, что герцог имел обширные поземельные владения, выносившие всю тягость расходов по управлению. Так как земли эти обращены были в казну, то курляндцы просили хотя некоторого в отношении податей облегчения, и ответом на это ходатайство было освобождение от крепостных пошлин.

В 3 часа у Посьета. Что за великолепный дом, бывший дворец принца Виртембергского! Посьет после довольно горячего объяснения берет назад свое заявление о том, чтобы ему предоставлено было внести впоследствии представление об организации Совета согласно тому, что постановлено было относительно новых железнодорожных порядков; обещает, что внесет такое представление немедленно для рассмотрения вместе с общим законом.

Обед у дочери, Бобринской. Лобанов рассказывает истории про Павла Петровича и, между прочим, то, что он посмертным распоряжением назвал имевшую родиться побочную дочь Юрьевою, что и подало покойному государю назвать своих побочных детей и их мать Юрьевскими.

18 [марта]. Понедельник. Получено известие о смерти кн. Орлова. Человек он был более чем посредственный, в нем самые мелкие слабости прикрывались личиною какой-то возвышенности чувств или великодушия, легко обманывая людей простоватых; его постоянное обращение с людьми низшего пошиба объяснялось этими людьми как отсутствие чванства, а в действительности удовлетворяло лишь наклонности наслаждаться своим превосходством; великие сего мира начиная с государя и кончая его дядею Константином Николаевичем (т. е. личности самые противоположные и даже враждебные), имели в Орлове одинаково преданного им человека; в денежных делах он был далеко не бескорыстен, но при всем том для человека, поверхностно или невнимательно смотрящего, Орлов казался вельможею, типом государственного человека, в действительности же он был пустым, болтливым, суетливым, бездарным деятелем, не раз наделавшим много напрасной галиматьи.

Заседание по дисциплинарному для судей уставу. Приходит вел. кн. Михаил Николаевич, очень смущен известиями о возможности разрыва с Англиею, горько жалуется на то, что, несмотря на 18-летнее пребывание на Кавказе, государь ни о чем, края касающемся, с ним разговаривать не хочет. Все его сотрудники: Мирский, Старицкий, Николаи — в том же положении, а между тем Ванновский, Обручев, Толстой — все люди, никогда не бывавшие на Кавказе и не имеющие о нем понятия. Переходя к делам Государственного совета, вел. князь просит отложить доклад дел в пятницу, потому что доклад назначен в то самое время, когда бывает крестный ход с плащаницею.

Возвратившийся из Гатчины Гирс объявляет Лобанову, что решено отложить на несколько дней разрешение вопроса о назначении в Берлин преемника кн. Орлову. Гирс хотел бы перевести Лобанова в Берлин, в Вену послать Икскуля, отдать Рим Влангали, а товарищем министра назначить Зиновьева. Помехою к назначению Икскуля его жена. Гирс подозревает, что государь имеет затаенную мысль спустить куда-нибудь послом министра двора Воронцова, что было бы весьма неудачно.

19 марта. Пишу императрице письмо с изложением разногласия об обложении налогом сельскохозяйственных машин[42]. Обед с гр. А. Бенкендорфом, в высшей степени милый и порядочный человек.

Абаза рассказывает сцену между гр. Паленом и Набоковым в Комитете министров. Набоков выражался, что мнение гр. Палена фактически неверно, из-за чего произошло едкое объяснение.

20 [марта]. Среда. Прогулка с Ауербахом. Говорим о путешествии в Богословск. Лобанов возвращается из Гатчины, сожалеет об оптимизме государя в афганском вопросе. Обедаем у Абазы с Гирсом и Шестаковым. Все согласны в том, что мы впутались в афганское дело легкомысленно, не имея надлежаще приготовленных средств; результат один, что мы указали Англии то больное место, куда мы желали бы ее бить при первой возможности. Все это легкомысленно, сделано юнкерами вроде Дондукова без истинно государственного обсуждения.

21 [марта]. Четверг. В $1^1/_2$ час. уезжает Лобанов. Влангали, возвращаясь со станции, говорит, что государь выразил желание оставить Лобанова в Вене, где он составил себе отличное положение и где важно иметь православного с русским именем. Вечер с Ауербахом за чтением всеподданнейшего отчета Островского о своей поездке на Урал. Общие места и больше ничего. Относительно Богословска сожаление, что казна выпустила этот округ из своих рук.

22 [марта]. Пятница. Иду к Островскому и заявляю, что ввиду выраженных им сожалений предлагаю ему получить Богословский округ обратно с уплатою нам уплаченных нами денег. Он перепугался от такого предложения и клянется, что рад всячески помогать и содействовать успеху горного в Богословске дела. Старые сетования на отсутствие единства. Жалуется на Бунге и его проект земельного банка[43], который может служить орудием отягощения, а не облегчения положения дворян, а потому никак не следует говорить о нем как о милости в рескрипте 21 апреля (день столетнего празднования дво-

рянской грамоты). Выражает намерение ехать к Абазе, поговорить о том, как устроить об этом вопросе совещание. Островский желает воспользоваться отсутствием Толстого, чтобы занять место первенствующего министра, и озирается, чтобы найти на кого опереться, но по характеру его никто не может на него положиться; лучшее тому доказательство — его отношения к Игнатьеву, который сделал его министром государственных имуществ, а затем нашел в нем врага и противника, всячески содействовавшего к его низвержению.

Продолжительный визит Бобринским. Графиня, ненавидящая Каткова, обвиняет его в замысле провести Черткова в министры внутренних дел. Глупее человека я не знаю.

23 [марта]. Суббота. Большая прогулка с Ауербахом. Широкие виды на будущность богословского дела. Пасхальная заутреня в Зимнем дворце. Государственный совет в полном сборе; подхожу к Бунге и полушутя говорю ему: «Сознайтесь, Николай Христианович, что Вы не могли иметь время прочитать все то, что Вы представили в Государственный совет за последние дни». Заутреня и обычное христосование на этот раз шли как-то быстрее обыкновенного, и прежде трех часов я был дома. Чрезвычайных наград, как бывало в прошлое царствование, не последовало, всего более занимало публику и не нравилось ей назначение ст.-секретарем Петрова, контролера Министерства двора, человека, впрочем, в высшей степени полезного и достойного.

24 [марта]. Воскресенье. Скучный объезд в мундире великокняжеских передних и раздача денежных подарков их швейцарам и служителям. Пишу Воронцову письмо, чтобы пристыдить его, что он сам не видал еще коллекции Базилевского и не показал ее государю, а вследствие того публика, не получающая доселе доступа, справедливо ропщет.

25 [марта]. Понедельник. Обычное конногвардейское торжество проходит спокойно. Нынешний государь не делает более в полковые праздники флигель-адъютантов, как при покойном его отце, так что свита превратилась в обременительную армию.

26 [марта]. Вторник. Осматриваем Екатерингофскую бумагопрядильню, когда-то приносившую значительные барыши, а теперь доставляющую лишь убытки. Прежде на этом месте стоял сахарный завод, приносивший до 500 тыс. ежегодного дохода и доставивший бар. Штиглицу главные средства для постройки Петергофской железной дороги. Обедаю у вел. кн. Михаила Николаевича. Никого, кроме хозяев и их детей. После обеда втроем разговор об угрожающей со стороны Англии опасности. Так как вел. князь собирается на другой день ехать к государю с бумагами, которые он называет своим докладом (например, отпуск члена Государственного совета Головнина, пенсия вдове члена Государственного совета Казнаковой и т. п.), то я рассказываю ему все слышанное мною от Островского, Победоносцева, Дурново относительно мер, готовящихся к 21 апреля. Объясняю ему, что лежащий в Государственном совете проект государственного земельного банка представляет достаточную исходную точку для разговора о необходимости обсудить эти меры в особом совещании или под председательством самого государя, или вел. князя.

Вечером Влангали сообщает, что отношения чрезвычайно натянуты и что на последней депеше Сталя государь написал: «Нечего больше с ними переговаривать».

27 [марта]. Среда. Приходит утром Влангали и рассказывает о депеше, полученной от ген. Комарова, о том, что мы разбили передовой отряд афганцев и взошли в Пендже, который, по собственным нашим уверениям лондонскому правительству, должен был оставаться неприкосновенным с нашей стороны. Влангали считает разрыв неизбежным[44]. Иду в заседание Департамента экономии Государственного совета и нахожу всех присутствующих с повешенными носами. Все без исключения считают угрожающую нам войну бессмысленною и ужасною для России по последствиям. В 4 часа еду к вел. кн. Михаилу Николаевичу, который передает мне, что относительно земельного банка государь выразился так, что не имеет окончательно установившегося взгляда и желает, чтобы в Государственном совете выразились по возможности различные взгляды, на основании коих он и примет определенное решение. Впрочем, обо всем празднестве дворянского столетнего юбилея будет созвано особое совещание. Об афганском столкновении государь думает, что оно не должно еще непременно повлечь за собою разрыв с Англиею. После делового разговора в отдельной комнате садимся с вел. княгинею и Шереметевой (дочерью вел. кн. Марии Николаевны) к окну, и, смотря на гуляющих по набережной, начинаются бесконечные пересуды, сплетни по поводу каждой проходящей под окном физиономии.

Заехав к Анне, уезжающей в Крым, чтобы подышать менее вонючим воздухом, возвращаюсь домой и пишу государю следующее письмо:

«Ваше императорское величество! Милостивое доверие, Вами мне оказанное, дает мне мужество писать Вам; предпочитаю заслужить гнев Ваш, чем не исполнить нравственного пред Вами долга.

Государь! В день священного Вашего коронования, по повелению Вашему, мною написаны были слова Ваши, объявившие всему свету, что необъятное пространство Богом вверенного вам государства удовлетво-

ряет честолюбию русского царя, русского народа. Сегодня спор о нескольких пядях пустыни угрожает и твердости слов Ваших, и благоденствию столь горячо любимого Вами отечества в размерах, о коих не решается упомянуть пред Вами никто из имеющих к Вам доступ лиц.

Стоя в стороне от управления государственного, но слыша то, что говорится государственными советниками Вашими, я теряюсь в мыслях при виде надвинувшейся на царствование Ваше тучи; если это несчастие произойдет, то не увидит Россия тех благих на пользу ее пожеланий, коими исполнено сердце Ваше. Бедный, отставший от других народов труд русского человека подвергнется новому тяжелому разорению, за финансовым и экономическим кризисом, ныне переживаемым, наступит в той или другой форме несостоятельность, положена будет денежная преграда всякому духовному улучшению; соседи при первом случае заявят новые требования, Турция, вознаграждаемая в Египте, откроет проливы Англии и отдалит на долгое время возможность нашего ими овладения, Австрия дерзновеннее протянет руку на балканских славян, Пруссия по меньшей мере отягчит торговое наше к ней данничество, и мало ли еще сколько зол прольется на голову бедного русского труженика.

Государь! Позвольте мне, как историческому* секретарю Вашему, напомнить Вам, что большинство войн затевалось из-за оскорбленного самолюбия. Богом данное Вам положение так высоко, что в нем нет места подобному дюжинно человеческому чувству. Интересам России нет угрозы со стороны Афганистана.

Дайте Вашему народу поработать спокойно, и Вы увидите, как быстро скажется его всемирное могущество.

Неужели при таких обстоятельствах Вы, самодержец земли нашей, не найдете в сердце своем довольно силы, чтобы стать выше мелкоты людской, чтобы сказать исполнителям воли Вашей, что счастие Богом вверенного Вам народа для Вас дороже самолюбивого обольщения людей, своею необдуманностью заведших дело слишком далеко.

Переменив имена двух-трех людей, неверно исполнивших указания Ваши, сегодня еще во власти Вашей, государь, спасти отечество от угрожающего ему бедствия! Вот почему... дерзаю писать Вам

Вашего императорского величества верноподданный П[оловцов]»[45].

Письмо это отправлено в 6 часов.

28 [марта]. Четверг. В 1 час приезжает ко мне Дурново, управляющий Министерством внутренних дел, с доклада от государя. Высочайше повелено: поручить совещанию под председательством вел.

* *Так в подлиннике.*

кн. Михаила Николаевича обсудить меры, имеющие быть принятыми 21 апреля по случаю празднования столетнего юбилея со времени издания дворянской грамоты. Совещание должно состоять из Абазы, Победоносцева, Островского, Набокова, Бунге, Дурново и меня. Обсуждаться должны предположения комиссии Танеева об ограничении доступа в дворянство, о Дворянском поземельном банке, об участии дворянства в местном управлении, о пространстве даруемых льгот, о форме, какая должна быть им придана, и о редакции имеющего быть обращенным к дворянству рескрипта. Вечером провожаю Оболенских, уезжающих в Крым. Вызываю старшего Шидловского, который за множеством дел отказывается быть делопроизводителем этого совещания.

29 [марта]. Пятница. В соединенных Департаментах обсуждение железнодорожного закона. Жандармское властолюбие Оржевского. Вел. князь приходит с намерением слушать прения, но я уговариваю его не терять времени, а лучше ехать в Морской корпус, где в 2 часа театральное представление, исполняемое воспитанниками.

Вечером заезжают Бобринские, отправляющиеся стрелять глухарей в Руенталь. Все семейство очень радо назначению Павла Шувалова послом в Берлин.

30 [марта]. Суббота. На утренней прогулке захожу к Бунге поблагодарить за окончание всеподданнейшим докладом размежевания нашего Рисовального училища с соседом — Техническим обществом. Бунге сообщает, что накануне при докладе государю говорил о войне и высказывал мнение, что даже самая успешная война не может не быть гибельною для нас, потому что даже уничтожение английского в Индии владычества повело бы к созданию враждебного нам мусульманского государства и во всяком случае споспешествовало бы интересам Германии, начинающей соперничать с Англиею на морях и в колониях.

Навещаю Петра Шувалова, который очень опасается, чтобы посланный Англиею ультиматум[46] не задел нашего самолюбия и не сделал разрыв неизбежным. Осуждает легкомыслие, с коим последовало назначение его брата послом в Берлин. По его словам, разговора о делах не было решительно никакого.

В 1 час в соединенных Департаментах дело об уничтожении аннат и хлебных десятин[47]. Отслушавши дело, идем с Абазой к рядом живущему Островскому, который положительно умнее прочих наших товарищей по совещанию. Он начинает с того, что излагает нам свой взгляд (начинающий делаться модным) относительно пользы поддержания дворянства и мер, могущих быть к тому направленными. Пред-

лагает к проектируемому Толстым прибавить: учреждение дворянских пансионов для воспитания детей на местах, обещание скорого издания закона о рабочих, обращение выморочных имуществ в пользу дворянства, хотя бы имущество принадлежало дворянину, не записанному в дворянскую книгу. Все эти три меры мы не считаем возможным экспромтом примешивать к этому делу. Я настаиваю на том, что рескрипт должен быть написан в самых уклончивых выражениях и более отражать известное настроение, чем обещать положительные законодательные мероприятия.

Покуда мы совещаемся, приезжает курьер от Воронцова с уведомлением, что государь осматривает проекты путевых сооружений, представляемые Посьетом в Зимнем дворце, а оттуда, вероятно, пройдет в Эрмитаж осмотреть коллекцию Базилевского. Еду туда, нахожу комнаты запечатанными, а проход к ним загроможденным остатками угощения воспитанницам какого-то женского института, по преданию осматривавшим музей после прогулки в придворных каретах, о прибытии государя никто ничего не знает. Распоряжаюсь самовольно к принятию. Государь, как всегда, ровен и безмятежен, очень интересуется всеми предметами коллекции, кроме вещей из слоновой кости. О моем письме, разумеется, ни слова. Высказывает мысль, что ввиду ценности вещей их следует установить в шкафы, а покамест пускать публику только по билетам. Еще раз благодарит меня за участие в этом приобретении.

Когда спускаемся по лестнице, то критикует совершенно справедливо это архитектурное произведение, утверждая, что на ней всегда чувствует склонность к головокружению.

Отвожу домой Воронцова, который видит афганское столкновение в весьма розовом свете.

Еду к Всеволожским, которых всячески убеждаю в интересах здоровья поскорее выбраться отсюда.

Вечером у меня вист с Абазою. Сообщает, что после моего ухода Островский высказал намерение забрать в руки труды Кахановской комиссии, очевидно усматривая в этом пьедестал для восшествия на трон министра внутренних дел.

31 [*марта*]. Воскресенье. Завтрак у кн. Гагариной с Влангали, который очень мрачен в афганском деле; Гирс отстранил его с осени от этого дела и все время следовал советам Зиновьева, который слишком пылок и падок, когда речь идет о мнимо народной политике. Обед с Григорием Голицыным, который восхищен тем, что попал в I департамент Сената, серьезно занимается не только чтением дел, но изучением сочинений, до судебно-административной деятельности Сената относящихся.

Вечером у Абазы. Более и более надвигающиеся со стороны Англии тучи.

1 апреля. Гуляя утром с Питом, заходим в неизвестный ему Казанский собор, где во время служения обедни бесцеремонно оборванные служители чистят медные подножия колонн. Отправляю Победоносцеву жалобу на такое бесчинство. В 1 час заседание Общего собрания, а перед тем департаментское для открытия кредита, нужного для продления Закаспийской железной дороги[48]. Вел. кн. Михаил Николаевич опаздывает по случаю рождения сына Александра Михайловича и несколько обижен за то, что я не ездил к нему с поздравлениями. Застает меня разговаривающим с Николаем Николаевичем и Владимиром Александровичем, которые оба усердно доказывают мне, что войны не будет.

В Общем собрании самое непродолжительное заседание с незначительными и почти забавными заявлениями Посьета и Грейга относительно Харьковского технологического института. После заседания Фриш идет к вел. князю интриговать, чтобы за ним сохранен был дом.

Вечером совещание с бельгийским инженером Gossoux — представителем Société des chemins de fer secondaires (m. Tercelin — président)*, о постройке железной дороги к Богословску.

2 апреля. После заседания Комитета министров совещание о мероприятиях к 21 апреля. Островский настаивает на том, чтобы Владимир 3-й степени и чин действительного статского советника давали дворянство[49]. Абаза считает подробности эти второстепенными, а полагает необходимым в этот день выразить взгляд правительства на политическую роль дворянства; облегчение кредита учреждением банка и участие в местном управлении считает он средствами к осуществлению этой цели, и потому считает полезным упомянуть о них в рескрипте. Набоков расплывается в общих и пошлых местах; Дурново совсем растерян, видя, что все идет наперекор намерениям гр. Толстого; Победоносцев горько смеется над распоряжениями гр. Толстого, утверждая, что их можно объяснить только болезненным состоянием. Заседание кончается в 5 час., и вел. князь просит до 9 привезти журнал, который он мог бы на другое утро отвезти государю. Хотя обязанность редакции в этом случае должна бы упасть на Дурново, но так как все сделано противно его взглядам, то я берусь написать и в $8^1/_2$ час. привожу все вел. князю, который торопливо выслушивает мое чтение, собираясь ехать в русский театр.

3 апреля. Среда. Журнал возвращается от государя высочайше одобренный. При докладе государь выражает вел. князю, что вовсе не хо-

* Общества подъездных железных дорог (г. Терселен — председатель).

тел 21 апреля обнародовать неразработанный закон о порядке приобретения дворянства и уступил в этом настояниям гр. Толстого.

4 [*апреля*]. Четверг. Слушается в департаментах дело об обложении налогом купона по государственным бумагам[50]. Принимая в принципе представление министра финансов, останавливаются на замечании, сделанном Маркусом, что все долги, вписанные в государственную долговую книгу, освобождаются от налога, и потому надлежит рассмотреть в подробности, подлежат ли обложению только те займы, на листах коих напечатано, что они освобождены от налога, или следует рассмотреть подробные условия каждого займа. Для этой цели назначается особая комиссия из четырех членов.

5 [*апреля*]. Пятница. На смягченные предложения англичан последовало согласие с нашей стороны, по-видимому, все идет к миру.

6 [*апреля*]. Суббота. Глупые демонстрации по поводу тысячелетия Кирилла и Мефодия[51]. Еду к вел. кн. Михаилу Николаевичу. Застаю там его товарища Софиано. Не желая дожидаться, отправляюсь к вел. княгине, всегда забавной по своему уму, хотя и злому. Чрез несколько минут приходит вел. князь и его заставляю в свою очередь дожидаться, что его сердит, а меня смешит. Вел. князь сообщает, что от ген.-губ. Корфа есть известия о приближении к Владивостоку английского флота и что приказано вооружать и в армии и во флоте все, что возможно. После беглого разговора о делах довольно крупный разговор с вел. князем, который хочет меня заставить содержать на счет суммы, отпускаемой на Мариинский дворец, старого служителя вел. кн. Марии Николаевны. Отвечаю, что по весьма умеренному штату служащие получают вознаграждение за труд и я не могу допустить, чтобы работали одни, а следующее им вознаграждение получало постороннее учреждению лицо. *Вел. князь:* «А если я Вам объявлю высочайшее повеление, чтобы это было сделано». *Я:* «То я Вам отвечу, что подобного высочайшего повеления не исполню, потому что это не мое дело, а дело министра двора заботиться об обеспечении участи старых придворных служителей».

На улицах толпа, празднующая по подстрекательству Победоносцева тысячелетие Кирилла и Мефодия. В Государственном совете слушается представление Шестакова об изменении штатов Морского министерства[52]. Шестаков приехал сегодня из Гатчины с государем. Негодование против англичан великое за то, что они требуют обследования действий Комарова.

Во время переезда из Гатчины и военный министр Ванновский и Шестаков оба засвидетельствовали, что мы решительно не приготовлены к войне.

Проект морских штатов защищает Жандр.

7 [*апреля*]. Воскресенье. Обычный у Гагариных завтрак с Паленом и Влангали. Горькое осуждение слабосилия Гирса в докладах государю. Влангали с самого начала был отстранен от ведения афганского дела, и Гирс действовал под влиянием Зиновьева. Влангали очень обескуражен и от сердца высказывает желание удалиться отсюда куда-нибудь, хоть в Лиссабон на место недавно умершего Арапова.

8 апреля. Понедельник. Захожу к Краузольду и уговариваю его принять обязанности директора на Екатерингофской бумагопрядильне. В 12 у вел. кн. Михаила Николаевича, который стрелял ночью тетеревей и с детскою наивностью пристает ко мне по тому поводу, что охотился на отошедших от меня к Обществу осиновой рощи землях. О делах Совета у нас по обыкновению разговоры непродолжительные. Завтракаю с вел. княгинею и жалуюсь на вел. князя. Она всецело принимает мою сторону. В Общем собрании Государственного совета самое коротенькое заседание, но вслед за тем в Департаменте законов обсуждаются представления Фриша о порядке издания Свода и Полного собрания законов[53]. Эпиграфом представлений могли бы служить слова: «И я тоже государственный министр, позвольте и мне решать все с глазу на глаз с государем». Победоносцев настаивает и в известной степени достигает, чтобы обязать Фриша вносить требующие разъяснения, сомнения, им встречаемые, не к государю, а в Государственный совет.

9 [*апреля*]. Вторник. Собираемся в 2 часа у Островского для редактирования рескрипта, написанного первоначально Победоносцевым. Островский мелочными, так сказать чиновническими, изменениями портит то, что было написано Победоносцевым, который, разумеется, соглашается на всякие изменения, задевающие лишь его авторское самолюбие, а не сущность предмета. Оба высказываются против войны и осуждают правительственный образ действий.

10 [*апреля*]. Среда. Разговор с обоими Бобринскими относительно редакции рескрипта. Они сожалеют, что опущены обещания Толстого относительно затруднения способов приобретения дворянства. Дурново по наущению своего правителя канцелярии делает справедливые замечания относительно некоторых неловких выражений. Посылаю все Михаилу Николаевичу.

Вечером Абаза сообщает, как Бунге приехал предложить ему в случае войны занять 100 млн. франков под какие-то временно выпущенные обязательства. Какая мелкота взгляда, несоразмерная громадности угрожающего несчастия. Нужно думать не о 100 млн. франков, а о сотнях миллионов рублей, о всецелом, можно сказать, разорении го-

сударственных финансов. Говоря на эту тему, еще можно бы сколько сдержать угрожающее судьбам отечества легкомысленное ими распоряжение*.

11 [апреля]. Четверг. Не иду в заседание департаментов Государственного совета, где рассматривается представление Бунге о таможенной пошлине на медь[54]. Россия несколько лет тому назад производила всю потреблявшуюся в ней медь, т. е. 400 тыс. пудов. Вследствие открытия значительных в Америке залежей цены упали чрезвычайно, привоз усилился, и ныне Россия, продолжая расходовать 400 тыс. пудов меди, производит всего 200; из этого числа более трети добывается в Богословском округе, где цена производства дешевле, чем в остальной России, потому что топливо обеспечено обширными лесами. По вызову вел. князя отправляюсь к нему говорить о рескрипте. Соглашаемся, чтобы прочитать рескрипт в субботу в Мариинском дворце. Вел. князь ничего не знает о том, что делается в афганском вопросе, сетует на пренебрежение. Не могу не согласиться с ним в том, что подобные дела надлежит вести посерьезнее.

Вечером у Абазы А. Долгорукий (обер-церемониймейстер) утверждает, что государь еще сегодня выражал твердое убеждение, что войны не будет.

12 [апреля]. Пятница. Назначение Краузольда и брата Федора директорами на Екатерингофскую бумагопрядильню, которая ныне представляет лишь средства Кнопу наживаться на покупке хлопка, а Штекеру — на продаже пряжи. Распоряжение о пробе отопления Невской бумагопрядильни каменным углем с берегов Онежского озера — Шунги.

Заезжаю в училище и, взяв Месмахера, отправляюсь к Звенигородскому, у которого и покупаем всю его коллекцию за 130 тыс. Вечер за разборкою библиотеки.

13 [апреля]. Суббота. Заседание по железнодорожному делу. Посьет не хочет слышать об установлении особого железнодорожного совета, в котором другие министерства имели бы влиятельный голос. Он непременно хочет или оставить совет в теперешнем его виде, или получить разрешение изготовить новый проект, т. е. оттянуть еще окончание дела на неопределенное время.

Выражаю ему удивление, чтобы после продолжительных приготовительных работ министр не был в состоянии обсуждать проект без новых в последнюю минуту приготовлений. Бар. Николаи соглашается отложить обсуждение проекта совета еще на неделю.

---

* *Так в подлиннике.*

Приехавшему с лейб-гренадерского праздника вел. кн. Михаилу Николаевичу объясняю необходимость представить государю спорный между Государственным советом и Посьетом пункт так, чтобы заранее быть уверенным в согласии государя. Ответ: «На этой неделе, в среду, праздник стрелкового батальона императорской фамилии, так что я не буду иметь случая говорить с государем».

Читаем в совещании проект рескрипта дворянству. Изменяют два-три выражения, включенные Островским к крайнему его неудовольствию. Обсуждают, уместно ли сохранить слова «дворянству принадлежит первенствующее место в ратном бою», не противоречит ли это уставу о воинской повинности. Победоносцев горячо настаивает на сохранении этого выражения.

Вечером Абаза рассказывает, что во время советского заседания по неинтересному вопросу о порядке гражданских взысканий с железнодорожных обществ он отозвал в сторону Победоносцева и начал представлять ему, в какой степени важны совершающиеся события и как советники, имеющие влияние на государя, должны стараться склонить его к тому, чтобы он не брал на себя всецело громадное пред потомством бремя ответственности, разрешая единолично судьбу войны или мира. Победоносцев стал повторять всегдашнюю свою песню, что он никакого влияния не имеет, что, действительно, очень жаль, что государь не прибегает к министерским совещаниям, что недостаток министерского согласия вреден для хода правительственных дел и т. п. Останавливаясь на этом несогласии, Абаза заметил Победоносцеву, что на него в этом отношении падают обвинения за последние статьи газеты Мещерского «Гражданин»[55], исполненные брани против Гирса и вообще Министерства иностранных дел. Победоносцев сознался, что, действительно, он от времени до времени цензирует газету, когда Мещерский присылает статьи на его просмотр, но что нередко или статьи ускользают от его внимания, или вовсе не попадают на его просмотр.

После заседания Государственного совета Абаза, встретив Гирса, зашел к нему и хотел рассказать ему слышанное от Победоносцева, но Гирс по выслушании рассказа стал утверждать, что Победоносцев лжет, что он продолжает подстрекать государя, в особенности посылая ему разные газетные статьи с комментариями, и в подтверждение того привел только что полученное им при докладе в Аничковом дворце неудовольствие за миролюбивую статью, напечатанную в «Новом времени» и подписанную: «Дипломат»[56]; статью, ответственность за которую, разумеется, Гирс отвергал всецело, не зная даже имени автора.

14 [апреля]. Воскресенье. Завтрак с гр. Паленом, который горько жалуется на то, что в разрешении дел Комитета министров чувствуется сильное влияние мнимо народного модного направления, которое служит предлогом ко многим злоупотреблениям.

В $2^1/_2$ осматриваем замечательные ковры, принадлежащие Гинцбургу. Редкая чистота стиля XVI столетия. Целый день за писанием мемории.

15 [апреля]. Понедельник. В 11 час. у вел. кн. Михаила Николаевича. Горькие сетования на то, что с ним никто не говорит о ходе политических дел. Уговариваемся на следующий день иметь после Комитета министров совещание, чтобы, если возможно, сломить упрямство Посьета в вопросе об организации железнодорожного совета. Завтрак у вел. кн. Владимира Александровича, который не верит в войну потому, что, по его мнению, военные действия англичан не могут нас уязвить; экономическая, финансовая, политическая стороны этого несчастия не останавливают его внимания. И он и Мария Павловна очень довольны тем, что взяли для воспитания детей своих полковника Далера.

В Общем собрании Совета Грейг горячо говорит по обыкновению против Бунге, критикуя учреждение податных инспекторов[57]; в другом представлении Бунге об усилении штрафов за неупотребление гербовых марок[58] Победоносцев произносит патетическую речь, доказывая неприменимость столь суровых мер в стране столь мало цивилизованной, как наша. Закон этот Победоносцев находит безнравственным, Абаза же находит безнравственным допущение безнаказанности за неисполнение какого бы то ни было закона.

Обычная все расширяющаяся к концу сезона мемория.

16 [апреля]. Вторник. После заседания Комитета министров совещание под председательством вел. кн. Михаила Николаевича, — Николаи, Абаза, Сольский, Островский, Бунге, Посьет и я. Посьет настаивает на том, чтобы не касаться учрежденного им Совета, который будет состоять из трех отделов: железнодорожного, речно-озерного, административного. В случае разномыслия при рассмотрении дела в одном из отделов дело восходит в Общее собрание Совета, составленное из совокупности трех отделов, и там большинство водяных инженеров решает железнодорожное дело и т. д. Всю эту галиматью, построенную на желании инженеров не выпускать из рук хлебных занятий, добродушный Посьет высказал с большим азартом. Все присутствующие возражали ему, и притом довольно жестко, высказывая такой взгляд, что железнодорожное дело есть дело общегосударственное, что высшее его направление, за исключением технической

стороны, должно принадлежать не чисто инженерному учреждению, а коллегии, имеющей представителей от ведомств, представляющих интересы торговли, промышленности, сельского хозяйства, стратегии и т. д. Сольский особенно настаивал на том, что неудовлетворительный ход железнодорожного дела в России должен быть отнесен именно к тому, что до сих пор все вопросы, связанные с железнодорожным делом, разрешались исключительно властью в этих вопросах некомпетентных инженеров путей сообщения.

Посьет, видя такое единодушие, отказался от своей первоначальной мысли, но требовал, чтобы ему разрешено было представить контрпроект, который был бы подвергнут обсуждению. В этом ему точно так же было отказано, так как Государственный совет рассматривает не новый проект Посьета, а лишь проект, составленный Барановского комиссиею и сегодня лишь представляемый в редакции сокращенной.

В конце концов Посьет потерпел полное поражение, и рассмотрение этого серьезного дела закончится благополучно, а в этом законе я видел главную задачу нынешней сессии Государственного совета[59].

Вечером узнаю, что по просьбе Гирса государь согласился созвать в пятницу совет для обсуждения последнего предложения Англии, заключающегося в том, чтобы согласиться на избрание третейского суда, имеющего решить вопрос, кто виноват, Англия или Россия, в нарушении соглашений, состоявшихся 5/17 марта.

17 [апреля]. Среда. Обед маркиза Инконтри, Всеволожские, Винспиер, Влангали, который более и более мрачен в английском конфликте.

18 [апреля]. Четверг. В 9 час. утра заходит вел. кн. Владимир Александрович, и мы идем вместе гулять пешком. Предваряю его об имеющем быть в пятницу у государя совете; убедительно доказываю ему необходимость для России мира. Он останавливается на военной стороне вопроса. Утверждаю, что не эта сторона заслуживает внимания, но что и в этом отношении есть сомнения, которые я советовал бы ему выяснить предварительным разговором с Шестаковым. Вел. князь склоняется к моему мнению и говорит, что ему тем легче будет выступить сторонником мира, что он уже писал на днях государю письмо в этом смысле, доказывая, что после блестящего в военном отношении дела Комарова мы можем сделать маленькую уступку англичанам и, пощадив их самолюбие, привести все дело к мирному исходу. Прошу Владимира Александровича быть крайне сдержанным в тоне и форме обсуждения, чтобы не задеть самолюбия присутствующих.

Надеюсь, что его слова будут иметь вес, особливо ввиду того, что на днях между ним и государем была сильная размолвка, которую

государь захочет, вероятно, при первом случае загладить. Дело было в том, что Шувалов был назначен послом в Берлин без всяких с Владимиром Александровичем разговоров, несмотря на то что был прямым его подчиненным; равным образом на место Шувалова назначен командиром гвардейского корпуса принц Ольденбургский, вследствие ссоры с Владимиром Александровичем уволенный нынче летом от командования дивизией. Владимир Александрович был так оскорблен подобными распоряжениями, что написал государю письмо, прося увольнения от командования округом. Государь извинялся в необдуманности подобных распоряжений, и все кончилось братским примирением.

От вел. кн. Владимира Александровича еду к Бунге, который ничего не знает о совете; убеждаю его приготовиться и представить в совещании подробные цифры тех финансовых последствий, коими сопровождалась каждая из веденных Россиею войн, даже самая победоносная.

В соединенных Департаментах Государственного совета обсуждается проект Дворянского поземельного банка[60]. Я нахожу безрассудным ставить право собственности на сословную почву. Что делать с имением, заложенным в Дворянском банке и переходящим к недворянину и т. д.? Помогайте и покровительствуйте образованному землевладельцу, но не требуйте от него генеалогической его таблицы. Не надо было в 1861 г. хоронить помещика, но воскресить его нельзя, а нужно сделать полезным и по возможности культурным и влиятельным нового землевладельца. Обед с умным Гедеманом. Совещание с Мещериным о Шунгских каменноугольных копях.

Вечер у Абазы. Приехавший из Парижа с похорон кн. Воронцова Балашов восхищается несколькими днями, там проведенными. Завожу домой Влангали, который не верит успеху завтрашнего совещания.

19 апреля. Пятница. Совещание, однако, увенчалось успехом. Принимали в нем участие вел. князья Владимир, Алексей, Ванновский, Шестаков, Гирс (привезший для объяснений Зиновьева), Бунге, который имел в этот день свой доклад и которому государь по окончании доклада как бы мимоходом предложил участвовать в совещании. Государь взял обещание с присутствовавших не передавать того, что на совещании будет сказано. При этом было сказано, что при покойном государе, покуда собирался Совет министров, невозможно было сохранить никакой тайны, и только с того времени, когда стали собирать лишь несколько лиц специально избранных, сделалось возможным сохранять тайну, которая особенно послужила нам при уговорах с Австриею в последнюю войну[61].

Вследствие такого заявления я, разумеется, не получил подробных сведений о ходе совещания, но, сопоставляя кой-какие слова и намеки, имею основание предположить, что вначале шла речь о границах, разграничительной комиссии и пр., что при этом, вероятно, представлял объяснения крайне словоохотливый, ретивый и горячий Зиновьев, но что прения были в самом начале перенесены председателем на другую почву — нашего военного достоинства и народного самолюбия. Тогда вел. кн. Владимир весьма категорически и смело опровергал отрывочные замечания Ванновского, доказывая, что успех дела Комарова высоко поднял наш военный и политический престиж в Средней Азии и что теперь без всякого неудобства мы можем сделать некоторые уступки, чтобы облегчить Гладстону поддержание мира и успокоение несколько раздувшихся в Англии страстей. Вел. кн. Владимира Александровича всячески поддерживал Шестаков, имевший мужество высказать и то, что наша морская оборона находится в чрезвычайно неудовлетворительном состоянии. Бунге представил пространный и весьма интересный очерк гибельности финансовых последствий для России последних выдержанных ею войн. В заключение было решено принять предложение Англии о предоставлении кому-либо из царствующих лиц высказать свое мнение о том, кто прав, кто виноват в столкновении на Кушке[62].

Предположено обратиться с ходатайством о том к датскому королю. Во всем этом роль Гирса довольно пассивная, и отношение к нему со стороны государя несколько неуважительное и не совсем откровенное, например, Гирсу, кажется, неизвестно, что вел. кн. Сергей Александрович, находящийся ныне в Дармштате, переслал письмо, написанное ему английскою королевою, которая гостит также в Дармштате. В письме этом королева ручается, что ее правительство желает мира и что одни журналисты кричат о войне.

20 [апреля]. Суббота. В $9^1/_2$ час. отправляемся с вел. кн. Владимиром Александровичем в наше Рисовальное училище посмотреть на только что выставленную коллекцию, купленную от Звенигородского. Тут же выставка русских вышивок и кружев. В $11^1/_2$ у вел. кн. Михаила Николаевича. *Вел. князь:* «Я Вас жду, как манны небесной». *Я:* «Что случилось, Ваше императорское высочество?» *Вел. князь:* «Да ничего не знаю о вчерашнем гатчинском совещании». *Я:* «Да и я ничего не знаю». *Вел. князь:* «Так как из министров, кроме Гирса, был приглашен один Шестаков, то, вероятно, речь шла исключительно о Корее или вообще чисто морском вопросе».

Я стараюсь укрепить его в этом мнении, чтобы ему казалось менее обидным, что он не был приглашен, но он нисколько этим не

обижен. Появляется московский митрополит, и я ускользаю от завтрака и от разговора с Ольгою Федоровною, от враждебного любопытства и злословного недоброжелательства коей не так легко отделаться.

В соединенных Департаментах полное сражение с Посьетом на вопросе о железнодорожном совете. Посьет всячески старается не выпускать вопроса из рук исключительно путейских инженеров. В конце концов единогласное мнение соединенного присутствия заставляет его уступить.

21 апреля. Воскресенье. Разговор с Ауербахом. Решаемся серьезно искать каменного угля на берегах Онежского озера. В 2 часа собрание дворянства в зале Дворянского собрания. Присутствуют все вел. князья и вел. княгини. Среди залы установлена копия со статуи императрицы Екатерины II. После весьма продолжительного молебствия губернский предводитель А. Бобринский читает рескрипт. Присутствующие кричат «ура», и певчие поют «Боже, царя храни». Очень много дам и даже детей. Воронцов, Черевин, Трубецкой, Долгорукий приезжают с экстренным поездом из Гатчины и немедленно туда возвращаются.

Во всем этом торжестве слышится поворот правительственной политики. В противоположность вел. кн. Константину Николаевичу и Милютину провозглашается поддержка высшему классу как руководителю населения. Это прекрасно, но и в эту сторону не надо пересаливать.

Вечер у Абазы. Долгорукий предъявляет печатные доказательства, что ковры, мною у Гинцбурга торгуемые, заказаны Львом X в Брюсселе тому же Ельсту, который исполнил для Ватикана деяния апостолов.

22 [апреля]. Понедельник. Мой председатель на панихиде по Черткове в Невской лавре. Еду завтракать к вел. кн. Владимиру. По обыкновению в форме шуток высказываю Марии Павловне несколько горьких истин. Nous rions jaune*. В Совете после кратковременного заседания Общего собрания идет продолжительное обсуждение представления Бунге об окончательном уничтожении подушной подати. Шаг весьма смелый, так как при теперешних финансовых затруднениях казна лишается 22 млн. дохода, но благодетельные последствия этого мероприятия неисчислимы, так как с уничтожением подушной подати уничтожается основание для круговой поруки и общинного владения, лежащее преградою к развитию труда и бережливости в рабочем классе. Все это задумано и, можно сказать, исполнено Абазою, Бунге же был лишь орудием. Доход от подушной подати заменяется увеличением акциза на водку[63].

* Мы желчно смеемся.

Последствия пятничного совещания выражаются сильным биржевым повышением.

23 апреля. Вторник. В $4^1/_2$ час. уезжаем по Балтийской железной дороге в Нарву, вместе с Краузольдом приезжаем в дом около 12 час.

24 апреля. Среда. Заупокойная обедня, певчие поют прекрасно. Завтрак с местными властями. В 4 часа годичное собрание льняной прядильни. Избрание в директора Краузольда и Раштета. Осмотр двух школ и двух госпиталей.

25 [апреля]. Четверг. В $10^1/_2$ час. осмотр суконной фабрики и визит 86-летнему ее основателю Наполеону Пельцеру. В 1 час завтрак; в 2 осмотр льнопрядильни и в $4^1/_2$ отъезд в Петербург.

26 [апреля]. Пятница. Неприятные сношения с Берингом и громадное взыскание с училища пошлины за полученный училищем по завещанию бар. Штиглица капитал.

В училище: утверждение составленного Месмахером проекта музея. Размещение вновь приобретенных ковров. Музей будет грандиозный, и размещение его задумано превосходно.

27 [апреля]. Суббота. Очень продолжительное заседание Государственного совета. Купонный налог[64]. Закон о правах супруга, пожизненно владеющего имуществом[65]. Меры против злоупотреблений в обращении купонов[66]. Горнозаводское дело[67].

28 [апреля]. Воскресенье. Разговор с братом Валерианом о предстоящем общем собрании главного общества и войне, объявленной Совету Заком. Завтрак у Гагариных. Удовольствие об уничтожении подушной подати и с нею круговой поруки, парализующей производительность страны[68]. Вечер у Абазы с Убри, Влангали, Балашовым.

29 [апреля]. Понедельник. Вел. князь зовет ранее 11 час., потому что едет к обедне и завтраку во дворец Сергея Александровича. Предваряет, что опоздает в заседание Совета на полчаса; тщетно силюсь доказать ему неприличие подобного опоздания. О делах мы не разговариваем. Вел. князь рассказывает, что накануне был на утиной тяге в тех местах, что прежде арендовались мною. Думает сказать мне что-либо неприятное. Разговор сосредоточивается на именах крестьян, возивших его в своих телегах!.. Потом еще выслушиваю рассказ о необходимости завести фабрику шоколадного пороха, который изобретен каким-то Дудергофером, который хотел бы для выделки этого пороха построить завод около Шлиссельбурга и находит поддержку в Софиано (помощник ген.-фельдцейхмейстера, не пользующийся безупречною репутациею), тогда как военный министр не поддержива-

ет предложений Софиано и не приглашает вел. князя участвовать в совещаниях по этому вопросу у государя. В заключение *вел. князь* поручает мне объявить членам Государственного совета, что заседание откроется получасом позже обыкновенного, потому что он, вел. князь, поедет к обедне к вел. кн. Сергею и будет там завтракать. Я стараюсь, но тщетно, объяснить ему неприличие такого заявления и по возможности преувеличить возбуждаемое такими заявлениями неудовольствие.

В Государственном совете слушается дело о новом порядке питейной продажи[69]. Первоначальный проект министра финансов проводил две главные мысли: 1) уничтожение кабака, замененного распивочною продажею в местах продажи пищи, с тем что винные лавки будут продавать водку только в запечатанной посуде, 2) предоставление регламентации винной торговли особым уездным присутствиям, имеющим орудиями избранных из местного населения охотников, безвозмездно наблюдающих за порядком. Это последнее предположение показалось весьма неудачным соединенному присутствию Департаментов, и в этом отношении проект совершенно изменен. Победоносцев с обычным плачевным тоном стал нападать на соединенное присутствие, обвиняя его в том, что оно не поняло основной мысли представления Бунге, заключавшейся в том, чтобы торговлю водкою передать в руки лучшей, более нравственной, части населения.

Абаза обиделся таким несколько высокомерным отношением к продолжительному, несомненно полезному и тяжелому труду соединенного присутствия и под этим впечатлением весьма язвительно отвечал обер-прокурору Синода, который является внезапно специалистом по водочному вопросу да еще с подробностью выставил медицинское превосходство водки над пивом, угрожая русскому населению желудочными катарами от пивопития. Спор с обеих сторон был весьма страстный, но гораздо сдержаннее со стороны Победоносцева, который, оговорившись, что в случае переноса прений на почву личную они делаются невозможными, продолжал представлять замечания свои по отдельным параграфам, причем большинство сделанных им замечаний было принято.

По выходе из залы заседаний Абаза сказал: «Я не могу дозволить, чтобы о трудах соединенного присутствия отзывались тоном школьного учителя, распекающего учеников. Быть может, Победоносцеву не возражают, опасаясь его влияния у государя, но я буду продолжать отвечать ему, как отвечал сегодня, и Вы заметили, что он немедленно переменил тон».

Недурно замечание вел. кн. Михаила Николаевича: «Pourquoi A[basa] s'est-il offensé? P[obédonostzeff] ne lui avait rien dit de blessant». *Я:* «Il a trouvé que le ton était désobligeant pour l'assemblée qu'il avait présidée». *Вел. князь:* «Je crois que la moutarde lui a monté au nez, parce qu'il a élé très aimablement reçu par l'empereur»*.

30 [апреля]. Вторник. Приезжает ко мне Петр Шувалов и со свойственною ему привычкою хитрить и лукавить рассказывает, что был в Москве, видел Толстого, который, по отзыву известного доктора Захарьина, одержим четырьмя неизлечимыми болезнями. Толстой сообщил Шувалову намерение просить у государя отставки, но Шувалов ввиду того, что кандидатами на пост министра внутренних дел называют лишь Островского и меня, просил и уговорил Толстого не посылать письменной отставки, а чрез несколько времени поехать и лично добиться назначения избранного им преемника. Такой образ действий Шувалов объяснял опасением видеть назначенным Островского, а также уверенностью, что мне приятнее быть свободным в наступающее лето. Я же очень хорошо понял, что цель и его поездки, и его происков была надежда попасть самому в министры внутренних дел. Особенно забавно он высказал свою задушевную мысль, настаивая на том, что необходимо разделить Министерство внутренних дел и отдать преемнику Толстого полицию, прессу и земство, а из остальных частей, как медицинская, строительная и т. д., составить смешанное министерство. Состав и механизм этого импровизированного министерства ничуть его не интересовали, но зато лакомые и забавляющие его живой ум и характер части первого министерства казались ему весьма привлекательными.

После этого оригинального сообщения едем вместе посмотреть в училище вновь выставленные ковры.

1 мая. Отправляемся вечером вместе с вел. кн. Владимиром Александровичем охотиться на глухарей. По лесу еще еду в санях. Вел. князь сообщает о своем намерении путешествовать нынче летом по Северу. Много разговариваем про их семейные дела и отношения, про его имущественное положение. Гофмейстер вел. кн. Николая Николаевича Ростовцев просил увольнения от обязанностей. Он состоял при вел. кн. Александре Петровне, которая живет теперь в Киеве, и отказался от обязанности играть еженощно в карты с состоящим при вел. княгине священником, который обирает ее, сколько может.

---

* «Почему А[база] обиделся? П[обедоносцев] не сказал ему ничего обидного». *Я:* «Он нашел, что тон был неучтив в отношении собрания, на котором он председательствовал». *Вел. князь:* «Я думаю, что кровь бросилась ему в голову, после того как император его так любезно принял».

2 [*мая*]. Четверг. Заседание Департамента экономии. Узнаю, что в Лондоне состоялось полное соглашение между нашим послом и Гренвилем, соглашение, основанное на условиях, которые мы уже не раз принимали. По получении этого соглашения здесь оно было одобрено и Гирсом и государем, но Ванновский потребовал запросить Дондукова, который настаивает на необходимости присоединить еще какие-то Сарыкские пастбища. Одновременно Англия ответила, что примет медиатором кого угодно, только не датского короля, а мы имели неосторожность просить его принять это медиаторство, и король для этого созывал свой министерский совет, выразивший свое согласие.

3 *мая*. Пятница. Прочитал в «Русском архиве» записки гр. Д.Н. Толстого, с которым был одно время очень близок[70]. Это был весьма недюжинный, живой и на добро отзывчивый человек. Мне очень ценны слова, сказанные им однажды обо мне Бартеневу, редактору «Русского архива». Толстой сказал, что с ранней молодости я всегда «ключом бил».

4 [*мая*]. Суббота. Заезжаю к вел. кн. Михаилу Николаевичу, но у него всегда домашние и личные дела, на этот раз ему некогда со мною разговаривать, потому что сын его Александр экзаменуется из астрономии.

Заседание Департамента законов. Объяснение с Воейковым, который по обязанности помощника Рихтера весьма тяготится глупостями и глупостью своего начальника, исполненного лучших душевных качеств. Еду в Коломяги на вечерний ток и убиваю одного глухаря.

5 [*мая*]. Воскресенье. Обычный завтрак у Гагариных. Осмотр дома на Адмиралтейской канаве. Визит Головнину и спор с Жомини, который находит безупречным ведение дел Гирсом, когда его бесхарактерность и трусливость портят все, особливо в сношениях с государем, который ежедневно выражает ему неуважительное неодобрение. Вечером у Абазы, Долгорукий уговаривает меня ехать завтра в Гатчину.

6 *мая*. Понедельник. Наследнику цесаревичу сегодня минуло 17 лет. Отправляюсь в Гатчину по поезду $8^3/_4$. Сижу в вагоне а) с Шестаковым, который более и более приобретает мое сочувствие прямотою своих чувств, ясностью мысли и мужеством поведения, б) с Ванновским, который начинает воображать, что он в самом деле государственный человек, когда он только отличный, добрый и честный человек. Он думает поступить очень тонко, сказав, что, к сожалению, не видит Гирса, у которого хочет узнать, в каком положении мирные переговоры. Я же отвечаю ему на ухо: «Полно, Петр Семенович, пора кончать, бросьте Вы Ваши Сарыкские пастбища, не до них России. Видите, какие массы дел я Вам присылаю из Государственного совета?» На это Ванновский возражает: «Наше военное достоинство того требует». *Я:* «А что скажет наше военное достоинство, когда после первого пушечного выстрела вся Европа сплотится против нас и нас заставят подписать мир хуже Берлинского, а между тем средства, долженствующие обеспечить развитие России в будущем, будут истрачены. За последнюю войну мы платим теперь ежегодно 100 млн. %, что же придется платить за новую войну? Россия обратится в Лапландию при невозможности тратить что-либо на дороги, школы, суды и т. д.». Ванновский молчал, но все это показалось ему как будто ново.

По приезде в Гатчину передаю этот разговор Шестакову, который негодует за то, что не кончают этого держащего в лихорадке многомиллионное население вопроса.

В Гатчине обедня, потом завтрак. Все императорское семейство, множество военных, Гирс, Победоносцев, Дурново и я, из лиц невоенных и непридворных. Цесаревич завтракает с офицерами своего казацкого полка[71]. Хозяева весьма любезны с приехавшими поздравить, не считая как бы себя вправе навязывать приглашения. Завтракаю подле умной и милой Е.А. Нарышкиной. Возвращаюсь с Долгоруким, который передает, что Гирс заверил его, будто бы именно в это утро окончательно уговорился с Ванновским.

Обедают у нас Грейг, Убри, Грот. Грейг рассказывает, как привез императору Николаю известие об Альмском поражении[72].

7 *мая*. Вторник. В 11 час. у вел. кн. Михаила Николаевича. После 10-минутного разговора заявляет, что меня желает видеть вел. княгиня, у которой по обыкновению застаю ее фаворита вел. кн. Николая Михайловича. Разговор, как всегда, сосредоточивается на тяжелых для ближнего оценках, причем ближайшие члены семейства делаются первыми жертвами произносимых приговоров. Меня приглашают к завтраку. Соболезнование о том, что вел. кн. Александру Михайловичу приходится отправляться в четырехмесячное плавание. А я, напротив, нахожу это для него весьма счастливым. В 1 час в Государственном совете. Приехав сюда, узнаю, что Островский намерен сделать заявление по внесенному министром юстиции проекту об учреждении для судебного ведомства высшего дисциплинарного суда, который имел бы право увольнять судей за проступки, противные нравственности, хотя бы и не подходящие под кару, установленную уголовными законами. Набоков предлагает составить такое дисциплинарное присутствие из сенаторов кассационных департаментов, а Островский желает посадить в это присутствие совершенно посторонних судебному ведомству лиц. Немедленно приглашаю Набокова и Островско-

го объяснить вопрос председателю, для которого такое заявление не должно быть сюрпризом. Объяснение это в кабинете председателя производит очень бурную сцену. Мысль Островского встречена категорическим отказом Набокова допустить что-либо подобное, как оскорбительное для Сената и для всего судебного ведомства. «Все это идет из редакции «Московских ведомостей», бросающих грязью и в судебное ведомство, и в Государственный совет!» — восклицает Набоков. «Вы меня оскорбляете», — отвечает Островский. «Я уверен, что Вы предварительно заручились у государя», — говорит вел. князь и т. д.

Спор делается до того горячим, что Островский говорит вел. князю: «Вы оскорбляете государя императора, намереваясь ограничить его право выбора лиц в это присутствие». Я тщетно стараюсь примирить и хотя сколько-нибудь согласить спорящих. В зале заседания прения возобновляются, но в менее резкой форме. Островский настаивает уже исключительно на том, чтобы члены присутствия избирались исключительно из сенаторов, к какому бы департаменту они ни принадлежали. Островского поддерживает Победоносцев, но ввиду единодушного отпора прочих членов собрания оба оппонента не решаются произвести разногласие, и Общее собрание утверждает журнал соединенного присутствия.

Вечером отправляюсь на глухарей с вел. кн. Владимиром Александровичем, который рассказывает мне, что Шереметев промотал все состояние жены своей, и оба отправляются жить в Москву, получая от Евгении Максимилиановны Ольденбургской по 2 тыс. руб. в месяц.

8 [*мая*]. Среда. За мною присылает вел. кн. Михаил Николаевич, чтобы рассказать следующее: в понедельник утром пришел к П. Шувалову Катков и заявил, что по прочтении присланного ему в Москву (sic) журнала о дисциплинарном присутствии он нашел, что предположения Набокова не улучшают, а ухудшают дело, и потому немедленно приехал в Гатчину, видел государя, который, разделяя его взгляд, уполномочил будто бы его видеться с Островским и Победоносцевым, дабы они возбудили разногласие!.. Все это было передано вел. князю самим Шуваловым.

Вел. князь желал, чтобы я узнал от Набокова подробности его личного в этот день доклада и затем приехал вечером опять к нему, вел. князю, вместе с вел. кн. Владимиром для того, чтобы совещаться о том, как ему поступить.

Отправясь к Набокову, я узнал от него, что как скоро речь зашла о заседании Государственного совета, так государь спросил: «Не было никаких инцидентов?» На это Набоков отвечал, что инцидент был, и

притом весьма неожиданный, потому что Островский, не имеющий понятия о судебной части, сделал такое предложение, которое не только оскорбительно для всего судебного ведомства, но обидно и для него, министра юстиции, потому что не только выражает недоверие к нему, но еще и подозрение в намерении ограничить самодержавие. «Моя 40-летняя карьера, — прибавил Набоков, — всегда была верна принципу самодержавия, отличалась в этом отношении неизменным постоянством, и потому мне особенно странно было слышать подобное возражение от Михаила Николаевича Островского».

«Но чем же кончилось?» — продолжал государь. «В конце концов разногласия не было произведено», — отвечал Набоков. «Так дело и будет представлено мне в этом виде?» — «Да, государь, только до того времени, пока оно будет Вам представлено, в «Московских ведомостях», разумеется, будут статьи на ту тему, что Государственный совет ограничивает права верховной власти».

Государь обещал утвердить мнение Совета в том виде, в коем оно будет представлено, и в заключение был очень любезен с Набоковым.

Приехав в пятом часу к вел. кн. Владимиру, застаю его спящим и ограничиваюсь тем, что выпиваю чашку чая у вел. княгини.

В 8 час. возвращаюсь к вел. кн. Владимиру и по обсуждении случая решаем дать вел. кн. Михаилу Николаевичу следующий совет: а) просить государя назначить Каткова членом Государственного совета с тем, чтобы мнения человека, пользующегося авторитетом в его глазах, высказывались открыто, были опровергаемы другими и вместе с этим опровержением подносились государю; б) в случае несогласия на такое назначение просить у государя обещания прекратить эти закулисные свидания; в) в случае отказа и на это просить увольнения от обязанностей председателя Совета.

Такое заключение я передаю вел. кн. Михаилу Николаевичу с просьбою говорить как можно меньше и стоять на одном.

Вел. князь изъявляет полную готовность так поступить, но опасается, что государь собьет его опровержениями, и потому надеется, что можно будет устроить так, что при этом объяснении будет присутствовать Владимир Александрович, который в случае надобности его поддержит.

В 9 час. продолжительный разговор с г. Клейсом, представителем de la Société des chemins de fer secondaires (président sénateur Tercelin)*, о проведении железного пути к Богословску.

*См. сноску на с. 335.

9 [*мая*]. Четверг. По возвращении из Гатчины вел. князь посылает за мною и рассказывает, что на пути в Гатчину Владимир и Алексей Александровичи всячески уговаривали его иметь категорическое с государем объяснение, что он так и поступил, передал государю слышанное от одного члена Государственного совета, которого просил позволения не называть. Государь отвечал на это, что видел Каткова один раз во всю зиму, что по этому делу ни прямых, ни косвенных сношений с ним не имел и что произведет обо всем этом расследование. При этом государь сообщил, что после доклада Набокова у него был с докладом Островский и заявил, что в Государственном совете отвергли первоначальное представление министра юстиции о том, чтобы всякое постановление дисциплинарного присутствия было представляемо на благоусмотрение государя, и, таким образом, предоставили дисциплинарному присутствию право удалять от должностей лиц, на эту должность высочайшею властью назначенных. Вел. князь отвечал, что он этого не помнит и наведет справки. В заключение этого разговора вел. князь спросил государя, доволен ли он вообще деятельностью Совета, на что последовало выражение полного одобрения, и в конце концов дядя расстался в полном согласии с племянником, который, однако, не упустил отозваться по поводу этого дела, что все это конституционные попытки и что эти судебные уставы надо переделать. Отчего не устроить такого присутствия, как существующее ныне при Государственном совете для жалоб на судебные учреждения прежнего устройства.

10 [*мая*]. Пятница. Заседание Департамента экономии об уничтожении ночной работы для женщин и детей[73]. Переделываю журнал Общего собрания; согласно наговору Островского включаю, что само собою разумеется, что лица, назначенные высочайшей властью, не могут быть уволены иной властью. Везу журнал вел. князю и прошу его немедленно написать государю письмо с объяснением всего дела, что он и обещает немедленно исполнить. Вел. княгиня угощает меня чаем, сидя у окошка и раскритиковывая каждого гуляющего по набережной.

Вечером еду с Сашею гулять по островам и осмотреть его каменноостровскую дачу, где заводим культуру орхидей.

11 [*мая*]. Суббота. Вел. кн. Михаила Николаевича не застаю у себя, он на экзаменах сына Александра, моряка, который, по отзывам посторонних лиц, держит эти экзамены очень хорошо и вообще прекрасный юноша. В Государственном совете дела пустые, но необходимые объяснения с Николаи и Стояновским относительно сделанной мною вставки. Пишу свое извлечение из мемории и по

поводу питейного дела включаю следующее: «Существенные черты этой важной финансовой реформы известны Вашему величеству, подробности, мною здесь изложенные, были бы лишь повторением сказанного в мемории, и потому позволяю себе просить Вас, государь, прочесть ее текст. Делаю это еще по одной причине: я считаю первостепенною обязанностью всякого, имеющего к Вам деловой доступ, указывать на людей, по способностям и нравственным качествам заслуживающим Вашего внимания. Среди моих подчиненных первое в этом отношении место принадлежит ст.-секр. Шидловскому, и Вы легко оцените редкую добросовестность и замечательную талантливость, отличающие его труд». Вечером получаю от вел. князя для прочтения только что присланную ему из Гатчины телеграмму такого содержания: «Очень благодарен за полученные разъяснения и вполне одобряю твое распоряжение о включении в журнал Общего собрания соображений по этому поводу».

Катаемся с Влангали по островам; предлагаю ему провести лето в квартире, прилегающей к теплице. Он жалуется на Ванновского, который замедляет ход окончательного с Англиею примирения.

12 [*мая*]. Воскресенье. Прогулка по островам и целый день за мемориальным извлечением.

13 [*мая*]. Понедельник. Отправляя государю меморию, посылаю императрице на французском языке краткий обзор сущности нового закона о питейной торговле. Получив вечером от Островского записку с изъявлением желания приехать ко мне, иду к нему и выслушиваю заявление о том, что государь передал ему все слышанное от вел. кн. Михаила Николаевича о Каткове и проч. Все это Островский считает недостойным его, сплетнями, но желает говорить о деле, его интересующем. Узнав от государя, что журнал изменен будто бы по его заявлению, и изменен в том смысле, что постановления дисциплинарного присутствия об удалении судей будут представляемы на высочайшее благоусмотрение, Островский опасается, что присутствие будет отстаивать людей недостойных и, таким образом, парализовать деятельность министра и даже идти наперекор воле государя. Так как в этой форме вопрос снова сводится на посягательство против самодержавия, а эта точка зрения прибыльна для умеющих ее эксплуатировать, то Островский выразил намерение приехать на следующий день в Совет и по поводу чтения журнала вновь произвести разногласие. На это я отвечал: «В своих предположениях Вы опасаетесь такой совокупности неловкостей и ошибок, которые могут привести к правительственному скандалу, но осуществление этих предположений для меня сомнительно и во всяком случае весьма отдаленно, тогда как

завтрашний скандал для меня несомненен. Я не разделяю мнения Каткова, который ругается над Советом, называя его каким-то собранием генералов, я не сочувствую возгласам Победоносцева о хищениях и т. п. Я считаю, что мы все служим самодержавным государям, что солидарность между ними от отца к сыну, твердость и преемственность правительства составляют блестящую сторону монархии, и потому мы не должны ее дискредитировать в глазах народа легкомысленной критикою и унижением существующего порядка. С такой точки зрения я буду сожалеть о вашей завтрашней выходке и могу рассматривать ее лишь как личное мне неудовольствие, потому ввиду заявленного Вами мнения я сделал все, что мог, чтобы согласить прочих членов, и все мои усилия окажутся недостаточными ввиду новых с Вашей стороны требований».

Поколебленный моею аргументациею Островский обещал не приезжать в заседание, а прислать лишь безгласного своего товарища Вешнякова.

14 мая. Вторник. В 9 час. иду с вел. кн. Владимиром в Рисовальное училище посмотреть на вновь купленные ковры. Он истинный знаток искусства и искренне ими восхищается. Толкует об оценке людей, как Островский, Шереметев и т. д. В 11 час. у вел. кн. Михаила Николаевича продолжительный разговор с вел. княгинею. Завтрак с семейством. Заседание Общего собрания Совета. Речь Грейга с приветствием по поводу уничтожения подушной подати. Бар. Николаи хочет отложить до осени решение железнодорожного дела, чему я категорически противлюсь, опасаясь, что за лето Посьет сепаратными высочайшими повелениями изуродует всю нашу работу.

Обедаем на Каменном острове в теплице.

15 мая. Среда. Открытие морского канала. Государственный совет приглашен в мундирах; во время молебна светло, но ветрено. Тотчас после начинается проливной дождь, а между тем лицам, не желающим ехать в Кронштадт, приходится ждать еще полтора часа до отхода железнодорожного поезда. Вместе с Гирсом и Победоносцевым нахожу мокрое убежище на паровом катере градоначальника Грессера. Гирс сообщает, что получил от Л. Гренвиля письмо с убедительною просьбою скорее кончать соглашение по афганскому вопросу.

16 мая. Заседание Департамента экономии о множестве кредитов, требуемых министрами с особенною поспешностью ввиду того, что Департамент экономии будет закрыт нынче летом как для отдохновения членов, так и для сокращения издержек. Сольский по поводу требуемых Посьетом кредитов напоминает ему об обещаниях, данных в совещании у государя о постройке стратегических дорог за такую цифру, которая уже давно превзойдена. Уговор с Пельцером.

17 мая. Пятница. Большая прогулка верхом в окрестностях Коломяги. Вечер за мемориею.

18 [мая]. Суббота. Объяснение с Беком, директором Невской бумагопрядильни, который испуган появлением рабочего, покушавшегося его убить и сосланного административным порядком. Разговоры с Евреиновым и Галлом о необходимости изменить порядок управления этим значительным промышленным предприятием.

19 [мая]. Воскресенье. Продолжительное объяснение с Краузольдом, которого хочу поставить во главу управления всеми четырьмя фабриками. Вечером у Абазы вижу Николая Саввича[74], возвратившегося с измененным руками Мецгера здоровьем.

20 [мая]. Понедельник. Согласно приглашению приезжаю к вел. кн. Михаилу Николаевичу в 12 час. Застаю всех лиц, его двор составляющих, в мундирах и лентах вследствие празднования именин младшего сына Алексея. Сам Михаил Николаевич за завтраком с бокалом в руках торжественно произносит тост за здоровье вел. кн. Алексея Михайловича. Все это весьма герольштейно!.. Я сижу возле вел. княгини и благодарю ее за ее добрые ко мне чувства, соделывающие для меня возможною службу в теперешней моей должности. Она настаивает на том, que le grand duc m'aime beaucoup*. Я этого не отвергаю, пожалуй, но не считаю возможным принимать в какое бы то ни было соображение.

В Государственном совете весьма оживленные прения по вопросу о возвышении таможенного тарифа[75]. Грейг выступает категорически защитником свободы торговли и произносит длинную речь с выходками фельетонного характера, как, например, что при возвышении таможенных пошлин в отместку за последнюю, Бисмарком на наш хлеб наложенную пошлину Россия является тем мальчиком, который был наказываем за вину дофина, или что тот, кто хочет регулировать нам торговый баланс, похож на короля Канута, желавшего уничтожить морской прилив.

Абаза отвечает превосходно, утверждая, что тяжелое для всех нас повышение таможенного тарифа есть горькое лекарство, необходимое для лечения опасной болезни нашей — задолженности пред другими государствами. Тема несколько софистична, но поддерживается им блестяще.

Посылая государю обычное мемориальное извлечение и упоминая об устройстве дисциплинарного присутствия, говорю: «Дело это сопро-

* Что вел. князь меня очень любит.

вождалось донесениями, разъяснениями, доходившими до Вашего величества, я счастлив, что по своим обязанностям остался в стороне от этих разъяснений, имевших личный характер; я счастлив, что могу ограничиться способствованием благополучному исходу для [разъяснений], безличных, но весьма многочисленных и важных, увековечивающих нынешнюю сессию, которая займет блестящую, хотя и не шумливую страницу в истории Вашего царствования».

В письме императрице, содержавшем обзор главнейших дел, выражаюсь о том же следующим образом: «Cette affaire a provoqué au sein du Conseil d'acerbes discussions. Il y a eu quelques personnes qui ont cru voir dans la création d'une nouvelle cour disciplinaire des limites imposées à l'autorité souveraine, mais ces appréhensions me semblent plutôt dictées par le désir de plaire d'individus avides de réussir. L'autorité absolue du souverain, tellement supérieure aux petites passions mesquines du terre-à-terre est un gage essentiel du bonheur de la Russie. Mais s'en suit-il que le souverain doive intervenir dans les éventualités secondaires de la vie quotidienne? Je crois que l'action de l'autorité souveraine doit en cette matière imiter la divine providence elle-même, qui ayant établi un ordre parfait ne saurait sans compromettre son prestige intervenir dans les accidents de l'existence individuelle.

L'histoire est là pour nous prouver que l'autorité monarchique n'a été altérée que par des aristocraties puissantes ou des démocraties dévorantes. On ne peut que sourire à l'idée d'un danger pareil venant de la part d'une bureaucratie salariée»*.

21 [мая]. Вторник. В 10 час. 50 мин. уезжают вел. кн. Михаил Николаевич и вел. кн. Ольга Федоровна. Еду провожать их на станцию. Вел. князь просит сообщить ему письменно о всем, что будет сказано государем. Отвечаю, что вследствие перлюстрации писать по почте невозможно, но что если будет что-либо особенное, то пришлю специального курьера.

* «Этот вопрос возбудил в Совете очень острые споры. Несколько человек сочли, что создание нового дисциплинарного суда поведет к ограничению верховной власти, но мне кажется, что эти соображения приводятся из желания угодить людьми, стремящимися к преуспеванию. Самодержавная власть государя, возвышающаяся над маленькими страстями и мелкими пошлыми чувствами, служит важным залогом счастья России. Но следует ли из этого, что государь должен вмешиваться во второстепенные вопросы повседневной жизни? Я думаю, что верховной власти следует в этом вопросе подражать божественному провидению, которое, установив совершенный порядок, не может вмешиваться в жизнь отдельных существ, не подрывая своего престижа.

История учит нас, что монархическая власть ограничивалась лишь под воздействием мощной аристократии или все истребляющей демократии. Мысль, что подобная опасность грозит со стороны состоявшего на жаловании чиновничества, может вызвать лишь улыбку».

Приезжают из Москвы Анна с мужем и останавливаются у нас. Н. Долгорукий, приехавший из Берлина, рассказывает, что ему предложили ехать посланником в Китай, но что он в разговоре с государем объявил, что его семейные и имущественные дела требуют ежегодного пребывания его в Петербурге, а что на таком дальнем расстоянии это делается невозможным. В действительности, конечно, нельзя посылать в Пекин человека, который столько времени провел в интимных сношениях с императором Вильгельмом и Бисмарком. Такими людьми следует весьма дорожить. Он умен, энергичен, образован, честолюбив, независим по положению. Гирс, будучи сам лишь канцелярским чиновником, разумеется, не расположен к такого рода личностям. Такому нерасположению содействует еще непосредственная личная переписка Долгорукого с государем, содержание коей Гирсу неизвестно.

22 [мая]. Среда. Поздравления кн. Оболенской, дочь коей выходит за Гагарина. В 5 час. приходит проститься вел. кн. Владимир Александрович, который едет осматривать войска своего округа, начинает со Пскова, потом чрез Вышний Волочек, Ярославль, Вологду по Северной Двине в Архангельск, на пароходе осматривает мурманский берег и возвращается из Архангельска на Петрозаводск по Онежскому озеру.

По обыкновению все, что говорит, говорит умно и, несомненно, оставит по пути хорошую о себе славу.

23 [мая]. Четверг. По 10-часовому поезду еду в Петергоф с Герардом, который сообщает об изменениях, производимых в опекунском совете в намерении возвратиться к прежним екатерининским порядкам, основанным не на канцелярщине, а на том, чтобы независимые люди с любовью и без лишних стеснений занимались тем или другим благотворительным учреждением. По приезде в Петергоф отправляюсь к Воронцову, у которого застаю кн. Трубецкого. С Воронцовым еду в коттедж. Здесь Рихтер и В. Оболенский показывают мне премилые рисунки и акварели военных сцен, только что полученные от Детаhelp.

В кабинете государя разговор о следующем: расписание членов Государственного совета на второе полугодие, причем обращаю внимание государя на то, что членами могут быть назначены не одни чиновники, а лица всякого состояния. Потом заходит речь о временном присутствии при Государственном совете[76]. Ввиду истечения годичного срока, на который оно учреждено, и ввиду того, что государь выражает полное удовольствие относительно этого присутствия, предлагаю сохранить его на существующих основаниях впредь до особого высочайшего указания. Докладываю, что нерешенным по Государственному совету останется одно лишь дело об экспроприации; обра-

щаю внимание, что нынешняя сессия была посвящена исключительно финансовым делам, но что следует надеяться, что в будущую сессию министры юстиции и внутренних дел представят в Совет столь многочисленные, требующие неотложного разрешения вопросы, давно затронутые в их управлениях. Упоминаю о представлении Танеевской комиссии относительно уничтожения чинов, прося разрешения обязать министров, чтобы представили свои заключения к 1 октября. Говоря о Мариинском дворце, намекаю на трудность привлечь туда Фриша и Танеева. О первом государь говорит, что, конечно, покуда он не получит другого назначения, его нельзя будет лишить занимаемого ныне помещения. О Танееве я решаюсь сказать, что его канцелярию придется слить с Канцеляриею прошений.

В заключение государь сам начинает разговор о разговорах, бывших по делу об учреждении дисциплинарного присутствия[77], причем высказывает мне, что узнал мой слог в письме, написанном ему вел. князем. На это я отвечаю, что действительно дал вел. князю письменную справку о положении дела после моего объяснения с различными членами Совета. На это государь говорит: «А он, вероятно, переписал Вашу записку дословно». Прощаясь, прошу позволения привезти показать проект, составленный Месмахером для имеющего быть выстроенным музея. Завтракаю с Рихтером и возвращаюсь с Герардом по 2-часовому поезду.

25 [мая]. Суббота. Пустое заседание Департамента экономии. Посьет требует множество денег на пути и порты[78]. За отсутствием Абазы председательствует Исаков, который по свойственной ему вялости не дает отпора. Сольский при всем своем нерасположении к Посьету предпочитает отсутствовать там, где нельзя ограничиться болтовнею, а надо высказать какое-нибудь мнение.

27 [мая]. Понедельник. В Общем собрании спор между Грейгом и Бунге о карательных мерах за обращение досрочных купонов[79]. В особенности Грейг настаивает на том, что напрасно запрещают кредитным учреждениям принимать на хранение листы процентных бумаг с отрезанными купонами.

28 [мая]. Вторник. Получаю утвержденную государем меморию об уничтожении подушной подати. Пишу об этой мере пространное рассуждение, которое посылаю императрице. Длинная прогулка с Краузольдом по островам, разговоры о фабриках; грабеж Пельцеров на суконной Нарвской фабрике. Вист у Анненковой под знаменем Нелидовой для устроения своей belle-soeur* светских отношений.

* Невесткой.

Я играю с Абазою и Убри. Персонал гостиной: граф и графиня Адлерберг, графиня Клейнмихель, Сольская, Левашов, Влангали, Н. Долгорукий.

30 [мая]. Четверг. Рождение Пита, который окончил экзамены для перевода во 2-й класс филологической гимназии и, срезавшись из арифметики, уезжает в Рапти.

Заседание совета в Рисовальном училище. Предположения относительно новых построек, новых приобретений, соображения относительно имеющего очиститься капитала. Теперь все покладливы, а было время, когда г. Ермаков умничал. От Технического общества на место несносного Андреева назначен Путята. Обед у Бунге для празднования уничтожения подушной подати, — Абаза, Грейг, Домонтович, Любощинский, Стояновский, Старицкий. Забавно единодушное отвращение к круговой поруке и общине, так недавно являвшейся идеалом. Велика неподготовленность русских государственных людей, и чем более на них смотришь, тем более желаешь, чтобы они поменьше импровизировали, а побольше давали простору естественному простому ходу повседневной жизни.

31 мая. Сегодня мне минуло 53 года.

1 [июня]. Целый день за мемориальным извлечением, которое по мере приближения сессии к концу принимает все большие размеры. Дворянский поземельный банк, штаты морского управления, возвышение тарифа, прекращение ночной работы для женщин и малолетних и т. д.

2 [июня]. Воскресенье. То же самое. Вечер у Абазы с Влангали, который считает афганское дело подвинутым настолько, что перемена кабинета не угрожает более миру.

3 [июня]. Понедельник. Последнее заседание Общего собрания Государственного совета. Железнодорожный закон[80]. Абаза говорит длинную речь в память гр. Баранова, имя коего навеки связано с этим законом; напоминает о железнодорожной неурядице в руках инженерного управления, заставившей передать Николаевскую дорогу в руки Главного общества. Комплименты Николаи за председательствование, Посьету — за сговорчивость, Государственной канцелярии — за редакционные труды.

Обедают Н. Долгорукий, возвращающийся в Берлин, отделавшись от назначения в Пекин, и Гр. Голицын, очень довольный своею службою в I департаменте Сената.

4 [июня]. Вторник. В 2 часа уезжаем в Рапти, где находим сирени в полном цвету, когда в Петербурге они еще не распустились.

5 [июня]. Среда. Страшный вихрь; сидим дома.

6 [июня]. Четверг. Появляется мировой судья Вердеревский, который жалуется на то, что в Лугу и ее окрестности летом приезжает 600 семейств, много усложняющих судейскую деятельность.

Горный инженер Шамарин проездом из Богословска в Америку для изучения медного производства. К обеду приезжает Крамской (Иван Николаевич) и поселяется, чтобы писать наши портреты.

7 [июня]. Пятница. Приезжает бар. Винспиер, тип любезного, общительного светского неаполитанца, во всех отношениях приятного и вместе надежного. Погода чудесная. Целый день прогулки на воздухе.

8 [июня]. Суббота. Саша возвращается из Петербурга, сдав свой последний гимназический экзамен.

9 [июня]. Воскресенье. Писание портретов подвигается, и притом успешно.

10 [июня]. Поездка в Череменецкий монастырь[81], где вследствие придирчивости и жадности духовенства, особливо архимандрита Сергиевской пустыни, заведующего Черменецким монастырем в качестве благочинного, оказывается невозможным привести в исполнение первоначальную мысль устроить склеп под церковью.

11 [июня]. Вторник. По превосходной погоде переезжаем в Петербург в поезде-молнии, в недавнее время устроенном. Здесь ожидают Боголюбов с изготовленною к высочайшему поднесению меморией по железнодорожному делу, Стефаниц с текущими делами, Краузольд с беспримерною жадностью господ Пельцер на суконной Нарвской фабрике и т. п.

12 [июня]. Среда. В 10 час. еду в Петергоф. В поезде со мною Набоков, хвалящийся тем, что его прокуроры отличились в последних арестах политических преступников в Харькове[82]; кажется, только такими сведениями и наполнен его доклад. Приехав в Александрию, иду сначала к императрице, которая принимает меня с выражением особой благодарности за представляемые мною ей извлечения из важнейших дел Государственного совета. В приемной императрицы хлопочет престарелая, но неизменно молодая кн. Кочубей. У государя разговор касается обилия рассмотренных Государственным советом дел; замечаю, что в начале последнего царствования было издано очень много пространных законоположений, но вслед за тем приостановлена всякая законодательная деятельность. Теперь приходится согласить требования жизни с течением законодательства и многое изменить и дополнить сообразно этим требованиям. Впрочем, прибавляю, главнейшие мероприятия исходят из представлений министра финансов, который почти исключительно занял Совет нынешнею весною; надо

надеяться, что к будущему году министры внутренних дел и юстиции представят Совету некоторые из значительного числа назревших по их ведомствам вопросов.

Государь: «Жаль, что гр. Толстой захворал. Я надеюсь, что он поправится к будущей осени и внесет в Совет некоторые из трудов Кахановской комисси». *Я:* «Сомневаюсь, государь, чтобы он поправился. Думаю, что он очень хорошо дает себе отчет в своем положении и уже прислал бы Вам просьбу об отставке, если бы не имел желания представить ее лично для того, чтобы при этом рекомендовать своего кандидата».

От этого скользкого разговора обращаюсь к своим личным планам на лето, прежде всего о намерении ехать на Урал осмотреть Богословский округ.

Расстаемся на словах государя: «Может быть, мы увидимся при проезде Вашем оттуда». На что я отвечаю, что и в этом случае готов не обинуясь рассказать все, что мне удастся видеть.

Завтракаю у Рихтера с умным гр. Олсуфьевым, назначенным Рихтеру в помощники по Главной квартире на место злоупотреблявшего доверием Рихтера полковника Шведова.

Обед с Влангали, который восхищен поездкою по Финляндии, которую исполнил на днях в обществе Убри.

13 [июня]. Четверг. Целый день скучные объяснения по делам, в особенности с Пельцером.

14 [июня]. Пятница. В 10 час. 50 мин. утра по быстрому поезду уезжает в Швальбах жена моя. Пишу записку императрице о значении железнодорожного закона. Захожу к Дурново, управляющему Министерством внутренних дел, проститься, он сообщает весьма неутешительные известия о харьковских арестах и полученных из-за границы сведениях относительно замыслов нигилистов на нынешнее лето[83]. В $8^1/_2$ час. сажусь в вагон. Со мною едет до Москвы Саша, окончивший свой курс наук в филологической гимназии и намеревающийся держать в августе месяце экзамен для поступления в старший курс Училища правоведения. Саша едет в Москву консультироваться у глазного врача. В путешествии моем на Урал меня сопровождают доктор Эмануил Федорович Мориц и инженер, присланный бельгийскою компаниею, Cossoux.

15 [июня]. Суббота. Приехав в Москву, помывшись и закусив на станции, едем в гостиницу «Дрезден» (на Тверской, возле генерал-губернаторского дома). Сделав визит Долгорукову, отправляемся на промышленную выставку, где, впрочем, не видим ровно ничего достопримечательного. Пообедав, отправляемся вдвоем пешком на стан-

цию Нижегородской железной дороги, откуда в 9 час. отправляюсь в Нижний.

16 [июня]. Воскресенье. В 10 час. приезжаю в Нижний и на пароходе Любимова «Екатеринбург» плыву в Пермь. Путешественников, по счастию, немного; один из них, золотопромышленник Латкин, сообщает несколько интересных сведений о Восточной Сибири.

17 [июня]. Понедельник. В 7 час. утра останавливаемся у Казани, а затем сворачиваем в Каму.

18 и 19 [июня]. Вторник и среда. Плывем по Каме. Берега пустынны и обезлесены, но еще не обнажены, как на Волге, почему и плавание лучше. От времени до времени встречаются живописные виды. Погода недурная, но свежая, а по вечерам просто холодно.

20 [июня]. Четверг. В 9 час. приезжаем в Пермь. Вид города с Камы довольно живописен. Сходив в почтовую контору и на телеграфную станцию, беру тройку и еду за шесть верст от города на казенный Мотовилихинский завод. Здесь на днях сгорело два заводских здания, но самый завод, по счастию, удалось отстоять. Во всем беспорядок, грязь, неурядица. Производятся пушки и заряды, но, смотря на то, каким порядком это делается, нельзя не видеть в этом заводе новое подтверждение тому, что казна не может и не должна вести промышленных предприятий. По возвращении на пароход читаю случайно попавшуюся мне под руку книгу Томаса Моруса[84], изумляюсь ограниченности ума этого человека и тому, что его книга когда бы то ни было могла обратить на себя чье-либо внимание.

Приезжает ко мне с визитом недавно назначенный сюда губернатор Лукошков, человек не старый, но болезненный и едва ли способный к той энергии, которая необходима в этом полудиком крае. Он воспитывался в Училище правоведения, а потом долго служил при оренбургском ген.-губ. Крыжановском. Всего более заботит Лукошкова то, что его предшественник Анастасьев, собрав по подписке 100 тыс. руб., выстроил огромное здание для женской гимназии, здание отстроено лишь вчерне, деньги израсходованы целиком, и теперь не хватает средств ни для окончания постройки, ни для его содержания. Государственного секретаря заставляют лезть по лесам строящегося здания, чтобы убедиться в истине сказанного и оказать в Петербурге надлежащую поддержку к благополучному исходу этого легкомысленно начатого предприятия.

Обед у губернатора в саду. С нами обедает управляющий государственными имуществами Лунинец, рассказывающий весьма интересные подробности о нравах животных. В 7 час. пешеходная прогулка по городу, осмотр церкви, построенной в память освобождения кре-

стьян, городской сад и в нем оркестр. В $9^1/_2$ час. садимся в вагон, ночь прекрасная, вид живописный. Проспал до утра.

21 [июня]. Пятница. Нахожу перемену пейзажа, сосновый лес и полное отсутствие жилищ. Проехав станции Европейскую, Уральскую и потом Азиатскую, мы очутились географически, по определению Гумбольда, в Азии, хотя официально продолжаем быть в Европе. Около 11 час. достигаем станции Кунево, откуда на лошадях и в довольно неудобных тарантасах отправляемся по Верхотурской дороге. Проехав 100 верст, приезжаем в $9^1/_2$ час. вечера в Верхотурье, которое издали обманывает колокольнями собора и монастыря; в действительности же, кроме этих двух зданий, почти никаких иных не оказывается.

22 [июня]. Суббота. Переночевав у купца Дробинина и испытав все неудобства духоты, шума и всяких насекомых, пускаемся в путь в $7^1/_2$ час. утра и после 12-часовой езды при ветре, дожде и стуже достигаем Богословска. Ауербах встречает меня на перевозе чрез Какву. Собравшаяся в Богословске перед домом толпа с выборными во главе подносит мне хлеб-соль; при этом читается длинный адрес, на который я отвечаю приблизительно так: «Благодарю Вас за хлеб-соль. Я очень счастлив, что мне удалось к Вам приехать. С Божьего помощью под державою государя, горячо любящего свой народ и усердно трудящегося на его пользу, при руководстве такого искусного и опытного, как Александра Андреевича[84а], хозяина мы устроим, я надеюсь, дела наши так, что будет хорошо и Вам и нам, и Богословск сделается не хуже никакого иноземного завода. Еще раз благодарю Вас».

Пообедав у Ауербаха, не без удовольствия ложусь в постель.

23 [июня]. Воскресенье. Обедня в роскошно построенном в прошлом столетии храме. Знакомство а) с Николаем Николаевичем Зубаревым, помощником Ауербаха по управлению округом, пожилой, состарившийся здесь инженер, по-видимому, почтенный по своим свойствам, но представитель рутины; б) с Петром Николаевичем Фигнером, начальником Богословского завода, молодой, бойкий делец, из числа набранных Ауербахом. После завтрака у Ауербаха осматриваем завод и рядом с ним строящееся бес[се]меровальное отделение. Постройка давнишняя и плохая, но дело идет весьма успешно, хотя цены на медь падают и значительно изменяют расчеты.

24 [июня]. Понедельник. Поездка за 12 верст в местность, называющуюся доселе Туринскими рудниками, хотя рудников более не существует, а население до сих пор достигает цифры 8 тыс. Роскошный храм, построенный в царствование императора Николая. Осмотр конторы, горной школы, механических мастерских. Завтрак у Зуба-

рева. Мастерские и контору предполагается при первой возможности перевести в Богословск для сосредоточения в одном месте управления.

25 [июня]. Вторник. Позавтракав несколько ранее обычного, отправляемся в двенадцатом часу на тройках осмотреть Волчанский золотой прииск. Дорога через лес весьма плохая. Достигаем прииска в 4 часа. Рабочие укладывают на небольшие вагоны сплошную черную землю, лежащую под верхним пластом земли; вагоны, запряженные лошадьми, по небольшим переносным рельсам доставляют свой груз за шагов 500, где груз сваливается в желоба, по коим течет быстрый поток воды. На дне же этих желобов сначала устроены крупные железные решетки, кои дальше заменяются деревянными перегородками, а под конец суконными полотнищами. Все это заставляет воду бурлить, размывать землю из комов в мелкий песок, а из этого песка выделять на дно частички золота. По окончании этой операции ежедневно все золото собирается в кучу; для легчайшего добывания к этой куче примешивается ртуть, которая вслед за тем испаривается на огне. Произведенною в день нашего посещения работою намыто из 37 тыс. пудов земли $2^1/_2$ фунта золота.

Пообедав и сделав, несмотря на преследования комаров, небольшую прогулку по лесу, ночуем в домике приискового смотрителя Николая Трофимова, саперного фельдфебеля николаевских времен, держащего в дисциплине пеструю и нередко сбродную массу рабочих.

26 [июня]. Среда. Напившись чаю в 8 час. утра, выезжаем с Волчанки и в коробках, запряженных тройками, доезжаем до Петропавловска, исходной точки деятельности Походяшина в прошлом столетии. Там стояли медный и чугунный заводы, но теперь плотина, скоплявшая нужные для деятельности этих заводов силы, разрушена, добыча металла прекращена, население беднеет, не имея заработков. При въезде сюда на высоком каменном утесе стоит роскошный по внешнему виду храм — повторение Богословского. Зайдя сначала в церковь, останавливаемся у купца, снабжающего население всеми товарами, на кои оно заявляет спрос. Отсюда идем пешком осмотреть заложенный в трех верстах шурф с хорошими признаками меди. Нас сопровождает толпа народа, несколько мужиков просят меня отменить распоряжение о сломке изгородей, в коих они устраивают западни для лосей, число коих заметно уменьшается. Стараюсь объяснить им, что охота и хищническое истребление — две разные вещи. Ауербах спускается в шурф и удостоверяется в надежности жилы. Пообедав роскошно, благодаря распорядительной талантливости Мариюса, садимся в $4^1/_2$ час. верхом на лошадей, предоставляя коробкам нас догнать. Такой способ передвижения оказывается гораздо более удобным. Дорога состоит из жердей, настланных по болоту; давнишняя настилка, изгнив, проваливается, а новейшая трясет весьма сильно. В десятом часу достигаем, не сходя с лошадей, ночлега на Волчанке. Ночь восхитительная, тепло, тихо, и мы вместо, чем ночевать здесь, решаемся продолжать дорогу, пересев в коробки. В Богословск приезжаем в $1^1/_2$ ночи.

27 [июня]. Четверг. Отдых. Писание писем. Прогулка в пароходе по пруду.

28 [июня]. Пятница. Едем по железной дороге до шахты, именуемой Рашетовскою в честь горного генерала этого имени. Спускаемся на 50-саженную глубину. Руда около 5%, порода очень твердая. Замечательный тип русского мужика штейгер Иван Алексеев Семенов, здешний старожила, оказавший большие услуги округу.

29 [июня]. Суббота. Осмотр больницы, расположенной на горе в полуверсте от Богословска в довольно старом здании. Доктор Михайлов, по-видимому, умный и прилежный труженик. Богадельня плоха до крайности, состоит из двух изб: одной — для мужчин, одной — для женщин. Последние просят об одной милости: ежедневном чаепитии. Детский приют — создание госпожи Ауербах, очень просто, умно, человеколюбиво.

30 [июня]. Воскресенье. В 12 верстах от Богословска стреляю молодых глухарей, которые еще очень малы. Вообще здесь все крайне отстало по сравнению с Петербургом, так, например, земляника только что цветет в лесу (на грядах, садовой, вовсе не существует). Оканчиваю чтением «Историю Петербурга» сочинение Петрова[85]. Мудрено писать хуже.

1 июля. Понедельник. Выезжаем из дому в 8 час. и, проехав десять верст в коробке, садимся на верховых, или, вернее, оседланных лошадей. Дорога почти непроездима, несмотря на последние жаркие дни, грязь глубокая; в некоторых местах не существует никакой дороги, а лишь вырубливаемый ныне же просек, по которому устанавливаются столбы для натянутия телефонной проволоки. Достигаем плотины в $11^1/_2$ час. Строит ее инженер-технолог Широких. Постройка, по отзыву инженера Коссу, производится отлично; вид местности превосходный, в отдалении тянутся цепью горы Уральского хребта, а от них идет сплошной старый лес, вплоть до Князьнинского озера, которое удвоится площадью после окончания производимых ныне работ и будет иметь $11^1/_2$ кв. верст с напором воды, могущей дать ежечасно Богословску нужную прибавку двигающей силы и притом не рискующей замерзнуть и тем приостановить действие завода. Осмотрев производящуюся работу, садимся в челноки и, проплыв

$3^1/_2$ версты по речке Туре и столько же по озеру, перебираемся на другой его берег, где нас ожидают свежие под седло лошади. Седла мы захватили в лодки, но уздечек нам позабыли положить, и вследствие того далее на шурф, где разыскивается медь, едет Ауербах один. Часа через два он возвращается весьма довольный виденным. Если дальнейшая работа обнаружит обширное залежание руды, то здесь может образоваться новый центр не только добычи, но и выработки меди. Садимся снова в челноки; на озере встречаем выводки микроскопических еще утят; пересаживаемся сначала на лошадей, потом в коробки и в 10 час. достигаем Богословска измученные передвижением, сильною жарою и невыносимыми комарами.

2 июля. Вторник. До завтрака занимаюсь ответами на полученные по почте известия. Почта приходит в Богословск по понедельникам и четвергам. Обсуждаем с Ауербахом удобство и выгоды вступления в сношение с меднодelательным заводом Кольчугина. Цены на медь, несмотря на новую пошлину, нисколько не подымаются. В 1 час едем по железной дороге осматривать рудник, именуемый Башмаковским. Сплошная руда в 12% толстою жилою от 2 до 5 сажен идет на пространстве, которое еще не дает признаков прекращения, хотя исследовано на 40 сажен в глубину и 60 в ширину. Порода так крепка, что никаких деревянных скреплений не требуется, и все эти пещеры, освещенные по случаю моего посещения, представляют какое-то фантастическое зрелище. С нами осматривают рудник шесть учеников Горного института, приехавшие сюда на лето для практических занятий. Обедают у меня инженер Кондратьев, заведующий рудниками в отсутствие начальника своего Шамарина, командированного в Америку, главный лесничий и заведующий механическими мастерскими.

3 июля. Среда. С раннего утра отправляюсь на найденные предварительно выводки глухарей, коих, однако, не оказывается. Возвращаюсь на Башмаковскую шахту, откуда направляюсь верхом на вновь открытые месторождения железной руды различных свойств на Ольховке. Разведками обнаружена уже площадь в версты четыре и среднепроцентное содержание около 60%. Под этим первым пластом обнаружен второй, который, однако, нельзя было исследовать за показавшейся водою. На границе железного месторождения найдена медная жила, как это встречается и на Тагиле и на Благодати.

4 [*июля*]. Четверг. В 7 час. утра выезжаем из Богословска на колесах. В 16 верстах на Каквинском зимовье садимся в челноки и спускаемся вниз по реке, которая хотя и не глубока, но течет весьма быстро. Берега реки чрезвычайно живописны: отвесные скалы значительной вышины (сажен до 50), и все это покрыто вековым лиственным и сосновым лесом. Гребец на моей лодке — старый крестьянин, рассказывает, что всю жизнь провел в занятии рыболовством по Какве, и указывает место, где, по словам его отца, в прежнее время добывали марганцевую руду. Останавливаемся и находим, действительно, следы копания, а инженер Фигнер поднимает несколько покрытых мхом камней, которые оказываются содержащими марганец. Проплыв до $10^1/_2$ час. и удивляясь мускульной силе наших гребцов, проработавших веслами непрестанно в течение 14 часов да еще перетаскивавших наши лодки в двух местах, где река загромождена лесом, достигаем Филькина и, поужинав отлично благодаря Мариюсу, ложимся спать в доме обывателя Трапезникова.

5 июля. Пятница. Филькино должно служить точкою отправления замышляемой нами железной дороги, которая направится к Усолью и, таким образом, соединит два бассейна рек европейских и сибирских. Ввиду этого предположения осматриваем местность при слиянии Каквы с Сосвою. Здесь совсем иной пейзаж, чем около Богословска; удаляясь от Урала, местность делается менее суровою, равно как и климат. Здесь хлеб дозревает чаще, чем в Богословске, а полевая земляника совершенно созрела, тогда как в Богословске о ней еще нет и помину. Из Филькина едем на Еловку чрез превосходные сосновые леса. На Еловке есть минеральный ключ, сохраняющий зимою и летом температуру 4, за время казенного управления устроено купальное заведение, конечно, весьма плохое. Мой спутник, доктор Мориц, признает воду содержащею серу, но в слабой мере. Позавтракав в Еловке, садимся верхом и едем на шурф, где разведывается хромовая руда. Дорога идет крайне живописно, в высоком сосновом бору. Хром оказывается не в столь богатом залежании, как первоначально предполагалось, тем не менее заслуживает разработки. Съездив в глубину леса на 7 верст, возвращаемся на большую дорогу, делаем 25 верст в тележках и очень рады добраться до вагона, хотя и сделанного богословскими мастеровыми без всякого притязания на комфорт. В 6 час., порядочно устав, приезжаем домой.

6 июля. Суббота. Остаюсь покойно в Богословске. Разбираю дела о поземельных участках, неправильно захваченных из владения раздачею от горного начальства, продажею от лиц, не имевших на то никакого права и т. п. Читаю летопись Пермского края, составленную Шишонко[86].

7 [*июля*]. Воскресенье. Обедня в здешнем соборе. Праздник для рабочих, устроенный в саду при больнице. Планы Ауербаха в будущем: добывание серной кислоты, соды и т. д. В итоге — подземное

богатство, находящееся в изобилии, но для того, чтобы им воспользоваться, нужны еще весьма значительные затраты. Обед у Ауербаха со служащими и их женами.

8 [июля]. Понедельник. Завтрак у Ауербаха. Отъезд. Жара нестерпимая, комары, тряска в тарантасах. Продолжаем езду ночью.

9 [июля]. Вторник. Не останавливаясь в Верхотурске, доезжаем к трем часам до Верхнетуринского завода. Управляющий Деве принимает нас весьма любезно, показывает завод, угощает весьма плохим обедом, но дает возможность выспаться. На заводе делаются исключительно бомбы, отправляемые на западную границу.

10 [июля]. Среда. Напившись чаю у Деве и сделав прогулку около Верхнетуринского пруда, переезжаем в дрожках за 10 верст в Кушву. Здесь начальник завода Андреевский ведет нас показать нам гору Благодати, которая оказывается гораздо более истощенною и менее обещающею в будущем, чем обыкновенно полагают. Начальник Андреевский, очевидно, мало занимается, а горячо распоряжается всецело молодой инженер Крупский. Несмотря на удушливую жару, взбираюсь на самый верх горы, где поставлен памятник Вогулу, будто бы указавшему русским это богатство в 1730 г. и за то сожженному единоплеменниками. Обед у Андреевского. Осмотр приюта и в 7 час. вагон.

11 [июля]. Четверг. Проспав ночь отлично, в 9 час. достигаю Перми. Скучные проводы официальных должностных лиц и, между прочим, какого-то члена харьковской судебной палаты, который по поручению министра юстиции Набокова ревизирует пермских мировых судей, для того чтобы собрать материал, могущий служить доказательством, что председатели съезда мировых судей должны быть назначаемы правительством из чиновников. Господин этот крайне удивлен тем, что я отнюдь не разделяю мнения Набокова. Отплываем на пароходе братьев Каменских. К вечеру воздух немного прохладнее, по обеим сторонам Камы косят сено. На палубе парохода наслаждаешься запахом сена и распаленного солнечными лучами соснового бора.

12 [июля]. Пятница. Продолжая плаванье вниз по Каме, прочитываю «Бесы» Достоевского.

13 [июля]. Суббота. Выйдя из Камы в Волгу, встречаем между Богородском и Казанью пароход общества пароходства по Волге «Императрица», который, остановясь любезно, принимает нас и везет по Волге.

14 [июля]. Воскресенье — в Самару, пред которой останавливаемся в 6 час. утра, и в Сызрань, коей достигаем в 2 часа. Жара нестерпимая, пыль. По счастию, нахожу здесь присланный из Петербурга вагон и множество писем. Выезжаем в 10 час. вечера и в 3 час. утра.

15 [июля]. Понедельник. Останавливаемся на станции Сюзюм, откуда в коляске доезжаем до с. Никольская Пестровка к дочери моей, Оболенской.

16 [июля]. Вторник.

17 [июля]. Среда. Тихая жизнь в довольно глухой деревне. Хороший тип карьериста-прокурора г. Ангерский.

18 [июля]. Четверг. Выезжаем из Никольского вместе с Оболенским в $3^1/_2$ часа. Посредине дороги застает гроза с сильным дождем, и мы около 11 час. в полной темноте и по весьма плохой дороге достигаем железной дороги.

19 [июля]. Пятница. Сильнейшая жара. Проезжаем мимо Пензы, а в 4 часа останавливаемся в Моршанске, где депутация от городского общества подносит мне хлеб-соль с приветствием и воспоминанием хлопот моих там в 1875 г.; в $5^1/_2$ час. приезжаю в Кулики среди проливного дождя, благодетельного для довольно обширных картофельных плантаций.

20 [июля]. Суббота. Поездка с Воронцовым-Вельяминовым на хутор Веселый (эконом Суховой). Урожай ржи отличный. В 6 час. приезжает Оболенский. Обедаем с семейством Воронцова, а после обеда катаемся и доезжаем до соседней мызы Безобразова — Ракша. Восхитительная южная ночь.

21 [июля]. Воскресенье. Обедня. Замечательно сравнительно с Пермскою губерниею присутствие в церкви множества мужчин, а не исключительно женщин. Осмотр винокуренного завода, рассчитанного устройством так, чтобы продавать в более выгодной форме спирт — произведение Куликов.

22 [июля]. Понедельник. Осмотр хмельника. Охота на пруду близ завода. Посещение школы, требующей постройки нового здания, поездка на торфяные болота, представляющие дешевое топливо в обезлесенной местности. В 6 час. уезжаю и в $10^1/_2$ достигаю Ряжска, откуда в экипаже, высланном Всеволожскими, приезжаю к ним в деревню Алешню.

23 [июля]. Вторник. Здесь оказывается многочисленная компания родственников и во главе их мало привлекательная кн. Ольга Волконская с очень милою дочерью-невестою, просватанною за Давыдова. Сад при доме очень удачно разбит; много старых деревьев. Дом не очень велик, но при нем два больших флигеля для гостей. Все отзывается давно отжившим временем миновавшего барства, уничтожившего-

гося, но уничтожением своим никого не обогатившего. Уезжаю в $9^1/_2$ час. и в 11 сажусь на поезд в Ряжске.

24 [июля]. Среда. Приехав в Москву в 10 час., поставлен в необходимость ждать вечернего поезда, отходящего лишь в 8 час. Решаюсь остаться в вагоне писать письма и читать. Встречаю на станции кн. Долгорукого и гр. Бенкендорфа. Оба отправляются в моршанские имения и сообщают мне кой-какие сплетни из Петербурга, в особенности об обвинениях, взводимых на Дурново в том, будто бы он под предлогом устройства дел кн. Волконского их окончательно запутал, давая, правда, свои деньги когда то было нужно, но под весьма большие проценты. Кто тут прав, кто виноват — ничего не разберешь. По совету Долгорукова осматриваю коллекцию фарфора (на Сивцевом Вражке, дом Лухманова), но признаю ее не заслуживающею внимания.

25 [июля]. Четверг. В 9 час. приезжаю в Петербург и, кажется, в первый раз в жизни не нахожу никаких крупных неприятностей, за мое отсутствие последовавших. Государя в Петербурге не застаю; он путешествует по Финляндии. Обедаю и провожу время в Красном Селе у вел. кн. Владимира, который очень усердно занимается своим военным делом.

[16 октября]. Пробыв несколько дней в Петербурге, уезжаю за границу. Останавливаюсь на один день в Раптях, где Саша трудолюбиво готовится к экзаменам для поступления в Училище правоведения. Чрез Берлин и Франкфурт достигаю Баден-Бадена, где провожу три дня со старинным своим приятелем бар. Плессеном. Из Бадена едем вместе с ним в Мюльгаузен, где осматриваем жилища рабочих, а оттуда проезжаем в Париж. Город по обыкновению в августе месяце довольно пуст, но приятен по доступности всякого рода и серьезных и пустых препровождений времени. 1 сентября нового стиля переезжаю в Амстердам, где мощный Мецгер занимается устройством моего желудка. Лечащихся у него множество, и, ограничив свою лечебницу числом пятидесяти, он заставляет вновь приезжающих дожидаться очереди; в таком неприятном положении оказываются кн. Барятинская, рожденная Орлова, и кн. Имеретинский. Кроме этих двух лиц, в Амстель-отеле живут князь и княгиня Рейсс, с которыми и провожу вечера. Утром же ко мне ежедневно приходят завтракать Боголюбов, занимающийся рисованием прекрасных эскизов с голландских пейзажей, и Николай Абаза, поселившийся в Зандфорде и продолжающий, несмотря на ужасную осеннюю погоду, ежедневно купаться в море.

Он человек весьма недюжинный, погубивший свое здоровье исполнением человечески-служебного долга на Кавказе, где в качестве гос-

питального доктора схватил кровавый понос, в Тамбове, где по обязанности вице-губернатора боролся с холерою и чуть от нее не умер, на Балканском полуострове, где, будучи в последнюю войну представителем Красного Креста, чуть не умер от тифа. Такие люди редки.

Пробыв в Амстердаме три недели, возвращаюсь в Париж, где вместе с женою проводим еще три недели в отвратительной гостинице «Hotel du Rhin». Почти каждый день начинаем с того, что катаемся верхом в Булонском лесу. Позавтракав в $12^1/_2$, принимаем всякого рода лавочников, так как покупаем весьма много предметов для музея нашего Рисовального училища. В 2 часа отправляемся или смотреть эстампы французской школы в публичной библиотеке, или осматриваем какой-нибудь музей, или, наконец, занимаемся покупкою вещей для музея. Перед обедом захожу в jockey-club, а вечером изредка посещаем весьма плохие, впрочем, театры. Несколько раз охочусь в Rambouillet, а также у Оконора. Два раза пользуюсь гостеприимным приглашением герцога Омальского в Шантильи. Одновременно со мной находится в Париже вел. кн. Алексей Александрович, проживающий в отеле «Continental» с Зиною Богарне и ее пьяным мужем Евгением Лейхтенбергским, вел. кн. Николай Михайлович, который ведет себя очень умно, осматривает то, что надлежит видеть, кстати и вовремя говорит французам комплименты и приобретает среди них значительную популярность. Алексей Александрович по поручению государя ездил в Eu на свадьбу дочери герцога Шартрского с принцем Датским. Получив от вел. кн. Михаила Николаевича уведомление, что он приедет в Петербург в пятницу 18 октября*, мы немедленно отправляемся в Петербург и, пробыв трое суток в вагоне, возвращаемся домой в четверг 17-го* в 6 час. вечера.

17 [октября]. Четверг. Вечером в день приезда продолжительные разговоры с Ауербахом и Стефаницем. Цены на медь все падают, хлеб не продается, фабрики начинают работать несколько лучше.

Прежде чем возобновить дневник петербургского своего существования, считаю необходимым упомянуть о замечательном приключении, которого я сделался жертвою в Париже. При отъезде из Парижа осенью 1884 г. я получил от барона Сельера, главы банкирского дома, обещание заплатить мне довольно крупную сумму, проигранную в вист. Сельер сам назначил [день] уплаты 5 ноября. Не получая ни уплаты, ни какого бы то ни было уведомления, я согласился на предложение секретаря французского посольства Терно о том, чтобы чрез третье лицо напомнить Сельеру о его долге. Терно имел неосторож-

* *В подлиннике ошибочно:* 17 октября *и* 16-го.

24·

ность написать об этом письмо г. Демати, участнику в торговом доме Сельера. Утверждая, что это письмо нанесло значительный ущерб его коммерческому кредиту, Сельер просил меня дать ему 3 млн. на поправление его дел, а когда с моей стороны последовал отказ, то Сельер прислал мне своих секундантов, но главный из них, Касаньяк, нашел, что для дуэли нет основания. Так как это было на самом кануне моего отъезда, то я просил маркизов Дюло и Бретейля, а также Оконора остаться моими представителями и, уезжая в Россию, оставил им троим письменное повествование о мошеннических проделках Сельера и его сподвижников, как г. Ипсиланти (греческий посланник в Вене) и гр. Тустен (неоплатный должник Сельера).

18 [октября]. Пятница. Не еду в Гатчину, потому что государь на охоте в Ропше. В 9 час. вечера еду на станцию в мундире встречать вел. князя. Нахожу там Посьета, Дурново — товарища министра внутренних дел, несколько военных. Вел. князь по обыкновению очень доволен, что есть встреча. Дурново сообщает мне, что гр. Толстой вернулся к занятиям, совершенно выздоровел, получил от государя очень любезную записку с приглашением приехать в Гатчину во вторник.

О нигилистах Дурново утверждает, что они разорганизованы, доведены до крайних финансовых затруднений вследствие ослабевающего к ним сочувствия молодежи[87], но именно вследствие такого положения они чувствуют необходимость сделать что бы то ни было, чтобы не дать забыть о своем существовании, а потому следует ожидать какой-нибудь безумной выходки.

19 [октября]. Суббота. По приглашению вел. кн. Михаила Николаевича еду к нему в 12 час. Он заставляет меня прождать полчаса, потому что слушает рассказ начальника штаба гвардейского корпуса о какой-то неприятной истории в Конногренадерском полку, которого вел. князь состоит шефом, провожу это время у вел. княгини, которая покамест со мною очень любезна. Разговор всего больше о ее семействе. Старший сын, Николай, в Париже; пишет оттуда, что гр. Парижский хотел бы выдать за него свою дочь принцессу Амелию. Вел. кн. Михаил Николаевич восклицает, что его отец Николай Павлович перевернется в могиле, если его внук женится на внучке Людовика-Филиппа и притом католичке. Вел. княгиня остроумно замечает, что он, вероятно, так часто переворачивался в гробе, что лишний раз не имеет никакого значения. Вел. княгиня читает мне письмо от вел. кн. Николая Михайловича, в коем он выражает готовность жениться на ком родители прикажут. Этот сын — любимец матери. Еще любимец Александр Михайлович, милейший юноша, только что получивший чин мичмана. Вел. княгиня сокрушается, что ему придется отправиться на два года в кругосветное плавание. После завтрака иду разговаривать с вел. князем и выслушивать его сетования на то, что Дондуков позорит представительство русской власти на Кавказе.

20 [октября]. Воскресенье. Охота со Швейницем в Коломягах. Швейниц весьма опасается последствий теперешнего положения на Балканском полуострове. Опасность, по его мнению, главным образом заключается в том, что около 300 тыс. дикарей стоят друг против друга в полном вооружении[88]; малейшая стычка может повлечь за собой значительную резню. Восхищаясь образом действий нашего правительства, Швейниц жалуется на английскую королеву, которая вследствие личных и родственных отношений горячо поддерживает болгарского князя.

21 [октября]. Понедельник. Вследствие спуска в этот день корабля заседание Государственного совета открывается в 2 часа и по обыкновению продолжается лишь несколько минут. Вел. кн. Владимир Александрович хвалится мне тем, что высидел 8 двухчасовых сеансов для Крамского, пишущего портрет, мне назначенный.

Вечером у гр. Толстого. Разговор о делах, кои он намерен нести в Совет: крестьянские разделы, наем рабочих, чиншевики, контрпроект преобразования местного управления. О своем здоровье Толстой утверждает, что вследствие нервного расстройства у него сделалось неправильное сердцебиение, отразившееся на всем организме, но что ныне все прошло и он здоровехонек.

23 [октября]. Среда. Едем в Нарву с дочерьми и Ауербахом. Там нас ожидают Краузольд, Раштет, Яковенко.

24 [октября]. Четверг. Заупокойная обедня. Завтрак с директорами фабрик. Возвращаемся в Петербург в 10 час.

25 [октября]. Пятница. Еду в Гатчину. По 10-часовому поезду. Со мною в вагоне был Николаи, вызванный императрицею для разговоров и переговоров о преобразовании опекунских советов, непривлекательный Нессельрод, едущий благодарить за ленту, и наводящий унылость Танеев. По обыкновению останавливаюсь в квартире Черевина, который только что встал с постели и начинает день рюмкой водки. Прежде чем идти к императору, иду явиться императрице; ей представляет приезжих об.-гофмаршал кн. Трубецкой. Императрица принимает в своих комнатах внизу, стоя среди гостиной, на ней коричневое одноцветное платье. Я выражаю ей то чувство удовольствия, которое испытывал, путешествуя по Европе, ввиду совершенно изменившегося положения нашего в сношениях с другими державами после благополучного окончания афганского вопроса, окончания, при-

писываемого исключительно твердости самого государя. Императрица выражает удовольствие, что человек, так много и добросовестно трудящийся, как государь, получает хоть какую-нибудь награду тем, что ему отдают справедливость. Потом разговор касается вел. кн. Николая Михайловича и его поведения в Париже. Императрица с негодованием рассказывает, что вел. кн. Михаил Николаевич и Ольга Федоровна хвастаются тем, будто бы гр. Парижский с дочерью гоняются за Николаем Михайловичем. В особенности она осуждает подобные речи со стороны молодого человека относительно девушки.

У государя в приемной множество представляющихся. Государь принимает сначала военных, а потом гражданских, тех и других толпою в одной комнате. В числе гражданских является Катков. То, что его принимают не в отдельной аудиенции, а вместе с другими, очень изумляет товарища министра народного просвещения Волконского. Я получаю приказание войти в кабинет государя после окончания общего приема. Разговор начинается с того же комплимента относительно успешного окончания афганского столкновения. *Государь:* «Да, слава богу, удалось успешно окончить это дело. Уж слишком нахальны были англичане; впрочем, теперь они опять стараются произвести смуту. Им хочется во что бы то ни стало расстроить Союз трех императоров. Я имел вчера очень неудовлетворительные известия из Вены и из Константинополя»[89].

Я: «Не думаю, чтобы это им удалось, но нет сомнения, что Бисмарк сделал ошибку, вступив на новое поприще колониальной политики[90], в сфере коей для него представляется необходимым ухаживать за наиболее сильною морскою державою и делать ей уступки». *Государь:* «Но колониальная политика, в коей мы не нуждаемся, представляется необходимостью для Германии».

О делах мы говорим мало; упоминаю о предположениях гр. Толстого. Спрашиваю, понесет ли он в Совет что-либо из кахановских проектов. Государь отвечает, что Толстой обещал на будущей неделе представить государю свои соображения, но что весьма сомнительно, чтобы в течение зимы эти соображения могли достигнуть Государственного совета.

В заключение повторяется разрешение писать и представлять словесно о всем, что признаю нужным. Я выражаю мысль о необходимости заранее направлять дела, чего не делается председателем и что поэтому приводит к неприятным неожиданностям.

Завтракаю у Трубецкого с Нессельродом и Николаи.

26 [октября]. Суббота. Еду к председателю, который, забыв о существовании Государственного совета и государственного секретаря,

уехал на охоту. Вечером концерт Ван Зандт в Дворянском собрании, сопровождаю Анну.

27 [октября]. Воскресенье. Еду в Царское Село. Захожу в фотографический павильон, где Крамской оканчивает превосходный портрет вел. кн. Владимира Александровича. Сделав большую прогулку по парку, иду завтракать к вел. князю, который возвращается от обедни с вел. кн. Марией Павловною и тремя сыновьями. После завтрака разговариваем втроем, и я стараюсь по обыкновению высказать несколько полезных для хозяев истин, не оскорбляя их самолюбия. Посидев у А.М. Скалон, возвращаюсь в Петербург. Застаю у жены Грейга, желающего ехать в заграничный отпуск для здоровья дочери, Шувалова, Грота, Левашова и пр.

28 [октября]. Понедельник. В 11 час. у вел. кн. Михаила Николаевича. При невозможности в течение целого часа говорить о делах Государственного совета, которые не особенно интересуют председателя, разговор касается всякого рода городских новостей и сплетен. Вел. князь весьма обижен тем, что государь вовсе не говорит с ним о Кавказе. Очень доволен тем, что его сын Михаил, будучи вчера дежурным в Гатчине, был приглашен к обеду их величеств. Кроме того, обедали еще супруги Шереметевы, которые отдали внаймы свой дом, расстроив свое состояние, почему и живут теперь на деньги, отпускаемые государем. Заседание Государственного совета опять продолжается несколько минут. После заседания обсуждаю со своими ст.-секретарями новую редакцию учреждения Государственного совета, изготовленную Фришем и направленную к тому, чтобы по возможности возвысить положение Кодификационного отдела.

29 [октября]. Вторник. В первом часу заходит ко мне Победоносцев, проповедующий, что в целом свете существует лишь одно место летнего отдохновения — Зальцбург. Почти одновременно с Победоносцевым приезжает Катков. Не желая говорить с ним о делах, предлагаю ему осмотреть наше Рисовальное училище, везу его туда, показываю ему все в величайших подробностях.

Он благодарит за оказанную любезность, понимает значение художественно-промышленного образования, и мы расстаемся друзьями по наружному виду.

Визит бедному Ребиндеру, который очень близок к могиле.

Вечер у Нелидовой.

30 [октября]. Среда. Мужественно совершая утреннюю пешеходную прогулку, захожу к Влангали, который очень опасается балканских событий, в особенности свержения Милана, которое повлекло бы за собою значительное политическое усложнение[91]. Отдаю многочис-

ленные визиты, что составляет одну из главных тягостей петербургской жизни.

Вечер в Александрийском театре, в ложе Всеволожского. Суть комедии преплоха, но разыграна хорошо.

31 [октября]. Четверг. Прогулка с приехавшим из заграничного путешествия Флекелем. Развитие в Богословске химических производств: серная кислота, сода, белильная известь, хром. Ничего нельзя делать, не имея дороги. Заседание Департамента экономии о бюджете Министерства юстиции; Набоков растерян. Государь его вчера не принял, приказал прислать бумаги, а на вопрос, когда он может явиться лично, ничего не отвечал. Визит Крамскому. Портрет младшего моего сына превосходен, старшего хорош, жены моей сносен, мой отвратителен[92].

1 [ноября]. Пятница. Разговор, с Нобелем-сыном о ходе их предприятия, о том, что русский керосин начинает продаваться в Англии. Каханов приходит благодарить за то, что ему назначено 3 тыс. добавочного жалованья. Визиты Титову, Грейгу, Валуеву, который погружен в богословские брошюры. Советую ему лучше заняться приведением в порядок бумаг и переписки.

2 [ноября]. Суббота. Второй разговор с Флекелем о химических производствах. Продолжительное заседание соединенных Департаментов. Во время заседания приезжает Обручев из Гатчины, где имел доклад за болезнью Ванновского. Уговариваемся с Абазою и Бунге о том, чтобы на следующий день иметь совещание относительно положения России вследствие начавшейся между Сербиею и Болгариею войны[93].

Вел. кн. Владимир Александрович приходит и весьма долго толкует о современных внешних и внутренних происшествиях; очень сожалеет, что ему не удалось нынешнею осенью быть во Франции. Обедают братья Бобринские, Шувалов, Абаза. Владимир Бобринский приехал хлопотать о поддержке сахарозаводчикам, которые находятся в весьма затруднительном положении вследствие чрезмерного производства[94]. Он весьма доволен приемом, оказанным ему Островским, Сольским, Бунге.

3 [ноября]. Воскресенье. Прогулка с Сашею. Разговор о его школьных и личных делах. Внучка, Катя Бобринская, — милый ребенок, приезжает ко мне. Еще милое дитя, младший сын вел. кн. Михаила Николаевича Алексей, приезжает к Питу. Держат его дома весьма строго, уединенно, а мальчик по своей природе требует общительности и вообще духовной пищи. Покуда пишу возобновившуюся еженедельную меморию, заходит Валуев, встревоженный Сербиею и желающий узнать что-нибудь от меня. Отвечаю, что я покоен, покуда император Вильгельм здоров.

4 [ноября]. Понедельник. В 11 час. у вел. князя. Он доволен тем, что был приглашен государем на охоту. В разговоре сказал государю: «Я пять лет тому назад вернулся с Кавказа, но за это время ни один министр не говорил со мною ни об одном до Кавказа касающемся деле». На это государь отвечал: «Вероятно, это потому, что ты сидишь в Комитете министров, куда все эти дела поступают».

Вел. княгиня передает, что в последнюю бытность в Гатчине императрица сообщила, что вел. князь Алексей просил у государя позволения опоздать еще на две недели возвращением из отпуска, потому что его дом еще не готов. На это Ольга Федоровна отвечала: «А мне Евгения Максимилиановна сказала, что дом ее брата Евгения также не будет готов ранее двух недель, так оно и кстати». — «Какая ты злая», — отвечала императрица; и вел. князь и вел. княгиня негодуют на бесцеремонное обращение в Гатчине В. Шереметева[95].

В Совете кратчайшее заседание. Набоков разговаривает со мною, как будто намерен оставаться министром еще 10 лет, а тотчас после заседания узнаю, что указ о назначении на его место Манасеина уже подписан. Назначение это я нахожу вполне удовлетворительным. Прежде всего Манасеин специалист своего дела, воспитанник Училища правоведения, постоянно служивший по судебному ведомству и, в частности, в прокурорском надзоре. Он человек очень умный, способный. Один существенный его недостаток — раздражительность, желчность.

5 [ноября]. Вторник. Краузольд предлагает купить суконную фабрику Вермана в Риге. Эта фабрика опасный для Нарвы конкурент, а с другой стороны, директора Нарвской фабрики Пельцеры могут овладеть Верманской фабрикой и, перейдя туда, сделаться опаснейшими конкурентами и вместе с тем лишить нас своего труда, весьма существенного для успеха дела. Разговор с Нобелем относительно увеличения вывоза за границу керосина и, в частности, приобретения рынка в Англии. Обед у стариков Бобринских в честь Владимира. Обедают: Абаза, Валуев, окончательно потухающий, Головнин, с весьма узким и поверхностным миросозерцанием, Влангали, ограничивающийся шуточками, Грот, замечательно глупый. Абаза рассказывает, что накануне обедал у вел. кн. Михаила Николаевича и там узнал от Гирса об увольнении Набокова. В этот день в гатчинской приемной видели, как Островский, докладывающий государю по обязанности министра государственных имуществ, выходя из кабинета государя, перекрестился и угрюмо сказал: «Слава богу, наконец мы отделались от Набокова». Рассказывая это, Гирс при-

бавил: «Таково положение всех нас; не знаю, вернувшись домой, не найду ли и я своей отставки».

Абаза видел Набокова, который рассказал ему, что он в понедельник вечером получил от государя письмо приблизительно такого содержания: «Любезный Дмитрий Николаевич. Вы знаете мое давнишнее желание изменить к лучшему нынешние порядки судопроизводства, желание это, к сожалению, доселе не исполняется, и потому я поставлен в необходимость назначить другого министра юстиции. Это для меня тем тяжелее, что Вы назначены были дорогим моим отцом. Надеюсь, что это не изменит наших личных отношений. Искренно Вам благодарный Александр». Получив это письмо, Набоков написал государю письмо, выражавшее сожаление, что он не успел окончить всего им начатого для изменения к лучшему судебных порядков, и оканчивавшееся просьбою об отставке.

6 [*ноября*]. Среда. Объяснение с Аракиным по делу об общественном вознаграждении. Обед у Абазы с братьями Бобринскими. Абаза везет завтра государю в Гатчину журнал совещания о чрезвычайных мерах по случаю балканских событий[96]; все подлежащие министры ввиду экономического, политического, военного, финансового положения России считают желательным по возможности отдалить окончательную развязку восточного вопроса. Теперь решено отпустить 8 млн. на постройку судов в Черном море.

7 [*ноября*]. Четверг. Осматриваем оканчиваемый Месмахером дворец для вел. кн. Алексея Александровича (бывший дом Сабурова). Единства никакого, отдельные части хороши, сад приятен своею обширностью, вещей, сколько-нибудь сносных, почти нет. В 2 часа иду в Мариинский дворец, где должен выслушать доклад чиновника Кобылинского, но он был приглашен Манасеиным к участию в попойке по случаю назначения Манасеина министром юстиции (!)... и потому не в состоянии докладывать. В 4 часа ко мне приезжает Манасеин просить о немедленном перечислении к нему Кобылинского. На вопрос мой о том, как последовало его назначение, Манасеин рассказывает, что в субботу получил от Победоносцева записку, извещавшую о том, что государь примет его в Гатчине в понедельник. На этом приеме государь ему объявил, что давно желал изменений к лучшему в судебной части, что Набоков в этом отношении действовал не довольно быстро, и потому государь счел себя вынужденным назначить другого министра юстиции, что при этом имелись в виду многие кандидаты и выбор остановился на Манасеине, как человеке, который по твердости своей воли в состоянии идти не останавливаясь по указанному ему пути, что, впрочем, торопиться особенно не следует и что

по выработке своих предположений он, Манасеин, должен доложить о них государю.

Манасеин отвечал, что он рад служить, но что здоровье его таково, что он с трудом будет исполнять эти трудные обязанности. Государь благодарил его за принятие поста.

Вечером у Абазы, который чрезвычайно доволен оказанным ему приемом. Государь изложил ему в подробности свой взгляд на иностранную политику и предположения о том, что делать при наступлении той или другой случайности.

Мордвинов сообщает, что Рихтерову записку о возведении его Канцелярии прошений в целое министерство велено рассмотреть в Особом совещании из Толстого, Победоносцева, Островского и Гольтгойера.

8 [*ноября*]. Пятница. Надеваю мундир и отправляюсь с поздравлениями к имениннику, вел. кн. Михаилу Николаевичу. Он будто бы не принимает, но, в действительности, его приемная набита военными и гражданскими облаченными в мундиры поздравителями.

Вел. князь передает, что у него был Набоков, спрашивающий совета, должен ли он являться государю, потому что при увольнении Адлерберга государь приказал ему приехать лишь несколько времени спустя. В 1 час осматриваю интересную выставку фресок и мозаик, найденных Праховым в Киеве[97], а также его проект внутренней отделки строящегося в Киеве собора Св. Владимира. Рисунки Васнецова очень хороши[98]. В 4 часа заезжаю к Гольтгойеру расспросить о записке Рихтера. Оказывается, что Рихтер поднес государю записку, в которой предлагает назвать его канцелярию собственною его величества, дать ему права министра с правом присутствования в Совете и Комитете, просит, чтобы в той канцелярии было предоставлено принимать жалобы на все высшие учреждения без изъятия и всецело предоставлено рассматривать просьбы о помиловании. Для рассмотрения записки назначено совещание под председательством Толстого из Победоносцева, Островского и Гольтгойера.

9 [*ноября*]. Суббота. Получаю от Победоносцева записку: «Очень интересна вторая статья Шерера о Гримме в последней книжке «Revue des deux mondes»[99].

Отвечаю немедленно: «Занимаясь Фальконетом, я прочитал всю переписку Гримма и Дидеро и, признаюсь, нахожу, что Шерер схватил лишь весьма узкую, так сказать индивидуальную, сторону этих многочисленных, поныне весьма интересных томов. Что касается до личности Гримма, то напечатанная в одном из наших томов автобиографическая записка дает о личности Гримма гораздо более полное

понятие[100]. Это один из тех расчетливых искателей счастия, которые умеют эксплуатировать модные течения. В наш век он был бы адвокатом или железнодорожником, в середине XVIII в. он был bel esprit* на содержании у иностранных принцев. Изданная нынче летом книга «Gustave et la société de Paris» дает интересные сведения об этих отчасти умственных, а гораздо более денежных отношениях. Эти модные экзерциции должны были привести и, действительно, привели к весьма плачевному концу, как все напускное, не связанное с жизнью в настоящем ее смысле, жизнью, в которой сердце, мозг и желудок играют принадлежащие им роли. Лозунгом этих людей было отрицание, разрушение, хотя в изысканной форме. Императрица Екатерина II понимала это и держала этих людей на золотых шнурках, подобно тому как римские вельможи держали при себе для увеселения говорунов; серьезного влияния на ее государственную деятельность они никогда не имели — вот чего французские писатели еще не понимают или в чем не хотят сознаться».

В 11 час. еду к вел. кн. Михаилу Николаевичу. Разговор приблизительно такой. *Вел. князь:* «Вчера за завтраком в Аничковом я разговаривал с Рихтером. Он мне сказал, что собирается ехать лечиться к Мецгеру, но не прежде, как проведя чрез Государственный совет свой проект преобразования Канцелярии прошений. Я спросил его, в каком положении это дело, и он отвечал мне, что записка его дана для обсуждения совершенно частным образом Толстому, Победоносцеву и Островскому». «Alors j'ai laissé tomber la conversation»**, — прибавил вел. князь с таким выражением, как будто он в этом случае употребил достойный Талейрана дипломатический маневр. Я молчу. *Вел. князь:* «Что Вы об этом думаете?» *Я:* «Я думаю, Ваше высочество, что вопрос этот полтора года тому назад решен в Государственном совете. При обсуждении вопроса Островский заявил отдельное мнение; теперь тот же Островский в этом совещании заявит мнения, кои будут приняты другими и, разумеется, высочайше одобрены. Что же после этого значит высочайшее утвержденное мнение Государственного совета? Когда я был назначен три года тому назад государственным секретарем, то хлопотал, чтобы судебные дела не загромождали более Совета, добившись этого, я мог достигнуть значительного результата. Совет, освобожденный от этого судебного хлама, мог рассмотреть множество законопроектов, и притом с чрезвычайной тщательностью. Теперь хотят, с одной стороны, навалить на Совет опять

---

* Остряком.

** «Тогда я прекратил разговор».

судебные дела, с другой, установить перерешение его мнений по усмотрению Рихтера». *Вел. князь:* «Да, это дело очень щекотливое. Вы бы съездили переговорить с Толстым». *Я:* «Я не вправе говорить о деле, которое мне официально не известно. К тому же Толстому решительно все равно, как дело будет решено. Этим поручением ему хотят только оказать любезность, после того как Манасеин был назначен без его ведома и почти наперекор ему».

После того мы разговаривали об охоте.

В Государственном совете незначительные дела. Вечером у меня вист — Абаза, Швейниц, Нессельрод, Мордвинов.

10 [ноября]. Воскресенье. Захожу к Краузольду поговорить о фабричных делах. Встречаю у Влангали рижского губернатора Зиновьева, артиллерийского генерала, который удивлен тем, что в Петербурге травят немцев, когда у этих самых балтийских немцев и порядку во всем больше, чем у нас, и преданность русскому правительству всегда была и есть примерная. Завтрак у Гагариных.

В 1 час заседание Финансового комитета у Рейтерна. Бунге предлагает прекратить погашение ежегодно 50 млн. и на все остающиеся непогашенными 330 млн. выпустить ренты, кои банк может реализовать по своему усмотрению. Рейтерн предлагает ограничиться применением подобной меры единственно к платежу 1 января 1886 г., не провозглашая, что правительство торжественно отказывается от данного 1 января 1881 г. обещания. Все дело, в сущности, ведет Абаза, и в его словах я чувствую, что он желает устроить дело так, чтобы налицо было золото в том случае, если весною вспыхнет война, а следовательно, в последнее его свиданье с государем в Гатчине была затронута возможность или даже вероятность такой войны. Бунге по обыкновению отступает от всех первоначальных своих предположений, и в конце концов принимается единогласно предложение Рейтерна, заключающееся в том, чтобы не возвещать никаких изменений, а 1 января опять передать Государственному банку на 50 млн. 5-процентной ренты[101].

Перед обедом заходит ко мне Гирс, который встревожен оборотом дел на Балканском полуострове. Он говорит, что противился, сколько мог, снятию с болгарского князя русского мундира[102], и находит, что положение нашего правительства окажется весьма щекотливым, если этот разжалованный нами принц вернется триумфатором с войны.

11 ноября. Понедельник. Каждый день убеждаюсь, что с вел. князем разговаривать о делах решительно не стоит; он к ним решительно равнодушен, когда ими не затрагивается его личная важность. В

Государственном совете Победоносцев говорит длинную речь по поводу представления Фриша о кодификационных изменениях, вызываемых уничтожением смирительных домов[103]. Победоносцев доказывает, что этим представлением уничтожается право родителей подвергать заключению непокорных детей. Все собрание соглашается с Победоносцевым.

Обедает Всеволожский. Разговор о свадьбе С. Волконской с Давыдовым. Более чем странное поведение родителей, и в особенности матери. Посылаю государю меморию и приписываю объяснение относительно того, как теперь выдается жалованье членам Государственного совета, уезжающим в отпуск, т. е. сохраняется согласно закону в течение двух месяцев, а после того может быть сохраняемо лишь в случае письменной просьбы, которая повергается на высочайшее усмотрение. Мои предшественники сохраняли жалованье полностью всякому увольнявшемуся в отпуск лицу, делая себе таким порядком друзей на казенные деньги. Мое объяснение государю вызвано его замечанием на докладе об отпуске Новикова.

12 [ноября]. Вторник. Продолжительное объяснение с Ауербахом о затруднительности ведения нашего богословского дела вследствие обширности вновь открытых в Америке медных руд. Еженедельный разговор с Краузольдом о фабриках. Еду в училище, но, разумеется, не нахожу Месмахера; он поглощен приготовлением дворца Алексея Александровича, который приезжает сегодня в свое новое жилище.

13 ноября. Среда. В $8^1/_2$ час. выезжаем с экстренным поездом Финляндской железной дороги, доезжаем до кладбища около охотничьего дома, где и пьем чай, — вел. князья Владимир Александрович, Михаил Николаевич, Швейниц, Шувалов и А. Бобринский. Охота менее удачна, чем в прошлые годы. Убивают всего двух лосей, но Шувалов попадает пулею в одного из загонщиков, пуля скользит рикошетом по льду и заседает в ноге, не причинив, впрочем, особенно вреда. В 3 часа обедаем в охотничьем доме и в 5 возвращаемся по той же железной дороге. Продолжительный разговор с вел. кн. Владимиром Александровичем о его путешествии по Северу. Он поражен неудовлетворительностью управления государственными имуществами и размерами воровства, укоренившегося здесь. Все это он написал государю в пространном письме, адресованном в Копенгаген[104]. Об Островском выражается так: «Лучше бы он занимался своим управлением, чем добиваться роли безответственного государева советника по высшим политическим вопросам».

14 ноября. Четверг. К 11 час. съезжаются в Аничковский дворец. Кто именно? Ответ на этот вопрос довольно труден. Обер-гофмаршал кн.

Трубецкой сообщает мне, что накануне получил от императрицы записку, в которой было сказано, что l'empereur désire qu'il n'y ait que les personnes qui ont été l'année dernière*. А именно: 1) лица, приезжавшие в то время, когда императрица была цесаревною, вследствие их служебного положения при ней, при цесаревиче или при большом дворе; 2) члены Государственного совета; 3) генерал-адъютанты; 4) офицеры Кавалергардского и гатчинского Кирасирского полков, коих императрица состоит шефом. К этому надо прибавить членов императорского семейства со служащими при них лицами. Все это вместе взятое составило толпу человек в 300, которая после обедни приносила поздравления императорской чете, целуя руку императрицы и пожимая руку императора. За поздравлениями последовал завтрак, а после завтрака императрица весьма долго разговаривала с присутствовавшими.

По обыкновению на этих сходбищах бывают более или менее деловые разговоры, вызываемые редко встречающеюся возможностью обмена мыслей. Приведу в пример несколько разговоров моих с некоторыми из присутствовавших.

С Набоковым. Я: «Скажите мне, пожалуйста, решен ли вопрос о Вашем содержании, так как по Государственному совету надо представить об этом доклад?» *Набоков:* «Мне сказал гр. Толстой, что государь выразил ему намерение сохранить за мною весь получаемый мною оклад. Вообще прием, оказанный мне государем, был крайне любезен, но выразил мне некоторое неудовольствие за то, что я будто бы был недовольно решителен в преобразованиях по судебной части и прошлою весною слишком много уступил в Государственном совете при рассмотрении проекта о дисциплинарном в Сенате присутствии».

С гр. Толстым. Я: «Вероятно, Вы не найдете препятствий к тому, чтобы при рассмотрении в Государственном совете дела о чиншевиках были вызваны некоторые из губернских предводителей дворянства?» *Гр. Толстой:* «Государь уже выразил согласие на то, чтобы приглашены были ген.-губернаторы; вызывать предводителей можно бы, я думаю, не иначе как по выбору ген.-губернаторов». *Я:* «Право приглашения кого угодно предоставлено по учреждению самому Совету, поэтому если подобное сношение бы имело место, то никак не официально».

С Островским. Островский: «Ну что Вы скажете о назначении Манасеина?» *Я:* «Нахожу его весьма удачным». *Островский:* «Да, в особенности отрадно то, что это истинно русский человек».

---

* Император желает, чтобы присутствовали лишь те лица, которые были в прошлом году.

15 [*ноября*]. Пятница. Еще охота на лосей с участием дочери, Бобринской. Убиваем двух рогачей. Бобринский и Шувалов пропускают еще двух.

16 [*ноября*]. Суббота. Разговор с возвратившимся из Америки инженером Шамариным. Нам невозможно конкурировать с американскою медью. Завтрак у Гагариных с Влангали, который продолжает очень серьезно смотреть на балканские происшествия. Скучные визиты, между прочим, достопочтенному, но угасающему члену Совета Бреверну. Обычный вист у Абазы.

18 [*ноября*]. Понедельник. У вел. князя разговор непродолжительный; сначала у него военный министр, а потом вел. князь едет в заседание Георгиевской думы[105]. Да, признаться, и разговаривать-то тягостно с человеком, коего дела так мало интересуют. Предваряю его о докладывающемся сегодня прибалтийском деле. С вел. княгинею обычный разговор на тему сплетен, она разбирает характер сыновей, из разбора явствует, что Михаил глуп, а Георгий скуп. В Государственном совете первое появление Манасеина, который держит себя умно и скромно. После заседания Общего собрания вел. князь приглашает к себе председателей департаментов, чтобы условиться относительно внесенного министром внутренних дел представления об отчуждении в Прибалтийском крае земель под православные церкви, школы и кладбища. Представление исходит от Манасеина и Победоносцева, оно написано так, что у любого помещика можно отнять любой участок земли, да еще в помещичьем доме поместить школу, занимая строение путем военной реквизиции. Жаловаться на подобные административные распоряжения представляется лишь м[инистру] в[нутренних] д[ел]. Уговариваются таких мер, хотя и предлагаемых в качестве временных, не допускать.

При докладе этого дела Победоносцев и Манасеин настаивают на том, что православие делает успехи в Балтийском крае, но что немцы-помещики противодействуют этим успехам, отказывая в отводе нужных для религиозной практики земель. Прочие члены департаментов, выражая сочувствие успехам православия, не считают возможным предоставлять административной местной власти окончательное отчуждение земель с принесением жалобы не далее, как министру внутренних дел. Департаменты ввиду заявляемой составителями проекта необходимости установить возможность занятия земель немедленно после их оценки, не ожидая окончания экспроприационного процесса, полагают возможным распространить на эти случаи железнодорожные правила 1872 г., в силу коих земля занимается немедленно, а вопрос о вознаграждении идет своим порядком и восходит до Государственного совета[106]. Другой вопрос, возбудивший горячие прения, касался предоставленного административным комиссиям права не только отчуждать земли, но в случае надобности и занимать под школы находившиеся на местах строения. Статья проекта была написана так, что по ней любого помещика можно бы выгнать из дома и вселить в этот дом православную школу. Составители проекта заявили, что подобный образ действий никогда не входил в их предположения. Ввиду такого заявления департаменты пожелали редактировать проект так, чтобы занятие строений могло происходить лишь в крайнем случае, и притом строения были занимаемы ни в каком случае не из помещичьего, а исключительно из крестьянского владения и притом только такие, кои не заняты бы были под жилищами. Переработка на этих основаниях проекта поручена ст.-секр. Аракину[107].

19 [*ноября*]. Вторник. Отправляюсь в $5^1/_2$ час. на охоту в Рапти. Со мною едут вел. кн. Владимир Александрович, Швейниц, Шувалов и гр. Генкель, один из крупнейших прусских помещиков, приехавший сюда хлопотать о пошлинах на чугун и железо. Дорогою играем в вист. По приезде в Рапти весело ужинаем.

20 [*ноября*]. Среда. Погода чрезвычайно благоприятна, охота удается отлично, убиваем семь волков, в том числе три достаются на долю вел. кн. Владимира. Отобедав в Раптях, возвращаемся в Петербург с экстренным поездом к 10 час.

21 [*ноября*]. Четверг. Получаю от вел. князя записку такого содержания: «Так как мне еще не позволено выезжать, то я не увижу государя до вторника. Находя неудобным откладывать далее решение вопроса содержанья Набокова, прошу Вас сегодня явиться вместо меня в Аничкин дворец в $2^1/_4$ час. и испросить приказанье его величества по сему вопросу и об юбилее Грота. Если при сем произойдет какой-либо интересный разговор, то прошу Вас из Аничкина приехать ко мне».

По приезде во дворец застаю еще там окончание многочисленного завтрака по случаю полкового праздника Семеновского полка. Дожидаюсь в приемной вместе с Толстым и Фришем. Меня зовут после Толстого, в 4 часа, когда поезд в Гатчину назначен в $4^1/_4$. Государь по обыкновению весьма вежливо извиняется в том, что заставил меня дожидаться. Представляю ему справку о содержаниях, назначенных министрам, уволенным в нынешнее царствование. Набоков, как оказывается, получает 18 тыс. руб. жалованья, 4 тыс. аренды и 3 тыс. прибавки из сумм Царства Польского. Государь приказывает сохранить ему 12 тыс., кроме получаемых им добавочно 7 тыс. Я считаю нужным доложить, что Набоков мне высказывал, будто государем дано

Толстому обещание сохранить ему, Набокову, все его содержание. На это ответ: «Никогда я этого Толстому не обещал». Потом разговор о Гроте, которому 50 лет службы. Ввиду того, что он в коронацию получил Владимирскую ленту, получаю приказание ограничиться одним рескриптом, и притом «покороче». Государь поручает мне сказать вел. князю, что намеревался к нему заехать, но что множество дел и посетителей ему в том помешали.

Во дворце Михаила Николаевича, застаю его распивающим чай с вел. княгинею и детьми, которые при виде моей ленты и белого галстука восклицают: «Александр Александрович был у государя, значит, нам плохо!», намекая на указ 24 января[108].

Вел. князь с жадным вниманием выслушивает то, что я ему передаю, и очень польщен намерением государя его посетить.

22 [ноября]. Пятница. Вечер в немецком театре с Всеволожским, представление посредственное.

23 [ноября]. Рождение внучки, Бобринской, милая и бойкая двухлетняя девица. В 1 час в Государственном совете. Подвергаюсь нападению Островского за то, что он не получил приглашения на участие в обсуждении проекта гр. Толстого об ограничении семейных крестьянских разделов. Объясняю, что это относится к обязанностям не моим, а председателя департамента. Островский повторяет свое давнишнее заявление, что каждому из министров должно быть предоставлено право присутствовать в таком заседании, которое касается так или иначе интересующего его вопроса. Отвечаю, что в таком случае надо переделать учреждение Государственного совета и что я со своей стороны никаких против этой мысли возражений не имею. На этот раз, переговорив с бар. Николаи, предлагаю Островскому просто остаться в заседании и принять участие в обсуждении законопроекта. Он так и делает. Самый проект, коему никто из присутствующих не сочувствует, подвергается большим нападкам.

Галаган доказывает неприменимость его ко всем местностям, где существует не общинное, а подворное владение[109]. Толстой принимает эту поправку, которая сокращает чуть не на половину территорию, на которой проект должен иметь силу. Победоносцев, заявив Толстому, что приехал его поддерживать, и громко провозглашая свое сочувствие пользе поддержать родительскую власть, вслед за тем выражает сомнение, чтобы сельский сход мог служить полезною в этом отношении инстанцией; сельский сход, как известно, состоит из самых плохих элементов, из мальчишек-горланов, кои из личных побуждений будут скорее потворствовать, чем противодействовать семейным разделам. К тому же в непродолжительном времени должно последовать переустройство местного управления; тогда создастся новая низшая единица управления, которая будет ведать этими делами. Зачем же теперь стеснять подробностями законоположения этот новый орган, призванный действовать в крестьянской, столь своеобразной и различной по местностям, среде? Гр. Толстой отвечал, что проекты местного переустройства, по всей вероятности, не скоро будут рассматриваться, а что дела о семейных разделах подлежат на основании Положения 19 февраля 1861 г. рассмотрению сельского схода, в ведении коего он их и оставляет. Фриш просил не включать в имущество, подлежащее разделу в съезде, личное имущество крестьян, а ограничиться здесь упоминанием об одном имуществе, составляющем, так сказать, рабочий инвентарь крестьянского хозяйства. С этим замечанием гр. Толстой согласился. Манасеин отвергал возможность установить наказание, проектируемое гр. Толстым, а именно: отнятие земельного надела за самовольный раздел. Он же настаивал на необходимости устранить от этих дел волостного писаря, представляющего элемент сутяжничества и взяточничества, в делах, кои по характеру своему должны бы быть оберегаемы от подобных влияний.

В конце прений председатель бар. Николаи резюмировал их так, что все замечания, высказанные в заседании, клонятся к тому, чтобы по возможности устранить из проекта излишние подробности, сохранив лишь основную мысль так, чтобы излишнею регламентацией не вторгнуться в своеобразие крестьянской семейной среды, а вместе с тем не стеснять излишними предписаниями тот новый орган, который при переустройстве местного управления будет ведать эти дела.

Переделка проекта на таких основаниях поручена Государственной канцелярии, т. е. ст.-секр. Железникову[110].

24 [ноября]. Праздник св. Екатерины. 50-летие устройства церкви в Училище правоведения. Торжественная обедня, на которой присутствуют бывшие воспитанники, а принц Александр Петрович с принцессою Евгениею Максимилиановною разыгрывают роль чего-то вроде царствующей над училищем четы. Во главе всех подобного рода торжеств всегда стоит Н.И. Стояновский, иногда преувеличивающий размеры празднования.

25 [ноября]. Понедельник. Все столь же краткое заседание в Общем собрании. Вел. кн. Михаил Николаевич пристает ко мне, чтобы я сделал ему на казенный счет копию с портрета покойной вел. кн. Марии Николаевны, писанного Жалабером. Делаю вид, что не понимаю, и заявляю, что приказал приготовить комнату, в которой художник по выбору вел. князя и по его заказу мог бы сделать желаемую копию.

26 [ноября]. Вторник. Пишу государю записку о том, что позабыл обратить его внимание на то, что хотя Грот и имеет Владимирскую ленту, но не имеет бриллиантовых знаков на Александровской звезде[111]. Получаю ответ: «В таком случае я предпочитаю дать ему бриллианты. Напишите вместо рескрипта грамоту, но покороче».

27 [ноября]. Среда. Покуда я занимаюсь делами Государственного совета, приезжает ко мне весьма взволнованный Набоков и чуть не требует объяснения о том, почему ему назначено не 25, а только 19 тыс. содержания. Показываю ему всеподданнейший доклад с высочайшею резолюциею, написанною вел. кн. Михаилом Николаевичем, но он, останавливаясь на числе 21 ноября, замечает, что вел. князь был в это время болен; словом, я очень ясно вижу, что ему известно о том, что докладывал я. Тогда я рассказываю ему, что я ограничился подачею государю списка о тех министрах, кои были уволены от мест с указанием назначенных им окладов, и получил от государя повеление назначить 12 + 7 прибавочного за службу в Польше. При этом добавляю, что от государя поехал к вел. князю Михаилу Николаевичу, который, выслушав мой рассказ, заметил: «Mais il recevra encore une somme de la main à la main»*.

«Получили ли Вы такую сумму?» — спросил я Набокова. *Набоков:* «Получил». *Я:* «Сколько?» *Набоков:* «50 тыс. руб.». Тогда я стал ему доказывать, что ему даны огромные денежные выгоды, а он настаивал на том, что с ним поступлено очень дурно и что не знает, чем будет жить, и непременно будет просить гр. Толстого выхлопотать еще прибавку в 6 тыс. руб.

В $4^1/_2$ час. уезжаю в Нарву с дочерью, Бобринскою, и ее мужем.

28 [ноября]. Четверг. Ясный, солнечный, но холодный день. Бобринский убивает медведя. Возвращаемся в Петербург в 10 час. вечера. Нахожу у себя на столе записку от вел. князя о том, что он выхлопотал Набокову просимые им 6 тыс. руб. прибавки.

29 [ноября]. Пятница. Посылаю государю два проекта грамоты Гроту. Разговор с Ауербахом о наших богословских замыслах и осуществимости железной дороги на Каму. Обедает Всеволожский. Невероятные рассказы о петербургских денежных приключениях.

30 [ноября]. Суббота. Получив от государя рескрипт Гроту, посылаю его вел. князю для прочтения, прежде чем обнародовать. Вел. князь пишет мне записку, выражая сожаление, что грамота не была ему представлена вчерне. Отлагаю ответ до понедельника.

*«Но он получит еще некоторую сумму из рук в руки».

1 [декабря]. Воскресный завтрак с Влангали у Гагариных. Мемория. Визит скучнейшему Б.П. Мансурову, который немедленно навязывает мне книгу о Иерусалиме. Кн. Антон Радзивилл, приехавший по своим имущественным делам. Обычный вист у Абазы.

2 [декабря]. Понедельник. Явясь к вел. князю в обычный назначенный мне час, застаю у него кн. Дондукова, приехавшего с Кавказа. Как обыкновенно в таких случаях бывает, вел. князь для пущей важности заставляет меня дожидаться в приемной. Взойдя в кабинет, говорю вел. князю, что у меня нет ничего особенного. Тогда вел. князь начинает мне высказывать свое неудовольствие на то, что я не представил ему предварительно черновую грамоту Гроту. Я останавливаю его словами: «Ваше высочество, приказание государя о написании грамоты я получил в четверг вечером. Написав грамоту в пятницу утром, и притом в двух редакциях, я еле успел достать переписчика и отправить все после полудня в Гатчину государю. Признаюсь, я никак не ожидал, чтобы Вы не имели достаточно ко мне доверия в деле редакции грамоты, тем более что написание ее есть личное поручение государя, не относящееся к делопроизводству Совета». *Вел. князь:* «Но ведь когда Вы писали рескрипты по случаю коронации, я же их возил государю; да и все Ваши доклады государю, когда они совпадают со днями моих поездок в Гатчину, то я вожу их». *Я:* «Так угодно Вашему высочеству, хотя на то нет указания в законе. По поводу выраженного мне Вами письменного неудовольствия в связи с прежними событиями и в особенности публичным выговором, который Вы мне сделали в Зимнем дворце, я не могу не повторить Вашему высочеству, что я убеждаюсь все более и более, что Вашему высочеству желательно иметь в лице государственного секретаря мальчишку, которого необходимо от времени до времени понукать, цукать. Я положительно не такой человек и сегодня могу лишь повторить то, что уже не раз говорил Вам, что от всей души желаю никогда с Вами о делах не говорить, а разговаривать лишь об охоте, игре в винт и т. п. и притом если бы момент этот настал не завтра, а сегодня, то я был бы тем счастливее». *Вел. князь:* «Я не помню, какой выговор в Зимнем дворце». *Я:* «Это очень великодушно со стороны Вашего высочества забывать неприятности, сделанные другим». *Вел. князь:* «Ну так что же я должен был делать? Не писать Вам записки?» *Я:* «Именно, потому что я полагаю, что Вы сами нашли бы странным, если бы я Вашу записку бросил в огонь, не обращая на нее никакого внимания». *Вел. князь:* «Ну так бросьте эту записку теперь». *Я:* «Нет, Ваше высочество, я буду хранить ее всегда на столе, чтобы никогда не забывать, что в моих теперешних обязанностях главное не сущность советских дел, а чтобы самая пустая бумага не попала к государю мимо Вас». Выслушав все это, вел.

князь переменил разговор и стал жаловаться на Дондукова, который оставил у него, вел. князя, записку, приготовленную для представления государю, записку с горькими жалобами на вел. князя за то, что он нынче летом, живя в Боржоме и путешествуя по Кавказу, возбуждал население, принимая всякие депутации, делая им всякие обещания, а между тем не считая необходимым при проезде через Тифлис быть у Дондукова, а тем самым подрывая авторитет его власти в глазах населения. Само собою разумеется, что в существе Дондуков прав и что виною всему, во-первых, ненависть к нему Ольги Федоровны, а во-вторых, страсть вел. князя разыгрывать роль царя кавказского, хотя и после отречения от престола.

За завтраком вел. княгиня бесится, а я все делаю ей комплименты о том, что она сегодня в хорошем расположении духа. В зале Государственного совета так темно, что я приказываю зажечь все свечи, и наше Общее собрание представляет чрезвычайно праздничный вид.

Отправляя в этот день обычную меморию, пишу в извлечении своем по поводу новых штатов для Кодификационного отдела следующее: «При замене II отделения собственной канцелярии Кодификационным отделом смета этого учреждения сокращена на 23 тыс. Ныне испрашивается прибавка в 9 тыс., учреждаются новые должности и утверждаются постоянные штаты, так что Кодификационный отдел с каждым днем завоевывает себе положение отдельного министерства. Между тем ни в каком государстве не существует отдельного министерства кодификации. В известном отношении такое положение до некоторой степени оправдывалось для II отделения тем, что оно несло обязанности высшего правительственного юрисконсульта (advocat de la couronne), тогда как теперь Кодификационный отдел этих обязанностей не имеет, и труд его легко мог бы быть возложен на одного ст.-секретаря и двух помощников в среде государственной канцелярии».

3 декабря. Вторник. Окончено устройство двух гостиных наверху. Разговор с окружным лесничим относительно владимирского имения, доставшегося Саше, с Краузольдом — о суконной фабрике и покупке Вермановской.

4 [декабря]. Среда. В 11 час. сажусь в карету с Дервизом и еду в Сергиевскую пустынь, где бывшие и настоящие воспитанники Училища правоведения присутствуют на панихиде по принце Петре Георгиевиче Ольденбургском. После панихиды возлагают золотой венок на могилу принца, расположенную в его семейном склепе. Н.И. Стояновский произносит при этом несколько слов, обращенных к принцу Александру Петровичу. С Дервизом много толкуем о неудовлетворительности обсуждения дел в Совете, о недостатке людей, на которых можно бы остановиться, о подобострастии чиновничества и отсутствии другого материала.

В 9 час. собрание у Ауербаха. Флекель представляет результаты своей поездки по Европе и расчеты на случай устройства химических производств для обработки продуктов, добываемых ныне побочно при добывании меди. Доход исчисляется чуть не в 100%.

5 [декабря]. Четверг. С 10 час. в Училище правоведения. Молебен в присутствии всего царствующего семейства, толпы бывших и настоящих воспитанников, их матерей и жен. После церковной церемонии все бывшие воспитанники выстраиваются в ряд по старшинству выпусков. Государь, сопровождаемый четырьмя своими братьями, обходит этот строй и разговаривает со старейшими, потом, обойдя все здание училища, уезжает. После его отъезда происходит торжество так называемого акта, причем произносятся речи, поздравления и т. д. Высочайший рескрипт, написанный Победоносцевым, весьма удачен.

В 7 час. собираются в залу Дворянского собрания для товарищеского обеда, на который приглашен принц Александр Петрович. Тостам нет конца, пьют даже здоровье покойных императоров Николая и Александра II, причем оркестр играет гимн «Коль славен». Во всем этом есть некоторый чисто национальный пересол, впрочем, довольно невинного свойства. Во главе всех таких пиршеств стоит почтенный Николай Иванович Стояновский, но за ним выдающуюся роль всегда силятся занять и обыкновенно занимают люди, не вполне безукоризненные и жаждущие популярности среди товарищей вовсе не для того, чтобы наслаждаться бескорыстно чувством товарищеской дружбы. Таким лицом и на этот раз является некто Сущов. Человек очень талантливый, способный, но страстный, всегда нуждавшийся в средствах для удовлетворения этих страстей и потому по необходимости не всегда разборчивый в выборе этих средств. Уезжаю до конца обеда и в $9^1/_2$ час. еду с Кампо-Саградо на медвежью охоту.

6 [декабря]. Пятница. День превосходный, но лес чрезвычайно густой, и медведь благодаря этому убегает.

7 [декабря]. Суббота. Обедают: Кампо-Саградо, сохранивший свое место, несмотря на смерть короля; Н. Долгорукий, назначаемый посланником в Персии, когда по его способностям, по отношениям к берлинскому двору, среди коего он провел последние годы, этого человека следовало бы назначить на первостепенный дипломатический пост; Велепольский, который хмурится, глядя на то, как нынешнее правительство обращается с поляками. По его мнению, особенно страшно то, что под всем этим выражением племенной вражды кроется демократичес-

ки народное движение. Русские школы — рассадники политической разнузданности. В разговоре об этом слепом направлении политики Долгорукий вспоминает, как император Вильгельм во время игнатьевского гонения на немцев и евреев сказал ему, Долгорукому, следующее: «Я очень сожалею об этих действиях русского правительства, потому что балтийские немцы всегда были верными слугами русского престола, а если Ваше правительство своими действиями направит их симпатии в другую сторону, то ни один немец, я первый не стану отказывать им в сочувствии». «Все это, — прибавил император Вильгельм, — напоминает мне начало царствования императора Николая. Вскоре по вступлении его на престол я провел зиму в Петербурге и, проводя вечера втроем с моею сестрою и ее мужем, постоянно слышал от него, что во главе управления находится слишком много немцев, что это оскорбляет народное чувство и что необходимо в список высших чинов ввести поболее природных русских имен. Через три года я опять приехал в Петербург и тогда слышал от того же императора Николая совсем иное. Он утверждал, что немцы отлично служат и что не намерен более делать перемен в этом смысле».

Говоря о современном лженациональном гонении правительства на иноплеменные части московского государства, Долгорукий рассказал еще хороший анекдот. Д.Г. Бибиков по назначении киевским ген.-губернатором испрашивал инструкции у Николая Павловича, который отвечал следующее: «Ты знаешь, что я поляков не люблю, поэтому ты должен предо мною за них заступаться и ни в каком случае не играть на этой струнке».

8 [декабря]. Воскресенье. Завтрак у Гагариных с Паленом, который очень возбужден гонениями на немцев и намеревается при представлении государю рассказать несколько анекдотов о неистовствах агентов Победоносцева. Бал для правоведов у А.П. Ольденбургского. Толпа до 1500 человек, но все имеет характер семейный, хозяева в высшей степени любезны.

9 [декабря]. Понедельник. Вел. кн. Михаил Николаевич рассказывает, что в прошлую среду старался предупредить государя против обвинений, взводимых Дондуковым, отвергая обвинение в том, что он, вел. князь, принимал каких-либо депутатов, и объясняя нежеланием возбуждать неприятные Дондукову демонстрации то, что он, вел. князь, не был в гостях у Дондукова в доме.

За завтраком присутствует старушка Философова, вдова воспитателя вел. князя, весьма мила по независимости своих суждений. После краткого заседания в Общем собрании вел. князь прощается с братом Николаем Николаевичем по случаю отъезда на охоту в Беловежскую пущу, причем Николай Николаевич ему говорит: «Да вразумит тебя Бог на все хорошее, а на дурное, надеюсь, и сам догадаешься». Я прибавляю: «Не бойтесь, никогда не догадается», что возбуждает общее веселие. Посылая государю меморию, пишу следующее: «Встречая необходимость получить указания Вашего величества, позволяю себе беспокоить Вас просьбою назначить мне время, когда Вам угодно принять меня».

10 [декабря]. Вторник. Записка моя возвращается с пометою: «Среда, 12 часов». Обед у Балашовых в высшей степени изысканный. Вечером у Нелидовой. Тут же Дондуков по обыкновению в чрезвычайно веселом расположении духа. Доклад его с жалобами на Михаила Николаевича покамест остановился на том, что решено сделать выговор тому предводителю дворянства, который, явясь к вел. князю, после свиданья с ним разослал в печатных экземплярах содержание речи вел. князя в превратном виде.

11 [декабря]. Среда. В $10^1/_2$ час. еду в Гатчину. В приемной государя во ожидании окончания доклада Манасеина стоят: кн. В.Д. Голицын, обер-шталмейстер, возвратившийся из отпуска, гр. Пален, Жомини, празднующий 50-летие службы, Велепольский, приехавший из Польши, гр. Г. Строганов, вернувшийся из-за границы, Муханов, назначенный гофмейстером к вел. кн. Михаилу Николаевичу. После приема всех этих лиц вхожу в кабинет государя. Говорю приблизительно следующее: «Я приехал просить указаний Вашего величества относительно направления дела об отмене чинов[112]. Вы изволите припомнить, что основание этой меры одобрено было Вами. По вступлении дела в Государственный совет затребованы были мнения министров, и почти все они высказались против предположений совещания, в коих я принимал участие. Толстой утверждает, что раздача чинов составляет важную прерогативу верховной власти, коей она не должна лишать себя понапрасну; Островский думает, что замена чинов должностями составила бы нивелировку, опасную для самодержавного правительства; Победоносцев сознает, что недостатки теперешних порядков указаны верно, но при этом считает излишним издавать какой-либо новый закон, а думает, что от Вас, государь, зависит не повышать никого в чинах, превосходящих по своему нумеру класс должности, занимаемой лицом, получающим повышение; Делянов признает, что смысл петровской реформы именно в том и заключается, чтобы богатство, родовитость, талант не играли никакой роли в государственной службе, где все регулировалось бы исключительно мановением высшей власти.

Я, государь, ни с одним из этих (прочитанных мною по подлиннику) мнений согласиться не могу. Верховная власть и вообще пра-

вительство не проиграют, а выиграют, если у них будет не толпа непригодных к делу чиновников, а только нужное их число, и притом людей, могущих полезно трудиться. В течение трех лет я сократил на 40 человек число чиновников Государственной канцелярии, но не думаю, чтобы я этим умалил и значение Государственной канцелярии и самого правительства. Возражение Островского для меня еще менее понятно. Бюрократия никогда не была элементом, на который правительство могло бы опираться или с которым оно должно бы было считаться; те же чиновники служили и Людовику XVI, и Робеспьеру, и Наполеону. Это лишь орудие в руках правительства, а не сила, вне его стоящая. Вот богатство, родовитость, талант — это самостоятельные силы, и если министр народного просвещения Делянов находит, что превосходство табели о рангах заключается в том, что силы эти не имеют ничего общего с нею и стоят в стороне от нее, то я, признаюсь, только сожалею об этом и вижу в том не превосходство, а слабую сторону табели. Победоносцев совершенно согласен, что недостатки теперешнего чинопроизводства указаны верно, но он думает, что для исправления их нет необходимости издавать особый закон, а довольно будет, если Вы, государь, на будущее время не станете давать более чинов, превосходящих ту должность, которую занимает чиновник. Мне же кажется, государь, что Вы очутитесь в весьма затруднительном положении, когда каждый министр будет у Вас просить изъятия для своих подчиненных; причем, конечно, каждый захочет перещеголять своего сотоварища».

Государь: «Это все им писали их чиновники».

Я: «Да, прибавьте, государь, что и им самим не легко переменить образ мыслей, с коим они свыклись в течение 40 или 50 лет. Ведь то, что я предлагаю, если и должно умалить власть, так не Вашу, а власть Ваших министров. Что слышишь теперь: «Такой-то министр дал чин Полякову, такой-то — Губонину, а этому лицу государь отказал в чине».

Государь: «Это дело еще не было в департаментах?»

Я: «Нет, государь, я хотел знать Вашу волю прежде, чем двигать это дело». *Государь:* «Ну, так пускай дело доходит до меня, и тогда я могу согласиться с большинством или меньшинством». *Я:* «Но вот этого-то я и опасаюсь, потому что не хочу поставить Вас в необходимость высказать мнение, противное мнению большого числа ваших министров».

Государь: «Ну, так что же делать?»

Я: «Я считал бы возможным учредить в среде Государственного совета комиссию, которая бы занялась разработкою второстепенных вопросов, связанных с этим, как, например, рассмотрение штатов всех

управлений для определения того, в каком классе должны состоять определенные должности, отношение этой реформы к пенсионному уставу и т. д.».

Государь: «А между тем я могу приказать, чтобы не представлять к чину выше занимаемой должности».

Я: «Позвольте просить Вас, государь, чтобы такое распоряжение было обсуждено предварительно в каком-либо совещании».

Государь: «Да в той же комиссии при Государственном совете».

Я: «Очень хорошо, так и будет представлен Вам доклад; я понимаю, что все это направлено против меня. Смысл всего этого такой, что человек в положении иерархически второстепенном позволяет себе подымать вопросы подобной важности; его надо оборвать на первых порах для того, чтобы это не повторялось.

Позвольте мне, государь, доложить Вам о другом деле, хотя и не прямо до меня касающемся. В Государственный совет поступило представление министра народного просвещения об утверждении штатов для сибирского университета[113], испрашивается на это 225 тыс. ежегодно. Позвольте мне высказать Вам, государь, мою мысль о том, что я считаю это дело неблагоразумным. Я был прошлым летом на границе Сибири, и все сколько-нибудь здравомыслящие виденные мною там люди лишь пожимали плечами, когда речь шла об этом университете. В представлении своем Делянов сознается, что не имеет возможности послать туда настоящих профессоров, а просит разрешения назначить людей, не отвечающих никакой официальной оценке. Прибавьте, что люди эти отправятся в среду недовольных, ссыльных, штрафных всякого рода, там непременно создастся центр всякого неудовольствия и оппозиций, центр, удаленный от Петербурга и потому трудно контролируемый. Выставляют то обстоятельство, что там уже выстроено здание и получены пожертвования от местных жителей, но в таком случае, отчего же не открыть одного или двух факультетов, как, например, медицинского или математического. Разумно ли учить бурят ломаному греческому языку для того, чтобы из них делать бесхлебных адвокатов? Я понял бы открытие медицинского факультета, горной, инженерной, лесной академии, а еще лучше низших по этим предметам знания училищ, и на все это испрашивается 225 тыс., тогда когда у нас на будущий год будет более 40 млн. дефицита».

Государь: «Скажите Абазе и Делянову, чтобы отложили открытие университета на один год под предлогом дефицита, а в течение 1886 г. можно будет этот вопрос обсудить и дать ему другое направление».

В заключение я спросил государя, действительно ли назначение Дурново членом Государственного совета дело окончательно решен-

ное, и, получив утвердительный ответ, позволил себе обратить внимание на слабый состав Департамента экономии и указал на сенатора Домонтовича как могущего, по мнению Абазы и Бунге, с пользою принять участие в занятиях департамента. Государь отвечал, что его не знает, но спросит Бунге и Манасеина.

Уходя, прошу государя передать императрице извинение мое в том, что я ничего не пишу ей о делах Государственного совета, потому что до сих пор дел, сколько-нибудь интересных, в производстве у нас еще не было.

Иду завтракать к Трубецкому, где в числе прочих завтракает старик, предводитель дворянства, кн. Багратион-Мухранский, в которого какой-то негодяй сделал пять выстрелов из револьвера в стенах тифлисского окружного суда, нанес ему раны, но, несмотря на то, был оправдан тем самым судом, в помещении коего было совершено преступление. Возвращаюсь в своем вагоне с Паленом, Велепольским, Юсуповым, Манасеиным. Разговариваем исключительно об охоте и необходимости издать закон об охоте.

12 [декабря]. Четверг. В Государственном совете слушается бюджет Государственного совета и Государственной канцелярии. Финансовые власти соглашаются разрешить мне израсходовать 128 тыс. на постройку архива, или, правильнее говоря, на постройку помещения для проектируемого мною Центрального государственного архива в Петербурге для послепетровской эпохи.

13 [декабря]. Пятница. Охота в Коломягах. Велепольский убивает рыся. Пален передает, что высказал государю, как тягостно положение прибалтийского населения, подвергаемого религиозным преследованиям. Государь с полною откровенностью изложил ему свое намерение уничтожить все привилегии балтийского дворянства, говорил о существовании среди его партии, желающей присоединиться к Германии. Пален относительно последнего обвинения отвергал его справедливость, доказывал, что географическое положение этих провинций навеки отдает их России, жаловался на то, что запрещается людям молиться, как они того желают, и в заключение спрашивал государя, в чем же именно состоят факты, подающие повод обвинять балтийское дворянство перед русским правительством, на что прямого ответа не последовало.

14 [декабря]. Суббота. Рассмотрение сметы и необузданных требований Посьета. Разговариваю с Саловым о железной дороге от Камы к Богословску и о законопроекте относительно подъезжих путей. В 2 часа еду с Н. Абазою взглянуть на цветущие орхидеи. Мемория.

15 [декабря]. Воскресенье. Завтрак у Гагариных с Влангали, который получил от гр. Бобринской из Рима грустные известия о здо-

ровье Шидловского. Визиты Каханову, Шестакову, который обещает представить мнение, не только противоположное мнению клики, но еще долженствующее служить категорическим его по вопросу о чинах опровержением. Заезжаю к Палену и уговариваю его принять участие в комиссии об этом вопросе, но он по секрету заявляет, что решился выйти в отставку, не желая более служить правительству, которое столь резко выражает оскорбительное недоверие к балтийскому дворянству. По выходе в отставку, лишаясь жалованья и средств к жизни в Петербурге, Пален намерен поселиться в деревне.

Заезжаю на базар в Мраморный дворец, где уличная толпа под предлогом базара приходит смотреть на это художественное здание[114]. Вечер у Абазы с Влангали.

16 [декабря]. Понедельник. В $10^1/_2$ час. у вел. князя на полчаса ранее обыкновенного, потому что сегодня рождение вел. кн. Алексея Михайловича и связанное с этим торжество, от участия в коем я, разумеется, уклоняюсь. Вел. князь в восхищении от своей беловежской охоты; рассказав про свою охоту, допрашивает меня о докладе моем в Гатчине. Нас прерывает гр. Толстой, приезжающий объявить вел. князю резолюцию государя по жалобам Дондукова на вел. князя.

В Государственном совете обычное коротенькое заседание. Тяжелый разговор с Шидловским, который отказывается от принятия денег, несмотря на то что его брат умирает в чахотке и, живя в Риме, нуждается в них.

После заседания Герард советуется о том, кого бы предложить императрице для заведования воспитательным домом; указываю на гр. А.А. Бобринского, человека отменных душевных качеств и чрезвычайной добросовестности. К тому же самый дом, о коем идет речь, принадлежал Григорию Орлову.

Вернувшись домой, пишу пространное мемориальное извлечение. В $7^1/_2$ по заказанному нами экстренному поезду едем в Гатчину. Вел. князья Николай и Михаил со своими сыновьями напрашиваются на поезд. Дорогой сначала Михаил Николаевич рассказывает неоднократно уже выслушанные мною подробности о столкновении его с Дондуковым, а потом вел. кн. Николай Михайлович жалуется мне горько на свою судьбу в том смысле, что он не может рассчитывать на блестящую карьеру вследствие медленного повышения. Я отвечаю ему, что если бы он усвоил себе какую-либо отрасль знания или государственной деятельности, то, конечно, весьма быстро получил бы заведование ею, а что предоставление самостоятельных административных постов вел. князьям я считаю злом, разделяя в этом случае взгляд

Питта, который на просьбу герцога Кумберлендского доставить ему управление Индиею отвечал [на] это отказом, мотивируя этот отказ тем, что никогда не будет иметь права его повесить. Приезжаем в Гатчину в $8^1/_2$ час. и поспеваем к самому выходу их величеств в залу, где собрались приглашенные числом от 150 до 200. Зала в нижнем этаже, т. н. арсенал. Государь и императрица обходят присутствующих, а потом идут в театральный зал. Представление состоит из одной русской весьма хорошо сыгранной и двух французских довольно неудачных пьес. Зрители просиживают во время целого представления в креслах, не выходя в соседние комнаты, что несколько томительно. В $12^1/_2$ час. представление кончается; ужинают в той зале, где собирались, а затем, удостоившись более или менее выслушать несколько любезных слов, разъезжаются. Благодаря экстренному поезду приезжаем домой ранее других, да и то в три часа.

17 [декабря]. Вторник. Приезжает вернувшийся вчера с похорон испанского короля[115] Шувалов; дорогою он останавливался в Берлине; в самый день приезда туда был приглашен к императрице, а на другой день к императору, который высказывал свое теплое к русскому государю сочувствие; точно так же и наследный принц[116]. Состоя в весьма дружеских сношениях с Бисмарком, Шувалов имел с ним продолжительный политический разговор, сущность коего приблизительно такова: «Для общего всей Европы блага необходимо воспользоваться теперешним перемирием, чтобы покончить болгарское дело и не дать весною разыграться непредвиденным усложнениям[117]. Для достижения этой цели необходимо узнать виды русского правительства, которое не высказывает их именно теперь, в важное для исхода дел время. До сих пор образ действий России в болгарском вопросе был очень благоразумен и успешен, вы настаивали на сохранении status quo, но события так подвинулись вперед, что в настоящее время сохранение или, правильнее, восстановление этого порядка невозможно. Болгарский князь своею распорядительностью, мужеством стяжал лавры, приобрел положение, с которым надо считаться тем более, что на его стороне большинство европейских держав. Политика России на Балканском полуострове была весьма неудачна в XIX столетии, вы освободили Румынию, Сербию, Болгарию; первые два государства готовы ежеминутно заключить против вас союз, то же самое будет и с Болгарией, и я понимаю, что вы доселе противились образованию большой Болгарии, когда, напротив, Англия силилась создать ее во враждебных к России намерениях. Нет сомнения, что рано или поздно создастся дунайская конфедерация, которая будет враждебна к России, и потому Россия должна стараться, чтобы государства, имеющие войти в этот союз, были по возможности меньших размеров, но, повторяю, вернуть принца Александра в Болгарию и возвратить Румелию Турции невозможно. Остается сделать одно: разрешить Порте назначить болгарского князя румелийским ген.-губернатором. Я (Бисмарк) берусь склонить к этому Англию, но вы должны торопиться в принятии такого решения и сообщения его мне, так как все должно быть окончено к сроку истечения перемирия — 1 марта нового стиля.

Терять времени нечего, а между тем вот уже более недели, как я не имею никаких известий относительно намерений вашего правительства».

Выслушав этот рассказ Шувалова, уговариваю передать его целиком без малейших комментариев государю при представлении.

18 [декабря]. Среда. Шувалов приезжает из Гатчины и сообщает, что его рассказ о том, что он слышал от Бисмарка, не имел решительно никаких последствий, о чем, впрочем, накануне Шувалова предварял Гирс. Государь высказал в общих чертах такое мнение:

«Бисмарк довольно равнодушен к болгарскому вопросу, как не затрагивающему близко прусских интересов. Если бы он хотел сделать для нас что-нибудь, то мог бы проявить свое желание, но он, очевидно, делать ничего не хочет. Принц Александр Болгарский — враг России, и покуда он будет там царствовать, его влияние будет всегда для нас враждебно. Его прогонят непременно рано или поздно. Поддерживать его в достижении объединения Болгарии под его скипетром или даже при назначении его только румелийским ген.-губернатором значило бы награждать его за все его поступки, которые заслуживают не поощрения, а наказания. Впрочем, интересы России в настоящее время требуют, чтобы мы воздерживались от вмешательства в дела Балканского полуострова, покуда там не возникнет вопросов, более прямо до нас касающихся» (иначе говоря, покуда не дойдет дело до взятия Константинополя).

Когда Шувалов передавал государю пожелания наследного принца германского, то государь сказал: «Да, я думаю, что он искренен».

19 [декабря]. Четверг. Еду в Царское Село завтракать к вел. кн. Владимиру. По обыкновению завтрак стоит обеда. Он в высшей степени дружествен, и это неизменно в течение 18 лет. Она[118] довольно пустая и взбалмошная, но после бывших между нами жестких объяснений теперь довольно сносна. Перед завтраком говорим о внешней политике, относительно Александра Баттенбергского. Вел. князь рассказывает, что государь его давно не любил за его лживость, но что особенная размолвка произошла в Москве во время коронации, когда принц Александр настаивал на том, чтобы иметь с государем про-

должительный деловой разговор, но государь не имел к тому времени среди празднеств, а назначил ему приехать в Петербург. Болгарский князь, вероятно обидевшись, вместо Петербурга поехал в Европу рассказывать, что с ним не хотят разговаривать.

Настаиваю на том, что весьма будет жаль, если личные отношения возьмут верх над политическими интересами государства.

Вел. князь замечает, что никогда этого не будет и что самый надежный способ достичь успеха заключается в том, чтобы не настаивать на одном и том же.

За завтраком я подчеркиваю ту поспешность, любезность, аккуратность, с коими Шувалов проездом чрез Берлин был принят германскими величествами.

20 [декабря]. Пятница. Прочитываю замечательные заметки Пирогова по поводу 1 марта 1881 г.[119] Много в его образе мыслей не разделяю, как, например, рассуждение о tiers état*, но несомненно, что в итоге сказанное им замечательно по глубине мысли и искренности чувства. В 1 час открытие электрической выставки, проповедь, молебен, обход выставки, речь Велички, речь Кочубея, присутствие моего фельдмаршала[120] — президента, который радехонек разыграть первую роль хотя бы и в провинциальном театре.

Посылаю на прочтение Каханову доклад об учреждении чиноистребительной комиссии.

21 [декабря]. Суббота. Разговор с воронежским управляющим Штремом: цены на хлеб упали донельзя — 40 коп. за пуд ржи, продолжать собственное хозяйство невыгодно; гораздо прибыльнее сдавать земли крестьянам, которые ни во что не ценят свой труд, так что при упадке цен на хлеб арендная цена на землю не понижается соразмерно. Разговор с моршанским управляющим Воронцовым-Вельяминовым. Новый закон о питейной торговле ставит нас в необходимость взять в смежной с нашим винокуренным заводом местности винные склады и лавки. Как это ни неприятно, но, по удостоверению управляющего, это неизбежно, если не хотеть подвергнуться посторонней эксплуатации. Разговор с Нобелем о пользе наложения пошлины на нефть, с одной стороны, казна получит до 8 млн. дохода, с другой, — отстранятся мелкие производители, которые безрассудно и для России убыточно истребляют это народное богатство. Разговор с Ауербахом об отчете Шамарина относительно его поездки в Северную Америку. Печатание отчета в Горном журнале. Вечером вист.

* Третьем сословии.

22 [декабря]. Воскресенье. Обычный завтрак у Гагариных с Паленом и Влангали. Визит Евреинову и разговор о необходимости перемен в управлении Невскою бумагопрядильней. Репетиция семейного спектакля. Ежедневные успехи внучек, Бобринских. Знакомство с Колпаковским.

23 [декабря]. Понедельник. Приходит Пистолькорс, просит, чтобы доставить место юрисконсульта в Министерстве финансов его родственнику. Отвечаю: «А что бы Вы мне сказали, если бы я просил Вас назначить в Вашем эскадроне такого-то солдата вахмистром?»

В 11 час. у вел. кн. Михаила Николаевича. Рассказ о том, как государь был в хорошем расположении духа (sic) при докладе вел. князем о наградах членам Государственного совета к новому году. Выдается то, что Головнину, которого он ненавидит, государь дал бриллианты на Александровскую звезду, а Шувалову, которого сильно любит, обещал дать в день конногвардейского праздника полковой мундир. Затем вел. князь сообщает, что накануне у них была гр. Богарне и сообщала, что в Гатчине весьма недовольны тем, будто бы наш экстренный поезд задержал тех лиц, кои вслед за нами ехали в заказанном от двора экстренном поезде, что вся вина этого происшествия сваливается на вел. князя, который этим очень встревожен, приписывая все это ненависти к нему Черевина и Воронцова. Немедленно с этим связывается нерасположение государя к его семейству, припоминается указ 24 января[121] и то, что на последнем официальном завтраке во дворце государь прогнал сыновей вел. кн. Михаила Николаевича из комнаты, в которую вошел вместе с братьями своими, чтобы выкурить папироску в ожидании приема, имеющего место после завтрака.

Вел. кн. Ольга Федоровна по обыкновению не щадит никого; на этот раз достается самому вел. князю: «Naturellement le grand duc a eu tort au lieu de profiter de votre invitation d'organiser un семейный поезд»*. На вопрос мой, почему она не была на гатчинском спектакле, отвечает: «Vous croyez que je me serais mis en deuil le jour de la fête de mon fils [Alexis] ?»**

В Государственном совете разговоры:

1) С Игнатьевым. «Mon cher comte, je suis aux regrets de vous avoir quitté un peu brusquement l'autre jour, mais il m'était impossible de vous faire monter dant le waggon, qui était rempli. Il ne restait qu'une

* «Конечно, вел. князь поступил неправильно, организовав семейный поезд вместо того, чтобы воспользоваться вашим приглашением».

** «Неужели вы думаете, что я надела бы траур в день именин своего сына [Алексея] ?»

seule place vide — sur le w. c.; je n'aurais pas eu d'inconvénient à vous y placer, mais je voyait que la comtesse vous suivait»*.

2) С Манасеиным. Уговариваю его не давать заключения об уничтожении чинов, покуда не получит от меня заключение Шестакова.

3) С Победоносцевым. Спрашиваю его, как говорят французы, à bont portant**, советовался ли с ним государь относительно назначения членов; сознается, что была речь о Домонтовиче и он отсоветовал, почитая Домонтовича человеком более не способным теперь к труду и креатурою Абазы. Говорю в ответ, что я желал бы, чтобы он указал на другого, но он по обыкновению начинает вздыхать и сетовать, пеняя на порядки. Утверждает, что он убедился в невозможности так продолжать, что важные мероприятия делаются отрывочно, случайно, что представления министров, и в особенности Бунге, вносятся в Совет без общего соображения, рассматриваются в Совете канцелярски, что необходимо установить совместное обсуждение главнейших министров, что он, Победоносцев, неоднократно говорил о том государю, показывая ему учреждение Совета министров, а теперь твердо решился написать ему об этом пространное письмо.

С вел. кн. Владимиром Александровичем. Показываю ему полученное от одного лондонского торговца собрание миниатюр, очевидно подаренных кому-то императором Николаем, так как в коллекции недостает его собственного портрета и портрета ненавистной ему императрицы Екатерины. Потом сообщаю вел. князю, что вел. кн. Елизавета Маврикиевна беременна и что, следовательно, необходимо как можно скорее Положение ввиду имеющего родиться ребенка, так чтобы новое Положение не изобреталось при наличном существовании этого неимператорского высочества, а было уже готово ко времени появления его на свет. Вел. князь совершенно со мною согласен. Сообщаю ему же о том, что надо бы приобрести рисунки Деталя, сделанные им для вновь изданной им книги «L'armée russe».

24 [декабря]. Вторник. Охота у П. Шувалова на Пороховых заводах; несколько лисиц.

25 [декабря]. Среда. Прогулка с Ауербахом, продолжительные разговоры о затруднительности положения дел в Богословском округе вследствие чрезвычайного упадка цен на медь. Осмотр ученических произведений в Рисовальном училище. Елка для маленьких Оболенских и Бобринских. Семейный обед.

26 [декабря]. Четверг. Визиты к В.Д. Голицыну (обер-шталмейстеру), который совсем разваливается, Новосильцову (жениху Л. Оболенской), Трепову, Набокову и В.В. Зиновьеву, который приехал из управляемого им орловского имения, принадлежащего второму сыну государя. Репетиция домашнего спектакля на Английской набережной. В $4^1/_2$ час. уезжаю охотиться в Нарву с Балашовым и Н.С. Абазою.

27 [декабря]. Пятница. Балашов убивает одного медведя и одного рыся. Возвращаемся в Петербург в $9^1/_2$ час.

28 [декабря]. Суббота. В $9^1/_2$ час. приезжает ко мне гр. Воронцов; объявляет, что государь желает, чтобы ввиду беременности Елизаветы Маврикиевны комиссия, председательствуемая вел. кн. Владимиром Александровичем, приступала к своим занятиям, и что я буду назначен членом, как о том уже было говорено. Я настаиваю на том, что мое участие в этом деле было бы совершенно лишнее, потому что теперь предстоит решить два вопроса: первый — денежный, который разрешается исключительно имеющимися в Министерстве двора суммами, второй — о личных преимуществах, титулах, правах и т. п. Этот вопрос вовсе не входит в мою компетентность, и столь авторитетная власть, как гр. Адлерберг, будет, конечно, вполне достаточна, а по тому, что происходило в прошлом году при обсуждении указа 24 января, я не сомневаюсь, что Адлерберг будет смотреть на Воронцова и меня как на мальчишек, всячески стараясь критиковать наши мнения. Воронцов настаивает на необходимости иметь представителя юридического элемента и невозможности пригласить к участию в деле нового министра юстиции. Я указываю на то, что гораздо лучшим, чем я, представителем юридического элемента был бы Победоносцев, доктор гражданского права да к тому же и архипоп — специалист по вопросам о церковных обрядах, церемониях и т. п. К тому же при отсутствии Победоносцева на комиссию посыплются нападки «Московских ведомостей», коими Воронцов не может пренебрегать. Доводы эти, по-видимому, кажутся ему убедительными. Делопроизводство Воронцов хочет поручить Петрову, причем я противлюсь лишь мысли дать Петрову право голоса, так как это не прибавит ему нисколько влияния, а между тем раздразнит всю императорскую фамилию.

В Совете, где обсуждается окончательное устройство Общества добровольного флота, сообщаю Победоносцеву о намерении привлечь его к этому делу. Он начинает с того, что по обыкновению хныкает на невозможность разорваться на все стороны, но в сущности, кажется, доволен этим предположением и настаивает на том, чтобы я не

---

* «Дорогой граф, я сожалею, что расстался с вами в прошлый раз так внезапно, но у меня не было никакой возможности пригласить вас в вагон, так как он был переполнен. Оставалось лишь одно свободное место — в уборной, я не затруднился бы вас там поместить, но я увидел, что за вами следует графиня».

** В упор.

отказывался, в особенности потому, что у меня есть редакционные средства в Государственной канцелярии.

29 [декабря]. Воскресенье. Генеральная репетиция домашнего спектакля в штиглицком доме на Английской набережной.

30 [декабря]. Понедельник. В 11 час. у вел. князя, который, разумеется, в бытность у государя в Гатчине не нашел времени говорить о делах и в особенности о скудости личного состава Департамента экономии; зато преследует меня просьбою заарендовать для охоты те земли, кои были отбиты у меня, и притом довольно нагло, Обществом охоты осиновой рощи, к коему принадлежит он сам, вел. князь, со своими сыновьями и которое теперь оказывается несостоятельным к уплате цен, им же самим чрезмерно повышенных. Отвечаю, что никакого дела с подобными людьми иметь не намерен.

За завтраком по обыкновению довольно едкие шуточки с Ольгою Федоровною. Она не знает, как перевести мой титул на французский язык: secrétaire de mal en pire*.

В Государственном совете. Заседание с подавляющим впечатлением. Всегда при рассмотрении, или, пожалуй правильнее, регистрировании, бюджета бывали прения. На этот раз говорил один Бунге и, представив извлечение из своего всеподданнейшего отчета, пришел к такому заключению, что положение и экономическое и финансовое скверно, а что улучшения ожидать неоткуда. В воздухе чувствовалось, что от Бунге пахнет мертвецом, что катковская клика поколебала его положение. По окончании заседания Абаза подходит к Победоносцеву и говорит ему: «Бунге при перечислении трудностей, встречаемых министром финансов, забыл упомянуть о той брошюре, что написана против него Вашим Смирновым».

При виде презренного Танеева, который на днях объявил в газетах, что празднует столетие не менее, чем он сам, презренного отца его, говорю Дондукову: «Знаете, Александр Михайлович, что сегодня великий день, сегодня столетний юбилей со дня рождения Петра Ивановича Добчинского?»

В 9 час. вечера домашний спектакль в штиглицком доме. Моя жена, дочери и старший сын играют с успехом три французские пьесы. После театра ужин на 50 человек.

31 декабря. Грустный конец невеселого года. На 1886 году вижу сбирающиеся тучи. Опасаюсь, чтобы после афганского дела мы не возгордились, как юный игрок, впервые садящийся к игорному столу, счастливо срывающий банк и в следующий за тем раз проигрывающий состояние.

* Секретарь, попадающий из огня в полымя.

1886 год

1 января. Выход в Зимнем дворце. Встречаю Делянова и имею с ним такой разговор: *Я:* «Правда ли, что Вы произвели Бартенева, редактора «Русского архива», в действительные статские советники?» *Делянов:* «Да». *Я:* «За что? За то ли, что он печатал скандалезные для правительства документы, или за то чрезвычайное невежество, с коим он издает эти документы?» *Делянов:* «Помилуйте, да ведь он продолжает 30 лет литературное поприще». *Я:* «Ну, так и Суворина после 30 лет Вы сделаете генералом». *Делянов:* «Поверьте, что если бы Бартенев служил, то давно был бы действительным статским советником». *Я:* «Весьма может быть, что он был бы министром народного просвещения, но в моих глазах это ничего не доказывает». Стоявшие рядом Островский и Оржевский смеются, а Делянов, несколько озадаченный такою смелостью, старается меня задобрить, сообщая, что комиссия, издававшая документы, касающиеся царствования императора Николая, закрывается и что он, Делянов, намерен предложить государю, чтобы документы эти переданы были для издания Историческому обществу. Покуда идет обедня, объезжаю великокняжеские дворцы и расписываюсь в книгах, вознаграждая при этом услуги швейцаров десятирублевыми бумажками. После выхода дамы приносят поздравления с Новым годом, целуя руку императрицы.

2 января. Четверг. Охота в Коломягах со Швейницем, который очень неспокойно смотрит на балканские события. По его мнению, Германия примет все то, что будет уговорено между Россиею и Австриею, но беда, что этого уговора нельзя теперь предвидеть, а между тем именно ныне до 1 марта следовало бы упрочить мир, а для этого прежде всего разоружить вооруженные полчища, бродящие в Балканах. Говоря о Бисмарке, Швейниц рассказывает, как в последнее его пребывание в Берлине Бисмарк-сын жаловался на то, что его отец скучает, когда он не в деревне. На замечание Швейница, что и в городе у Бисмарка такой прекрасный сад, Бисмарк-сын отвечает: «То, что не принадлежит моему отцу, не делает ему удовольствия».

«Вот чувство, не имеющее для Европы ничего успокоительного», — замечаю я к крайнему удовольствию испанского посланника[1] и советника французского посольства[2].

Вечером прочитываю прелестную статью в «Revue des deux mondes» Шерера о Гримме[3].

3 января. Пятница. Охота на волков в Токсове не удается, как большинство охот Шувалова, который всегда слишком горячится. Сидя в санях вместе, много болтаем. Адлерберг условился с Бисмарком о занятии нами Босфора в случае дележа Турции; при этом проведена чрез Софию черта, отделяющая территорию русского владычества от сферы влияния австрийского[4]. Гирс в отчаянии от того порядка, коим дела производятся. Государь говорит о внешней политике с Островским и Победоносцевым, которые после того приходят читать Гирсу нотации. Государь кладет на депеши резкие и не всегда обдуманные резолюции, кои подчас трудно выполнить. Решившись снять с Баттенбергского принца русский мундир, государь написал мотивированный о его провинностях приказ, и Гирс вместе с Ванновским в течение двух недель едва могли добиться, чтобы мотивировка эта была исключена из приказа. Кн. Кантакузен и офицеры, бросившие болгарскую службу в момент Румелийского восстания[5], представляют царствование Баттенбергского недолговечным; между тем Каульбарс, уехавший из Болгарии после побед над сербами, утверждает, что положение князя совершенно переменилось. Последнее мнение нам не нравится, и мы не хотим ему верить.

Вел. кн. Михаил Николаевич едет сзади нас в санях с сыном Александром и несколько завистливо подшучивает над нашею болтливостью.

4 [*января*]. Суббота. В соединенных Департаментах рассматривается представление Делянова об открытии сибирского университета. Никакие мои доводы и убедительные разговоры ни к чему не ведут. Сознавая отсутствие студентов, Делянов указывает на семинаристов как на тот контингент, откуда их брать; сознавая невозможность назначать профессоров в общих условиях, просит разрешения назначать профессорами людей, не удовлетворяющих существующим на то условиям. Когда ему говорят, что в Сибири нет гимназий, то Делянов указывает на то, что все наши университеты создались прежде, чем существовали гимназии, и что таков исторический ход образования в России. Абаза подкрепляет это словами, что свет всегда шел свыше. Утверждается все представление, и даже министру просвещения предоставляется изыскать способы к открытию юридического и медицинского факультетов[6].

Такое решение я не могу не признать крайне безрассудным. Собирать семинаристов, чтобы слушать недоучившихся профессоров, и

все это на таком отдалении от столицы, среди населения, наполненного элементами неудовольствия в лице ссыльных всякого рода. Подобное мероприятие не могу не признать по меньшей мере неосторожным.

Визит гр. С.А. Бобринской; вечер у Убри, который хворает. Обычная наша партия виста.

5 [*января*]. Воскресенье. После завтрака у Гагариных еду на Каменный остров осмотреть помещение в теплицах, где устраиваем цыганское пение. Целый день пишу свое мемориальное извлечение.

6 [*января*]. Понедельник. Выход в Зимнем дворце. В 3 часа еду навестить больного гр. Протасова, который рассказывает мне о том, какое у него было на днях любопытное вечернее собрание: вдова Дуббельт (рожденная Базилевская), с которой он много лет находился в интимных сношениях, сестра ее кн. Суворова, женщина такого же сорта, и неожиданно приехавший, не будучи приглашен, вел. кн. Константин Николаевич, который состоит в тесной дружбе с госпожою Дуббельт и ежедневно приезжает к ней для дружеских разговоров. В подтверждение этих странных дружеских сношений Протасов показывал мне письмо вел. кн. Константина Николаевича к госпоже Дуббельт, письмо на четырех страницах и содержит подробности как об его жизни, так и о его побочном семействе, прижитом с танцовщицею Кузнецовой, семейство, как видно, состоит из пяти детей, из коих старшей 10 лет. Обо всем этом этот человек говорит как о предметах совершенно естественных и, так сказать, нормальных.

Я забыл записать, что на выходе в Зимнем дворце Островский при виде Домонтовича сказал мне: «А вот сенатор Домонтович, которого Александр Александрович хотел провести в члены Государственного совета». На замечание же мое, что об этом я ничего не слышал, Островский отвечал: «Позвольте на этот раз не верить чрезмерной скромности г. государственного секретаря».

7 [*января*]. Вторник. Захожу к Островскому, чтобы, сделав ему вежливость, быть уверенным, что не станет делать оппозиции в этот день в Комитете министров Бунге, который внес представление об изменении устава Нарвской суконной фабрики. Изменение заключается в том, что право голосов ныне ограничено известным максимумом, так что моя жена, имеющая весьма значительное число акций, не имеет больше влияния на дело, чем братья Пельцер — техники, имеющие известную долю участия. Застаю у Островского управляющего делами Комитета министров Куломзина, который по свойственному ему подобострастию предварительно докладывает дела Островскому. Он же оппонирует мне, доказывая, что сильный акционер

может своим влиянием понизить цену акций, чтобы заставить менее богатых акционеров продать свои акции. С трудом выслушиваю это нелепое рассуждение бездарного чиновника, служащего отголоском причинившей нам столько бед теории государственного социализма.

В 11 час. еду в Царское Село с доктором Боткиным, который очень серьезно смотрит на состояние здоровья вел. кн. Марии Павловны, в особенности потому, что ее мать умерла болезнью дыхательных органов. Боткин очень умный человек и рассказывает характерные подробности о посредственности Александра II и том подобострастном страхе, который отличал покойную императрицу в отношениях к своему мужу.

Абаза передает доклад в Комитет министров. По настоянию Рейтерна, разумеется подбитого Куломзиным, вопрос об изменении устава Нарвской мануфактуры отложен впредь до представления со стороны Бунге более подробных соображений в пользу отступления от той практики, которая установлена была Чевкиным и сохранилась доселе.

Представление у вновь прибывшего английского посла Морьера. Вхожу в одни двери и выхожу в другие.

8 [января]. Среда. Уезжаю вечером с Балашовым на медвежью охоту около Луги.

9 [января]. Четверг. Убиваю медведя, который идет довольно быстро, будучи преследуем собаками. Разговариваю по обыкновению с крестьянином, который правит лошадью. На мой вопрос, есть ли у него дети, отвечает: «Нет, батюшка, нету, была одна дочь, да и ту выдал замуж».

10 [января]. Пятница. Убиваем еще двух медведей и возвращаемся вечером в Петербург.

11 *[января]*. Суббота. Обычная утром ярмарка, как всегда после самого кратковременного отсутствия. В соединенных Департаментах начинается обсуждение проекта об управлении Туркестанской областью[7]. Игнатьев не умеет сказать единое слово (о Розенбахе выражается так: «Это один из тех немцев, которые любят приобретать казенные деньги на законном основании»). Умно говорит Колпаковский. Большинство членов Совета бродит в потемках. Плеве дебютирует и говорит плавно, адвокато-канцелярски. Обед у австрийского посла[8].

12 [января]. Воскресенье. Завтрак у Гагариных с Паленом и Влангали. В $1^1/_2$ приезжает юный Генри Гровенор, весьма благовоспитанный юноша, коего родители (г. Вестминстер) были со мною особенно любезны в 1871 г. Скучная отдача визитов.

13 [января]. Понедельник. В 11 час. у вел. кн. Михаила Николаевича. Говорю так: «Ваше высочество, на днях (в среду) приходит ко мне мой старинный знакомый ген. Ден и объявляет, что пришел в качестве просителя, так как в это самое утро Рихтер показал ему утвердительную резолюцию государя на докладе Рихтера о передаче на обсуждение Государственного совета производившегося много лет тому назад сенатского дела о расчетах Вонлярлярского (тестя Дена) с Министерством путей сообщения[9]. Выслушав это заявление Дена, я объявил ему, что он встретит во мне категорического противника такого рассмотрения, потому что, исполняя в течение трех лет обязанности государственного секретаря, я старался добиться, чтобы Государственный совет был освобожден от рассмотрения судебных дел, на изучение и правильное решение коих он не имеет ни надлежащих сил, ни достаточного времени».

Выслушав это, вел. князь отвечает мне, что в этот самый день (среду) государь сказал ему, что дело Лярских будет передано в Государственный совет, на что он, вел. князь, не возражал потому будто бы, что не знал сущности дела Лярских. Тщетно стараюсь доказать ему, что вопрос не в сущности дела, а в том, что подобного рода дела не должны вовсе переходить на рассмотрение Государственного совета. Прибавляю, что положение Совета с каждым днем делается унизительнее, а служба в нем бесполезнее, что на днях я получил от гр. Толстого сообщение высочайшего повеления, чтобы при слушании дела о чиншевиках были приглашены юго-западный и северо-западный ген.-губернаторы, тогда как приглашение того или другого зависит по учреждению Государственного совета от председателя департамента. Выслушивая все это и многое другое в таком же смысле, вел. князь молчит и только от времени до времени выражает согласие о том, что оно действительно так. Потом он возвращается к любимому предмету своих разговоров — ссоре с Дондуковым, передает, что вследствие записки Дондукова, читанной в Ком[итете] мин[истров], он, вел. князь, еще раз говорил о том государю, причем государь был очень любезен. Так как внешние факты всегда сильнее впечатлевают вел. князя, то он с подробностями передает, как после завтрака все сидели в кабинете государя у того окна, что выходит на Невский проспект, причем из противустоящего дома рассматривали в бинокль, что делалось в кабинете государя. Такие порядки нельзя считать благоразумными с точки зрения безопасности.

Обед у Абазы с целью отпраздновать бриллианты, полученные Убри[10].

14 [января]. Вторник. После обычного доклада Краузольда о фабричных делах приходит Победоносцев, горько плачется на Бунге за его легкомысленное ведение дел, сообщает, что в будущую пятницу должен

решиться вопрос о его портфеле, потому что государю будут представлены достоверные и подробные сведения о политической неблагонадежности большого числа чиновников Министерства финансов. На вопрос мой: «Да кого же назначить на его место?» — Победоносцев говорит, что замещение Бунге Островским — дело решенное.

15 [*января*]. Среда. В 2 часа в домашней церкви Протасова-Бахметева свадьба княжны Оболенской с Новосильцевым. Многочисленное собрание приглашенных, в том числе добрейшая, но скучнейшая вел. кн. Екатерина Михайловна, а также выдающаяся по красоте вел. кн. Елизавета Федоровна.

В $5^1/_2$ час. уезжаю на охоту в Рапти с Шуваловым, Кампо-Саградо, Терно, Гровенором.

16 [*января*]. Четверг. 25° мороза, волки не ложатся, и охота не удается.

17 [*января*]. Пятница. Возвращаемся в Петербург к 6 час. Обедает с нами Влангали, который очень мрачно смотрит на балканские события.

Во время охоты выслушиваю от Шувалова такой рассказ. Гр. Толстой сообщил Шувалову, что в предпоследний доклад Бунге он жаловался государю на газеты «Гражданин» и «Биржевые ведомости», которых нападки на министра финансов выходят из пределов приличия. На другой день после доклада, т. е. в прошлую субботу, государь написал Толстому записку, выражая желание удовлетворить просьбу Бунге о даче предостережения этим двум газетам.

Толстой отвечал, что не разделяет этого мнения, во-первых, потому, что редактор «Гражданина» кн. Мещерский не может быть обвиняем в недостатке патриотизма, а во-вторых, потому, что значительная часть взводимых на Бунге обвинений, в особенности относительно неблагонадежности служащих под его начальством чиновников, справедлива. В подтверждение такого заявления Толстой составил список главных чиновников по податному управлению, начиная с директора Рихтера и вице-директора Ковалевского, собрав неблагоприятные для них полицейские сведения. Рассказывая все это, Толстой заключил так: «После этого, вероятно, Бунге не останется министром».

Шувалов изумлялся недальновидности Толстого, которому гораздо удобнее иметь коллегою в Министерстве финансов уступчивого, безобидного Бунге, чем властолюбивого и двуличного Островского, который бы немедленно сделался первым министром.

Такое поведение Толстого я объясняю исключительно подобострастием пред Победоносцевым вследствие скромного желания сохранить побольше казенную квартиру и 60 тыс. жалованья.

18 [*января*]. Суббота. Продолжается в соединенных Департаментах обсуждение проекта управления Туркестанским краем.

19 [*января*]. Воскресенье. Пишу мемориальное извлечение, делаю тягостные визиты, составляющие самую несносную сторону петербургской жизни.

20 [*января*]. Понедельник. Обычная бессодержательная и чуждая делам Государственного совета болтовня с вел. кн. Михаилом Николаевичем. Вел. княгиня встречает меня словами: «Qu'est ce qu'il y a de nouveau? On me dit quo vous dites du mal du grand duc»*. На что я отвечаю: «Voilà par exemple ce qui ne m'étonne pas»**. За завтраком разговор на такую тему, что события громадны и грозны, а Петербург мелок, ничтожен, живет сплетнями и враждою, не понимая, что может быть одним дуновением бури снесен как пыль, не имеющая корней. Все это Ольга Федоровна принимает, смеясь и не очень веря безошибочности моего взгляда. На прощанье она, между прочим, говорит мне: «Combien de fois je me suis promis de ne pas dire de mal des gens et bien je n'ai jamais pu tenir cette promesse au delà du troisième jour»***.

В Государственном совете после Общего собрания обсуждается в департаменте дело о правах по военной службе вольноопределяющихся[11]. Посылаю императрице первое в настоящем году донесение о важнейших делах Совета, согласно секретному с нею уговору.

21 [*января*]. Вторник. Второй сын Анны захворал корью. Перевожу их в верхний этаж дома на Сергиевской. Визит гр. Шуваловой, которой мать умерла в Бадене. Встречаю на улице Ламанского, который, прочитав брошюру Смирнова[12] и ответ Бунге[13], намерен, кажется, написать третью брошюру.

22 [*января*]. Среда. Выдалось спокойное утро, посвящаю его прочтению в высшей степени интересных бумаг герцога Ришелье[14]; отмечаю то, что может быть нами напечатано. Вечером еду к доброй, старой, давнишней своей приятельнице графине Мойра, чтобы потолковать на свободе. Она представляет весьма интересный, симпатичный, отживающий тип. По воспитанию, по всей своей жизни она принадлежит к давно прошедшему времени. Литературные вкусы, утонченная вежливость, искренняя человеческая доброта в самом возвышенном смысле, почитание религиозных и политических авторитетов, безупречная во всех отношениях жизнь, несмотря на тяжелые семейные обстоятельства всякого рода, — все это вместе взя-

---

*«Что нового? Мне говорят, что вы плохо отзываетесь о вел. князе».

**«Извините, но это меня не удивляет».

***«Сколько раз я давала себе обещание не говорить дурно о людях, но не могла сдержать его более трех дней».

тое составляет очень привлекательную личность, которая среди сурово наступивших и все усиливающихся новых обстоятельств, веяний, усложнений совершенно теряется и, несмотря на очень значительный природный ум и выходящую из ряду тонкость наблюдения с примесью чисто народного юмора, приходит подчас к совершенно неожиданным и странным оценкам того, что около нее происходит. Разговаривая с этою, несомненно, умною и полною наблюдательности женщиною, нередко приходится изумляться неверности ее заключений, и, отыскивая причину такого явления, невольно следует искать ее в той быстроте и обилии явлений, которые наша общественная жизнь с такою неразборчивостью и поспешностью накопила.

23 [января]. Четверг. В соединенных Департаментах спор между Посьетом и Волконским о том, какое влияние дать Министерству народного просвещения в наблюдении за преподаванием в технических, железнодорожных училищах[15]. Абаза с свойственною ему в председательствовании ловкостью мирит противников на том, что Министерству народного просвещения поручается наблюдение за общими предметами.

Обедает Штендман, справедливо и сильно нападающий на неудовлетворительность, а еще того хуже неискренность, лживость преподавания в Училище правоведения.

Большой бал в Зимнем дворце; в первый раз залы освещены электричеством. Ужинаю с графинею Стенбок; против нас гр. Воронцова оставляет пустое место между ею и графинею Богарне для императора, который во все время ужина обходит многочисленные столы и, наконец, уходит курить в сопровождении гр. Воронцова и кн. Трубецкого. В гербовую залу он возвращается в то время, когда ужин кончается, и он подает руку императрице для возвращения в танцевальный зал.

24 [января]. Пятница. Собирался ехать на охоту в Коломяги, но, сильно простудившись, сижу дома, а Швейниц с Шуваловым и Кампо охотятся без меня. Пользуюсь свободным днем, чтобы очистить зады, в особенности частной переписки и журнального чтения.

25 [января]. Суббота. Продолжаю сидеть дома и не иду на слушание проекта туркестанского управления. Из Государственного совета заезжает ко мне вел. кн. Михаил Николаевич, рассказывает, что вчера по случаю именин вел. кн. Ксении Александровны кн. Черногорский[16] поднес ей сочиненные им на этот случай стихи. Вел. князь с некоторою завистью говорит о том, что в этот самый день этот самый князь поднес императрице свою ленту, которой «ни я, ни сыновья мои не имеем, когда ее имеет кн. Евгений Максимилианович Лейхтенбергский», — с горестью замечает мой председатель Государственного совета.

Не еду на бал к Юсупову, куда их величества прибывают в первом часу после французского спектакля.

26 [января]. Воскресенье. Н. Долгорукий, покинувший Берлин, заходит поговорить о своих делах. Советую ему держать себя по возможности больше в стороне и с достоинством, зная, что его постарались, и, кажется, успешно, выставить пред государем в невыгодном свете, что очень жаль, потому что это замечательно умный, энергический человек. Пишу свое на этот раз довольно пространное мемориальное извлечение. Обедают мои старые приятели братья Жемчужниковы да еще А. Сабуров с женою. Глядя на этого доброго и почтенного человека, не понимаешь, как можно было назначать его каким-либо министром.

Получаю вечером записку от Победоносцева[17], который обращает мое внимание на статью «Московских ведомостей» относительно положения печати в Сибири[18]; в статье этой доказывается, что три издаваемые в Сибири журнала находятся в руках поляков, которые, враждуя к России, проповедуют отделение Сибири от России, связывая эту статью с представлением Делянова об открытии в Сибири университета. Победоносцев обвиняет меня в том, что я, подобно своему предшественнику кн. Урусову, безразлично подписываю все, что говорится в Совете. На это я немедленно отвечаю, что между характером деятельности моим и кн. Урусова нет ничего общего, а что касается до участия в направлении советских дел, то я прошу Победоносцева указать мне статью учреждения Государственного совета, которая давала бы мне какое-либо право заявлять свое мнение.

27 [января]. Понедельник. Вел. князь едет в Сергиевскую пустынь на похороны кн. Изабеллы Гагариной, и вследствие того у нас никаких разговоров о делах нет, отчего, впрочем, дела нисколько не страдают. В Государственном совете гр. Пален говорит против установляемого порядка, в силу коего арендатор может отдать арендуемую землю, хотя бы и для пользы православия, помимо воли собственника земли[19]. Ему, разумеется, возражают Победоносцев, Манасеин, Плеве. Гр. Шувалов возражает военному министру по вопросу продления срока службы для вольноопределяющихся. Исходная точка его опровержения та, что вольноопределяющимся не позволено избирать полков, где они хотят служить, так что его, Шувалова, сын не может поступить в гвардию. Победоносцев, встречая меня в Совете, сознается, что обвинял меня несправедливо, и прибавляет: «А статью «Московских ведомостей» я вырезал и послал государю».

28 [января]. Вторник. Доклад управляющего Саши Бульбенко о хозяйстве в имении Фоминки и вероятных этого хозяйства результатах.

Вследствие нового закона о раскладочном сборе обложена сбором в 2800 руб. контора моей жены, управляющая ее имениями. Распоряжение лишено всякого законного основания, но мы решаемся не жаловаться, чтобы не возбуждать в журналистике и чиновничестве криков.

В этот день в Комитете министров докладывается дело о праве голоса на Нарвской суконной фабрике пропорционально числу паев без ограничения определенным максимумом. Несмотря на оппозицию Куломзина и Рейтерна, представление Бунге удовлетворяется[20].

29 [января]. Среда. Читаю 32-й том «Архива Воронцова»[21]. Понятны успехи в прошедшем петербургского правительства, когда в центре его стояли люди, истинно просвещенные, образовывавшие некоторого рода среду, напоминавшую в известном отношении аристократические республики.

Заехавший ко мне Шувалов с похвалою отзывается о брошюре Чичерина относительно пополнения Государственного совета членами, избранными дворянством и земством[22]. Присылает мне эту брошюру, которая на мои глаза оказывается весьма мало обдуманною. Как во всех подобных писаниях, осуждение верно, а способы улучшения несостоятельны. Обед с англичанкою lady Hilda Higgins, которая отлично свищет.

30 [января]. Четверг. В департаментах туркестанское дело[23]. Бал в концертном зале. Играю в вист с Балашовым, Сабуровым, Нессельроде. Уезжаю после ужина и не присутствую при том, как электрическое освещение внезапно гаснет в танцевальном зале.

31 [января]. Пятница. Охотимся на Пороховых с Шуваловым, Паленом, вел. кн. Михаилом Николаевичем. Погода чудесная. Солнце, безветрие. Вернувшись домой, узнаю, что Делянов был у меня и заявил швейцару о желании меня видеть. Еду к нему. Разговор такой. *Делянов:* «Сегодня я был с докладом у государя, который утвердил мое представление о том, чтобы закрыть комиссию, собиравшую материалы о царствовании императора Николая, а для напечатания этих материалов передать их в Историческое общество». *Я:* «Очень Вам благодарен». *Делянов*: «Потом государь спросил меня, читал ли я статью «Московских ведомостей» о журналах, издаваемых в Сибири. Ну, я, конечно, читал, потому что читаю всегда «Московские ведомости». Государь мне сказал, что ввиду сведений, в этой статье содержащихся, он встречает сомнение в пользе немедленного открытия сибирского университета, присовокупляя, что и Вы говорили ему в том же смысле по возвращении из поездки Вашей в Пермскую губернию. Ввиду сего я (Делянов) предложил государю устроить по этому вопросу совещание под председательством гр. Толстого, вносившего первоначально представление об устройстве сибирского университета. Государь выразил на это согласие, равно как и на то, чтобы в совещание это были приглашены Победоносцев и Вы. Государь еще сказал, что надо бы пригласить кого-нибудь из лиц, бывших в Сибири, но при этом прибавил, что бывший там ген.-губернатором Мещеринов, который находится теперь в Казани, едва ли может быть полезным. Я предложил ст.-секретаря Петрова, который сибиряк по рождению, да еще Мерцалова, который был губернатором в Томске». *Я:* «Меня останавливает одно. Как же это? Дело, выслушанное в соединенных Департаментах Государственного совета, будет перерешаться вне стен Совета и даже без ведома председателя? По закону всякий министр может до рассмотрения дела в Общем собрании взять назад свое представление, но отстранять Совет от решения дела, а председателя Совета от какого-либо по делу совещания представляется мне невозможным, и потому если это совещание будет происходить не под председательством вел. князя, то я просил бы меня уволить от участия в нем. Позвольте, Иван Давыдович, к этому прибавить, что я четвертый год несу обязанности государственного секретаря и всегда старался, чтобы между государем и вел. князем были самые лучшие отношения, а при сообщаемом мне Вами распоряжении вел. князь будет иметь справедливое основание быть недовольным тем, как с ним будет поступлено». *Делянов:* «Так что же теперь делать?» *Я:* «На Вашем месте я бы написал государю письмо о том, что неудобно обходить вел. князя». *Делянов:* «Я это сделаю, если Вы позволите мне написать, что я пишу вследствие Вашего заявления». *Я:* «Я ни перед кем от своих слов не отказываюсь».

На этом мы расстались. В этот же день был бал у графини Стенбок. По приезде на бал я встретил вел. кн. Михаила Николаевича и, отведя его в сторону, сообщил ему о разговоре своем с Деляновым. Ответ вел. князя нашел бы блестящее место в любой комедии Мольера: «А если теперь откажет, так это будет мне не в бровь, а в глаз». — «Alors, monseigneur, vous trouvez que j'ai eu tort de dire ce que j'ai dit?» — «Non, vous avez été parfaitement correct*, а все-таки мне будет не в бровь, а в глаз». Иными словами: «Что это за несносный человек, который не хочет оставить меня в покое, хотя бы и неуважительном?»

*«Так вы, ваше высочество, считаете, что я был не прав, сказав это?» — «Нет, вы были совершенно правы...»

Государь оставался на бале у графини Стенбок лишь несколько минут, императрица, напротив, танцевала до упаду и осталась ужинать, чего, впрочем, я не видал, потому что пред ужином уехал с Шуваловым, которому обещал свою карету, так как он своей не заказал, а вел. кн. Алексей Александрович внезапно пригласил его ехать ужинать к нему с гр. Богарне и подходящей к ней под пару Бутурлиной (р. Бобринской).

Суббота, *1 февраля.* Заезжаю к Дену, живущему у Шестакова. Слушаю разговор между Деном и сенатором Нератовым о том, какие бессмысленные беззакония творятся в Польше под влиянием Гурко, ставящего целью своей политики ссорить крестьян с помещиками. Вместе с Деном осматриваем Рисовальное училище, куда постоянно прибывают новые, сделанные нами в бытность за границею приобретения для музея. Поздравляю Алексея Бобринского, который в этот день назначен председателем археологической комиссии, откуда Воронцов предполагает назначить его впоследствии директором Эрмитажа.

В Михайловском театре весьма скучное представление «L'Arlésienne».

Воскресенье, *2 февраля.* В 10 час. у Дондукова-Корсакова в Европейской гостинице. Покупаю китайскую вазу в хорошей старинной французской бронзовой оправе, которая будто бы была похищена из султанского дворца.

Дондуков сообщает, что проведение границы в Афганистане идет мирно и успешно; передает подробности о ходе вооружений на берегу Черного моря. Завтрак с Влангали у Гагариных. Визит Гурко. Заезжаю к Победоносцеву, но у него сидит Черногорский князь. Обедают Всеволожские. За ним тотчас после обеда присылают с требованием явки в балет, куда поехал государь, почти ежедневно бывающий в театре.

Понедельник, *3 февраля.* Сегодня 25-летие нашей свадьбы. Еду к вел. кн. Михаилу Николаевичу. Разговор такой. *Я:* «Делянов уведомил меня запискою, что государь одобрил заявленную мною мысль о том, чтобы совещание было под председательством Вашего высочества. Вероятно, Вы будете говорить об этом государю в среду. Позвольте мне на этот случай выразить мою мысль, что достаточно будет ограничиться установлением списка лиц, имеющих быть приглашенными в совещание, а затем я думаю, что торопиться нечего и что всего лучше будет сказать государю, что Ваше высочество желаете прежде всего ближе ознакомиться с сущностью дела. Тогда, прежде чем совещание соберется, я буду иметь время переговорить с приглашенными

лицами. При докладе государю было бы весьма желательно напомнить о том, что последовало несколько высочайших повелений о том, чтобы министры не докладывали государю о тех делах, кои находятся на рассмотрении Совета». *Вел. князь:* «Хорошо, только, вероятно, в эту среду я не буду иметь доклада, потому что будет парад».

Даже и в этом случае, где, по-видимому, не представлялось никакой для его самолюбия опасности, мой председатель был обуреваем сильным страхом чего-то непредвиденного и могущего кончиться не совсем приятно для его важности. За завтраком вел. княгиня передает мне, что императрица сама рассказывала ей, что графиня Стенбок до того была возбуждена кратковременностью пребывания императора на ее бале, что решилась высказать свое неудовольствие императрице, и притом в довольно резкой форме. «На нее нельзя сердиться, потому что она очень проста», — сказала императрица вел. княгине, кончая свой рассказ.

На этот раз в завтраке участвует П. Кочубей, который, устроив в Техническом обществе электрическую выставку, старается извлечь из нее возможно большие выгоды для своего честолюбия и разъезжает по разным дворцам, приглашая высоких и высочайших особ посетить выставку, на которой угощает их не только красноречивыми, лестными для него объяснениями, но еще и чаем.

По приезде в Государственный совет получаю там от кн. Волконского, по поручению Делянова, записочку с именами лиц, о приглашении коих в совещание он уже докладывал государю. Увидал на списке имена Островского и Мерцалова, захожу после заседания к Островскому. Застаю у него Победоносцева, который излагает ему просьбу какого-то монастыря о наделении казенным лесом. По окончании их разговора спрашиваю Островского, известно ли ему что-либо о совещании. Он начинает отказываться от участия в нем, но, разумеется, в душе своей очень польщен таким приглашением и просит прислать ему дело, заявляя заранее, что он против открытия университета в Томске. Спрашиваю, кто такой Мерцалов. Островский сообщает, что Мерцалов был губернатором в Томске и уволен по наговорам в том, будто бы покровительствовал ссыльным, но Островский, вызвав к себе Оржевского, убедился в несправедливости обвинений, доложил о том государю, и вследствие того уволенный в отставку Мерцалов был вновь определен на службу в Министерство двора. Островский соглашается со мною в том, что присутствие Мерцалова излишне, и берется объяснить это Делянову.

Вторник, *4 февраля.* Разговор с Краузольдом о результатах за истекший год бумагопрядилен; несколько лучше, чем в прошлом. Но-

бель сообщает свои соображения о пользе налога на нефть; обещает казне 8 млн. дохода.

Шувалов рассказывает, что на балу у Стенбока Рихтер передал ему желание государя, чтобы он, Шувалов, разобрал дело о столкновении каких-то двух пароходов, придавая этому делу характер международный, вследствие чего Гирс обижается, почитая, что дело это не должно выходить из его ведения. Говорю Шувалову о забавной алчности вел. кн. Михаила Николаевича к получению черногорской ленты. На это Шувалов рассказывает мне, как в последнюю поездку императора Александра II в Вену он, подъезжая к Вене, громко сказал в присутствии Адлерберга и Шувалова: «Надеюсь, что на этот раз мне дадут крест Марии-Терезии»[24]. По прибытии в Вену Адлерберг и Шувалов стали хлопотать о том, чтобы доставить императору Александру это удовольствие, но получили категорический отказ от императора австрийского, который находил невозможным это сделать, во-первых, потому, что всякий желающий получить это отличие по уставу ордена обязан подать формальную о том просьбу, а во-вторых, потому, что в подтверждение своего ходатайства проситель должен указать на подвиг личного мужества. С изъявлением сожаления о том было предложено поднести государю медаль, которая дается за 25-летнюю безупречную военную службу. Александр Николаевич помирился на медали и носил ее до конца дней.

Заезжаю к вел. князю и передаю ему все слышанное от Островского. Узнаю от Влангали, что одновременно с назначением Шевича в Японию мой старинный приятель Мейендорф назначен советником посольства в Риме. Он очень отстал по службе вследствие ненависти кн. Горчакова, который однажды у себя за столом, глумясь над Мейендорфом, спросил его, почему он, Мейендорф, так отстал по службе от сына кн. Горчакова, презренного Михаила (ныне посланника в Испании). «Я имел неосмотрительность потерять несколько лет в стенах университета», — не запинаясь отвечал Мейендорф.

Влангали рассказывает, что князь черногорский счел необходимым видеться с Победоносцевым как доверенным императору человеком. Победоносцев укорял этого принца в том, что он говорит по-французски, а не по-русски, ездит в Париж, а не в Москву, и, наконец, выразил сожаление, что его зятя, Карагеоргиевича, нельзя сделать сербским королем потому, что он развратный и не внушающий доверия человек. Черногорец до того рассердился за эти откровенные назидания, что утверждал, что если бы он был частным человеком, то вызвал бы Победоносцева на дуэль за дерзости.

5 [*февраля*]. Среда. По поводу печатания бумаг Ришелье прочитываю акты Аахенского конгресса и интересное изложение Мартенса. Получаю в подарок от герцога Омальского его книгу: «Histoire des princes de Condé». Анна категорически заболевает корью. Вечер за чтением дела о найме рабочих.

6 [*февраля*]. Четверг. В соединенных Департаментах слушается туркестанское дело. Неприятно слушать выходки Игнатьева и Галагана о том, чтобы в Туркестане одни православные имели право покупать земли. «Все под личиною усердия к царю». Преступно это потакание черно-народным слабостям. Как делали римляне, коих владычество было гораздо больше, а корневое племя гораздо меньше нашего. Они ставили всякому покоренному народу как достижимый идеал получение прав римского гражданства, а мы, напротив, следуем турецкой политике: объявляем подвластным народам, что они отверженцы и никогда политической равноправности не получат. Это близорукая и опасная политика. У нас на носу балканское разложение, по поводу коего, разумеется, выкажется вражда и зависть целой Европы, а тем временем мы раздражаем и отвращаем от себя и немцев, и поляков, и жидов, и малороссов, и магометан, говоря им, не довольно быть русскими подданными, надо отречься от веры, от всего личного и пересоздать себя по образу какого-нибудь протопопа одного из московских соборов.

Не так думали и делали истинно великие правители русской земли!

7 [*февраля*]. Пятница. Шувалов приезжает поболтать и об охоте, и о вчерашнем бале в Аничковском дворце, который кончился в $3^3/_4$ в крайней меланхолии терпеливо переносившего эту скуку императора.

Накануне величества были у гр. Адлерберга, где происходило пение при участии племянниц хозяйки кн. Белосельской и гр. Богарне. Императрица, ужиная рядом с Шуваловым, сказала ему, что любит танцевать, но не дома, где ей особенно неприятно смотреть на скучающих, которые не танцуют, но не считают себя вправе уехать. Шувалов прибавил, что не сомневался в том, что вел. кн. Михаил Николаевич, видя, как императрица любезно разговаривает с ним, Шуваловым, пригласит на следующий же день обедать его, Шувалова, и, действительно, приглашение последовало. Говорим о записке Чичерина, которой Шувалов напрасно восхищается.

Заходит Шестаков. Увы, это выбывший навсегда из рядов деятелей человек. Он едет в Черное море, а оттуда до Владивостока. Непременно хочет, чтобы до отъезда его было доложено в Совет дело о распространении ценза на остальные части служащих в его министерстве[25]. Уговариваю его не приезжать, а прислать Чихачева.

Бенефис Савиной. Самородок. Прекрасное представление. Пьеса выше обыкновенной; игра замечательная. Присутствуют величества.

8 [февраля]. Суббота. Посылаю утром вел. князю записку, чтобы напомнить, что ему следует прийти на заседание соединенных Департаментов, где будет рассматриваться дело о найме сельских рабочих. Ответ: «К сожалению, быть не могу ради парада и спектакля в Мраморном дворце»!!... Что прибавить к этакой эпитафии.

В Государственном совете соединенные Департаменты обсуждают внесенный Толстым законопроект о найме сельских рабочих[26]. Валуев гробовым голосом напоминает о заслугах, оказанных им этому делу, Тимашев настаивает на обязательности рабочей книжки, но не находит никакой поддержки, Мансуров доказывает, что 20-летний его личный опыт хозяйничанья в Московской губернии убеждает его в том, что всякий закон о найме сельских рабочих излишен и вследствие разнообразия местностей в России должен повести к стеснениям. Толстой мало защищает свой проект, представляя это сотруднику своему Островскому, сам же Толстой опасается простудиться и заботится главным образом о том, чтобы сидеть подальше от окон.

Вечером концерт Рубинштейна, посвященный исключительно Шопену, зала переполнена народом.

9 [февраля]. Воскресенье. Разговор с Ауербахом о путешествии его в Испанию для изучения ртутного дела, которое мы начинаем в Екатеринославской губернии. Завтрак у Гагариных с Паленом, который возмущен статьею Мещерского против членов Государственного совета[27]. Продолжительное объяснение с Краузольдом относительно бумагопрядилен.

Первое представление в Мариинском театре. Представление устроено по личной инициативе императора. Великая роскошь костюмов и декораций.

10 [февраля]. Понедельник. С вел. князем приблизительно такой разговор. *Вел. князь:* «Я очень сожалел, что не мог быть в субботу в Совете». *Я.* Молчу. *Вел. князь:* «А интересное было заседание?» *Я:* «Да, Ваше высочество, было много споров, но общее мнение о проекте то, что он составлен с беспристрастным чувством как для нанимателей, так и нанимаемых, интересы обоих одинаково обеспечены». *Вел. князь:* «А были разные мнения?» *Я:* «Нет, окончательно никто отдельного мнения не заявил, но всех более спорил Мансуров». *Вел. князь:* «Вот и по туркестанскому делу мне жаловался Розенбах, что Мансуров заявил отдельное мнение и затягивает обсуждение проекта. Это, впрочем, он всегда делал. Я помню, как мой брат Константин при мне позвал Мансурова в свой кабинет и чрезвычайно сильно распекал его

за эти отдельные мнения, припоминая ему, что он, Мансуров, всецело обязан ему карьерою». *Я:* «Ваше высочество! Я счастлив, что подобные сцены не возобновляются больше ни в кабинете председателя, ни в зале заседания; в этом, Ваше высочество, заключается чрезвычайное превосходство Вашего председательствования сравнительно с председательствованием вел. кн. Константина Николаевича». *Вел. князь:* «Вы мне делаете комплименты, но я не раз думал об этом и пришел к убеждению, что меня как председателя нельзя сравнивать с моим братом вследствие его выходящих из ряду способностей». *Я:* «Ваше высочество, вел. кн. Константин Николаевич несомненно даровитее Вас; он, может быть, наиболее одаренный человек из всех членов Вашего семейства, но он нехороший председатель; он деспот и обращается с председательствуемым им собранием как с подчиненною ему канцеляриею. Никогда Совет не пользовался такою свободою, и я на Вашем месте был бы благодарен Мансурову, который хотя бы и неосновательными своими мнениями дает иллюстрации Вашему режиму в противоположность порядков, существовавших при Константине Николаевиче. Вы мне сказали, что я Вам говорю комплименты; Вы знаете, как это не в моем нраве, но если сегодня это вышло так, то позвольте мне с тою же правдивостью высказать мне и то, что, по моему мнению, в председательствовании Вашем уступает вел. кн. Константину. Он в каждом деле имел свой определенный взгляд и проводил его иногда чуть не насильственно, но при этом он прежде всего излагал взгляд свой государю, убеждал его или, не убедив в редких случаях, подчинялся взгляду государя, но после этого Совет не рисковал тех заискиваний, тех интриг, обходов и т. п., кои мы встречаем теперь на пути успешного окончания дела. Вы, Ваше высочество, например, за последние четыре месяца не говорили с государем ни о каком деле, несмотря на то что была прямая к тому необходимость, Вы не решаетесь ему высказать того, что ему было бы необходимо слушать, а вследствие того успевают забежать другие, и у нас происходит то, что было с элеваторами, кавказским транзитом, Комиссиею прошений, дисциплинарным судом и пр. Это положение опасное, потому что таким путем и Совет и Вы потеряете значение окончательно и дела будут решаться только путями окольными, что вредно для самого правительства».

Надо отдать справедливость вел. князю, что, как ни неприятны были ему мои слова, он их выслушал внимательно и ни в чем не выразил горечи, а согласился, что я прав.

Потом мы говорили о необходимости запросить в разговоре министров о том, что они собираются вносить в Государственный совет. В

заключение вел. князь сообщил мне о приезде Гессенского принца с дочерью[28], предназначаемою в невесты вел. кн. Михаилу Михайловичу.

За завтраком я спросил вел. княгиню: «Est-ce que votre altesse est contente de l'arrivée des voyageurs d'aujourd'hui?»*

Она посмотрела на меня вопросительно и потом, убедясь, что я все знаю, прибавила: «Je ne sais pas s'il en adviendra quelque chose; il est si bête qu'il veut que je fasse semblant de ne rien savoir, ce que je fait»**. Потом стали мы сплетничать: а) подтрунивали над Кочубеем, который, пригласив вел. княгиню на электрическую выставку, устроил прием, как у себя дома, поставил лакеев в ливрее и дал хозяйничать своей жене; б) говорили о завтрашнем бале у вел. кн. Алексея Александровича; список составляла гр. Богарне и исключила всех, кого недолюбливает, например, командира кавалергардского полка Тимирязева за то, что прошлым летом в Красном Селе он отказал отдать ей в театре ложу офицеров полка и т. д.

В Государственном совете доклад кратчайший, а после него несколько членов жалуются на обидные для них статьи кн. Мещерского в «Гражданине».

Вел. князь, собираясь встречать на станции Гессенского принца, в ожидании прибытия поезда зовет в свой кабинет поболтать Шувалова, Влангали и меня. Его интересует вопрос об отставке, неожиданно полученной Аппером, которому государь по этому случаю сказал про парижское правительство: «Ce sont des canailles»***. Моренгейму приказано добиться сохранения здесь Аппера; в противном случае наш посол, вероятно, будет отозван и дипломатические сношения прерваны[29—30].

В 8 час. панихида по Назаре Гурьеве. После у смертельно больного Воскобойникова.

11 [февраля]. Вторник. Получаю от Победоносцева статью «Московских ведомостей», направленную против Государственного совета и Государственной канцелярии[31]. Пишу ему в ответ письмо, в коем, разобрав несообразность и неверность нападков газеты, говорю в заключение приблизительно следующее: «Дело не в том, кто прав или не прав в существе вопроса, здесь подкладка иная, это — французская поговорка: «Ôte-toi de là que je m'y mette»****. Политический идеал Каткова таков: русский император сидит на троне, а рядом с ним Катков и больше никого. Не знаю, насколько это отвечает видам самодержавного, претендующего на твердость правительства. Суворину нужны деньги, Каткову влияние, а может быть, и то и другое, но, признав авторитет журналиста, правительство может в один прекрасный день очутиться в весьма двусмысленном положении. Я лично мог бы весьма легко положить конец нападкам Каткова на Государственный совет, но если Бисмарк не пойдет в Каноссу[32], то еще менее пойду я кланяться на Страстной бульвар»[33]. Прежде чем отправить письмо это[34], посылаю его для прочтения вел. кн. Михаилу Николаевичу, который пишет мне следующую записку: «Возвращаю Вам с благодарностью ответ Ваш Победоносцеву, который мне и жене очень и очень понравился, метко и дельно! Желал бы обладать Вашим даром слова, чтобы суметь в завтрашнем разговоре произвести большое и должное впечатление».

Среда, *12 февраля*. Сижу дома, ожидая, что, возвратясь от государя, вел. князь пришлет за мною, чтобы передать свой разговор, но никакого уведомления; из чего заключаю, что он или струсил и ничего не сказал, или потерпел блистательное поражение, которое и обрушил на меня.

Четверг, *13 февраля*. В $10^1/_2$ час. похороны Назара. Продолжительный разговор с Стефаницем о шведской компании, предлагающей перемывать золотоносные пески, и о проведении железной дороги с Сосвы не на Каму, а на Чусовую. В соединенных Департаментах туркестанское дело[35]. Вопрос о переселении, которому некоторые силятся дать особенно пространное и тенденциозное значение. Под все модно-народное подделывается Галаган. Бал в Зимнем дворце, в концертном зале. Электрическое освещение удается отлично. Мой Михаил Николаевич от меня как черт от ладану, что подтверждает мое вчерашнее впечатление. Играю в вист с гр. Воронцовою, Убри, Паленом, Вердером. Ужинаю на лестнице Иорданского подъезда. Пред балом получаю от Воронцова и успеваю пробежать составленную, вероятно, Петровым записку об императорской фамилии[36]. Разговаривая с Воронцовым на бале, высказываю ему, что согласен с мыслями, лежащими в основе этой записки, но что есть еще много вопросов, коих она не касается, а коих необходимо коснуться. Воронцов отвечает, что все подробности должны быть поручены кодификационным стараниям Фриша. Отвергаю это мнение, доказывая, что дело должно быть всецело сделано комиссиею.

Пятница, *14 февраля*. Переполох со здоровьем Анны, кончающийся, впрочем, благополучно. Получаю от Победоносцева характерный ответ на мое письмо, вот он: «Ты пишешь ко мне, предполагая, вероятно, что я послал тебе «Московские ведомости», разделяя воззрение

*«Довольны ли, ваше высочество, приехавшими сегодня гостями?»

**«Я не знаю, выйдет ли что-нибудь; его желание, чтобы я делала вид, будто ничего не знаю, очень глупо, но я его выполняю».

***«Это канальи».

****«Убирайся прочь, чтобы я мог занять твое место».

корреспондента. Но у меня привычка посылать газеты к разным лицам, когда встречаю статью, могущую для того или другого лица иметь интерес. И этот номер получил я в минуту отъезда в Москву и, пробежав статью, послал к тебе; до сих пор, кажется, о делопроизводстве в Государственном совете нигде не писалось. Впрочем, это не редакционная статья, а корреспонденция, следовательно, нечего отождествлять ее со взглядом Каткова. Не касаясь подробностей, скажу, не мудрено, что люди критически относятся к процессу фабрикации законов в Государственном совете, коего конструкция, как ты сам знаешь, очень несовершенна. Но люди не знают, что нынешняя фабрикация законов подобна нашей и на Западе в законодательных собраниях, только там изготовление в руках более искусных и знающих людей. Нынешние законы похожи на те каменные здания, кои строят в Японии, забывая о случающихся беспрестанно землетрясениях».

Это отрицание всего, даже необходимости строить дома без указания, как делать лучше, составляет отличительную черту или недостаток Победоносцева.

Я отвечаю на это письмо, что писал без всякой особенной цели, вследствие давнишних наших дружеских отношений, никогда не имевших реальных целей.

Вечер в балете, бенефис Цукки — скучно.

Суббота, *15 февраля.* Заседание соединенных Департаментов по туркестанскому делу. Вялое председательствование достопочтенного Николаи затягивает ход дела. Приходит вел. кн. Михаил Николаевич, садится возле меня. Я говорю о погоде. Он заговаривает о своем объяснении с государем относительно статей «Московских ведомостей». Государь ему говорит, что по заключительным словам, обращенным к Бунге, вся статья имеет целью быть неприятною ему, а потому Государственному совету нет основания принимать ее на свой счет. Относительно статьи «Гражданина» вел. князь уверяет, что не мог говорить о ней с государем, потому что государь ее не читал (!)... В заключение вел. князь выражает удовольствие о том, что из разговора этого убедился, что «чувства государя в отношении Государственного совета не переменились». Что отвечать на столь циническое выражение бесхарактерности? Я возвращаюсь к разговору о погоде, о том, что императрица приказала Толстой не являться на балы в столь раскрытых платьях, что кн. Кочубей, обрадованная тем, что вел. кн. Алексей Александрович пригласил к себе на бал ее дочь, Дурново, дала на другой день вел. князю обед, на который пригласила четырех дам без их мужей и т. п.

После заседания Государственного совета заезжаю в училище посмотреть присланную Лобановым из Вены старинную карету.

Большое для меня горе — смерть Воскобойникова, который выдавался своими возвышенными стремлениями из ряду подобных ему чиновников, не говоря о замечательной его добросовестности.

Воскресенье, *16 февраля.* Ген. Чарковский и его коллекция, найденные на Кавказе Бобринскими. Уговариваемся выставить его коллекцию в нашем музее с тем, чтобы договориться впоследствии о подробностях покупки. В 2 часа у обер-шталмейстера кн. Голицына, который празднует 50-летие своего вступления на службу, но вследствие нового распоряжения о вычете времени, проведенного в отпуску, не может праздновать 50-летия службы, чем, разумеется, весьма недоволен и он, и его сверстники. Прогулка на острова для приготовлений в теплицах ко вторнику. Вечер у Абазы с В. Бобринским, который негодует на петербургских чиновников, не могущих по сахарному вопросу прийти к какому бы то ни было заключению[37].

Понедельник, *17 февраля.* В 11 час. у вел. князя. О делах больше не говорю, а слушаю его жалобы на то, что в Аничкин дворец, где накануне был бал, не приглашают более никогда ни гофмейстера, ни кого-либо из его адъютантов. За завтраком подле вел. княгини рекомендую прочесть вновь вышедшую книгу о неаполитанской королеве Марии Каролине, леди Гамильтон, Нельсоне и пр.[38] В Государственном совете по поводу рассмотрения кассового отчета за 1884 г.[39] Головнин высказывает несколько мелочных замечаний, на которые отвечает Сольский. Абаза говорит пространную речь о том, как затруднительно наше финансовое положение, в особенности ввиду экономического кризиса, переживаемого всею Европою и, в частности, Россиею. Экономические бедствия производят всеобщее неудовольствие, которое выражается в нападках на финансовое управление и его представителей; не только частные лица, но и влиятельные органы печати, принося ущерб русскому кредиту, нападают на министра финансов, тогда как непоколебимость его столь же имеет значение, как твердость армии или флота. В заключение Абаза выразил надежду, что благодаря дружному патриотизму сынов своих русский великан и на этот раз выйдет из затруднительного положения. После заседания вел. кн. Владимир Александрович подошел к Абазе и сказал ему, что готов подписать слова Абазы, за ним и остальные вел. князья благодарили оратора.

В 4 часа спектакль в Мраморном дворце у вел. кн. Александры Иосифовны. Вел. кн. Павел Александрович играет роль первого любовника в изумительном совершенстве, Дмитрий Константинович также недурен в комической роли. Константин Константинович слабее их. Дамы плохи.

В 7 час. обедает у нас вел. кн. Владимир Александрович с Абазою, Владимиром Бобринским, Убри, Влангали. Вел. князь поражает их всех своею естественностью, любезностью, находчивостью, тактом. Его любимый разговор — о прошлом, и в особенности из петербургской придворной и великосветской жизни.

После отъезда гостей сажусь за окончание мемориального извлечения, а в 12 час. еду на бал к английскому послу Морьеру, где, впрочем, остаюсь не более четверти часа.

18 [*февраля*]. Вторник. В $9^1/_2$ час. утра вынос и похороны моего бедного Воскобойникова. Доклад Краузольда об улучшении хода фабрик. Вечером катанье в тройках и пенье цыган. Чувствую себя очень дурно и возвращаюсь домой совсем больной.

19 [*февраля*]. Среда. 25-летие освобождения крестьян. Какие не страницы, а библиотеки написаны историею с того дня, когда я в Исаакиевском соборе слушал манифест, написанный, как говорили, Филаретом![40] Какой шаг шагнула Россия в малоисследованную, можно сказать неведомую, территорию и как не хватило у ее правителей ясности и твердости мысли, чтобы сознать, куда идти вслед за тем! Как мало понимают и сегодня смысл пережитого, обязательность и необязательность его для будущего в том или другом отношении! Кто подумал бы пять лет тому назад, что правительство запретит праздновать 25-летие со дня воспоследования этой меры! Во время моей киевской ревизии не один мировой посредник меня уверял, что народ привыкает в этот день среди крестного хода носить портрет императора Александра II и что портрет этот, несомненно, попадает в ряд образов, находящихся в церкви и изображающих святых. Сегодня же день ознаменовался тем, что Грессер посылал полицейских солдат разгонять несколько десятков молодежи, собравшейся на кладбище служить панихиду по Кавелине[41]. Чувствую себя плохо и лежу целый день в постели, но в $9^1/_2$ час. еду на бал к вел. кн. Сергию Александровичу в доме, купленном им у кн. Белосельского и бывшем одною из главных причин разорения этого пустомели. Бал весьма наряден и многочислен. Разговариваю с Воронцовым о завтрашнем заседании и убеждаю его в необходимости пересмотра всего учреждения об императорской фамилии, а также о неудобстве поручать какую бы то ни было работу вне комиссии.

П. Шувалов уверяет меня, что величества дуются на нас за то, что мы не даем балов, в чем я со своей стороны весьма сомневаюсь.

Чувствую себя скверно и уезжаю с бала в самом начале, несмотря на нарушение этим этикета, что, по всей вероятности, ставится мне в вину многочисленными моими доброжелателями.

20 [*февраля*]. Четверг. Читаю присланные министром финансов бумаги относительно конверсии наших займов. Не понимаю, к чему делать заранее теоретические декларации, когда, пропустив время, можно рисковать неблагоприятным результатом. В $1^1/_2$ первое заседание комиссии у вел. кн. Владимира Александровича, собираемся внизу, в его приемной. Он сам жалуется на сильную головную боль. Адлерберг, по обыкновению нахмуренный, несколько сгорбившийся, смотрит на всех нас, как на мальчишек, и процеживает от времени до времени несколько слов, имеющих преимущественно значение традиций или архивной справки, потому что как скоро обсуждение приближается к почве юридической, так немедленно чувствуется отсутствие самых элементарных в этой сфере познаний. Воронцов молчит как можно больше, а в случае разногласия примыкает ко мне, зная, что я всегда буду держать его сторону, потому что его личные качества безусловной честности, благородства мне давно известны и я их высоко ставлю, несмотря на все его недостатки, и прежде всего бесхарактерность по отношению к государю. Победоносцев, несмотря на все то, что говорил о затруднительности для него принимать участие в трудах комиссии, радехонек, что сюда попал, и при каждом случае готов пуститься в длинные всем нам наставления на ту тему, что видит опасность, неудобства, невозможность и т. д.

Манасеин осторожно молчит и высматривает позицию, как волк, подвигающийся от загонщиков и опасающийся попасть под выстрел. Я стараюсь не задевать ничьего самолюбия и говорить только тогда, когда вопрос имеет существенную важность. Докладчик Рихтер (председатель Департамента уделов) очень польщен тем, что попал в такую чиновную компанию. Записка, им составленная, на темы, о коих я неоднократно говорил Воронцову, изложена весьма ясно и отчетливо.

Заседание начинается с того, что вел. князь просит всех нас обещать безусловное молчание относительно всего, что будет говорено в комиссии. (Я в особенности ему за это благодарен, так как иначе мне не было бы житья от вел. кн. Михаила Николаевича.) Затем обсуждается порядок занятий. Решают прежде всего рассмотреть записку Воронцова, потом пройти по статьям все учреждение об императорской фамилии и на основании высказанных при этом замечаний составить новый закон об императорской фамилии; редакцию этого закона поручить совокупно министру юстиции и государственному секретарю и по изготовлении ее вновь рассмотреть весь текст в комиссии.

Установив ход занятий, переходят к записке Воронцова, которую читает Рихтер. При чтении этом делаются кой-какие замечания. Я почитаю главными два замечания, мною сделанные. Первое — отно-

сительно наименования «удел», данного имениям, которые будут выделяться на майоратном праве праправнукам императора. Я предпочитаю назвать их удельными имениями, или заповедными. Второе — записка предлагает давать праправнукам право избирать или капитал, или имение, при этом купленное, или землю, выделенную из массы удельных земель. Я желал бы изложить это постановление так, чтобы на первом плане было вступление во владение поземельным владением, а на последнем — получение капитала.

Позволяю себе высказать побуждающую меня к тому [мысль] несколько определительнее. До сих пор все вел. князья имели лишь одно поприще — государственную службу. Не называя никого, я могу заверить, что некоторые вел. князья тяготятся исключительностью этой карьеры и были бы вовсе не прочь посвятить себя жизни в деревнях. Разумеется, когда император Павел писал свое учреждение об императорской фамилии, то об этом не могло быть речи, — и число членов императорской фамилии, и условия русской деревенской жизни были совершенно иные. Теперь создалась местная, провинциальная земская служба, в коей желательно участие влиятельных, преданных правительству единиц; отчего не открыть отдаленным родственникам императора и это поприще деятельности и даже поставить его на первый план, а пользование капиталом и более или менее праздную жизнь в столицах отодвинуть на второй план. Выслушав мое объяснение, Победоносцев предлагает высказать мою мысль категорически, но я предпочитаю ограничиться редакционным намеком, опасаясь затруднений и неудовольствия при слишком категорической постановке вопроса.

Эти две поправки составили единственное изменение, сделанное в записке Воронцова.

После заседания посылаю вел. князю сделанный мною краткий отчет о происходившем в заседании.

Вел. князь посылает мой отчет государю при такой записке: «Препровождаю тебе, любезный Саша, краткий отчет нашего первого заседания по пересмотру учреждения об императорской фамилии, составленный, по моему поручению, А.А. Половцовым. Если ты на это соизволишь, будут тебе представляться подобные же отчеты после каждого из последующих заседаний. Искренно твой Владимир».

Записка эта возвращается с надписью: «Совершенно одобряю составление подобных кратких отчетов».

21 [февраля]. Пятница. Вскрытие нарыва на щеке у бедной Анны. Тяжелый ход кори, коею она заразилась от своих детей.

22 [февраля]. Суббота. Заседание соединенных Департаментов по закону о найме рабочих[42]. Уговариваюсь с Толстым о внесении реформы местного управления не позже июня, так чтобы члены могли изучить его на каникулах, а осенью прямо приступить к его обсуждению. Спрашиваю Толстого: «Qu'est-ce que c'est que m. Вышнеградский?» *Ответ:* «Un sale personnage». *Я:* «Pouvez-vous en donner des preuves?» *Толстой:* «Je chargerai Orjevsky de faire une note»*.

В заседании Мансуров-старший продолжает всем надоедать. Островский продолжает выступать в качестве сочинителя проекта, а Толстой более и более стушевывается.

23 [февраля]. Воскресенье. В 2 часа заседание Финансового комитета, — Абаза, Сольский, Бунге, Николаев. Толкуют о конверсии. Я стараюсь обратить внимание на юридическую сторону вопроса, но меня не хотят слушать, и господа финансисты категорически утверждают, что от правительства зависит конвертировать займы, несмотря на то, что для погашения их установлен определенный план тиражей[43]. Разумеется, не в моей роли производить по вопросу этому разногласие.

Посылаю вел. кн. Михаилу Николаевичу вырезки из «Московских ведомостей» и «Гражданина», исполненные площадной брани на Абазу[44].

24 [февраля]. Понедельник. Заседания в Общем собрании нет, а в Департаменте экономии одни кредиты, сижу дома и посылаю государю меморию. В 4 часа приходит вел. кн. Михаил Николаевич, объявляя, что пришел прямо от Толстого, который обещал категорически вызвать Мещерского и написать Каткову, с тем чтобы обуздать обоих. В $5^1/_2$ час. уезжаю в Рапти стрелять волков. Со мною Кампо-Саградо, Галл, П. Сабуров.

25 [февраля]. Вторник. Восхитительная погода. Охотимся в соседстве Княжой горы.

26 [февраля]. Среда. Такая же чудесная погода, охотимся в Раптях около самого дома. Возвращаемся в Петербург в 9 час., убив четырех волков и ранив двух.

27 [февраля]. Четверг. В $1^1/_2$ час. заседание комиссии. Захожу пред заседанием к Владимиру Александровичу и сообщаю ему о том, что вел. кн. Михаил Николаевич выразил мне за себя и за братьев своих желание, чтобы труд комиссии прежде представления в комиссию был показан им. Владимир Александрович справедливо думает, что для удовлетворения этого желания лучше всего пригласить вел. князей в сре́ду комиссии, а я советую в таком случае пригласить и братьев императора — Алексея, Сергея, Павла, которые ока-

*«Что представляет собой г. Вышнеградский?» *Ответ:* «Грязную личность». *Я:* «Можете ли вы представить доказательства?» *Толстой:* «Я поручу Оржевскому составить записку».

жут поддержку вел. кн. Владимиру Александровичу против натиска дядей.

В комиссии обсуждаются 82—140-я статьи учреждения. Статьи, возбудившие сомнение, таковы: 1) 102-я о том, давать ли кому иному, кроме наследника престола, титул цесаревича, как это было сделано в отношении вел. кн. Константина Павловича; 2) 109-я о том, что вдовствующая императрица имеет старшинство над царствующею, чего, по засвидетельствованию гр. Адлерберга, никогда не бывало; 3) о том, давать ли Андреевские ленты *не* вел. князьям[45]. Об остальных статьях были незначительные прения, интересные преимущественно как выражение принимавших в том участие личностей. Адлерберг хотел непременно побольше говорить и, несмотря на обширность природного ума и многолетнюю опытность, постоянно путался, когда вопросы на сколько-нибудь входили в юридические сферы. Победоносцев все осуждал, но когда приходилось делать заключения, то высказывался неопределенно, темно. Воронцов осторожно молчал и заявил лишь одно мнение о 102-й статье. Манасеин, чувствуя свою некомпетентность, продолжал хранить выжидательное положение. Я говорил не стесняясь, стараясь не задевать никого, но желая сделать полезное дело, а не только бессодержательную и безрезультатную композицию. Вел. князь говорил мало, но всегда умно, метко и подвигая обсуждение.

Вернувшись домой, излагаю все заседание для государя и посылаю свое изложение вел. кн. Владимиру Александровичу.

28 [*февраля*]. Пятница. В соединенных Департаментах оканчивается рассмотрение законопроекта о найме рабочих.

1 марта. Суббота. Панихида в Петропавловском соборе над могилою императора Александра II. Присутствующих очень много. Могила обставлена растениями не согласно с последними рассуждениями Победоносцева в его синодальном распоряжении, запрещающем венки при похоронах.

В 2 часа разговор с Ливеном, представителем шведской компании, коей принадлежит вновь изобретенный способ промывки золота.

В 3 заседание комиссии у вел. кн. Владимира Александровича, который сообщает, что государь не желает предрешать своею властью никакого вопроса, а предпочитает по выработании всего проекта прослушать в комиссии под собственным своим председательством все возбужденные ныне сомнения.

Вследствие такого заявления разрешаются эти сомнения так: а) включается новый титул светлости; б) уничтожается статья о том, что царствующий император может жаловать по своему усмотрению титул цесаревича членам своего семейства; в) сохраняется председание вдовствующей императрицы пред царствующею; г) предоставляются Андреевские ленты вел. князьям при рождении, а князьям — при совершеннолетии.

Прежде чем перейти к статьям, определяющим имущественные права, я обращаю внимание комиссии на то, что, кроме личных прав, перечисленных в статьях учреждения, есть еще известная категория привилегий, выражающихся или в некотором этикетном, церемониальном преимуществе, в отдании известного почета, или в освобождении от известных платежей и расходов, как, например, право даровой телеграфной и почтовой корреспонденции, освобождение имений от некоторых налогов, получение экстренных поездов по уменьшенному тарифу. Без сомнения, не только желательно, но и возможно, чтобы всеми этими преимуществами пользовалась не вся совокупность лиц, составляющих царствующий дом, а исключительно ближайшие к царствующему императору родственники. Полезно было бы если не выразить, то наметить мысль о таком различии между императорскою фамилиею и семьею императора, хотя, конечно, подробный пересмотр этих преимуществ, и в особенности установление правил о пользовании ими, разумеется, не может быть сделан комиссиею, а должен быть исполнен министром двора или чинами этого министерства. Вся комиссия, и в особенности гр. Адлерберг, присоединяется к моему заявлению.

Глава о содержаниях согласовывается с предложениями по сему предмету записки гр. Воронцова.

Обедаю у вел. кн. Михаила Николаевича.

2 марта. Так как объявлено, что обедня в Исаакиевском соборе начнется в 9 час. утра, то отправляюсь к 11, но застаю еще «чин православия» — анатематизацию[46], что не совсем у места в торжестве празднования императорского восшествия на престол, обедня начинается в $11^1/_4$, удлиняется проповедью и оканчивается молебном в 2 часа. Все вел. князья присутствуют, и многие из них выражают неудовольствие на то, что Победоносцев не снимает шубы, когда все они стоят в мундирах и лентах. Пишу по обыкновению меморию. Вечером в Михайловском театре: «Le Parisien», более остроумная, чем большинство теперешних, комедия.

3 [*марта*]. Понедельник. У вел. кн. Михаила Николаевича. По обыкновению разговор о городских и придворных новостях: когда уезжают в Крым. «Надеюсь, что меня пригласят присутствовать при спуске броненосцев и, таким образом, видеть возрождение флота, коего уничтожению я был свидетелем... Вчера младший сын мой Сергей ездил в Гатчину играть с цесаревичем, и я поручил ему сказать

императрице, что Петербург — превосходен; в то самое время, как он это говорил, вошел государь и сказал: «А от меня скажи дяде Мише, что Гатчина будет почище Петербурга» и т. п. С вел. княгинею разговор в том же тоне, особливо относительно выходок гр. Богарне, которая всячески старается как можно более скомпрометировать вел. кн. Алексея Александровича.

В Государственном совете довольно комическая выходка Тимашева против проекта Толстого о семейных разделах, изобличающая полное незнание крестьянского быта со стороны человека, пробывшего десять лет министром внутренних дел.

После заседания Общего собрания еду на выставку картин в Академию художеств. Решительно ничего сносного, кроме картинки неизвестного художника Бакаловича. Дорогою Победоносцев рассказывает, что Толстой обиделся тем, что государь не берет его с собою в путешествие в Крым, и объяснялся о том с ним, Победоносцевым, который старался объяснить ему, что в этом нет ничего обидного. Продолжительное и тяжелое свиданье с Кочубеем, который по побуждениям завистливой жадности старается всячески стянуть с нашего Рисовального училища в пользу своего Технического общества как можно больше денег под какими бы то ни было предлогами. Его грызет честолюбие, и Соляной городок служит к тому средством.

4 [*марта*]. Вторник. Объяснение с Беком, главным механиком Невской бумагопрядильни, о необходимости увольнения из директоров бухгалтера Груббе. В 1 час заседание комиссии у вел. кн. Владимира Александровича. В главе о браках разрешаются браки с иноверными для всех, кроме наследника престола и старших в его поколении. Если престол достанется лицу в боковой линии, то его иноверная жена должна принять православие или он сам должен отказаться от престола. Спорю с Победоносцевым относительно устарелой и неуместной статьи, запрещающей иностранным принцам, женившимся на русских вел. княжнах, сохранять поземельную собственность в России в случае пребывания вне пределов империи. В 1797 г. все это писалось с точки зрения крепостного права и существовавшего запрещения иностранцам владеть поземельною в России собственностью; теперь все изменилось, и если бы подобный случай возник, то принцы эти очутились бы в худшем против своих подданных положении, но как скоро говорится об иностранце, так Победоносцев закусывает удила. Разумеется, его поддерживает Манасеин. Слушая их, вспоминаю виденную на какой-то станции лубочную картинку, изображавшую разные виды адских мучений, коим подвергаются разновидные грешники. В центре картины изоб-

ражен самый крупный греховодник, повешенный на железной цепи и пекущийся в самом сильном огне. Он одет во фрак с круглою на голове шляпою, вина же его выражается одним словом: *немец*.

Заседание наше длится до $5^1/_2$ час., и последние статьи просматриваются весьма бегло. Вел. князь хочет непременно освободить Воронцова, уезжающего завтра в деревню. В $6^1/_2$ час. скучнейший по обыкновению обед у вел. кн. Екатерины Михайловны. Она встречает меня словами, qu'elle n'a pas encore vu le palais Marie dans son travesti*, на что я немедленно замечаю: «Votre altesse impériale veut sans doute dire: depuis qu'il est revêtu du caractère élevé de monument consacré à l'utilité publique?»** Потом вел. княгиня пристает ко мне с бессмысленным ходатайством поместить в Мариинском дворце максимилиановскую лечебницу на том основании, что она основана герцогом Максимилианом Лейхтенбергским. Принцесса Елена Георгиевна стареется, совсем выглядит старою девою, более и более ожесточается против матери и порядка жизни, коему подчинена. В $9^1/_2$ час. уезжаю на волчью охоту под Порхов.

5 [*марта*]. Среда. Охота в Порховском уезде, — Кампо-Саградо, Галл, Сабуров. Убиваем трех рысей и двух волков. 18° мороза.

6 [*марта*]. Четверг. Состояние здоровья Анны хотя медленно, однако начинает улучшаться. После однодневного отсутствия количество накопившихся бумаг по обыкновению весьма значительно.

7 [*марта*]. Пятница. Панихида по умершем кн. М.А. Оболенском. В 3 часа заседание совета Исторического общества ввиду предстоящего общего собрания. Бычков, Грот, Веселаго, Феоктистов, Сергеевич, Дубровин. Написав накануне государю о том, желает ли он собрать Общество у себя, получаю ответ: «К сожалению, едва ли это будет возможно ввиду скорого нашего отъезда в Крым». Дубровин читает интересное сообщение о возникновении Верховного тайного совета. Грот обещает приготовить очерк биографии В.Н. Татищева.

8 [*марта*]. Суббота. Окончание рассмотрения туркестанского дела. Письмо от Боголюбова о его саратовском училище и приезде в Петербург из Парижа портретиста.

9 [*марта*]. Воскресенье. Завтрак у Гагариных с Влангали. История французского посла Аппера, жена коего, покровительствуемая княгинею Кочубей, добилась того, что в Гатчине стали смотреть на отозвание Аппера как на неуважительный в отношении русского

---

* Что она еще не видела Мариинского дворца в его маскарадном виде.

** «Ваше императорское высочество хотели, конечно, сказать, что не видали его еще с тех пор, как это здание получило высокое предназначение служить общественной пользе?»

императора поступок, а между тем Фрейсине пишет теперь, что отзывает Аппера потому, что он слишком глуп и таким представителем Франция не может довольствоваться, высоко ценя свои сношения с Россиею. А между тем государь уже до того рассердился на отозвание Аппера, что приказал Гирсу отозвать из Парижа Моренгейма.

10 марта. Понедельник. В 11 час. у вел. кн. Михаила Николаевича. Он обижен тем, что накануне в Гатчине было катанье с гор и прогулка в санях, причем приглашены были три кавалергардских офицера, но в числе их не было старшего сына вел. князя — Николая Михайловича.

Отсюда разговор принимает такой оборот. *Вел. князь:* «Да, мы, дяди государя, часто помышляем о том, что будет с нашими детьми после нашей смерти. Покойный государь их выдвигал и поощрял их службу, а нынешний производит их наравне со всеми остальными офицерами, даже в прошлом году по поводу представления одного из вел. князей к награде он написал на докладе, что запрещает на будущее время представлять вел. князей к наградам, предоставляя себе самому заботиться о их повышениях. Старший сын вел. кн. Николая Николаевича вследствие повышения, полученного при покойном государе, теперь имеет чин генерала и командует гусарским полком, а младший, Петр, служит в уланском полку и, как мы вчера рассчитывали с его отцом, по теперешним порядкам не получит генеральского чина прежде, как чрез 22 или 23 года. Точно так же и мои сыновья. Что же удивляться, если, не имея никакого поощрения, молодые люди со временем сделаются недовольными и примкнут к числу таких же недовольных из общества». *Я:* «Но как же это делается в Пруссии?» *Вел. князь:* «Там принцы крови, которые хорошо служат, получают поощрение».

Потом мы говорили о виденной накануне на сцене Александрийского театра оперетке Штрауса. Вел. кн. Ольга Федоровна спросила у вел. кн. Алексея Александровича имя какой-то танцовщицы. Называя ее, Алексей Александрович прибавил, что ее содержит сидевший с нами в ложе кн. Белосельский. «Et que dit sa femme?»* — прибавила вел. княгиня. «Nadèje n'est qu'une gobeuse»**, — отвечал Алексей Александрович.

В Государственном совете все то же ничтожное и кратковременное заседание. Вел. князь вызывает в кабинет Абазу. Я думаю, что он станет говорить о делах, а он настаивает на том, чтобы был Департа-

*«А что говорит его жена?»
**«Надежда легковерна».

ментом экономии отпущен какой-то кредит артиллерийскому ведомству, да еще просит Абазу помочь ему в завтрашнем заседании Комитета министров провести железную дорогу на Петровск и Баку, а не с Владикавказа на Тифлис. В этом Абаза ему отказывает.

Приехавший из Москвы Шувалов передает свой разговор с Катковым. Шувалов упрекал его в том, что подчас Катков заходит слишком далеко в своей брани против лиц, стоящих во главе финансового управления, и в особенности Абазы. На это Катков ему отвечает: «Я стою у окна и вижу, что русский народ грабят; буду кричать «караул», и никто не вправе требовать от меня, чтобы я молчал».

Разговор этот Шувалов передает Абазе, который решается ехать к государю для объяснений. В 4 часа у Победоносцева. Хочу убедить его отстать от бессмысленно заявленного им в нашей комиссии о том, чтобы иностранные принцы, женившиеся на русских вел. княжнах, при выезде за границу были поставлены в необходимость продавать купленные ими недвижимые имения. Правило это было постановлено императором Павлом, когда существовало крепостное право и притом никакому иностранному подданному не разрешалось покупать земли в России. Теперь через столетие, когда крепостное право в России уничтожено, а приобретение поземельной собственности разрешено всем иностранцам, было бы непоследовательно установить изъятие для одной лишь категории иностранцев и притом тех только, кои, принадлежа к владетельным домам, будут состоять в родстве с нашим царствующим домом.

Притом новое учреждение об императорской фамилии предполагается издать в виде целого памятника, а не в виде отдельных поправок к закону Павла I. В этой форме новый закон, подписанный Александром III, содержал бы ограничения в отношении иностранных принцев, ограничения, кои подали бы справедливый повод не только к журнальным нареканиям, но и, быть может, к международным, дипломатическим недоразумениям. Победоносцев убеждается этими доводами. Рихтер является к Победоносцеву для прочтения журнала последнего заседания.

11 [марта]. Вторник. В 11 час. приходит гр. Валуев, бледный, расстроенный; просит выхлопотать ему от государя уплату долгов на сумму от 30 до 40 тыс., высказывая опасение, что на эту сумму будет предъявлено к нему на днях судебное взыскание. В 3 часа заседание у вел. кн. Владимира Александровича. Рихтер читает журнал предшествовавшего заседания. Я возбуждаю вопрос об иностранных принцах, Победоносцев выражает готовность отказаться от прежде заявленного им мнения. Ставлю вопрос о том, не надо ли подробнее предус-

мотреть возможность морганатических браков. На это вел. князь отвечает, что предусмотреть все подробности, могущие возникнуть при совершении подобных браков в отдаленных степенях родства императорского, почти невозможно сегодня, но что государь неоднократно повторял ему, что он при жизни своей для великих князей таких браков дозволять не будет. При обсуждении вопроса о дворцовых имениях и переходе их от одного лица к другому предположено возложить разработку этого вопроса на министра двора. Адлерберг останавливается на неопределенности понятия о дворцовом имуществе и несоблюдении законного порядка при переходе этих имуществ, особливо по духовным завещаниям. Как пример он указывает на духовное завещание вел. кн. Михаила Павловича, на коем нет иного утверждения, как собственноручная надпись самого завещателя о том, что завещание его утверждено императором Николаем. Очень любопытно завещание императрицы Александры Федоровны. Она завещала Александрию (в Петергофе) императрице Марии Александровне; Орианду — Константину Николаевичу; сыну своему, Николаю Николаевичу, она завещала Знаменское, упустив из виду, что имение это было куплено на деньги вел. кн. Николая Николаевича и только из сыновней предупредительности оставлено во владении императрицы, матери его.

В конце завещания императрица сказала: «Je regrette de n'avoir rien à léguer à Michel, à moins qu'il ne se contente de Douderhof»*. При этом оказалось, что Дудергоф — единственное имение, дающее доход. Любопытно еще и то, что завещательница забыла о существовании принадлежавшего ей под Москвою имения Нескучное, которое вследствие того и поступило в раздел трем ее сыновьям, братьям царствовавшего императора, причем император Александр II выплатил цену имения братьям и сохранил самое имение.

После заседания совещаюсь с вел. кн. Владимиром, как лучше поступить в интересе Валуева. Вел. князь говорит, что при всей готовности не считает возможным вмешиваться в это дело, потому что весьма часто прибегает к государю для подания денежной помощи состоящим под его начальством офицерам. Говорит, что он лишь однажды счел необходимым ходатайствовать об уплате долгов, а именно долгов Адлерберга, кои простирались свыше 800 тыс. руб. Вел. князь советует мне не мешать в это дело вел. кн. Михаила Николаевича, а при первом свидании рассказать государю все слышанное от Валуева.

* «Я жалею, что у меня нет ничего, что бы завещать Михаилу, если он не удовольствуется Дудергофом».

В 6 час. приезжает из Вены Лобанов. Встречаю его на станции. Изумляюсь его неизменяющемуся расположению духа и ровности характера. Он весьма покоен относительно политического положения на Востоке. Войны никто не хочет. Австрийский император имеет дурные известия о здоровье германского императора и, предусматривая близкую его кончину, желает тесного с Россией союза.

В 7 час. обед с вел. кн. Владимиром, Всеволожским, непринужденная веселость. В 10 час. приезжает Шувалов, и я с ним вместе еду на раут к Швейницу в честь рождения германского императора.

12 [марта]. Среда. Много толкуем с Лобановым о петербургских порядках и о том, как они отзываются на делах. Лобанов жалуется на наших консулов, которые все стараются понравиться, предугадав то, что может понравиться в Гатчине. Узнав, что на следующее утро Абаза едет к государю в Гатчину, пишу государю письмо относительно главного из производящихся ныне дел Департамента экономии — дела о найме сельских рабочих. Выставляю неудобства издать закон в том виде, в каком он прошел чрез департамент, т. е. с неприменимо суровыми в известных случаях мерами относительно рабочих и с целым арсеналом наказаний, налагаемых мировыми судьями на нанимателей, которым обещана была правительственная поддержка и кои окажутся в худшем против прежнего положении.

13 [марта]. Четверг. Отправляюсь в Гатчину по поезду в $10^1/_2$ и застаю в приемной у государя Абазу и Лобанова. От государя выходит Петров, докладывавший за отсутствием*. Он передает обер-гофмаршалу кн. Трубецкому приказания государя о приеме французского и бухарского послов. Выслушав это сообщение, Трубецкой подходит к нам и говорит: «А что бы сделалось с кн. П.М. Волконским, если бы он вышел из гроба? Я, как теперь, вижу: сидит в приемной у императора Николая всесильный кн. Чернышев, усыпанный бриллиантами, кн. Чернышев, которому государь во время пребывания своего в Палермо приказал сделать в Зимнем дворце выход в Новый год; этот самый Чернышев вскакивал и вытягивался в струнку, когда чрез комнату проходил кн. Волконский, которого обязанности сегодня исполняет Петров, при всех его достоинствах имеющий внешность заскорузлого провинциального чиновника». Бьет 12. После Петрова зовут Абазу, который выходит из кабинета через полчаса сияющий. Передает мне, что говорил о нападках на него «Московских ведомостей», указывая на то, что нападки эти идут вразрез с теорией о сильном правительстве. Государь отвечал ему, что уже передал чрез гр.

* *Так в подлиннике.*

Толстого Каткову запрещение нападать на личности, не довольствуясь обсуждением общих вопросов, потом Абаза поставил в связь статьи Каткова с притязанием, предъявленным к нему Зубковым, старого карточного будто бы долга. Государь отвечал ему, что ничего о том не слыхал, и советует Абазе не обращать на это внимания.

После Абазы, весьма, впрочем, недолго, у государя сидит Лобанов, а потом зовут меня. Разговор приблизительно следующий.

Государь: «Извините, что я заставил Вас так долго дожидаться».

Я: «Помилуйте, государь, я думал, что это раз навсегда установлено, что Вы принимаете меня после всех, не церемонясь со мной и тем доказывая мне свое расположение».

Государь: «Это новые темы сборника».

Я: «Точно так, государь, вот пять томов. За последние два года мы напечатали их одиннадцать. Вот перечень их содержания. Вся заслуга этого труда принадлежит Штендману, и я прошу у Вашего величества позволения благодарить Вас за пожалованную ему награду — чин действительного статского советника, хотя при этом считаю необходимым настаивать на том, что я ходатайствовал о том в коронацию, находя, что тогда было своевременно выражение Вашего одобрения, то теперь это сделал Делянов по своей собственной инициативе».

Государь: «Вы мне писали о материалах для истории императора Николая. Я желаю, чтобы Вы напечатали их для того, чтобы изменить существующее до сих пор мнение, что император Николай был только солдат и больше ничего. Ознакомясь ближе с его деятельностью, увидят его качества души и ума».

Я: «Очень благодарю Ваше величество за оказываемое мне Вами доверие, но для исполнения этого поручения я просил бы Вас дать мне и те средства, кои дарованы были покойным государем бар. Корфу, а именно доступ в архив и право досылки туда лиц, которые могли бы списывать отмеченные мною бумаги. Это необходимо, ибо издавать собранный материал в теперешнем виде невозможно. Я знаю, что в иных ведомостях он собирался довольно неразборчиво и поверхностно, так что необходимо сверить его с подлинником, прежде чем выпускать в свет».

Вследствие выраженного на то государем согласия читаю доклад, который он и утверждает.

Я: «Может быть, я в этом году несколько поздно обратился к Вам, государь, с докладом об общем собрании членов Общества, но это всегда делалось на второй неделе поста, так я поступил и в нынешнем году; прибавлю, впрочем, что я не считал нужным обременять Вас таким собранием каждый год среди Ваших занятий».

Государь: «Нет, отчего же, мы это так давно делаем, что я желаю продолжать и впредь, только на будущий год напомните мне пораньше, покуда я буду в Петербурге».

Я: «Слушаю-с. Позвольте мне, государь, спросить Ваших указаний относительно возложенной на меня редакции труда комиссии об учреждении императорской фамилии. Не прикажете ли при изложении текста закона обратить на что-либо особенное внимание?»

Государь: «Нет, особенного я ничего сказать не имею. Владимир говорил мне о намерении пригласить дядей, которые желают представить свои замечания. Я против этого ничего не имею, но не допускаю рассуждений о существе меры, а только разъяснение подробностей».

Я: «Я должен рассказать Вашему величеству, как это сделалось. Вел. кн. Михаил Николаевич потребовал от меня, чтобы я передал вел. кн. Владимиру Александровичу его желание, чтобы труд комиссии не был представлен Вам, государь, без выслушания замечаний дядей. Передавая это заявление Владимиру Александровичу, я высказал мысль, что целесообразнее было бы для вел. князя пригласить не только дядей, но и братьев, и притом не наедине, а в присутствии комиссии, где пред всеми нами дяди не решатся высказать Владимиру Александровичу тех неприятностей, кои ему пришлось бы выслушать с глазу на глаз. Надо отдать справедливость вел. кн. Владимиру Александровичу, что он своим председательствованием провел все это дело отлично; то шуткою, то молчанием, то категорическим высказыванием взгляда он вел все так дружелюбно, что легко было достигнуть успешного конца».

Государь: «Я не мог по вчерашнему Вашему письму говорить с Абазою, потому что он приехал по личному своему делу. Он мне говорил об этом требовании Зубкова, которое, по его заверению, не больше как отместка за решение в Государственном совете дела об Обуховском заводе[47–48]. Какое Ваше мнение? Неужели человек может потребовать уплаты никогда не существовавшего долга, ведь он рискует, что ему дадут пощечину?»

Я: «Подробностей этого дела я не знаю, но несомненно то, что в течение 17 лет Зубков ничего не требовал от Абазы. В карточных историях, по выражению одного умного человека, редко разбирают, обокраден ли или обокрал кто-либо. Со мною самим было, что человек, который был мне должен, потребовал с меня уплаты ему той суммы, которую он был мне должен». (Я не хотел при этом назвать его, флигель-адъютанта Шереметева.) Затем разговор возвращается к рабочему вопросу, и государь выражает желание, чтобы дело это не рассматривалось в Общем собрании до его возвращения, которое последует 4 мая.

Говоря об этом деле, распространяюсь о необходимости в делах Государственного совета, вносимых отдельными министрами, по возможности устанавливать известный, определенный взгляд, выражающий правительственное направление, а затем подвергать строгой критике подробности проекта. Такая роль выпадала бы на долю председателя, но с вел. кн. Михаилом Николаевичем этого достигнуть невозможно. Вспоминаю о сибирском университете, судьба коего доселе не решена. Потом рассказываю случай с Валуевым. Выслушав внимательно, государь говорит: «Можно бы выдать из моих сумм, но чрез несколько лет такое ходатайство возобновится».

Я: «Чрез несколько лет, государь, Валуева не будет на свете. Если я позволю себе докладывать Вам о том, то делаю это потому, что Валуев был почти всегда недоброжелателен ко мне; и когда я был обер-прокурором I департамента, а он — министром внутренних дел, то он не раз выставлял меня в невыгодном свете пред покойным государем. Одна из главных выгод монархического правительства — это солидарность в преемстве престола; у нас нет места правительству 4 сентября[49] или правительству 15 мая[50], и человек, служивший отцу Вашему, государь, 20 лет на выдающихся постах, имеет право на то, чтобы Вы выручили его из такого обесчещивающего положения, как объявление несостоятельным».

Государь: «Скажите Танееву, чтобы выдал ему 30 тыс.». В заключение прошу, чтобы мне позволено было на Страстную и Святую неделю уехать в Вену, погостить у Лобанова, подышать другим воздухом, посоветоваться с докторами и позабыть петербургские сплетни.

Государь: «Да, несносны петербургские сплетни». В $1^1/_4$ иду завтракать к обер-гофмаршалу кн. Трубецкому и в 2 часа уезжаю в Петербург. Дорогою Абаза рассказывает интересные истории о вел. кн. Елене Павловне.

15 [*марта*]. Суббота. Прихожу в Государственный совет слушать прения по составленному под председательством Перетца проекту о преимуществах чиновников в отдаленных местностях[51]. Сюда же приходит вел. кн. Михаил Николаевич и начинает меня с чем-то поздравлять. Сначала я не понимаю, в чем дело, но потом выясняется, что накануне императрица обедала у вел. князя и выражала свое удовольствие о том, что моя жена пожертвовала 20 тыс. на устройство в Гатчине приюта для детей, вылеченных, но еще не окрепших здоровьем. Вслед за тем я, разумеется, подвергся допросу о том, как я был принят государем. На допросе я, разумеется, сообщил только то, что могло быть сообщено. Посидев в Департаменте законов и послушав довольно скучные прения, иду писать свое мемориальное извлечение,

которое на этот раз получает большой объем вследствие помещения закона об ограничении крестьянских разделов.

16 [*марта*]. Воскресенье. Завтракаю у Гагариных с Лобановым и Паленом. Воспоминания о прошедшем, и, разумеется, не в пользу настоящего. Поголовное нерасположение к Победоносцеву, обвиняемому в узкости взглядов, мелкоте поповских предвзятых страстишек. В 2 часа приезжает ко мне Бартенев, который добивается, чтобы Историческое общество поручило ему издание николаевских бумаг. Разумеется, я далек от мысли связаться с этим корыстным, грубым, необразованным человеком. Разговор с ген. Карловичем, которого, безусловно, подчиняю Месмахеру в деле постройки государственного архива. Визит Грейга, который просидел три дня в снегу между Берлином и Вержболово. Вечер с Боголюбовым. Окончательная редакция учреждения об императорской фамилии.

17 [*марта*]. Понедельник. Еду к вел. кн. Михаилу Николаевичу, но о делах нам говорить некогда, он едет на панихиду, потому что сегодня день смерти кн. Орлова. Успеваем, однако, возвратиться к моей гатчинской поездке, и когда я рассказываю, что когда я приехал, то Петров докладывал государю и, выйдя оттуда, сообщил Трубецкому, что государь примет на другой день французского и бухарского послов, то мой вел. князь восклицает: «Бедный Трубецкой!» В разговоре вел. князь заявляет мне желание пригласить к обеду жену мою и меня. С тех пор, как я служу государственным секретарем, это в первый раз, не потому ли, что императрица выражала удовольствие о пожертвовании. Это дядя императора, председатель Совета, фельдмаршал, а не простой камер-лакей. Как же требовать от царствующих, чтобы они сохраняли нравственное в отношении людей чутье? После заседания Общего собрания в нашей комиссии прочитывается текст нового учреждения об императорской фамилии. Замечаний никаких. Положено отпечатать, а затем пригласить дядей и Алексея Александровича, так как Сергей и Павел уезжают в Крым с величествами. После этого заседания иду в Департамент экономии слушать закон о фабричных рабочих[52]. Директор Департамента полиции Дурново произносит речь о тех попытках, кои делаемы были анархистами, чтобы проникнуть в фабричную среду. Меня в это время вызывает Победоносцев и советуется о том, что ему делать с обращенным к нему ходатайством некой герцогини Феррари о том, чтобы быть принятою в Гатчине. Я ему объясняю, что эта женщина по имени девица Анненкова, будучи фрейлиною вел. кн. Александры Иосифовны, была выслана за границу вследствие какой-то истории, довольно сомнительной в нравственном смысле. Теперь она вернулась в Россию и предъявля-

ет какие-то странные бумаги, между прочим, письмо от гр. Адлерберга, обещающее ей 4 млн., и т. п. Выражаю уверенность, что все это кончится просьбою о вспомоществовании, но Победоносцев утверждает, что ее внешность внушает ему доверие и что поэтому он взялся передать государю ее ходатайство. Как мне кажется, его самолюбию очень льстит то, что к нему обращаются по делам, не имеющим ничего общего с его официальными обязанностями.

Посылая меморию государю, возвращаюсь к вопросу о чине и заявляю, что если не даю хода этому вопросу, то делаю это не потому, что опасался бы, что мое самолюбие пострадает или что меня сошлют в ссылку, как Сперанского, который полезными ограничениями раздразнил чиновничье сословие, а исключительно потому, что при отсутствии твердо определенного правительственного направления не хочу, чтобы оно выказалось на этом довольно важном вопросе.

Вечером приезжает ко мне кн. Горчаков сетовать на то, что патриарх Константинопольский дал развод жене его, Горчакова, а здесь Победоносцев объявляет, что он не станет ссориться с патриархом из-за Горчакова. Для меня невозможно допустить, чтобы браки, на российской территории, по российским законам совершенные, уничтожались властью каких бы то ни было иностранцев. В этом вопросе Победоносцев мог бы с большею уместностью явиться поборником разумно национальной политики.

18 [марта]. Вторник. Читаю представление гр. Толстого о введении общей полиции в Прибалтийском крае[53], в представлении, между прочим, говорится, что, так как в этих губерниях дворянская полиция преследует свои сословные цели, то ее надлежит заменить общею имперскою; но так как в империи коллегиальное устройство, по отзыву Кахановской комиссии, никуда не годно, то надо ввести в Прибалтийском крае общую полицию с отменою коллегиальных порядков. Подобное рассуждение не выдерживает критики. Если что-либо изменять на окраине, то прежде надо выработать общий имперский, по возможности лучший тип, а затем допустить отступления для окраин по особенным, требующим уважения обстоятельствам. Вечер у Абазы. Лавровская и Карцева поют сцены из «Агари» Рубинштейна, «Онегина» Чайковского, «Юдифи» Серова. Исполнение превосходно во всех отношениях.

19 [марта]. Среда. Посылаю государю доклад о моем заграничном на Пасху отпуске, а также о вызове нескольких предводителей и губернаторов в качестве экспертов по чиншевому вопросу[54].

20 [марта]. Четверг. Новая статья в «Московских ведомостях», направленная против Абазы за председательствование в заседании

Департамента экономии о пошлине на медь, причем задет и Богословский округ, и лица, будто бы предъявляющие влиятельные ходатайства[55]. Разумеется, я ни с Абазою, ни с Бунге об этом не говорил и в заседании отсутствовал. По словам Абазы, вопрос был поставлен так: надлежит возвысить пошлину так, чтобы сохранить цену, имевшуюся в виду в прошлом году ($10^1/_2$ руб. за пуд), цену, чрезвычайно понизившуюся вследствие открытия значительных американских залежей и не имеющую никаких шансов на повышение. Против утвердительного на это ответа не спорил сам Небольсин, записной приверженец свободы торговли.

21 [марта]. Пятница. Продолжительное посещение Рисовального училища и осмотр новых его приобретений.

22 [марта]. Суббота. Заседание по проекту комиссии Перетца о преимуществах для чиновников, служащих в отдаленных местностях. При обсуждении вопроса о применении этих новых правил предполагается предоставить привилегии лицам русского происхождения, а при обсуждении в Совете люди, желающие понравиться и предугадать вкусы лиц, власть имеющих, предлагают присовокупить «и православного исповедания». Герард, участвующий в прениях в качестве представителя опекунского совета, восстает против мысли исключить лютеран. Его поддерживают Каханов, Маркус и в особенности Чихачев, который указывает на то, что за последнее время почти все главные администраторы Польши, коим вверено было дело обрусения, были лютеране, как Лидерс, Берг, Коцебу. Ввиду такого настояния решено вопрос о вероисповедании не ставить в законодательном порядке, а предоставить разрешению административной власти Комитета министров.

23 [марта]. Воскресенье. Разговор с Ауербахом и Функом о недостаточности данных для постройки железной дороги на Каму. Завтракаю с Влангали и укоряю его в том, что его начальник, Гирс, своим малодушием внушает неуважение императору и тем самым вредит ходу дел. На днях на одном проекте депеши, написанной Жомини, государь написал, что это галиматья. Влангали утверждает, что эта заметка имела последствием объяснение и извинения.

24 [марта]. Понедельник. В 11 час. у вел. князя продолжительный разговор относительно учреждения об императорской фамилии. Вел. князь был и у Константина Николаевича и у Михаила Николаевича и обоих уговорил на полное согласие; у Николая Николаевича он не был потому, что, как мне говорил Владимир Александрович, этот дядя думает только о том, как бы поскорее умерла его жена, чтобы в тот же день жениться на Числовой.

Вел. кн. Михаил Николаевич не находит никаких поводов к неудовольствию и только возвращается к указу 24 января[56], соболезнуя о том, что у его потомства отнят титул императорского высочества; при этом снова слышу ссылку на то, что все потомство Марии-Терезии сохраняет этот титул. Отвечаю, что в этом потомстве есть такие эрцгерцоги, кои подобно эрцгерцогу Иоанну имеют всего 10 тыс. государственного дохода, а потому лишены возможности жить в Вене, что у нас такие императорские высочества немыслимы. По обыкновению вел. князь не может представить никаких возражений против того, что ему говорят. Вел. кн. Ольга Федоровна просит моего совета о том, как поместить капитал вел. кн. Александра Михайловича 600 тыс. руб., получаемый им в день совершеннолетия. Советую купить государственных займов в металлической валюте.

В Государственном совете подходит ко мне Валуев и имеет наглость сказать, что полученные им 30 тыс. руб. составляют une réparation qui lui était due* за то, что государь отказал ему в причислении сына к нашему посольству в Вене. Я сухо отвечаю ему: «Je crois, monsieur le comte, que ces deux circonstances n'ont rien de commun»** — и поворачиваюсь к нему спиною навсегда.

Многочисленный дипломатический обед у нас.

25 [марта]. Вторник. Так как Бычков и Грот, приготовившие чтения для годичного заседания Исторического общества, отказались исполнить свое обещание, когда вследствие отъезда государя годичное собрание пришлось сделать не в Аничковом дворце, а у меня на дому, то наскоро набрасываю несколько размышлений о печатаемой мною переписке Ришелье[57], присовокупляя выдержки из его писем. В собрание приходят всего 11 человек, в том числе вел. кн. Владимир, по окончании заседания остается играть в вист с Лобановым, Убри и Влангали.

26 [марта]. Среда. Посылаю государю мемории в Крым. Пишу при этом уведомление о том, что его дяди довольны составленным нами новым учреждением об императорской фамилии.

27 [марта]. Четверг. Показываю вел. кн. Владимиру дом на Английской набережной. Ему очень нравятся размеры и расположение.

28 [марта]. Пятница. Навещаю несчастного Боголюбова, который лишился 17-летнего сына. Что за удивительная нравственная высота в этом превосходном человеке.

Ночью едем с вел. кн. Владимиром охотиться на глухарей. Я убиваю одного, а ему не удается.

---

* Возмещение, которое он вправе был получить.

** «Я думаю, граф, что эти два обстоятельства не имеют ничего общего между собой».

О своем свидании с вел. кн. Константином Николаевичем он рассказывает, что Константин Николаевич против теперь вновь выработанного учреждения никаких замечаний не имеет, но весьма недоволен прошлогодним указом 24 января. Его очень озабочивает то, что возле собора в крепости строится вновь семейная усыпальница, и он очень опасается, что будет похоронен там, а не в самой церкви, где, по его словам, его родители обещали сохранить ему место возле его сестры Александры Николаевны. Константин Николаевич просит Владимира ходатайствовать, чтобы его похоронили на этом, а не на другом месте. На другой день Константин Николаевич присылает ездового лакея сказать своему племяннику, что не имеет замечаний по переданной ему записке. Вообще грубость и неблаговоспитанность этого человека выходят из ряду обыкновенных явлений жизни. На днях, например, он завтракал после обедни у вел. кн. Александры Иосифовны, причем, несмотря на присутствие нескольких посторонних, и в том числе дам, ему подавали особые, сравнительно с приглашенными, блюда, а в конце завтрака он закурил папиросу, не предлагая того же самого своим гостям.

29 [марта]. Суббота. Заседание в соединенных Департаментах с приглашенными в качестве экспертов предводителями, среди коих выделяется волынский — Уваров. Гр. Толстой приехал, обращается ко мне с такими словами: «Ну, вот Вы довольны, сегодня будет представление, которое Вы хотели устроить». *Я:* «Для Вас, граф, так хорошо знающего дело, это может быть не более как представление, но для большинства членов Совета весьма полезно выслушать людей, знакомых с чиншевым вопросом не канцелярски, а вследствие ежедневных занятий».

Председатель бар. Николаи ставит ряд общих вопросов, на которые предводители дают ответы. Обедаем в квартире у Лобанова, — вел. кн. Владимир, Абаза, Убри, Левашов, Влангали. Обед весьма веселый.

30 [марта]. Воскресенье. Визит Бобринским, где родился внук у гр. Ольги, рожденной Трубецкой. Заканчиваю дела и переписку ввиду отъезда в Вену.

31 [марта]. Понедельник. У вел. кн. Михаила Николаевича. Сообщаю ему общие сведения о положении главнейших дел с тем, чтобы он мог отвечать на вопросы в Ливадии. Вел. княгиня все время насмехается над свадьбою брата вел. кн. Марии Павловны с принцессою Веймарскою. В Государственном совете вслед за Общим собранием — заседание по чиншевому делу. На этот раз говорят губернаторы. Особенно бойко защищает правительственный проект и бюрократический деспо-

тизм генерал-губернаторского правителя канцелярии (потому что об идеях самого Дрентельна говорить серьезно нельзя) г. Томара, киевский губернатор, очевидно имеющий в виду свою карьеру. Бездарностью поражает витебский губернатор кн. Долгоруков. Бойко говорит виленский — Гревениц, также сильно уповающий на милость начальства.

Обед у Абазы в честь Лобанова.

1 апреля. В 10 час. надеваю мундир и еду поздравлять вел. кн. Михаила Николаевича и Ольгу Федоровну по случаю совершеннолетия вел. кн. Александра Михайловича — пресимпатичного во всех отношениях юноши. Он отправляется в двухгодичное кругосветное плавание, и родители озабочены тем, какое у него за это время будет общество и товарищество. Вел. княгиня говорит мне о намерении завещать этому сыну свое крымское имение Айтодоры. Захожу и к новорожденному, которого застаю показывающим Чихачеву фотографические альбомы с изображением кораблей, составляющих иностранные флоты.

Доклады Краузольда о фабриках, Ауербаха — о богословских заводах, Абеля — о садах тамбовского имения. Приходит Победоносцев из Комитета министров, жалуясь, что там Абаза наговорил ему колкостей по поводу Закаспийской железной дороги[58]. Победоносцев указал на статью, напечатанную накануне Черняевым в «Новом времени»[59], а Абаза, выставив неуместность выходки Черняева, стал говорить о лицах, пишущих журнальные статьи, не подписывая их, причем оспаривал заявление Победоносцева о том, что на подобные статьи надлежит [не] обращать какое бы то ни было внимание. От этого рассказа Победоносцев обратился к любимой своей теме о том, что его подозревают в разных закулисных интригах и влиянии, которого он в действительности не имеет, что он в начале царствования предостерег государя против некоторых опасностей, и в особенности против Дружины[60], что в то время гр. Толстой желал уничтожения Дружины, но не решался действовать против Воронцова, а он, Победоносцев, имел мужество написать государю длинное на восьми страницах письмо, в коем доказывал, что существование Дружины может прямо привести к заговору против самого государя[61]. Письмо это государь послал Толстому, который тогда и уничтожил Дружину немедленно. Что, следуя такому образу действий, он, Победоносцев, и теперь решается писать государю в тех случаях, когда считает, что польза государства того требует, что делает это он, впрочем, весьма редко и в исключительных случаях, а между тем все совершающееся в правительстве приписывается ему, и даже он получает со всех концов России подписанные и неподписанные обвинительные на эту тему акты.

2 апреля. Уезжаю с Лобановым в Вену, где провожу время весьма приятно, осматривая достопримечательности, покупая предметы для нашего Рисовального училища (в том числе пять превосходных картин Tiepolo). Пасхальную заутреню слушаем вместе с Лобановым в греческой церкви, потому что семейство нашего православного священника заражено дифтеритом, причем умерло два сына. Получив уведомление, что в субботу на святой неделе назначено заседание в соединенных Департаментах Государственного совета по чиншевому делу, приезжаю в Петербург в пятницу, 18 апреля.

18 апреля. В 6 час. возвращаюсь из Вены. В одном со мною поезде приезжают для присутствования в Государственном совете по чиншевому делу ген.-губернаторы: киевский Дрентельн и виленский Каханов. Последний щеголяет предо мною тем, что он истинный обруситель Литвы и, сам того не замечая, смешит меня рассказами о том, в чем, по его понятию, заключается обрусение и в чем ополячение. Одно слышу от него умное слово: польский вопрос отдельно и римское католичество отдельно не представляют для русского правительства никакой опасности, но, соединенные воедино, они представляют значительную и опасно враждебную силу. Дрентельн мой старый приятель по Киеву. При его молчаливости от него немногого добьешься, однако, говоря про назначение Вышнеградского членом Государственного совета, он в подтверждение того, как низка нравственность этого человека, вспоминает о том, как он, Дрентельн, быв шефом жандармов, следил за деятельностью Вышнеградского в должности директора Технологического института. Он либеральничал и популярничал со своими воспитанниками, а сам занят был исключительно мыслью о наживе в разных компаниях. Вернувшись домой, нахожу телеграмму от вел. кн. Михаила Николаевича, который меня уведомляет, что желает присутствовать при спуске корабля в Севастополе 6 мая и потому приедет в Петербург только в заседание 12, прибавляя: «Если не будет до того времени важных дел». Я ничего не отвечаю на подобную телеграмму, выражающую его равнодушие к важным обязанностям председателя и подобострастное желание быть побольше там же, где и государь.

19 апреля. Суббота. В соединенных Департаментах продолжается обсуждение чиншевого дела. Государственный совет совсем изменил первоначальное представление гр. Толстого и требует установления грани 1840 г., а также письменных, а не одних словесных доказательств[62]. Назначение Вышнеградского произвело просто смуту в рядах членов Совета. Большинство подозревает тут влияние Победоносцева, Островского и Каткова. Островский, вероятно желая узнать существующее об

этом мнение, спрашивает меня: «А что Вы скажете о назначении Вышнеградского?» *Я:* «Да все говорят, что он Ваш крестник». *Островский:* «Даю Вам слово, что я никогда не произносил его имени пред государем. Поверьте, это все сделано Победоносцевым». Гр. Толстого я вопрошаю так: «Ведь Вы мне сказали, граф, что Вышнеградский отъявленный мазурик, а между тем он назначен членом Государственного совета. Как же это? Где же та справка из жандармского управления, которую Вы хотели приказать составить относительно деятельности Вышнеградского?» На это Толстой мне отвечает: «Справка составлена и лежит у меня на столе. Что же мне делать, если меня ни о чем не спрашивают?» *Я:* «Вот в том я Вас и упрекаю, что прежде Вас обо всем спрашивали, а теперь ни о чем больше не спрашивают».

20 [*апреля*]. Воскресенье. Заезжаю к Победоносцеву, который относительно назначения Вышнеградского говорит следующее: «Даю тебе слово, что я не упоминал его имени государю и притом видел этого человека лишь три раза в жизни. Два раза он приезжал ко мне, чтобы говорить об устройстве банка в Галиции, а третий раз он был у меня по случаю назначения в Совет[63]. Думаю, что он участием в прениях принесет пользу, но, конечно, благоразумнее было бы назначить его иначе, т. е. или провести чрез какую-нибудь государственную должность, или предварительно поручить дело, которое доказало бы его деловые способности». При этом Победоносцев высказывает подозрение, лишенное всякого основания, будто бы Вышнеградский назначен по влиянию Абазы, сознающего невозможность держать более Бунге министром финансов ввиду окончательно обнаружившейся неспособности его и желающего провести Вышнеградского в министры финансов. Сомневаюсь в искренности такого подозрения.

21 [*апреля*]. Понедельник. Обычное Общее собрание, 15 пустых дел, потом соединенное присутствие по рабочему вопросу. Островский с жаром нападает на Мансурова за поданное им отдельное мнение, видя в нем обвинительный акт против представленного министрами законопроекта[64].

Мансуров отвечает весьма сдержанно и умеренно, что никогда не имел в виду писать что-либо похожее на обвинительный акт и охотно берет назад все, что могло подать повод к такой оценке, но что объяснения Островского ни в чем не колеблют мнения его, Мансурова. Толстой, хотя и без самолюбивой запальчивости, всецело отвергает возражения Мансурова. Затем Победоносцев в весьма талантливой речи представляет картину послереформенной России, где никакой на месте внушающей доверие власти не существует, а между тем обсуждаемый законопроект вносит в отношения сельского населения подробную регламентацию, долженствующую внести в трудовую жизнь известное раздражение, которое будет не поглощаться, а пуще усиливаться влиянием мирового судьи и народившегося рядом с ним адвоката-ябедника. В заключение своей речи, ссылаясь на поспешность, которая отмечает последние недели весенних занятий Государственного совета, Победоносцев просит отложить окончательное разрешение этого дела до осени. Такое заключение, разумеется, составляло слабую сторону его речи, и Абаза, разумеется, не упустил случая посмеяться над своим политическим противником, настаивая на том, что до осени не изменится ни порядок обсуждения дел в Государственном совете, ни личный состав мировых судей и ябедных адвокатов. В итоге заседание не привело ни к какому результату. После заседания Абаза, проходя мимо группы, в которой стоял Победоносцев, обратился к нему со словами: «И ничего во всей природе благословить он не хотел».

Толстой, слыша это, отвел Абазу в сторону и стал горько жаловаться на то, что Победоносцев все останавливает и способен только тормозить, а не двигать дела.

Вечером, окончив чтение записок гр. Бенкендорфа[65], слушаю чтение записок гр. Корфа[66]. Что за посредственность и в людях и во времени. Подобострастное лакейство Корфа, несмотря на то что он хочет выставить себя героем, подчас комично.

22 [*апреля*]. Вторник. Заседание Департамента законов по пустым делам. Чтение переписки Николая I с цесаревичем Константином Павловичем[67]. Все та же посредственность.

23 [*апреля*]. Среда. Осмотр Рисовального училища, где получена интересная коллекция тканей. Продолжаю читать материалы, собранные Корфом для биографии императора Николая[68]. Комиссия существовала для этой цели 30 лет и брала по 12 тыс. руб. ежегодно, а итог ее работы не стоит и тридцатой доли взятых комиссией казенных денег.

24 [*апреля*]. Четверг. В соединенных Департаментах Бунге упорно настаивает на том, чтобы обложить железнодорожные общества промысловым налогом, в чем ему единогласно отказывает соединенное присутствие. Точно так же ему отказывают в обложении ввозною пошлиною суперфосфатов, которые с некоторого времени стали привозиться на Север и оказывать большую пользу земледелию, только что делающему первые шаги на пути интенсивного хозяйства. Вышнеградский весьма умно предлагает обложить вывозною пошлиною фосфориты, которые ныне вывозятся за бесценок и возвращаются к нам за дорогую плату[69]. Вышнеградский представляет сведения, собранные им

в качестве председателя совета Юго-Западных железных дорог, сведения эти доказывают, что умеренная пошлина, например 10 коп. с пуда, применительно к пошлине на кость даст казне доход без ущерба для теперешних продавцов, так как австрийская железная дорога Карла-Людвига немедленно сбавит свой тариф.

25 [*апреля*]. Пятница. Прочитываю в «Revue Nouvelle» статью «Société de Petersbourg», весьма меткую и во многом верную. Чиншевое дело. Вопрос о разверстании угодий. Абаза настаивает на обязательности разверстания.

26 [*апреля*]. Суббота. Заседание по чиншевому делу, которое подвигается весьма медленно. Посылаю Шидловского к Толстому и Победоносцеву.

27 [*апреля*]. Воскресенье. В 2 часа в Мариинском дворце совещание под председательством Абазы. Николаи, Стояновский, Победоносцев, Толстой, Островский, Фриш. Министры, составители проекта, всецело отступают от своих первоначальных предположений и соглашаются уничтожить все те уголовные кары, кои предоставлялись мировым судьям налагать на нанимателей и нанимаемых. Соглашаются и на то, чтобы правила законопроекта не распространялись на сдельные и поденные работы. Гр. Толстой настаивает лишь на том, чтобы установлено было наказание для тех нанимающихся, кои примут на себя более работы, чем сколько могут исполнить, и при этом заберут вперед задатки. На это присутствующие соглашаются, и, таким образом, устраняется разногласие, первоначально образовавшееся. Обычное писание мемориальных извлечений для государя, кои с наступлением конца сессии получают все более и более угрожающие размеры*.

28 [*апреля*]. Понедельник. Кратковременное Общее собрание и затем заседание по чиншевому делу. Разномыслие о порядке разверстания сервитут. Не остаюсь до конца, а иду писать свое мемориальное извлечение, к коему прилагаю письмо с подробным описанием всех перипетий рабочего вопроса. Письмо, которого переписывать в момент отсылки не было времени, сколько могу припомнить, такого содержания:

«В последний доклад мой пред отъездом Вашего величества я представлял Вам о необходимости прежде переноса в Общее собрание дела о найме рабочих созвать совещание, на коем выяснить существенные стороны последовавшего разногласия. На это Вам, государь, угодно было выразить волю Вашу, чтобы перенос дела этого в Общее собрание был отложен до Вашего сюда возвращения. Между тем отсрочка в возвращении Вашем сюда могла бы иметь последствием, что дело осталось бы совсем недоложенным до наступления каникул, и потому я, напротив, счел необходимым учинять зависевшие от меня меры к скорейшему его окончанию ввиду изменившихся обстоятельств.

21 апреля были созваны департаменты под предлогом объединения обоих проектов как о найме сельских, так и о найме фабричных рабочих. Пред заседанием М.Н. Островский сказал мне, что намерен «пригвоздить Мансурова к позорному столбу». Замечая такое раздражение в сторонах, я решился просить и Островского и Мансурова по возможности быть мягкими в выражении их мнений. Заседание началось с того, что Островский утверждал, что мнение Мансурова есть обвинительный акт против министерского проекта, и затем разобрал каждый пункт этого мнения. После того гр. Толстой, выразив готовность сделать некоторые уступки, настаивал в особенности на необходимости издать закон, не откладывая этого на продолжительное время. Отвечая обоим министрам, Мансуров выразил сожаление, что написанное им мнение могло иметь сходство с обвинительным актом, объявил, что готов взять назад все, что могло бы иметь характер обвинения, а о сущности дела не захотел распространяться после многих потраченных на прения часов и ввиду пространно изложенного им печатного мнения. На вопрос председателя, не угодно ли еще кому-либо из присутствующих членов высказать что-либо в пользу того или другого мнения, К.П. Победоносцев в блестящей импровизации изложил свое мнение, заключавшееся в том, что он видит в проекте опасную сторону в том раздражении, которое внесется проектом в отношения нанимателей и нанимаемых. До освобождения крестьян существовал многочисленный класс помещиков, кои были даровыми и природными полицмейстерами. Когда с освобождением крестьян почувствовалась необходимость в ближайшей над новым свободным населением судебной власти, тогда были созданы мировые судьи. Я сам участвовал в составлении закона о мировых судьях, я помню, каким идеальным человеком мы хотели создать этого доброго, честного судью, сидящего под дубом и с простотою судящего население. На деле вышло совсем иное, с подчинением мировых судей кассационному Сенату мировой судья превратился в старинного подьячего, заучивающего такое или другое кассационное решение, а рядом с ним создался не существовавший доселе тип деревенского адвоката, представителя всякой ябеды. И вот каким агентам новый закон хочет отдать разбор вновь устанавливаемых им довольно сложных отношений, вооружая мирового судью властью применять довольно строгие караль-

Далее зачеркнуто: 28. Понедельник. Значительное число пустых дел, а потом опять.

ные наказания, и все это в трудовой сфере, требующей согласия для успешного результата. К этому надо прибавить, что рассмотрение дел в Совете, особливо весною, отличается чрезвычайной торопливостью, часто затрудняющею основательное изучение. Ввиду всего сказанного Победоносцев предлагал отложить рассмотрение этого дела до осени. К сожалению, это неожиданное заключение дало противникам К.П. Победоносцева право возражать, что до осени не изменится ни порядок рассмотрения дел в Государственном совете, ни личный состав мировых судей, а что посему и не представляется основания откладывать дело до осени. Министр юстиции счел необходимым заявить, что, по его убеждению, личный состав мировых судей вовсе не таков, чтобы препятствовать каким бы то ни было законодательным улучшениям. Видя неуспех такого заседания, я возложил на ст.-секр. Шидловского (ум и чрезвычайные способности коего не могу не выставить пред Вашим величеством) путем переговоров с представителями главных мнений определить сущность тех именно постановлений, устранение коих могло бы привести к соглашению переговоров с К.П. Победоносцевым; он передал гр. Толстому и Островскому, что соглашение могло бы последовать, если бы признано было возможным не распространять новый закон на сдельные испольные и поденные работы, а также значительно ослабить проектируемые для обеих сторон, и в особенности для нанимателей, наказания. В воскресенье, 27 апреля, в здании Мариинского дворца последовало новое совещание под председательством Абазы из двух председателей департаментов Государственного совета, двух министров, внесших представление, Победоносцева и Фриша. После четырехчасовых прений было признано возможным сделать требовавшиеся в проекте поправки. Успех этого совещания принадлежит Абазе, который привел обсуждение к заранее сознанной цели благодаря тому, что во все время заседания не задел нисколько самолюбие никого из присутствовавших. Таким образом, вследствие устранения разногласия я имею надежду доложить в течение мая месяца дело это Общему собранию и окончанием его умножить то число полезных законов, кои выработаны Государственным советом с того времени, когда Вам угодно было меня сюда приставить».

29 апреля. В Гражданском департаменте. Докладывают проектированные Манасеиным правила об изменении судопроизводственных порядков в Прибалтийском крае[70]. Оппонирует, но не сильно, Старицкий. Вечер у Нелидова.

30 апреля. Среда. Получаю бумагу от Рихтера, при которой препровождается для внесения в Государственный совет просьба ген.-

лейтенанта гр. Граббе об отмене постановления Комитета министров, коим постройка тоннеля в Сурамском перевале на Закавказской железной дороге отдана казенным инженерам, а не Обществу Закавказской железной дороги, председателем коей состоит Граббе[71]. Дело в том, что при уничтожении специального железнодорожного фонда[72] решено было рассматривать в Комитете министров вопрос о направлении дороги, а все касающееся финансовой части вопроса передать в Департамент экономии, так что и теперь Государственному совету продолжать исключительно, так сказать, бюджетное, сметное ассигнование, и нельзя допустить, чтобы по этому поводу Государственный совет входил в рассмотрение частных ходатайств, а тем менее обсуждал правильность высочайше утвержденного положения Комитета министров. Невежество Рихтера при чрезвычайно добросовестном его усердии может иметь весьма опасные последствия.

1 мая. Четверг. Сметное заседание Департамента экономии. Открываю в своей канцелярии особый секретный шкаф с многими интересными и доселе неизвестными записями по вопросам государственного управления и законодательства[73].

2 мая. Пятница. Чиншевое дело, которое подвигается медленно, в особенности потому, что проект гр. Толстого переделывается почти целиком. Бар. Николаи сообщает мне, что послал вел. князю просьбу об увольнении его от председательствования в Департаменте законов. Желание свое он объясняет прежде всего тем, что, имея единственную дочь, живущую на Кавказе, хочет пожить в ее обществе, а притом и в лучшем климате; к этому Николаи прибавляет, что устал от множества занятий по Государственному совету, и, наконец, одним из побуждений к тому (и, может быть, главным) выставляет обязанность по званию председателя присутствовать в Комитете министров, где господствует антипатичное для него направление преследовать все носящее хотя какой-нибудь немосковский характер. Известие это очень прискорбно. Бар. Николаи — человек безусловно правдивый, прямой, трудолюбивый, добросовестный, личность в высшей степени почтенная, заменить его будет очень трудно, и нет сомнения, что партия юродивых интриганов с Катковым во главе сделает все возможное, чтобы провести кого-либо из своих клевретов, который будет добиваться достижения своих выгод под видом служения народному знамени. Читаю переписку императора Николая с цесаревичем Константином. У императора Николая благородные чувства, но недальние мысли, у Константина Павловича все фельдфебельское.

1 мая не было более и следа еще немного лет тому назад существовавшей екатерингофской прогулки*. Вечером, как и во все предшествовавшие дни, слушаю чтение записок бар. Корфа, как материал для биографии императора Николая. Что за подобострастная посредственность этот бар. Корф! Лакейская душа в оболочке немецкого бюрократа. Ничего свежего, самобытного, пылкого, живого.

3 мая. Суббота. Целый день читаю материалы для истории императора Николая, а вечером играю в вист.

4 мая. Воскресенье. Захожу к Толстому, чтобы предварить его о намерении Николаи, так как вел. князь телеграфирует, что уже доложил его просьбу государю, и, следовательно, государь, увидясь с Толстым в Москве, будет с ним о том разговаривать. Толстой согласен со мною в том, что наилучший кандидат на это место — Сольский по его уму, опытности, сведениям, несмотря на грустную его бесхарактерность. Внушаю Толстому, что всего лучше было бы постараться сохранить, хотя бы еще на год, бар. Николаи и что этого можно бы достигнуть любезными от государя словами с присовокуплением Андреевской ленты. Толстой совершенно разделяет мое мнение, а я припоминаю ему, как четыре года тому назад он почитал несчастием назначение Николаи и хотел видеть председателем или Шувалова, или Палена. Сегодня он признает невозможными и того и другого. В 3 часа еду в училище посмотреть купленные в Вене пять картин Tiepolo, кои прибыли совершенно благополучно. В 4 часа глупый комитет Музея прикладных знаний под председательством скучного Исакова. Обещаю ему давать модели для кустарных производств. Обедаем у Анны, которая поправилась и, несмотря на крайнюю еще слабость, уезжает в Киссинген.

5 мая. Понедельник. После Общего собрания еще раз обсуждение в соединенных Департаментах закона о сельских и фабричных рабочих. Островский присылает сказать, что болен, но при этом заявляет несогласие на редакцию некоторых параграфов, особливо того, который определительно говорит, что закон не распространяется на сдельные и поденные работы. Посылаю к нему ст.-секр. Шидловского, которому он объявляет, что весь составленный им законопроект испорчен и что он не намерен более участвовать в его обсуждении. Шидловский возвращается от Островского и передает мне содержание своего объяснения в присутствии Толстого, который приписывает это раздражение болезненному состоянию Островского. В заседании соединенного присутствия приходят окончательно к соглашению, кроме Мансурова, который пишет еще новое отдельное мнение.

Далее зачеркнуто: 2 мая. Пятница. Оканчивается рассмотрение чиншевого законопроекта.

Обед у Абазы в честь киевского ген.-губернатора Дрентельна. Чтобы избегнуть разговоров о настоящем, рассказывают анекдоты из прошлого царствования; между прочим, Абаза вспоминает, как они вместе с Дрентельном сидели в комиссии, созванной для обсуждения обвинений кн. Барятинского против милютинского управления. В одно из заседаний государь передал Милютину, сидевшему против него, две или три записки, на которых были заметки, преподававшиеся Милютину в качестве руководства и шедшие вразрез с его образом мыслей; Милютин, человек вообще весьма сдержанный, на этот раз не выдержал и при многочисленном собрании (более 30 человек) сказал государю: «В 11-летнюю мою службу в качестве военного министра я действовал по указаниям Вашего величества в совершенно ином направлении и в настоящее время не чувствую в себе достаточно сил, чтобы начать новую работу в противоположном смысле». На другой день Милютин, считая себя уволенным, был с докладом у государя, который выговаривал ему за то, что все это было сказано им при столь многочисленном собрании[74].

При этом рассказе было еще вот какое довольно характерное послесловие: Милютин в течение одиннадцати дней считал себя уволенным от должности военного министра, и этим промежутком времени удалось воспользоваться нижегородскому губернатору Одинцову, который давно добивался назначения в члены Комитета о раненых, но получал лишь отказы от Милютина, который ввиду ассигнованного Военному министерству общего валового бюджета не хотел тратить денег на бесполезного человека, но ввиду своей отставки, не заботясь о преемнике, Милютин согласился удовлетворить ходатайство Одинцова, который и был назначен членом Комитета с 6 тыс. жалованья.

6 мая. Вторник. Спуск броненосца «Чесма» в Севастополе и превосходный по этому случаю приказ, написанный Шестаковым. Получается в Петербурге второй номер «Revue Nouvelle» с отлично написанною характеристикою Толстого и Игнатьева и совершенно ложной оценкой бездарного и бесхарактерного Гирса. Отзыв о Вангали, что он бывает silencieusement féroce*, просто смешон. Проводив уезжающую в Киссинген дочь Анну, заезжаю к Крамскому, который написал для меня не совсем удачный портрет императора.

* Молчаливо свиреп.

7 мая. Среда. Прогулка по Каменному острову, где на Сашиной даче начинает преуспевать культура орхидей; вечер за чтением записок бар. Корфа, усиливающих мое о нем мнение.

8 мая. Четверг. В соединенных Департаментах представление министра народного просвещения о даровании московскому Историческому музею обширных денежных средств и привилегированного права раскопок и охранения древностей. Право это ныне принадлежит Археологической комиссии, председатель коей зять мой, гр. Бобринской, очень хорошо защищает вверенное ему дело. Представление Делянова торжественно проваливается, что он по обыкновению принимает с улыбкою, не сходящею с уст этого армянского нуля. Вечером опять записки Корфа, делающиеся несколько интереснее вследствие большого приближения его к императору Николаю.

9 мая. Пятница. Осматриваем на Казанской улице место, которое можно бы купить для устройства конюшен, сараев, конторы в случае продажи штиглицкого дворца. Прогулка верхом по Лахтинской дороге. Вечер опять с бледною тенью бар. Корфа.

Под впечатлением последних ругательных на Государственный совет статей Каткова[75] посылаю государю ко дню приезда его в Москву следующее письмо:

«Вашему императорскому величеству угодно было неоднократно выражать мне непременную Вашу волю, чтобы все происходящее в заседаниях Государственного совета сохранялось в установленной 96-ю статьею сего учреждения тайне.

Приняв, согласно указанию Вашему, государь, строгие по Государственной канцелярии меры в этом отношении, я достиг исполнения моими подчиненными своего долга, но, несмотря на то, за последнее время стали появляться в газетах известия, имеющие вид отчетов о всяком сколько-нибудь значительном заседании. Такие отчеты печатаются почти вслед за заседаниями и притом с искажением истины, имеющим почти всегда очевидную целью доказать, что журналисты гораздо правильнее смотрят на дело государственного управления, чем люди, призванные к обсуждению этих дел доверием верховной власти, и что, следовательно, журнальная пресса должна в глазах народа стоять выше силы правительственной, когда речь идет о направлении течения жизни государственной.

Прекратить подобного рода опасные по последствиям действия, предусмотренные 317-й и 1366-й статьями Уложения о наказаниях, выходит из пределов предоставленной мне власти, а потому считаю служебною своею обязанностью доложить о всем этом Вашему императорскому величеству и высказать мое глубокое убеждение, что такому беззастенчивому и противозаконному образу действий желательно положить конец как можно скорее, и именно теперь, когда наступает окончательное обсуждение важнейших законопроектов, рассматривавшихся в настоящую сессию.

Прошу позволения у Вашего величества сделать оговорку: все мною сказанное относится исключительно к сообщаемым журналами повествованиям о том, что будто бы происходит в стенах Мариинского дворца; в противоположность этим рассказам печатное обсуждение сущности стоящих на очереди государственных вопросов нельзя не признать в известной мере полезным подспорьем для правительства в исполнении тяжелых и ответственных лежащих на нем обязанностей».

10 мая. Суббота. Получаю от вел. кн. Михаила Николаевича телеграмму о том, что здоровье вел. княгини не позволяет ему выехать из Крыма и он не знает, когда ему возможно будет вернуться. При этом неизвестно для чего, в сущности только для пущей важности, требует по телеграфу список делам, назначенным в Общем собрании на 12 и 19 мая. Заезжаю в училище и передаю Месмахеру свои предположения относительно музея.

17 мая. Получив от вел. князя телеграмму о том, что он приедет в понедельник утром и будет председательствовать в Общем собрании, посылаю ему навстречу курьера с объемистою пачкою записок.

18 мая. Визит Ламанского, который горько осуждает финансовую политику Бунге и предсказывает нам финансовый крах. Приезжает Шувалов, встречавший величеств и участвовавший в московских празднествах. Он рассказывает, что после речи головы Алексеева о водружении креста на св. Софии испуганный Гирс пришел просить Толстого, чтобы он воспротивился напечатанию этой речи в газетах[76]. Толстой обещал это исполнить, но вместо того не решился говорить о том сам, а поручил это ген.-губернатору кн. Долгорукову, который вернулся от государя с таким ответом, что так как взятие Константинополя составляет цель нашей политики и это давно всем известно, то и нет препятствия дозволить печатание этого в газетах. Между тем Долгоруков в разговоре с Толстым высказал ему, что он, Долгорукий, и без того вымарал половину всего того, что было заготовлено Алексеевым, а следовательно, опробовал остальное и, следовательно, нельзя было ожидать, чтобы он пожертвовал своим авторским самолюбием, воспрепятствовав опробованной им речи попасть в газеты. Заезжаю к Победоносцеву, который об этой речи отзывается как о мальчишестве и горько сетует на Толстого за полное отсутствие энергического действия, когда московское пребывание налагало на него в том обязанность.

Посылаю государю доклад при следующем письме:

«Прошу извинения у Вашего императорского величества в том, что с первого момента возвращения Вашего нахожусь в необходимости беспокоить Вас выходящим из ряду докладом.

Доклад этот относится к объявленному мне ген.-ад. Рихтером высочайшему повелению, чтобы при рассмотрении Государственным советом вопроса об ассигновании сумм на переустройство Сурамского перевала было принято в соображение ходатайство гр. Граббе об отмене состоявшегося по сему предмету высочайше утвержденного положения Комитета министров.

Так как подобного рода случай оказывается первым не только в моей службе, но и вообще в истории Государственного совета, то я считаю долгом представить Вам, государь, прилагаемый при сем доклад, содержащий справку о том, какими именно пределами Вам угодно было ограничить роль Государственного совета в рассмотрении железнодорожных дел. Одновременно всеподданнейше прошу позволения упомянуть об одной стороне дела, которая не могла найти места в чисто официальном изложении.

С самого учреждения Государственного совета и Комитета министров правительство тщательно избегало возможности конфликта между этими двумя высшими учреждениями. В этих видах до назначения вел. кн. Константина Николаевича должности председателя Совета и председателя Комитета, как Вам известно, соединялись в одном лице, с этою целью председатели советских департаментов присутствуют в Комитете. Высочайшее повеление, испрошенное ген.-ад. Рихтером, идет вразрез с таким освященным давностью действием правительства. Исполняя это повеление, Государственный совет в порядке бюджетного, сметного ассигнования должен по ходатайству частного лица войти в пересмотр высочайше утвержденного положения Комитета министров.

Позвольте к этому прибавить, что подобный пример может иметь опасные последствия. Если допустить, что бюджетное, чисто правительственно-финансовое рассмотрение дел о государственных расходах может быть связано с удовлетворением денежных интересов частных лиц, то деятельность Совета в том виде, как понимает ее закон, обратится в аренду преследования частных выгод, не имеющих ничего государственного. Тогда по каждой статье бюджета явятся личные ходатайства, кои, быть может, также проложат себе путь в Департамент экономии. Вот почему государственный секретарь, который исполнил бы канцелярски, механически полученное чрез ген.-ад. Рихтера повеление, не был бы достоин сказанного ему Вами при назначении доверия.

Чего же решаюсь просить у Вашего величества? Просьба моя, как изволите усмотреть из доклада, заключается в том, чтобы Государственный совет не рассматривал прошения гр. Граббе об отмене постановления Комитета министров. К этому ходатайству меня побуждает еще и то, что я не сомневаюсь нисколько в том, что прошение это будет оставлено без уважения, а мне весьма нежелательно, чтобы такой исход имело высочайшее Ваше повеление, объявленное Совету в таких исключительных обстоятельствах.

Если по каким-либо соображениям пересмотр положения Комитета министров был признан необходимым, то, быть может, пересмотр этот мог бы быть возложен на тот же самый Комитет.

Еще раз прошу извинения у Вашего величества за беспокойство, но вследствие кратковременности остающегося для занятий Государственного совета времени, а в особенности ввиду той важности, которую сложившийся во мне 35-летнею службою взгляд придает этому случаю, я не нахожу иного средства, как писать Вам, хотя, конечно, при словесном докладе мог бы представить еще большее число доводов, побуждающих меня утруждать Ваше внимание.

Тайный советник *Половцов*».

Письмо это возвращено мне в тот же день с такою резолюциею: «Или Рихтер меня не понял, или я не понял Рихтера, но никогда я не думал давать подобное приказание. *Александр*».

Доклад при этом был утвержден с присовокуплением слов: «Совершенно разделяю Ваше мнение».

19 мая. Понедельник. В 9 час. приезжает из Крыма вел. кн. Михаил Николаевич. Еду к нему в 11 час., застаю Шувалова, который в белом мундире пришел благодарить вел. князя за исходатайствование этого щегольского костюма[77]. Вел. князь, обнявшись с ним, объявляет ему, что не имеет времени с ним разговаривать, потому что у нас слишком много дел по Государственному совету. Войдя в свой кабинет, вел. князь, опускаясь в кресло, восклицает: «Как жаль, что Вы не были со мною в Крыму, где мне пришлось быть в очень трудном положении! Скажите мне, что Вы знаете о назначении Вышнеградского?» *Я:* «Да ничего иного как, что Победоносцев и Островский при всяком разговоре в Государственном совете дают честное слово, что не называли его имени государю, а Победоносцев даже прибавил клятву к этому уверению». *Вел. князь:* «Так по чьему же влиянию он назначен?» *Я:* «Исключительно Каткова». *Вел. князь:* «Со мною вот что было. Я сидел у себя в Айтодорах и принимал ген.-ад. Кремера. В это время мне приносят от государя такую записку: «Любезный дядя Миша! Я желаю назначить Вышнеградского членом Государственного совета в Департамент экономии и про-

шу тебя сделать о том распоряжение». Я тотчас поехал в Ливадию к завтраку, а после завтрака попросил у государя переговорить с ним наедине. Тут произошло продолжительное (более часа) и весьма бурное объяснение; началось с того, что я напомнил государю им самим о Вышнеградском высказанное мнение. На это он мне отвечал, что, по собранным им сведениям, это мнение не подтвердилось, а, напротив, оказалось, что Вышнеградский, находясь долгое время во главе крупных железнодорожных и других промышленных предприятий, получая значительное содержание, был в состоянии составить себе значительное богатство и что поэтому государь не видит никакого различия между ним, Вышнеградским, и Чихачевым, который, точно так же управляя делами Черноморского общества пароходства, скопил значительный капитал, что Вышнеградский своею опытностью принесет несомненную пользу при обсуждении дел и умножит разногласия, которых почему-то избегают в Государственном совете. Министры не решаются отстаивать своих мнений, уступают, и законопроект искажается, как это сделал Набоков в прошлом году при обсуждении проекта об устройстве в Сенате дисциплинарного присутствия. Вел. кн. Константин Николаевич тот просто запугивал министров.

Слушая все это, я сидел как ошпаренный, — сказал мне вел. князь, — и не выдержал, чтобы не спросить: «Ко мне ли относятся твои слова, Саша?»

«Нет, — отвечал государь, — я отношу это ко времени Константина Николаевича».

Продолжая разговор о Вышнеградском, вел. князь сказал: «Да разве ты не знаешь, что этот самый человек писал бранные на Государственный совет статьи в «Московских ведомостях» и ты требуешь от меня, чтобы я имел его сочленом в собрании, где председательствую. А что ты скажешь, если Абаза и Бунге пришлют тебе просьбы об отставке?»

Государь: «Это была бы выходка партии, и я этого не дозволю».

После этого о партии государь говорил со слов «Московских ведомостей».

Выслушав этот характерный рассказ, в достоверности коего я не сомневаюсь нисколько, мы перешли к очередным делам, и я передал вел. князю все, что произошло сколько-нибудь заметного в его отсутствие.

Перед завтраком я зашел к вел. княгине, которую нашел весьма слабою, сильно кашляющею.

Завтрак с вел. князем и его сыновьями прошел в рассказах о похождениях того или другого полкового или батарейного командира. Между прочим, вел. князь сказал мне: «Vous savez que mon frère Constantin

pendant qu'il était en Crimée a perdu ici deux fils de la scarlatine»* (сыновья танцовщицы Кузнецовой). На что я добавил: «Et que la grande duchesse Alexandre Иосифовна lui a envoyé un télégrainme de condoléance à cette occasion»**.

Заседание Общего собрания было очень продолжительное. Спорили: Ванновский о неприведении в исполнение закона о преимуществах для чиновников в отдаленных местностях, доколе не будет выработан одинаковый закон для военных, Небольсин об излишней суровости в отношении фабричных рабочих, Грот и Грейг о том, что не следует выделять фабричных инспекций из общего строя правительственных полицейских учреждений. В заключение Грейг по обыкновению восставал против возвышения таможенных пошлин[78].

В конце заседания получаю записку от Островского с просьбою зайти к нему. Он только что вернулся из Гатчины, государь передал ему о полученном от меня докладе, и Островский желает знать, что было мною там написано. Разумеется, отделываюсь общими выражениями.

Посылая государю меморию, присовокупляю такую записку:

«Приношу Вашему величеству искреннюю мою признательность за благосклонную Вашу резолюцию. Не могу не быть Вам глубоко благодарным за то, что Вы даете мне возможность служить Вам прямо и смело, как то понятия мои о долге мне повелевают. Я очень хорошо понимаю, что заслуга в том принадлежит лично Вам, а не Вашему верноподданному.

Половцов».

20 мая. Вторник. Обдумывая слышанное накануне от вел. князя, и имея в особенности в виду важность назначения председателя Департамента законов, еду снова к вел. князю, причем беру с собою Пита, так как в этот день именины младшего сына вел. князя, Алексея. Приехав во дворец, встречаю вел. князя выезжающим со двора, он просит меня зайти к вел. княгине, покуда он съездит в Петропавловскую крепость поклониться гробницам предков. Вел. княгиню застаю, несмотря на нездоровье, в том же возбужденном состоянии. Она утверждает, что ее муж не должен более переносить того обращения, которое высказывает ему император. «Je me moque de votre Conseil, mais je tiens à la dignité et la santé de mon mari et je vais le pousser à donner sa démission. C'est du reste l'avis de mon beau-frère

* «Вы знаете, что, пока мой брат Константин был в Крыму, он потерял здесь двух сыновей от скарлатины».

** «И что вел. кн. Александра Иосифовна послала ему по этому случаю соболезнующую телеграмму».

Constantin, qui nous l'a répeté bien des fois en Crimée; ajoutant que c'était lui qui avail inventé Pobédonostzeff»*. На что я отвечаю: «Je crois, madame, que vous vous en repentiriez, car le grand duc depuis son enfance est habitué à tout ce petit train-train des affaires et cela lui manquerait beaucoup». *Вел. княгиня:* «Il n'a qu'à rester membre du Conseil et vous aurez Wladimir pour président». *Я:* «Le grand duc W[ladimir] n'est nullement ambitieux et croyez qu'il n'en serait pas du tout désireux». *Вел. княгиня:* «Mais sa femme?» *Я:* «Oui, je ne doute pas qu'elle ne soit désireuse de faire de l'importance»**.

Чрез четверть часа вошел в комнату вел. князь. Я стал ему доказывать, что противно высказанному им накануне намерению ему следует ехать к государю, а при свидании ни слова не говорить о Вышнеградском, но зато всецело направить разговор на вопрос о председателе Департамента законов с тем, чтобы на эту должность было непременно назначено лицо, им указанное, а не навязанное посторонними и, быть может, враждебными влияниями. Прежде всего советую всеми силами постараться удержать бар. Николаи, что и мог бы сделать государь, пригласив Николаи к себе, высказав ему личное желание свое, разрешив ему продолжительный отпуск, а тем временем дав ему Андреевскую ленту. Вел. князь, разумеется, со мною вполне согласился. Потом мы стали разбирать список членов, коих возможно было бы предложить государю в председатели, и не остановились ни на ком, кроме гр. Палена и Сольского. Вел. князь выразил намерение включить третьим меня; я выразил согласие исключительно в тех видах, чтобы удлинить список и, таким образом, n'avoir pas l'air de forcer la main***.

21 мая. Среда. Переехав в этот день на Каменный остров, чтобы две недели подышать свежим воздухом, получаю от вел. князя следующую записку:

«Государь легко согласился попытаться упросить бар. Николаи остаться еще на год, кажется, он действительно теперь ценит его полезную службу.

Я назвал моих трех кандидатов на должность председателя Департамента законов, ответа положительного не получил, и я не настаивал; было только замечено, что гр. Пален занят еврейским вопросом, на что я возразил, что, кроме этого дела, он совершенно свободен.

Насчет Сольского и Палена ничего ни замечено, ни сказано не было.

Был принят Вышнеградский один, но о нем *ни слова* между нами не было упомянуто.

Вот мой отчет, крайне краткий, поражен массою чтения для будущего понедельника!

Михаил».

22 [мая]. Четверг. Управляющий конторою моей жены Стефаниц приходит заявить, что выпускаемый правительством железнодорожный заем будет покрыт 30 или 40 раз и что, следовательно, для получения 2 млн. надо подписаться на 60, что мы и решаемся сделать. Читаю отлично составленный журнал по чиншевому делу. Абаза сообщает, что Адлерберг, вернувшись вчера вечером из Гатчины, высказывал свое удовольствие по тому поводу, что ненавистный ему Воронцов лишается ведущего все дело Петрова, который назначается на место Сольского, из чего следует заключить, что выбор председателя решен в голове государя.

23 [мая]. Пятница. В 10 час. утра заезжаю к Воронцову, которого застаю в разговоре с Петровым. Они оба ничего не подозревают, и я забавляюсь, передавая им все мною слышанное, желая, таким образом, оказать услугу Воронцову, который если никогда особых услуг мне не оказывал, то по крайней мере никогда не был ко мне враждебен.

Еду в Царское Село к вел. кн. Владимиру Александровичу. Застаю его за приемом каких-то представляемых ему Исеевым художников в белых галстухах.

До завтрака разговариваем лишь несколько минут. Он восхищается пребыванием своим в Париже, где ему оказывали любезности, как никогда. На что я ему замечаю, что, вероятно, и он был очень любезен (можно бы прибавить: не так, как дома). За завтраком вел. княгиня точно так же восхищается парижскими приемами, и в частности приемами Грефюля и Ротшильдов. После завтрака захожу к А.М. Скалон, которая очень сетует на похождения вел. княгини и слабохарактерность на все поддающегося вел. князя. Захожу к себе на дачу, где строится служительский флигель.

24 [мая]. Суббота. Еду в Государственный совет, где в Департаменте экономии слушается дело о тоннеле в Сурамском перевале. Вышнеградский по наущению Островского пробует поставить вопросом самое проведение тоннеля, если цена сооружения будет чрезмерная, но Абаза не дает говорить на эту тему, понимая, что Островский хочет вернуть-

* «Мне нет дела до вашего Совета, но мне дорого достоинство и здоровье моего мужа, и я хочу убедить его подать в отставку. Такого же мнения придерживается мой шурин Константин, который неоднократно говорил нам это в Крыму, при этом она добавила, что он выдвинул Победоносцева».

** «Думаю, ваше высочество, что вы раскаетесь, потому что вел. князь с детства привык к этой возне с делами и их будет ему недоставать». *Вел. княгиня:* «Пусть он остается членом Совета, а Владимир будет председателем». *Я:* «Вел. кн. В[ладимир] нисколько не тщеславен, и поверьте, что он отнюдь к этому не стремится». *Вел. княгиня:* «А его жена?» *Я:* «Да, я не сомневаюсь, что она желает играть роль».

*** Чтобы не казалось, что воля его предвосхищается.

ся к своей любимой мысли о нефтепроводе и отдать ему предпочтение пред тоннелем. Положение Комитета министров остается неприкосновенным. Заезжаю к вел. кн. Михаилу Николаевичу, которого застаю переезжающим на дачу в Михайловское. Вел. князь все хворает.

Два характерных ответа. На днях кому-то (чуть ли не государю) кто-то, говоря про вел. княгиню Марию Павловну, сказал qu'elle a fait une cure. «De café»*, — был ответ.

Нынче зимою Д. Тютчева как-то завтракала в Аничкином дворце, и императрица ей заметила, что не любит Аксакова и его писаний. «Comme je suis charmée de vous entendre dire cela»**, — возражала Тютчева. «Et pourquoi?»*** — невольно спросила императрица. «Parce que cela me prouve, que vous avez lu les oeuvres de mon beau-frère»****, — отпустила Тютчева.

Присутствую на экзамене в училище, теория теней.

Обед на Каменном острове, — Швейниц, Абаза, Влангали, Убри.

25 [*мая*]. Воскресенье. Писание мемории и большая прогулка с Краузольдом в разговоре о фабриках. Посылаю императрице следующее письмо:

«Une affaire qui me parait en raison de son importance mйriter l'attention de votre majesté impérial m'autorise à venir vous importuner, madame, par mon écriture. Il s'agit d'étendre au Caucase les dispositions de la loi sur le service militaire obligatoire.

Cette loi — consequence fatale des triomphes de la Prusse — a été éditée en Russie le 1 janvier 1874[79] et ne pouvait être adaptée au Caucase entiérement. Des commissions spéciales, sur les lieux d'abord, au ministère de la querre ensuite, ont élaboré à cet effet des réglements, qui sous forme de projets ont atteint le Conseil vers la fin de 1885.

La loi élaborée par le Conseil et soumise aujourd'hui à la sanction de sa majesté impériale établit pour le Caucase bien des changements, comparativement à l'ordre existant en cette matiére dans l'Empire. Sans entrer dans le détail de ces modifications, je me permettrai de signaler à l'attention de votre majesté celles, qui par leur coté politique offrent une gravité essentielle.

En appliquant au Caucase une mesure dont la rigueur et le poids sont incontestés même dans les pays, où l'homogénéité de la race et le patriotisme éclairé rendent sacrée aux yeux des citoyens la défense du sol national, il fallait avoir avant tout en vue le caractère d'une population

---

*Что она прошла курс лечения. «Забавляясь на чужой счет».

**«Я в восторге от ваших слов».

***«А почему?»

****«Потому что это доказывает, что вы прочли произведения моего шурина».

fanatiquement musulmane et par conséquent ennemie de la chrétienneté, d'une population, dont l'annexion à la Russie est d'assez fraîche date, d'une population qui en conséquence aurait pu ne verser qu'un contingent d'une valeur douteuse, dans le cas d'un conflit armé et principalement d'un conflit avec nos voisins — les grandes puissances musulmanes. De plus la haine que les habitants musulmanes ne cessent de témoigner à leurs compatriotes chrétiens excluait la possibilité de fondre ces 2 éléments hétérogénes sous les mêmes drapeaux et organiser une armée spécialement musulmane [qui?] aurait pu avoir pour résultat de trouver sur le champ de bataille une armée ennemie, créee par nous même, comme cela nous est arrivé en Pologne lors de la révolution de 1831.

En vertu de toutes ces considérations, le Conseil s'est arrêté aux conclusions suivantes:

1) ne faire entrer dans les rangs de l'armée que la partie chrétienne de la population du Caucase; 2) pour faciliter l'acquittement de cette charge pénible, abréger le terme du service (3 ans au lieu de 6); 3) quant à la population musulmane, la faire contribuer à la défense nationale par le paiement d'un impot spécial, dont le rendement (500 т. rb.) serait affecté à l'entretien des troupes levées sur le territoire Caucasien[80].

Tels sont en peu de mots les motifs et les dispositions de la loi nouvelle. Ces détails en sont extrêmement nombreux et je n'entreprendrai pas d'en fatiguer l'attention de votre majesté. Permettez-moi, madame, d'ajouter toutefois une réflexion personnelle. Je ne doute pas que cette nouvelle loi ne rencontre dans son application de bien grandes difficultés, mais néanmoins je la salue comme une premiére entaille dans ce code, prétendu jusqu'ici infaillible, que l'ambition de nos voisins a infligé à l'univers. Ce code veut établir que le métier des armes étant le premier devoir de chaque homme prime tous ses autres devoirs; une vérité de ce genre n'est qu'un retour à la barbarie et notre époque est bien malheureuse de devoir subir un régime pareil. Les hommes ont dans leur vie des buts bien plus élevés que celui de se battre et l'histoire flétrira un jour vigoureusement ces soi-disant hommes d'etat, qui travaillent pour le triomphe du fer et du sang répandu. Notre pauvre patrie est celle qui patit le plus de devoir compter avec l'apothéose de théories semblables.

De V. m. i. etc.»*

---

*«Дело, которое по своей важности кажется мне заслуживающим внимания вашего императорского величества, дает мне основание вас обеспокоить своим письмом. Вопрос касается распространения на Кавказ положений закона об обязательной воинской повинности.

Этот закон — роковое следствие побед Пруссии — был издан в России 1 января 1874 г., но не мог быть применен полностью на Кавказе. Специальные комиссии, действовавшие раньше на месте, а затем в Военном министерстве, разработали

Понедельник, *26 мая.* Утром заходит ко мне (в городе) гр. А.В. Бобринский, чтобы рассказать, что был у Шереметевых в Кускове в тот вечер, когда туда приезжали величества. В разговоре с государем он ему передавал, что парижские торговцы, приезжавшие в Москву для оценки коллекции кн Голицына, были у меня, предлагали мне принять участие в покупке коллекции, которую оценили в 1 млн руб. Государь поручал Воронцову обсудить эту покупку, а Воронцов предлагает мне чрез Бобринского войти в долю и приобрести для нашего училища те предметы, кои не пожелает удержать. На такое предложение я отвечал, что в принципе его принимаю, но что исполнение

в связи с этим положения, которые в виде проектов поступили в Совет к концу 1885 г

Закон, разработанный Советом и представленный сегодня на одобрение его императорского величества, вводит для Кавказа много изменений в порядке, существующем в этом деле в империи Не вдаваясь в подробности, я дозволю себе обратить внимание вашего величества на те отличия, которые по своему политическому значению представляют большую важность

Применяя к Кавказу меру, суровость и тягость которой признаются даже в странах, где расовая однородность и просвещенный патриотизм делают в глазах граждан священной защиту родной земли, надлежало прежде всего иметь в виду характер населения, фанатически преданного мусульманству и потому враждебного христианству, населения, присоединенного к России сравнительно недавно, которое вследствие того дало бы контингент сомнительной ценности в случае вооруженного конфликта и, главным образом, конфликта с нашими соседями — великими мусульманскими державами Кроме того, вражда, которую мусульманское население не перестает проявлять к своим соотечественникам-христианам, исключала возможность соединить эти два разнородных элемента под одними знаменами, а создание армии чисто мусульманской могло повести к тому, что на поле сражения оказалась бы враждебная армия, созданная нами самими, как это мы испытали в Польше во время революции 1831 г

По всем этим соображениям Совет пришел к следующим заключениям

1) ввести в ряды армии лишь христианскую часть населения Кавказа, 2) для облегчения этой тяжелой обязанности сократить срок службы (3 года вместо 6), 3) что касается мусульманского населения, то заставить его участвовать в национальной защите путем уплаты специального налога, поступления которого (500 тыс руб) будут служить для содержания войск, набранных на кавказской территории

Таковы в немногих словах соображения и постановления нового закона Его детали чрезвычайно обширны, и я не стану затруднять ими внимание вашего величества Разрешите мне, однако, ваше величество, добавить одно личное суждение Я не сомневаюсь, что применение этого нового закона встретит очень большие трудности, но тем не менее я его приветствую как первое изъятие из положения, считавшегося до сих пор безупречным, которое навязано всему миру властолюбием наших соседей Это положение устанавливает, что военное дело должно у каждого человека первенствовать перед всеми его другими обязанностями, истина такого рода свидетельствует о возврате к варварству, и наше время, к большому несчастью, должно терпеть подобный порядок У людей есть в жизни гораздо более возвышенные цели, чем война, и история когда-нибудь жестоко заклеймит так называемых государственных людей, которые ведут к торжеству железа и к пролитию крови Наше бедное отечество страдает более всех других от необходимости считаться с подобными теориями

В[ашего] и[мператорского] в[еличества] и т д»

его на практике представляется мне очень затруднительным. В 12 час. вместе с Бобринским еду завтракать в яхт-клуб, куда приезжает и вел. кн. Михаил Николаевич. Оттуда идем вместе в Совет, где заседание на этот раз весьма продолжительно, начинается в 1 час, а оканчивается около шести Всего более споров возбуждает закон о найме сельских рабочих. Мансуров 1-й продолжительными объяснениями высказывает неодобрение всему проекту, с ним соглашаются Клушин и Бобринский. Несколько частных замечаний Шувалова принимаются Советом. Грейг по обыкновению спорит по всем вопросам, в коих замешан министр финансов, чтобы доказать, во-первых, что он, Грейг, умнее Бунге и, во-вторых, что вследствие того следует посадить его в Департамент экономии, а не оставлять в одном Общем собрании. Представление министра финансов об ограничении прав уездных питейных присутствий[81] оспаривается Гротом, который почитает себя специалистом в этом деле. После заседания вел. князь тщетно уговаривает Николаи отказаться от мысли взять годичный отпуск. Придя домой, нахожу там привезенного Шуваловым из Москвы антиквара Родионова с четырьмя французскими картинками, которые и покупаю.

Вторник, *27 мая.* Желая переговорить с Победоносцевым относительно субботнишнего заседания о сибирском университете[82], зову его приехать ко мне на Каменный остров, но, получив от него уведомление, что он нездоров, еду к нему. Застаю его в довольно жалком, истощенном виде лежащим на диване. В приемной дожидаются Делянов и Саблер. Жена его очень озабочена, но на ее замечание, что у него болезненный вид, не могу не сказать, что иного у него никогда и не было, а на замечание, что он замучен множеством дел, отвечаю, что он напрасно берет на себя такие, кои до него не относятся.

Среда, *28 мая.* Целый день за советскими журналами.

Четверг, *29 мая.* Просматривая дела, хранящиеся в отдельном секретном шкафе Государственной канцелярии, нахожу несколько записок, представленных Сперанским[83], и в одной из них относительно участия верховной власти в гражданских процессах следующие слова: «Величие престола, недосягаемое тяжебной ябеде, не должно соделываться доступным всем ее сплетням, толкам и лживым нареканиям». Надо бы вырезать эти слова на дверях Рихтеровой Канцелярии прошений.

В $6^1/_2$ час. обедаем у вел. кн. Екатерины Михайловны на Каменном острове, кроме нас двоих еще Влангали и фрейлина. Дочь Елена Георгиевна стареет, не ладит с матерью, которая при своей доброте чрезвычайно тяжеловесна. После обеда вел. князь показывает нам комнаты, в коих жил император Александр I; здесь сохра-

няются разные безделицы, поражающие своею простотою, замечательны на стенах две картинки, изображающие одна переход Наполеона чрез Неман в 1812 г., а другая въезд союзников в Париж. Добрая вел. княгиня совсем не знала, что эти картинки изображают. Я очень прошу ее перенести эти драгоценные и в историческом и в художественном отношении вещи в какое-либо более безопасное для них помещение, где бы зимняя стужа и сырость не угрожали им уничтожением.

Вел. княгиня сообщает мне еще, что у нее хранится обширная и любопытная переписка ее отца с его братьями, цесаревичем Константином и императором Николаем.

30 [*мая*]. Пятница. Обедаем у Бобринских в Петергофе. Вечером прогулка в превосходном парке. Поразительно множество стражи.

31 [*мая*]. Суббота. В 12 час. у вел. кн. Владимира. Не успеваем говорить о делах. Завтрак с Шевичем, Бобриковым, Скалоном. Еду в Государственный совет. Здесь застаю своего председателя, очень смущенного тем, что Островский требует, чтобы дело о чиншевиках было отложено до осени. Начинается по этому поводу совещание с Николаи, Абазою и Толстым, который также предлагает во избежание сплетен отложить дело до осени. Абаза высказывает мысль о невозможности так вести дела, что 25 человек имели восемь заседаний, пришли к полному соглашению, и после того один министр, не имеющий прямого интереса в деле, вздумал почему-то дело отложить, и дело будет отложено. Тогда вел. князь, преследующий постоянно одну цель — избегнуть личных для себя неприятностей, выражает намерение пустить на голоса вопрос о том, докладывать ли дело или отложить его до осени. На это я спешу заявить, что решение этого вопроса по учреждению Государственного совета принадлежит всецело дискреционной власти председателя и поступаться этою властью в настоящем случае нет основания. Решают дело докладывать, и оно проходит без особых трудностей. После заседания встревоженный Сольский приходит справляться о том, принята ли отставка Николаи и последовало ли назначение ему преемника. Отвечаю на основании слов вел. кн. Михаила Николаевича, что отставка принята, а преемник не назначен. Сольский этим очень встревожен. После заседания Совета еду вновь к вел. кн. Владимиру Александровичу. Застаю у него в кабинете вел. княгиню, беседующую с безмерно глупою и необъяснимо чванною кн. Барятинскою. Садимся с вел. князем в угол комнаты, и я говорю ему приблизительно следующее:

«Ваше высочество, я вижу большую опасность в предпринимаемом Вами путешествии. Я знаю, что Вы не сочувствуете политике, преследуемой ныне правительством в Прибалтийском крае. В каком же очутитесь Вы там положении? Тамошнее население готовит Вам праздники, рассчитывая найти в брате государя защитника своих прав пред петербургскими чиновниками. Вы вернетесь оттуда, и гг. Победоносцевы, Островские начнут кричать, что Ваши действия, несогласные с их взглядами, поставили правительство в трудное положение, а остзейское дворянство, появляясь в Петербурге, будет рассчитывать на Вашу защиту и ошибется. Результатом этого неловкого положения может быть натянутость между государем и Вами, а таким образом, будет отстранен от дел тот из членов государева семейства, который по своему рождению, уму и сердцу мог бы принести наибольшую пользу России».

На это вел. князь мне отвечал, что он уже имел продолжительный разговор с государем, будет еще с ним разговаривать и, конечно, ничего не сделает такого, что могло бы идти вразрез с видами его брата, что всего более его возмущают религиозные преследования и что в этом смысле он говорил с государем. На это я заметил, что государь передавал Толстому свой разговор с Владимиром Александровичем и (как сообщал мне сам Толстой) прибавил: «Владимир умный человек и ничего бестактного не сделает».

После того я стал говорить о необходимости скорее обнародовать новое учреждение об императорской фамилии, потому что Елизавета Маврикиевна должна разрешиться от бремени в самом непродолжительном времени, а если это последует до обнародования, то она родит андреевского кавалера, чего учреждение не предполагает[84].

В заключение я обратил внимание вел. князя на неловкость Исеева, который позволил себе написать Бунге письмо, относящееся до устраиваемого в Харькове художественно-промышленного музея, приглашая в этом письме Бунге посоветовать государю пригласить на доклад об этом деле вел. князя. Говоря об открытии художественно-промышленных музеев, высказываю вел. князю убеждение, что прежде всего надо вырешить вопрос, какое дать всему делу направление, к какому ведомству все это приурочить, т. е. Министерству ли просвещения или финансов или Академии.

Мне сегодня минуло 54 года.

1, 2 июня. Провожу на Каменном острове, спокойно, но несколько тяжело. Мемории принимают весьма обширные размеры, а делаемые мною для государя извлечения из них составляют каждый раз обширный труд. 2-го, вечером, при полной луне и полной тишине объезжаем верхом совсем неизвестную мне местность Озерки, не существовавшую вовсе 25 лет назад, когда мы проводили лето на Каменном острове.

3 июня. Вторник. В Государственном совете чтение журналов последнего заседания. Грейг нападает на Бунге за порядок организации выкупа чиншевых земель, требуя неизвестно для чего организации отдельной от общего крестьянского выкупа бухгалтерии. Благодаря вмешательству Абазы все оканчивается благополучно. Захожу к Рихтеру в Канцелярию прошений и показываю ему поданный мною доклад о Сурамском перевале с высочайшими резолюциями. Он настаивает на том, что просьба Граббе была передана «к сведению», стараясь доказать, что такого порядка не существует, но что и просьба была передана не к сведению, а для соображения. В заключение прошу его впредь не делать никаких докладов, Государственного совета касающихся, без предварительного со мною сношения.

4 [*июня*]. В 10.50 моя жена уезжает в Киссинген к дочери, Оболенской. В 2 часа беру Пита и мы едем вместе в Михайловское. Во ожидании завтракающих в Александрии высочеств прогуливаемся по прекрасному парку и разыскиваем Алексея Михайловича, который с братом своим, Сергеем, возится в курятнике. Сам вел. князь очень доволен, государь был с ним на докладе внимателен и подарил ему акварель Кившенки, изображающую взятие Ардагана. Относительно назначения преемника бар. Николаи разговор окончился ничем, т. е. все осталось по-прежнему. Бар. Николаи будет числиться в списках, а его обязанности будут исполняться старшим из членов. Старшинство это принадлежит Старицкому, который по болезни не хочет нести этих обязанностей, и, таким образом, фактическое председательствование достанется Перетцу, девиз коего: «Угадать и угодить». Как ни бейся, а все тянет книзу.

От вел. князя перехожу к вел. княгине, которая по обыкновению нещадно смеется над своими ближними, не делая изъятия ни для кого из них. Вел. княгиня уверяет меня, что по глазам моим видит мое намерение не возвращаться осенью в Петербург к исполнению секретарских обязанностей. Отвечаю, что таково мое искреннее желание, но очень опасаюсь за бесхарактерность; во всяком случае надеюсь, что отсутствие на мне медных пуговиц не изменит ее ко мне расположения. Покуда пьем чай, приходит вел. князь-отец, а потом и молодежь, в том числе Михаил Михайлович, только что приехавший из Англии и наивно говорящий, que son voyage lui a donné beaucoup de contentement, mais pas de succès*, что ему не удалось жениться.

В $5^1/_2$ час. садимся с Питом на извозчика и едем обедать в Петергоф к Бобринским, а оттуда по $7^1/_2$-часовому поезду возвращаемся в Петербург. По дороге на Каменный остров заезжаю в Мариинский дворец, где застаю своих несчастных чиновников, занятых приготовлением мемории.

6 [*июня*]. Четверг. Получаю от Победоносцева такую записку. «Был сегодня у вел. кн. Владимира. Он получил от государя обратно проект учреждения об императорской фамилии. Государь вообще доволен и велел благодарить участвовавших. Сделал два замечания, и не важных. Завтра хочу быть в Петергофе и объясню ему. Государь пишет вел. князю, что желал бы иметь чистый экземпляр проекта. Я искал у себя, но не нашел. Итак, прошу тебя, прикажи достать и отправь государю в собственные руки.

Относительно порядка обнародованья государь тоже ставит вопрос — полагает, что при именном высочайшем указе. По этому вопросу, если увидишься с вел. князем, объяснись с ним.

Государь остановился на статье о взыскании с удельных повинностей и спрашивает, прежде так ли было.

И еще спрашивает, почему не округлены содержания? Это, полагаю, потому, что деньги идут из Государственного казначейства».

Получив эту записку, посылаю государю печатный экземпляр проекта учреждения при письме, в коем объясняю, что повинности сохранены в прежнем виде, а суммы не были округлены на том основании, что без участия Министерства финансов комиссия не сочла себя вправе изменять размер платежей, лежащих на Государственном казначействе, но что, по моему мнению, коль скоро проект лежит на столе государя императора, то его карандаш может легко исправить это несовершенство работы комиссии.

При письме посылаю на всякий случай проект указа Сенату, наскоро мною набросанный:

«Установив твердый порядок престолонаследия, блаженные памяти император Павел I одновременно издал 5 апреля 1797 г. учреждение об императорской фамилии, непрерывность престолонаследия обеспечивающей.

Изволением божественного промысла фамилия наша со времени первоначально изданного о ней учреждения умножилась, чем и дарован отечеству нашему надежный залог к отвращению не раз угнетавшего Россию бедствия.

Признав соответственно сему за благо сделать в учреждении 5 апреля 1797 г. некоторые изменения, мы возложили задачу сию, согласно преподанным нами указаниям, на особую под председательством любезнейшего брата нашего вел. кн. Владимира Александровича комиссию.

* Что его путешествие доставило ему много удовольствия, но не привело к успеху.

Ныне рассмотрев труд особой комиссии и признавая его вполне отвечающим желанию нашему постановить относительно фамилии нашей правила, обеспечивающие для нее и в будущем существование и деятельность, направленные к пользе дорогой сердцу нашему родины, всемилостивейше утверждаем учреждение об императорской фамилии, по указаниям нашим начертанное.

Правительствующий сенат не оставит к обнародованию сего сделать надлежащее распоряжение»[85].

7 [*июня*]. Пятница. Рассматриваю со Стефаницем, архитектором, план дома в Раптях. В Рисовальном училище делаю выборку предметов, кои беру назад и кои оставлю музею. Отобедав в яхт-клубе, где царствует пустота, еду в Царское Село; в вагоне встречаемся с Извольскою, которая очень мила хотя бы потому, что ни в чем не похожа на свою мать кн. Барятинскую. Застаю Владимира Александровича и Марию Павловну дома. Вел. князь имел продолжительный разговор с Победоносцевым, который уверял его, что никаких религиозных преследований в Прибалтийском крае нет, что распространение православия и русского языка есть политическая мера, долженствующая предотвратить в будущем возможность того, что мы видим теперь в Венгрии, где население постоянно выражало преданность царствующему дому, а теперь стремится отложиться от австрийской монархии. Выслушав это и еще многое другое в том же роде, я мог сказать только, что Победоносцев, как умный человек, конечно, выражает неглупые мысли, но что практика его и его единомышленников до того отличается неумелостью, оскорблением чужих самолюбий, раздражением страстей, что они, несомненно, принесут больше вреда, чем пользы России.

Разговаривая о труде нашей комиссии, вел. князь показал мне записку, полученную им от государя, такого содержания: «Я собственно никаких серьезных замечаний не имею, отметил только примечание к ст. 120 об удельных имениях и потом ст. 125. На краях я сделал свои отметки, но это не должно задерживать опубликование нового закона, и я не настаиваю на изменении. Насчет способа опубликования я не решаюсь высказаться окончательно, но полагал бы достаточным указ Сенату. Об этом я переговорю с Победоносцевым и Половцовым, которые на этой неделе будут у меня.

Собирать комиссию у себя не предполагал, так как я согласен с выработанным ею проектом закона, да притом некоторые члены отсутствуют или больны.

При этом случае благодарю тебя сердечно за добросовестную и нелегкую работу, и передай всем членам мою искреннюю благодарность за их труды.

О Ванновском я не забыл, и уже он получил субсидию на лечение. От души твой брат *Саша*.

Желал бы иметь у себя один из печатных проектов этих новых законов для справок. Прикажи прислать ко мне».

Мой проект указа вел. князь вполне одобрил.

Поговорив о делах, мы сели в коляску и поехали в Баблово, где я с вел. князем, кн. Барятинскою, госпожой Скалон, кн. Оболенским и Васмунтом играли в винт, а прочее общество гуляло по саду. В 12 час. ужинали, и в 1 час я с экстренным поездом вернулся в Петербург.

8 [*июня*]. Суббота. В 10 час. по железной дороге еду в Петергоф. Со мною в вагоне секретарь императрицы Оом, который рассказывает, что по поручению императора ездил к Ире Феррари (Анненковой) во время последнего ее здесь пребывания. При этом свидании она показывала ему письма гр. Владимира Федоровича Адлерберга, почерк коего хорошо известен ему, Оому. В письмах этих гр. Адлерберг от имени покойного государя обещает Анненковой 4 млн. в случае выхода ее замуж согласно разрешению императора. В бумагах Александра Николаевича оказался запечатанный пакет с надписью: «Переписка об Анненковой», нынешний государь имел неосторожность приказать А.В. Адлербергу сжечь этот пакет, не открывая его.

По приезде в Петергоф переодеваюсь в мундир у дочери, Бобринской, и еду в Александрию на коттедж. Здесь в крошечной приемной дожидаются Петров, докладывающий за министра двора, и член Государственного совета Кауфман, докладывающий императрице по Красному Кресту. Петрову я говорю следующее: «Так как я не получил от гр. Воронцова никакого ответа по предмету приобретения голицынской коллекции, то я слагаю с себя всякую нравственную пред отечеством ответственность в том, что драгоценные предметы, ее составляющие, не пойдут в пользу русскому народу».

В 12 час. меня зовут к императрице, которая весьма любезно благодарит меня за присылаемые мною ей извлечения на французском языке о существе важнейших решаемых Государственным советом дел, потом с улыбкою спрашивает, были ли эти важные дела решены, покуда вел. кн. Михаил Николаевич находился в Крыму, и прибавляет, que la maladie du grand duc et de la grande duchesse ont dû leur laisser une défavorable impression sur ce voyage*. На что я отвечаю: «Si tel a été le cas, ces impressions sont effacées chez la grande duchesse par le chagrin de devoir quitter bientôt son fils Alexandre, ce bijou parmi les princes, et

* Что болезнь вел. князя и вел. княгини должна была оставить у них неприятное воспоминание об этом путешествии.

chez le grand duc par la charmante attention que l'empereur a eu de lui offrir l'aquarelle représentant la prise d'Ardagan»*. Потом рассказываю императрице, что занимаюсь биографией Николая Павловича, и предлагаю ей присылать для прочтения некоторые интересные бумаги. Она с большим удовольствием принимает мое предложение.

В $12^1/_2$ у государя. *Государь:* «Отчего Вы в таком параде?» *Я:* «Я надел мундир потому, что приехал откланиваться Вашему величеству». Государь садится на диван, а я на стул на другую сторону стола. Он начинает передавать известные уже мне замечания относительно учреждения, я объясняю то, что уже писал и о земских повинностях, и об округлении цифр. Округление это он делает сам карандашом на полях текста и поручает мне опросить Бунге. Потом читает присланный мною проект указа и останавливается на фразе об умножении фамилии по изволению божественного промысла. Фраза эта, сколько государь помнит, находится в указе 24 января. Я отвечаю, что это возможно, но, сколько мне помнится, она находилась в первоначальном моем проекте и подверглась существенному изменению от гр. Адлерберга.

Затем государь останавливается на слове «деятельность» и полагает его устранить. Я отвечаю, что все это сделать весьма легко, что завтра же я могу представить ему несколько измененных редакций.

Но он выражает желание, чтобы это исправление было произведено Победоносцевым вместе с Манасеиным. Я делаю несколько изумленный вид и говорю: «Слушаюсь».

Вслед за тем я считаю нужным еще раз поблагодарить за утверждение моего доклада о Сурамском перевале и к этому присовокупляю, что счел необходимым показать Рихтеру доклад, чтобы он видел, что в изложении этого доклада не было ни единого слова для него, Рихтера, обидного. «Так что, — продолжал я, — с этой стороны не было никакой претензии. Претензия была другая. Министр государственных имуществ, возвратясь с доклада от Вашего величества, пригласил меня к себе и, сказав, что Вы говорили ему о полученном от меня, выразил желание узнать подробное содержание этого письма, но я не счел уместным подчиниться такому требованию».

Потом было долго говорено о переданных мне бумагах для биографии Николая Павловича. Я высказал мнение, что в бумагах весьма

---

*«Если это и так, то подобное впечатление, вероятно, затмилось у вел. княгини печалью, вызванной необходимостью расстаться в скором времени с сыном Александром, этим сокровищем среди принцев, а у вел. князя — любезным вниманием со стороны императора, подарившего ему акварель, которая изображает взятие Ардагана».

мало существенного. По разным управлениям собраны собственноручные резолюции государя Николая, собраны мелкими чиновниками без всякой обработки, без всякой руководящей мысли. Записки бар. Корфа имеют целью доказать, что он был великий человек, а в действительности доказывают только, что он умел устраивать себе выгодные положения. Из некоторых ценных бумаг сделаны лишь переводы и извлечения, а оригиналов нет. Во всем этом весьма мало такого, что можно бы печатать без полной переработки.

В заключение упоминаю о телеграмме, полученной мною от Бобринского, который извещает, что Голицын свободен от всяких обязательств по продаже своей коллекции, но имеет много предложений из-за границы. Государь не верит в эти предложения, а думает, что можно будет купить несколько предметов на выбор. Я выражаю убеждение, что это не удастся.

В заключение, не считая приличным разойтись, не поговоря о Совете, вспоминаю об отпуске Николаи. Государь мне отвечает, что Николаи был у него и выразил готовность после годичного отдохновения вернуться к председательствованию, почему и можно оставить все без изменения. На это я категорически высказываю убеждение, что Николаи к председательствованию больше никогда не вернется. «Какое же будет последствие, — прибавляю я, — если не назначать председателя, то старший член должен председательствовать, но старший член, слепой Старицкий, ни за что не согласится председательствовать, и, значит, председательствовать будет Перетц, ну а это человек из того легиона, который имеет девизом: «Угадать и угодить». Таких у нас довольно, не из таких людей должен состоять Совет Ваш, государь. Его мнения должны быть прежде всего полезны, а не стремиться к тому, чтобы нравиться. Поверьте, Вы не найдете лучше председателя, как Сольский. Положим, и у него не бог весть какая твердость характера, но у него большая даровитость, умение говорить и руководить прениями. Лучше Вы не найдете. Если он отказывается, то единственно из-за квартиры, а это можно бы в какой-нибудь форме ему возместить». *Государь:* «Да, за лето надо будет подумать. А когда Вы уезжаете?» *Я:* «Когда получу от Вашего величества обратно последнюю меморию». *Государь:* «Эти последние мемории очень обширны, но Ваше извлечение весьма облегчает мне чтение». *Я:* «Это извлечение для меня никакого затруднения не составляет, так как Вы, государь, снисходительно относитесь к внешней форме моих извлечений, но вообще на 55-м году весьма трудно нести канцелярскую работу в таких размерах, как доводилось нести на 25-м году. Поверьте, что в тот день, когда Вы меня освободите от этих обязанностей, я

пешком пойду в Казанский собор отслужить благодарственный молебен».

Такой неожиданный разговор озадачил государя, и на несколько мгновений настало молчание; тогда я прибавил, что, впрочем, мои подчиненные мне очень облегчают, что в числе их на первом плане стоит замечательная во всех отношениях личность Шидловского, что на русской земле людей способных много и найти себе хороших сотрудников можно. На этом слове я поклонился и ушел.

Приехав к Б[обринским], надел вицмундир и поехал в Михайловское к вел. кн. Михаилу Николаевичу, который ждал меня с нетерпением и которому я сказал, что просил увольнения. Напившись чаю у вел. княгини, еду в Петербург и по приезде пишу Победоносцеву, Бунге и вел. кн. Владимиру Александровичу, от которого получаю в ответ следующую записку: «С благодарностью возвращаю Вам, любезный Александр Александрович, проект учреждения. Со страхом отправляюсь в путешествие. Не поминайте меня лихом и, что бы там ни случилось, gardez moi votre amitié à laquelle je tiens très sérieusement*. Не со вчерашнего дня искренно Вас уважающий *Владимир*».

9 [июня]. Воскресенье. Целый день за мемориею. Заезжает Оржевский, который очень сетует на положение Министерства внутренних дел, разделенного на три части, связь коих проживает в деревне и мало о них заботится. Доклады посылаются Оржевским, Плеве и Гагариным письменные с правом испрашивать личных аудиенций в случае надобности.

10 [июня]. Понедельник. Приезжает завтракать Боголюбов, весьма обиженный тем, что он представлял в Петергофе вчера государю свою картину «Открытие Морского канала». Государь был очень мил и любезен, как всегда, а Владимир Александрович, увидав картину Савицкого, которую Боголюбов представлял государю, и, вероятно, подученный Исеевым, который сердит за то, что художники доходят до государя мимо его, Исеева, подойдя к картине Савицкого, сказал: «Какая дерзость представлять государю пьяных солдат»[86]. Императрица и Елизавета Федоровна старались пред Боголюбовым смягчить резкость этой выходки.

В 7 час. обедают у меня на Каменном острове шесть чиновников, наиболее замученных мемориями, потом с П. Шуваловым и М. Барятинскою едем в Аркадию.

11 [июня]. Вторник. Воспользовавшись свободным утром, еду в Михайловское прощаться с вел. кн. Михаилом Николаевичем. Разговариваю с ним и вел. княгинею о невозможности для вел. князя вернуться в Государственный совет без предварительного категорического объяснения. Она понимает, он нет. Возвращаюсь по железной дороге с ген. Гудим-Левковичем, преподающим тактику цесаревичу; рассказывает, что его ученик в этот день впервые появился в кителе донского офицера, а не морской рубашке. Сетует на Даниловича, который из своего питомца делает умеренного, аккуратного старичка, а не бойкого юношу.

12 [июня]. Среда. С $8^1/_2$ час. утра до $12^1/_2$ ночи за писанием мемориального извлечения. Сама мемория около 1500 страниц.

13 [июня]. Четверг. Распоряжения по случаю отъезда. Прием вел. кн. Владимира Александровича в Нарве. Все поручаю Абеля. Предложение продать Богословск.

14 [июня]. Пятница. Кончаю всякую переписку. Приезжает из Киссингена Оболенский. В 7 час. садимся с Сашею на поезд Финляндской железной дороги и едем в Або с тем, чтобы сесть там на пароход и через Швецию и Данию достигнуть Вильдунгена.

18 октября. В субботу в 6 час. вечера возвращаюсь в Петербург, проведя лето в весьма интересных переездах. Осмотрев Стокгольм и окрестности при предупредительном содействии нашего посланника Шишкина, переезжаю в Копенгаген, где также осматриваю город и соседственные замки, потом осматриваем берлинскую выставку, которая не заслуживает большого внимания. В Вирцбурге съезжаем с моею женою и старшею дочерью, которую Сканцони посылает в Франценсбад. Я сам отправляюсь на лечение в Вильдунген, останавливаясь дорогою на три дня в Баден-Бадене, где нахожу все ту же кучку отставных петербуржцев. В Вильдунгене мое неизменное общество составляют ирландский гр. Пофскорт и неаполитанский маркиз Казанова, весьма милые и любезные люди. Вильдунген по обыкновению приносит мне большую пользу. Из Вильдунгена чрез Франкфурт проезжаю в Париж, а из Парижа отправляемся вдвоем осматривать Шотландию. Из Лондона — в Глазго, осмотр замка Друмленрик, на пароходе в Обан, острова Стаффа и Иона, перевал Гленко, Каледонский канал, Инвернес, Дункельд, Бальмораль, Балатер, Абердин и возвращение в Дункельд, завтрак у маркиза Брендальдан в замке Темаус, Перт, завтрак у лорда Straitmore в Clamis castle; озера Ломонд и Катрин, приезд в Эдинбург в день отъезда королевы, посещение замка Далькис, окрестности Эдинбурга и самый город с выставкою, Melrose abbey, дом Вальтер Скотта, вагон и возвращение в Лондон, где нас ожидает вернувшийся из Экса Саша. Пробыв несколько дней в Лондоне, я еду один в Ирландию к Пофскорту, где нахожу весьма милое

* Сохраните ваше дружественное расположение ко мне, я им очень дорожу.

семейство крайне любезных хозяев, роскошную жизнь в замке. Интересные сообщаю сведения о положении Ирландии. Для Англии это безвыходное положение, сюда приливают всякие враждебные и разрушительные силы; уступок мудрено не делать после гладстоновской агитации, а всякая уступка подаст повод англичанам и шотландцам добиваться удовлетворения тех аппетитов, коим дана будет пища в Ирландии. Возвращаюсь в Лондон, и в тот же день уезжаем в Париж, где поселяемся на новой своей квартире 41, rue Cambon.

Здесь провожу пять недель самого приятного времени. Нанятая мною около Melun охота в поместье Sivry, принадлежащем Aguado, дает мне возможность угощать в свою очередь людей, оказывавших мне любезности, и притом не только без ущерба, но с пользою для здоровья. Здесь охотятся у меня marquis Du Dan, duc la Trémoille, duc la Force, Oconnor, Costa, Turenne, La Redorte, братья Aguado и проч. Охочусь в Rambouillet и у Грефюля. У Ротшильда приемов нет вследствие траура по матери. В те дни, когда остаюсь в стенах Парижа, разыскиваю художественные вещи для музея нашего училища и нахожу весьма много драгоценного, в особенности по части старинных материй и ковров.

В среду, 15 [октября], вечером сажусь в вагон и в субботу приезжаю в Петербург, прочитал дорогою весьма интересный новый 55-й том сборника изданных Дубровиным журналов Верховного тайного совета[87], а также очень любопытную книжонку вновь отысканных мемуаров секретаря кардинала Дюбуа[88].

С момента приезда, конечно, начинаются возня и хлопоты. По Государственному совету, к счастью, все благополучно. Выбыли члены: Ребиндер, Клушин, разбит нервным ударом Галаган, вывихнул руку 80-летний Бреверн. Выслушав рассказы Шидловского, Красовского, Боголюбова, отправляюсь к Абазе, которого застаю в очень веселом расположении духа.

Он мне передает следующее, что в первых числах сентября получил от Рейтерна официальное приглашение приехать в Петербург для принятия участия в обсуждении Комитетом министров предположений о мерах к устранению кризиса в сахарной промышленности, что он, Абаза, составил об этом предмете записку, которую и прислал в Петербург. Сущность записки заключалась в том, что казна не может пренебрегать 15-миллионным доходом, который иссякнет, ежели при дальнейшей конкуренции сахарозаводчики разорятся, что ввиду такого положения полезно было бы сделать то, что делается промышленниками в таких случаях в Европе, т. е. взаимным соглашением (cartel) ограничить пределы производства каждого завода так, чтобы цены

поддержались, но так как в России это не сделается без вмешательства правительства, то и остается сделать одно: нормировать для каждого заводчика размеры предоставленного ему сбыта.

Комитет министров принял это предположение[89], хотя в заседании представитель Министерства внутренних дел Плеве выражал несогласие с этим взглядом от имени гр. Толстого, не решаясь, впрочем, произвести разногласие. Когда журнал Комитета был послан на апробацию государя, то он надписал на нем, что желает, чтобы дело это было выслушано еще раз в присутствии всех министров, а именно Толстого, Шестакова, Воронцова, отсутствовавших в день первоначального доклада.

Абаза написал государю, что имеет необходимость его видеть, и был немедленно им принят. Поводом к этому представлению было то, что Абаза исправлял в это время обязанности председателя Государственного совета и желал выяснить, кто именно должен председательствовать в соединенном присутствии Департамента законов с другими департаментами. Государь повторил то, что уже говорил и мне, что считает отсутствие бар. Николаи временным, а затем согласился принять предложенное Абазою разъяснение, что в соединенных присутствиях при отсутствии департаментского председателя должен председательствовать председатель призванного к совместному заседанию департамента, т. е. что в соединенных присутствиях будет председательствовать не Перетц, а он, Абаза; такое распоряжение прямо противоречит тому, что было по моей инициативе разъяснено, когда Стояновский в качестве старшего члена председательствовал в Департаменте законов, а гр. Баранов был председателем Департамента экономии. Оно и несогласно с духом учреждения Государственного совета, которое желает, чтобы при соединении департаментов прениями руководил председатель того департамента, в коем производится дело.

При дальнейшем разговоре Абаза высказал государю свой взгляд на сахарное дело и, сколько ему показалось, убедил государя в необходимости решать дело скорее, не ожидая прибытия Шестакова. При этом государь сказал, что Воронцова надо вызвать из деревни на один день для участия в обсуждении этого дела.

Потом была речь о внешней политике, причем было высказано твердое намерение не занимать Болгарии и вообще беречь силы и финансовые и военные.

Всем этим разговором Абаза был очень польщен, в особенности потому, что он продолжался около часу, а в это время в приемной дожидался многочисленный генералитет с Милютиным во главе, прибывший для открытия памятника[90].

Воскресенье, *19 [октября]*. Иду в 9 час. гулять пешком. Захожу к Влангали. В $10^1/_2$ час. у вел. кн. Михаила Николаевича, который жалуется на то, что не получил приглашения присутствовать при открытии памятника о войне 1877 г. Точно так же при свидании в Баден-Бадене жаловался на то, что его не пригласили присутствовать при маневрах в Высоко-Литовске, а потом не пригласили охотиться в Польше. Все та же песня. Вел. князь возмущен статьею Каткова против Абазы[91], говорит, что на месте Абазы вышел бы в отставку. О делах мы не имеем времени говорить, потому что вел. князь идет к обедне. В $12^1/_2$ час. завтрак с Влангали. Рассказ о телеграмме Баттенбергскому[91а]. Проект был составлен совещанием при Влангали, Жомини, Обручеве; формы были гораздо мягче, и предполагалось послать ее шифром на имя русского консула. Государь, продержав телеграмму сутки, вставил резкие выражения и отправил телеграмму открытою. В 3 часа Рисовальное училище. Поражен постройками, произведенными за лето. Месмахер, драгоценный человек, но хочет все делать сам, а вследствие того из-за подробностей упускает иногда существенное, так, например, в течение двух лет я не мог добиться проекта об изменении устава нашего училища согласно изменениям, вызываемым улучшением нашего финансового положения. Постройка нового здания для музея подвигается и обещает быть прекрасною. Визиты Фришу, которого не застаю, Победоносцеву, который по обыкновению все осуждает, но ничего сам не предлагает. На этот раз, впрочем, его тема вполне мною одобряется. Он доказывает, что за уничтожением союза между крестьянами и помещиками или, правильнее, за уничтожением помещика и за отсутствием вследствие того сколько-нибудь образованных и имущих людей в провинции все наши новые законы ни к чему не поведут. [Визит] Манасеину — не застаю, Ванновскому — попадаю на комический приемный день его комической супруги, олицетворяющей тип провинциальной чиновницы. Разговор о том, какими блюдами угощали ее превосходительство нынче летом на Кавказе. Толстого и Островского не застаю. Сольский принимает меня в мундире, так как только что вернулся с лицейского юбилея. Кончаю объезд знакомством с моею новою внучкою Домною Бобринскою.

Понедельник, *20 [октября]*. Вел. князь присылает сказать, что не может принять меня для разговора о делах Государственного совета, потому что едет поздравлять вел. кн. Елизавету Федоровну. В Совете заседание продолжается пять минут. Вел. князь жалуется Толстому на Каткова, которого тот обещает усмирить; разумеется, это ни к чему не поведет. Абаза в объяснении с вел. князем заявляет, что ввиду двукратно высказанного ему государем одобрения его

деятельности он не обращает никакого внимания на ругательства Каткова. Вел. князь передает мне эти объяснения. Я советую ему рассказать это все целиком государю. Еду на Каменный остров посмотреть на цветущие там орхидеи. Холодно, темно. Вечером Александрийский театр, плохая комедия «Фрол Скобеев». Всеволожский, очень пошатнувшийся в здоровье и финансах. Эрнест Мейендорф, мой старинный приятель, приехавший из Рима, чтобы познакомиться с Гирсом, человек замечательного образования и, можно сказать, учености, претерпевший от кн. Горчакова продолжительное гонение за резкую правдивость.

Вторник, *21 [октября]*. Доклад Краузольда об успешном ходе дел на фабриках. В 2 часа еду в дом на Английскую набережную; лошади меня несут, но, к счастью, упираются в будку и падают, так что я могу спокойно выйти из кареты. Арсеньев осматривает дом и приходит в восхищение. Назначаю цену 2 млн. Еду в училище смотреть электрическое освещение классов. В 5 час. разговор с братом Валерианом, который своим бестактным обращением возбуждает против себя членов и рискует лишиться своего председателя, доставляющего ему в связи с другими занятиями около 30 тыс. дохода. Обед у Абазы с Убри, Влангали, Мордвиновым.

Пред обедом захожу к Швейницу, который сетует на то, что Германия желает нас поддерживать в болгарском вопросе[92], но мы не можем сказать, чего же именно мы желаем.

Среда, *22 [октября]*. Прогулка с Штендманом, которому я привез из Парижа остаток донесений французских посланников за время царствования Елизаветы Петровны. В 3 часа еду к вел. княгине Ольге Федоровне, возвратившейся накануне из-за границы. Так как я не имею храбрости напяливать мундир, то приказываю доложить, что приехал лишь узнать, когда вел. княгиня желает меня принять, но вел. княгиня принимает меня немедленно и по обыкновению забавляет меня своими юмористическими против ближнего выходками. Достается всем, не исключая и ее собственной дочери. Оттуда заезжаю к Павлу Шувалову, который на днях возвращается в Берлин и горько жалуется на свои петербургские впечатления. Нерешимость, неясность, подозрительность в отношении Бисмарка, который один выручает нас из галиматьи, в которую мы впутались, но которому может надоесть подобная политика и который, найдя другую комбинацию, может внезапно повернуться к нам спиною.

О Гирсе оба брата Шуваловы говорят как о полнейшем ничтожестве. Обедаю с Всеволожским и Мейендорфом. После обеда еду на один акт балета в ложу Всеволожского, но перед тем имею продол-

жительный разговор с Месмахером о ходе дел училища. Кончаю день чтением Lerlay об английской конституции.

Четверг, *23 [октября]*. Прогулка. Разговор с банкиром Гальперном о делах Главного общества, коими Валериан распоряжается диктаторски и не всегда удачно. Завтрак с пермским губернатором Лукошковым, который приехал сюда для соляного вопроса и для принятия участия в комиссии, обсуждающей проекты местной реформы. Визиты Рейтерну и Бунге. В 9 час. вечера уезжаю в Нарву.

24 [октября]. Пятница. Заупокойная обедня по случаю дня смерти покойного барона Штиглица. Завтрак с начальствующими на фабриках лицами. Возвращение в Петербург в вагоне, слушая чтение вновь изданных Дубровиным журналов Верховного тайного совета.

25 [октября]. Суббота. В Государственном совете обсуждение внесенного Посьетом проекта о подъездных путях. Вышнеградский весьма дельно оппонирует[93]. В $5^1/_2$ час. еду с Шуваловым, Голицыным и Галлом в Рапти на охоту, откуда возвращаюсь 28-го, во вторник, в 6 час. вечера. Шувалов по обыкновению рассказывает характерные черты из прошлого царствования, например о Муравьеве. Он производил следствие о Каракозове с большим зверством и постоянно повторял при допросах: «Я тебя живого в землю закопаю». Муравьев надеялся, затягивая дело, получить служебные выгоды, но, наконец, ему объявлено приказание окончить дело. Тогда Муравьев приехал к Шувалову и просил доложить государю, что он, Муравьев, желает быть назначенным генерал-адъютантом. Шувалов пошел докладывать об этом государю, который ответил: «Моим генерал-адъютантом — ни за что!.. Дать ему бриллиантовые андреевские знаки, но без рескрипта». Все это совпадало с 30 августа. Ввиду этого дня решено отложить казнь до 3 сентября. Между тем Муравьев, недовольный тем, что ему не была дана награда, о которой просил, уехал к себе в лугское имение, а фельдъегерь, привезший ему туда бриллианты, застал его мертвым, так что Муравьев попал в землю прежде, чем Каракозов, которого он хотел закопать[94].

Другой рассказ. У государя было секретнейшее заседание по какому-то военному вопросу. Дело решено против мнения Милютина, который вышел оттуда разбешенный. На другой день министр внутренних дел Тимашев представил государю схваченное на почте письмо артиллерийского офицера Загуляева, домашнего человека у Милютина, письмо было адресовано в редакцию газеты «Indépendance Belge» и, изложив подробно весь ход совещания у государя, кончилось заверением, что Милютин решился выйти в отставку, между тем в самом начале заседания государь взял со всех присутствовавших

слово соблюсти глубочайшую тайну. 8 ноября, на другой день после представления письма, был в Зимнем дворце большой обед по случаю полкового праздника Московского полка. Когда уже все, собравшись, ожидали выхода государя, Шувалов был к нему позван и выслушал горькие обвинения против Милютина, окончившиеся заверением, что он будет немедленно уволен. В заключение государь спросил Шувалова, кого следует назначить военным министром. Шувалов назвал Коцебу, на что государь заметил, что он стар и предложил Альбединского. *Шувалов*: «А этот, кажется, слишком молод». На что государь возразил: «А ты сам разве не одних с ним лет?» Шувалов вернулся в обеденную залу и шепнул Тимашеву, что считает Милютина уволенным, но затем дело не имело последствий, и Шувалов больше ничего об отставке Милютина не слыхал[95].

Третий рассказ. В начале царствования императора Александра II гр. Алексей Павлович Бобринский внезапно попал в какую-то особенную милость. В это время начинали говорить об освобождении крестьян. Вел. кн. Елена Павловна, горячо принимавшая эту мысль к сердцу, однажды вызвала гр. Бобринского и стала внушать ему необходимость склонять государя к этой мере. Горячась, она, между прочим, сказала, что Александр Николаевич человек очень ограниченного ума. Бобринский тотчас встал, сказав, что не может слушать подобных речей, прямо побежал к государю и передал ему все слышанное.

Среда, *29 [октября]*. Утром осматриваю училище, встречаю вел. кн. Михаила Николаевича, который приглашает меня к обеду и, узнав, что в Гатчине нет приема, не может скрыть неприятного впечатления, что его расчет не оправдается и я к обеду никаких новостей не привезу. Обедают вел. князь, вел. княгиня, четверо сыновей и я. После обеда сыновья уходят, и мы остаемся втроем. Вел. князь рассказывает мне заседание Комитета министров по вопросу о нормировке сахара, восхищается ответами Абазы Победоносцеву и Толстому. При этом сообщает, что до заседания Островский передал ему, что государь расположен принять нормировку, сообщение это заранее определило мнение вел. князя[96].

Четверг, *30 [октября]*. Заседание Департамента экономии. Визиты, между прочим, Головнину, которого, любознательность неизмерима. К обеду приходит Влангали, который горько пеняет на ход нашей политики, на то, что Каульбарс, сносясь прямо с государем, подбивает его на несообразные выходки[97], на то, что положение Гирса невыносимо, потому что не только его не слушают, но еще чуть не ежедневно он получает жестокие письменные резолюции.

Пятница, *31 [октября]*. Еду в Гатчину по поезду $10^1/_2$, приезжаю, когда прием у их величества начался; являюсь прежде императрице, которая весьма любезно расспрашивает о моем путешествии; очень довольна продолжительностью осени и жизнью в Гатчине. Рассказываю ей кой-какие примеры человеческого подобострастия и сожалею об отсутствии людей, смело говорящих государю правду; упоминаю о том, что прежде в этом отношении было лучше, и в доказательство предъявляю привезенный мною государю 55-й том сборника, содержащий журналы Верховного тайного совета в царствование императрицы Екатерины I, которая не могла обладать талантами, необходимыми для царения, а между тем благодаря совету и внешние и внутренние дела шли недурно. Обещаю императрице продолжать писать ей о важнейших делах Государственного совета, а также прислать ей вновь купленное старинное сочинение о замках Дании.

У государя. Весьма любезный и снисходительный разговор о моем путешествии, о том, что я видел в Англии, Шотландии, Ирландии, характеристика Черчилля. Ирландия, по моему мнению, отодвигает Англию на второй план в международных европейских делах; Шотландия являет назидательный для нас пример того, каких результатов может достигнуть страна с суровым климатом и плохими почвенными условиями, когда судьбами ее управляют имущественные классы, а не кабатчики и чиновники, как у нас. Государь говорит о посещении вел. кн. Владимиром Александровичем Нарвы, отмечая мимоходом, что нас там не было; вспоминает, что сам был в Нарве в доме Штиглица. Говорю ему, что нарвские фабрики идут хорошо. Потом речь касается ликвидации наследства, капитала, передаваемого Рисовальному училищу, занятий Исторического общества, биографии императора Николая. Уходя, напоминаю государю, что он обещал мне прислать свой портрет, но того не сделал. Вспоминает, что это действительно так. В заключение говорит: «До свиданья». На что я замечаю, что это свиданье будет весьма не скоро. *Государь:* «Отчего же, когда будут дела». *Я:* «Вы знаете, что я не люблю надоедать Вам делами».

Ноябрь 1. Суббота. В соединенных Департаментах законов и гражданских [дел] докладывается представление Манасеина об ограничении гласности в судах. По поводу о предоставлении министру юстиции закрывать двери заседания большинство членов полагает представить это право не министру, а кассационному Сенату[98].

2 [ноября]. Воскресенье. Охота в Коломягах, — Швейниц, Шувалов, Голицын, Фредерикс, Граббе, Красовский (акушер), Красовский (ст.-секретарь Государственного совета), Галл и Саша. Погода

теплая, но дождливая. Пять лисиц и, конечно, вследствие того мало иной дичи.

3 [ноября]. Понедельник. Прогулка с Абеля. Излагаю ему план дорог по лесу в Раптях. В 11 час. у вел. кн. Михаила Николаевича, который был у меня в субботу, желая узнать, как я был принят в Гатчине государем, но не застал меня дома. На вопрос по этому предмету отвечаю, что со мною о делах говорено не было. Вел. князь с грустью замечает, что и с ним о делах государь не разговаривает. Рассказываю вел. князю, что слышал от Швейница, возвращаясь с ним вместе в коляске с охоты. На вопрос мой о том, спокоен ли относительно теперешнего политического положения, Швейниц отвечал: «Как Вы хотите быть спокойным при теперешнем положении дел у Вас. Министр иностранных дел Гирс менее и менее пользуется доверием государя. Ваш император недоступен; в течение $5^1/_2$ лет царствования я имел с ним три разговора. На ход дел имеет огромное влияние пресса, и в особенности Катков, с тех пор как он получил ленту за правильное толкование императорской внутренней политики, тогда как Гирс уже сколько лет никаких лент не получает. Между тем «Московские ведомости» проповедуют, что поездки Гирса в Берлин похожи на прежние поездки русских правителей в Золотую орду и что России надлежит заключить союз с Францией. Бисмарк со дня удаления Баттенберга[99] так всецело принял сторону России, что возбудил против себя значительное неудовольствие и в немецкой печати, и в армии, и при дворе. В особенности за это им недовольны наследный принц и принцесса[100], а вследствие того в случае смерти престарелого императора положение Бисмарка может и должно всецело измениться. При таких условиях кто знает, долго ли он будет держаться теперешнего образа действий, а следовательно, долго ли мы можем быть в Петербурге спокойны».

Позавтракав подле вел. княгини и посплетничав, по обыкновению еду в Совет, где заседание не представляет никакого интереса.

Выходя из Совета, встречаю на подъезде Ванновского, который в своей коляске подвозит меня в Миллионную к архиву, доканчиваемому постройкой. Осмотрев произведенные нынче летом постройки, еду в училище к Месмахеру объявить ему, что я устранил всякие формальности для получения ему отпуска и что он может ехать покупать предлагаемую училищу коллекцию.

В 5 час. продолжительный разговор с Ауербахом о делах по Богословскому округу. В 7 час. обед у стариков Бобринских. Разговор о сахаре и ожидаемой резолюции государя. Я не сомневаюсь, что он согласится с пятью[101]. После обеда приносят известие о смерти Головнина.

Головнин — характерная личность, и характернее по отношению к обществу, среди которого жил, чем по отношению к самому себе. Это был совершенно искренний, вполне честный человек, исполненный наилучших, благороднейших стремлений, но отнюдь не обладавший тою необыкновенною проницательностью, дальновидностью, изворотливостью, которые приписывались ему его врагами. В ранней молодости, попав в ближайшие сотрудники вел. кн. Константина Николаевича, он в силу тех качеств, кои я признаю за ним, сделался проводником тех новых духовных стремлений, кои вызывались застоем продолжительного николаевского царствования. Со вступлением на престол императора Александра II вел. кн. Константин сделался главным двигателем политической новизны, а Головнин продолжал быть вдохновителем своего вел. князя. Он сделался чем-то вроде первого при вел. князе министра и вывел на значительные административные посты многих людей своего поколения, кои и орудовали большинством реформ прошлого царствования. К сожалению, люди эти были представителями политически отрицательного направления, в них не было ни довольно знания страны, ни довольно практического смысла, чтобы создать порядки, основанные на исключительных условиях отечества; они имели в виду выкурить николаевщину, как якобинцы заботились о том, чтобы не пахло более королевскою властью. Недостаточность такой законодательной политики не замедлила высказаться, и, разумеется, по свойственной людям утрировке сегодня мы впадаем в другую крайность, кидая камни и грязь в своих ближайших предшественников, коих не защищает еще беспристрастный историк. Предметом особенно страстных и пристрастных нападок не мог не сделаться Головнин, а между тем последние годы его жизни должны бы были, напротив, заслужить ему глубокое уважение современников. Он остался верен своим первоначальным идеалам добра и пользы человечеству, но, удалясь от политического поприща, перенес всю свою деятельность на научный труд, следя за разнообразными проявлениями всесветной человеческой мысли и стараясь в практической жизни быть сколько возможно полезным ближнему. Сношения с ним были весьма приятны; он интересовался всем истинно человеческим без особенного педантизма в ту или другую сторону; он любил человеческое общение без задних эгоистических целей, и из разговора с ним выносилось доброе, человеческое чувство с прибавкою разносторонних сведений, что так редко везде, и особливо в Петербурге. В Государственном совете он за последние годы почти не принимал участия в прениях, за исключением крупных финансовых вопросов, интересовавших его в особенности при обсуждении бюджета.

4 [ноября]. Вторник. Не еду в Академию художеств, где слишком бесцеремонно распоряжается не заслуживающий уважения Исеев. Разговор с Ауербахом. Саша приезжает из училища, ушибленный при глупом качанье на pas de géant*. Панихида на квартире у Головнина.

5 [ноября]. Среда. В 12 час. показываю штиглицкий дом вел. князьям Сергею и Павлу Александровичам, которые, по-видимому, не ожидали подобных размеров и удобств. Вопрос в том, имеет ли Павел Александрович средства купить этот дом?

6 [ноября]. Четверг. В $9^1/_2$ час. у Головнина. Вынос тела из его квартиры на Гагаринской набережной в Пантелеймонскую церковь; несмотря на чрезвычайную продолжительность служения, множество всякого рода людей присутствуют до конца. Доблестный председатель Государственного совета, зная, как мало покойный пользовался высочайшим расположением, не приезжает на похороны, а предпочитает отправиться в Царское Село, где в высочайшем присутствии гусары празднуют свой полковой праздник. Делая вид, что не понимаю причины его отсутствия, заезжаю с похорон осведомиться о здоровье его высочества. Визит Долгоруким, где слышу горькие жалобы на Каткова, взявшего с Харитоненки 300 тыс. руб., чтобы писать против нормировки сахара. Прежде чем писать против, он испросил разрешение государя под тем будто бы предлогом, что не желает писать против намерений государя, установляя, таким образом, какую-то солидарность между верховною властью и им, Катковым. Глупую роль в этом деле разыграл мой приятель Воронцов, которого вызвали из деревни для присутствования в Комитете министров, когда это дело обсуждалось. Во время заседания и после он уверял всех, что государь, с коим он провел вечер в Гатчине, разделяет мнение о необходимости нормировки, а затем на другой день после его отъезда государь утвердил противоположное тому мнение.

7 [ноября]. Пятница. Месмахер уезжает во Франкфурт для покупки предлагаемой училищу коллекции старинных вещей. Прогулка с Штендманом и установление дальнейшего хода работ по изданию «Русского биографического словаря». Вечер за слушанием чтения Ивана Волкова, которого я взял в чтецы.

8 [ноября]. Суббота. В 10 час. еду поздравлять именинника вел. кн. Михаила Николаевича. Вел. княгиня показывает мне старинный деревянный барельеф, ею подаренный. Я останавливаю внимание их высочества на сюжете. Чье-то сердце куют в щипцах железным молотом. Объясняю, что это сердце вел. князя, а молот — Катков. За-

* Гигантских шагах.

хожу к Бобринским. Обедают Абаза, В. Бобринский, Нессельрод, Убри, Е. Мейендорф.

9 [ноября]. Воскресенье. Охота в Коломягах — vicomte Obert de Tieusis, Г. Голицын, Граббе и вел. кн. Николай Михайлович, приглашенный по просьбе отца. Вечер у Абазы.

10 [ноября]. Понедельник. Рождение Анны. Ей минуло 25 лет. Как мне памятен этот день, когда я докладывал в Общем собрании Сената кочубеевское дело![102] По обыкновению завтракаю у вел. князя, который спрашивает меня: «Надеюсь, что члены Государственного совета поняли, почему я не был на похоронах Головнина». *Я:* «Нет, Ваше высочество, они все меня о том спрашивали». *Вел. князь:* «Да Вы-то, надеюсь, поняли?» *Я* (глядя ему в упор в глаза): «Нет, Ваше высочество, не понял». *Вел. князь:* «Что же вы им сказали?» *Я:* «Что, по всей вероятности, Вы внезапно захворали». *Вел. князь:* «Да, ведь я должен быть в Царском Селе на гусарском празднике!..» Вел. княгиня повторяет то же самое, а я отвечаю обоим глубоким молчанием, выпялив на них удивленные глаза. После завтрака мы разговариваем о чем-то втроем, и вел. княгиня обращается ко мне с просьбою прислать выигрышей на какую-то благотворительную лотерею. Я вытягиваюсь в струнку и испуганно произношу: «Oui, monseigneur»*, прибавляя: «Pardon, madame, c'est le cri du coeur»**. Она смеется желчно, как говорят французы.

В Государственном совете обычное, осеннее пятиминутное заседание. Пишу целый день свое мемориальное извлечение и в 9 час. еду к своей старинной приятельнице гр. Мойра, которой врачи объявили, что у нее рак в груди. Силюсь, но тщетно, развлечь ее своими россказнями.

11 [ноября]. Вторник. В 2 часа у гр. Адлерберга, советуюсь с ним о том, где бы найти материалы для составления тома о жизни Николая Павловича до вступления на престол. Указывает на хранящуюся в Гатчине шкатулку с бумагами императрицы Марии Федоровны, а также на бумаги, которые должны храниться в Главном штабе. Встречаю вел. кн. Михаила Николаевича, который возвращается из заседания Комитета министров и сообщает, что после заседания под председательством Рейтерна собралось новое совещание для разрешения сахарных затруднений, потому в утвержденном государем мнении меньшинства сказано, что, отвергая нормировку, надо придумать что-нибудь другое. К этому вел. князь прибавляет, что встретил сей-

*«Да, ваше высочество»

**«Извините, ваше высочество, это крик сердца».

час на Морской Шувалова, который пригласил его охотиться в четверг. *Я:* «Вы приняли?» *Вел. князь:* «Да, но думаю, что поеду к сыновьям, у которых стрельбы больше».

Вот как он обращается с людьми, приятелями с детства и которые, кроме угождения и любезности, ему ничего иного никогда не выказывали. Обедают Каханов, Фриш, Дервиз, Герард, Маркус, Шамшин, Аракин.

Среда, *12 [ноября]*. У Арсеньева в 2 часа в Морском училище. Он объявляет мне, что покупка штиглицкого дома за 2 млн. вел. кн. Павлу Александровичу не по средствам и что он не может идти далее $1^1/_2$ млн. Я отвечаю, что при продаже этого дома вел. князю наша цель главным образом заключается в том, чтобы дом этот перешел не первому попавшемуся, а вел. князю, что поэтому 100 тыс. руб. больше или меньше разницы не составляют и я согласен разделить разницу пополам, т. е. назначить цену 1750 тыс. руб., из коих получить 1500 тыс. руб. наличными, а остальные 250 тыс. рассрочить на 10 лет по 25 тыс. руб. без процентов. Арсеньев в восхищении от моего предложения.

Чтение Фезе «История саксонского двора»[103]. Вечером балет Цукки.

Четверг, *13 [ноября]*. Восхитительный солнечный день. Охочусь на Пороховых заводах. Еду туда и обратно со Швейницем, который горько жалуется на трудность вести дела с нашим правительством, car il n'y a pas du tout de direction*, чему и приводит жалостные примеры, иллюстрация коих принадлежит Каульбарсу.

Пятница, *14 [ноября]*. Рождение императрицы. Прием в Аничковском дворце. Церковь так тесна, что в ней помещается исключительно царское семейство, а потому я приезжаю к 12 час., когда их величества принимают поздравления. Приглашены Государственный совет, ген.-адъютанты и офицеры двух кирасирских полков, в коих императрица состоит шефом. Поздравляющие подходят поодиночке, целуют руку императрицы, а затем кланяются императору. По окончании этой церемонии завтракают за круглыми столами на десять человек каждый. Во время завтрака играют два оркестра придворной музыки. Я завтракаю за столом, где сидят члены Государственного совета; сижу между гр. Паленом и Шуваловым, который, слушая «Камаринскую» Глинки, находит в ней сходство с главными темами национальной политики, представителем которой является сегодня Каульбарс. После завтрака присутствующие установляются вдоль стен центральной гостиной, и императрица обходит этот круг, любезно разговаривая с выдающимися представителями чиновничества.

* У него нет никакого направления.

Государь показывается два раза в дверях гостиной и, удаляясь к себе, высылает цесаревича просить императрицу окончить прием.

Вернувшись домой, председательствую в заседании совета Исторического общества. Бычков по обыкновению все критикует с запинками, Победоносцев не приезжает вовсе, Грот болен, Феоктистов подшучивает над тем, что в порученной ему кассе нет ни единой копейки, Дубровин просто и мило говорит о своих замечательно полезных трудах, то же делает Сергеевич, гораздо скучнее и суше — приехавший из Москвы Карпов.

По окончании заседания еду к кн. Барятинской, которая любезно привезла мне письмо от жены моей из Парижа.

15 [*ноября*]. Суббота. В $3^1/_2$ садимся на поезд Финляндской железной дороги и в $8^1/_4$ приезжаем на кладбище в Новоселки. Пьем чай в домике, а потом в санях отправляемся на круг, версты за четыре. День превосходный, солнце, тишина. Убивают: вел. кн. Михаил Николаевич двух лосей, Пален, Черевин, Б. Голицын по одному рогачу; коров, разумеется, пропускаем невредимыми; в 6 час. возвращаемся в Петербург.

16 [*ноября*]. Воскресенье. Опять лосиная охота. Шувалов и Граббе дают промахи по лосе, которого я убиваю.

17 [*ноября*]. Понедельник. Мой поистине тяжелый на неделе день. В 11 час. у вел. кн. Михаила Николаевича, который в восхищении от результата охоты. Говоря о делах, сообщаю ему, что согласно желанию Министерства внутренних дел отложен доклад дела об экспроприации, т. е. о новом законе, изменяющем теперешний порядок экспроприации, отложен потому, что комиссия, рассматривающая вопрос о неудобствах владения иностранцами землею на границах империи и в соседстве с крепостями, желала бы произвести предполагаемое в этих местностях отчуждение прежде, чем последует новый закон, имеющий в виду расширить роль суда в производстве такого рода дел[104]. Впрочем, принципиальные вопросы мало занимают его высочество, и мы быстро переходим к вопросам личным. Возвращаюсь к вопросу о председательствовании в Департаменте законов и необходимости усилить департамент. Вел. князь мне заявляет, что государь при отъезде Николаи сказал ему, что желает, чтобы он возвратился к председательствованию, а следовательно, об этом нечего говорить. Отвечаю, что это по крайней мере дает право надеяться, что не последует какого-нибудь катковского назначения. Вел. князь советуется со мною о том, кого бы назначить в члены; я отвечаю, что решительно никого не знаю, а что если непременно надо это сделать, то я рекомендовал бы Рихтера, который честный человек, по своим обязанностям имеет доступ к государю и мог бы доводить до его сведения о происходящем в Совете в защиту от интриг, исходящих от Островского и компании (читай: потому что Ваше высочество не в состоянии защищать нас). В 12 час. обычный завтрак, а в 1 час заседание Государственного совета. Приезжаю в Мариинский дворец, встречаю Бунге, который рассказывает мне, что подал государю записку о мерах для борьбы с дефицитом, предлагая рассмотреть ее в Финансовом комитете. Государь написал на докладе, что согласен, и назначает Вышнеградского присутствовать в Финансовом комитете.

Иду в кабинет председателя и передаю ему этот рассказ, прибавляя, что, по моему мнению, это выражает ясное намерение назначить Вышнеградского министром финансов. На что мой вел. князь философски высказывает пожелание, чтобы выбор государя был оправдан последствиями.

После кратковременного заседания в Общем собрании соединенное присутствие обсуждает представление министра финансов о слиянии Общества взаимного поземельного кредита с Дворянским банком[105]. Маркус и Вышнеградский восстают против представления и просят отложить доклад для того, чтобы иметь время подробнее изучить вопрос. Абаза в качестве председателя отлагает рассмотрение дела, но на основании высказанных при обсуждении прений предлагает записать в журнале, что комбинация о выпуске по этому случаю выигрышного займа категорически и окончательно устраняется. После заседания Абаза объясняет мне, что эта комбинация была предложена Московским земельным банком, в коем Катков состоит крупным акционером; причем имелось в виду нажить порядочно на счет казначейства.

По приглашению вел. кн. Владимира Александровича еду к нему в 4 часа, он говорит мне, что после приезда имел продолжительный и очень откровенный разговор с государем, высказав ему невозможность вести нашу внешнюю политику со дня на день без определенной программы, без всякого ясного направления. Вел. князь очень доволен тем, что государь так терпеливо выслушивает опровержения его мнений и горько пеняет на Гирса и подобных ему людей, во-первых, за отсутствие определенного плана, а в особенности за недостаток мужества в разговорах с государем. Настаивает на необходимости заменить Гирса Лобановым. Я, выслушав это, выражаю удовольствие о том, что между ним и государем существуют такие отношения, но считаю обязанностью выразить ему, вел. князю, мое опасение, чтобы влияние вел. князя не подверглось ослаблению, вот почему — государь прежде всего дорожит, безусловно, честными людьми или по крайней мере такими, коих считает честными. «Вы, Ваше высочество, — продолжаю я, — в последнее время окружили себя людьми, на нравственности коих лежат тяжелые

пятна. Это подает повод к обвинениям против Вас, и эти обвинения находят отголосок у государя».

Вел. князь: «В мою частную жизнь никто не вправе вмешиваться». *Я:* «У Вас нет частной жизни. Вся Ваша жизнь принадлежит Вашему государственному положению, и грустно будет, если то, на что я указываю и чему Вы дали еще недавно новую пищу выбором людей, коих возили с собою охотиться в Польшу, грустно будет, если это обстоятельство лишит отечество той пользы, которую Вы могли бы ему принести благодаря чрезвычайной даровитости Вашей, благодаря прекрасному Вашему сердцу; об этих Ваших качествах я могу говорить, потому что знаю их гораздо больше, чем знают другие».

Вел. князь смутился и не знал, что мне отвечать.

Я продолжал: «А знаете ли, почему Вы так равнодушны к нравственным свойствам людей, Вас окружающих? Потому что, пережив много тяжелого, Вы мало верите в добродетель людскую и, почитая более или менее всех подлецами, Вы предпочитаете иметь около себя подлецов забавных, чем подлецов скучных».

Вел. князь: «Может быть».

Я: «Но это нравственное состояние может уничтожить результаты наилучших трудов и усилий Ваших. Только веруя в людей, можно творить что-либо истинно для них полезное. Лучше ошибайтесь, разочаровывайтесь, но верьте, что есть люди, с которыми и для которых стоит трудиться».

Потом мы говорили о биографии Николая Павловича и когда настало время для вел. князя ехать в Царское Село, то он искренне благодарил меня за разговор и заключил словами: «Пожалуйста, Александр Александрович, браните меня чаще». Посылаю государю меморию, ничего особенного не представляющую, и слушаю чтение моего нового чтеца Волкова об истории саксонского двора.

18 [ноября]. Вторник. Еду в Царское Село с Сан-Галли, рассказывающим о своей деятельности в Петербургской городской думе и, в частности, о водоснабжении и электрическом освещении. Завтрак у вел. князя с вел. княгинею, детьми, кои очень милы и много выиграли с тех пор, как поступил нынешний воспитатель. Тут же презренные личности Перовского и Бенкендорфа. Захожу к весьма милой Ире Скалон, жене здешнего гофмейстера; вместе горюем о неудачных выходках Марии Павловны и бесхарактерности Владимира Александровича. Вечер за чтением корректуры тома бумаг герцога Ришелье и делами Государственного совета.

19 [ноября]. Среда. Намереваюсь ехать в Рапти, но не могу исполнить того иначе, как поздно вечером, потому что вел. кн. Мария

Павловна приглашает меня к себе в 6 час. для того, чтобы, как она объясняет, я принял на себя роль суперарбитра между Министерством финансов и Мальцевыми в денежных расчетах по суммам, выданным из казны под их имения. Обедаю с Убри и Влангали и в $9^1/_2$ час. уезжаю в Рапти.

20 [ноября]. Четверг. Чудный, солнечный день в Раптях; осмотрев хозяйство, отправляюсь с моим верным Абеля вдоль озера, устанавливая направление новой дороги по берегу до самой границы. В 2 часа в Луге встречаю возвращающуюся из Парижа жену мою. В 6 час. приезжаем в Петербург.

21 [ноября]. Пятница. В 8 час. делаю длинную прогулку в обществе Чихачева, очень разумного, дельного человека. Дружественно обмениваемся мыслями о том, как грустно положение дел, лишенных всякого направления. Положение не только грустно, но и опасно.

Покуда завтракаем, заезжает Шувалов, отправляющийся на полковой праздник Семеновского полка и по этому случаю облеченный в полную парадную конногвардейскую форму. По дороге он заехал к Островскому переговорить о какой-то казенной земле, продающейся по соседству с его имением. Островский, вздутый своею государственной важностью, начал с того, что уверял Шувалова в том, что он напрасно надевал парадный мундир, чтобы к нему ехать. Шувалов чуть не расхохотался и поспешил объяснить ему, что едет на семеновский парад. Осмотр новых построек и приобретений училища. Обед со Всеволожским и Мейендорфом. Вечер у Рихтера в разговоре о мальцевском деле[106], от которого очень хотелось бы отделаться, хотя Рихтер настаивает на том, что меня просит императрица принять на себя эту обузу, а надо сказать, что императрица в отношении меня всегда была безукоризненно любезна.

22 [ноября]. Суббота. Снежная метель не мешает мне вдвоем с Шуваловым стрелять зайцев на Пороховых заводах. Вечером сначала мемории, а потом обычный вист.

23 [ноября]. Воскресенье. Отбывание несносной повинности визитов. Возвращение Бобринских из Керчи и Смелы. Рассказы о раскопках. Чтение книги Lavisse «Origines de la Prusse», мемориальное извлечение.

24 [ноября]. Понедельник. В 9 час. пешеходная прогулка с Краузольдом. Дела фабрик, война с бар. Кнопом, который ставит на Екатерингофскую фабрику какой ему вздумается хлопок и по какой хочет цене. В 11 час. у вел. кн. Михаила Николаевича. Слышу такой рассказ. «Был я в среду в Гатчине, дел у меня никаких не было; в кабинете у государя не был, чему он, впрочем, кажется, всегда рад. После

завтрака у императрицы сказал, что уезжаю по поезду в 2 часа. Меня никто не удерживал и не выказал не только сожаления, но даже и удивления!..»

Говорим о кандидатах в члены Государственного совета. Советую никого не рекомендовать, не чувствуя за собою никакой силы, а уже если рекомендовать, то одного Рихтера, который, находясь постоянно в Гатчине, может от времени до времени высказать государю правду или передать правдивый рассказ о том, чего будет свидетелем в Совете и чего вел. князь сказать никогда не решается. Прибавляю, что, по всей вероятности, Победоносцев будет проводить своего товарища и приятеля Коробьина, против коего, впрочем, я лично решительно ничего не имею. В 12 час. обычный завтрак возле вел. княгини. В 1 час Совет. На этот раз приезжает вел. кн. Владимир Александрович. На его вопрос, есть ли у меня именинницы, отвечаю: «Ma petite fille, monseigneur, qui s'appelle Екатерина Алексеевна, comme son illustre aïeule»[107]. — «C'est osé mais c'est exact»*, — отвечает вел. князь. В 3 часа у вел. кн. Марии Павловны. Переговоры о моем участии в устройстве судьбы Мальцевых. Посылая вечером в Гатчину меморию, пишу государю письмо, в котором рассказываю, что виделся с гр. Адлербергом, чтобы узнать от него, где могут храниться документы о жизни Николая Павловича до вступления на престол, что Адлерберг думает, что письма вел. кн. Николая Павловича к императрице Марии Федоровне должны храниться в ящике, который находится в Гатчине и был согласно воле императрицы Марии Федоровны сохраняем запечатанным в течение 50 лет после смерти императрицы. В 1878 г. покойный государь открывал этот ящик и нашел, что бумаги, в нем хранящиеся, не особенно важны, прошу государя выяснить это.

25 [ноября]. Вторник. Из Комитета министров заходит ко мне Победоносцев и по обыкновению обо всем хнычет. В особенности на этот раз сокрушается, хотя совершенно правильно, о том, что Мирский подбил государя присоединить Таганрог к земле Войска Донского[108]. По этому поводу делает намек о денежных выгодах для атамана, представляемых подобною комбинациею. Потом нападает на порядок рассмотрения законодательных дел в Государственном совете, выставляя как главное неудобство излишнюю поспешность и недостаток внечиновного элемента. Я совершенно с ним соглашаюсь и прошу его прийти к реальному заключению; тогда он расплывается в жалобах на личные свойства и недостатки председателей, которые могли бы делать частные у себя совещания из кого угодно. Я указываю на принадлежащее им право призывать в Совет кого угодно, но Победоносцев находит, что призванные слишком надуто и торжественно, недовольно естественно и близко к сущности вопроса излагают свои мнения, а это происходит от слишком исключительного характера подобных событий.

В $3^1/_2$ час. еду в училище, куда возвратился из заграничной поездки Месмахер, купивший во Франкфурте коллекцию Сикара за 270 тыс. марок.

В 9 час. слушание доклада Ауербаха о результатах богословских заводов за прошлый год. Результат сводится к нулю.

26 [ноября]. Среда. Выход в Зимнем дворце по случаю Георгиевского праздника. Все это год от году мельчает. Возвратясь домой, выслушиваю продолжительное объяснение Н. Мальцева о горестном положении их состояния и просьбу о том, чтобы я взялся быть посредником между ними и Министерством финансов, разоряющим их казенным управлением их имениями и заводами.

27 [ноября]. Четверг. Забыл рассказать характерную выходку Гирса вчера на выходе в Зимнем дворце. Подойдя ко мне, Гирс справляется, не видал ли я Рихтера, которого намерен просить напомнить государю о необходимости провозгласить за обедом тост за здоровье старейшего георгиевского кавалера, а также послать ему телеграмму. Я выражаю Гирсу удивление, что он уступает Рихтеру дело такой важности, а не делает его сам, особливо когда накануне он имел доклад у государя. *Гирс:* «Je l'ai oublié». *Я:* «Vous pouvez aller le lui dire». *Гирс:* «Mais je ne verrai pas l'empereur». *Я:* «Je ne comprends pas que vous ne le voyez pas et dans tous les cas vous pouvez lui écrire». *Гирс:* «Non, je préfère le faire par R[ichter]». *Я:* «Du moment où vous abdiquez, il ne faut pas vous étonner si on vous prend au mot»*.

Скучная отдача визитов. Чтение Фезе.

28 [ноября]. Пятница. Полная оттепель, снежная буря, так что не могу воспользоваться приглашением Шувалова ехать к нему охотиться в Вартемяках.

29 [ноября]. Суббота. Обсуждение в соединенных Департаментах манасеинского проекта о предоставлении министру юстиции права закрывать двери заседания суда. Манасеин молчит, а Победоносцев

---

* «Моя внучка, ваше высочество, она зовется Екатериной Алексеевной, как ее знаменитая прапрабабка». — «Сказано смело, но соответствует действительности».

* *Гирс:* «Я забыл». *Я:* «Вы можете сказать это сейчас». *Гирс:* «Но я не увижу императора». *Я:* «Я не понимаю, почему вы не можете его увидеть, но во всяком случае вы можете ему написать». *Гирс:* «Нет, я предпочитаю сделать это через Р[ихтера]». *Я:* «Коль скоро вы слагаете с себя свои обязанности, не удивляйтесь, если вас поймают на слове».

отстаивает проект, как свое собственное измышление, доказывая превосходство негласного суда пред гласным.

Вечер у меня, вист. Абаза сообщает по секрету, что намерен просить увольнения от председательствования в Департаменте экономии.

30 [ноября]. Воскресенье. В 9 час. прогулка с Краузольдом, посещение Рисовального училища, завтрак у Гагариных, разговор с Шидловским о том, как вести завтра дело о слиянии Общества поземельного кредита с Дворянским банком. Визиты Грейгу и Дондукову.

В $8^1/_2$ час. вечера еду к Шестакову. Вместе сетуем на плачевное состояние дел. Уговариваю его, чтобы, докладывая завтра государю о сегодняшнем заседании, происходившем у вел. кн. Алексея Александровича для обсуждения записки, поданной Шестаковым о положении дел на крайнем Востоке[109], оттенил пользу участия в обсуждении Абазы, которого положение ввиду натиска катковской клики начинает становиться невозможным, а между тем, если Абаза покинет свое председательствование в Департаменте экономии, то от этого очень пострадает ход дел. Шестаков вполне сочувствует мне и очень грустит о глупостях, около нас совершающихся.

1 [декабря]. Понедельник. Застаю вел. кн. Михаила Николаевича с распухшею щекою в невозможности председательствовать в Государственном совете. Он посылает адъютанта предуведомить о том Абазу. Заседание Государственного совета продолжается 10 минут. После заседания, в кабинете председателя, оставшись вдвоем с вел. кн. Владимиром, высказываю ему свое сожаление о том, что петербургское правительство близоруко создает какую-то новую безответственную, преследующую свои личные само- и сребролюбивые цели московскую силу, которая в конце концов вредит достоинству правительства, дискредитируя его. Такое положение, по моему мнению, весьма опасно и для государственного строя, и для самой династии. Посылаю государю обыденную меморию. Обед в честь Сталя, на днях приехавшего из Лондона, весьма почтенного во всех отношениях человека.

2 [декабря]. Вторник. Вечер за обсуждением с Месмахером изменений, кои необходимо сделать в уставе нашего Рисовального училища одновременно с передачею завещанного бар. Штиглицем капитала, который по окончании ликвидации, оказывается, достигает 9700 тыс. руб., кроме капитала в 800 тыс., коим училище уже владеет.

3 [декабря]. Среда. Является Татищев и передает, что Швейниц, увидав его в Зимнем дворце на Георгиевском празднике, пригласил к себе и, обращаясь к нему как представителю Каткова, изложил всю программу германского правительства по отношению к России с просьбою передать все это Каткову для рассеяния его недружелюбного

к Германии настроения. Татищев был секретарем в венском посольстве, был поставлен в необходимость оттуда выйти, и в течение десяти лет Министерство иностранных дел не хотело слышать о возвращении его на службу. Татищев написал несколько статьей для «Русского вестника», заслужил благорасположение Каткова, а затем немедленно был обласкан Гирсом, который даже предложил государю поместить Татищева снова на службу и сделать его начальником проектированного Татищевым бюро для направления прессы в сфере политики. Теперь идет лишь речь о том, в чьем ведении бюро это будет состоять — министра внутренних дел или министра иностранных дел.

4 [декабря]. Четверг. Заседание в Департаменте экономии, куда приглашен военный министр для выяснения необходимости тех чрезвычайных расходов, коих он требует[110]. Заседание открывается обращением Абазы к присутствующим с просьбой сохранить глубочайшую тайну относительно всего, что будет сказано. К Ванновскому Абаза обращается, выражая надежду, что он будет говорить не только как военный министр, но и как государственный человек. Этот добрый, честный командир, по выражению Скобелева, командир не русских военных сил, а рот и эскадронов, армию составляющих, говорит о напряженности политического в Европе положения, о том, что теперь надо думать не об общем устройстве армии, а о быстрейшем приготовлении к неминуемой в 1887 г. войне, и в подтверждение правильности своего взгляда читает депешу, полученную от советника посольства в Вене кн. Кантакузена, такого содержания: «В высших австрийских военных кругах решено объявить войну России как можно скорее, покуда не истек срок союза с Германией». Абаза просит объяснения о том, почему депеша получена от советника посольства, когда в Вене находится посол кн. Лобанов. Ванновский смущается, не знает, что отвечать.

В тот же день сообщаю этот эпизод Влангали, который поражен подобным фактом, при всей его на первый взгляд невероятности.

5 [декабря]. Пятница. Праздник в Училище правоведения; день основания училища, но я туда не еду. В нашей петербургской жизни пропадает слишком много времени на всякого рода праздничанье. Первое представление русскою оперною труппою оперы «Мефистофель», в присутствии всей императорской фамилии.

6 [декабря]. Суббота. Празднование именин наследника цесаревича, для чего из Гатчины их величества приехали в Аничковский дворец. Несмотря на принадлежность именинника к председательствуемому мною Историческому обществу, уклоняюсь от участия в этом торжестве. В 2 часа в соединенных Департаментах слушается мое представление о даровании нашему Рисовальному училищу прав второго разря-

да по воинской повинности. Кн. Волконской в качестве товарища министра народного просвещения противодействует всеми силами, благодаря поддержке Дервиза представление утверждается. Узнаю, что Бунге окончательно подал в отставку, которая и принята государем. Обед вистовых партнеров.

7 [*декабря*]. Воскресенье. В 2 часа заседание Финансового комитета у Рейтерна, который еле ходит и ничего почти не видит; присутствует новый член Вышнеградский. Обсуждаются два вопроса: первый — о передаче казначейству двух десятков миллионов, составляющих барыш от передачи Государственному банку операций прежних кредитных установлений, суммы эти идут на покрытие дефицита, который превзойдет 50 млн. Разумеется, по этому вопросу никто не спорит. Второй вопрос об окончании расчетов банка с казначейством, по исполнению указа 1 января 1881 г.; остается уплатить 150 млн., и Бунге предлагает выдать банку на эту сумму золотой ренты, которую банк будет выпускать по мере возможности, причислив ее уже сегодня к разменному металлическому фонду. Против этого предположения весьма дельно и умно говорит Вышнеградский, доказывая, что необходимости в немедленном распоряжении такого рода не существует, что это ослабит значение самого металлического фонда. Сольский предлагает не решать дела в корне, а отложить вопрос до более удобного времени. Чувствуя, что от Бунге пахнет мертвецом, все члены Комитета охотно принимают согласительное предложение Сольского[111]. Заезжаю к Шестакову посоветоваться о том, не поговорить ли с вел. кн. Алексеем Александровичем о том глупом положении, в которое ставит себя правительство. Шестаков одобряет эту мысль.

8 [*декабря*]. Понедельник. В 11 час. приезжаю в провинциальное захолустье дворца вел. кн. Михаила Николаевича.

Разговор о Каткове, о том, что презренный Делянов встречал его на станции, что тотчас после приезда к нему явились Островский, Феоктистов, Вышнеградский, Пазухин, что Катков объявил, что свергнет Бунге, Абазу, Гирса. Вел. князя занимает исключительно то, даст ли государь Андреевскую ленту бар. Николаи. С некоторою грустною решимостью вел. князь говорит в моем присутствии вел. княгине, что если государь откажет ему в утверждении Абазы и награждении Николаи, то он откажется от продолжения председательствования в Совете, будучи лишен содействия главных своих помощников. Вел. княгиня уговаривает его ограничиться делами Совета и не произносить имени Каткова; я поддерживаю всеми силами этот совет.

В Совете обычное краткое заседание. Вел. кн. Владимир просит передать жене моей, что приедет к ней в 5 час. выпить чашку чаю.

Разговор начинается с посещения их высочествами Нарвы, потом много говорится о парижской жизни и о том, как он приятно провел там время; при этом, конечно, разговор касается современного искусства. Перед его уходом излагаю ему свой взгляд на необдуманное действие правительства, которое рядом со своею властью или даже над своею властью создает власть бесконтрольного, безответственного журналиста, дерзостное самолюбие коего наносит вред достоинству правительства и компрометирует его в глазах и русского народа и других держав. Владимир Александрович вполне разделяет правильность такого взгляда. Заседание с Месмахером об изменении устава нашего училища.

9 декабря. В Коломягах неудавшаяся лосиная охота.

10 декабря. В 11 час. у вел. кн. Алексея Александровича. Говорю ему приблизительно то же самое, что вел. кн. Владимиру Александровичу, но с большим распространением. Сущность приблизительно такова: «В прежние времена около трона стояли независимые люди, вельможи, которые открыто говорили государям правду, но, по выражению митрополита Филарета по случаю смерти кн. С.М. Голицына, боярин оскудел, теперь обязанность говорить государю правду лежит прежде всего на членах его семейства, и я обращаюсь к вел. князю в особенности потому, что [он] вследствие своего характера может свободнее, легче высказывать правду своему старшему брату».

Я обращаюсь к вел. князю, прося его оценить положение и открыть на него глаза государю, который недосягаем, а слышит то, что Победоносцев и компания до него доводят, причем, конечно, «Московские ведомости» и делаемые Феоктистовым, прислужником Каткова, газетные выписки служат лучшими проводниками. Мне, в частности, говорить невозможно, во-первых, потому, что я не вижу государя, и потому, что моя речь будет приписана честолюбивым помыслам.

Дело в том, что рядом с законным государевым правительством создалась какая-то новая, почти правительственная сила в лице редактора «Московских ведомостей», который окружен многочисленными пособниками на высших ступенях управления, как Делянов, Островский, Победоносцев, Вышнеградский, Пазухин. Весь этот двор собирается у Каткова на Захарьевской, открыто толкует о необходимости заменить такого-то министра таким-то лицом, в том или другом вопросе следовать такой или иной политике, словом, нахально издает свои веления, печатает осуждение и похвалу и в конце концов достигает своих целей. Такой порядок не должен ли быть истолкован как отсутствие мыслей в самом правительстве, которое заимствует их у Каткова и тем понижает свое значение в глазах нации. В других

государствах существуют исторические наслоения и группы, представляющие известные интересы, известные стремления; у нас нет почти ничего посредствующего между царем и народом, и этот царь говорит своим обращением с Катковым этому народу, что нашелся вне царского правительства человек, советы, внушения коего диктуют правительственную программу, если такая вообще существует. Подобный порядок представляет положительную опасность не только для правительственного достоинства, но для будущности царствующей династии. Такому порядку необходимо положить предел, или завербовав Каткова в чиновники, или лишив его теперешнего значения. (Я не сказал, что, по моему мнению, это то же самое.)

Вел. князь взошел в мою мысль, но защищал положение, говоря, что, по его мнению, Катков не диктует, а пишет под диктовку о том, что более или менее решено в правительстве. Я возражал, что если бы и так, то это все равно, потому что для публики, не посвященной в закулисные тайны, все-таки действия правительства являются не причиною, а последствием катковских выходок.

Говоря об Абазе, вел. князь выражает уважение к его государственной деятельности и уверенность, что его удаление от должности председателя Департамента государственной экономии принесло бы большой вред. При этом прибавляет, что государь очень восстановлен против Абазы за его участие в сахарном деле. Вечером окончание рассмотрения нового для училища устава.

11 [декабря]. Четверг. Охочусь с Шуваловым на Пороховых. Он по обыкновению рассказывает анекдоты из прошлого, довольно характерные. Например. Однажды Шувалов был на костюмированном бале у Карамзиной. К нему подошла вел. кн. Мария Николаевна и уговорила его отвезти ее на костюмированный бал в Дворянское собрание. Приехав туда, Шувалов сдал на подъезде шубу вел. княгини, но, опасаясь, чтобы ценные собольи сапоги не пропали, положил их в карманы мундира (может быть, то была предосторожность, чтобы вел. княгиня не уехала с кем-нибудь другим), через некоторое время вел. княгиня взяла руку Карамзина, который, очевидно сговорившись с нею заранее, покинул свой собственный бал. Наскучив одиночеством, Шувалов пошел справиться о великокняжеской шубе, и каково было его удивление, когда оказалось, что вел. княгиня уехала, очевидно с Карамзиным, оставив свои сапоги в карманах Шувалова. Разбесившись, Шувалов возвратился в залу и, увидав герцога Лейхтенбергского, прогуливавшегося с какой-то кокоткою, отдал ему сапоги, рассказав, как они к нему попали. Герцог объявил Шувалову, что вызовет его на дуэль, но все обошлось без дальнейшего шума.

В 1867 г., когда Шувалов был с покойным государем в Париже, вел. кн. Мария Николаевна однажды умоляла Шувалова выпросить у государя несколько тысяч франков, уверяя, что ей нечем заплатить счет в гостинице, но государь отказал наотрез столь давно злоупотреблявшей этим средством сестре.

12 [декабря]. Пятница. Завтракают С. Апраксин, долго проживший в деревне, и мой старый товарищ Маркевич, сенатор, но преимущественнее председатель консерватории, говорит о трудности художественного развития вообще и музыкального в частности для массы, в которой образование так мало распространено, как среди русского населения. Визиты вдове Ребиндера и гр. Левашевой, куда влетает Ольга Ивановна Черткова с дочерью и, останавливаясь посредине гостиной, восклицает: «Графиня, мы к Вам прямо от императрицы!..»

В 4 часа у Абазы, который имел аудиенцию в Аничковском дворце утром этого дня, я ему написал такую записку: «Позволяю себе высказать убеждение, что центром тяжести изложения должна быть мысль, что достоинство правительства, правительственных учреждений, правительственных лиц не может допустить, а желание успеха правительственной деятельности исключает возможность публичного оскорбления.

В близком будущем предвидится невозможность для Вас полезной государству деятельности при дерзких выходках влиятельных печатных органов, поддерживаемых влиятельною группой высших петербургских чиновников. В интересах пользы дела необходимо или прекратить систематическое дискредитование высших правительственных учреждений и лиц, или подчинить управление тому, что люди, служившие при Николае Павловиче, привыкли считать самодержавным правительством, или уповать ко власти с надлежащею ответственностью представителей господствующих печатных мнений с устранением других враждебных им лиц. Человек, готовый жертвовать престолу временем, жизнью, вправе просить охраны от поругания служебной своей чести. Вы просите государя или защитить Вашу честь, без чего деятельность Ваша должна сделаться бесполезною, или сказать Вам прямо, что, по его мнению, другой человек может быть полезнее на Вашем месте, и в таком случае уволить Вас от занимаемой должности; причем Вы сохраните навсегда самое приятное воспоминание о личном его с Вами обращении за последние два года».

Абаза благодарит за записку и передает содержание своего разговора, длившегося 55 минут.

Абаза начал с того, что упомянул об окончании рассмотрения Департаментом экономии смет на 1887 г. По первоначальным представлениям министров дефицит должен был составлять 67 млн. в одних

обыкновенных расходах, не говоря о чрезвычайных расходах на железной дороге, который составляет еще 50 млн. Департамент экономии свел дефицит ординарного бюджета с 67 млн. на 50 млн., но в итоге все-таки смета будет сведена с дефицитом около 100 млн. Финансовые затруднения наши велики, и есть люди, предлагающие разные для поправления их средства; есть группа людей, указывающая как на средство — выпуск ассигнаций. Можно прямо сказать, что это был бы прямой и тяжелый удар, который расстроил бы наши финансы окончательно. Поговорив о бюджетных затруднениях и тягости обсуждения их в Департаменте экономии, Абаза сказал, что он чувствует, что у него начинает недоставать на это дело сил, что за последний год он постарел на десять лет, потому что рядом с усиленными занятиями ему приходилось выдерживать оскорбительные нападки. Нападки эти со стороны «Московских ведомостей» имели источником то, что он, Абаза, защищал министра финансов Бунге, но, по его убеждению, всякий председатель Департамента экономии должен сколько может поддерживать министра финансов. Этого требует успешный ход дела, и, в частности, как не поддерживать человека таких редких нравственных достоинств, с такими обширными сведениями, как Бунге.

Государь: «Да, он превосходный, благородный, без задних мыслей человек, но, к сожалению, у него много неудовлетворительных подчиненных, неудовлетворительных даже в полицейском отношении, а между тем он их отстаивал во что бы то ни стало».

Абаза: «Что касается до нападок на меня по сахарному вопросу, то я должен обратить внимание Ваше, государь, на то, что мне лично сахарный кризис, быть может, принесет выгоду. Я имею завод, который перерабатывает лишь свою собственную свекловицу, долгов не имеет, выдержит низкие цены, а когда они возвысятся, то получит большие барыши. Если я решился вмешаться в это дело, то потому, что при Рейтерне и Грейге Министерству финансов не удавалось поднять сахарного дохода выше 3 млн., в кратковременное мое управление Министерством финансов мне по моей опытности сахаровара удалось провести меры, кои возвысили доход до 20 млн.; ввиду кризиса мне жалко было видеть упадок или уничтожение этого дохода, и я решился предложить меру для устранения кризиса».

Государь: «Да зачем Вы обращаете внимание на газетные выходки?»

Абаза: «Я говорю исключительно о «Московских ведомостях», потому что редакция их пользуется расположением правительства долгое время, когда правительственного одобрения ничего не получала* и, следовательно, не может стоять наравне с другими газетами. В последнее время много говорят с сочувствием о царствовании Николая Павловича; я ему служил и с благодарностью вспоминаю о его милостивом со мною обращении, когда, будучи молодым офицером, я получил тяжелую рану на Кавказе. Позвольте мне уверить Вас, государь, что при Николае Павловиче редактор «Московских ведомостей» за половину любой из его статей давно был бы в Вятке.

Быть может, было бы лучше назначить на мое место человека более молодого и разделяющего мнения «Московских ведомостей».

Государь, не выделяя Каткова, продолжал говорить о том, что газетные выходки неприличны, что на них не следует обращать внимания и что они не повторятся; потом несколько раз говорил, что очень доволен деятельностью Абазы как председателя Департамента экономии, что от министров по этому предмету доходят только хвалебные отзывы, а что никаких даже и частных осуждений он не слыхал, что он просит его успокоиться, оставаться председателем, обещая, что прямо выскажет, если когда-нибудь будет иметь причины неудовольствия. Поблагодарив еще раз, Абаза, прежде чем уйти, остановился и сказал: «Позвольте просить Вас, государь, об одном: никогда не соглашайтесь на новые выпуски ассигнаций». Этими словами окончилось объяснение.

В 7 час. едем в Царское Село обедать у вел. кн. Владимира Александровича. Вместе с нами в поезде баронесса Будберг с сыном, Абаза, Убри, Константин Горчаков. По приезде в Царское нас, разумеется, ожидают кареты вел. князя. Кроме нас, обедает еще отвратительный Бенкендорф, который распоряжается, как у себя дома, указывает нам места, в том числе и Убри, в передней коего он украл три свертка золота, т. е. три тысячи марок. Обед веселый и, быть может, чересчур обильный. После обеда разговор более или менее дамский около вел. княгини. Уговариваю ее переезжать, угрожая, что простудится в постоянных переездах, надоедающих вел. князю. Она наотрез отказывается переехать раньше 31 декабря. Знай наших, мы не хуже величеств.

13 [декабря]. Суббота. Гулял утром в десятом часу со своими собаками, встречаю вел. кн. Михаила Николаевича, которому, разумеется, нельзя передавать всего слышанного от Абазы. Говорю ему только, что Абаза показался мне в веселом расположении духа за обедом и что по нескольким отрывкам фраз почитаю, что опасность его смещения миновалась, а следовательно, теперь вел. князь может идти к государю с докладом о распределении членов по департаментам и их наградах. В 1 час заседание в соединенных Департаментах, слушается представление Победоносцева о понижении брачного совершен-

* *Так в подлиннике.*

нолетия; единодушное сопротивление, посылают на заключение медицинского совета[112].

14 [декабря]. Воскресенье. Неудавшаяся в Коломягах лосиная охота. Лоси ушли.

15 [декабря]. Понедельник. Обычный, еженедельный разговор с вел. кн. Михаилом Николаевичем. Читаем вместе список членов Совета. Вел. князь выражает твердое намерение просить Андреевской ленты для бар. Николаи и Абазы, ближайших его сотрудников, считает это в особенности необходимым, потому что 30 августа даны две Андреевские ленты по Военному совету генералам Бистрому и Глинке-Маврину, выражает опасение, что государь откажет, и высказывает решимость в таком случае просить об увольнении от председательствования в Совете. Слушая все это, уговариваю вел. князя на этой одной ленте сосредоточить все свое ходатайство, и в особенности не примешивать ходатайства об Александровской ленте для меня (о чем мне было известно, потому что вел. князь вызывал ст.-секр. Красовского и расспрашивал его по сему предмету). За завтраком второй сын вел. князя, Михаил Михайлович, пристает ко мне за то, что я не хочу приглашать его на свои охоты, но я отделываюсь шутками, которые, кажется, должны быть чувствительны столь глупому, как он, человеку. После заседания Совета уезжаю в $5^1/_2$ час. в Рапти стрелять волков с Шуваловым, Голицыным и бельгийцем Обером.

16 [декабря]. Охота в Княжой горе, убиваем двух волков.

17 [декабря]. Среда. Возвращаюсь в Петербург. В Гатчине на станции встречаю вел. кн. Михаила Николаевича, который рассказывает с великим удовольствием, что государь согласился дать Андреевскую ленту бар. Николаи, что об Абазе говорил в совершенно ином, чем прежде, тоне и относительно пожалования ему ленты сказал, что не даст никому из награжденных в коронацию какой-либо награды теперь, что поэтому награды даны членам Совета весьма скудные. На вопрос мой о том, получили ли мои чиновники те награды, о коих я представлял, вел. князь отвечает, что мое представление утверждено без замечаний; после того прибавляет: «Я упоминал и о Вас, государь справлялся о том, когда Вы получили последнюю награду, но я ему сказал, что Вы этим не дорожите, и дело осталось без последствий». Иными словами: «А ты пренебрегаешь милостями, которые я могу тебе оказать, так вот я тебе покажу». Разумеется, я только похвалил образ действий вел. князя, предоставляя себе оценку его нравственных побуждений.

Приехав домой, нахожу присланный в мое отсутствие конверт с бумагами от государя. В конверте оказывается записка, поданная ему

Танеевым, в которой Танеев, ввиду оппозиций большинства министров, высказавшихся против уничтожения чинов, предлагает вместо проектированной в совещании под его председательством меры урегулировать чинопроизводство устройством Инспекторского департамента гражданского ведомства, разумеется, под начальством его, Танеева. Посылку эту я получаю при следующей записке государя: «Прочтите эту записку Танеева, написанную лично для меня, и по прочтении верните мне обратно.

По-видимому, чиновничество желает провалить это дело, а я этого не желал бы. Что делать и как повести его, чтобы добиться результата? *Александр*».

18 [декабря]. Четверг. Прочитав записку Танеева, посылаю ее обратно государю при следующем письме:

«Ваше императорское величество. Возвращая при сем записку ст.-секр. Танеева, спешу одновременно с выражением глубокой моей благодарности за ее сообщение отвечать на милостиво поставленные мне Вами, государь, вопросы.

Польза слияния чинов с должностями несомненна, но осуществление этой меры очень затруднительно, потому что приходится иметь дело с самою чувствительною струною человеческого сердца — самолюбием, и в особенности самолюбием людей, проведших жизнь в чиновной атмосфере. Конечно, настанет время, когда историку трудно будет объяснить, что такое был чин, но сегодня нельзя не считаться с этим полтораста лет слагавшимся, вросшим в привычки русского честолюбия фактом.

Совещание поставило вопрос весьма широко; опасаясь, чтобы его работа не пошла по пути предшественников, совещание испросило разрешение на внесение дела в Государственный совет, но прежде издания закона надлежит еще постепенно исполнить много трудов, и вот в этой-то постепенности мне представляется возможность приблизиться к цели, а может быть, и достигнуть ее, дав остыть затронутым самолюбиям, мимо коих дело зародилось, дать чиновному люду время освоиться с предполагаемыми изменениями, получить убеждение, что приобретенные права не будут нарушены, а что если служебное поприще и сузится, то никак не в ущерб деловому труду.

Прошу позволения выразиться яснее. Совещание сказало: «Надо слить чины с должностями»; сказано это как можно смелее, зная, какой встретит отпор, сколько придется сделать пожертвований в ходе дела, зная и то, что если принять эту мысль, то необходимо многое изменить в общем строе службы, как, например, пересмотреть и уравнять между различными управлениями права одинаковых должностей,

подумать об условиях повышения, не стесненного более чиновными рамками и могущего подпасть влиянию кумовства и непотизма, определить порядок перехода из одного ведомства в другое, оговорить денежные преимущества продолжительного служения на одной и той же должности и т. д. Таким образом, рядом с коренным вопросом возникает много второстепенных вопросов, из коих некоторые, вероятно, не будут вовсе требовать законодательного разрешения.

Все это заставляет меня думать, что прежде окончательного разрубления дела Советом полезно было бы образовать новое совещание, но составленное из лиц более властных, чем первое. Совещание это рассмотрело бы вышепомянутые мною вопросы, некоторые из этих вопросов представило бы на высочайшее усмотрение, другие отдало бы на предварительное изучение подлежащих ведомств, третьи, наконец, внесло на законодательное обсуждение. Само собою разумеется, что личный состав и председательствование в нем имели бы огромное значение. Да позволено мне будет при этом произнести имя вел. кн. Владимира Александровича, который так мастерски председательствовал в совещании о новом учреждении об императорской фамилии. Подобное председательствование имело бы еще ту выгоду, что лица, с резкостью высказавшиеся против проекта, могли бы с меньшею для их самолюбия болью отступить от первоначальных слов. Разумеется, надлежало бы избегнуть излишней в составе совещания многочисленности.

Такой порядок существенно отличался бы от того, что делалось в начале прошлого царствования, когда стремились к тому, чтобы выхватить от верховной власти ту или другую меру, часто не окончательно обсужденную, и, обнародовав ее сущность, сделать поворот назад невозможным. Но мне кажется, что лучше идти мерными и твердыми шагами к однажды сознанной цели, а цель эта сознана в лежащих предо мною словах записки Вашего величества.

В заключение я должен упомянуть о самой записке ст.-секр. Танеева. Вы знаете, государь, что я не умею говорить пред Вами неоткровенно. Составитель записки очутился в затруднительном положении, подписав журнал Особого совещания, он опасается, что попал не в тон, и думает выйти из затруднения, ухватившись за то уважение, которое Вы изволите питать к памяти императора Николая. Можно ли говорить одновременно об уничтожении чинов и об устройстве особого управления, почти единственный предмет ведомства коего будет чинопроизводство. Конечно, лицу, поставленному во главе такого управления, лестно будет получать всякого рода ходатайства, но я помню время уничтожения Инспекторского департамента и то, каким справедливым нареканиям подвергалась не только его деятельность, но

и самая мысль его учреждения. Если прикажете, я представлю Вам по сему предмету обстоятельную справку.

Вашего императорского величества ст.-секр. *Половцов*»[113].

19 [декабря]. Пятница. Уезжаю в $5^1/_2$ час. на охоту к Ольхину. Убиваю двух рысей, возвращаюсь в 12 час. вечера, сделав 130 верст в санях.

20 [декабря]. Суббота. Пишу записку Победоносцеву, прося меня уведомить, говорил он что-либо государю о кандидатуре Коробьина в члены Государственного совета. Получаю ответ такого содержания: «Я спрашивал вчера, был ли у президента доклад о назначении новых членов. Отвечаю, что не было. Я помянул, между прочим, о том лице, с коем мы говорили с тобою. Вот все, что знаю». Записка любопытна тем, что между государем и вел. князем был разговор о назначении членов, причем решено назначить одного Рихтера; следовательно, государь счел нужным скрыть от Победоносцева существование такого разговора.

Приезжает ко мне Бунге и заявляет, что при докладе накануне государь объявил ему согласие на назначение Николаева членом Государственного совета, причем прибавил, что будет весьма кстати назначить его в Департамент экономии, откуда увольняется согласно желанию Мансуров. При этом разрешено Бунге обратиться к вел. кн. Михаилу Николаевичу для сделания надлежащего государю доклада. Отвечаю, что я уже переговорил об этой случайности с вел. князем и что с его стороны не будет никаких препятствий. Бунге почитает назначение Вышнеградского министром финансов как факт, не подлежащий сомнению, хотя государь не говорил ему о том ни слова.

Вечером Абаза сообщает как слух, что Рейтерн ездил вчера к государю в Гатчину, чтобы просить об увольнении от председательствования в Комитете министров, чувствуя, что его здоровье и в особенности слабость зрения не позволяют ему продолжать занятия.

21 [декабря]. Воскресенье. Целый день за мемориальным извлечением, писание коего прерывается деловыми и пустыми посетителями.

22 [декабря]. Понедельник. В $10^1/_2$ час. у вел. князя. Прием получасом раньше, потому что сегодня именины Анастасии Михайловны. Дни рождения и именины празднуются с особою пышностью; все служащие при их высочествах обязаны надевать мундиры и являться к обедне; это составляет 9 х 2 = 18 дней, не говоря об остальных праздниках. Я, разумеется, игнорирую этот обычай, что мне и ставится в дебет. Окончив разговор о понедельничных делах, вел. князь спрашивает меня, увидимся ли сегодня в Гатчине, где при дворе спектакль. Отвечаю: «*Нет, мы приглашения не получали*», а так как вел. князь делает изумленную физиономию, то я прибавляю: «Это наказание за

прошлогодний поезд. При прежних помещиках секли деревенских детей за то, что барские дети плохо учились. На этот раз я штрафуюсь за то, что Вы полчаса задержали поезд и произвели переполох». *Вел. князь:* «Это все ваш друг Воронцов». *Я:* «Воронцов тут ни при чем, да и никакой роли не играет. Дело в том, что мало ли какие на меня плетут в Гатчине сплетни, но так как я не имею случая видеть государя, то и не могу рассеять этих сплетен».

Вел. князь: «Что бы Вы ни делали, зависть к Вашему богатству всегда будет иметь последствием чрезвычайную к Вам зависть». (Иными словами, я тут ни в чем не виноват.)

Видя, что разговор принимает неприятный для него оборот, вел. князь немедленно приглашает меня перейти в гостиную к вел. княгине, которую застаем за питием какого-то мясного экстракта. Вел. князь немедленно удаляется, чтобы принарядиться для слушания обедни, но, уходя, выражает вел. княгине надежду, что она не замедлит последовать его примеру. «Le grand duc a la passion de ces messes*, — говорит вел. княгиня, как только дверь затворяется. — C'est entré dans ses habitudes depuis son enfance, et parfois c'est bien fatiguant». *Я:* «J'avoue, madame, qu'il me semble que c'est avoir bien mauvaise opinion du bon dieu, que de croire qu'il exige de nous cette exagération de gymnastique, lui l'essence de la bonté, de la clémence, de la miséricorde»**. Отсюда разговор перешел к оценке христианского учения, изуродованного фанатизмом. Я только что заговорил о будущем, как дверь отворилась снова и взошел вел. князь в новом сюртуке, но чем-то в высшей степени раздраженный. Оказалось, что причиною раздражения был старший его сын Николай, который с папироскою во рту прошел под окном отца в то самое время, когда он собирался идти к обедне. По этому поводу на вел. княгиню посыпались упреки, направленные главным образом против походки Николая Михайловича, походки чрезвычайно распущенной, ничуть не похожей на выпрямленную походку отца и деда. Рассерженный вел. князь не замедлил уйти к обедне, а вел. княгиня обратилась ко мне с такою речью: «Qu'est-ce que vous voulez que je fasse? J'ai élevé mes fils aussi bien que j'ai pu. A 20 ans on a placé Nicolas dans un bataillon de tirailleur au Caucase. Je voyais par la fenêtre les officiers, camarades de mon fils, venir faire des visties à Белин, mon valet de chambre, dont ils faisaient la société habituelle. Je suis partie pour trois mois à l'étranger et

*«Вел. князь обожает эти обедни».

**«Это вошло у него в привычку с детства, и порой это очень тягостно». *Я:* «Признаюсь, ваше высочество, мне кажется, что люди, думающие, будто Бог требует от нас такого преувеличенного усердия, имеют очень дурное о нем мнение: сущность его — доброта, благость, милосердие».

quand je suis rentrée j'ai constaté à mon fils des façons détestables, qu'il a gardé jusqu'à présent.

Il vient chez moi, il se renverse sur des sofas; je me demande si je dois lui faire des observations, mais je ne le fais pas, car je suis certaine que ces mauvaises façons ne proviennent nullement d'un manque de respect à mon égard et je ne voudrais pas le blesser et jeter du froid entre nous, car en fin de compte il finit par suivre mes conseils.

Michel c'est autre chose. Il est si bête, qu'à tout ce que je dis, il me répond que c'est un parti pris de critique et fait le contraire de ce que je lui dis». *Я:* «Je crois, madame, que c'est un jeune homme, qui se prépare de dures expériences dans l'avenir». *Вел. княгиня:* «George est intelligent, mais il a des manières plus mauvaises encore, que son frére ainé et puis il vit dans une mauvaise société»*.

От детей разговор переходит к другим членам семейства, причем достается всем без исключения. Слушая все это и вполне соглашаясь с нею, говорю: «Oui, madame, on se souvient involontairement de la parole de Chateaubriand, qui disait qu'il n'y avait pas moyen d'empêcher le royal bétail d'aller à l'abbatoir»**.

В Государственном совете заседание продолжительнее предшествовавшего, спорят по делам об обложении акций и облигаций[114] и о слиянии Общества взаимного поземельного кредита с Дворянским банком[115]. Мансуров выступает с отдельным мнением, которое поддерживает Победоносцев, но разбивает вдребезги Вышнеградский, очевидно чувствующий под собою твердую почву.

Победоносцев передает мне, что Вышнеградский был призван государем в субботу и ему поручено составить записку о тех основаниях, на которых следует изменить наше финансовое управление. Тут

*«Что же вы хотите, чтобы я делала? Я воспитывала своих сыновей, как умела. В 20 лет Николая определили в стрелковый батальон на Кавказе. Я видела из окна, как офицеры, товарищи моего сына, посещали Белина, моего камер-лакея, который составлял их повседневное общество. Я уехала на три месяца за границу, и когда я вернулась, то обнаружила у своего сына отвратительные манеры, сохранившиеся у него до сих пор.

Приходя ко мне, он валяется по кушеткам; я задаю себе вопрос, должна ли я делать ему замечания, но я их не делаю, потому что убеждена, что эти дурные манеры отнюдь не вызываются отсутствием ко мне уважения, а я не хотела бы его оскорбить и внести холод в наши отношения, ведь в конечном итоге он следует моим советам.

Михаил — это нечто другое. Он глуп и на все мои слова отвечает, что у меня предвзятое к нему критическое отношение, и поступает наперекор тому, что я говорю». *Я:* «Я думаю, ваше высочество, что этот молодой человек готовит себе тяжелые испытания в будущем». *Вел. княгиня:* «Георг умен, но манеры у него еще хуже, чем у его старшего брата, и затем он живет в дурном обществе».

**«Да, ваше высочество, невольно вспоминаешь слова Шатобриана, который говорил, что нет способа отклонить королевское стадо с его пути на бойню».

же Победоносцев сообщает мне как новость, что Бунге просит о назначении Николаева членом Совета. Это он мог знать только от самого государя. После заседания Бунге заявляет вел. князю свое ходатайство о назначении Николаева. После ухода Бунге, оставшись вдвоем с вел. князем, говорю ему следующее: «Позвольте мне, Ваше высочество, высказать Вам мое убеждение, что Вы обязаны (говоря с государем об отставке Бунге) вспомнить говоренное Вами государю весной в Крыму относительно Вышнеградского, прося его взять у гр. Толстого составленную жандармами записку о проделках Вышнеградского[116]. Если Вы этого не сделаете, то в государстве может остаться впечатление, что все Вами сказанное не основано ни на каких фактах; наконец, вы обязаны предостеречь государя пред столь важным шагом, как назначение министра финансов».

Вел. князь: «Да все это я ему сказал в один из докладов в июле месяце в Петергофе, и вот именно как это было: при разговоре в Крыму я выразил ему опасение, что Абаза и Бунге не захотят работать с Вышнеградским и попросят увольнения. В июле месяце государь сказал мне: «А с Абазою и Бунге обошлось благополучно». На что я отвечал: «Я сердит на одного человека, гр. Толстого, который не решился представить тебе составленную жандармами записку о проделках Вышнеградского».

Я: «В таком случае я, разумеется, беру назад все мною сказанное. В заключение позвольте просить Ваше высочество по поводу предстоящих с государем разговоров о назначениях упомянуть и обо мне для увольнения меня от должности государственного секретаря. Я очень хорошо понимаю, что катковская партия желала бы обратить Государственный совет в свою канцелярию, но так как покуда я здесь, этого не будет, то они и желают от меня отделаться. Зачем же я пойду навстречу оскорблениям, от которых не буду в состоянии защититься?»

Вел. князь: «Mais soyez tranquille. J'ai vu a l'expression de la figure de l'empereur quand j'ai prononcé votre nom, combien il était bien disposé à votre égard». *Я:* «Mais c'est précisément pour avoir la tranquillité que je vous adresse cette démarche, monseigneur»*.

Отправляя вечером государю еженедельную меморию, прилагаю печатное мнение Шестакова относительно уничтожения чинов с такою припискою: «Позволяю себе утруждать внимание Вашего величества просьбою пробежать прилагаемое мнение одного из Ваших министров, человека, коего едва ли кто-нибудь решится обвинять в неразумии, неопытности или неискренности».

В Гатчине на спектакле le mot de la soirée: «Pourquoi les P. ne sont-ils pas invités? Parce qu'ils ont fait trop de train (s)»*.

23 [декабря]. Вторник. В 10 час. приезжает ко мне пермский губернатор Лукошков. Видя его в мундире, спрашиваю его, откуда он ко мне приехал; отвечает, что от министра внутренних дел гр. Толстого. Я выражаю сомнение в существовании такого лица и спрашиваю его, действительно ли он видел в живых такого человека. Лукошков отвечает, что действительно он гр. Толстого не видал, потому что прием был отказан вследствие того, что сегодня министр путей сообщения Посьет празднует 50-летие службы. На это я замечаю, что Толстой поедет к Посьету в два часа, а теперь нет одиннадцати. При дальнейшем расспросе узнаю, что пермский губернатор, пробывший в Петербурге более двух месяцев, видел министра внутренних дел лишь однажды по приезде на самое короткое время и теперь уезжает, не видев его вторично, а между тем пермское царство в настоящую минуту представляет много требующих разрешения вопросов, и в особенности вопрос о соляных промыслах в Соликамске, где население не находит более заработков, так как бахмутская соль начинает вытеснять на рынках соль пермскую. На вопрос мой, удалось ли Лукошкову устроить дела свои по Министерству финансов, он отвечает, что близость выхода в отставку Бунге поставила там дела в неопределенное положение, что он, Лукошков, пожелал познакомиться с Вышнеградским, что ему было сказано, что Вышнеградского можно видеть по средам вечером у Мещерского, издателя газеты «Гражданин», что он, Лукошков, туда поехал, познакомился там с Вышнеградским, был потом у него и изложил пред ним нужды пермской провинции. Вот с чем губернатор одной из отдаленнейших губерний возвращается на место.

В 1 час заезжаю за Влангали, и мы едем вместе к Посьету. Здесь (во дворце бывшем кн. Юсупова, а потом герцога Виртембергского) толпы наряженных в мундиры чиновников всех классов загромождают и подход ко дворцу, и самые залы. В одной из комнат юбиляр принимает вел. князей, покуда чиновные толпы ожидают своей очереди; шуткам всякого рода нет конца. Черевин замечает, что в виде награды следовало бы Посьету дать бриллиантовый тормаз для ношения на спине. Отпустив вел. князей, принимает нас, а за нами следуют толпы созванных Селифонтовым поздравителей. Все это г. Сели-

* *Вел. князь:* «Будьте спокойны. Я видел по выражению лица императора, когда произнес ваше имя, как он расположен к вам». *Я:* «Но я делаю этот шаг, ваше высочество, именно для того, чтобы пользоваться спокойствием».

* Пароль вечера «Почему П. не приглашены? Потому что они ведут слишком широкий образ жизни».

фонтов делает в надежде пролезть на Посьетовых плечах в залу Совета. На меня нападает гр. Толстой за то, что рескрипт Посьету холоден; на что я ему отвечаю, что это ему так кажется под впечатлением рескрипта, полученного им в день коронации.

Я спрашиваю Островского, правда ли, что Рейтерн просил увольнения от обязанности председателя Комитета министров, на что Островский отвечает: «Конечно нет; на днях у меня был его родственник Велио, который говорил, что, к его удивлению, Рейтерн старается всеми силами сохранить за собою свое председательское место». Обед у вел. кн. Михаила Николаевича по обыкновению в обществе всех сыновей.

Вечером у Нелидовой Абаза рассказывает мне, что Вышнеградский передавал ему о приеме, оказанном ему в Гатчине. Государь спросил его мнение о положении наших финансов. Вышнеградский, указывая на их тяжелое состояние, сказал, что не думает, чтобы возможно было выйти из трудностей умножением мелких налогов, а почитает необходимым изменение коренных оснований финансовой политики. Государь поручил ему составить записку об основаниях, кои он, Вышнеградский, считает [необходимым] принять. Вышнеградский составил немедленно записку и послал ее в воскресенье государю. Основаниями записки служат винная и табачная монополия казны, выкуп частных железных дорог и т. д.[117] Рассказывая все это, Вышнеградский прибавил, что его впечатление было такое, что ему произведен был экзамен, но ни слова о портфеле министра финансов сказано не было.

24 [декабря]. Среда. В 9 час. утра является для прогулки Татищев. Рассказывает, что Катков хвалится пред своими придворными тем, что свергнул Бунге и теперь должен заняться свергнутием Гирса. Об Абазе совершенно изменил свои отзывы, говоря, что он преследовал его только за покровительствование бездарному Бунге. В министры иностранных дел он предполагает назначить Павла Шувалова. Вообще его самохвальство достигает комических размеров. Показываю Татищеву училище с выставкою ученических произведений для того, чтобы он написал о том газетную статью. Провожу день в писании рескриптов, пишу два рескрипта бар. Николаи, один другого теплее, предоставляя государю выбор. Посылаю государю указы к подписанию о назначении членами Совета Рихтера, Николаева и Бунге.

25 [декабря]. Четверг. Получаю обратно подписанные государем указы о Рихтере и Николаеве. Указ о Бунге возвращается не подписанным при такой записке государя: «Об этом я дал приказание через мою канцелярию». В $3^1/_2$ час. елка для Пита и внучек Бобринских, которые при внешнем сходстве забавны разностью характеров. Влангали, который уже много лет сряду присутствует на этом скромном торжестве,

передает, что Петр Шувалов уехал в Берлин с поручением относительно устранения Баттенбергского от болгарского престола. Еще рассказывает Влангали любопытное сообщение датского посланника Клера о том, что датский король дважды просил у государя позволения дать Гирсу свой Орден слона[118], но государь упорно в том отказал.

Посылаю вел. князю изготовленные мною рескрипты и вслед за тем получаю записку, которую по характерности привожу здесь дословно: «Желая передать Вам приказанье, мною сегодня полученное от государя насчет Бунге, и переговорить несколько слов о рескриптах, Вами присланных, прошу Вас, любезный Александр Александрович, завтра зайти ко мне во время утренней прогулки Вашей или около 12 час. дня, что Вам удобнее, но во всяком случае в сюртуке (пиджаке), но *не во фраке*. Государя я не увижу до нового года».

26 [декабря]. Пятница. В 9 час. продолжительный разговор с Краузольдом о фабриках. В $11^1/_2$ у вел. князя, который сообщает, что государь приказал написать указ о Бунге просто так: «Действительному тайному советнику Бунге всемилостивейше повелеваем быть членом Государственного совета». При этом государь прибавил, что назначает Бунге председателем Комитета министров. Такое сообщение чрезвычайно меня удивило. Место это обыкновенно занимал председатель Государственного совета и во всяком случае один из старейших чиновников, каким и был Рейтерн. Бунге чином моложе всех, даже меня. Подобное назначение ошеломит всех стариков, и это особенно озабочивало вел. князя. Я постарался ему разъяснить, что об этой стороне вопроса надо не забывать, а видеть в этом лишь наше торжество над катковскими сообщниками. С точки зрения правительства, конечно, нельзя признать последовательным подвергнуть человека чуть не всенародному посмеянию путем газеты, редактор коей провозглашается истинным разъяснителем правительственных видов, а затем того же самого скомпрометированного человека ставить во главу высшего министерского совещания. К тому же Бунге — почтенный труженик, книжный теоретик, но в нем нет ни энергии, ни уменья руководить прениями, вести людей и дела к твердо сознанной цели; он растеряется, и его съедят, особливо если он сохранит глупого и низкопоклонного теперешнего управляющего делами Куломзина. В этом назначении чувствуется инициатива, желающая проявить освобождение от победоносцевской опеки. Он в течение пяти лет раздувал мысль о самодержавии, что было синонимом другой мысли — не слушайся никого, кроме меня. Теперь все мы, не исключая и Победоносцева, начнем пожинать плоды такого учения, имевшего целью польстить самолюбию и могущего иметь результатом не слушаться ничего иного, кроме собственного самолюбия. После обеда заезжаю

навестить прихварывающего Всеволожского, а затем провожу час на скучнейшем вечере в английском посольстве.

27 [декабря]. Суббота. К завтраку приходит Боткин, чтобы высказать свое восхищение всем тем, что видел в училище как в музее, так и на выставке ученических произведений. Везу Боткина в Мариинский дворец, чтобы показать ему произведенные вследствие нового его назначения изменения. В соединенных Департаментах рассматривается дело о подъезжих путях к железным дорогам, Вышнеградский очень дельно настаивает на освобождении частных рельсовых путей от казенной инженерной опеки. Островский нападает на меня за назначение Николаева членом Государственного совета. Отвечаю, что я тут ни при чем, что все это сделалось по просьбе Бунге и личному приказанию государя. Он упрекает меня в недостатке мужества, что меня очень забавляет. В 2 часа еду в училище, где Бунге осматривает ученическую выставку, указывающую на большие успехи. Вечером читаю новую книгу Daudet и любопытное разъяснение «Таймса» об отставке Черчилля[119]. Человек, который умеет ставить так вопросы, далеко пойдет. В Англии все дело партий, а он ставит пред глазами народа народный интерес выше интереса своей партии.

28 [декабря]. Воскресенье. Еще раз осматриваю училищную выставку, в особенности класс композиции и съемок. Акварель еще плоха. В 12 час. завтрак у Гагариных. Влангали рассказывает о назначении Бунге со слов Гирса, коему об этом по секрету сообщил Валуев, вероятно узнавший новость от своего прежнего сотоварища Рейтерна. Панихида по Михалковой. В $2^1/_2$ разбор претензий подрядчика по Мариинскому дворцу Гордеева. Скучные визиты. Обед с И. Апраксиным, Винспиером, Всеволожским. Письмо от Арсеньева, который по поручению вел. кн. Павла Александровича предлагает за бывший штиглицкий дом 1600 тыс. руб.

29 [декабря]. Понедельник. Не еду к вел. князю, будучи занят писанием своего мемориального извлечения. Приезжает Николаев. Убеждаю его посоветовать Бунге отделаться от Куломзина, бездарного, низкопоклонного прислужника, который всегда будет на стороне сильного и при первом случае продаст Бунге его врагам. Привожу в доказательство его лакейства то, что он по понедельникам ездит к Победоносцеву, а по вторникам к Островскому предварительно докладывать им важнейшие дела Комитета министров. Николаев рассказывает, что назначение Бунге состоялось так: в субботу 20 декабря Рейтерн ездил в Гатчину просить увольнения от своих председательских обязанностей. При этом рекомендовал на свое место Бунге. По возвращении из Гатчины пригласил Бунге к себе и передал волю государя. Бунге отвечал, что примет это назначение, если государь этого

непременно желает. Государь на записке Рейтерна написал: «Я очень рад, переговорю с Николаем Христофоровичем в пятницу». Когда в пятницу государь предложил это место Бунге, то он отвечал, что, вопервых, не умеет председательствовать, вести прения, ставить вопросы, а во-вторых, не имеет надлежащего чиновного старшинства. Ввиду настояний государя, однако, разумеется, согласился.

В Государственном совете представляю вел. князю Штендмана, которому поручается продолжение издания архива Государственного совета[120]. Вел. князь сообщает, что у него был Танеев, чтобы доложить, что Рейтерну дан рескрипт с портретом. О назначении Бунге, разумеется, все знают, а старики очень взволнованы, всех более недоволен Грейг.

О бюджете говорит Бунге, который критикует меры, по слухам предлагаемые Вышнеградским, т. е. казенную продажу вина, табачную монополию, выкуп железных дорог. Он кончает свою речь указанием на признаки улучшения экономического положения, без которого невозможно улучшение финансовое. Сольский перечисляет числовые данные о наших доходах и расходах за последние пять лет, чтобы доказать, что в итоге дела не так дурны; Грейг нападает на то, что часть дефицита предполагается покрыть из кассовой наличности без указания определительно на источник, из коего это покрытие будет сделано. Абаза старается помирить Грейга с Бунге и, восхваляя речь Сольского, критикует мимоходную фразу о том, что выпуск бумажных денег — вопрос спорный, когда он, Абаза, считает это положительным разорением, намекая на ошибочность проповедуемых Катковым теорий. В конце концов все чем-то довольны, а дефицит все-таки в 100 млн.

Победоносцев рассказывает, что Бунге назначен по внушению Рейтерна, а что Толстой сильно хлопотал и мог в том успеть о назначении председателем Тимашева. При этом Победоносцев рассказывает, что рескрипт Рейтерну писал он, что Танеев явился к нему с этим поручением от имени государя и что при этом целый час рассказывал ему, как между ним, Танеевым, и Куломзиным произошло сильное пререкание о том, кто должен был поднести государю указ о назначении Бунге, т. е. восемь слов, написанных писарем по форме. Рассказывая это, Победоносцев прибавил: «Сначала я не мог удержаться от смеха, но потом стал зевать от скуки». Отправляя государю еженедельную меморию, прилагаю письмо такого приблизительно содержания: «Позволю себе утруждать внимание Вашего императорского величества упоминанием о предмете, стоящем в связи с вопросом о чинопроизводстве, о коем я недавно докладывал Вашему величеству.

В последние 25 лет вошло в обычай всякого товарища министра назначать сенатором, несмотря на то что каждый из них по званию свое-

му присутствует в Сенате по делам, его министерства касающимся. Вследствие сего по прослужении нескольких лет товарищи министров являются претендентами на звание члена Государственного совета. Между тем по общему порядку министры берут в товарищи лиц, не могущих представляться опасными заместителями, т. е. людьми, не выходящими из ряду по своим способностям. Все это я пишу никак не потому, что тайный советник Николаев назначен членом Государственного совета; я полагаю, напротив, что он будет весьма полезным членом Департамента экономии, а если пишу, то именно потому, что не вижу пред собою никого, к кому слова мои могли бы относиться, а приближающийся новый год обыкновенно знаменует ряд монарших милостей. Все это я пишу потому, что опасаюсь, что наплывом членов Совета понизится умственный уровень высшего правительственного слоя».

В $9^1/_2$ час. уезжаю один на медвежью охоту.

30 декабря. Вторник. Убиваю двух медведей, из коих один, будучи преследуем собаками, взлез на дерево, откуда, получив пулю в лоб, свалился на землю, как тетерев.

31 декабря. Возвращаюсь в Петербург в 8 час. утра. В 11 час. с Красовским подписываю множество бумаг о наградах. В $12^1/_2$ еду слушать «Жизнь за царя» с Питом. В 2 часа у Арсеньева в Морском училище. Везу ему согласие на продажу штиглицкого дома за 1600 тыс. руб., цена эта не представляет и половины цифры стоимости дома с движимостью, но, с одной стороны, было бы безрассудно навязывать подобную раму* существования моему сыну, а с другой — жена моя, конечно, желала видеть дом этот навсегда в хороших руках. Ко всему этому надо прибавить, что по засвидетельствованию Арсеньева, служившего представителем вел. кн. Павла Александровича, он не имеет возможности израсходовать на свое жилище более этой суммы.

Обедаем у дочери, Бобринской. Я предлагаю ей устроить в каменноостровских теплицах танцевальный вечер.

В 9 час. Анненков приезжает рассказать о возбужденных против него интригах со стороны Министерства путей сообщения вследствие неудовольствия на него, Анненкова, за то, что он выстроил в безводной песчаной степи железную дорогу, которая обошлась в $17^1/_2$ тыс. верста, тогда как посьетовские инженеры не строят в России дорог дешевле 40 тыс. [за] версту.

В 10 час. выслушиваем чтение редакции устава нашего училища, составленной по нашим указаниям Шмеманом, помощником ст.-секретаря в Государственном совете.

---

* *Так в подлиннике.*

КОММЕНТАРИИ

1883 год

[1]* Имеется в виду награждение орденом Белого Орла, состоявшим из собственно ордена, носимого на ленте темно-синего цвета, одевавшейся через левое плечо, и звезды (Свод законов Российской империи. Т. I. Ч. II. «Учреждение орденов и других знаков отличия»).

[2] Речь идет о сенаторе, тайном советнике Валериане Александровиче Половцове.

[3] Столкновение Половцова с киевским ген.-губ. М.И. Чертковым произошло во время сенаторской ревизии Половцовым Киевской губернии в 1880—1881 гг.

Сенаторские ревизии были организованы по докладу М.Т. Лорис-Меликова Александру II, представленному 11 августа 1880 г. Перед ревизующими сенаторами ставились широкие задачи всестороннего изучения деятельности местных государственных учреждений, земства, «настроения умов» различных групп населения и причин распространения революционной пропаганды. Таким образом, эти ревизии отнюдь не преследовали обычные цели: проверку деятельности тех или иных представителей администрации.

В соответствии с докладом М.Т. Лорис-Меликова ревизии происходили первоначально в шести, а впоследствии в восьми губерниях. Доклад М.Т. Лорис-Меликова от 11 августа частично воспроизводится С.С. Татищевым в его кн. «Император Александр II. Его жизнь и царствование». Т. II. СПб., 1911. С. 547—548. Инструкция ревизующим сенаторам подробно излагается в брошюре «Конституция графа Лорис-Меликова» (Лондон, 1893. С. 15—18), речь Лорис-Меликова перед отъезжающими сенаторами — в дневнике Половцова за 1880 г. (ЦГАОР, ф. Половцова, д. 15, л. 11—17).

Результаты ревизии см.: Отдел рукописей Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина, ф. Ревизии сенатора А.А. Половцова. История столкновения с Чертковым, воспринявшим ревизию как личное оскорбление, изложена Половцовым в дневнике за 1880—1881 гг. (ЦГАОР, там же, д. 15, 16).

---

* Нумерация сносок дается по годам. При ссылках в пределах одного года указывается лишь номер комментария; в ссылках же на комментарий за другой год указывается кроме номера комментария и год.

[4] Кахановская комиссия, или, точнее, Особая комиссия для составления проектов местного управления под председательством М.С. Каханова, была образована 20 октября 1881 г. на основе доклада министра внутренних дел Н.П. Игнатьева Александру III от 4 сентября 1881 г. В докладе ставился вопрос о необходимости преобразования местных учреждений, приведении их в соответствие с осуществленными в 60-х годах реформами. В состав комиссии были включены представители различных ведомств, сенаторы, ревизовавшие губернии в 1880—1881 гг., а также «местные сведущие люди», т. е. представители местного дворянства и земства.

Гр. Д.А. Толстой, сменивший Игнатьева на посту министра внутренних дел, всячески игнорировал работу комиссии. 22 февраля 1885 г. он представил Александру III доклад о деятельности комиссии, в котором подчеркивалась ее либеральная направленность. Доклад этот и предопределил ее закрытие.

«Мне все кажется, — писал в резолюции Александр III, — что Кахановская комиссия работает безрезультатно. Все эти вопросы должны исходить от Мин[истерства] внутренних дел и слишком важны, чтобы предоставлять рассуждать об них такой громадной комиссии. Не пора ли подумать, каким образом прекратить ее деятельность?» (ЦГИА СССР, ф. Канцелярии министра внутренних дел, оп. 1, д. 1190, л. 228).

1 мая 1885 г. Кахановская комиссия прекратила свое существование. Ее деятельность не имела практического значения (Материалы высочайше учрежденной Особой комиссии статс-секретаря Каханова для составления проектов местного управления. СПб., 1884. Архив ее хранится в ЦГИА СССР, ф. Кахановской комиссии. См. также: Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880 гг. М., 1964. Гл. V).

[5] В царствование Александра III, а также Николая II значение Государственного совета как высшего законосовещательного органа действительно пало. Правительство считало для себя более удобным рассматривать многие важные законопроекты не в Государственном совете, который был относительно многочислен, а в Комитете министров, поскольку в первом было немало представителей либеральной бюрократии (А.В. Головнин, А.А. Абаза, Н.И. Стояновский и др.). В Комитете министров оппозиция если и могла возникнуть, то была бы значительно меньшей. Поэтому такие реакционные законопроекты, как «Положение об усиленной и чрезвычайной охране 14 августа 1881 г.», «Временные правила о евреях 1882 г.», рассматривались не в Государственном совете, а в Комитете министров.

[6] Речь шла о пересмотре в Государственном совете решения второго Общего собрания Сената по делу о коштном межевании в имении ген. Баумгартена в Подольской губернии. Решение Сената было по «высочайшему повелению» оставлено в силе (ЦГИА СССР, ф. Совещания о сокращении судебной деятельности Государственного совета, оп. т. XVI, д. 1).

[7] Надежда Александровна Половцова, дочь автора дневника.

[8] Кадетский корпус в Новочеркасске был основан в 1883 г. (Вечеславов А.Ф. 25 лет (1883—1908 гг.) Донского императора Александра III кадетского корпуса. Новочеркасск, 1908; ПСЗ. Собр. 3. Т. III. № 1389).

[9] См. комментарий 6.

[10] Имеется в виду женское благотворительное общество на Кавказе. Председателем общества была жена кн. А.М. Дондукова-Корсакова.

[11] См. комментарий 77.

[12] Вопрос о строительстве стратегических железных дорог был поставлен еще секретными совещаниями 1873 г. на основе обсуждения записки Н.Н. Обручева «Соображения об обороне России» (Зайончковский П.А. Военные реформы 1860—1870 гг. в России. М., 1952. С 280—303). Особенно важным было признано строительство железных дорог в Полесье. Однако до начала 80-х годов этот вопрос почти не получил практического разрешения. В начале 1881 г. военный министр Д.А. Милютин представил Александру II записку об усилении обороноспособности западной границы, в том числе о строительстве железных дорог (ЦГВИА, ф. ВУА, оп. 3, д. 41). Практическим результатом этой записки явилось строительство силами Военного ведомства участка железной дороги Жабинка (Брест) — Пинск. В августе 1882 г. вновь назначенный военным министром П.С. Ванновский представил Александру III обстоятельную записку, посвященную тому же вопросу. В ней он указывал на необходимость строительства сети стратегических железных дорог общей протяженностью 1075 верст, а именно: Пинск—Лунинец — 60 верст, Вильно—Ровно — 479, Барановичи—Белосток — 195, Лунинец—Гомель — 231, Седлец—Малкин — 60 верст (ЦГВИА, ф. ВУА, оп. 3, д. 39, л. 153). 25 мая, 1 и 15 июня этот вопрос рассматривался в Комитете министров, где было решено построить эти дороги в трехлетний срок. Однако строительство железных дорог опять затормозилось. В феврале 1884 г. П.С. Ванновский снова представил царю доклад, настаивая на скорейшем сооружении железнодорожной линии. 14 февраля 1884 г. вопрос о строительстве Лунинец-Гомельской и Барановичи-Белостокской линий железных дорог рассматривался в Комитете министров, который принял решение об образовании Особого совещания для рассмотрения и осуществления предложений военного министра. Председателем совещания был назначен вел. кн. Николай Николаевич (ЦГИА СССР, ф. Комитета министров, д. 4376, ст. 136; ЦГВИА, ф. ВУА, оп. 3, д. 39).

Представление в Государственный совет, о котором говорит Половцов, см.: ЦГИА СССР, ф. Департамента государственной экономии, 1883 г., д. 114.

[13] Комитет по подготовке проекта гражданского уложения был создан 12 мая 1882 г., однако практически за 80-е годы сделано ничего не было. Деятельность его оживилась в середине 90-х годов. На протяжении второй половины 90-х годов и первой половины 1900-х годов редакционная комиссия по составлению нового уложения разрабатывала вопросы семейного, вотчинного и наследственного права.

В делах Комитета содержится также материал по авторскому и международному праву, относящийся к 1882—1916 гг. (ЦГИА СССР, ф. Министерства юстиции, оп. 82, д. 353, 355, 7990—8028).

[14] Имеется в виду Кодификационный отдел Государственного совета, образованный в 1882 г. из II отделения с. е. и. в. канцелярии.

[15] См. комментарий 19.

[16] По-видимому, дом принадлежал Придворной конюшенной конторе.

[17] Речь идет о Кабинете е. и. в., который был основан Петром I. Во второй половине XIX в. Кабинет входил в состав Министерства императорского двора и ведал собственностью императора: фарфоровыми и фаянсовыми заводами, горными заводами и т. д. (200-летие Кабинета его императорского величества. 1704—1904. СПб., 1911).

[18] Во второй половине 60-х годов в целях упорядочения государственного бюджета из общей суммы государственных расходов был выделен специальный железнодорожный фонд. Создание фонда на первых порах имело, как утверждается в официальных документах, положительное значение (ЦГИА СССР, ф. Комитета финансов, оп. 2, д. 252, л. 3). Однако уже в 70-х годах средства железнодорожного фонда фактически были исчерпаны, и расходы по строительству и эксплуатации железных дорог покрывались из общих средств Государственного казначейства.

В декабре 1881 г. министр финансов Н.Х. Бунге вошел в Комитет финансов с предложением о закрытии особого железнодорожного фонда, о слиянии его счетов с общими средствами Государственного казначейства. Как указывал Бунге, к этому времени долг железнодорожного фонда казначейству насчитывал десятки миллионов рублей, а наличные средства фонда составляли 20 600 тыс. руб., находившихся в процентных бумагах (Наша железнодорожная политика по документам архива Комитета министров. Т. III. СПб., 1902. С. 5).

Записка Бунге была рассмотрена и одобрена Комитетом финансов 20 декабря 1881 г. и утверждена Александром III 9 января 1882 г. В связи с реализацией этого решения Бунге представил новую записку, в которой излагались конкретные предложения по ликвидации железнодорожного фонда. Предложения Бунге рассматривались в Комитете финансов 13 марта 1882 г. На заседании Бунге сообщил, что долг железнодорожного фонда составляет 98 млн. руб., а задолженность железнодорожных обществ — 133 млн. руб. Эта задолженность могла быть, по его мнению, покрыта путем выпуска консолидированных железнодорожных облигаций.

Комитет финансов принял следующее решение: «1. Передать процентные бумаги и наличные суммы, принадлежащие железнодорожному фонду, в Государственное казначейство. 2. Причислить все займы и авансы, сделанные из железнодорожного фонда, к займам из Государственного казначейства. 3. Закрыть существующий счет железнодорожного фонда с Государственным казначейством. 4. Разрешенные... авансы железнодорожным обществам впредь до реализации основного или дополнительного облигационных капиталов... выдавать в счет означенного капитала...» (ЦГИА СССР, ф. Комитета финансов, оп. 2, д. 252, л. 30—31).

25 февраля 1883 г. это решение было утверждено Александром III, а с 1 сентября железнодорожный фонд перестал существовать (Наша железнодорожная политика по документам архива Комитета министров. Т. III. С. 4—7).

[19] Необходимость преобразования управления Кавказом была связана с ликвидацией Кавказского наместничества и назначением вместо наместника

вел. кн. Михаила Николаевича главноначальствующим гражданской частью кн. А.М. Дондукова-Корсакова.

Представленные в Государственный совет проекты «Узаконений об управлении Кавказским краем» обсуждались в соединенных Департаментах 29, 31 января и 3 февраля 1883 г. В Общем собрании этот вопрос рассматривался 4 апреля. Наиболее оживленному обсуждению подверглись вопросы об учреждении Совета при главноначальствующем, о правах главноначальствующего, о дальнейшем существовании на Кавказе центральных управлений по почтовой, медицинской и горной части.

Соединенные Департаменты несколько сузили пределы власти главноначальствующего по сравнению с представленным им проектом, в частности по вопросу об административном влиянии, а также внесли в него ряд поправок. Из центральных управлений было сохранено лишь горное (ЦГИА СССР, ф. Департамента законов, 1883 г., д. 23; ПСЗ. Собр. 3. Т. III. № 1521, 1522).

[19a] Старший сын А.А. Половцова, Александр Александрович.

[20] См. комментарий 18.

[21] Имеется в виду записка министра финансов Н.Х. Бунге от 30 октября 1882 г. «Об изменении и дополнении существующих ныне правил относительно открытия новых акционерных коммерческих банков».

Вопрос об открытии новых коммерческих банков возник в связи с тем, что в 1872 г. был издан закон, значительно ограничивавший возможность создания этих банков. Закон этот ставил своей задачей устранить «чрезмерную конкуренцию» банков, приводящую к различного рода спекуляциям. Законом от 31 мая 1872 г. было запрещено учреждение вновь акционерных коммерческих банков в столицах и тех городах, «в коих существует хотя бы один из таких акционерных банков», впредь «до особого разрешения». В городах, где отсутствовали банки, открытие их тоже было связано с рядом ограничений (ПСЗ. Собр. 2. Т. XLVII. № 50913). В проекте Бунге точно определялись организация и деятельность открываемых банков (ЦГИА СССР, ф. Департамента государственной экономии, 1883 г., д. 99, л. 24).

Государственный совет одобрил предложения Бунге, внеся в них некоторые изменения (ПСЗ. Собр. 3. Т. III. № 1484; Л е в и н И.И. Акционерные коммерческие банки в России. Т. I. Пг., 1917. С. 252—254; Г и н д и н И.Ф. Государственный банк и экономическая политика царского правительства. М., 1960. С. 353—381; Отчет Государственного совета за 1883 г. СПб., 1884. С. 136—143).

[22] Речь идет об организации Исторического музея в Москве, открытого в 1883 г. В создании его наряду с А.С. Уваровым принимали участие Н.И. Чепелевский и И.Е. Забелин (Р а з г о н А.М. Российский исторический музей. История его основания и деятельности (1872—1917) // Очерки по истории музейного дела. Вып. II. М., 1960. С. 224—299).

[23] Герцог Альфред-Эрнест-Альберт.

[24] См. комментарий 19.

[25] С конца 60-х годов Н.В. Калачов и И.А. Чистович начали публиковать материалы архива Государственного совета. Издание это осуществлялось непосредственно Государственной канцелярией. Всего вышло пять томов (СПб.,

1869—1884). В связи со смертью Калачова в 1885 г. это издание было прекращено. См. также комментарий 120 за 1886 г.

[26] Полесская казенная железная дорога начала сооружаться в 1882—1883 гг. Основные магистрали: Вильно—Ровно через Лунинец—Сарны, Брест—Брянск через Гомель и Барановичи—Белосток. Эти линии имели большое стратегическое значение, особенно первая, проходящая с севера на юг в сравнительно недалеком расстоянии от границы. Материалы обсуждения в Государственном совете вопроса о строительстве этих железных дорог см.: ЦГИА СССР, ф. Департамента государственной экономии, 1883 г., д. 114.

[27] Речь идет о Центральном училище технического рисования барона Штиглица.

[28] См. комментарий 21.

[29] Пожар возник в актовом зале университета. Огонь не причинил большого вреда, так как был довольно быстро ликвидирован (Московские ведомости. 1883. 7 февраля. № 38).

[30] По-видимому, речь идет о совещании 20 января 1882 г. в Военном министерстве с участием министров финансов, внутренних дел, путей сообщения, принявшем решение выделить 8 млн. руб. на строительство укреплений по западной границе, построить ряд железнодорожных линий и вторых путей. 9 марта 1882 г. военный министр представил Александру III доклад, в котором ставил вопрос о создании Особой временной комиссии по оборонительным сооружениям. Это предложение было утверждено царем (ЦГВИА, ф. Канцелярии Военного министерства, № 1 (л), оп. 2, д. 140, л. 133—134; там же, ф. ВУА, оп. 3, д. 39, л. 115—118).

[31] Очевидно, имеется в виду строительство архива Государственного совета (см. комментарии 52, 121).

[32] Вел. князья Николай Николаевич и Михаил Николаевич.

[33] Речь идет о старшей дочери Половцова, Анне Александровне.

[34] А.А. Бобринский и дочь Половцова, Надежда Александровна.

[35] См. комментарий 19а.

[36] См. комментарий 18.

[37] Речь идет о выступлении члена Государственного совета Е.П. Старицкого по поводу государственной деятельности умершего председателя Департамента законов кн. С.Н. Урусова (ЦГИА СССР, ф. Департамента законов, 1883 г., д. 12, л. 1—4).

[38] Иван Александрович Половцов.

[39] См. комментарий 60.

[40] См. дело «О взысканиях за нарушения постановлений о табачном сборе и о порядке производства дел по сим нарушениям» (ЦГИА СССР, ф. Департамента законов, 1883 г., д. 42).

[41] См. комментарий 14.

[42—43] 4 октября 1863 г. министр внутренних дел П.А. Валуев представил Александру II доклад по вопросу о положении старообрядцев. Отрицательно относясь к административным преследованиям раскольников, Валуев указывал, что это правомерно только в отношении изуверских сект (ЦГИА СССР, ф. Валуева, д. 204, л. 47). По докладу Валуева в начале 1864 г. был

создан комитет под председательством В.Н. Панина. Этот комитет установил классификацию раскольничьих сект, а также рассмотрел вопрос об общегражданских правах старообрядцев.

Решение комитета 16 августа 1864 г. было утверждено царем. Однако намеченные меры решено было осуществлять постепенно. В результате этого за период царствования Александра II был издан только один закон от 19 апреля 1874 г. о браках раскольников.

Для «всестороннего обсуждения» других предложений комитета 1864 г. в 1875 г. был создан при Министерстве внутренних дел комитет из представителей различных ведомств под председательством А.Б. Лобанова-Ростовского. Комитет этот в основном подтвердил решения комитета 1864 г., изменив несколько принцип «классификации вредных сект». Однако никакого практического значения эти решения не имели, и они не получили силы закона. Этот вопрос был решен только в 1883 г. (см. комментарий 66) (Смирнов П.С. История русского раскола — старообрядства. СПб., 1895. С. 225—226; В. В. Двадцать лет законодательных реформ по расколу. 1863—1883 гг. // Христианское чтение, издаваемое при Санкт-Петербургской духовной академии. 1886. Кн. 3—4. С. 465—490; Кн. 5—6. С. 687—731; Кн. 7—8. С. 178—238; 1887. Кн. 1—2. С. 54—114; Кн. 5—6. С. 595—611; ЦГИА СССР, ф. Департамента законов, 1883 г., Материалы Комиссии кн. А.Б. Лобанова-Ростовского, д. 25, л. 174—303).

[44] «Окружники» — представители части старообрядцев Белокриницкой епархии (Белая Криница находилась тогда в Австрии, недалеко от Черновиц), выступившие за установление более тесной связи с господствующей православной церковью.

В 40-х годах XIX в. часть старообрядцев, признавших священство (поповцев), проживавших как в России, так и в Румынии и Австрии, решила заполучить себе епископа, который «рукополагал» бы им священников (ранее единственным источником пополнения священников были беглые православные попы). С этой целью старообрядцы-поповцы пригласили к себе бывшего босно-сараевского архиепископа Амвросия, ставшего в 1846 г. митрополитом Белокриницкой старообрядческой епархии.

Создание этой епархии вызвало недовольство русского правительства, и в 1848 г. Амвросий был сослан в г. Цилль. Однако ему удалось поставить двух епископов — Кирилла и Аркадия. Таким образом была создана возможность для «рукоположения» старообрядческих епископов, следовательно, и священников.

В России часть старообрядцев, признававших священство, признала Белокриницкую иерархию. Центром белокриницких, или, как их именовали, австрийских, старообрядцев было Рогожское кладбище в Москве.

Сторонники Белокриницкой иерархии, как и все старообрядцы, находились в оппозиции к русскому правительству. В 1862 г. девять российских епископов Белокриницкой иерархии обратились с «окружным посланием», в котором высказывалось желание примириться с православной церковью.

В 1863 г. епископы, выступившие с «окружным посланием», созвали церковный собор, который вынес решение о разрыве с Белокриницкой иерар-

хией. Белокриницкий митрополит Кирилл, узнав об этом, приехал в Москву и отрешил епископов-«окружников», назначив нового архиепископа.

Это вызвало раскол среди старообрядцев-«австрийцев». Они разделились на «окружников» и «противоокружников», или «раздорников». В 1865 г. был созван в Москве собор, на котором было принято решение об уничтожении «окружного послания». Однако «окружники» этому не подчинились (Смирнов П.С. Указ. соч. С. 145—165; Монастырцев М. Исторический очерк австрийского священства после Амвросия. Казань, 1877).

[45] Старообрядцы-раскольники подразделялись на две основные группы: поповцев, т. е. признающих священство, и беспоповцев — отрицающих его. Поморский толк беспоповцев окончательно сложился в 90-х годах XVII в.

[46] Нетовцы, или спасово согласие, отрицали общественное богослужение и «спасительные тайны».

[47] См. комментарий 42—43.

[48] Сказано неточно. Речь шла не о 20% помещиков, а о компенсации помещикам 20% капитализированного оброка, которые до издания закона об обязательном выкупе они имели право получать в виде так называемого дополнительного платежа непосредственно от крестьян. По закону же об обязательном выкупе от 28 декабря 1881 г. помещики получили 80% капитализированного оброка в виде выкупных платежей.

Подробнее о принципах выкупа крестьянами своих наделов см.: Зайончковский П.А. Отмена крепостного права. М., 1960. С. 135—139, 315—319.

[49] В день коронации Александра III, 15 мая 1883 г., был издан закон, по которому помещики, переводившие своих крестьян на выкуп, после 1 января 1883 г. получали сверх 80% капитализированного оброка дополнительно еще $^1/_{12}$ часть его. Таким образом, помещики получали не 80, а 88,5% капитализированного оброка (ПСЗ. Собр. 3. Т. III. № 1584).

[50] См. дело «По всеподданнейшей жалобе отставного капитана Ивана Станевича на определение Общего собрания Правительствующего сената по апелляционному делу с купцом Исидором Гольдбергом о неустойке по договору» (ЦГИА СССР, ф. Департамента гражданских и духовных дел, 1882 г., д. 87).

[51] В заседании соединенных Департаментов рассматривалось представление Министерства финансов «Об установлении пошлин с заграничных паспортов» (ЦГИА СССР, ф. Департамента государственной экономии, 1883 г., д. 149).

[52] В связи со строительством архива Государственного совета у Половцова возникла мысль учредить при Государственном совете Центральный архив актов, документов и дел общегосударственной важности; им был составлен проект, обсуждавшийся в течение длительного времени (1884—1899 гг.). Практического разрешения этот проект не получил (Маяковский И.Л. Очерки по истории архивного дела в СССР. М., 1941. С. 297—298; Сборник материалов, относящихся до архивной части в России. Т. I. Пг., 1916. С. 535—536).

[53] См. комментарий 4 за 1884 г.

[54] Данные следствия, находившиеся в фонде прокурора С.-Петербургской судебной палаты, не сохранились. Этот фонд уничтожен совместно с фондом С.-Петербургского охранного отделения в феврале 1917 г. В других фондах (Департамента полиции — ЦГАОР; прокурора С.-Петербургского окружного суда, С.-Петербургского градоначальства — ГИАЛО) материалы о самоубийстве Макова отсутствуют. По утверждению автора брошюры «Конституция графа Лорис-Меликова» (Лондон, 1893. С. 41), причиной самоубийства явились служебные злоупотребления Макова (в частности, получение взяток от раскольников), ставшие широко известными.

[55] Январские совещания 1880 г. освещаются Перетцем весьма подробно в неизданной части его дневника, сохранившейся в машинописной копии (ЦГАОР, ф. Александра III, д. 134; Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880 гг. Гл. I).

[56] См.: ЦГИА СССР, ф. Департамента законов, 1883 г., д. 87.

[57] Речь идет «О порядке совершения крепостных актов на покупку земельных участков, приобретаемых при содействии Крестьянского банка» (ЦГИА СССР, ф. Департамента законов, 1883 г., д. 15).

[58] Военно-походная канцелярия была учреждена в 1797 г. в качестве посредствующего органа между императором и Военной коллегией. В 1812 г. она была уничтожена, а в 1832 г. снова создана как орган, призванный обслуживать императора во время путешествий и пребывания на войне. В 1867 г. она была подчинена Императорской главной квартире, а в 1883 г. слита с нею (Столетие Военного министерства. 1802—1902. Т. II Ч. 1—4. СПб., 1902—1914).

[58а] По-видимому, имеется в виду выступление санкт-петербургского губернского предводителя дворянства кн. Г.А. Щербатова 1 марта 1866 г. Краткое изложение речи см.: Голос. 1866. 2 марта.

[59] Приводимая Половцовым записка вел. кн. Константина Николаевича идентична черновому экземпляру ее, хранящемуся в ЦГАОР (ф. Мраморного дворца, д. 528). Указанный экземпляр представляет писарский список с карандашными пометами автора. Записка, опубликованная в журнале «Вестник права». 1905. № 9. С. 223—231, представляет собой ее второй вариант, составленный вел. кн. Константином Николаевичем с помощью Е.А. Перетца после обсуждения ее в январе 1880 г. (ЦГАОР, ф. Александра III, д. 134. Неопубликованная часть «Дневника Е.А. Перетца»).

[60] Представление Бунге от 17 февраля 1883 г. «О восстановлении обращения звонкой монеты» предусматривало следующее: «Сохранив за серебряным рублем значение неприменяемой и законной меры (монетной единицы), а за кредитным рублем значение счетной единицы и главного платежного средства, дозволить министру финансов разрешать постепенно: 1) прием и выдачу казной золотой и серебряной монеты в платежах по цене, соответствующей вексельному курсу с предоставлением министру финансов права установлять в случае необходимости разность в пользу казны, не свыше, однако, 2% и 2) заключение сделок между частными лицами и между казной и частными лицами не только на кредитные билеты, но также на золотую и серебряную монету, с тем, однако, чтобы в таких сделках не допускалось, впредь до особого о

сем постановления, участие крестьян и мещан, не записанных в гильдию, и чтобы прием кредитных билетов по курсу дня, а в случае спора по курсу дня С.-Петербургской биржи, был обязателен для получателей денег» (ЦГИА СССР, ф. Департамента государственной экономии, 1883 г., д. 218, л. 22).

Одобрив в принципе предложения Бунге, соединенные Департаменты сочли, что «безотлагательное утверждение их повело бы к существенным неудобствам» (там же, л. 25). Вследствие этого предложения были отклонены, и министру финансов было предложено сделать в соответствии с указаниями департаментов дополнительное представление.

[61] В 1882 г. по проискам польско-католических реакционных кругов был организован во Львове политический процесс против ряда галицийских общественных деятелей русской ориентации. Поводом для этого процесса послужил случай перехода крестьян села Гниличек из униатства в православие. Всем арестованным общественным деятелям во главе с А.И. Добрянским и его дочерью О.А. Грабарь было предъявлено обвинение в государственной измене, требующее смертной казни. Процесс состоялся летом 1882 г. 29 (17) июля из 11 подсудимых Добрянскому и еще шести был вынесен присяжными заседателями оправдательный приговор (А р и с т о в Ф.Ф. Карпато-русские писатели. Т. I. М., 1916. С. 170—173; К о л о м и е ц И.Г. Очерки по истории Закарпатья. Ч. II. Томск, 1959. С. 178). После оправдания Добрянский переехал из Львова в Вену, где пользовался поддержкой русского правительства. Опубликована расписка Добрянского о получении им от протоиерея М. Раевского 19 (7) апреля 1883 г. 15 тысяч гульденов (К. Победоносцев и его корреспонденты. Т. I, полутом 1. Пг., 1923. С. 331).

[62] Речь идет о плане преобразования Лорис-Меликова, изложенном им в докладе Александру II 28 января 1881 г. (Былое. 1918. № 4—5. С. 162—184). Эти предложения обсуждались после убийства Александра II, 8 марта 1881 г. (Г о т ь е Ю.В. Борьба правительственных группировок и манифест 29 апреля 1881 г. // Исторические записки. № 2. С. 240—299; З а й о н ч к о в с к и й П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880 гг. Гл. IV).

[63] Проект министра внутренних дел Н.П. Игнатьева о созыве Земского собора см. в кн.: З а й о н ч к о в с к и й П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880 гг. Гл. V. Проект этот носил демагогический характер и должен был продемонстрировать «единение царя с народом» в период коронации в Москве в мае 1883 г. При активном участии Победоносцева план Игнатьева потерпел фиаско, и он в мае 1882 г. был уволен в отставку.

[64] Упоминаемая записка представляет собою письмо Победоносцева Александру III от 11 марта 1883 г. Заключительная его часть передана Половцовым дословно (Письма Победоносцева к Александру III. Т. II. М., 1926. С. 9—13).

[65] Речь идет, по-видимому, о материалах сенаторской ревизии Половцовым Киевской и Черниговской губерний в 1880—1881 гг.

[66] В соединенных Департаментах рассматривалось представление министра внутренних дел Д.А. Толстого от 25 декабря 1882 г. «О даровании раскольникам некоторых общегражданских прав и прав по отправлению ими духовных треб». Это представление содержало в себе в значительной степени результаты работы комитета 1875 г. (см. комментарий 42—43). Соединенные Департаменты и Общее собрание Государственного совета одобрили предложения Д.А. Толстого. 3 мая 1883 г. они были утверждены Александром III. В законе, именовавшемся «О некоторых правах гражданских и правах по отправлению духовных треб» (ПСЗ. Собр. 3. Т. III. № 1545), раскольникам разрешалось: 1) выдавать паспорт внутри империи (представителям всех сект, кроме скопцов), 2) заниматься торговлей и промыслами, 3) вступать в иконописные цехи, 4) занимать общественные должности. Они могли «творить общественную молитву» и исполнять требы и богослужения как в частных домах, так и в специальных для этого зданиях. Старообрядцам разрешались похороны на основе их устава. Публичные шествия (крестные ходы, ношение вне молитвенных домов духовного облачения, пение псалмов и т. д.) запрещались.

В законе указывалось, что уставщики и другие духовные лица старообрядцев преследованию не подлежат. Материалы обсуждения этого вопроса в Государственном совете см.: ЦГИА СССР, ф. Департамента законов, 1883 г., д. 25; Отчет по Государственному совету за 1883 г. СПб., 1884. С. 118—129.

[67] См. комментарий 2 за 1884 г.

[68] См. комментарий 21.

[69] Соединенные Департаменты законов и государственной экономии, рассмотрев представление министра путей сообщения об изъятии из ведения Министерства шоссейных дорог, утративших государственное значение, приняли решение о передаче некоторых шоссейных дорог в ведение земств. Общее собрание Государственного совета 21 марта в основном подтвердило это решение (ЦГИА СССР, ф. Департамента государственной экономии, 1883 г., д. 98; Исторический очерк деятельности Комитета министров. Т. IV. СПб., 1902. С. 401—405).

[70] Речь идет об Анне Ивановне Валуевой, урожденной Вакульской, второй жене П.А. Валуева.

[71] См. комментарий 61.

[72] См.: Сб. РИО. Т. 38.

[73] См.: Там же. Т. 37.

[74] Половцов допускает неточность. Вера Филиппова — Вера Николаевна Фигнер — не вела дневников. Речь, по-видимому, идет о показаниях, написанных ею в доме предварительного заключения в феврале—апреле 1883 г., представляющих собой воспоминания о революционной деятельности. В основном они относятся к периоду до 1 марта 1881 г. Опубликованы в журнале «Былое». 1917. № 2—4.

[75] Представление военного министра было утверждено.

На протяжении царствования Александра III контингент ежегодно призываемых неуклонно повышался — с 212 тыс. человек в 1881 г. до 270 тыс. в 1894 г. Численность запаса армии за этот период увеличилась с 1009 тыс. человек в 1881 г. до 2653 тыс. к 1 января 1895 г. (Обзор деятельности Военного министерства в царствование императора Александра III. 1881—1894. СПб., 1903. С. 4). По вопросу об отпуске «однолеток» и увольнении в запас части солдат по истечении года службы Государственный совет высказался отрицательно (ЦГИА СССР, ф. Департамента законов, 1883 г., д. 36).

[76] В этот день отмечалось 500-летие со дня рождения Рафаэля, и завтрак для членов Государственного совета был отменен.

[77] Транзит иностранных товаров через Закавказье существовал с 1821 г. на весьма льготных условиях (за исключением периода 30-х — первой половины 40-х годов, когда был введен высокий полузапретительный тариф). С 1864 г. иностранные товары на транзитных путях Тифлис—Баку и Тифлис—Джульфа не облагались пошлиной. В конце 70-х годов вопрос о транзите становится предметом обсуждения как в торгово-промышленных кругах, так и в Министерстве финансов. Развитие отечественной промышленности, а также наличие обширного рынка в Средней Азии требовали устранения иностранной конкуренции. В связи с этим все чаще раздавались голоса, настаивающие на закрытии беспошлинного транзита.

Этот вопрос обсуждался первоначально в Особом совещании из представителей различных ведомств, но члены его к единогласному решению не пришли (4 — за запрещение транзита, 13 — за сохранение его с некоторыми ограничениями).

14 марта 1883 г. министр финансов внес в Государственный совет записку «По вопросу о закавказском транзите», в которой предлагал пересмотреть существующие правила «с целью ограждения от иностранной конкуренции нашей собственной промышленности и торговли» (ЦГИА СССР, ф. Департамента государственной экономии, 1883 г., д. 169, л. 309). Бунге предлагал транзит товаров через Баку (за исключением сахара-рафинада, установив для него пошлину в 2 руб. 20 коп. за пуд) закрыть, а через Джульфу сохранить, обложив их особой таможенной пошлиной. В соединенных Департаментах и в Общем собрании мнения разделились. 13 членов соединенных Департаментов поддержали точку зрения Бунге, 11 — высказались за полное закрытие транзита, за исключением сахара-рафинада. В Общем собрании первую точку зрения поддержало 28 членов, а вторую — 18. Александр III утвердил мнение меньшинства. Транзит был закрыт (Отчет Государственного совета за 1883 г. СПб., 1884. С. 153—165; Московские ведомости. 1883. 9 января. № 9; 1883. 9 февраля. № 40).

[77а] См. комментарии 93 и 94.

[78] Фридрих-Франц II.

[79] Фридрих-Франц, впоследствии Фридрих-Франц III.

[80] Пауль-Фридрих.

[81] Иоганн-Альберт.

[82] В соединенных Департаментах слушалось представление военного министра «О продолжении работ на Потийском порте с целью достижения спокойствия в порту и удобной оного эксплуатации» (ЦГИА СССР, ф. Департамента государственной экономии, 1883 г., д. 182). Вопрос о Батумском порте затрагивался лишь косвенно. Представление военного министра о производстве работ в Потийском порте на сумму 1 672 830 руб. было одобрено и 14 июня 1883 г. утверждено Александром III.

[83] В соединенных Департаментах рассматривалось представление министра финансов «О замене подушной подати другими налогами». Бунге, в соответствии с указом о постепенной отмене подушной подати в течение нескольких лет, предложил с 1884 г. прекратить взимание подати «с крестьян всех разрядов, наделенных землею в размере, не превышающем $^1/_2$ высшего или указного надела по местным положениям об устройстве быта крестьян, бывших помещичьих» (ЦГИА СССР, ф. Департамента государственной экономии, 1883 г., д. 170, л. 9). Соединенные Департаменты не согласились с министром финансов и рекомендовали с 1884 г. прекратить взимание подушной подати со всех безземельных «бывших фабричных и заводских» крестьян.

Одновременно предлагалось понизить оклад наполовину для всех бывших помещичьих крестьян России. Для остальных же плательщиков в Самарской, Новгородской (за исключением двух уездов), Смоленской и в отдельных уездах Черниговской, Псковской, Костромской и Пермской губерний оклад снизить наполовину, а в других губерниях на $^1/_{10}$. Общее собрание Государственного совета утвердило решение соединенных Департаментов, а 14 мая оно было утверждено Александром III (ПСЗ. Собр. 3. Т. III. № 1582).

[84] 3 февраля 1883 г. министр государственных имуществ М.Н. Островский внес в Государственный совет «Проект нормального положения для низших сельскохозяйственных школ», в котором говорилось, что «отсутствие у крестьян самых элементарных познаний о правильном неистощаемом земледелии сельского хозяйства составляет одно из главных препятствий к улучшению крестьянского хозяйства» (ЦГИА СССР, ф. Департамента законов, 1883 г., д. 101, л. 90). Таким образом, одной из главных причин оскудения деревни, по мнению Островского, являлось не безземелье и наличие крепостнических пережитков, а отсутствие у крестьян агрономических познаний.

Проект предусматривал создание как общих школ, «предназначенных для обучения сельскому хозяйству вообще», так и особых — для подготовки специалистов: садоводов, огородников, пчеловодов и т. д.

При обсуждении вопроса в Государственном совете произошло разногласие по трем пунктам: 1) о льготах ученикам по воинской повинности; 2) о предоставлении служащим школ преимуществ государственной службы; 3) о предоставлении лицам податного состояния прав почетного гражданства на период пребывания ими в должности попечителя школы.

Устав о низших сельскохозяйственных школах был утвержден Александром III 27 декабря 1883 г. (ПСЗ. Собр. 3. Т. III. № 1919). К 1 января 1888 г. было открыто 9 общих школ и 4 специальных. Общее количество учеников в них составляло 379 (Историческое обозрение пятидесятилетней деятельности Министерства государственных имуществ, 1837—1887. Ч. IV. СПб., 1888. С. 138—144).

[85] Имеется в виду вел. кн. Константин Николаевич.

[86] Аресты девяти офицеров 16-го гренадерского Мингрельского пехотного полка были произведены в январе и марте 1883 г. по обвинению их в принадлежности к военной организации «Народная воля» (см. комментарий 43 за 1884 г.).

[87] Половцов не совсем точен: за сохранение транзита голосовало 28 членов, за ликвидацию — 18 (см. комментарий 77).

[88] Музей прикладных знаний был образован в 1871 г. в Петербурге, в Соляном городке и находился в ведении Министерства государственных имуществ.

[89] Речь идет о Русском техническом обществе, основанном в 1816 г. С 1870 г. председателем его был кн. П.А. Кочубей (Краткий очерк деятельности Русского технического общества с его основания по 1 января 1893 г. СПб., 1894).

[90] Письма Екатерины II к Гримму, изданные с примечаниями Я. Грота, опубликованы в Сб. РИО, т. 23.

[91] См. комментарий 100.

[92] В период Франко-прусской войны 1870—1871 гг. Александр II занимал активную пронемецкую позицию. Она выражалась и в оказании различных услуг прусскому правительству накануне войны, нередко в ущерб национальным интересам России, а также в награждении орденами прусских офицеров и генералов за отличие в военных действиях. «Георгиевские кресты, — пишет в своих воспоминаниях Д.А. Милютин, — сыпались на германских генералов и офицеров, как будто они сражались за интересы России» (Рукоп. отд. ГБЛ, ф. Д.А. Милютина, картон 16, д. 3, л. 185—186). Наследник престола, вел. кн. Александр Александрович (Александр III), занимал противоположную позицию, выражая сочувствие французам. По-видимому, в какой-то степени это обусловливалось влиянием его жены, вел. кн. Марии Федоровны — принцессы датской Дагмары. После разгрома французской армии при Седане 14 сентября 1870 г. (нов. ст.) вел. кн. Александр Александрович 5 (17) сентября делает в своем дневнике следующую запись: «Какое ужасное известие мы услышали, приехав сюда, — Мак-Магон разбит, армия сдалась, и император Наполеон взят в плен. Это ужасно» (ЦГАОР, ф. Александра III, д. 304, л. 20).

[93] Надежда Михайловна.

[94] Петр Александрович.

[95] Это сообщение не находит подтверждения в материалах Департамента полиции. В еженедельных записках, представлявшихся Александру III директором департамента и содержащих в себе «Свод заслуживающих внимания сведений, полученных Департаментом полиции», этот факт в течение января—мая 1883 г. не упоминается (ЦГАОР, ф. Департамента полиции. 3-е дел-во, оп. 168, 1883 г., д. 4, л. 1—211). По-видимому, сведения, сообщенные Половцовым, были основаны на слухах.

[96] Попечителя Варшавского учебного округа А.Л. Апухтина ненавидели не только поляки, но и прогрессивная часть русского студенчества. Будучи представителем реакции, он являлся проводником русификаторской политики в области просвещения. В еженедельных записках Департамента полиции за 1883 г. неоднократно упоминается о столкновениях Апухтина со студентами. Так, 15 января в Варшавском университете читалась первая лекция по польской словесности на русском языке. После лекции студенты различных факультетов, присутствовавшие на лекции, освистали Апухтина, находившегося тут же (ЦГАОР, ф. Департамента полиции, 3-е дел-во, оп. 168, 1883 г., д. 4, л. 22—23).

В марте того же года студенты Ново-Александрийского сельскохозяйственного института устроили демонстрацию против Апухтина; в связи с этим 17 студентов были исключены (там же, л. 82—83). 4 апреля во время приема Апухтиным просителей студент юридического факультета Варшавского университета Жукович, русский по национальности, дал Апухтину пощечину (там же, л. 124).

Буквально через несколько дней в «Правительственном вестнике» был опубликован рескрипт Апухтину. «В воздаянии отлично-усердной службы Вашей и непреклонно-твердых усилий Ваших к осуществлению по вверенной Вам отрасли управления наших предначертаний, направленных к теснейшему единению Привислинского края с прочими частями империи, — говорилось в рескрипте, — всемилостивейше пожаловали Вас кавалером императорского ордена... Александра Невского» (Правительственный вестник. 1883. 17 апреля. № 85). Этот рескрипт явился прямым ответом царя на полученную Апухтиным пощечину. Как сообщалось в «Еженедельных записках» 17 октября 1883 г., Апухтин получил за подписью Исполнительного комитета «Народной воли» письмо, в котором говорилось, что русские революционеры предлагают ему подать в отставку и «освободить общество от деятеля чисто деспотических царско-катковских идей» (ЦГАОР, ф. Департамента полиции, 3-е дел-во, оп. 168, 1883 г., д. 5, л. 153—154).

Однако в 90-х годах Апухтин занимал еще пост попечителя учебного округа.

[97] Имеются в виду жены чинов первых трех классов по Табели о рангах. Т. е. представителей сановно-бюрократической и военной верхушки.

[98—99] Дочь Александра II, вел. кн. Мария Александровна.

[100] Система военно-народного управления сложилась в ходе завоевания Кавказа и была впервые законодательно утверждена 1 апреля 1858 г. Сущность ее заключалась в том, что управление и суд основывались по-прежнему на местных обычаях. Органы управления состояли из представителей местного населения, привлекавшегося на основе выборного начала. Непосредственное же руководство принадлежало военной администрации. 19 апреля 1883 г. военный министр сделал представление в Государственный совет «О преобразовании военно-народных управлений», а также об изменении административно-территориального деления Кавказа. Соединенные Департаменты законов и государственной экономии одобрили предложения Военного министерства 18 мая, отметив целесообразность ликвидации военно-народного управления (ЦГИА СССР, ф. Департамента законов, 1883 г., д. 49, л. 70). Общее собрание Государственного совета 25 мая утвердило решение соединенных Департаментов. Военно-народное управление было ликвидировано, а губернии и области, в которых оно существовало, были подчинены непосредственно главноначальствующему гражданской частью на Кавказе. Вместе с тем было изменено административно-территориальное деление. Так, Батумская область и Сухумский отдел присоединены к Кутаисской губернии (ПСЗ. Собр. 3. Т. III. № 1636; о военно-народном управлении см.: Э с а д з е С. Историческая записка об управлении Кавказом. Т. I. Тифлис, 1907; Отчет по Государственному совету за 1883 г. СПб., 1884. С. 38—46).

[101] Речь идет об архиве князя Воронцова, издававшемся П. Бартеневым с 1870-го по 1895 г. (Роспись сорока книгам архива князя Воронцова с азбучным указателем личных имен. М., 1897).

[102] Принц Амедей-Фердинанд.

[103] 21 мая в период коронационных торжеств в Москве Александр III во время обеда в Петровском дворце, на котором присутствовали волостные старшины, обратился к ним с речью. В этой речи он «предостерегал их и в их лице крестьянский люд от злоумышленных толков о переделе земель, напомнил о неприкосновенности собственности и указал держаться заодно с предводителями дворянства, следуя их советам и руководству» (Московские ведомости. 1883. 22 мая. № 140).

[104] Речь идет о волнениях студентов Харьковского университета в январе 1882 г. Волнения эти были вызваны столкновением на вечере в зале дворянского собрания 23 января группы студентов университета с реакционным публицистом, в прошлом народником, Ю.И. Говорухой-Отроком. В связи с этим событием были исключены из университета студенты Мануйлов и Подольский и объявлен выговор студенту Сашецкому. 29 января была созвана студенческая сходка, принявшая решение «выразить профессорской коллегии строгое порицание». В этот же день в университете были прекращены занятия (Голос. 1882. 30 января; Краткий очерк истории Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805—1905). Харьков, 1906. С. 232). Подробное описание этих событий см. в комментариях к письмам В.М. Гаршина (Гаршин В.М. Полн. собр. соч.: В 3 т. Т. III. М.—Л., 1934. С. 487—490).

[105] См. комментарий 4.

[106] Храм был построен в Москве в память Отечественной войны 1812 г. Указ о строительстве его был дан Александром I 25 декабря 1812 г. Первоначально храм предполагалось строить на Воробьевых горах по проекту архитектора А.Л. Витберга. После неудачной попытки начать строительство был составлен К.А. Тоном новый проект храма. Место для строительства было избрано у Пречистенских ворот, на берегу Москвы-реки, на территории Алексеевского женского монастыря. Храм начал сооружаться в 1838 г. Наружные работы продолжались 21 год и были закончены в 1859 г. С 1859 г. до начала 80-х годов проводилась внутренняя отделка. Внутри храма на мраморных досках были помещены все манифесты, изданные в 1812 г., а также описания всех сражений, бывших в 1812 г. (71) и в период войны 1813—1814 гг. (87). В росписи храма принимали участие В.В. Верещагин, А.Т. Марков, Г.И. Семирадский и др. Храм вмещал до 10 тыс. человек. В начале 30-х годов XX в. он был взорван. На месте его сооружен плавательный бассейн по проекту архитектора Д.Н. Чечулина (Мостовский М. История храма Христа Спасителя в Москве. М., 1884).

[107] На протяжении первой половины 80-х годов проводилось строительство крепостей и укреплений на западной границе, а также на юге. Так, по данным всеподданнейшего доклада военного министра от 26 февраля 1884 г., помимо работ по строительству фортов Брест-Литовска и Ивангорода были начаты работы по сооружению крепостей Осовец, Ковно и фортов Новогеоргиевска (около Варшавы) (ЦГВИА, ф. Канцелярии Военного министерства, № 1 (л), оп. 2, д. 143).

[108] По-видимому, принц Музафер-Эд-дин.

[109] Имеется в виду узловая станция Поворино Юго-Восточной железной дороги.

[110] Речь идет об имении Дудергофа в Царскосельском уезде, полученном вел. кн. Михаилом Николаевичем по завещанию от своей матери, императрицы Александры Федоровны, в 1861 г.

[111] Ольга Константиновна, старшая дочь вел. кн. Константина Николаевича.

[112] События 1 марта 1881 г., а также предшествующие аресты лишили организацию «Народная воля» выдающихся ее членов. В 1882-м и начале 1883 г. в результате предательской деятельности Дегаева (см. комментарий 174) партия была буквально обессилена. Кроме того, народовольцы еще надеялись, что Александр III вынужден будет пойти на известные уступки в ответ на требования, изложенные в письме Исполнительного комитета организации от 10 марта 1881 г. Бездействие организации во время коронации объяснялось также переговорами Исполнительного комитета со Священной дружиной (Дебагорий-Мокриевич В.Л. К вопросу о переговорах «Исполнительного комитета Народной воли» с Добровольной дружиной // Былое. 1907. № 4. С. 58—61).

[113] Имеется в виду награждение женским орденом Екатерины, или Освобождения, учрежденным Петром I 24 ноября 1714 г. в честь Прутского похода (точнее, освобождения русских войск, окруженных у Ясс превосходящими силами турок). Орден имел две степени. Награжденные орденом первой степени именовались дамами большого креста, второй — дамами меньшего креста, или кавалерственными дамами. Орденом награждались, помимо лиц императорской фамилии, жены сановников. Число лиц, награжденных орденом, было ограниченно. Так, число «дам большого креста», исключая лиц императорского дома, не должно было превышать 12, а второй степени — 94 (Свод законов Российской империи. Т. I. Ч. II. «Учреждение орденов и других знаков отличия»).

[114] Установить содержание полученных из Варшавы известий не удалось. В «Своде заслуживающих внимания сведений, полученных Департаментом полиции», никаких серьезных происшествий, касающихся губерний Царства Польского, не приводится (ЦГАОР, ф. Департамента полиции, оп. 168, 1883 г., д. 9).

[115] См. комментарий 96.

[116] Военные гимназии возникли в первой половине 60-х годов на базе кадетских корпусов. Дореформенные кадетские корпуса соединяли в себе как общее среднее образование, так и специально военное. По мнению военного министра Д.А. Милютина, подобная система являлась одной из основных причин низкого уровня офицеров, выпускаемых из кадетских корпусов.

С 1863 г. началась реорганизация кадетских корпусов. Специальные классы их были преобразованы в военные училища, а общеобразовательные — в

военные гимназии. Военная организация, существовавшая в кадетских корпусах, была уничтожена.

Воспитателями в военных гимназиях были лица, обладавшие педагогическим опытом. Несмотря на сохранение военной формы и строевой подготовки, военным гимназиям был придан гражданский характер; они являлись по своей организации педагогического процесса лучшими средними учебными заведениями.

Преобразование военных гимназий в кадетские корпуса, предпринятое 22 июня 1882 г., было одной из реакционных мер, преследовавшей милитаризацию образования и воспитания и вызывавшей неодобрение со стороны широких кругов общественности. В результате этого преобразования усиливалась военная подготовка, военизировался быт в преобразованных военных гимназиях (деление на роты, учреждение лагерей, назначение воспитателями строевых офицеров). Однако уровень общего образования оставался прежним (З а й о н ч к о в с к и й П.А. Военные реформы 1860—1870 гг. в России. С. 246—251; Обзор деятельности Военного министерства в царствование императора Александра III. 1881—1894. СПб., 1903. С. 212—222).

[117] Противоправительственных демонстраций, в полном смысле этого слова, во время похорон Тургенева не было. Однако подобные настроения проявлялись довольно явственно. После похорон, во время поминального обеда в ресторане «Метрополь», на котором присутствовали демократически настроенные литераторы (Г.И. Успенский, В.А. Гольцов, П.А. Гайдебуров, Г.А. Джаншиев и др.), Гольцовым была произнесена антиправительственная речь. Речь эта начиналась следующей фразой: «В наше время, когда мы находимся под тяжелым гнетом ненавистного нам управления, каждое проявление протеста против этого управления составляет самое желательное явление» (Былое. 1917. № 4. С. 154).

Как рассказывает в своих воспоминаниях народоволец И.И. Попов, революционеры не собирались организовывать политической демонстрации во время похорон (П о п о в И.И. Минувшее и пережитое. Воспоминания за 50 лет. Ч. I. Л., 1924. С. 110). В связи со смертью И. С. Тургенева народовольцами была выпущена прокламация, написанная П.Ф. Якубовичем. Она раздавалась во время похорон. Текст прокламации опубликован в кн.: И.С. Тургенев в воспоминаниях революционеров-семидесятников. Л., 1930. С. 1—8.

11 октября 1883 г. Е.М. Феоктистов сообщил министру внутренних дел Д.А. Толстому о том, что в Москве, в Обществе любителей русской словесности, предполагается выступление Л.Н. Толстого по поводу смерти И.С. Тургенева. «Толстой — человек сумасшедший, — писал Феоктистов, — от него следует всего ожидать; он может наговорить невероятные вещи, и скандал будет значительный» (ЦГАОР, ф. Департамента полиции, 3-е дел-во, оп. 168, 1883 г., д. 785, л. 22). В связи с этим доносом Департаментом полиции были приняты соответствующие меры, и выступление Толстого не состоялось.

О похоронах Тургенева см.: Н и к о л ь с к и й Ю. Дело о похоронах И.С. Тургенева // Былое. 1917. № 4. С. 146—156; Б а л а н д и н А.И. «Записка» Н.М. Горбова о похоронах И.С. Тургенева // Научные доклады Высшей школы. Серия филологических наук. 1962. № 3. С. 138—141. Жандармское дело о похоронах см.: ЦГАОР, ф. Департамента полиции, 3-е дел-во, оп. 79, 1883 г., д. 785.

[118] См. комментарий 2.

[119] См. комментарий 26 за 1886 г.

[120] И.С. Тургенев действительно встречался за границей с виднейшими деятелями революционного движения: А.И. Герценом, Н.П. Огаревым, М.А. Бакуниным, Г.А. Лопатиным, П.Л. Лавровым и др. Отношения Тургенева с революционерами были довольно сложны. Не будучи сторонником революционного образа действий, Тургенев вместе с тем считал необходимым поддерживать не только знакомство с революционными народниками, но и оказывать им некоторую помощь. Характеризуя отношения Тургенева к революционерам, Лавров в своей статье «И.С. Тургенев и русское общество», помещенной в «Вестнике «Народной воли» за 1884 г. (№ 2), писал: «Иван Сергеевич не был никогда ни социалистом, ни революционером. Он никогда не верил, чтобы революционеры могли поднять народ против правительства... но история его научила, что никакие «реформы свыше» не даются без давления и энергического давления снизу на власть; он искал силы, которая была бы способна произвести это давление, и в разные периоды его жизни ему представлялось, что эта сила может появиться в разных элементах русского общества. Как только он мог заподозрить, что новый элемент может сделаться подобной силой, он сочувственно относился к этому элементу и готов был даже содействовать ему в той мере, в какой терял надежду, чтобы то же историческое дело могли сделать другие элементы, ему более близкие и симпатичные. Поэтому, когда я ему нарисовал картину одушевления и готовности к самоотвержению в группах молодежи, примкнувших в Цюрихе к «Вперед», он без всякого вызова с моей стороны высказал свою готовность помогать этому изданию». Далее Лавров сообщает, что Тургенев в течение трех лет вносил ему по 500 франков ежегодно (И.С. Тургенев в воспоминаниях революционеров-семидесятников. Л., 1930. С. 25—26; см. также вступ. статью: П и к с а н о в Н.Н. Тургенев и революционеры-семидесятники. С. VII—XXIV).

[121] Здание архива Государственного совета было построено на Миллионной улице (ныне ул. Халтурина) в 1886 г. Ранее архив Государственного совета находился в одном здании с архивом Сената. В настоящее время в помещении архива Государственного совета расположен Центральный государственный архив военно-морского флота.

[122] 27 апреля 1881 г. болгарский князь Александр Баттенберг осуществил государственный переворот, отменил Тырновскую конституцию и распустил правительство, возглавлявшееся П. Каравеловым. Тырновская конституция, или Органический устав Болгарского княжества, была разработана в Петербурге во II отделении с. е. и. в. канцелярии. Проект Органического устава обсуждался Учредительным собранием в г. Тырнове в феврале—марте 1879 г. и после ряда поправок был принят как конституция Болгарского княжества. Составленное из реакционных элементов второе Великое народное собрание предоставило князю Александру на семь лет чрезвычайные полномочия. На этот же срок действие конституции было приостановлено и распущено На-

родное собрание. Этот переворот был молчаливо одобрен Александром III. Русский генерал Эрнрот, принимавший активное участие в событиях 27 апреля, не был отозван правительством России. Несмотря на наличие в составе правительства двух русских генералов (министра внутренних дел Л.Н. Соболева и военного министра А.В. Каульбарса), влияние России значительно уменьшилось. Это объяснялось тем, что консерваторы, пришедшие на смену либералам-русофилам, придерживались не русской, а австрийской ориентации (они принадлежали к тем слоям болгарской буржуазии, которая была связана с австро-венгерским капиталом). Вскоре князь Александр, у которого возник конфликт с Соболевым и Каульбарсом, обратился к царю с просьбой об их отзыве. Для урегулирования конфликта в Софию был направлен бывший русский посланник в Черногории А.С. Ионин, наделенный большими полномочиями. Переговоры Ионина с князем Александром, происходившие в августе 1883 г., носили ультимативный характер. Ионин предъявил князю требование отказаться от чрезвычайных полномочий, «предоставленных» ему 1 июля 1881 г., назначения особой комиссии для пересмотра Тырновской конституции и сохранения вплоть до утверждения изменений в конституции на министерских постах Соболева и Каульбарса. Князь вынужден был согласиться с этими требованиями.

По настоянию А.С. Ионина князь Александр 30 августа 1883 г. издал манифест, в котором сообщал о восстановлении конституции после ее пересмотра особой комиссией, состоявшей из представителей консерваторов и либералов под его председательством. Конституция была «исправлена» в реакционном духе. После восстановления конституции генералы Соболев и Каульбарс были отправлены в Россию (История Болгарии. Т. I. М., 1954. Гл. XII. С. 349—377; С к а з к и н С.Д. Конец австро-русско-германского союза. Т. I. М., 1928. С. 294—333; E.C. C o r t i. Alexander von Battenberg, sein Kampf mit dem Zaren und Bismark. Vienna, 1920).

[123] Речь идет о захвате Францией в Индокитае Тонкинской (Бакбо) провинции. Это событие вызвало войну Китая с Францией. В 1885 г. Китай вынужден был признать Аннам (Трунбо) и Тонкин (Бакбо) французским протекторатом.

[124] По-видимому, речь идет о ст.-секр. И.И. Кабате — чиновнике Государственной канцелярии, которым был недоволен Половцов. Об этом он упоминает неоднократно на страницах дневника.

[125] См. комментарий 122.

[126] См. комментарий 117.

[127] Принц Александр Гессенский.

[128] Действительно, 41-я пехотная дивизия была переведена из Кавказского военного округа в Виленский, однако расположена она была далеко от границы: в Могилеве и Витебске.

[129] Замечания барона Николаи на проект университетского устава см.: ЦГИА СССР, ф. Департамента законов, 1884 г., д. 53, л. 314—412.

[130] Речь идет об аресте членов военной организации «Народная воля», которая была создана в 1880 г. по инициативе А.И. Желябова. Согласно уставу, в нее могли входить только офицеры. Пропаганда их среди солдат

была запрещена, ее должны были вести рабочие — члены «Народной воли», не входившие в состав военной организации.

Помимо центрального кружка, во главе которого первоначально стояли Н.Е. Суханов, барон А.П. Штромберг и Н.М. Рогачев, существовали и местные: в Кронштадте два — морской и артиллерийский, в Петербурге среди слушателей Михайловской артиллерийской академии, в Гельсингфорсе, а также на Юге России (в Николаеве, Одессе и Тифлисе). Все эти кружки были немногочисленны — от 3 до 9 человек в каждом. Наиболее крупным был Тифлисский (см. комментарий 43 за 1884 г.). Часть кружков возникла самостоятельно и позднее вошла в состав военной организации «Народная воля», часть же была создана народовольцами. В 1883 г. в результате провокаторской деятельности С.П. Дегаева (см. комментарий 174) организация была разгромлена (Свод важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях империи // Былое. 1906. № 8. С. 158—187; А ш е н б р е н н е р М.Ю. Военная организация «Народной воли» и другие воспоминания (1860—1904). М., 1924. Следственное судебное дело см.: ЦГВИА, ф. С.-Петербургского военно-окружного суда. № 1351, оп. 3, д. 51, ч. I—XXXI.

[131] Имеется в виду церковь Воскресения на крови (архитектор А.А. Парланд) на Екатерининском канале (ныне канал Грибоедова), построенная на месте убийства 1 марта 1881 г. Александра II.

[132] 26 августа 1883 г. Департаментом торговли и мануфактур было внесено в Государственный совет предложение «Об учреждаемом русско-американском обществе товарных складов с зерноподъемами». Общество ставило своей целью сооружение и эксплуатацию зерноподъемов (элеваторов) и складов для хранения зерна. При этом общество должно было производить весьма обширные торгово-банкирские операции. Так, на сданные на хранение товары оно предполагало выдавать варранты (особого рода квитанции, учитываемые в банке подобно векселям, а также гарантирующие сбыт данного товара). Капитал общества устанавливался в 25 млн. руб.; правление должно было находиться в Америке.

Вопрос об учреждении этого общества рассматривался соединенными Департаментами законов и государственной экономии 6, 15, 17 октября 1883 г. и 19 января 1884 г. с участием экспертов — представителей купечества. При рассмотрении дела были высказаны различные суждения. Большинство членов признало представленные департаментом предложения общества неудовлетворительными и рекомендовало составить новые, более конкретные.

В Общем собрании, рассматривавшем этот вопрос 13 февраля 1884 г., мнения также разделялись: 8 членов (Новосильский, Клушин, Философов, Победоносцев, Воронцов-Дашков, Шестаков, Галаган, Гюббенет) высказались за отклонение предложения американского общества, 33 члена, внеся в проект ряд уточнений, — за утверждение его. Александр III не утвердил предложение большинства, первоначально написав в резолюции, что создание общества «опасно для России» (см. с. 192). Подобная резолюция, обидная, по мнению Половцова, для членов Государственного совета, была по его настоянию заменена другой: «Отложить до рассмотрения закона о варрантах» (ЦГИА СССР, ф. Департамента государственной экономии, 1884 г., д. 11).

[133] Речь, по-видимому, идет о решении Государственного совета, состоявшегося в начале 1881 г. и в конце 1883 г. по жалобе гр. Плятеров на определение департаментов Сената по тяжебному делу их с наследниками ген.-лейт. Фитингофа (ЦГИА СССР, ф. Департамента гражданских и духовных дел, 1881 г., д. 4).

[134] См. комментарий 84.

[135] См. комментарий 6 за 1885 г.

[136] Речь идет о дополнении статьи 16 Положения о Крестьянском поземельном банке (ПСЗ. Собр. 3. Т. III. № 1748).

[137] От французского слова «masseur» — массажист.

[137а] См. комментарий 141.

[138] См. комментарий 132.

[139] В 1883 г. германское правительство стало выражать недовольство по поводу концентрации кавалерии на русско-германской границе, а в немецкой прессе по этому поводу началась враждебная России кампания. Хотя никаких передвижений войск с 1879 г. не производилось, однако численность кавалерии, расположенной на границе, увеличилась на $^1/_3$ вследствие изменения в 1883 г. состава кавалерийских частей: перевода полков из 4-эскадронного в 6-эскадронный состав. По-видимому, недовольство Германии подогревалось также и германофобскими выступлениями ген. М.Д. Скобелева, не встретившими никакого противодействия со стороны правительства России.

[140] После изгнания Л.Н. Соболева и А.В. Каульбарса из Болгарии князь Александр решил назначить военным министром (по соглашению между Россией и Болгарией это был русский офицер) ген. Лесового, являвшегося одной из креатур князя. Александр III отказал в этом и отозвал из Болгарии Лесового, а также других офицеров, близких болгарскому князю. В свою очередь последний отправил в Россию неугодных ему офицеров и отозвал из Петербурга 36 болгарских офицеров, стажировавшихся в русской армии. По-видимому, это и вызывало раздражение Александра III. Для урегулирования вопроса о пребывании русских офицеров в Болгарии Александром III был направлен в Софию флигель-адъютант полковник Н.В. Каульбарс (брат быв. военного министра). Н.В. Каульбарсом была заключена конвенция, определившая положение русских офицеров на болгарской службе (История Болгарии. Т. I. С. 361; С к а з к и н С.Д. Конец австро-русско-германского союза. Т. I. С. 320—332).

[141] 29 июня 1883 г. командующий императорской Главной квартирой ген.-ад. Рихтер представил записку об упразднении Комиссии прошений. Записка рассматривалась в Департаменте законов 12 ноября. В связи с тем, что в ней не содержалось конкретных предложений, Департамент счел целесообразным создать для подготовки этого вопроса особую комиссию. Общее собрание поддержало мнение Департамента законов. 23 ноября Александр III назначил эту комиссию под председательством Ковалевского в составе Любощинского, Фриша и Каханова (ЦГИА СССР, ф. Департамента законов, 1884 г., д. 46).

[142] См.: Сочинения императрицы Екатерины II. Т. II. СПб., 1849, а также Сочинения императрицы Екатерины II. Произведения литературные / Под ред. А.И. Введенского. СПб., 1893.

[143] См. комментарий 140.

[144] Выпуск ренты на указанных основаниях рассматривался и был одобрен в Комитете финансов 31 октября 1883 г. 11 ноября решение Комитета финансов было утверждено Александром III (ЦГИА СССР, ф. Комитета финансов, оп. 2, д. 254).

[145] Установить, какое дело имеет в виду Половцов, не удалось; в то время в Государственном совете рассматривался ряд дел, связанных с положением евреев.

[146] 29 октября 1883 г. в соединенных Департаментах государственной экономии и законов рассматривался вопрос о сложении с арендатора газеты «Санкт-Петербургские ведомости» отставного полковника Комарова числящихся за ним недоимок, а также необходимости изменения условий сдачи в аренду упомянутой газеты. Департаменты пришли к заключению о невозможности взыскать с него полную сумму и частично освободили от внесения ее. Министру народного просвещения было предложено заключить контракт на сдачу в аренду газеты с другими лицами (ЦГИА СССР, ф. Департамента государственной экономии, 1883 г., д. 493). Новым редактором был утвержден В.Г. Авсеенко.

[147] См. комментарии 144 и 159.

[148] См. комментарий 90 за 1884 г.

[149] В 1883 г. была учреждена Особая комиссия под председательством члена Государственного совета гр. К.И. Палена «для всесторонней разработки еврейского вопроса». Причины создания этой комиссии, по-видимому, заключались в затруднениях, возникших в области финансов. Так, министр финансов Бунге во всеподданнейшей записке от 27 октября 1883 г. по поводу выпуска ренты на сумму 50 млн. руб., характеризуя состояние кредита на международном рынке, писал: «Заграничному нашему кредиту вредят главным образом два обстоятельства: во-первых, постоянные слухи о враждебных для России союзах, о возможности европейской войны и, во-вторых, неопределенное положение еврейского вопроса, которое поддерживает нерасположение к России в самой крупной и влиятельной группе заграничных капиталистов» (ЦГИА СССР, ф. Комитета финансов, оп. 2, д. 254, л. 4).

Комиссия проработала пять лет и представила записку, в которой указывалось, что «высшая комиссия могла совершить лишь весьма немногое из своей программы». Наиболее общие выводы комиссии таковы:

1. Главная задача законодательства об евреях заключается в возможно большем объединении евреев с общим христианским населением.

2. Не следует формулировать новое законодательство в виде особого положения или устава, что принципиально противоречило бы усилиям правительства ликвидировать обособленность евреев.

3. Система репрессивных и исключительных мер должна быть заменена системой постепенных уравнительных и освободительных законов.

4. При разрешении еврейского вопроса должны быть соблюдаемы величайшая осторожность и постепенность (Обзор деятельности высшей комиссии, учрежденной под председательством гр. Палена для пересмотра действующих об евреях в империи законов. ЦГИА СССР, Библиотека. Печатные записки, д. 300, л. 3—4).

19 ноября 1888 г. комиссия была закрыта. Ее материалы дальнейшего движения не получили, коренной пересмотр всех законов о евреях не состоялся (Г е с с е н Ю. История евреев в России. СПб., 1914).

[150] Чиншевики — арендаторы земли на основе чиншевого права, представляющего собою бессрочное потомственное пользование землей. Эта форма землепользования возникла в Средние века в Германии, а затем в Польше. Особенно распространилась она в Польском государстве в XVI в. в период захвата земель на Украине, в Белоруссии и Литве.

Число чиншевиков было достаточно велико. Так, по данным материалов Государственного совета, в губерниях Киевской, Волынской и Подольской числилось приблизительно 46 498 дворов сельских чиншевиков и, помимо этого, 45 425 дворов чиншевиков местечковых. В Виленской губернии сельских чиншевиков насчитывалось 75 дворов, в Гродненской — 441, а в Минской — 4564 (Отчет по Государственному совету за 1886 год. СПб., 1888. С. 150). По данным профессора Д.П. Пойды, общее число чиншевиков Правобережной Украины к 1879 г. составляло 85 417 семейств, или 464 343 человека, в пользовании которых находилось 224 628 десятин земли. Таким образом, это была наименее обеспеченная часть крестьянства (П о й д а Д.П. Волнения чиншевиков и чиншевая реформа 1886 года на Правобережной Украине // История СССР. 1957. № 2. С. 144).

В пореформенный период положение чиншевиков значительно ухудшилось. Рост продажных и арендных цен на землю приводил к стремлению помещиков повысить арендную плату, а при невозможности получения таковой — выселить чиншевиков. Это приводило к массовым жалобам и волнениям. Так, по данным Д.П. Пойды, с 1871-го по 1880 г. на Правобережной Украине на почве недоразумений между чиншевиками и помещиками произошло 195 волнений, причем в 38 случаях эти волнения были подавлены войсками (П о й д а Д.П. Указ. статья. С. 147).

14 января 1877 г. Комитет министров предложил министру внутренних дел представить свои соображения о мерах по устройству быта чиншевиков. Вопрос этот тянулся очень долго. В начале 1882 г. была создана в Министерстве внутренних дел комиссия из представителей различных министерств, администрации Юго-Западного края и землевладельцев. В результате деятельности комиссии была составлена «Записка о поземельном устройстве быта сельских чиншевиков» и в начале 1885 г. внесена в Государственный совет. Соединенные Департаменты рассматривали этот вопрос в марте 1886 г. и одобрили «Проект положения о поземельном устройстве сельских вечных чиншевиков в губерниях западных и белорусских» (ЦГИА СССР, ф. Департамента законов, 1886 г., д. 38). 9 июня 1881 г. проект закона был утвержден Александром III (ПСЗ. Собр. 3. Т. VI. № 3789).

Основное содержание закона сводилось к следующему. Всем чиншевикам, владевшим земельными участками вне городов и местечек, после 21 августа 1840 г. предоставлялось право выкупа земель. Выкуп по истечении трех лет был обязателен. Выкупная сумма оформлялась капитализацией из 6% чиншевых повинностей. При выкупе помещикам выдавались суммы, которые чиншевики обязаны были погашать в течение 49 лет по 6% ежегодно. Лица, за которыми чиншевые права не были сохранены, обязаны были по истечении пяти лет со дня издания закона возвратить землю ее владельцам. Средняя выкупная цена десятины, по данным Д.П. Пойды, составляла: в Киевской губернии — 64 руб. 12 коп., Подольской — 69 руб. 40 коп., Волынской — 24 руб. 58 коп. (П о й д а Д.П. Указ. статья. С. 154).

[151] Речь идет о младшем сыне Половцова Петре.

[151a] Полковой праздник л.-гв. Московского полка праздновался 8 ноября.

[152] 28 октября 1883 г. было образовано Особое секретное совещание для пересмотра существующего порядка чинопроизводства под председательством управляющего с. е. и. в. канцелярией Танеева в составе Каханова, Фриша, Половцова и Ренненкампфа. Вопрос об уничтожении чинов обсуждался неоднократно и ранее (в Секретном комитете 6 декабря 1826 г., в 1846-м и 1856 гг.), но, несмотря на положительное решение его в принципе, практически реализован не был.

Особое совещание в первом заседании своем 29 февраля 1884 г. также признало необходимым отменить гражданские чины, потому что «соотношение между чином и служебным положением лица, его носящего, сделалось ныне явлением почти случайным, и вследствие того чин окончательно утратил всякое полезное значение» (ЦГИА СССР, ф. I отделения с. е. и. в. канцелярии, оп. т. 4, д. 14815, л. 6). Руководствуясь этим, оно признало необходимым «заменить существующую ныне систему гражданских чинов особою новою иерархиею должностей, предоставив присвоенные в настоящее время чинам права и преимущества должностям соответствующих степеней» (там же, л. 15). Это предложение было одобрено Александром III 2 апреля 1884 г. В дальнейшем рассмотрение этого вопроса происходило в заседаниях 3 мая, 20 декабря 1884 г., 3 и 18 января, 10 марта 1885 г. (см. журналы заседаний № 2—4). В заключение Особое совещание предложило внести вопрос об уничтожении чинов на рассмотрение Государственного совета. На это последовало также согласие Александра III. Однако решение его было отложено вследствие противодействия министров (см. запись Половцова за 17 и 18 декабря 1886 г., а также ЦГИА СССР, там же).

При всей кажущейся прогрессивности этой меры она, на наш взгляд, имела реакционную сущность. Ликвидация чинов, т. е. Табели о рангах, закрывала бы доступ в дворянское сословие разночинцам; оно, по мысли Половцова, должно было пополняться крупными землевладельцами.

[153] Рескрипт гр. Д.А. Милютину был дан Александром III в связи с 50-летием его службы в офицерских чинах. Рескрипт хранится в ГБЛ, Рукоп. отд., ф. Д.А. Милютина, картон 85, д. 47, л. 6.

[154] Имеется в виду Бисмарк.

[155] См. комментарий 151а.

[156] См. комментарий 61.

[157] 23 ноября 1883 г. Н.М. Рембелинский «по болезни» был уволен из Государственного совета с оставлением в звании ст.-секретаря. 26 ноября того же года согласно приказу был причислен к с. е. и. в. канцелярии (ЦГИА СССР, ф. Государственной канцелярии, оп. 7, д. 931, л. 142—157).

[157а] Мария де Вильер, вторая жена адмирала И.А. Шестакова, на которой он женился в апреле 1883 г.

[158] Имеется в виду подготовлявшийся Общий устав российских железных дорог (см. комментарий 9 за 1885 г.).

[159] Речь идет об указе от 11 ноября 1883 г. «О выпуске государственных непрерывно-доходных рент на нарицательный капитал в пятьдесят миллионов рублей золотом» (ПСЗ. Собр. 3. Т. III. № 1827). Рента выпускалась для уплаты причитающихся Государственному банку на основании высочайшего указа 1 января 1881 г. (ПСЗ. Собр. 2. Т. LV. № 61730. — П. 3.) пятидесяти миллионов рублей и для удовлетворения расходов по железнодорожным сооружениям. Она выходила достоинством в 125, 500, 1000, 1250, 5000 и 10000 руб. из расчета 6% годовых с погашением через 10 лет (см. комментарий 144).

[159а] Закон об учреждении императорской фамилии был изменен лишь 2 июля 1886 г. (ПСЗ. Собр. 3. Т. VI. № 3851; см. комментарий 85 за 1886 г.).

[160] См. комментарий 4.

[160а] То есть Государственного совета.

[161] По-видимому, речь идет об оставлении нескольких судов из упраздненной Кавказской гребной флотилии в распоряжении местного начальства (ЦГИА СССР, ф. Департамента государственной экономии, оп. т. X, 1883 г., д. 522).

[162] Указанную записку в фонде Департамента полиции обнаружить не удалось.

[163] 1 марта 1883 г. министр государственных имуществ внес на рассмотрение Государственного совета записку «О регулировании лова волжской сельди». В записке указывалось, что устав каспийских рыбных и тюленевых промыслов 1865 г. не регулирует лов сельди, вследствие чего наблюдается «непроизводительное истребление нередко значительного количества сельди в низовьях Волги и уменьшение уловов ее в верхних частях реки» (ЦГИА СССР, ф. Департамента законов, 1884 г., д. 39, л. 3). Предлагалось регламентировать лов путем установления точных сроков лова и ограничения числа волокуш. Для пересмотра устава каспийских рыбных и тюленевых промыслов была создана комиссия, в которую вошли академик Ф.В. Овсянников, доктор зоологии О.А. Гримм и др. В соединенных Департаментах это дело рассматривалось 5 декабря 1883 г. Общим собранием новый устав был утвержден 7 мая 1884 г. (ПСЗ. Собр. 3. Т. IV. №2251).

[164] См. комментарий 159а.

[165] Установить, в чем заключался этот инцидент, нам не удалось.

[166] 10 декабря в помещении Малого театра шла французская комедия Альбера Депли «Les Maucroix».

[167] Имеются в виду апелляционные департаменты Сената. В дореформенные годы их было девять: 2-й, 3-й, 4-й, 5-й в Петербурге (три первых — по гражданскому судопроизводству, 5-й — по уголовному), 6-й, 7-й, 8-й в Москве (6-й по уголовному судопроизводству), 9-й и 10-й в Варшаве (9-й — по уголовному, 10-й — по гражданскому судопроизводству). В связи с введением судебных уставов 1864 г. апелляционные департаменты постепенно закрывались. Так, с 1872-го по 1888 г. были ликвидированы 2-й, 3-й, 6-й — 10-й департаменты. К 1897 г. остались лишь два апелляционных департамента 4-й и 5-й для дореформенных судебных учреждений, сохраненных в Сибири, Средней Азии и ряде других окраин. В 1898 г. 4-й, 5-й и Межевой департаменты объединились в один Судебный. Вместо апелляционных департаментов было создано в 1866 г. два кассационных: уголовный и гражданский (Е р о ш к и н Н.П. Очерки государственных учреждений дореволюционной России. М., 1960).

[168] Установить, что представляли собою эти известия, не удалось.

[169] Имеется в виду один из пр. Саксен-Альтенбургских, скорее всего Альберт.

[170] По закону об учреждении императорской фамилии, изданному 5 апреля 1797 г., для всех членов императорской фамилии устанавливалась ежегодная сумма денег, получаемых ими за счет доходов с удельных имений. Размер этой суммы колебался от 500 тыс. руб. в год, выдаваемых ежегодно императору, до 60 тыс. руб. ассиг. для отдельных родственников. Уже в царствование Александра I, а особенно Николая I, начали выдаваться по распоряжению императора различные добавочные суммы. Это фактически приводило к тому, что средства из уделов выдавались не в соответствии с законом об учреждении императорской фамилии, а по усмотрению царя. 2 января 1864 г. Александр II дал указ на имя Департамента уделов о необходимости ограничить ежегодные выдачи сумм размерами, установленными законом об учреждении императорской фамилии. Однако в действительности это не соблюдалось, и расходы значительно превышали размеры, определенные законом 1797 г. (История уделов за столетие их существования 1797—1897 гг. Т. II. СПб., 1902. С. 5—16).

[171] В 1874 г. лорд Г. Редсток, английский протестантский проповедник, приехав в Петербург, начал вести пропаганду своих идей в великосветской среде. Одним из горячих приверженцев Редстока оказался отставной гвардейский полковник В.А. Пашков. Секта, созданная Редстоком, называлась сектой пашковцев. В 1876 г. Пашков получил разрешение на организацию «Общества поощрения духовно-нравственного чтения». Общество ставило своей задачей дать возможность людям из рабочей среды Петербурга приобретать по месту жительства и за дешевую цену книги <...> Священного писания и сочинения духовно-нравственного содержания. Это общество выпускало в свет различные брошюры религиозного содержания. Ближайшими помощниками Пашкова были его жена, Б.Г. Черткова, и другие дамы высшего света. В начале 80-х годов (1883—1884 гг.) Пашкову активную помощь оказывал М.М. Корф, являвшийся председателем общества. В 1884 г. общество было закрыто (Т е р л е ц к и й Г. Секта пашковцев. СПб., 1891; Л е с к о в Н.С. Великосветский раскол. Лорд Редсток и его последователи. СПб., 1877; П р у г а в и н А.С. Раскол вверху. Очерки религиозных исканий в привилегированной среде. СПб., 1909. С. 201—253).

[172] Вера Николаевна Фигнер, в замужестве Филиппова.

[173] Чиновник полиции Н.Д. Судовский.

[174] Убийство Г.П. Судейкина, инспектора С.-Петербургской секретной полиции, было совершено С.П. Дегаевым совместно с Н.П. Стародворским

и В.П. Канашевичем по предложению народовольцев-эмигрантов, проживавших в Париже. Народоволец С.П. Дегаев был арестован осенью 1882 г. в Одессе. Будучи человеком нестойких убеждений и к тому же крайне честолюбивым, Дегаев вступил на путь предательства, став послушным орудием ловкого и беспринципного полицейского агента подполковника Судейкина, наносившего своей деятельностью большой урон революционной партии. По словам Дегаева, Судейкин предложил ему устранить существующее руководство организации «Народная воля», возглавить ее лично и с помощью Судейкина и совместно с ним править Россией. Деятельность Дегаева по существу привела к гибели «Народной воли». Им были выданы виднейшие народовольцы, в частности В.Н. Фигнер, и вместе с тем окончательно разгромлена военная организация. Оказавшись весной 1883 г. за границей, Дегаев был обвинен народовольцами в предательстве, в котором вынужден был сознаться. Они предложили Дегаеву убить Судейкина, после чего обещали вывезти его из России. Убив Судейкина, Дегаев вернулся в Париж, где народовольцы вынесли ему приговор: предать его имя бесчестью и запретить ему под страхом смерти принимать участие в политической деятельности партии (Народная воля. 1884. № 10; «Дегаевщина». Материалы и документы // Былое. 1906. № 4. С. 18—88; Прибылева-Корба А. Сергей Петрович Дегаев // Там же. С. 1—17; ЦГАОР, ф. Департамента полиции, 7-е дел-во, 1883 г., д. 1903).

[175] Александра Ентыс, член Центрального комитета партии «Пролетариат», была классной дамой Александрийско-Мариинского института. 19 сентября 1883 г. она была задержана на почте в Варшаве, где получала корреспонденцию на имя Леонии Каминской. При обыске при ней найдены «три номера социально-революционной газеты «Пролетариат», два экземпляра преступного стихотворения «Варшавянка», несколько писем подозрительного содержания и две печатные кассовые квитанции с печатью партии «Пролетариат». По обыску на квартире ее, в доме института, найдено значительное количество разных запрещенных социалистических изданий на русском, польском и французском языках» (ЦГАОР, ф. Департамента полиции, оп. 168, 1883 г., д. 5, л. 125—126; Деятели революционного движения в России: Био-библиографический словарь. Т. III. Восьмидесятые годы. Вып. II. М., 1934. С. 1350—1351).

[176] Речь идет о коренной реконструкции казенного порохового завода для приспособления его к изготовлению бездымного пороха. Реконструкция произведена в начале 90-х годов XIX в. С 1893 г. на заводе началось массовое изготовление этого вида пороха (ЦГИА СССР, ф. Департамента государственной экономии, 1884 г., д. 623).

[177] См. комментарий 42 за 1884 г.

[178] Половцов не совсем точен. Как говорится в «Своде заслуживающих внимания сведений, полученных Департаментом полиции», во время похорон Судейкина был арестован сын итальянского подданного Степан Росси. «Ввиду того, — говорится в «Своде сведений», — что о последнем приезде Росси в Петербурге никому не было известно, между тем об этом Дегаев должен был бы сообщить Судейкину, является предположение, что Росси

прикосновенен к убийству. На допросе Росси отрицал участие свое в преступлении, показал, что прибыл в Петербург из Киева в минувшем ноябре по вызову Дегаева, который просил его заняться распространением последних преступных изданий, виделся он с Дегаевым несколько раз в условленных местах и последний раз накануне убийства» (ЦГАОР, ф. Департамента полиции, оп. 168, 1883 г., д. 5, л. 241). Участия в убийстве Судейкина Росси не принимал (там же, 7-е дел-во, оп. 180, 1883 г., д. 1309).

[179] См. комментарий 66.

1884 год

[1] Председателем Департамента законов был назначен барон А.П. Николаи, членами — Е.П. Старицкий, М.Е. Ковалевский, Е.А. Перетц, Э.В. Фриш, Г.П. Галаган, Д.Г. фон Дервиз; председателем Департамента гражданских и духовных дел — Н.И. Стояновский, членами — В.П. Титов, М.Н. Любощинский, В.Д. Философов, Б.П. Мансуров 2-й; председателем Департамента государственной экономии — гр. Э.Т. Баранов, членами — А.А. Абаза, Г.П. Небольсин, Н.В. Исаков, М.П. фон Кауфман, М.С. Каханов. Назначение председателей и членов департаментов проводилось ежегодно (ЦГИА СССР, ф. Государственной канцелярии, оп. т. XVI, 1884 г., д. 13, л. 4).

[2] Имеется в виду Комиссия для исследования железнодорожного дела в России, созданная в июле 1876 г. под председательством гр. Э.Т. Баранова из представителей министерств финансов, внутренних дел, юстиции, военного, государственных имуществ, государственного контроля и II отделения с. е. и. в. канцелярии. Программа Комиссии включала 12 пунктов. Первый из них ставил вопрос о соответствии существующей железнодорожной сети «экономическим, политическим и стратегическим потребностям государства». Комиссия просуществовала до ноября 1884 г. Материалы комиссии см.: ЦГИА СССР, ф. 1195, д. 1—454.

[3] См. комментарий 76.

[4] Проект университетского устава, ставивший своей задачей заменить действующий устав 1863 г., был разработан в период министерства гр. Толстого в конце 70-х годов и внесен в Государственный совет в феврале 1880 г. Изменение правительственного курса после взрыва в Зимнем дворце 5 февраля 1880 г., характеризовавшее дальнейшее развитие кризиса самодержавия, привело к отставке Толстого, и вопрос этот был отложен. В ноябре 1882 г. проект устава, разработанный Толстым, с небольшими поправками был внесен новым министром народного просвещения И.Д. Деляновым в Государственный совет. Проект устава предусматривал «усилить правительственное влияние на университетское управление» (ЦГИА СССР, ф. Департамента законов, 1884 г., д. 53, л. 35), т. е. ликвидировать университетскую автономию, предоставленную уставом 1863 г. Этого рассчитывали достигнуть за счет ограничения функций ученого совета и ректора и усиления власти правления университета и попечителя учебного округа. Так дела, касающиеся дисциплины студентов, а также хозяйственные, изыма-

лись из ведения «ученой корпорации». Предусматривалась ликвидация и университетского суда. Университетское преподавание должно было контролироваться правительством путем введения государственных экзаменов, проводимых представителями Министерства народного просвещения (см. комментарий 20). Материалы обсуждения устава см.: ЦГИА СССР, ф. Департамента законов, 1884 г., д. 53; Щетинина Г.И. Подготовка университетского устава 1884 г. // Научные доклады высшей школы. Исторические науки. 1961. № 1. С. 44—57.

[5] См. комментарий 9 за 1885 г.

[6] Исидор, митрополит Новгородский, Петербургский и Финляндский.

[7] Первая фраза крещенского тропаря — молитвы «Во Иордане крещающуся тебе, Господи».

[8] См. комментарий 110 за 1885 г.

[9] Имеется в виду императорская Главная квартира — структурная часть Военного министерства. Она возглавлялась министром императорского двора. В состав ее входила свита (ген.-адъютанты, ген.-майоры и флиг.-адъютанты); практическая деятельность сводилась в основном к организации путешествий царя (расписание следования поездов, охрана и т. д.) (Столетие Военного министерства. 1802—1902. Т. II. Ч. 1—4. СПб., 1902—1914).

[10] Речь идет о статье «Театральные чины, артисты и артистки», напечатанной в «Новом времени» 8 января 1884 г. и подписанной «Незнакомец». Статья принадлежала, по-видимому, А.С. Суворину (Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. Т. II. М., 1957. С. 257). В ней говорилось, что «в русской опере нет руководителя, нет директора, г. Всеволожский не может быть директором каждого театра отдельно и всех вместе... У каждого театра должен быть директор, на обязанности которого лежал бы выбор репертуара... Русский театр мало его интересует, ибо он совсем не удовлетворяет его вкусу».

[11] Ген. Аппер в период разгрома Парижской коммуны возглавлял органы военной юстиции. По данным, приводимым Н.М. Лукиным в его труде о Парижской коммуне, суду было предано 36 309 человек, из них 270 человек были приговорены к смертной казни (Лукин Н.М. Избранные труды. Т. 2. М., 1962. С. 484—485).

[12] Речь идет о вел. князьях Михаиле Николаевиче и Николае Николаевиче, получивших фельдмаршальское звание по окончании Русско-турецкой войны 1877—1878 гг.

[13] Указанной записки в фондах Комитета финансов и Особенной канцелярии министра финансов по кредитной части обнаружить не удалось.

[14] Коллекция П.А. Сабурова была приобретена Эрмитажем в 1884 г. Она состояла из античных бронзовых предметов и терракотовых статуэток (Архив Государственного Эрмитажа, ф. 1, оп. V, 1884 г., д. 13).

[15] См. комментарий 132 за 1883 г.

[16] Николай, Михаил, Георгий.

[17] Н.П. Игнатьев, как часто это случалось, сказал неправду. По его же воспоминаниям (ЦГАОР, ф. Игнатьева, д. 161), он вел о Земском соборе лишь разговоры с наследником престола в 1876 г. Никакой записки по этому поводу Игнатьев ни Александру II, ни его наследнику не представлял (Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880 гг. М., 1964. Гл. V).

[18] 14 марта 1883 г. Александр III принял решение передать Общество добровольного флота в ведение Морского министерства. 19 января 1884 г. в соединенных Департаментах законов и государственной экономии рассматривался проект управляющего Морским министерством адмирала Шестакова об управлении Восточным пароходством и о субсидиях Морскому министерству за рейсы, совершаемые судами данного пароходства между Одессой и портами на Тихом океане (ЦГИА СССР, ф. Департамента государственной экономии, 1884 г., д. 90, л. 102—104). Соединенные Департаменты отметили в нем ряд недостатков и, возвратив его в министерство, предложили создать особую комиссию из представителей различных ведомств для решения следующих вопросов: «а) какие меры должны быть приняты в исполнение высочайшего повеления об упразднении Общества добровольного флота и б) каким образом должно быть обеспечено на будущее время правильное сообщение с портами Восточного океана» (там же, л. 155).

[19] См. комментарий 163 за 1883 г.

[20] Идея о введении в университетах государственных экзаменов принадлежит Д.А. Толстому. Она поддерживалась М.Н. Катковым, который по этому поводу писал Александру II летом 1874 г.: «Самая важная часть предполагаемой реформы (нового университетского устава. — *П. З.*) заключается в положении об экзаменах, которые по проекту должны производиться не преподавателями из лекций, ими читанных, а особыми комиссиями по установленным общим программам, так что экзамены будут служить не только проверкой познаний студентов, но и регулятором лекций их профессоров. Программу государственных экзаменов определят и содержание и размеры университетских курсов» (Былое. 1917. № 4. С. 10).

[21] Половцов имеет в виду записку министра народного просвещения И.Д. Делянова, хранящуюся в деле «Об утверждении общего устава императорских российских университетов» (ЦГИА СССР, ф. Департамента законов, 1884 г., д. 53, л. 474—492). В этой записке, ходатайствуя о назначении ректоров и деканов правительственной властью, он писал: «Преподавание весьма многих нынешних профессоров как по содержанию, так и по способу изложения лишено серьезного научного характера и может иметь скорее вредные, чем полезные последствия для их слушателей. Необходимо серьезное начальническое наблюдение за преподаванием таких профессоров...» (там же, л. 481). Оценка университетского преподавания, данная Деляновым, не соответствовала действительности и была обусловлена его реакционными воззрениями.

[22] По-видимому, это намерение не было исполнено. Материалы об этом в фонде Главного управления печати за 1884 г. не обнаружены (ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 8).

[23] Николай, Георгий, Михаил.

[24] См. комментарий 75 за 1883 г.

[25] В 1880—1881 гг. сенатор М.Е. Ковалевский проводил ревизию в Оренбургской и Уральской губерниях, во время которой были обнаружены весьма крупные злоупотребления, выражавшиеся в массовом расхищении башкирских земель, розданных представителям высшей бюрократии. Это послужило причиной отставки П.А. Валуева с поста председателя Комитета министров.

[26] Сражение при Бар-сюр-Обе произошло 15 (27) февраля 1814 г. между союзными войсками и армией Наполеона (Богданович М. История войны 1814 г. во Франции и низложение Наполеона I по достоверным источникам. Т. I. СПб., 1865. С. 255—288).

[27] На заседании Комитета министров 14 его членов высказались против предложенной Особым совещанием министров меры — отдачи в солдаты студентов, исключенных из высших учебных заведений за участие в беспорядках. «14 особ выразили, — говорится в Особом журнале Комитета министров, — что принудительное привлечение молодых людей к продолжительному отбыванию воинской повинности едва ли в каком-либо случае будет иметь на них отрезвляющее влияние, а напротив того, произведет в них одно ожесточение, соделывая их тем самым доступными всяким зловредным влияниям; что оно вызовет неудовольствие в семействах осужденных, часто затрагивая их в самых дорогих и существенных интересах; наконец, что оно не встретит никакого сочувствия и в самой массе общества, которая в подобной мере усмотрит только суровость, не вознаграждаемую необходимыми условиями всякой кары — беспристрастной справедливостью» (ЦГИА СССР, ф. Комитета министров, д. 4378, ст. 118, л. 126—127). Пять членов и председатель Комитета министров Рейтерн одобрили предложение Особого совещания. Александр III наложил резолюцию: «...отложить окончательное решение этого дела до утверждения нового университетского устава» (там же, л. 83).

[28] См. комментарий 132 за 1883 г.

[29] По-видимому, имеются в виду «конституционные» проекты Лорис-Меликова (Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880 гг. Гл. III).

[30] 26 октября 1828 г. было образовано IV отделение с. е. и. в. канцелярии для управления благотворительными, а также женскими учебными заведениями, находившимися с 1796 г. в ведении жены Павла I, Марии Федоровны. В 1854 г. IV отделению было поручено «высшее руководство» детскими приютами. В 1880 г. IV отделение было переименовано в с. е. и. в. канцелярию по учреждениям императрицы Марии. В просторечье оно именовалось «Мариинским ведомством». Во главе его стоял главноуправляющий (Селезнев И.Л. Пятидесятилетие IV отделения собственной его императорского величества канцелярии. 1828—1878. СПб., 1878).

[31] См. ст. 81 «Учреждения Государственного совета и Государственной канцелярии», утвержденного 15 апреля 1842 г. (ПСЗ. Собр. 2. Т. XVII. № 15518).

[32] Имеется в виду нумизматический кабинет.

[33] Коллекция А.П. Базилевского состояла из древнего русского, западноевропейского, восточного оружия и изделий из слоновой кости (Архив Государственного Эрмитажа, ф. 1, оп. V, 1884 г., д. 33. Т. I — II).

[34] 25 ноября 1883 г. в Государственный совет была внесена записка начальника Главного тюремного управления М.Н. Галкина-Врасского «Об управлении островом Сахалином», к которой был приложен «Проект временного положения об управлении островом Сахалин». Галкин-Врасский указывал, что ссылка на каторжные работы на остров начала проводиться с 1869 г. и к концу 1883 г. здесь находится около 3500 каторжан (ЦГИА СССР, ф. Департамента законов, 1884 г., д. 35, л. 2). Далее в записке говорилось, что, несмотря на возрастающее значение острова, здесь отсутствуют самостоятельное административное управление и соответствующие судебные учреждения. Существующая там тюремная администрация, образованная в 1870 г., не принимает во внимание интересы свободного населения, общее число которого достигает 27 тыс. человек. В связи с этим предлагалось создать на Сахалине три тюремных округа: Александровский, Тымовский и Корсаковский, подчинив им уездную и сельскую полицию. Таким образом, тюремная администрация должна была приобрести характер местной власти. Во главе острова должен был стоять начальник острова. Проект управления островом предполагал отделение его от Приморской области и непосредственное подчинение восточносибирскому генерал-губернатору.

Представленный проект обсуждался соединенными Департаментами законов и государственной экономии 20 февраля 1884 г. и был в основном одобрен. 30 апреля 1884 г. Общее собрание Государственного совета подтвердило заключение соединенных Департаментов. 15 мая Положение об управлении островом было утверждено императором. Оно вводилось на пять лет (ПСЗ. Собр. 3. Т. IV. № 2233).

[35] Согласно учреждению об императорской фамилии от 5 апреля 1797 г. совершеннолетие членов императорской фамилии наступало для обоего пола в 20 лет, если же брак совершался ранее совершеннолетия, то оно определялось с этого момента. (ПСЗ. Собр. 1. Т. XXIV. № 17906, § 26). По изданному в тот же день «Акту» (там же, № 17910) совершеннолетие государей обоего пола и наследников наступало в 16 лет.

[36] Николай, Михаил, Георгий, Александр, Сергей.

[37] Вел. кн. Михаил Николаевич, по должности генерал-фельдцейхмейстер (начальник артиллерии), был шефом 1-й батареи 2-й л.-гв. артиллерийской бригады и 2-й батареи л.-гв. конной артиллерийской бригады. Командирами батарей были полковники.

[38] Указ «О переименовании Инспекторского департамента Морского министерства в Главный морской штаб» был подписан Александром III 20 февраля 1884 г. (ПСЗ. Собр. 3. Т. IV. № 2044). «В Главном морском штабе, — говорилось в законе, — сосредотачивается: а) управление флотом в боевом отношении, движениями судов и всею строевою частью флота и б) дела, касающиеся личного состава флота».

В соответствии с этим Главный морской штаб подразделялся на два отдела: военно-морской и личного состава. Начальник Главного морского штаба являлся помощником управляющего Морским министерством.

[39] Результатом обсуждения этого дела в Государственном совете явилось издание 1 мая 1884 г. закона «Об установлении размера акциза на тузем-

ный сахар с 1 августа 1886 г.» (ПСЗ. Собр. 3. Т. IV. № 2193). С 1 августа 1886 г. по 1 августа 1889 г. акциз должен был составлять 85 коп. с пуда, а с 1 августа 1889 г. — 1 руб. (ЦГИА СССР, ф. Департамента государственной экономии, 1884 г., д. 131).

[40] В.Д. Философов являлся председателем «Высочайше учрежденной комиссии по пересмотру законоположений о казенных заготовлениях и хозяйственных операциях».

1 марта 1884 г. Философов прислал на имя Половцова проект «Положения о казенных заготовлениях, производимых с торгов». 3 марта проект был передан на рассмотрение в Департамент гражданских и духовных дел.

Судя по делопроизводству комиссии Департамента и описям фондов Государственного совета, указанный проект в 1884—1885 гг. не был рассмотрен. Сам проект обнаружить не удалось. Комиссия по пересмотру законоположений по казенным поставкам в 1889 г. прекратила свое существование.

[41] 3 и 10 марта 1884 г. в соединенных Департаментах рассматривалось представление министра внутренних дел «О некоторых изменениях в порядке управления и хозяйства в с.-петербургских местах заключения». В представлении ставился вопрос об упразднении и переименовании ряда тюрем, об отстранении комитетов попечительства о тюрьмах от участия в тюремном управлении и хозяйстве. Против этого возражал министр юстиции Набоков. Предложения Толстого были в основном приняты (ЦГИА СССР, ф. Департамента законов, 1884 г., д. 44; ПСЗ. Собр. 3. Т. IV. № 2267).

[42] 22 мая 1884 г. было утверждено мнение Государственного совета «О соединении почтовых и телеграфных учреждений». Почтовый и телеграфный департаменты соединялись в Главное управление почт и телеграфов в составе Министерства внутренних дел (ПСЗ. Собр. 3. Т. IV. № 2248; ЦГИА СССР, ф. Департамента законов, 1884 г., д. 40).

[43] Речь идет о тифлисском кружке военной организации «Народной воли» (см. комментарий 130 за 1883 г.), созданном в 16-м гренадерском Мингрельском пехотном полку. Кружок состоял из 9 офицеров этого полка и был создан А.П. Корбой летом 1881 г. Непосредственной причиной разгрома кружка явилось предательство одного из его членов — поручика Анисимова, давшего 1 декабря 1882 г. в Кутаисском жандармском управлении «откровенные показания». Следственное дело см.: ЦГВИА, ф. С.-Петербургского военно-окружного суда, 1351, оп. 3, д. 51; см. также: Ашенбреннер М.Ю. Военная организация «Народной воли». М., 1924.

[44] См. комментарий 170 за 1883 г.

[45] Претензии американских предпринимателей Уайненса (Вайненса) и Гаррисона, заключивших в начале 50-х годов контракт с правительством на ремонт подвижного состава и паровозов Николаевской железной дороги, были предъявлены еще в 1856 г. Они потребовали уплаты 4 млн. руб., причем 2,5 млн. руб. из этой суммы им было уплачено. В 60-х годах они предъявили новые претензии. 23 сентября 1886 г. Комитет министров за давностью прекратил дело (ЦГИА СССР, ф. Комитета министров, д. 4535, ст. 690, л. 199—203; ф. Департамента железнодорожных дел Министерства финансов, оп. 1, д. 1698).

[46] По-видимому, речь идет об увеличении государственного поземельного налога в связи с отменой подушной подати. На 1884 г. он увеличивался с 7640 тыс. руб. до 11 650 тыс. руб. Соединенные Департаменты рассматривали этот вопрос 3 декабря 1883 г., Общее собрание — 2 января 1884 г. (ЦГИА СССР, ф. Департамента государственной экономии, 1883 г., д. 544).

[47] См. комментарий 132 за 1883 г.

[48] Имеется в виду именной указ Сенату 8 марта 1884 г. (ПСЗ. Собр. 3. Т. IV. № 2074).

[49] См. комментарий 59.

[50] Представление Морского министерства об учреждении общества с.-петербургских лоцманов рассматривалось в соединенных Департаментах законов и государственной экономии 30 апреля и 10 марта 1883 г. 14 апреля 1884 г. вопрос этот пересматривался в связи с замечаниями министра путей сообщения Посьета (замечания его см. в ЦГИА СССР, ф. Департамента законов, 1884 г., д. 18, л. 65—69). Общим собранием 30 апреля 1884 г. в представленный проект был внесен ряд изменений (там же, д. 18; ПСЗ. Собр. 3. Т. IV. № 2237).

[51] Речь идет о XII передвижной выставке, открытой в Петербурге 26 февраля 1884 г. в доме кн. Юсупова (Невский проспект, дом 86).

[52] См. комментарий 152 за 1883 г.

[53] Указанной записки обнаружить не удалось. По-видимому, она была написана в связи с деятельностью образованного в 1846 г. Комитета для пересмотра устава о службе гражданской (см. комментарий 152 за 1883 г.).

[54] См. комментарий 107 за 1885 г.

[55] Указанной записки в фонде Комитета финансов и Особенной канцелярии министра финансов по кредитной части обнаружить не удалось.

[56] Фигурная манежная езда по специальной программе, в которой принимали участие полковые дамы различных гвардейских частей. Карусель ведет свое начало от рыцарских турниров.

[57] Вел. кн. Ольга Николаевна.

[58] В этой записке, представленной царю и одобренной им 16 марта 1884 г., Бунге писал: «Господствующее мирное настроение и некоторое возвышение цен на наши процентные бумаги как внутри империи, так и за границей, а равно изобилие денежных капиталов на европейских биржах делают настоящий момент весьма удобным для заключения займа» (ЦГИА СССР, ф. Комитета финансов, оп. 2, д. 255, л. 6). В связи с этим он предлагал произвести выпуск 5%-ного консолидированного займа для «возврата Государственному казначейству сумм, затраченных на расходы по сооружению железных дорог, а равно и с целью содействия устройству новых железнодорожных путей» (там же, л. 13). Заем предполагалось выпустить на сумму 15 млн. фунтов стерлингов.

Комитет финансов одобрил предложение Бунге, но в своем решении подчеркнул в принципе преимущество внутреннего кредита перед внешним, отметив, что в настоящее время «при застое в хлебной торговле и в сбыте заводских и фабричных произведений, а равно вследствие отсутствия в России значительных сбережений, из коих образуются свободные капиталы, ищущие

помещения, едва ли можно рассчитывать на то, что сколько-нибудь крупный заем мог иметь успех внутри империи и не сопровождался бы крайним стеснением промышленности и торговли» (там же, л. 21). Решение Комитета финансов было одобрено Александром III 28 марта 1884 г.

[59] Несмотря на противодействие Половцова, этот вопрос был решен положительно. 24 апреля 1884 г. был издан закон «О продолжении содержания акционерным обществом под фирмой «Кавказ и Меркурий» срочных пароходных сообщений на Каспийском море» (ПСЗ. Собр. 3. Т. IV. № 2167). По этому закону общество получило «содержание срочных пароходных сообщений на Каспийском море» сроком на 15 лет, начиная с 1 января 1884 г. «За совершение судами... по обязательным линиям 208652 миль» правительство обязывалось выдавать в виде помильной платы пособия не свыше 275 400 руб. в год.

[60] См. комментарий 12.

[61] См. комментарий 101 за 1883 г.

[62] Курорт в Верхней Баварии.

[63] Имеются в виду дела Государственного совета.

[64] Речь, вероятно, идет об образце переделочной магазинной 4,2-линейной винтовки, представленной начальником инструментальной мастерской Тульского оружейного завода капитаном С.И. Мосиным. В 1883—1889 гг. «Особой комиссией по испытанию магазинных ружей» был показан ряд образцов переделочной винтовки русских (Лутковский, Квашневский, Мосин, Роговцев) и иностранных конструкторов.

Согласно послужному списку С.И. Мосина, он как раз в это время прибыл в Петербург «для присутствия при испытании магазинных ружей разработанной им системы» (ГИАЛО, ф. Сестрорецкого оружейного завода, д. 5223, л. 14).

Впоследствии С.И. Мосин изготовил 3-линейную винтовку образца 1891 г. (Федоров В.Г. Эволюция стрелкового оружия. Ч. I. М., 1937. С. 163—170; Ашурков В.Н. Конструктор С.И. Мосин. Тула, 1949. С. 13—16).

[65] В период Русско-турецкой войны вел. кн. Владимир Александрович командовал 12-м армейским корпусом, находившимся в составе Рущукского отряда. 12-й армейский корпус отразил успешно атаки турок в районе Мечки и Тростенника 14 и 30 ноября 1877 г. Вел. кн. Владимир Александрович был щедро награжден своим отцом, Александром II, орденом Георгия 3-й степени и бриллиантовой шпагой с надписью «14 и 30 ноября 1877 года». Д.А. Милютин в своем «Дневнике» (т. II. М., 1949. С. 245, 252), М.А. Газенкампф в книге «Мой дневник» (СПб., 1908. С. 182, 214), упоминающие об этих боях, ничего не говорят о личной храбрости вел. кн. Владимира.

[66] См. комментарий 111 за 1883 г.

[67] На основе решения Государственного совета в Харькове было открыто высшее учебное заведение — Практический технологический институт с пятилетним сроком обучения (ЦГИА СССР, ф. Департамента государственной экономии, 1884 г., д. 176; ПСЗ. Собр. 3. Т. IV. № 2285; Положение о Харьковском практическом технологическом институте // ПСЗ. Собр. 3. Т. V. № 2870. 16 апреля 1885 г.).

[68] См. комментарии 4 и 20.

[69] Мариинский дворец, расположенный на Исаакиевской площади, был построен в 1839—1844 гг. архитектором А.И. Штакеншнейдером для дочери Николая I, вел. кн. Марии Николаевны, вышедшей замуж за герцога Максимилиана Лейхтенбергского. После ее смерти в 1876 г. дворец перешел к ее детям, которые и продали его казне. С начала 80-х годов в Мариинском дворце находились Государственный совет и Комитет министров.

[70] Материалы комиссии в архивных фондах Военного министерства не обнаружены. По данным «Обзора важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях империи с 1 января по 1 июля 1883 года по делам о государственных преступлениях» (ЦГАОР, ф. Департамента полиции, оп. 252, д. 2, л. 41—44), число арестованных офицеров составляло 40. Список опубликован в приложении к воспоминаниям М.Ю. Ашенбреннера «Военная организация «Народной воли». С. 185—191. По данным В.Я. Богучарского, с 1880-го по 1883 г. было привлечено по обвинению в принадлежности к «Народной воле» 67 офицеров (Богучарский В.Я. Из истории политической борьбы в 70—80-х годах XIX в. Партия «Народной воли», ее происхождение, судьба и гибель. М., 1912. С. 143).

[71] Половцов допускает неточность: офицеры выпускались из военных и юнкерских училищ, а не из кадетских корпусов (см. комментарий 116 за 1883 г.).

[72] Богословский горный округ в Верхотурском уезде Пермской губернии возник во второй половине XVIII в. на базе медных, железорудных и других ископаемых (золото, платина). Первые заводы были построены в 1760—1770 гг. верхотурским купцом Походяшиным. В 1791 г. Богословский горный округ был продан в казну. В 1875 г. заводы, рудники и земли округа были проданы ст. сов. Башмакову, а после его смерти Богословский округ приобрел Половцов (Доклад горного инженера А.А. Ауербаха в Русском техническом обществе. СПб., 1882; ЦГИА СССР, ф. Богословского акционерного общества).

[73] Имеется в виду парадная форма, в которой для членов первых четырех классов гражданского ведомства полагались белые суконные или лосиные панталоны.

[74] См. комментарий 79.

[75] 7 и 12 мая 1884 г. в соединенных Департаментах рассматривалось два представления министра юстиции от 20 апреля 1884 г.: 1) о некоторых изменениях в порядке составления списков присяжных заседателей и 2) об отводе присяжных заседателей. Соединенные Департаменты в целом одобрили эти представления. 29 мая они были утверждены Общим собранием Государственного совета, а 12 июня — Александром III (ЦГИА СССР, ф. Департамента законов, 1884 г., д. 58).

[76] В конце декабря 1883 г. министром юстиции был представлен в Государственный совет проект Общего наказа судебным установлениям, предусматривавший некоторые изменения судебных уставов 20 ноября 1864 г. Проект был разработан Комиссией сенатора Розинга. Основная суть его заключалась в создании Высшего дисциплинарного присутствия Сената, которое

по представлению министра юстиции должно было обсуждать поступки судей, не подлежащие рассмотрению в судебном порядке. Наряду с этим проект касался вопроса распределения судей по департаментам судебных палат, определял роль председателей окружного суда и судебных палат в части надзора и т. д.

Вопрос этот обсуждался в соединенных Департаментах гражданских и духовных дел 12 и 15 мая 1884 г., 11 и 18 марта 1885 г. соединенные Департаменты одобрили в целом представленный проект, внеся в него некоторые незначительные изменения. 7 мая 1885 г. Общее собрание Государственного совета подтвердило в целом решение соединенных Департаментов, 20 мая оно было утверждено Александром III (ЦГИА СССР, ф. Департамента законов, 1885 г., д. 26).

Закон «О порядке издания общего наказа судебным установлениям и о дисциплинарной ответственности членов судебного ведомства» (ПСЗ. Собр. 3. Т. V. № 2959) должен был ликвидировать принцип несменяемости судей. Однако практическое значение этого закона невелико. За 9 лет (1886—1894 гг.), согласно журналам Высшего дисциплинарного присутствия, были отстранены от должности за предосудительный образ действий всего два человека (ЦГИА СССР, ф. Высшего дисциплинарного присутствия, д. 517—526).

[77] 24 апреля, 1 и 10 мая 1884 г. в Комитете министров рассматривался вопрос о недопустимости совмещения государственной службы «с занятиями в акционерных, промышленных, торговых и кредитных обществах». Комитет вынес решение о том, что впредь до издания закона запретить подобное участие членам Государственного совета, министрам, главноуправляющим, товарищам министров, сенаторам, а также начальникам главных управлений Военного и Морского министерств. Во второй половине 1884 г. в Комитете министров рассматривались «Правила о порядке совмещения государственной службы с участием в торговых и промышленных товариществах и компаниях, а равно в общественных и кредитных установлениях», утвержденные 3 декабря 1884 г. Александром III. Правила воспрещали подобное участие всем чинам первых трех классов по Табели о рангах, лицам судебного ведомства, а также состоящим на военной службе. Исключение составляли лишь товарищества и компании, «предмет деятельности которых ограничивается исключительно обработкой на месте сельскохозяйственных произведений принадлежащих тем лицам имений и эксплуатацией минеральных богатств в тех же имениях» и других подобных товариществах (ЦГИА СССР, ф. I отд. с. е. и. в. канцелярии, оп. 4, д. 10079).

[78] В «Своде заслуживающих внимание сведений, полученных Департаментом полиции», указывается, что в ночь на 13 мая почтовый поезд, вышедший из Москвы, близ ст. Бологое потерпел крушение. При этом пострадало 8 человек. «Крушение, — говорилось в своде, — произведено, по-видимому, злоумышленниками, вывинтившими болты рельсовых стыков, причем есть некоторое основание предполагать, что преступление совершено уволенными от службы железнодорожными служащими из мести к своему бывшему начальнику» (ЦГАОР, ф. Департамента полиции, 3-е дел-во, оп. 168, 1884 г., д. 6, л. 257). По поводу этого управляющий Морским министерством адмирал И.А. Шестаков в своем дневнике за 14 мая сделал следующую запись: «На Николаевской дороге катастрофа, почтовый поезд потерпел крушение... ехавший вел. кн. Сергей принимал участие в помощи. Посьет телеграфировал, что это повторение Екатерининской дороги (имеется в виду попытка крушения императорского поезда, предпринятая А.И. Желябовым под Александровском в ноябре 1879 г. — П. З.), что это злоумышление. Мы посмеялись, что теперь все будут валить на нигилистов, а оказалось, что действительно из злобы на соседа сторож развинтил смычки» (ЦГАВМФ, ф. И.А. Шестакова, д. 5, л. 32).

[79] В «Московских ведомостях» 17 апреля и 4 мая 1884 г. были опубликованы передовые статьи, направленные против Государственной канцелярии. Обе они были посвящены вопросу обсуждения университетского устава в Государственном совете. В первой из них Катков, говоря о медлительности Государственного совета в этом вопросе, в частности, писал: «Враги русского государства и русского образования для борьбы против этого устава подают руку петербургским либералам, эти руки не раз соединялись и прежде во всякой интриге, имеющей своим лозунгом: «Чем хуже, тем лучше».

По поводу этих статей Половцов писал Победоносцеву 8 мая: «Я не предполагаю переносить покровительствуемую правительством брань и при первом повторении подобных статей не стану подражать Набокову, утирающемуся, когда ему плюют в лицо, и попрошу назначить в гос[ударственные] секретари кого-нибудь по выбору Каткова» (К.П. Победоносцев и его корреспонденты. Т. I, полутом 2. Пг., 1923. С. 460—461).

[80] См. комментарий 133 за 1883 г.

[81] После закрытия «Общества поощрения духовно-нравственного чтения» (см. комментарий 171 за 1883 г.) В.А. Пашкову было предъявлено требование прекратить распространение Евангелия и религиозно-нравственных брошюр и ведение пропаганды, о чем он должен был дать подписку. После своего отказа по решению Особого совещания Пашков со всей семьей и М.М. Корф были высланы из пределов России. Остальные последователи — гр. А.П. Бобринский, Е.И. Черткова, кн. В.Ф. Гагарина, Н.П. Зиновьев, Н.Ф. фон Крузе — были отданы под надзор полиции. Огромную роль в этом сыграл обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев. В 1887 г. Пашкову было разрешено вернуться в Россию, где он снова начал вести религиозную пропаганду (Письма Победоносцева к Александру III. Т. II. М., 1926. С. 158—160, 163).

[82] В л.-гв. Конном полку было два священника: Евдоким Семенович Крещенский и Григорий Александрович Рождественский; который из них имеется в виду, установить не удалось.

[83] Протоиерей Василий Иванович Лебедев.

[84] Лебедев.

[85] Речь идет об Особом совещании министров внутренних дел, государственных имуществ, финансов, военного, путей сообщения и императорского двора, созванном Александром III для рассмотрения доклада Д.А. Толстого о крестьянских переселениях. Толстой предлагал ввести новые ограничения в отношении переселения крестьян. Заседания Особого совещания происходили 26 апреля и 17 мая 1884 г. Александр III одобрил общие положения

доклада. Для детальной же разработки этого вопроса была образована комиссия под председательством В.К. Плеве (ЦГИА СССР, ф. Департамента законов, 1889 г., д. 43, л. 5; Доклад Толстого см.: ЦГИА СССР, ф. В.И. Вешнякова, д. 107, л. 10—18).

[86] Представление министра юстиции Набокова предполагало изъятие из ведения Общих собраний Сената некоторой части сравнительно маловажных дел. Оно было рассмотрено соединенными Департаментами 18 мая 1884 г. и Общим собранием Государственного совета 29 апреля 1885 г. (ЦГИА СССР, ф. Департамента гражданских и духовных дел, 1886 г., д. 69).

[87] См. комментарий 79.

[88] Департамент таможенных сборов Министерства финансов сделал представление в Государственный совет о расширении Батумского порто-франко, ограниченного территорией в 324 дес. и 218,5 кв. саженей. По условиям Берлинского конгресса Батумский порт был объявлен порто-франко, т. е. портом, пользующимся правом беспошлинного ввоза и вывоза товаров. Ходатайство о расширении территории порто-франко мотивировалось интересами развития нефтяной промышленности. «Необыкновенное обилие нефти, хранящейся в недрах Кавказского края, — говорилось в представлении, — дает основание предполагать, что нефть может составлять огромную статью нашей отпускной торговли. В настоящее время необходимые для нефтяных заводов машины и аппараты, при высокой пошлине на них, стоят слишком дорого, покупка же таких машин и аппаратов отечественного изделия или весьма затруднительна, или обходится также слишком дорого. Право беспошлинного получения нефтяными заводчиками вышеозначенных предметов значительно удешевило бы нефтяное производство и дало бы возможность нашим нефтяным продуктам конкурировать с продуктами заграничными, а таковое право может быть достигнуто включением в черту порто-франко той местности, где помещаются нефтяные заводы и где предполагается устроить еще новые» (ЦГИА СССР, ф. Департамента государственной экономии, 1884 г., д. 217, л. 10).

Соединенные Департаменты государственной экономии и законов отказались удовлетворить это ходатайство, руководствуясь тем, что «расширение черты Батумского порто-франко неминуемо повлекло бы за собой некоторое усиление контрабанды, увеличило бы потребность в таможенном надзоре, вызвало бы довольно значительный расход на устройство новой границы искусственных преград и вообще не согласовалось бы с первоначальными видами правительства, стремившегося ограничить по возможности малой территорией невыгодное для наших торговых интересов существование порто-франко в Батуме» (там же, л. 11). Соединенные Департаменты сочли лишь возможным обсудить вопрос о некоторой временной льготе для нефтепромышленников, выражающейся в возврате таможенных пошлин за иностранную жесть. 1 июля решение было утверждено царем.

[89] В Государственный совет министром финансов Бунге было сделано два представления: «По вопросу о пошлине на каменный уголь и кокс» от 29 марта 1884 г. и «Об изменении пошлины на чугун не в деле» от 17 апреля. В первом представлении рекомендовалось установить пошлины в $1^1/_2$ коп. золотом с пуда каменного угля и кокса, привозимого по западной сухопутной границе, а также через порты Черного и Азовского морей. Наряду с этим сохранялся беспошлинный привоз угля и кокса через порты Балтийского моря и Архангельск. Второе представление предусматривало установление пошлины с чугуна в штыках и в ломе, привозимого как сухопутным, так и морским путем, с 1 июля 1884 г. по 1 марта 1885 г. в размере 9 коп. золотом с пуда, с 1 марта 1885 г. по 1 марта 1886 г. в размере 12 коп. с пуда и с 1 марта 1886 г. — по 15 коп. с пуда. В течение 10 лет, т. е. до 1894 г., было решено пошлин не снижать.

19 мая 1884 г. эти представления рассматривались в соединенных Департаментах, которые поддержали представление Бунге по первому вопросу при трех против, по второму — при одном, подчеркнув, что они «проникнуты стремлением и одною общею мыслью оказать путем таможенных пошлин покровительство отечественной промышленности» (ЦГИА СССР, ф. Департамента государственной экономии, 1884 г., д. 203, л. 371). Соединенные Департаменты внесли лишь одно изменение: пошлины на чугун не подлежали понижению в течение не 10, а 12 лет. 4 июня 1884 г. Общее собрание большинством голосов (33 против 6) подтвердило решение соединенных Департаментов. 16 июня Александр III утвердил мнение большинства (ПСЗ. Собр. 3. Т. IV. № 2323).

[90] Речь идет о законе от 1 января 1881 г. «Об уплате долга Государственного казначейства Государственному банку» (ПСЗ. Собр. 2. Т. V. № 61730). Этот закон предусматривал порядок погашения чрезвычайных расходов, вызванных войной 1877—1878 гг. Эти расходы частично покрывались выпуском кредитных билетов. Сумма задолженности казначейства Государственному банку составляла 800 млн. руб. 400 млн. руб. казначейство обязывалось возвратить Государственному банку единовременно, а остальные 400 млн. — в течение 8 лет, ежегодно погашая по 50 млн. руб. Проект закона был представлен министром финансов на основе рассмотрения данного вопроса Особым комитетом.

[91] В целях очередного погашения долга 1 января будущего 1885 г. министр финансов просил разрешения созвать Комитет финансов для рассмотрения вопросов о разрешении производить уплату Государственному банку 50 млн. руб. не кредитными билетами, а процентными бумагами и о том, чтобы «вместо уничтожения кредитных билетов усиливать металлический фонд Государственного фонда» (ЦГИА СССР, ф. Особенной канцелярии министра финансов по кредитной части, оп. 4, д. 294, л. 67). Александр III разрешил созыв Комитета финансов. Журнал комитета, по-видимому, не сохранился.

[92] См. комментарий 72.

[93] Имеется в виду лицей в память цесаревича Николая, именовавшийся Катковским, основанный 13 января 1868 г. по инициативе М.Н. Каткова на средства его, П.М. Леонтьева, С.С. Полякова и П.Г. Дервиза. Лицей состоял из гимназических и лицейских классов, т. е. давал среднее и высшее образование, находился в Москве, на Крымской площади. В настоящее время в здании лицея находится Институт международных отношений.

[94] 26 мая в соединенных Департаментах законов и государственной экономии рассматривалось представление министра внутренних дел Д.А. Толсто-

го «О выделении из ведения Главного управления Восточной Сибири областей: Амурской, Забайкальской и Приморской Владивостокского военного губернаторства, острова Сахалина и создания Приамурского генерал-губернаторства». Постановка этого вопроса была связана с ухудшением дипломатических отношений с Китайской империей. Соединенные Департаменты одобрили представление, не согласившись лишь на изменение существующего административного деления внутри созданного края. 4 июня Общее собрание Государственного совета утвердило решение соединенных Департаментов (ЦГИА СССР, ф. Департамента законов, 1884 г., д. 60).

95 Имеется в виду библейская легенда о Ное и его втором сыне Хаме.

96 Эти требования заключались в предложении о ликвидации выборов лекторов, деканов и секретарей факультетов и Совета. Они были поддержаны 19 членами Общего собрания. Против выступили 25 членов (П.А. Валуев, А.В. Головнин, А.П. Николаи и др.). Кроме того, в Общем собрании возникло новое разногласие по вопросу об оплате гонорара, взимаемого со студентов в пользу профессоров и преподавателей (ЦГИА СССР, ф. Департамента законов, 1884 г., д. 53, л. 623—644, 698—714).

97 См. комментарий 75.

98 По-видимому, речь идет о разногласии (мнении двух членов) по вопросу об упразднении Комиссии прошений. См. настоящее издание. Т. 1. С. 225.

99 Елизавета-Александра-Луиза-Алиса, принцесса Гессенская, получившая после замужества имя Елизавета Федоровна.

100 Согласно донесению начальника киевского губернского жандармского управления в Департамент полиции от 4 июня 1884 г., «в м[естечко] Шпола Черкасского у[езда] направлены две роты пехоты и сотня казаков вследствие обнаруженного со стороны крестьян своеволия в отношении потрав посевов яровых хлебов в имении бывшего министра финансов Абазы, причем крестьяне избили стражников и помощника управляющего имением» (Крестьянское движение в России в 1881—1889 гг. М., 1960. С. 301).

24 июня и. д. харьковского губернатора сообщал в Департамент полиции, что крестьяне с. Дмитровки Лебединского уезда «упорно отказываются признать силу судебного решения Харьковской судебной палаты об изъятии из их владения земли мерой в 8 дес. 200 кв. саженей в пользу гр. Мих. Мих. Толстого, причем, несмотря на увещания и разъяснения со стороны местных судебных и полицейских властей, крестьяне оказали даже активное противодействие судебному приставу» (там же, с. 382). Волнение крестьян продолжалось с мая до конца июня 1884 г. и было прекращено после ввода в село трех эскадронов 28-го Новгородского драгунского полка.

101 По-видимому, речь идет о мичмане 7-го флотского экипажа Григории Скворцове, давшем наиболее «откровенные показания» на следствии по делу о кронштадтском военном кружке «Народной воли». Скворцов в своем показании назвал Завалишина, Юнга, Карабановича, Штромберга, Серебрякова, Разумова, Суханова и В.Н. Филиппову (Фигнер) (ЦГАОР, ф. Департамента полиции, 3-е дел-во, оп. 168, 1884 г., д. 6, л. 278—295).

102 См. комментарий 6 за 1885 г.

103 См. комментарий 81.

104 Речь идет о записке министра путей сообщения, представленной им в Комитет министров 1 июня 1884 г., в которой он настаивал на строительстве Сибирской железной дороги в направлении от Самары на Уфу и Челябинск, вопреки принятому в 1875 г. предложению о строительстве ее от Нижнего Новгорода на Екатеринбург. Вопрос этот рассматривался 18 декабря 1884 г. и 2 января 1885 г. в Комитете, который поддержал предложение министра и одновременно высказался и за постройку линии Москва—Казань (Саблер С.В. и Сосновский И.В. Сибирская железная дорога в ее прошлом и настоящем. СПб., 1903. С. 49—63).

105 По-видимому, принц Генрих-Людвиг.

106 Георг I.

107 См. комментарий 152 за 1883 г.

108 См. комментарий 72.

109 Имеется в виду учреждение в 1884 г. Особого присутствия при Государственном совете сроком на один год для рассмотрения жалоб на определения департаментов Сената. Председателем присутствия был назначен М.С. Каханов. Делопроизводство было возложено на Государственную канцелярию. По истечении года срок деятельности Особого присутствия был продлен (Государственный совет. 1801—1901. СПб., 1901. С. 180; ПСЗ. Собр. 3. Т. IV. № 2305).

110 См.: Metternich Clemens Wenzel Lothar. Mémoires documents et écrits divers laissés par le prince de Metternich, chancelier de cour et d'etat, publics par son fils le prince Richard de Metternich, classes et réunis par M.A. de Klinkovstroen, t. 1—8. Paris, 1880—1884.

111 Указанные доклады в фондах Государственного контроля не сохранились (ЦГИА СССР, ф. 576, оп. 1, Канцелярия, оп. 23, Департамент железнодорожной отчетности).

112 Имеется в виду Летний дворец в Петергофе, построенный в 1830 г. по проекту архитектора Менеласа. Назван по имени жены Николая I — Александры Федоровны.

113 В конце июня 1884 г. в Варшаве были произведены аресты членов польской революционной партии «Пролетариат». В квартире одного из активнейших членов этой партии, мирового судьи Бардовского, была обнаружена тайная типография и большое количество нелегальных изданий, по данным Департамента полиции, до 2300 экземпляров. Было арестовано свыше тысячи человек. Как сообщает один из деятелей этой организации Ф. Кон, к суду были привлечены 29 человек: мировой судья П.В. Бардовский, студенты Ст. Куницкий, Ф. Кон, Ст. Пацановский, Т. Рехневский, Л. Янович, Л. Варынский, офицеры А. Ингельстром, З. Сокольский, Н. Люри, кандидат прав Э. Плосский, рабочие — ткачи Я. Петрусинский, Т. Блиох, Л. Дегурский, Г. Госткевич, Я. Гельшер, К. Томашевский, Ст. Бугайский, столяры М. Маньковский, А. Форминский, сапожник М. Оссовский, слесарь И. Шмаус и др. Бардовский, Петрусинский, Оссовский и Куницкий были казнены, а остальные приговорены к разным срокам каторжных работ. Административному наказанию подвергнуты 160 человек (Кон Ф. Пролетариат. М., 1931).

[114] В действительности этого не произошло. Наоборот, с 1884 г. Плеве становится товарищем министра внутренних дел. На пост директора Департамента полиции и был назначен П.Н. Дурново, общее руководство департаментом оставалось за ген. Оржевским.

[115] Курорт недалеко от г. Касселя.

[116] 3 (15)—5 (17) сентября 1884 г. в Скерневицах происходила встреча трех императоров: Александра III, Франца-Иосифа и Вильгельма I; свидание было вызвано ухудшением австро-русских отношений в связи с балканскими событиями. Переговоры несколько ослабили напряженность во взаимоотношениях России и Австро-Венгрии, не разрешив, однако, спорных вопросов (С к а з к и н С.Д. Конец австро-русско-германского союза. Т. I. М., 1928. С. 355; Die grosse Politik der Europäischen Kabinette. 1871—1914, Bd. III. Berlin, 1922, No 643—644).

[117] Опубликованы в «Сб. РИО». Т. 54. СПб., 1886.

[118] По-видимому, опубликованы не были.

[119] Генрих Омальский.

[120] Совещание в Ропше было созвано Александром III 12 августа 1884 г. по вопросу утверждения решения Государственного совета по поводу проекта университетского устава. Во время обсуждения проекта в соединенных Департаментах (в январе 1884 г.) и в Общем собрании (в мае) мнения членов Государственного совета разделились. Полностью позицию Толстого—Делянова поддержало меньшинство; большинство же членов по целому ряду вопросов (система экзаменов, программа преподавания, порядок назначения ректоров и деканов и др.) стояло на несколько иных позициях. В течение лета мемория Государственного совета не утверждалась Александром III. Чтобы еще раз обсудить вопрос, царь и созвал в Ропше совещание, на котором, как сообщал А.В. Головнин Д.А. Милютину в письме от 1 сентября 1884 г. (Рукоп. отд. ГБЛ, ф. Д.А. Милютина, папка 61, д. 483), присутствовали Делянов, Островский и Победоносцев. После совещания, 15 августа, по всем пунктам разногласий Александр III утвердил мнение меньшинства (Щ е т и н и н а Г.И. Подготовка университетского устава 1884 г. // Научные доклады высшей школы. Исторические науки. 1961. № 1. С. 44—56).

[121] См. комментарий 33.

[122] Елизавете.

[123] См. комментарий 2.

[124] Речь идет о полковом празднике л.-гв. Гусарского полка.

[125] См. комментарий 110 за 1885 г.

[126] Согласно решению Комитета министров от 23 и 30 октября 1883 г., Департамент государственной экономии рассматривал 15 и 27 ноября 1884 г. следующие вопросы: а) проект нового устава для Акционерного общества Владикавказской железной дороги; б) технические условия по сооружению и эксплуатации Новороссийской ветки; в) предварительную расценочную ведомость Новороссийской ветки; г) предположения о размере и реализации строительного капитала для этой ветки. 10 декабря решение департамента было утверждено Общим собранием Государственного совета (ЦГИА СССР,

ф. Департамента государственной экономии, оп. т. X. 1884 г., д. 506; ПСЗ. Собр. 3. Т. IV. № 2623).

[127] Указанная записка в фонде Кахановской комиссии не обнаружена (ЦГИА СССР, ф. 1317).

[128] 24 ноября в Департаменте законов рассматривался проект «Положения о морских призах и репризах», представленный Морским министерством (приз — неприятельская собственность, захваченная во время войны; реприз — отбитый у противника захваченный им приз). 30 ноября вопрос этот снова рассматривался соединенными Департаментами законов, гражданских и духовных дел и государственной экономии. Ввиду неподготовленности проекта он был возвращен Морскому министерству (ЦГИА СССР, ф. Департамента законов, 1885 г., д. 102).

[129] Речь идет об уточнении русско-афганской границы в соответствии с русско-английским соглашением 1872—1873 гг. Разграничительная комиссия состояла из русских и английских представителей (последние действовали от имени Афганистана). Работа эта была закончена в июле 1887 г. (ЦГАОР, ф. Александра III, д. 483, л. 7).

[130] Праздник кавалеров военного ордена Св. великомученика и победоносца Георгия, учрежденный 26 ноября 1769 г.

[131] Новороссийская линия (от Тихорецкой к Новороссийску через Екатеринодар) являлась составной частью Владикавказской железной дороги. В уставе Акционерного общества дороги много места уделено строительству Новороссийской ветки (построена была в 1888 г.). Общество получило концессию на 81 год со дня открытия движения по Владикавказскому участку, т. е. с 1875-го по 1956 г. (ПСЗ. Собр. 3. Т. IV. № 2623).

[132] Духовный регламент, изданный Петром I 25 января 1721 г., полностью подчинял православную церковь в России государственной власти. Обер-прокурор Синода был гражданским липом, назначавшимся императором (ПСЗ. Собр. 1. Т. VI. № 3718).

[133] Указанная записка Половцова в фонде Александра III не сохранилась (ЦГАОР).

[134] Предложение Половцова легло в основу нового учреждения об императорской фамилии от 2 июля 1886 г. (см. комментарий 85 за 1886 г.).

[135] Согласно представлению Департамента торговли и мануфактур Министерства финансов от 14 декабря 1884 г., Департамент государственной экономии 17 декабря 1884 г. принял решение об изменении пошлины на чай, виноградные вина, рыбу, шелк, масла. За исключением пошлины на цветочный, зеленый и желтый чай, которая была несколько уменьшена, на все остальные товары она резко возрастала. Так, на кирпичный чай — свыше 100% (с 92 коп. до 2 руб. за пуд), на шелк — на 100%. На растительное масло пошлина выросла незначительно (10%).

27 декабря 1884 г. решение Департамента государственной экономии было утверждено Общим собранием, а 15 января 1885 г. — императором (ЦГИА СССР, ф. Департамента государственной экономии, оп. т. X, 1884 г., д. 595; ПСЗ. Собр. 3. Т. V. № 2663).

[136] В Общем собрании Государственного совета 15 и 27 декабря 1884 г. рассматривалось представление министра финансов от 28 ноября 1884 г. «О дополнительном обложении торговых и промышленных предприятий сборами процентным и раскладочным...», которое было принято. Согласно утвержденным правилам, дополнительные процентный и раскладочный сборы вводились с 1885 г. Первый должен был взиматься с акционерных обществ, товариществ и т. д. в размере 3% с чистой прибыли, а второй — со всех остальных торгово-промышленных предприятий в размере 2558 тыс. руб. в год (ЦГИА СССР, ф. Департамента государственной экономии, оп. т. X, 1884 г., д. 594, л. 2; ПСЗ. Собр. 3. Т. V. № 2664).

1885 год

[1] Контрпроект министра иностранных дел Франции Жюля Ферри являлся одним из эпизодов англо-французского соперничества в Египте. В 1884 г. английское правительство решило произвести конверсию египетских долговых обязательств европейским странам (преимущественно Франции). При этом английское правительство руководствовалось не столько желанием облегчить положение Египта, сколько стремлением подчинить его экономически исключительно Англии. Ферри предлагал решить этот вопрос в зависимости от сроков эвакуации англичан из Египта, добиваясь, чтобы это произошло в начале 1888 г. (История XIX века / Под ред. Лависса и Рамбо. Т. 8. М., 1937. С. 25—27).

[2] См. комментарий 9.

[3] См.: Дубровин Н.Ф. Пугачев и его сообщники. Эпизод из истории царствования императрицы Екатерины II. 1773—1774. Т. I—III. СПб., 1884.

[4] См. комментарий 17.

[5] См. комментарий 135 за 1884 г.

[6] 20 февраля 1883 г. министр юстиции Набоков сделал представление в Государственный совет «о некоторых изменениях в законах, касающихся судебной части в Сибири», в котором предложил провести в Сибири ряд преобразований в области суда, направленных к постепенному введению судебных уставов 1864 г. Одним из наиболее важных дел являлась передача следствия по важнейшим уголовным делам из рук полиции учреждаемому институту судебных следователей. Вопрос этот рассматривался в соединенных Департаментах законов, государственной экономии, гражданских и духовных дел 8 октября 1883 г., 24 марта 1884 г. и 14 января 1885 г.

Департаменты одобрили представление Набокова, руководствуясь необходимостью улучшить состояние судебной части в Сибири, находившейся, по свидетельству бывшего ген.-губернатора Восточной Сибири ген. Анучина, «в полнейшем расстройстве, которое граничит с совершенным почти отсутствием правосудия» (ЦГИА СССР, ф. Департамента законов, 1885 г., д. 4, л. 69).

Общее собрание Государственного совета утвердило 11 февраля 1885 г. заключение соединенных Департаментов; 25 февраля того же года «Временные правила о некоторых изменениях в судоустройстве и судопроизводстве

в губерниях Тобольской, Томской, Восточной Сибири и Приамурском крае» были утверждены Александром III (ПСЗ. Собр. 3. Т. V. № 2770). На основе этих правил вводились новые оклады судебным чиновникам, упразднялись должности стряпчих, приставов гражданских и уголовных дел при полицейских управлениях, городовые ратуши и суды.

[7] См. комментарий 9.

[8] См. комментарий 20.

[9] 19 и 26 января, 1, 6, 16, 23 февраля, 9, 16, 29 марта и 13 и 20 апреля 1885 г. в соединенных Департаментах рассматривался проект Общего устава российских железных дорог, а также Положение о Совете по железнодорожным делам. 3 июня эти вопросы рассматривались Общим собранием Государственного совета.

12 июня Устав и Положение были утверждены Александром III. Устав железных дорог (ПСЗ. Собр. 3. Т. V. № 3055) состоял из трех разделов: «О перевозке пассажиров и грузов по железным дорогам», «Правила о подсудности и давности железнодорожных исков и о порядке исполнения решений по искам к железным дорогам», «Полицейские железнодорожные правила». Совет по железнодорожным делам (см. там же) создавался в составе Министерства путей сообщения под председательством министра и представителей различных ведомств. Совет должен был рассматривать проекты новых законов по вопросам железных дорог до внесения их в Государственный совет, разрабатывать инструкции, определять штрафы и т. д. (ЦГИА СССР, ф. Департамента законов, 1885 г., д. 41; Отчет по Государственному совету за 1885 г. СПб., 1887. С. 312—395).

[10] В 1874 г. Минская палата государственных имуществ незаконно продала минскому губернатору В.Н. Токареву числившуюся якобы казенной землю, принадлежавшую с 1828 г. мещанам местечка Лагишина Пинского уезда Минской губернии. Токарев, несмотря на то что вопрос о законности покупки был опротестован владельцами земли, решил захватить скошенное крестьянами сено. В местечко была введена воинская команда под начальством генерала А.Г. Лашкарева. При участии специально прибывшего из Минска уездного исправника полковника Э.Х. Капгера началось взыскание в пользу Токарева 5474 руб., составлявших якобы сумму принесенного ему убытка. Взыскание сопровождалось массовой поркой и жестокими истязаниями.

Дело рассматривалось в Сенате в течение нескольких лет. Сенат принял решение возвратить мещанам местечка Лагишина землю, взыскать с Токарева деньги, взятые им с крестьян, Токарева уволить с запрещением поступать впредь на государственную службу, а также нести службу по выборам, Лашкарева подвергнуть той же мере, а Капгера заключить в тюрьму на четыре месяца. Министр внутренних дел не согласился с решением в отношении наказания Токарева и Лашкарева (последний в то время был членом Совета министра внутренних дел). В связи с этим дело было передано на рассмотрение Государственного совета. Решение о Токареве было оставлено в силе, Лашкарев не был уволен в отставку, а Капгер от наказания освобожден на основании манифеста от 15 мая 1883 г. (ЦГИА СССР, ф. Департамента гражданских в духовных дел, 1884 г., д. 55).

[11] См. дело «О вознаграждении наследников действ. ст. советника Путилова, крестьян деревни Волынкиной и купца Архипова за земли, отошедшие из владения их под С.-Петербургский морской канал и портовые при нем устройства» (ЦГИА СССР, ф. Департамента гражданских и духовных дел, 1882 г., д. 13).

[12] См. комментарий 10.

[13] По представлению Министерства иностранных дел предлагалось принять участие совместно с шестью другими великими державами в общей гарантии займа в 9 млн. фунтов стерлингов, выпускаемого Египтом. В заседании Комитета финансов министр иностранных дел Н.К. Гирс заявил, что «отказ России от участия в гарантии предполагаемого египетского займа мог бы угрожать нам опасностью потерять наше влияние при разрешении могущих возникнуть в будущем и трудно предусматриваемых в настоящее время вопросов по отношению к Египту, между тем как при возбуждении каких бы то ни было вопросов, касающихся дел Востока, Россия в силу своего значения как великой державы и своей традиционной политики не может оставаться безучастной» (ЦГИА СССР, ф. Комитета финансов, оп. 2, д. 257, л. 2).

Комитет финансов, подчеркнув невыгодность этой гарантии с финансовой точки зрения, счел целесообразным, руководствуясь политическими соображениями, принять участие в ней. 26 января 1885 г. решение было утверждено Александром III.

[14] Половцов неточен. Указ от 24 января 1885 г. об изменении учреждения об императорской фамилии от 5 апреля 1797 г. опубликован в «Правительственном вестнике» от 27 января 1885 г. В указе говорилось, что великими князьями и княжнами, носящими титул «императорских высочеств», считаются потомки императора по прямой линии, включая внуков. Правнуки же считались князьями «императорской крови» и получали титул «высочеств». Указ отмечал необходимость создания комиссии для пересмотра учреждения об императорской фамилии (см. комментарий 85 за 1886 г.).

[14a] Жена вел. кн. Владимира Александровича, вел. кн. Мария Павловна.

[15] Покушений на Д.А. Толстого в период его пребывания на посту министра внутренних дел не производилось.

[16] См.: ЦГИА СССР, ф. Департамента государственной экономии, 1885 г., д. 137; ПСЗ. Собр. 3. Т. V. № 2870.

[17] Проект «Положения о морском цензе для офицеров флота» исходил из того, что указанный ценз приобретается плаванием на военных судах и командованием судами, отрядами и эскадрами (ст. 12). Проект рассматривался в соединенных Департаментах законов и государственной экономии 12 ноября 1884 г. и был одобрен. Согласно утвержденному Положению, упразднялся чин капитан-лейтенанта.

11 февраля 1885 г. этот вопрос рассматривался в Общем собрании Государственного совета. Предложение Грейга о льготах георгиевским кавалерам не было принято. Общее собрание утвердило решение соединенных Департаментов, внеся лишь изменения в статью о цензе офицеров императорских речных яхт. Во время плавания этих яхт по рекам ценз, как это было предусмотрено Положением, засчитывался в половинном размере, а в море —

полностью (ЦГИА СССР, ф. Департамента законов, 1885 г., д. 5; ПСЗ. Собр. 3. Т. V. № 2769).

[18] По-видимому, в тексте описка. Судя по смыслу, речь идет не о Департаменте гражданских и духовных дел, который продолжал существовать, а о Департаменте военных дел, упраздненном в 1854 г. (Государственный совет. 1801—1901. СПб., 1901).

[19] См. комментарий 6.

[20] В связи с изданием закона о воинской повинности Войска Донского 17 апреля 1875 г. и правил 30 июня 1876 г. относительно порядка отбывания воинской повинности донскими казаками, состоящими в торговом обществе, сборы с них в пользу Войска значительно сократились (с 266 тыс. руб. в 1874 г. до 82 тыс. руб. в 1883 г.; ранее торговые казаки за освобождение от воинской повинности вносили особый сбор в войсковую казну). В связи с этим военный министр просил предоставить Военному совету право «испрашивать высочайшее соизволение на возможные облегчения в отбывании воинской повинности как в мирное, так и военное время» торговым казакам.

Соединенные Департаменты не согласились с просьбой министра и поддержали только его предложение о предоставлении Военному совету прав «1) определить и изменять общее число торговых казаков; 2) устанавливать с высочайшего соизволения размер ежегодного взноса означенных лиц в войсковой капитал» (ЦГИА СССР, ф. Департамента законов, 1885 г., д. 10).

[20a] От французского слова «amateur», что означает дилетант.

[21] 20 апреля 1884 г. министр финансов Бунге внес на рассмотрение Государственного совета проект «Об изменении действующих правил о торговле крепкими напитками в видах ограждения народной нравственности». Проект был составлен на основе данных, подготовленных созданными в 1882 г. губернскими комиссиями, и дальнейшей разработки их особым междуведомственным совещанием.

Проект предусматривал регламентацию продажи спиртных напитков путем уничтожения кабаков, ограничения заведений, торгующих вином, и создания специальных губернских и уездных по питейным делам присутствий. По данным министра финансов, в России в среднем на душу населения крепких спиртных напитков потреблялось меньше, чем в таких странах, как Голландия, Германия, Дания, Англия, Бельгия, Швеция и Франция (ЦГИА СССР, ф. Департамента государственной экономии, 1885 г., д. 217, л. 49). Представление Бунге рассматривалось в соединенных Департаментах 14, 21, 28 февраля, 7 и 14 марта 1885 г., а в Общем собрании 29 апреля. В проект был внесен ряд изменений (там же, д. 217; Отчет по Государственному совету за 1885 г. СПб., 1887. С. 409—464; ПСЗ. Собр. 3. Т. V. № 2946).

[22] Речь идет о статье «Прибалтийские привилегии в Венденском уезде Лифляндской губернии (Письмо из Риги)», помещенной в № 1 газ. «Русь» за 1885 г. В статье говорилось о массовых арестах и порках крестьян, подозреваемых в различных уголовных преступлениях (кражи, поджоги). Как указывалось в корреспонденции, с сентября производились «*нещадные сечения*. Секли всех: и обвиняемых, и свидетелей, и изъятых от телесного наказания крестьян-хозяев, и не изъятых от него — безземельных работни-

ков». Число высеченных достигало нескольких сот человек. В корреспонденции намекалось, что все это представляло собою не что иное, как расправу местного дворянства с крестьянами-латышами, перешедшими в православие. Так, говоря о расследовании причин происходивших пожаров, газета писала: «Все пожарные случаи оказываются поджогами, и все поджигатели, равно как и прочие «преступники», схвачены во множестве и изобличены, главным образом «собственным сознанием». Но что особенно замечательно, большая часть этих арестованных, сеченых и изобличенных — *православные*... Странная случайность!..»

Указанный факт нам представляется маловероятным, так как переход в православие латышей происходил в Лифляндии в 1840-х годах, а в этот период наблюдалось обратное явление.

Религиозный вопрос в Прибалтийских губерниях приобрел в 80-х годах большую остроту и имел чисто политический характер, представляя собой борьбу российского правительства и остзейского дворянства за влияние на местное латышское и эстонское население.

В 1845 г. десятки тысяч латышских крестьян перешли из лютеранства в православие. Обер-прокурор Синода Победоносцев в отношении министру внутренних дел Д.А. Толстому от 16 февраля 1884 г., характеризуя это движение, указывал, что причиной перехода в православие в 40-х годах была распространяемая «между лифляндскими крестьянами молва, что с присоединением к православию они заслужат у русского православного царя облегчение тяжелой своей участи, именно: даровой земельный надел, свободу от повинностей в пользу помещиков и пасторов и т. п.» (ЦГИА СССР, ф. Департамента духовных дел иностранных исповеданий Мин. вн. дел., оп. 129, д. 180, ч. 10, л. 22).

Вполне естественно, что крестьяне, обманувшись в надеждах, пожелали сохранить веру своих отцов, однако возвращение в лютеранство рассматривалось как уголовное преступление. Тем не менее преобладающая часть перешедших в православие продолжала выполнять религиозные обряды (крещение, причащение, заключение браков) в лютеранских кирхах.

Первоначально правительство пыталось преследовать пасторов, совершавших обряды над «православными», однако в 60-х — начале 70-х годов все преследования были прекращены.

26 июля 1885 г. было издано «высочайшее повеление», по которому восстанавливалось отмененное еще в 1865 г. требование выдачи при заключении смешанных браков особых расписок, обязывающих крестить детей только по православному обряду (вполне естественно, что это тем более касалось лиц, числившихся по метрическим книгам православными). Вместе с тем начинается снова уголовное преследование пасторов, выполнявших требы над «православными». Особенно рьяно действовал лифляндский губернатор М.А. Зиновьев, направивший специальный циркуляр рижскому епископу Донату от 30 сентября 1886 г., в котором указывалось, что браки, заключенные «православными» у лютеранских пасторов, будут считаться недействительными, а родители, воспитывающие своих детей по лютеранскому обряду, подлежат тюремному заключению. Этот циркуляр, прочтенный в церквях,

вызвал большую реакцию. «Защитниками» интересов лютеран выступали остзейские дворяне.

В начале 80-х годов в Эстляндской губернии возникло снова «движение» за переход в православие, инспирированное, по-видимому, как Синодом, так и местной администрацией. Это «движение» началось в 1881 г., когда несколько сот эстонских крестьян пожелали принять православие «в день священного коронования» Александра III. По данным отчета эстляндского губернатора, за 2 года православие приняло 3314 человек (ЦГИА СССР, ф. Департамента общих дел Мин. вн. дел, оп. 223, д. 57, л. 71).

Переход в православие имел и в этот период также политическую подкладку. Так, в одной из прокламаций, распространявшихся среди эстонских крестьян, говорилось о любви и заботе русского народа к своим единоверцам и тут же подчеркивалось единство лютеранской церкви и остзейского дворянства. «До тех пор, пока Вы имеете общую веру со своими угнетателями, никто не может [Вам] помочь... Ваши духовные пастыри и Ваши грабители едят и пьют из одного корыта и смеются над Вами... Они грабят и обирают Вас до наготы, чтобы голод и тяжесть долгов вынудили Вас оставаться под гнетом невольничества» (ЦГИА СССР, ф. Департамента духовных дел иностранных исповеданий Мин. вн. дел., оп. 129, д. 180, ч. 10, л. 3). В некоторых случаях со стороны православных священников наблюдались факты приобщения к православию обманным путем (там же, л. 94—97).

Немецкое дворянство, в свою очередь, всячески притесняло «новообращенных» (отнятие у них арендуемой земли, противодействие открытию православных церквей, школ, кладбищ и т. д.) и пыталось запугать правительство возможностью «крестьянского возмущения» (ЦГИА СССР, ф. Департамента духовных дел иностранных исповеданий Мин. вн. дел, оп. 129, д. 180, ч. 10; д. 181, ч. 1; см. также комментарий 107 за 1885 г. и 75 за 1887 г.).

[23] Николая, Георгия, Михаила Александровичей и Ксении Александровны.

[24] Имеется в виду картина И.Е. Репина, выставленная на XIII передвижной выставке.

[25] См. комментарий 9.

[26] Выставка старинных серебряных вещей (XVIII в.) устраивалась в пользу третьего склада Общества Красного Креста.

[27] На протяжении 80-х и первой половины 90-х годов в целях усиления мобилизационной готовности пешая артиллерия получала упряжки лошадей (ранее большая часть батарей по штатам мирного времени не имела упряжек). К 1895 г. из 324 действующих батарей 207 были переведены на полную тягу. В первую очередь это относилось к артиллерийским бригадам, расположенным в пограничных военных округах (Варшавском, Киевском, Виленском). Это вызвало недовольство в Германии (Обзор деятельности Военного министерства в царствование императора Александра III. 1881—1894. СПб., 1903. С. 39).

[28] В связи с продвижением русских войск на юге Туркмении (включение в состав России Мервского оазиса и движение в сторону Пендинского оазиса к р. Кушке) под влиянием Англии произошло обострение русско-афганс-

ких отношений. Возник так называемый афганский кризис. Афганские войска, снабженные английским оружием, в марте 1885 г. перешли р. Кушку и заняли несколько высот. После отказа афганцев очистить занятую ими территорию отряд русских войск под командованием ген. Комарова 18 марта атаковал афганские части и разгромил их. Все это значительно осложнило русско-английские отношения. Правительство Великобритании заявило по этому поводу протест. Английская армия была частично мобилизована, усилен был военный флот, и обстановка оказалась накаленной до предела. Однако конфликт разрешился мирным соглашением, подписанным 10 сентября 1885 г., установившим русско-афганскую границу. Россия подтверждала свое намерение не вмешиваться в дела Афганистана (Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. Т. 3. СПб., 1906. С. 246—250; Руи р. Англо-русское соперничество в Азии в XIX в. М., 1924. С. 9—10, 83; Тихомиров М.Н. Присоединение Мерва к России. М., 1960. С. 168—172).

[29] Речь идет о международной конференции, происходившей в Берлине с ноября 1884 г. по февраль 1885 г., закончившейся соглашением об установлении границ Независимого государства Конго, связанного с Бельгией личной унией в лице общего короля. Таким образом, Конго официально признавалось бельгийской колонией. На конференции Бельгия была поддержана Францией, Германией и США в противовес Англии и Португалии (История дипломатии. Т. II. М., 1963. С. 183—184).

[30] Идя навстречу интересам прусского юнкерства, германское правительство повысило таможенные пошлины на ввозимую рожь (Вестник Европы. 1885. Кн. 3. С. 407—410).

[31–32] См. комментарий 42.

[33] См. комментарий 76 за 1884 г.

[34] Совет министров был фактически образован в 1857 г. и оформлен в законодательном порядке 12 ноября 1861 г. Совет состоял из министров, главноуправляющих, председателей Государственного совета, Комитета министров и ряда назначаемых императором лиц. Председателем Совета министров был император. Наиболее интенсивная деятельность Совета протекала в конце 50-х — начале 60-х годов в период подготовки буржуазных реформ. С середины 60-х годов заседания Совета министров происходили очень редко, а с 1882 г. прекратились вовсе, и до 1905 г. Совет министров не созывался. Однако законодательно упразднен он не был (ПСЗ. Собр. 2. Т. XXXVI. № 37619; Ерошкин Н.П. Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России. М., 1960. С. 254—256).

[35] Окончательный текст этого рескрипта был опубликован 21 апреля 1885 г. в день столетия Жалованной грамоты дворянству. Принимая во внимание нужды поместного дворянского землевладения, во многих местах расстроенного оскудением хозяйственных средств и затруднением кредита, царь объявлял в рескрипте о создании Дворянского земельного банка.

В рескрипте подчеркивалось, что правительство стремится к тому, «чтобы российские дворяне и ныне, как в прежнее время, сохраняли первенствующее место в предводительстве ратном, в делах местного управления и суда» (Правительственный вестник. 1885. 21 апреля). Таким образом, рескрипт

подчеркивал дворянский характер правительственной политики и предопределял контрреформы конца 80-х — начала 90-х годов.

[36] 12 и 19 марта 1885 г. в Комитете министров рассматривалось представление управляющего Морским министерством И.А. Шестакова по вопросу об управлении Обуховским заводом. К представлению были приложены также материалы комиссии под председательством ген. Н.Н. Обручева, разрабатывавшей Положение о порядке управления военными заводами (ЦГИА СССР, ф. Комитета министров, оп. 1, д. 4449, л. 623—811).

Шестаков, соглашаясь с выводами комиссии о необходимости выкупа паев, принадлежащих частным лицам, указал, что основанный по инициативе Морского министерства для изготовления оружия, артиллерийского вооружения и боеприпасов завод был построен не только на средства частных лиц, но и казны.

Комитет министров согласился с предложением Шестакова о том, что завод должен находиться исключительно в распоряжении казны. Способы устранения частных лиц не были конкретизированы. Решение Комитета предоставляло право управляющему Морским министерством «испросить через Государственный совет применение к данному случаю порядка отчуждения имуществ в казну по распоряжению правительства» (там же, д. 4448, л. 485—515). Выступления Обручева, Палена и Абазы в журнале отражения не получили.

[37] См.: Сб. РИО. Т. 55, 56, 69, 79, 84, 94, 101, 104, 106, 108, 111, 114, 117, 120, 124, 126, 130, 136, 138, 146.

[38] По-видимому, имеются в виду переговоры вице-короля Индии лорда Дefферина с афганским эмиром о продвижении войск в Южной Туркмении.

[39] В чем заключались изменения, предложенные Шидловским, по материалам обсуждения этого дела в Государственном совете установить не удалось (см. комментарий 21).

[40] См. комментарий 50.

[41] По-видимому, этот вопрос был рассмотрен только в 1888 г. См.: ЦГИА СССР, опись дел Архива Государственного совета, т. X, Департамент законов, 1888 г., д. 11.

[42] 4 марта 1885 г. в Общем собрании Государственного совета рассматривался журнал соединенных Департаментов законов и государственной экономии по вопросу об установлении пошлины на ввозимые из-за границы сельскохозяйственные машины. Соединенные Департаменты на основе представления министра финансов приняли решение установить пошлину в размере 50 коп. золотом с пуда. 23 члена Общего собрания выступили против этого, полагая, что сельскохозяйственное машиностроение развивается в России достаточно успешно и нужды в ограничительных таможенных мерах не имеется. Остальные 23 члена Общего собрания во главе с председателем Государственного совета вел. кн. Михаилом Николаевичем поддержали решение Департаментов. Александр III утвердил 19 марта мнение второй группы членов собрания (ЦГИА СССР, ф. Департамента государственной экономии, 1885 г., д. 101; ПСЗ. Собр. 3. Т. V. № 2822; Мец М. Действительное положение отечественного сельского машиностроения. СПб., 1884).

[43] Имеется в виду проект создания Дворянского земельного банка (см. комментарий 60).

[44] См. комментарий 28.

[45] Указанное письмо в фонде Александра III (ЦГАОР, ф. 677) не сохранилось.

[46] Речь идет об афганском кризисе (см. комментарий 28).

[47] 30 марта в соединенных Департаментах законов, гражданских и духовных дел и государственной экономии рассматривалось решение второго Общего собрания Сената по вопросу о праве римско-католического и православного духовенства на хлебную десятину в Литве, Белоруссии и Правобережной Украине, а также об уничтожении аннаут (ежегодных платежей, взимавшихся на основе завещательных и дарственных актов прежних владельцев в пользу духовенства и церкви). Общее собрание Сената сочло необходимым уничтожить все сборы, взимавшиеся в пользу церкви под названием «десятины». По вопросу же уничтожения аннаут мнения сенаторов разошлись. Два из них (М.Н. Турунов и С.И. Зарудный) считали целесообразным полную отмену аннаут, большинство же собрания высказалось за уничтожение лишь «денежных» аннаут.

Соединенные Департаменты согласились с мнением Общего собрания Сената по вопросу об уничтожении «десятины» и высказались также за ликвидацию аннаут. В отношении последних было предложено министру внутренних дел представить свои соображения. 20 мая журнал соединенных Департаментов утвержден Общим собранием, а 3 июня — Александром III (ЦГИА СССР, ф. Департамента гражданских и духовных дел, 1885 г., д. 30).

[48] 26 апреля 1885 г. в Департаменте государственной экономии рассматривалось предложение военного министра о продолжении строительства Закаспийской железной дороги от Кзыл-Арвата до Амударьи протяжением 765 верст и о предоставлении кредита в сумме 12 240 тыс. руб. из расчета 16 тыс. руб. на версту сооружаемого полотна. Департамент поддержал ходатайство Военного министерства; 20 мая оно было утверждено императором (ЦГИА СССР, ф. Департамента государственной экономии, 1885 г., д. 253).

[49] Никаких изменений в порядок присвоения потомственного дворянства в 1885 г. внесено не было. Потомственное дворянство приобреталось пожалованием «по особому усмотрению самодержавной власти»; чинами — действительного статского советника, полковника или капитана первого ранга, если эти чины не были получены при отставке; орденами первых степеней, а Владимира и Георгия всех степеней. Личное дворянство приобреталось гражданским чином IX класса (титулярного советника) или обер-офицерским званием (Свод законов Российской империи. Т. IX, 1899. Кн. I. Раздел 1. Гл. I. Отд. 2. Ст. 18—35). После 28 мая 1900 г. (ПСЗ. Собр. 3. Т. XX. № 18681) потомственное дворянство приобреталось орденом Владимира первых трех степеней.

[50] 4 апреля 1885 г. в соединенном присутствии Департаментов законов, государственной экономии и гражданских и духовных дел рассматривался представленный министром финансов Бунге проект «Положения о сборе с

доходов от денежных капиталов». Введение нового налога, по мнению Бунге, было необходимо в связи со значительным дефицитом в бюджете, вызванным невыполнением доходной части бюджета в 1884 г., в результате чего по окладным сборам дефицит составил 14 млн. руб., по акцизным — 6,5 млн. руб. (ЦГИА СССР, ф. Департамента государственной экономии, 1885 г., д. 225, л. 71—76).

Согласно проекту, сбор должен был взиматься в размере 5% с доходов от государственных, общественных и частных процентных бумаг, а также с доходов от вкладов в государственных, общественных и частных банках. Обложению не подлежали: а) проценты по государственным займам, освобожденным от платежа налогов, б) проценты по вкладам, внесенным в сберегательные кассы, сельские банки и т. д., в) дивиденды по акциям и паям промышленных и торговых обществ. Соединенные Департаменты утвердили представление Бунге, внеся в него ряд изменений. 7 мая журнал соединенных Департаментов был рассмотрен Общим собранием. 20 мая 1885 г. «Положение о сборе с доходов от денежных капиталов» было утверждено Александром III (там же; ПСЗ. Собр. 3. Т. V. № 2961).

[51] Демонстрации эти носили по преимуществу церковный характер. В Дворянском собрании 1 апреля происходило торжественное заседание Славянского общества (Вестник Европы, 1885. Кн. 5. С. 433—436).

[52] 6 апреля в соединенных Департаментах рассматривалось представление Шестакова об управлении, а также о штатах Морского министерства и портовых управлений. Это Положение должно было заменить собою Положение 1867 г., утвержденное временно, на пять лет. Представление было одобрено 20 мая. Общее собрание утвердило заключение соединенных Департаментов, 3 июня оно было утверждено императором (ПСЗ. Собр. 3. Т. V. № 3023; ЦГИА СССР, ф. Департамента законов, 1885 г., д. 34).

[53] 8 апреля в соединенных Департаментах законов и государственной экономии рассматривалось представление главноуправляющего Кодификационным отделом при Государственном совете Фриша о порядке издания Полного собрания законов Российской империи и трудов Кодификационного отдела по разработке Свода законов. Фриш предлагал несколько изменить состав Полного собрания законов, в частности не включать в него постановления, касавшиеся военного и морского ведомств, уставы акционерных обществ, сенатские указы и т. д. Соединенные Департаменты высказались за продолжение издания Полного собрания законов на прежних основаниях, отвергнув, за небольшим исключением, предложения Фриша. 11 июня мнение соединенных Департаментов было утверждено Александром III (ЦГИА СССР, ф. Департамента законов, 1885 г., д. 37).

[54] 11 апреля в соединенных Департаментах рассматривалось представление министра финансов о повышении пошлин на железо, сталь и медь. Бунге мотивировал необходимость этой меры резким падением медеплавильного производства с 410 тыс. пудов меди в 1852 г. до 190 тыс. пудов в 1879 г. (ЦГИА СССР, ф. Департамента государственной экономии, 1885 г., д. 220, л. 84). Представление министра с некоторыми изменениями было принято. Соединенные Департаменты, учитывая ходатайство заводчиков,

повысили пошлину на медь (в штыках, слитках, опилках и ломе) с 66 коп. с пуда до 1 руб. 50 коп., хотя Бунге предлагал поднять ее до 1 руб.

Однако на целый ряд изделий из меди пошлины, вопреки требованиям представителей торгово-промышленных кругов, были оставлены без изменений. Таможенные пошлины на железо и сталь повышались в ломе с 22 коп. до 40 коп. с пуда (там же, л. 15).

Общее собрание утвердило решение соединенных Департаментов 7 мая 1885 г. (там же; ПСЗ. Собр. 3. Т. V. № 2958).

[55] Имеется в виду статья в «Гражданине», обвиняющая Министерство иностранных дел в заискивании перед Англией во время переговоров по афганскому вопросу (Гражданин. 1885. № 27 и 28).

[56] Речь идет, по-видимому, о статье «Куда мы идем? (Письмо в редакцию)», помещенной в «Новом времени» 12 апреля 1885 г. В этой статье, принадлежавшей, как видно из текста, бывшему дипломату, пропагандировалась мысль о необходимости во что бы то ни стало предотвратить войну с Англией. Подпись под статьей «N», а не «Дипломат», как указывает Половцов.

[57] 15 апреля в Общем собрании Государственного совета слушался журнал соединенных Департаментов законов и государственной экономии об учреждении института податных инспекторов согласно представлению министра финансов. При обсуждении этого вопроса в Общем собрании 12 членов Совета (Победоносцев, Шувалов, Пален, Гирс, Грейг и др.) высказались против введения института податных инспекторов, руководствуясь значительностью расходов (около 1 млн. руб.) и недостаточной четкостью компетенции этих инспекторов. Большинство же членов Общего собрания (31 человек) согласилось с мнением соединенных Департаментов. 30 апреля мнение большинства было утверждено Александром III (ЦГИА СССР, ф. Департамента законов, 1885 г., д. 22).

По закону податные инспектора (500 человек), являясь чиновниками казенных палат, должны были вести «постоянное наблюдение за правильностью торговли», председательствовать в уездных присутствиях и т. д. (ПСЗ. Собр. 3. Т. V. № 2907).

[58] 15 апреля 1885 г. в Общем собрании Государственного совета рассматривался журнал соединенных Департаментов от 27 марта 1885 г. «Об изменении и дополнении постановлений об оплате гербовым сбором счетов и накладных». Общее собрание внесло в решение соединенных Департаментов некоторые изменения. По одному из вопросов — о размере штрафа, взимаемого за неуплату гербового сбора, — произошли разногласия, которые, по-видимому, были вызваны выступлениями Абазы и Победоносцева. Выступления эти не нашли отражения в журнале (ЦГИА СССР, ф. Департамента государственной экономии, 1885 г., д. 190).

[59] См. комментарий 9.

[60] 18 и 23 апреля 1885 г. в соединенных Департаментах законов, государственной экономии и гражданских и духовных дел рассматривалось представление министра финансов о создании Дворянского земельного банка, а также проект его Положения. Соединенные Департаменты одобрили представление,

но внесли в него ряд существенных изменений. Наиболее важные из них: уменьшить платеж за пользование предоставленным кредитом, открыть особый кредит под различные «земельные улучшения» в закладываемых имениях. Первое предложение было внесено министром внутренних дел, второе — министром государственных имуществ.

20 мая Общее собрание Государственного совета одобрило заключение соединенных Департаментов, внеся в первую статью проекта Положения существенное изменение, согласно которому получением кредита в банке могли пользоваться только потомственные дворяне. 3 июня 1885 г. Александр III утвердил решение Общего собрания (ЦГИА СССР, ф. Департамента государственной экономии, 1885 г., д. 281; ПСЗ. Собр. 3. Т. V. № 3016).

Дворянский банк выдавал ссуды в размере до 70% стоимости имения сроком на 48 лет и 8 месяцев, 37 лет и 7 месяцев с уплатой 5%. Создание Дворянского земельного банка ставило своей целью экономически поддержать разоряющееся дворянство.

[61] Речь, по-видимому, идет, во-первых, о Рейхштадтском соглашении, заключенном в июне 1876 г. между Александром II и Францем-Иосифом по поводу позиции России в Балканском вопросе. Русский текст соглашения опубликован в «Красном архиве». 1922. № 1. С. 36—39, австрийский — в книге A. Pribram. The secret treaties of Austria-Hungary, v. II. Cambridge, 1921, appendix, p. 188—190. Во-вторых, имеется в виду секретная конвенция, заключенная между Россией и Австро-Венгрией накануне Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. в Будапеште. По этой конвенции гарантировался нейтралитет Австро-Венгрии, Россия санкционировала оккупацию Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины. В дополнительных статьях к конвенции Россия обязывалась не создавать единого Болгарского государства. Текст конвенции опубликован (см.: Красный архив. 1922. № 1).

[62] См. комментарий 28.

[63] 22 апреля 1885 г. соединенные Департаменты государственной экономии и законов рассматривали представление министра финансов о замене подушной подати другими налогами. Бунге предлагал отменить с 1 января 1886 г. взимание подушной подати со всех категорий крестьян Европейской России. Ежегодную сумму подушной подати, поступавшую в бюджет (37 100 тыс. руб.), намечалось заменить: а) повышением акциза на спирт в сумме 1 коп. на градус, что должно было составить 22 млн. руб.; б) увеличением оброчной подати с государственных крестьян в размере суммы, составлявшей взимавшуюся с них подушную подать, что равнялось 16 млн. руб. Соединенные Департаменты, одобрив в целом представление Бунге, внесли в него ряд изменений. Так, было предложено «совершенно устранить всякое соотношение между сложением подушной подати и возвышением оброчной». Соединенные Департаменты считали возможным повысить оброчную подать только по истечении 20-летнего срока со дня издания закона 24 ноября 1866 г. и осуществить это путем перевода государственных крестьян на выкуп. 14 мая 1885 г. заключение соединенных Департаментов было одобрено Общим собранием Государственного совета, а 28 мая утверждено Александром III.

По этому закону с 1 января 1886 г. прекращалось взимание подушной подати со всех бывших помещичьих, удельных и других категорий крестьян, на которых распространялось Положение 19 февраля 1861 г., а также с крестьян Прибалтийских губерний и малороссийских казаков. С 1 января 1887 г. взимание подушной подати прекращалось со всех плательщиков ее, за исключением Сибири; с того же времени государственные крестьяне переводились на выкуп, рассчитанный на 44-летний срок. Таким образом, оброчная и подушная подать, взимаемая с государственных крестьян, преобразовывалась в выкупные платежи (ЦГИА СССР, ф. Департамента государственной экономии, 1885 г., д. 265; ПСЗ. Собр. 3. Т. V. № 2988).

[64] См. комментарий 50.

[65] 27 апреля в соединенных Департаментах законов, гражданских и духовных дел рассматривалось представление министра юстиции от 12 апреля «О силе арендных договоров по имениям, состоящим в пожизненном владении».

Постановка этого вопроса была вызвана тем, что существующее законодательство о передаче имения одним из супругов в пожизненное владение другому давало право «пожизненному владельцу распорядиться доставшимся ему во владение имением на весьма продолжительный срок», что же касается заключенных им арендных контрактов, то они могли «оставаться в силе надолго после его смерти, несмотря на то, представляются ли они выгодными или невыгодными для законных наследников имения» (ЦГИА СССР, ф. Департамента законов, 1885 г., д. 31, л. 2). В своем представлении министр юстиции предлагал, чтобы договор, заключенный при жизни владельца недвижимого имущества на отдачу его внаем или аренду, был обязателен для нового владельца только при условии его согласия на это. Новому владельцу предоставлялось право через суд уничтожить существующий договор, если он «не соответствовал доходности имущества». Соединенные Департаменты одобрили в основном проект закона, внеся в него ряд незначительных поправок. 7 мая журнал соединенных Департаментов был утвержден Общим собранием с редакционным изменением одного из пунктов проекта. 20 мая заключение Общего собрания было утверждено Александром III (там же; ПСЗ. Собр. 3. Т. V. № 2960).

[66] См. комментарий 79.

[67] В журналах заседаний Департаментов законов и государственной экономии, а также в мемориях Общего собрания рассмотрение вопроса о горнозаводском деле не нашло отражения (ЦГИА СССР, ф. Коллекция журналов департаментов Государственного совета: Департамента законов, оп. 1, д. 174—176; Департамента государственной экономии, оп. 2, д. 319—323; ф. Коллекция мемории Общего собрания, д. 345).

[68] Половцов не совсем точен. Круговая порука с отменой подушной подати не уничтожалась. Уплата выкупных платежей также была основана на принципе круговой поруки.

[69] См. комментарий 21.

[70] Записки посвящены деятельности Д.А. Толстого в Министерстве внутренних дел в 60-х годах (Русский архив. 1885. Кн. 5. С. 5—70).

[71] Имеется в виду лейб-гв. Атаманский полк, входивший в состав Второй гвардейской кавалерийской дивизии.

[72] Речь идет о сражении при реке Альме 8 сентября 1854 г. Это сражение произошло тотчас же после высадки союзников в Крыму.

[73] 10 мая в Департаменте экономии рассматривалось представление министра финансов Бунге «О воспрещении ночной работы несовершеннолетних и женщин». Этот вопрос был возбужден петербургскими фабрикантами — владельцами бумагопрядильных, ткацких и ситценабивных фабрик. Необходимость этой меры мотивировалась ими как одно из средств преодоления кризиса перепроизводства. «Производительность фабрик, — писали они в своем прошении петербургскому градоначальнику в январе 1884 г., — значительно превысила требования рынка, и все-таки производительность продолжает расти, угрожая самыми пагубными последствиями для промышленности... Необходимо сократить производство, а для этого наилучшая мера — уничтожение ночных работ» (цит. по кн.: Б а л а б а н о в М. Очерки по истории рабочего класса в России. Ч. II. М., 1925. С. 381). Против этого предложения выступили московские текстильные фабриканты, находившиеся в не столь выгодных условиях (наличие менее усовершенствованного оборудования, дороговизна топлива и т. д.). Этот вопрос рассматривался предварительно в комиссии Плеве, в работе которой принимали участие 14 фабрикантов. Комиссия высказалась за годичное уничтожение ночных работ для женщин и детей, не распространяя этого на «непрерывное производство». Бунге в своем представлении поддерживал петербургских фабрикантов, предлагая ограничиться только хлопчатобумажными, шерстяными и полотняными фабриками. Департамент экономии согласился с представлением министра финансов, полагая распространить эту меру «в виде опыта на три года».

20 мая 1885 г. журнал Департамента был утвержден Общим собранием, а 3 июня — Александром III (ЦГИА СССР, ф. Департамента государственной экономии, 1885 г., д. 268; ПСЗ. Собр. 3. Т. V. № 3013; Б а л а б а н о в М. Указ. соч. Ч. II. С. 380—384).

[74] Николай Савич Абаза, двоюродный брат А.А. Абазы.

[75] 21 марта 1885 г. министр финансов внес в Государственный совет представление «О возвышении пошлин таможенного тарифа для европейской торговли». Мотивируя необходимость повышения пошлин, Бунге писал: «Меры, принятые Германией и Францией, признанные совершенно необходимыми для ограждения земледелия в сих странах от крайнего упадка хлебных цен, вызванного появлением на европейских рынках громадного предложения хлеба из Америки, Австралии и Индии, налагают на Министерство финансов обязанность сообразоваться с новым положением, в котором оказывается отпускная торговля России» (ЦГИА СССР, ф. Департамента экономии, 1885 г., д. 282, л. 2).

В связи с этим Бунге считал, что вывоз хлеба из России уменьшится, поэтому часть тех товаров, которые Россия приобретала за границей, оплачивая деньгами, вырученными за хлеб, придется или производить внутри страны, или покупать в меньшем объеме, так как в противном случае это отразится на ценности кредитного рубля. Чтобы создать условия для про-

изводства этих товаров в России, Бунге предлагал повысить пошлины для большинства импортируемых товаров в размере до 20%. Представление Бунге рассматривалось в соединенных Департаментах 25 апреля и было большинством голосов одобрено.

20 мая в Общем собрании по этому вопросу произошли разногласия. Большинство членов Совета (33) поддержали Бунге, а пять членов (Грейг, Небольсин, Маркус, фон Дервиз и Вешняков) выступили против, полагая, что опасения относительно экспорта хлеба лишены оснований. По их мнению, повышение таможенных пошлин на промышленные товары может, напротив, повредить русской хлебной торговле, так как стеснительные меры для привоза в Россию иностранных товаров повлекут за собой возвышение фрахта на экспортируемые из России грузы, что, в свою очередь, увеличит их стоимость и затруднит конкуренцию с другими странами. 3 июня Александр III утвердил мнение большинства (ПСЗ. Собр. 3. Т. V. № 3014).

[76] См. комментарий 109 за 1884 г.

[77] См. комментарий 76 за 1884 г.

[78] 25 мая в Департаменте государственной экономии рассматривался ряд представлений министра путей сообщения: «О новом штате Департамента железных дорог и об утверждении Тифлисского отдела»; «Об утверждении Положений о начальнике управления железных дорог и главном инспекторе железных дорог»; «Об учреждении в составе Министерства путей сообщения временного управления по устройству коммерческих портов»; «Об отнесении расходов по временному усилению Департамента шоссейных дорог и водяных сообщений на суммы, ассигнованные на устройство коммерческих портов». Для осуществления этих изменении требовалось 214 640 руб. Департамент не утвердил представление министра, полагая, что этот вопрос должен быть рассмотрен в Департаменте законов, но «в виде временной меры» согласился ассигновать 75 тыс. руб. 12 июня заключение Департамента было утверждено царем (ЦГИА СССР, ф. Департамента государственной экономии, 1885 г., д. 349).

[79] 27 апреля и 27 мая 1885 г. в соединенных Департаментах рассматривалось представление министра финансов Бунге о мерах прекращения обращения досрочных купонов. Постановка этого вопроса была вызвана тем, что в начале 80-х годов в Москве и соседних губерниях получили хождение взамен денег купоны процентных бумаг, срок которых еще не наступил. В 1883 г. Государственный совет рассматривал этот вопрос и установил особый денежный штраф с хозяев промышленных предприятий, уплачивавших рабочим плату подобными купонами. Несмотря на это, досрочные купоны продолжали иметь хождение. Министр финансов предложил утвердить специальные правила, касавшиеся злоупотреблений с досрочными купонами, определив в них и карательные меры. Соединенные Департаменты в целом одобрили представление, внеся ряд незначительных изменений. Общее собрание Государственного совета утвердило представление соединенных Департаментов, изложив ряд статей положения в несколько иной редакции. Споры Грейга и Бунге в материалах дела не отражены (ЦГИА СССР, ф. Департамента законов, 1885 г., д. 38; ПСЗ. Собр. 3. Т. V. № 3048).

[80] См. комментарий 9.

[81] Череменецкий Иоанно-Богословский мужской монастырь, основанный в XV в., находился на острове Череменецкого озера в Лужском уезде Петербургской губернии, в 20 верстах от г. Луги.

[82] Речь идет об арестах народовольцев Саула Лисянского и Петра Антонова 2 мая 1885 г. в Харькове. При обыске у Лисянского были обнаружены тайная типография, оружие, подложные печати, метательные снаряды, набранный шрифт для прокламаций. В связи с этим арестом к следствию были привлечены бывшие студенты Харьковского ветеринарного института А.Н. Макаревский, А.Ф. Корнгольд, В.А. Лисовский, М.А. Шликерман, А.М. Данилов, А.П. Шехтер, А.П. Кац, Ф.М. Товбина, В.Н. Черненкова, С.Н. Хлобощина («Обзор важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях империи по делам о государственных преступлениях за время с 1 января 1885 г. по 1 января 1886 г.» — ЦГАОР, ф. Департамента полиции, оп. 252, 1885 г., д. 21).

[83] В «Своде заслуживающих внимание сведений, полученных Департаментом полиции» за май—июнь 1885 г., подобных сведений не приводится. Имеется лишь указание на задержанное в Киеве шифрованное письмо из Парижа на имя некоей Дмитриевой. В этом письме сообщалось от имени Л. Тихомирова о выезде одного из революционеров в Россию, а также о положении с изданием «Вестника народной воли» (ЦГАОР, ф. Департамента полиции, оп. 168, 1885 г., д. 8).

[84] По-видимому, имеется в виду «Утопия» Томаса Мора.

[84a] А.А. Ауербах.

[85] Речь идет о книге П.Н. Петрова «История Санкт-Петербурга с основания города до введения в действие выборного городского управления по учреждениям о губерниях. 1703—1782». СПб., 1885.

[86] Имеется в виду «Пермская летопись с 1263 по 1881 г.» (вып. I—IV. Пермь, 1881—1884), составленная В. Шишонко.

[87] О положении организации «Народная воля» в данный период см.: Б о г у ч а р с к и й В.Я. Из истории политической борьбы в 70—80-х годах XIX в. М., 1912.

[88] См. комментарий 91.

[89] Речь идет, по-видимому, о донесении русского посла в Константинополе Нелидова от 8 (20) августа товарищу министра иностранных дел Влангали о помощи Англии турецким войскам в Египте, чтобы таким образом получить возможность прохода английского флота через Дарданеллы в Черное море, если афганский кризис получит свое дальнейшее развитие (АВПР, ф. Канцелярии Министерства иностранных дел, оп. 470, д. 20, т. 2, л. 218). Данных об известиях по этому поводу из Вены в материалах архива не обнаружено.

[90] Речь идет о колониальных захватах Германии в Африке. В апреле 1884 г. Германия провозгласила протекторат над Ангра-Пекена и прилегающим побережьем. В течение 1884—1885 гг. Германия овладела колониями Того, Камерун, в Восточной Африке и северо-восточной частью Новой Гвинеи (История дипломатии. Т. II, М., 1963. С. 185).

[91] Летом 1885 г. в Южной Болгарии (Восточной Румелии), не включенной в состав Болгарии по решению Берлинского конгресса, началось движение за воссоединение с Болгарским государством.

Руководство этим движением принадлежало Революционному комитету, руководящую роль в котором играли болгарские офицеры. 6 (18) сентября в результате восстания в Пловдиве — столице Восточной Румелии — произошел переворот и было провозглашено воссоединение южной и северной частей Болгарии. Этот акт был санкционирован болгарским князем Александром Баттенбергом. Александр III выступил против этого, рассматривая данный акт как нарушение условий Берлинского конгресса. Создание единой Болгарии, предполагавшееся Сан-Стефанским мирным договором, вызвало крайнее недовольство Австро-Венгрии. Это нашло свое выражение в давлении на проавстрийски настроенного сербского короля Милана.

2 (14) ноября 1885 г. сербские войска начали военные действия против Болгарии, мотивируя это тем, что создание единой Болгарии нарушает status quo на Балканах. Нападение Сербии вызвало большой патриотический подъем в Болгарии. В ноябре 1885 г. сербская армия была окончательно разгромлена, и военные действия были прекращены по ультимативному требованию Австро-Венгрии. 19 февраля 1886 г. в Бухаресте был заключен мир на основе признания status quo (История Болгарии. Т. I. М., 1954. С. 374—377).

[92] Помимо этих портретов, И.Н. Крамским был написан портрет дочери А.А. Половцова — кн. А.А. Оболенской.

[93] См. комментарий 91.

[94] См. комментарий 37 за 1886 г.

[95] По-видимому, это было вызвано интимными отношениями В. Шереметева с императрицей. См. их переписку: ЦГАОР, ф. Императрицы Марии Федоровны, д. 677, 3067.

[96] Материалы указанного совещания обнаружить не удалось. В фондах Комитета министров, Государственного совета (ЦГИА СССР) и личном фонде Александра III (ЦГАОР) они отсутствуют.

[97] По-видимому, идет речь о фресках XII в., обнаруженных архитектором А.В. Праховым в Кирилловской церкви в г. Киеве (Прахов А.В. Открытие фресок Киево-Кирилловской церкви XII века, исполненное в 1881 и 1882 гг. А.В. Праховым, действительным членом Русского археологического общества. СПб., 1883).

[98] Речь идет об эскизах В.М. Васнецова, производившего роспись Владимирского собора в Киеве.

[99] Очевидно, имеется в виду статья M. Edmond Scherer. Melchior Grimm I. Les débuts de Grimm à Leipzig et à Paris. — «Revue des deux mondes», v. 71, 15 octobre 1885, p. 752—789.

[100] Грот Я. Автобиографические сведения о Гримме и его письмах // Сб. РИО. Т. 44. СПб., 1885. С. I—XVII.

[101] 10 ноября 1885 г. в Комитете финансов рассматривалось представление министра финансов Н.Х. Бунге «Об окончании расчетов между Государственным казначейством и Государственным банком по кредитным билетам, выпущенным на сумму 400 млн. руб. в связи с войной 1877—1878 гг.» (см. комментарии 90 и 91 за 1884 г.). Министр финансов считал невозможным производить расчеты между Государственным казначейством и Государственным банком путем постепенного сокращения находившихся в обращении билетов, а предлагал закончить эти расчеты единовременно. С этой целью он полагал необходимым всю непогашенную сумму в 330 млн. руб. указанных кредитных билетов «причислить к выпуску, обеспечиваемому неприкосновенным разменным фондом», для чего необходимо было произвести ряд финансовых операций.

Комитет финансов постановил «продолжать производить расчеты между Государственным казначейством и Государственным банком по временному выпуску кредитных билетов передачею банку золотой ренты на 50 млн. кредитных рублей» (ЦГИА СССР, ф. Комитета финансов, оп. 2, д. 259, л. 35).

[102] Лишение болгарского князя Александра Баттенбергского русского мундира было связано с недовольством Александра III позицией князя в румелийском кризисе (см. комментарий 91).

[103] См.: ЦГИА СССР, ф. Департамента законов, 1885 г., д. 58.

[104] Указанное письмо в фонде Александра III (ЦГАОР, ф. 677) не сохранилось.

[105] Дума ордена Св. Георгия находилась в Петербурге и заседала в Георгиевском зале Зимнего дворца. В нее входили все наличные георгиевские кавалеры (число их не могло быть менее семи человек). Согласно статуту ордена дума рассматривала представление к награде этим орденом 3-й и 4-й степени офицеров за воинские заслуги.

Во время войны георгиевские думы создавались при Главной квартире, штабах фронтов и армий, причем число членов не могло быть менее трех человек (Свод законов Российской империи. Т. I. Ч. II. «Учреждение орденов и других знаков отличия»).

[106] См. закон «Об установлении временных правил по отчуждению частных имуществ под железные дороги» (ПСЗ. Собр. 2. Т. XLVII. № 50823).

[107] 18 ноября 1885 г. в соединенных Департаментах законов, гражданских и духовных дел рассматривалось представление управляющего Министерством внутренних дел Дурново от 5 октября 1885 г. о мерах обеспечения православных церквей, причтов и школ Прибалтийских губерний соответственными помещениями и об отводе земельных участков под православные кладбища. Представление содержало проект временных правил, касавшихся этого вопроса. Проект предполагал: 1) предоставить крестьянам право передавать находящиеся в их арендном пользовании участки земли со всеми строениями в субаренду православным учреждениям на срок их аренды без согласия владельца, т. е. помещика; 2) в случае невозможности приискать помещение для школ причта или «молитвенного собрания» церковным православным учреждениям предоставлялось право ходатайствовать перед губернатором для отчуждения в их пользование указанных помещений с соответствующей оплатой стоимости их согласно заключению оценочной комиссии; 3) для обеспечения же православных церквей и школ постоянными помещениями и для устройства кладбиц предоставить церковным учреждениям

право принудительного отчуждения земли до пяти десятин. Оценка стоимости этой земли определялась особой комиссией под председательством вице-губернатора.

При обсуждении этого вопроса в соединенных Департаментах были высказаны серьезные возражения, заключавшиеся в том, что представленный проект нарушает существующие законы. Соединенные Департаменты все же одобрили проект «временных правил», внеся в него некоторые изменения. В частности, они считали целесообразным рассматривать правила не как временные, а как постоянные.

27 января 1886 г. Общее собрание утвердило правила, внеся в них два существенных изменения. Во-первых, передача в субаренду церковным учреждениям земельных участков и построек должна была производиться только с согласия землевладельцев. Во-вторых, передача в субаренду строений могла производиться только в том случае, если крестьянин-арендатор выразит «полную готовность уступить оные для означенной государственной надобности».

10 февраля 1886 г. заключение Общего собрания Государственного совета было утверждено Александром III (ЦГИА СССР, ф. Департамента гражданских и духовных дел, 1885 г., д. 84; ПСЗ. Собр. 3. Т. VI. № 3506).

[108] См. комментарий 14.

[109] Г.П. Галаган еще в особой записке 31 октября 1884 г. выступил против представления Толстого от 18 января 1884 г. Не отрицая необходимости известных мер по ограничению семейных разделов, Галаган вместе с тем полагал, что меры, рекомендуемые Толстым, противоречат Положению 19 февраля 1861 г. (ЦГИА СССР, ф. Департамента законов, 1885 г., д. 100, л. 54; Законодательные материалы по вопросам, относящимся к устройству сельского состояния. Вып. I. СПб., 1899. С. 54).

[110] 18 января 1884 г. Толстой сделал представление в Государственный совет по вопросу о мерах по ограничению крестьянских разделов. Соединенные Департаменты, рассматривавшие это представление 24 ноября 1884 г., предложили министру внутренних дел дополнить его данными о числе семейных разделов, состоявшихся по каждой губернии за последнее пятилетие, с 1879-го по 1883 г.

Вторичное представление, обсуждавшееся в соединенных Департаментах 23 ноября 1885 г., было сделано Толстым 23 октября того же года. Соединенные Департаменты, внеся в проект ряд поправок, утвердили его. 3 марта 1886 г. Общее собрание одобрило решение соединенных Департаментов, внеся в него небольшие изменения. 18 марта оно было утверждено Александром III.

По принятому закону вопрос о семейных разделах рассматривался на сельских сходах при условии согласия старшего члена семьи. При отсутствии этого согласия вопрос о разделе рассматривался лишь тогда, когда поводом к этому являлись «расточительность или безнравственное поведение» главы дома. Для разрешения раздела требовалось согласие $^2/_3$ всех крестьян, имевших право участия на сходе (ЦГИА СССР, ф. Департамента законов, 1885 г., д. 100; Законодательные материалы по вопросам, относящимся к устройству сельского состояния. Вып. I; ПСЗ. Собр. 3. Т. VI. № 3578).

[111] Речь идет о бриллиантовых знаках к ордену Александра Невского.

[112] См. комментарий 152 за 1883 г.

[113] Речь идет о Томском университете, открытом в 1888 г.

[114] По-видимому, имеется в виду благотворительный базар.

[115] Испанский король Альфонс XII.

[116] Принц Фридрих-Вильгельм.

[117] Имеется в виду перемирие, заключенное 9 декабря 1885 г. между Болгарией и Сербией (История Болгарии. Т. I. М., 1954. С. 375—376).

[118] Вел. кн. Мария Павловна.

[119] Очевидно, речь идет о дневнике Н.И. Пирогова «Вопросы жизни. Дневник старого врача», в котором событиям 1 марта 1881 г. уделяется значительное место (П и р о г о в Н.И. Соч. Т. I. Киев, 1910. С. 258—365). Первоначально был издан в 1887 г.

[120] Вел. кн. Михаил Николаевич.

[121] См. комментарий 14.

1886 год

[1] Маркиз де Кампо-Саградо.

[2] Терно-Компан.

[3] См. комментарий 99 за 1885 г.

[4] Предложение Бисмарка об установлении сфер влияния не получило поддержки в Австро-Венгрии и было отклонено (С к а з к и н С.Д. Конец австро-русско-германского союза. Т. I. М., 1928. С. 354—355).

[5] Речь идет о восстании, начавшемся 2 сентября 1885 г. в Восточной Румелии (см. комментарий 91 за 1885 г.).

[6] 4 января в соединенных Департаментах рассматривалось представление министра народного просвещения об открытии сибирского университета в г. Томске. Вопрос о создании этого университета был положительно решен Александром II еще 18 мая 1878 г., однако университет не был организован.

Делянов предложил начать занятия в университете в 1886/87 учебном году на двух факультетах: историко-филологическом и юридическом. Он считал возможным в отличие от других университетов принимать в число студентов лиц, окончивших духовные семинарии по первому разряду, т. е. не имевших аттестата зрелости.

Соединенные Департаменты одобрили в целом представление Делянова, указав лишь, что в первую очередь необходимо открыть физико-математический и юридический факультеты. Вместе с тем говорилось, что министр может войти с особым ходатайством «по соображению с действительной потребностью и со средствами Государственного казначейства» об открытии медицинского и историко-филологического факультетов. По указанию Александра III этот вопрос был рассмотрен Особым совещанием, которое пришло к заключению о целесообразности открытия университета в составе только медицинского факультета, как наиболее необходимого. Открытие было намечено на 1888 г. 25 февраля 1887 г. царь утвердил зак-

лючение Особого совещания (ЦГИА СССР, ф. Департамента экономии, 1886 г., д. 47).

[7] См. комментарий 23.

[8] Граф Волькенштейн-Тростбург.

[9] Установить, о каких расчетах Вонлярлярского с Министерством путей сообщения идет речь, не удалось.

[10] Речь идет о награждении П. Убри бриллиантовыми знаками к ордену Александра Невского.

[11] 14 октября 1885 г. и 20 января 1886 г. в соединенных Департаментах законов и государственной экономии рассматривалось представление военного министра от 31 декабря 1883 г. об увеличении сроков обязательной военной службы для вольноопределяющихся 1-го и 2-го разряда, а также для лиц, имевших высшее и среднее образование (либо окончивших не менее 6 классов гимназии), поступавших в армию по жребию. Министр отмечал, что установленный для этой категории лиц срок обязательной военной службы от 3 до 6 месяцев недостаточен для подготовки к офицерскому званию. Вследствие этого бо́льшая часть лиц, имевших высшее и среднее образование, уходила в запас, не получив офицерского чина. Он предложил увеличить срок действительной службы для вольноопределяющихся до одного года и для поступавших по жребию — до двух лет.

В соединенных Департаментах и в Общем собрании Государственного совета 27 января представление было в целом утверждено с некоторыми поправками.

10 февраля 1886 г. Александр III утвердил решение Общего собрания. Для вольноопределяющихся, окончивших высшие, средние учебные заведения, а также 6 классов гимназии, срок действительной военной службы устанавливался вместо 3—6 месяцев один год. Для лиц этой категории, поступавших в армию по жребию, вместо 6 месяцев был установлен срок в полтора—два года. Эти меры привели к резкому увеличению прапорщиков запаса (ЦГИА СССР, ф. Департамента законов, 1886 г., д. 1; ПСЗ. Собр. 3. Т. VI. № 3508; Обзор деятельности Военного министерства в царствование императора Александра III. 1881—1894. СПб., 1903. С. 7, 19).

[12] Имеется в виду брошюра Н. Смирнова «Современное состояние наших финансов, причины упадка их и средства к улучшению нашего государственного хозяйства» (СПб., 1885). В ней автор критикует с реакционных позиций реформы Александра II, усматривая в них причину тяжелого финансового положения страны, и вместе с тем выступает против финансовой политики Бунге.

[13] См.: Б у н г е Н.Х. Замечания министра финансов на записку тайн. сов. Смирнова, озаглавленную «Современное состояние наших финансов, причины упадка их и средства к улучшению нашего государственного хозяйства». СПб., 1885. В этих «Замечаниях» Бунге, подробно цитируя Смирнова, излагает свои возражения по всем затронутым автором вопросам. Выступление против Бунге было инспирировано Победоносцевым.

[14] Бумаги и документы о жизни и деятельности герцога Ришелье были опубликованы в «Сб. РИО». Т. 54. СПб., 1886.

[15] 23 января в соединенных Департаментах рассматривалось положение о технических железнодорожных училищах и штатах учебного отдела училищ Министерства путей сообщения (ЦГИА СССР, ф. Департамента государственной экономии, 1886 г., д. 102). Представление министра путей сообщения было одобрено с некоторыми изменениями и дополнениями. Точка зрения товарища министра народного просвещения Волконского, по-видимому, нашла отражение в дополнении к ст. 70 проекта Положения об училищах. По этому дополнению объем преподавания общеобразовательных предметов в училищах должен был определяться министром путей сообщения по соглашению с министром народного просвещения.

[16] Николай I Петрович Негош.

[17] Эта записка в фонде Половцова не сохранилась. Копии указанной записки в фонде К.П. Победоносцева (Рукоп. отд. ГБЛ) также нет.

[18] Речь идет о статье «Из Томска», опубликованной за подписью «Я. Т. О.» в «Московских ведомостях» 25 января 1886 г. В этой статье подвергается критике направление газет: «Сибирской газеты», издававшейся в Томске, «Сибири» — в Иркутске, «Восточного обозрения», издававшейся с 1882-го по 1885 г. в Петербурге, а с 1886 г. — в Иркутске. «Тенденции их, — говорится в статье, — везде одни и те же: самобытное развитие страны, возможная независимость колонии от метрополии, которая-де безжалостно эксплуатирует богатый край... Оказалось, что под маской местного патриотизма прячутся наши старые знакомые нигилисты и социалисты. Прежние толки о местных интересах вскоре были брошены, и пошли разговоры о вреде капиталистического производства, которое именуется позорным, о необходимости капиталистам уступить предприятия своим рабочим, так как капитал создается трудом их; провозглашается свобода торговли и протестуют против протекционизма, который покровительствует *национальному* производству...»

[19] См. комментарий 107 за 1885 г. Мнение гр. Палена в журнале Общего собрания от 27 января 1886 г. отражения не получило.

[20] 28 января в Комитете министров рассматривалось представление министра финансов Бунге «Об изменении и дополнении устава Товарищества Нарвской суконной мануфактуры».

Бунге считал возможным удовлетворить ходатайство Товарищества об изменении § 45 действовавшего устава, согласно которому каждые пять паев давали один голос в общем собрании Товарищества, причем один пайщик не мог иметь более пяти голосов. Товарищество просило отменить это ограничение, так как число владельцев паев сократилось до пяти человек. Председатель Комитета министров Рейтерн считал целесообразным сохранить существующее ограничение «для предотвращения чрезмерного преобладания в общих собраниях мнений крупных акционеров» (ЦГИА СССР, ф. Комитета министров, д. 4515, л. 324—325).

Однако Комитет министров удовлетворил представление Бунге, имея в виду, «что в данном случае являются совершенно исключительные обстоятельства», заключающиеся в небольшом числе акционеров и принадлежности основной части акций наследнице учредителя Товарищества барона Штиглица, т. е. жене А.А. Половцова (ПСЗ. Собр. 3. Т. VI. № 3500).

[21] См.: Архив Воронцова. Кн. 32. СПб., 1886. В томе содержится переписка Михаила Ларионовича, Александра и Семена Романовичей Воронцовых за вторую половину XVIII и начало XIX в. (по 1821 г.).

[22] По-видимому, речь идет о записке Б.Н. Чичерина «Задачи нового царствования», написанной им в марте 1881 г., в которой говорилось о необходимости борьбы «с крамолой». В начале ее Чичерин пытается доказать, что рост революционного движения отнюдь не есть результат реакционного курса правительства, а является следствием той быстроты, с которой совершались преобразования 60—70-х годов.

Выступая против каких-либо реформ, как политических, так и экономических, Чичерин вместе с тем полагал, что одни репрессии недостаточны для нормализации положения в стране. Он предлагал «поднять здоровые элементы и обуздать те, которые дают пищу разрушительным силам». Привлечение «здоровых элементов» мыслилось Чичериным в виде включения в состав Государственного совета выборных от дворянства и земства.

Эта записка была размножена автором и распространена среди его друзей. Два экземпляра ее он направил 11 марта 1881 г. Победоносцеву, имея в виду, что один из них будет передан Александру III. Текст записки опубликован в кн.: К.П. Победоносцев и его корреспонденты. Т. I, полутом 1. М., 1923. С. 104—120; см. также: Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. Земство и московская дума. М., 1934. С. 120—132. Подробный разбор указанной записки см.: Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880 гг. М., 1964. С. 317—320.

[23] В течение января, февраля и марта 1885 г. в соединенных Департаментах рассматривалось представление военного министра Ванновского о преобразовании управления Туркестанского края. Проект предусматривал деление Средней Азии на области с оставлением Туркестана в ведении военного ведомства. В отношении «внутреннего быта» (правовые, семейные, имущественные отношения) министр предлагал руководствоваться местными обычаями, основанными на адате и шариате. По его мнению, все земли, занятые оседлым населением, следовало признать государственной собственностью, находящейся в наследственном пользовании.

Соединенные Департаменты приняли иное решение: «Все земли, находящиеся в постоянном и потомственном владении, пользовании и распоряжении туземного населения, утверждаются за ним на основаниях, установленных местными обычаями с соблюдением притом предписанных сим положением правил» (ЦГИА СССР, ф. Департамента законов, 1886 г., д. 37, ч. 2, л. 422). По вопросу о колонизации русских переселенцев соединенные Департаменты несколько изменили норму душевых участков, установив ее, независимо от качества земли, в 10 десятин.

26 мая 1886 г. Общее собрание одобрило решение соединенных Департаментов, а 12 июня оно было утверждено Александром III (там же, ч. 1—3; ПСЗ. Собр. 3. Т. VI. № 3814).

[24] Австрийский военный орден. Учрежден во время Семилетней войны в 1757 г. в ознаменование победы над прусскими войсками. Кавалером этого ордена был А.В. Суворов.

[25] См. комментарий 17 за 1885 г.; ПСЗ. Собр. 3. Т. VI. № 3633.

[26] 8, 15, 22, 26 и 28 февраля, 21 апреля и 5 мая 1886 г. в соединенных Департаментах рассматривался проект «Положения о найме на сельские работы и в служительские по сельскому хозяйству должности», представленный министрами внутренних дел и государственных имуществ в декабре 1885 г.

Вопрос о разработке этого Положения возник в связи со стремлением правительства обеспечить помещиков рабочей силой, так как после реформы «общая площадь посевов достигла небывалых прежде размеров» (ЦГИА СССР, ф. Департамента государственной экономии, 1886 г., д. 231, л. 101). Проект Положения предусматривал введение договоров между нанимателями и рабочими, уголовное преследование за самовольный уход с работы, за грубость, дерзость нанимателю или членам его семьи и т. д. При обсуждении проекта член Государственного совета Мансуров 1-й внес в него ряд дополнений, направленных на усиление прав помещиков. Однако эти дополнения были отвергнуты. По мнению Островского, предложения Мансурова были направлены на то, «чтобы всемерно оградить интересы одной стороны — нанимателей, предоставив им удерживать по собственному произволению паспорты своих рабочих, сделав для них безответственным сманивание ими рабочих чужих» (там же, л. 150). Соединенные Департаменты в целом одобрили представленный проект, внеся в него ряд частных изменений и дополнений. 26 мая 1886 г. журнал соединенных Департаментов был одобрен Общим собранием Государственного совета, а 12 июня утвержден Александром III.

Закон о найме сельскохозяйственных рабочих являлся одной из реакционных мер правительства (там же; ПСЗ. Собр. 3. Т. VI. № 3803).

[27] В газете «Гражданин» было опубликовано несколько статей, направленных против чиновничества, способствующего, по мнению автора, разорению России. В статьях не указаны конкретные лица. Вся эта критика давалась с ультрареакционных позиций (Гражданин. 1886. 9 января. № 3 и др.).

[28] Речь идет о Гессенском великом герцоге Людовике IV и его дочери Ирине-Луизе-Марии-Анне.

[29–30] В феврале 1886 г. премьер-министр Франции Фрейсине принял решение об отзыве из России посла — генерала Аппера, несмотря на то что последний пользовался особым расположением Александра III. Эта мера была предпринята в угоду французским радикалам, для которых имя Аппера было слишком одиозным, так как он председательствовал в суде, рассматривавшем дело парижских коммунаров. Фрейсине настоял на своем и не уступил Александру III, Моренгейм — русский посол во Франции — был также отозван. В течение семи месяцев в Париже и в Петербурге послы отсутствовали, а их функции выполняли поверенные в делах (Манфред А.З. Внешняя политика Франции 1871—1891 гг. М., 1952. С. 370—371).

[31] Речь идет, по-видимому, о статье «Московских ведомостей» от 9 февраля 1886 г., озаглавленной «Из Петербурга», в которой дается отрицательная характеристика законосовещательной деятельности Государственного совета и бюрократическим методам работы Государственной канцелярии.

В статье, в частности, говорится о «полной несостоятельности» питейных правил и критикуется проект закона о семейных разделах. Резюмируя все

сказанное, автор пишет: «Весьма затруднительно было бы припомнить какой-либо законопроект, который что-либо выиграл бы вследствие своего законодательного рассмотрения, напротив, весьма нетрудно привести очень многие, которые испорчены в этом фазисе».

[32] Каносса — замок в Итальянских Альпах, который является символом унижения в связи с известным эпизодом борьбы папства с императорской властью — покаянием в январе 1077 г. императора Генриха IV перед римским папой Григорием VII.

[33] Имеется в виду редакция «Московских ведомостей», находившаяся на Страстном бульваре.

[34] Указанное письмо сохранилось (Рукоп. отд. ГБЛ, ф. Победоносцева, д. 30). Оно датировано 13 февраля 1886 г. Опубликовано в кн.: К.П. Победоносцев и его корреспонденты. Т. I, *полутом 2.* М., 1923. С. 585—586.

[35] См. комментарий 23.

[36] Указанная записка в ЦГИА СССР (ф. Кодификационного отдела Государственного совета, оп. 1; ф. Канцелярии министра императорского двора, оп. 39—41) не обнаружена. См. комментарий 85.

[37] Сахарная промышленность России вследствие сокращения спроса и падения цен на внутреннем рынке находилась в состоянии тяжелого кризиса. Для оказания помощи сахарозаводчикам правительство стремилось увеличить экспорт сахара. С этой целью решением Комитета министров, утвержденным Александром III 12 июня 1885 г., была установлена премия за вывоз сахара за границу (1 руб. за каждый пуд). Однако к концу 1885 г., несмотря на эту меру, острота кризиса не уменьшилась, а еще более увеличилась в связи с хорошим урожаем сахарной свеклы. В особенно тяжелом положении оказалась сахарная промышленность на Правобережной Украине, в Черниговской, Харьковской и Курской губерниях, а также в Царстве Польском.

2 ноября 1885 г. Бунге сделал представление в Государственный совет, в котором предлагал продлить до 1 июля 1886 г. выдачу премий за вывезенный за границу сахар с условием возмещения сахарозаводчиками впоследствии, при уплате акциза за сахар, суммы выданной премии.

Комитет министров 5 ноября 1885 г. рассмотрел представление Бунге и в целом одобрил его, сократив несколько размер премии. Решение Комитета министров было утверждено императором 9 ноября (ЦГИА СССР, ф. Комитета министров, д. 4470, л. 21—33). 10 декабря того же года Комитет министров одобрил новое представление Бунге о выдаче сахарозаводчикам ссуд из Государственного банка под залог сахара в размере 60% стоимости сроком от 1 до 6 месяцев. 11 декабря решение было утверждено Александром III (там же, д. 4474, л. 358—366). По-видимому, эти решения являлись в какой-то степени результатом хлопот Бобринского.

Недовольство Бобринского действиями петербургских чиновников, упоминаемое Половцовым, вероятно, объяснялось задержкой представления Министерством финансов в Государственный совет материалов на сверхсметные ассигнования по уплате премий сахарозаводчикам. Это представление было внесено министром финансов в Государственный совет только в апреле 1886 г.

и было рассмотрено и утверждено в мае того же года (ЦГИА СССР, ф. Департамента государственной экономии, 1886 г., д. 206).

[38] Очевидно, речь идет о книге A. G a g n i e r e. La Reine Marie-Caroline de Naples. Paris, 1886.

[39] 17 февраля в Общем собрании Государственного совета рассматривался журнал Департамента экономии по следующим вопросам: 1) о кассовом отчете Министерства финансов по обороту сумм Государственного казначейства за 1884 г.; 2) об отчете Государственного контролера по исполнению государственной росписи за сметный период 1884 г. Общее собрание утвердило заключение Департамента экономии (ЦГИА СССР, ф. Департамента экономии, 1886 г., д. 69).

[40] Речь идет о манифесте 19 февраля 1861 г., текст его был составлен московским митрополитом Филаретом (Дроздовым) и лишь несколько сокращен в канцелярии Синода.

[41] Никаких сведений об указанной панихиде в фондах Департамента полиции Санкт-Петербургского охранного отделения (ЦГАОР), а также в фондах губернатора, градоначальника, попечителя учебного округа г. Санкт-Петербурга (ГИАЛО) обнаружить не удалось.

[42] См. комментарий 26.

[43] 23 февраля в заседании Комитета финансов обсуждалась записка Бунге о конверсии государственных займов, в которой предлагалось, воспользовавшись благоприятной обстановкой в Западной Европе (переполнение денежных рынков свободными капиталами, понижение учетного процента и т. д.), произвести конверсию 5-процентных бумаг, заменив их 4-процентными. Комитет финансов одобрил представление Бунге (ЦГИА СССР, ф. Комитета финансов, оп. 2, д. 261).

[44] 23 февраля в «Московских ведомостях» в статье «Из Петербурга» критикуется речь «одного из ученых финансистов», который доказывал, что причина тяжелого финансового положения — последствия Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. В газете «Гражданин» от 22 февраля в разделе «Дневник» за 19 февраля повествуется об одном «из передовых государственных деятелей», который «рядом блестящих парадоксов и звучных фраз, не подкрепленных, впрочем, никакими верными цифрами... поучал своих слушателей тому, что, дескать, нынешнее Министерство финансов потому стоит выше и вне всяких обвинений, что на его долю досталась расплата за войны прежнего времени». Фамилия А.А. Абазы в этих статьях не упоминается.

[45] См. комментарий 85.

[46] Анатематизация, т. е. предание анафеме, проклятию. Чин православия включал в себя молитвы о торжестве над еретиками и проклятие отлученным от церкви. Этот обряд совершался в первое воскресенье Великого поста.

[47–48] Указанное письмо Половцова в фонде Александра II не сохранилось. Государственный совет в соответствии с решением Комитета министров (см. комментарий 36 за 1885 г.) рассматривал вопрос об отчуждении Обуховского завода в казну (ЦГИА СССР, ф. Департамента гражданских и духовных дел, 1885 г., д. 54; см. настоящее издание, т. II, комментарий 33 за 1890 г.).

[49] Речь идет о реакционном правительстве Трошю, пришедшем к власти во Франции 4 сентября 1870 г. после свержения Наполеона III.

[50] По-видимому, имеется в виду созданное во Франции 15 мая 1848 г. правительство в составе Луи Блана, Ледрю-Роллена, Альбера, Распайля и др.

[51] 15 и 26 марта в соединенных Департаментах рассматривался проект «Правил об особых преимуществах гражданской службы в отдаленных местностях империи», составленный комиссией под председательством Е.А. Перетца.

Проект предусматривал возможность приема на гражданскую службу в западных губерниях, Царстве Польском, а также в отдаленных местностях Архангельской, Олонецкой, Вологодской, Вятской, Пермской, Уфимской, Оренбургской, Самарской, Астраханской, Ставропольской губерний, а также Кубанской и Терской областях лиц, не имевших права поступить на государственную службу по общим законам.

19 мая журнал соединенных Департаментов рассматривался Общим собранием. 13 июня 1886 г. заключение Общего собрания было утверждено императором (ЦГИА СССР, ф. Департамента законов, 1886 г., д. 31; ПСЗ. Собр. 3. Т. VI. № 3817).

[52] 17, 20, 27 марта, 2 и 5 апреля 1886 г. в соединенных Департаментах государственной экономии, законов, гражданских и духовных дел рассматривалось представление министра внутренних дел от 14 мая 1885 г. «По проекту правил о надзоре за заведениями фабричной промышленности и об отношениях хозяев к работающим у них людям», а также представление министра финансов «Об увеличении числа членов фабричной инспекции».

Обсуждение указанного проекта в Государственном совете явилось непосредственным результатом Морозовской стачки в начале 1885 г. и ряда других выступлений рабочих. При рассмотрении его в департаментах прямо указывалось на необходимость ликвидировать причины возникновения стачек путем урегулирования отношений между предпринимателями и рабочими, не допустить проникновения в среду рабочих «преступных учений, направленных к ниспровержению государственного и общественного строя» (ЦГИА СССР, ф. Департамента государственной экономии, 1886 г., д. 211, л. 98).

Департаменты согласились в основном с представленным проектом, внеся в него некоторые изменения. 19 мая журнал соединенных Департаментов был одобрен Общим собранием, а 3 июня 1886 г. утвержден императором. Законом регламентировались сроки выдачи заработной платы, запрещались выдача ее продуктами, вычеты за долги в фабричную лавку. Взимание штрафов регламентировалось, и взысканные суммы поступали в фонд, из которого выдавались пособия рабочим. Наказание рабочих за участие в стачке было усилено. Администрация фабрики подвергалась уголовному наказанию, если стачка была вызвана ее действиями. Надзор за фабричными заведениями первоначально распространялся на три губернии — Московскую, С.-Петербургскую и Владимирскую. Впоследствии он был расширен и с 1897 г. распространен на территорию всей Европейской России и Царства Польского. В губерниях создавалось губернское по фабричным

делам присутствие, состоявшее из губернской администрации под председательством губернатора (там же; ПСЗ. Собр. 3. Т. VI. № 3769; Шелымагин И.И. Фабрично-трудовое законодательство в России (2-я половина XIX в.). М., 1947. С. 88).

[53] Речь идет о представлении министра внутренних дел от 12 марта 1886 г. о преобразовании действующих в Прибалтийских губерниях полицейских учреждений «на началах, содержащихся в Общем учреждении уездной и городской полиции в империи». Таким образом, имелось в виду уничтожение существовавшего в Прибалтике института вотчинной полиции, представлявшего собой, по мнению министра внутренних дел, орудие угнетения местного крестьянства немецким дворянством.

Вопрос этот был рассмотрен Государственным советом лишь в 1888 г. Действительно, полицейская администрация избиралась местным дворянством из своей среды. Глава уездной полиции — гакенрихтер сосредоточивал в своих руках не только административно-полицейские функции, но и судебно-следственную и карательную власть. Губернская администрация не имела права увольнять гакенрихтера, это было прерогативой обер-ландгерихта, избиравшегося также дворянством. «Служба гакенрихтера, — писал в своем отчете за 1885 г. эстляндский губернатор, — есть повинность, которую обязаны отбывать поочередно все дворяне-помещики губернии. Гакенрихтер не пользуется от правительства ни денежным вознаграждением, ни служебными отличиями» (ЦГИА СССР, ф. Департамента общих дел Мин-ва внутр. дел., оп. 223, 1886 г., д. 94, л. 39). Таким образом, крестьянство находилось в полной бесконтрольной власти местного дворянства.

Реформа предусматривала ряд особенностей полицейской организации по сравнению с общероссийской. Так, во главе уездной полиции в Прибалтийских губерниях стоял не исправник, а уездный начальник, назначаемый правительством. Полиции впредь до введения мировых судов предоставлялись некоторые судебные функции по маловажным проступкам, она имела право в этих случаях налагать штраф до 15 руб. Волостная полиция оставалась на прежних основаниях. Сохранялась и вотчинная полиция, функции которой несколько уменьшались. Так, в § 3 закона говорилось о правах и обязанностях землевладельцев «по охранению порядка и безопасности в пределах принадлежащих им мызных земель», за исключением дел, «сопряженных с имущественными или другими интересами самого владельца мызной земли или членов его семейства». Эта реформа ослабляла вотчинную власть помещиков, а главное, значительно усиливала правительственное влияние в прибалтийских губерниях (ПСЗ. Собр. 3. Т. VIII. № 5308; ЦГИА СССР, ф. Департамента законов, 1888 г., д. 47).

[54] См. комментарий 150 за 1883 г. На заседании присутствовали в качестве экспертов губернаторы и губернские предводители дворянства Виленской, Витебской, Киевской, Могилевской губерний (ЦГИА СССР, ф. Департамента законов, 1886 г., д. 38).

[55] Половцов допускает какую-то неточность. В «Московских ведомостях» в течение марта 1886 г. подобной статьи не было.

[56] См. комментарий 14 за 1885 г.

[57] См.: Сб. РИО. Т. 54. СПб., 1886.

[58] 1 и 8 апреля в Комитете министров рассматривалось представление военного министра Ванновского о сооружении участка Закаспийской железной дороги от Чарджуя до Самарканда. Ванновский обосновывал необходимость немедленного строительства дороги военными, политическими и экономическими соображениями. «В политическом отношении, — писал он, — означенная линия упрочит наше влияние на Бухару, а возможность быстрого передвижения войск Туркестанского округа заставит Англию быть более умеренной в ее притязаниях» (ЦГИА СССР, ф. Комитета министров, д. 4521, л. 378). По мнению Ванновского, дорога необходима для усиления торговых связей со Средней Азией, она даст «возможность русским фабричным произведениям вполне овладеть нашим восточным рынком» (там же, л. 376).

Ванновского в Комитете энергично поддержал Абаза. «В настоящий момент, — заявил он, — быстро развивающиеся торговые отношения со Средней Азией и политическая важность этого края побуждают желать упрочения там русского могущества. Одним из наиболее действенных к тому средств представляется проектируемое ныне завершение Закаспийской дороги» (там же, л. 390—391). За исключением министра путей сообщения Посьета, предлагавшего сооружать дорогу более медленными темпами, ограничившись строительством до Амударьи, а продолжение ее «отложить до собрания более подробных по сему предмету сведений» (там же, л. 382), все остальные члены Комитета согласились с проектом военного министра. Споры Абазы с Победоносцевым отражения в журнале Комитета министров не нашли.

15 апреля заключение Комитета министров было утверждено царем.

[59] Речь идет о письме М.Г. Черняева от 27 марта 1886 г., опубликованном 31 марта в газете «Новое время» под заглавием «Академическая железная дорога». Указав, что, по его мнению, Закаспийская дорога не имеет ни экономического, ни стратегического значения, Черняев высказался против строительства ее даже до Амударьи.

[60] Священная дружина — конспиративная организация, возникшая в марте 1881 г. для борьбы с революционным движением. Она была организована группой аристократов: гр. И.И. Воронцовым-Дашковым, гр. П.П. Шуваловым, кн. А.П. Щербатовым и др. Одним из инициаторов ее создания был С.Ю. Витте. В деятельности дружины непосредственное участие принимал товарищ министра внутренних дел П.А. Черевин.

Дружина возглавлялась советом «первых старших членов». Помимо этого были образованы три комитета (центральный, исполнительный и организационный), руководившие отдельными отраслями ее деятельности. Организация ставила своей целью также и охрану императорской фамилии (этим непосредственно ведала специальная группа — «Добровольная охрана»). В борьбе с революционным движением широко использовались различные методы провокации и шантажа. В деле политического сыска дружина действовала крайне нелепо, что вызывало недовольство Департамента полиции. В нее входило более 700 человек.

В конце 1883 г. дружина была распущена (Священная дружина (Из дневника ее члена В.Н. Смельского) // Голос минувшего. 1916. Кн. 1—6; Общество «Священная дружина» (Отчетная записка за 1881—1882 гг.) // Красный архив. 1927. Т. 1 (20). С. 200—217; Ганелин Р.Ш. и Ананич Б.В. С.Ю. Витте, М.П. Драгоманов и «Вольное слово» // Сб.: Исследования по отечественному источниковедению. Труды Института истории Академии наук СССР. Ленингр. отд. Вып. 7. М.—Л., 1964. С.163—177).

[61] Речь идет, по-видимому, о письме К.П. Победоносцева Александру III от 23 ноября 1882 г. Письмо заканчивалось следующей фразой: «Время страшное, а враг не дремлет, а теперь, озираясь вокруг, я убеждаюсь больше и больше, что как бы ни была велика опасность Вашему величеству от злодеев-заговорщиков, еще серьезнее опасность от дружины...» (Письма К.П. Победоносцева к Александру III. Т. I. М., 1925. С. 392—396).

[62] См. комментарий 150 за 1883 г.

[63] Назначение министром финансов Вышнеградского, крупного русского ученого и вместе с тем биржевого дельца сомнительной репутации, произошло, как сообщает Феоктистов, по рекомендации редактора «Гражданина» кн. В.Н. Мещерского (Феоктистов Е.М. За кулисами политики и литературы 1848—1896 гг. Т. I. М.—Л., 1929. С. 245—247). К. Головин считает, что в назначении Вышнеградского играл роль и М.Н. Катков (Головин К. Мои воспоминания. Ч. 2. СПб., 1908. С. 124—126).

К.П. Победоносцев, по-видимому, тоже имел отношение к рекомендации Вышнеградского. Косвенным подтверждением этого служит письмо Н.А. Новосельского К.П. Победоносцеву от 23 декабря 1886 г. (К.П. Победоносцев и его корреспонденты. Т. I, полутом 2. С. 607).

[64] См. комментарий 26.

[65] По-видимому, имеются в виду записки шефа жандармов А.Х. Бенкендорфа, опубликованные в 1903 г. в «Историческом вестнике». Т. 91. С. 37—65, 447—469.

[66] См.: Из записок барона (впоследствии графа) М.А. Корфа // Русская старина. 1899. Май—декабрь; 1900. Январь—июль.

[67] См.: Сб. РИО. Т. 131. Ч. 1. СПб., 1910; Т. 132. Ч. 2. СПб., 1911.

[68] См.: Корф М.А. Материалы и черты к биографии императора Николая I и к истории его царствования. СПб., 1896.

[69] См. комментарий 78.

[70] 29 апреля в соединенном присутствии всех трех департаментов обсуждалось представление управляющего Министерством юстиции Манасеина о введении в Прибалтийских губерниях правил, утвержденных 28 мая 1880 г. (ПСЗ. Собр. 2. Т. LV. № 60996), «в части изменения и дополнения законов, касающихся судопроизводства и делопроизводства в судебных местах, а также прав и обязанностей лиц прокурорского надзора». Введение в действие этого раздела правил 28 мая 1880 г. задерживалось из-за отсутствия в Прибалтийских губерниях мирового суда.

Указывая, что суд в Прибалтийских губерниях находится в неудовлетворительном состоянии (независимость полиции от прокурорского надзора в вопросе производства дознаний, медлительность судопроизводства и т. д.), Манасеин настаивал на осуществлении в жизнь этого раздела правил вне зависимости от введения мирового суда. Соединенные Департаменты одоб-

рили представление. 14 мая оно было утверждено Общим собранием, а 3 июня Александром III (ЦГИА СССР, ф. Департамента гражданских и духовных дел, 1886 г., д. 42; ПСЗ. Собр. 3. Т. VI. № 3763).

[71] По-видимому, имеется в виду отношение командующего императорской Главной квартирой Рихтера А.А. Половцову о рассмотрении в Государственном совете просьбы Граббе об отмене решения Комитета министров.

Согласно этому решению строительство тоннеля должно было вестись на средства казны, а части обходной линии на средства Общества. Граббе просил, чтобы все работы по сооружению железнодорожной линии в районе Сурамского перевала были переданы Обществу, в противном случае он требовал выкупа дороги у Общества. Половцов же во «всеподданнейшем» докладе указывал, что по существующим законам пересмотр решения Комитета министров в Государственном совете невозможен. Александр III согласился с мнением Половцова (ЦГИА СССР, ф. Департамента экономии, 1886 г., д. 319).

Вопрос об ассигновании средств на сооружение тоннеля и обходной линии рассматривался в Государственном совете согласно решению Комитета министров 24 мая 1886 г.

[72] См. комментарий 18 за 1883 г.

[73] По-видимому, речь идет о хранившихся в Государственном совете материалах Комитета 6 декабря 1826 г. В настоящее время они составляют особый фонд (ЦГИА СССР, ф. 1167), в котором содержатся различные проекты государственных реформ первой трети XIX в. (записки М.М. Сперанского, В.П. Кочубея, Н.С. Мордвинова и др.). Часть материалов, относящихся к Комитету, опубликована в «Сб. РИО» (Т. 74. СПб., 1891; Т. 90. СПб., 1894). В фонде В.К. Плеве (ЦГАОР, ф. 586, д. 63) имеется доклад А.А. Половцова о деятельности Комитета 6 декабря 1826 г., составленный на основе этих материалов. На первом листе помета рукою Александра III: «Читал».

[74] Имеются в виду секретные совещания, происходившие в феврале—марте 1872 г., на которых оппозиция Милютину во главе с кн. А.И. Барятинским поставила вопрос об изменении всей системы военного управления и организации армии.

Представленные Барятинским, вел. кн. Михаилом Николаевичем и Николаем Николаевичем записки ставили вопрос о возвращении армии к дореформенным порядкам. Ознакомившись с проектами оппозиции, Милютин в заседании 10 марта поставил вопрос о том, что подобное преобразование он осуществить не в силах. Однако в тот же день вечером Александр II отыскал Милютина на приеме во дворце и пытался его успокоить. Таким образом, рассказ Абазы не совсем точен (Рукоп. отд. ГБЛ, ф. Д.А. Милютина, картон 16, д. 4, с. 238; З а й о н ч к о в с к и й П.А. Военные реформы 1860—1870 гг. в России. М., 1952. С. 293—303).

[75] Имеются в виду передовые статьи «Московских ведомостей» за 6 и 9 мая, направленные против Государственного совета. Катков в них пытался представить Государственный совет в виде своеобразного парламента, ставившего своей целью ограничение самодержавной власти.

«Правильно ли желать, — писал он, — чтобы в наш Государственный совет проникла игра в парламент, в большинство и меньшинство? Чтобы члены Государственного совета, призванные доверием монарха служить ему советом, променивали это свое высокое назначение на роль членов «партий», «групп» и «коалиций», подчиняющихся не разуму своему, а команде вожаков, чтобы министры вносили выработанные ими законопроекты не только на обсуждение Государственного совета, но и на соизволение большинства его членов, чтобы министр был озабочен не интересами вверенного ему дела, а составлением большинства в свою пользу и для этого жертвовал бы иной раз существенными сторонами проекта?» (Московские ведомости. 1886. 6 мая). По мнению Каткова, в составе Государственного совета есть даже партия, «мечтающая о превращении Государственного совета в парламент с той целью, чтобы по возможности ограничить власть верховного законодателя. Эта партия, избравшая своими орудиями всякого рода фальшь и интригу, очень смутилась нашим ясно и определенно высказанным мнением» (там же).

Указанное письмо Половцова в фонде Александра III (ЦГАОР, ф. 677) не сохранилось. Критика Катковым порядков в Государственном совете имела реакционный характер и исходила из его консервативных взглядов. По мнению Каткова, такой законосовещательный орган, каким был Государственный совет, представлял собой «ненужную говорильню». Как это явствует из письма Половцова Победоносцеву от 13 февраля, Катков получил за это «выговор покамест без внесения в послужной список» (Победоносцев и его корреспонденты. Т. I, полутом 2. С. 585). В письме от 25 февраля 1886 г. Е.М. Феоктистов по просьбе министра внутренних дел гр. Толстого сообщал Каткову о необходимости «избегать резких выражений» в статьях о Государственном совете (Рукоп. отд. ГБЛ, ф. Каткова, картон 12, д. 28).

[76] Празднества были связаны с посещением Москвы императорской семьей, возвращавшейся из Крыма. Речь московского городского головы, в которой выражалась надежда, что крест «воссияет на святой Софии», была напечатана (Русские ведомости. 1886. 14 мая).

[77] Речь идет о пожаловании П.А. Шувалову мундира л.-гв. Конного полка.

[78] 19 мая в Общем собрании слушался журнал Департамента экономии от 24 апреля того же года. На этом заседании обсуждались представления министра финансов: а) «Об установлении таможенной пошлины на суперфосфаты и возвышении оной на клей», б) «О пошлине на невыделанные кожи», в) «О пошлине на кирпич, черепицу и трубы дренажные и водопроводные», г) «Об изменении таможенных пошлин на соду, серную кислоту, квасцы и медный купорос» и журнал этого же департамента от 1 мая 1886 г. «Об увеличении ввозной пошлины на вино и спирт, привозимые из-за границы в Амурскую, Приморскую и Забайкальскую области Восточной Сибири».

При обсуждении журнала от 24 апреля подчеркивалось, что повышение пошлин проводится не в фискальных целях, а в интересах развития отечественной промышленности. Департамент одобрил представления Бунге, за исключением установления пошлины на суперфосфаты, полагая, что это не будет способствовать развитию в России этой отрасли производства и рас-

пространению химических удобрений. В силу этого департамент предложил обложить вывозной пошлиной русские фосфориты. Общее собрание одобрило заключение департамента, а 3 июня 1886 г. оно было утверждено императором (ЦГИА СССР, ф. Департамента экономии, 1886 г., д. 213; ПСЗ. Собр. 3. Т. VI. № 3758).

При рассмотрении журнала от 1 мая Общее собрание одобрило заключение департамента, полностью согласившегося с предложениями министра финансов. Департамент полагал, что увеличение таможенной пошлины на ввозимый спирт будет способствовать развитию местной винокуренной промышленности. 3 июня 1886 г. заключение Общего собрания было утверждено Александром III (там же, д. 215; ПСЗ. Собр. 3. Т. VI. № 3760).

Мнение Грейга в делах, журналах и мемориях Государственного совета не нашло отражения (там же, ф. Журналов департаментов Государственного совета, 1886 г., д. 355).

[79] Поводом для введения всесословной воинской повинности 1 января 1874 г. действительно явился молниеносный разгром Пруссией Франции в сентябре 1870 г. Это событие продемонстрировало преимущества прусской военной организации, основанной на накоплении обученного людского запаса в мирное время. Пруссия благодаря этому получила возможность буквально в течение нескольких дней мобилизовать свою армию и перейти к наступательным действиям. Член Государственного совета П.А. Валуев, бывший непосредственным свидетелем мобилизации прусской армии и последующих военных событий, передал через военного министра Д.А. Милютина записку Александру II «Мысли невоенного о наших военных силах», в которой он ставил вопрос о необходимости изменения существующей рекрутской повинности. «С одной стороны, безопасность России требует, — писал он, — чтобы ее военное устройство не отставало от уровня военных сил ее соседей. С другой — предстоит явная необходимость в бережливом производстве военных расходов. То и другое возможно в совокупности только при такой системе, которая допускала бы наивозможно меньшее наличие войск в мирное время при наивозможно большем наличии во время войны» (ЦГИА СССР, ф. П.А. Валуева, оп. 1, д. 28, л. 9—10). Записка, одобренная Александром II, послужила исходным моментом для подготовки закона о всесословной воинской повинности (З а й о н ч к о в с к и й П.А. Военные реформы 1860—1870 гг. в России. М., 1952. С. 257—261, 304—337).

[80] Воинская повинность на Кавказе была введена по представлению начальника Главного штаба Н.Н. Обручева. Этот вопрос рассматривался в соединенных Департаментах законов и государственной экономии 9 декабря 1885 г. и 8 мая 1886 г.

В Общем собрании 12 мая 1886 г. в проект Обручева был внесен ряд изменений (ЦГИА СССР, ф. Департамента законов, 1886 г., д. 29). 28 мая решение Государственного совета было утверждено императором.

По закону воинская повинность вводилась для всего населения Закавказья и нерусского населения Терской и Кубанской областей. Воинская повинность вводилась с призыва 1887 г., а для Артвинского, Сухумского и Батумского округов Кутаисской губернии, Карской области и Черноморского

отдела — с призыва 1889 г. Срок действительной службы устанавливался 3 года, а запаса — 12 лет. Для мусульман временно «впредь до особого распоряжения» вместо отбывания воинской повинности вводился особый денежный налог (ПСЗ. Собр. 3. Т. VI. № 3741).

[81] 26 мая в Общем собрании Государственного совета слушался журнал соединенных Департаментов от 8 мая по обсуждению представления министра финансов от 2 мая того же года по вопросу «О некоторых дополнениях и изменениях высочайше утвержденных 14 мая 1885 г. правил о раздробительной продаже напитков».

Министр финансов предлагал ограничить права уездных присутствий, в подчинении которых находилась местная питейная торговля. Это предложение было вызвано тем, что уездные присутствия широко пользовались правом «безапелляционного устранения от производства питейной торговли лиц, признаваемых неблагонадежными». В силу этого значительно сокращалось число заведений распивочной торговли, что приводило к уменьшению дохода от патентного сбора.

Представление министра финансов, одобренное соединенными Департаментами, было подтверждено Общим собранием и 12 июня утверждено Александром III (ЦГИА СССР, ф. Департамента экономии, 1886 г., д. 234; ПСЗ. Собр. 3. Т. VI. № 3806).

[82] См. комментарий 6.

[83] См. комментарий 73.

[84] Речь идет о предполагаемом рождении сына у вел. кн. Константина Константиновича, который должен приходиться правнуком Николаю I. По существовавшему учреждению об императорской фамилии 1797 г. все вел. князья награждались при рождении орденом Андрея Первозванного.

[85] Изменение закона об учреждении императорской фамилии 1797 г. было вызвано ростом императорского дома. По новому закону, утвержденному 2 июля 1886 г. (ПСЗ. Собр. 3. Т. VI. № 3851), вел. князьями считались «только внуки императора, от которого они происходили». Правнуки же именовались «князьями или княжнами крови императорской» и получали титул не «императорского высочества», а просто «высочества», праправнуки же — титул «светлости». Все вел. князья награждались при рождении (точнее, при крещении) орденами Андрея Первозванного, Александра Невского, Белого Орла и первыми степенями орденов Анны и Станислава. «Князья крови императорской» получали эти ордена только при совершеннолетии.

[86] По-видимому, имеется в виду картина Савицкого «На войну», изображающая отъезд на театр военных действий призванных запасных. Хранится в Русском музее в Ленинграде*.

[87] См.: Сб. РИО. Т. 55. СПб., 1886.

[88] По-видимому, идет речь о книге M o n g e z. Vie privée du cardinal Dubois premier ministre d'etat, archiveque de Cambray. Londre, 1789.

---

*Так именовался Санкт-Петербург в 1966 году, в момент выхода 1-го издания «Дневника».

[89] Речь идет об обсуждении в Комитете министров 16 и 23 сентября представления министра финансов «О мерах к улучшению настоящего положения в свеклосахарной промышленности» (ЦГИА СССР, ф. Комитета министров, д. 4539, л. 93—138). Представление Бунге было основано на предложениях биржевых комитетов и крупных сахарозаводчиков, а также записке Абазы. Меры, рекомендуемые в нем, в основном совпадали с предложениями Абазы. Министр финансов считал необходимым: 1) в течение 1886/87 г. установить регулирование сбыта сахара; 2) максимальное количество его, которое может быть реализовано на внутренних рынках, определить в 19 млн. пудов; сахар, поступающий сверх этого на рынок, должен облагаться акцизом в тройном размере — 2 руб. 35 коп. с пуда; 3) распространить эти меры не только на текущий 1886/87 г., но и на следующий 1887/88 г.

Комитет министров принял предложения Бунге. На 1886/87 г. максимальное количество сахара определялось в 17 млн. пудов, на следующий год — 20 млн. пудов. Указанное количество подлежало распределению между отдельными заводами в соответствии с их производительностью. Сахар, выпущенный сверх этого количества и реализуемый за границей, не только не подвергался дополнительному обложению, но и акциз подлежал возврату (там же, д. 4535, л. 125—182).

На этих заседаниях присутствовал Бобринский, дававший разъяснение о положении сахарной промышленности. Против мер, принятых Комитетом министров, выступил товарищ министра внутренних дел Плеве. Он считал ненужным вмешательство «в область частной предприимчивости», полагая, что регулирование сбыта сахара не вызывается «неотложной надобностью».

Александр III, рассматривая 29 сентября журнал Комитета министров, указал на необходимость повторного рассмотрения этого вопроса в присутствии всех министров (там же, д. 4535, л. 125).

28 октября состоялось повторное обсуждение этого вопроса в Комитете министров. 11 членов Комитета отстаивали прошлое решение с дополнением, внесенным Островским, касавшимся регулирования цен. 5 же членов (Толстой, Делянов, Победоносцов, Манасеин и Герард) полагали, что кризис сахарной промышленности является частью общего промышленного кризиса, а потому помощь одной из отраслей промышленности неправомерна. В связи с этим указанные лица возражали против ограничения производства сахара, обложения дополнительным акцизом, рассматривая эти меры как искусственно сковывающие промышленность, а также вызывающие дополнительное обложение потребителей. Меньшинство, таким образом, выступило против предыдущего решения Комитета министров. Александр III утвердил мнение меньшинства (там же, д. 4537, л. 194—289).

[90] Имеется в виду открытие памятника «Славы», воздвигнутого в Измайловском полку у Троицкого собора в честь участия гвардии в войне 1877—1878 гг. Памятник представлял собою чугунную 6-ярусную колонну, увенчанную фигурой, олицетворяющей «Славу», с прикрепленными к ней 104 трофейными турецкими пушками. В начале 30-х годов памятник был уничтожен.

[91] Речь идет о передовой статье «Московских ведомостей» от 17 октября 1886 г., в которой подвергается сомнению бескорыстность позиции А.А. Абазы в вопросе о премиях за вывоз сахара и нормировании объема сахарного производства.

[91a] Рассказ Влангали о посылке телеграммы князю Александру Баттенбергу относится к 18 или 19 августа. Возвратившись в Болгарию по приглашению С. Стамболова после своего свержения в результате переворота 9 августа, Баттенберг направил 17 августа Александру III телеграмму, в которой спрашивал его мнение о возможности возвращения на пост главы государства. Телеграмма эта заканчивалась фразой: «От России принял я корону и готов сложить в руки ее владетеля». Для подготовки ответа и созвано было, как говорит Половцов, совещание из перечисленных лиц. Ответ был отрицателен. «...Не могу одобрить Вашего возвращения в Болгарию», — писал Александр III. Это и решило судьбу Баттенберга (История Болгарии. Т. I. М., 1954. С. 399; см. также комментарий 99).

[92] По-видимому, слова Швейница относились к вопросу о выборе болгарского князя. Это означало утверждение либо русского, либо австро-английского влияния. После вторичного отречения Александра Баттенберга фактический глава правительства С. Стамболов всячески стремился ослабить влияние России. Н.В. Каульбарс, присланный Александром III со специальной миссией противодействовать политике С. Стамболова, успеха не имел (История Болгарии. Т. I. С. 399—401; см. также комментарий 99).

[93] 25 октября и 27 декабря 1886 г. в соединенных Департаментах обсуждался проект Положения о подъездных путях, представленный министром путей сообщения 5 марта 1886 г. Проект определял тип подъездных железнодорожных путей, подведомственных Министерству путей сообщения.

При обсуждении этого проекта департаменты отметили необходимость строительства подъездных путей в основном силами акционерных обществ и частных лиц. Наиболее оживленные прения происходили по следующим вопросам: 1) на какой тип подъездных путей должно распространиться обсуждаемое Положение; 2) в какой степени и в каких случаях можно допустить принудительное отчуждение имуществ, необходимых для строительства подъездных путей. При обсуждении второго вопроса отмечалось, что собственники земель крайне тормозят строительство этих путей. Однако департаменты сочли невозможным применять право экспроприации, и вопрос о принудительном отчуждении частного имущества решено было рассматривать каждый раз конкретно.

16 марта 1887 г. Общее собрание одобрило решение соединенных Департаментов, внеся некоторые изменения, а 14 апреля оно было утверждено императором. Мнение Вышнеградского в журнале соединенных Департаментов отражения не получило (ЦГИА СССР, ф. Департамента экономии, 1886 г., д. 635; ПСЗ. Собр. 3. Т. VII. № 4350).

[94] М.Н. Муравьев, занимавший пост председателя Особой следственной комиссии по делу Д.В. Каракозова, скоропостижно скончался 31 августа 1866 г.

[95] По-видимому, рассказ Шувалова относится к инциденту, происшедшему во время секретных совещаний 1872 г. (см. комментарий 74). Насколько верно его сообщение о письме офицера Загуляева, установить не удалось.

[96] См. комментарий 89.

[97] Речь идет о миссии генерала Н.В. Каульбарса в Болгарии. Не добившись восстановления русского влияния, Каульбарс воспользовался первым поводом — избиением одного из служащих русского консульства — и 5 ноября 1886 г. выехал из Болгарии со всеми дипломатическими представителями. Тем самым дипломатические отношения России с Болгарией были прерваны на 10 лет. По-видимому, имеется в виду получение Каульбарсом санкции на отъезд из Болгарии у Александра III (История Болгарии. Т. I. С. 400—401).

Возвратившись в Россию, Каульбарс совместно с Катковым пытался воздействовать на царя в смысле организации восстания в Болгарии (Дневник В.Н. Ламздорфа (1886—1890). М.—Л., 1926. С. 1—84).

[98] 1 ноября 1886 г. в соединенных Департаментах законов, гражданских и духовных дел рассматривалось представление министра юстиции Манасеина от 3 мая 1886 г. «Об изменении ст. 620—622 и 624 Устава уголовного судопроизводства». Сущность проекта заключалась в предложении ограничить публичность судебных заседаний, особенно по делам общеуголовного характера, связанным с государственными преступлениями. Помимо этого, Манасеин просил предоставить министру юстиции право «требовать закрытия дверей заседания по всякому делу, когда из дошедших до него сведений он усмотрит, что такая мера необходима в предупреждение возбуждения умов, нарушения общественного порядка или для ограждения достоинства государственной власти» (ЦГИА СССР, ф. Департамента гражданских и духовных дел, 1886 г., д. 113, л. 47). Манасеин считал, что председатель суда должен иметь право удалять из зала судебного заседания лиц, «присутствие которых может оказать вредное влияние на ход разбирательства».

Соединенные Департаменты одобрили в основном предложения Манасеина, внеся в них ряд редакционных изменений. По вопросу же о публичности судебных заседаний обнаружились разногласия. Несколько членов (Философов, Победоносцев, Мансуров, Плеве) считали необходимым значительно ограничить публичность заседаний, предоставив решение вопроса на усмотрение министра юстиции. По мнению же других членов (Стояновский, Любощинский, Перетц, Фриш и фон Дервиз), этот вопрос должен рассматриваться в каждом отдельном случае соединенным присутствием первого и кассационных департаментов Сената по представлению министра юстиции.

19 января 1887 г. журнал соединенных Департаментов рассматривался в Общем собрании, которое единогласно утвердило заключение департаментов, за исключением спорного вопроса. 20 членов настаивали на предоставлении министру юстиции права рассматривать дела при закрытых дверях. 31 член считал необходимым решать этот вопрос в Сенате с последующим утверждением императора. 12 февраля 1887 г. журнал Общего собрания был утвержден царем. По спорному вопросу Александр III согласился с мнением меньшинства (ПСЗ. Собр. 3. Т. VII. № 4227).

[99] Князь Александр Баттенберг был свергнут с болгарского престола в ночь с 8 на 9 августа 1886 г. Переворот был организован группой патриотически настроенных офицеров во главе с начальником Софийского военного училища майором Груевым, заместителем военного министра капитаном Бендеревым и офицером Военного министерства капитаном Радко Димитриевым. В результате переворота было образовано правительство, во главе которого был поставлен митрополит Климент. Правительство Александра III отнеслось одобрительно к перевороту. Через несколько дней ярым врагом России С. Стамболовым был осуществлен контрпереворот. Стамболов добился возвращения Баттенберга. Однако Александр III решительно выступил против сохранения власти в руках Баттенберга, и последний вынужден был 25 августа отречься от престола и покинуть Болгарию (История Болгарии. Т. I. С. 394—399).

[100] Имеются в виду наследный прусский принц Фридрих-Вильгельм-Николай-Карл и его супруга Виктория-Аделаида-Мария-Луиза, урожденная принцесса Великобританская и Ирландская.

[101] См. комментарий 89.

[102] По-видимому, имеется в виду дело по обвинению кн. Льва Кочубея в нанесении раны выстрелом из пистолета своему бывшему дворецкому — австрийскому подданному И. Зальцману. Причиной ссоры были денежные расчеты. Записка по этому поводу подписана обер-секретарем I департамента Сената А.А. Половцовым (ЦГИА СССР, ф. Министерства юстиции, оп. 60, д. 3705).

[103] Половцов неправильно указывает фамилию автора.

[104] Очевидно, речь идет об общем пересмотре узаконений об экспроприации, т. е. об отчуждении имуществ частных лиц для общественных и государственных надобностей. Отчасти этот вопрос рассматривался в Государственном совете в 1885-м — начале 1886 г. в связи с представлением министра внутренних дел (см. комментарий 107 за 1885 г.).

[105] 17 ноября и 1 декабря 1886 г. соединенные Департаменты рассматривали представление Бунге о слиянии Общества взаимного кредита с Дворянским банком и одобрили его, причем большинство членов (кроме Бунге и Философова) предложили снизить срочные платежи заемщиков Общества взаимного кредита с 8 до 7% в связи с низкими ценами на хлеб. 22 декабря Общее собрание согласилось с мнением большинства соединенных Департаментов (37 против 4), 12 января 1887 г. Александр III утвердил мнение большинства (ЦГИА СССР, ф. Департамента экономии, 1886 г., д. 565; ПСЗ. Собр. 3. Т. VII. № 4156).

[106] См. настоящее издание, т. II, комментарий 33 за 1887 г.

[107] Речь идет о внучке Половцова Е.А. Бобринской, прапрабабкой которой была Екатерина II. Родоначальник фамилии Бобринских, Алексей Григорьевич, был сыном Екатерины II и гр. Г.Г. Орлова.

[108] 28 мая 1886 г. в совещании, проходившем под председательством Александра III, было признано «полезным и необходимым» присоединить Ростовский уезд и Таганрогское градоначальство, входившие в состав Екатеринославской губернии, к области Войска Донского. При этом совещание признало, что осуществление этой меры должно быть решено в «законодательном порядке». Для подготовки данного вопроса была создана специальная комиссия под председательством тайного советника Косоговского, составившая

проект закона, построенного «на началах полного органического слияния названных местностей с Донской областью».

При обсуждении этого вопроса в соединенных Департаментах законов и государственной экономии 21 марта 1887 г. все члены (18), кроме Ванновского, поддержавшего проект, соглашаясь с тем, что из чересполосных частей Екатеринославской губернии должна быть образована одна территориальная единица, считали неверным распространить на эти районы казачьи военные порядки. Они предлагали выделить Ростовский уезд и Таганрог из Екатеринославской губернии в особую самостоятельную территориальную единицу, которая, «состоя в непосредственном управлении лица, действующего на правах градоначальника, подчинялась бы главному заведованию войскового наказного атамана с присвоением сему последнему прав и обязанностей генерал-губернатора по отношению сей местности» (ЦГИА СССР, ф. Департамента законов, 1887 г., д. 25, л. 209).

12 апреля Александр III утвердил мнение военного министра.

[109] Речь идет о записке адмирала И.А. Шестакова «О наших приобретениях в Восточном океане», написанной им после путешествия на Дальний Восток. В ней рассматривались различные вопросы, касающиеся этого района, определялось общее направление дальневосточной политики, характеризовалось стратегическое значение Владивостокского порта, рассматривались вопросы колонизации края и т. д. Литографированный экземпляр записки хранится в ЦГАВМФ, ф. Главного Морского штаба, оп. 1, д. 2652, л. 378—409.

Записка рассматривалась в Особом совещании 30 ноября 1886 г. под председательством вел. кн. Алексея Александровича (Журнал совещания см. там же, л. 451—466). Совещание пришло к заключению «остановиться окончательно на Владивостоке как пункте, обладающем наиболее благоприятными условиями для дальнейшего развития в нем военного порта». Кроме этого, ставились вопросы о колонизации края, изыскании месторождения каменного угля, организации крейсерства в Беринговом и Охотском морях, увеличении состава эскадры на Тихом океане.

Особое совещание отметило необходимость установления более тесных и дружественных сношений с Китаем и Японией. 14 декабря решение было утверждено Александром III.

[110] 4 декабря в Департаменте экономии рассматривался ряд представлений военного министра: «О включении в ежегодную смету Военного министерства издержек на устройство учебных сборов нижних чинов запаса» (ЦГИА СССР, ф. Департамента экономии, 1886 г., д. 564); «О доведении числа младших офицеров во всех пехотных полках до определенной штатом нормы» (там же, д. 571); «По поводу заключения государственного контролера об ассигновании по смете 1887 г. 417 тыс. руб. на строительные и механические работы в пороховых заводах» (там же, д. 346); «Об ассигновании по артиллерийской смете в течение четырех лет 235 499 руб. для пополнения боевого комплекта снарядов в полевых и местных артиллерийских парках» (там же, д. 561); «Об ассигновании средств на образование запаса линнемановских лопат», т. е. саперного инструмента (там же, д. 562); «О расходах на сформирование новых частей крепостной артилле-

рии» (там же, д. 563); «Об учреждении запасов полевой аптеки» (там же, д. 617); «Об перечислении из § 4, ст. 6 в § 3, ст. 2 сметы Главного интендантского управления 1886 г. сумм, необходимых на заготовление санитарных принадлежностей для военно-врачебных заведений» (там же, д. 579).

[111] На заседании рассматривались два представления министра финансов: 1) «Об упразднении с 1 января 1887 г. особого счета ликвидации прежних кредитных установлений» (ЦГИА СССР, ф. Комитета финансов, оп. 2, д. 264); 2) об окончании расчетов между Государственным казначейством и Государственным банком по кредитным билетам временного выпуска и усилении разменного фонда кредитных билетов (там же, д. 265). При обсуждении первого предложения Комитет финансов не нашел эту меру необходимой, имея в виду, что она вызовет изменения в балансах Государственного банка, публикуемых для всеобщего сведения. Это, в свою очередь, могло бы быть истолковано на иностранных биржах в нежелательном для России смысле. Поэтому Комитет финансов предложил Бунге возобновить это представление при наступлении «более благоприятных коммерческих обстоятельств». Половцов неточен.

Второе представление также было отклонено. Комитет финансов, признав целесообразность увеличения разменного фонда путем передачи в него свободного наличного золота, вместе с тем пришел к заключению, что «подобная передача золота в настоящее время при крайне затруднительном финансовом положении лишила бы правительство того ресурса, которым оно может воспользоваться при наступлении особенно неблагоприятных политических обстоятельств» (там же, д. 265, л. 28).

[112] 13 декабря в соединенных Департаментах рассматривалось представление обер-прокурора Синода о понижении брачного совершеннолетия для мужчин с 18 до $17^1/_2$, для женщин с 17 до $16^1/_2$ лет (в Закавказье для мужчин — 15 лет, для женщин — 13 лет).

Свое представление Победоносцев мотивировал огромным числом ежегодных ходатайств о понижении брачного возраста, поступающих от крестьян. Департамент вынес решение о необходимости согласовать данное предложение с Медицинским департаментом. 23 мая 1887 г. министр внутренних дел сообщил в Государственный совет заключение Медицинского департамента о невозможности понизить брачный возраст, так как это может оказать влияние на рост детской смертности (ЦГИА СССР, ф. Департамента законов, 1886 г., д. 82).

[113] Указанное письмо в фонде Александра III (ЦГАОР) не сохранилось.

[114] 22 декабря в Общем собрании Государственного совета рассматривался журнал соединенных Департаментов 10 ноября и 8 декабря 1886 г. «Об обложении акций железнодорожных обществ сбором с доходов от денежных капиталов». Вопрос об издании специального узаконения по этому вопросу был поставлен при обсуждении в Государственном совете общего закона о сборе с доходов от денежных капиталов (закон от 20 мая 1885 г.).

Общее собрание 22 декабря 1886 г. одобрило решение соединенных Департаментов, а 12 января 1887 г. оно было утверждено царем (ЦГИА СССР, ф. Департамента экономии, 1886 г., д. 566).

[115] См. комментарий 105.

[116] В фонде Департамента полиции (ЦГАОР, ф. 102) и фондах Александра III и Плеве (ЦГАОР, ф. 677 и 586) указанная записка не обнаружена.

[117] Речь идет о докладе И.А. Вышнеградского Александру III, определившем в значительной степени дальнейшую финансовую политику правительства. «Деятельность нашей финансовой администрации в ближайшем будущем, — писал Вышнеградский, — должна быть направлена главнейшим образом к устранению из нашего бюджета тяготеющего над ним дефицита» (ЦГАОР, ф. Александра III, д. 572, л. 1). Добиться этого можно, по его мнению, введением питейной и винной монополии и правильной организацией тарифов на железных дорогах, а не путем уменьшения расходов и увеличения прямых налогов.

Вышнеградский полагал, что «с помощью трех вышеизложенных мер можно бы было увеличить доходы государства на сумму до 120 млн. руб., а такое приращение доходов не только бы восстановило равновесие в бюджете, но и доставило некоторый избыток доходов над расходами» (там же, л. 5). Далее Вышнеградский подробно развивает мысль «о необходимости решительным образом вступить на путь покровительственной политики отечественной промышленности» (там же, л. 6).

Как видим, Половцов не совсем точен: вопрос о выкупе частных железных дорог в докладе не ставился.

Доклад Вышнеградского не опубликован и фактически не введен в научный оборот, за исключением краткой характеристики его в книге И.Ф. Гиндина «Государственный банк и экономическая политика царского правительства» (М., 1960. С. 32).

[118] Высший военный орден Дании.

[119] Речь идет об отставке канцлера казначейства Рандольфа Черчилля (отца Уинстона Черчилля), вышедшего из состава правительства Солсбери в связи с разногласием по ряду вопросов внешней политики, а также по поводу ассигнований на нужды Военного министерства.

[120] Издание материалов архива Государственного совета в связи со смертью главного редактора его, Калачова, приостановилось. Поэтому Александр III возложил дальнейшее издание и редактирование томов архива на члена Археографической комиссии Т.Ф. Штендемана.

СОДЕРЖАНИЕ